Е.П. Карнович

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ И ЗАГАДОЧНЫЕ ЛИЧНОСТИ

XVIII и XIX столетий

Е. П. Карнович

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ И ЗАГАДОЧНЫЕ ЛИЧНОСТИ

XVIII и XIX столетий

SMART

Ответственный редактор М. С. Глиика

Художиик Н. Н. Гульковский

Карнович Е. П.

Замечательиые и загадочиые личности XVIII и XIX столетий. С.-Петербург: издание А. С. Суворииа, 1884. Репрингиое воспроизведеиие.— Л.: совместиое советско-фииское предприятие «СМАРТ», 1990.— 520 с., ил.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ И ЗАГАДОЧНЫЯ ЛИЧНОСТИ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ

и

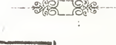
ЗАГАДОЧНЫЯ ЛИЧНОСТИ

XVIII и XIX СТОЛѢТІЙ

Е. П. КАРНОВИЧА

СЪ 13 ГРАВЮРАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1881

Рисунки дозволены цензурою. Спб., 12 октября 1883 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГРАВЮРЫ:

ГРАФЪ МОРИЦЪ САКСОНСКІЙ.

Съ современнаго гравированнаго портрета Вилля, 1745 г.

ГРАФЪ МОРИЦЪ САКСОНСКІЙ.

I.

Источники для біографіи Морица. — Его происхожденіе. — Его дѣтство, вступленіе въ службу.—Признаніе королемъ Августомъ II Морица своимъ сыномъ.—Его женитьба и разводъ.—Переходъ во французскую службу.—Желаніе получить герцогство Курляндское.—Положеніе Курляндіи и виды на нее Россіи, Польши и Пруссіи. — Кандидаты на герцогскую власть и исканіе руки герцогини Анны Ивановны.

Знаменитый французскій маршалъ де-Саксъ, или графъ Морицъ Саксонскій, оставилъ по себѣ слѣды въ исторіи Россіи прошлаго столѣтія. Имя его тѣсно связано съ политикою нашего двора въ отношеніи къ Курляндіи, въ то время еще подвластной Польшѣ. Кромѣ того, Морицу, какъ казалось, представлялась возможность сдѣлаться супругомъ или герцогини курляндской Анны Ивановны, или цесаревны Елисаветы Петровны, и если бы тотъ или другой бракъ состоялся, то, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Россіи, потомство Морица могло бы даже явиться на русскомъ императорскомъ престолѣ.

О Морицѣ Саксонскомъ не мало писали и во Франціи и въ Германіи; но наиболѣе замѣчательнымъ о немъ сочиненіемъ должно признать, изданную въ 1863 году г. Веберомъ, директоромъ дрезденксаго королевскаго архива, книгу, подъ заглавіемъ «Moritz graf von Sachsen», такъ какъ она составлена на основаніи бумагъ, хранящихся въ упомянутомъ ар-

хивѣ. Книгою г. Вебера воспользовался французскій писатель Талльянде, издавшій въ 1865 году, въ Парижѣ, подробную біографію Морица, подъ заглавіемъ «Maurice de Saxe»; въ эту біографію вошло также не мало извѣстій, заимствованныхъ изъ французскихъ источниковъ. На русскомъ языкѣ о Морицѣ Саксонскомъ имѣется напечатанная въ 1860 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статья г. Щебальскаго: «Князь Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій». Статья эта не доводитъ, однако, до конца отношенія Морица къ русскому двору и кромѣ того при составленіи ея не имѣлись въ виду документы дрезденскаго архива, почему въ ней или умалчивается о нѣкоторыхъ фактахъ, заслуживающихъ вниманія или, наоборотъ, приводятся такіе, которые, послѣ изслѣдованій г. Вебера, должно признать только вымысломъ со стороны біографовъ Морица. Наконецъ, въ «Исторіи Россіи» профессора С. М. Соловьева встрѣчаются о Морицѣ свѣдѣнія на столько подробныя, на сколько это было возможно въ общемъ историческомъ, а не въ монографическомъ только трудѣ.

Такъ какъ вся жизнь графа Морица Саксонскаго обусловливалась главнымъ образомъ особенностію его происхожденія, то разсказъ о немъ лучше всего начать съ того, что въ іюлѣ 1694 года во дворцѣ курфирста ганноверскаго, бывшаго потомъ королемъ англійскимъ подъ именемъ Георга I, погибъ отъ руки неизвѣстнаго убійцы молодой шведскій графъ Кенигсмаркъ. По разсказу Талльянде, сестра убитаго графа, Аврора Кенигсмаркъ, отправилась въ Германію требовать отчета объ этомъ убійствѣ отъ курфирста, котораго подозрѣвали въ погибели молодаго графа, какъ счастливаго любимца курфирстины. По другимъ разсказамъ, Аврору Кенигсмаркъ, съ двумя ея сестрами, изъ которыхъ одна была замужемъ за Левенгауптомъ, а другая за Стенбокомъ, привела изъ Швеціи въ Германію не жажда мести за смерть брата, но желаніе получить оставшееся послѣ него наслѣдство. Графъ Кенигсмаркъ отдалъ для оборотовъ значительныя суммы гамбургскимъ купцамъ Ластропамъ и имъ-же ввѣрилъ на сохраненіе свои драгоцѣнности, а такъ какъ послѣ его смерти никакихъ доказательствъ на счетъ этой отдачи не осталось, то Ластропы, возвративъ наслѣдникамъ графа только брилліанты,

не хотѣли отдавать имъ деньги. Сестры покойнаго Кенигсмарка, желая понудить Ластроповъ къ удовлетворенію ихъ претензій, обратились къ заступничеству курфирста саксонскаго Фридриха-Августа, который былъ извѣстенъ и своимъ великодушіемъ и чрезвычайною готовностью покровительствовать хорошенькимъ женщинамъ. Покровительство курфирста кончилось, однако, тѣмъ, что онъ страстно влюбился въ Аврору Кенигсмаркъ, а она, 28 октября 1696 года, сдѣлалась отъ него матерью младенца, названнаго Морицомъ въ память перваго любовнаго свиданія курфирста Фридриха - Августа съ Авророю въ зàмкѣ Морицбургѣ.

Изъ мѣста своего рожденія, стариннаго саксонскаго города Гослара, Морицъ былъ отвезенъ сперва въ Гамбургъ, а потомъ въ Берлинъ. Когда же въ 1697 году, отецъ его былъ избранъ въ короли польскіе, подъ именемъ Августа II, то Морицъ былъ доставленъ въ Варшаву. Вскорѣ, для короля-курфирста, вслѣдствіе вторженія въ Польшу и въ Саксонію Карла XII, началась кочевая жизнь. Августъ II, преслѣдуемый своимъ неутомимымъ врагомъ, перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. Въ то же время странствовалъ и маленькій Морицъ, побывавшій въ это время и въ Лейпцигѣ и въ Бреславлѣ и въ Голландіи. Въ 1709 году, Морицъ вступилъ уже въ военную службу и находился при осадѣ Турне и Монса, а также и въ знаменитомъ сраженіи при Мальпляке. Впослѣдствіи, когда Морицъ пріобрѣлъ себѣ громкую военную славу, не только говорили, но и писали объ оказанныхъ имъ еще въ дѣтствѣ примѣрахъ геройской храбрости, но теперь, послѣ архивныхъ изысканій г. Вебера, всѣ подобные разсказы приходится признать не болѣе какъ вымысломъ со стороны слишкомъ усердныхъ хвалителей Морица. 10 мая 1711 года, король призналъ Морица своимъ сыномъ, давъ ему титулъ графа саксонскаго и назначивъ ему 10,000 талеровъ ежегоднаго содержанія. Затѣмъ, въ 1712 году, Морицъ получилъ въ командованіе саксонскій кирасирскій полкъ, а въ 1714 году отецъ женилъ его на самой богатой невѣстѣ, бывшей въ то время въ Саксоніи, дѣвицѣ Викторіи фонъ-Лебенъ. Вскорѣ, однако, для Морица наступили тяжелые дни: проживъ почти все состояніе своей жены, Морицъ испытывалъ затруднительное безденежье и, въ добавокъ къ этому,

между нимъ и его женою начались семейные раздоры, въ которыхъ, какъ надобно полагать, виноваты были обѣ стороны. Раздоры эти въ 1721 году кончились формальнымъ разводомъ неужившихся между собою супруговъ, причемъ Морицу, безотговорно принявшему на себя всю вину, было запрещено, какъ нарушителю супружеской вѣрности, вступать во второй бракъ. Жена же его, получивъ на это позволеніе, вышла вскорѣ замужъ за саксонскаго дворянина фонъ-Рункеля, и умерла въ 1747 году, пользуясь семейнымъ счастіемъ. Съ своей же стороны Морицъ хранилъ полное молчаніе о своемъ прежнемъ неудачномъ бракѣ, выдавая себя въ иныхъ случаяхъ за холостаго, и даже явился въ качествѣ жениха такихъ видныхъ невѣстъ, какими были въ то время герцогиня курляндская Анна Ивановна и двоюродная ея сестра цесаревна Елисавета Петровна.

Еще передъ расторженіемъ брака Морицъ поѣхалъ въ Парижъ, и, согласно съ желаніемъ отца, предложилъ свою шпагу къ услугамъ Франціи. Пока шли по этому дѣлу переговоры, Морицъ весело проводилъ время, велъ громадную карточную игру и безъ устали волочился за парижанками. Переходъ Морица во французскую службу состоялся 9 августа 1720 года, онъ былъ принятъ въ нее съ чиномъ бригадира (marechal de camp), и съ 10,000 ливровъ ежегоднаго жалованья; тогда Морицъ усердно занялся изученіемъ военнаго искусства въ теоріи, а также и практическимъ обученіемъ своего полка. Казалось, жизнь Морица установилась окончательно, а между тѣмъ теперь-то именно и начинаются его приключенія.

Послѣ поѣздки изъ Парижа въ Лондонъ—поѣздки весьма продолжительной — Морицъ явился неожиданно къ отцу своему въ Варшаву съ тѣмъ, чтобы хлопотать о полученіи герцогства курляндскаго. Слѣдующія обстоятельства дали ему къ тому поводъ.

Въ 1569 году, Курляндія, по паденіи ордена меченосцевъ, признала надъ собою верховное господство Польши, сохранивъ, однако, внутренюю самостоятельность подъ непосредственною властію потомковъ послѣдняго гермейстера Готтардта Кеттлера, принявшаго титулъ герцога курляндскаго и семигальскаго. Изъ рода Кеттлеровъ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, оставался единственный бездѣтный

представитель, герцогъ Фердинандъ, правившій Курляндіею въ качествѣ администратора и жившій постоянно не въ Митавѣ, а въ Данцигѣ. Въ ожиданіи его близкой смерти, сосѣднія съ Курляндіею державы старались о томъ, чтобы въ Курляндіи установился порядокъ, соотвѣтствующій ихъ собственнымъ видамъ. Поляки, основываясь на актѣ соединенія Курляндіи съ Польшей, предполагали, по пресѣченіи рода Кеттлеровъ, въ лицѣ герцога Фердинанда, включить Курляндію въ составъ коронныхъ областей Рѣчи Посполитой, раздѣливъ герцогство на воеводства. Этою мѣрою былъ-бы положенъ конецъ существованію Курляндіи въ видѣ особаго герцогства, вассальнаго по отношенію къ Польшѣ. Россія-же и Пруссія намѣревались воспротивиться замысламъ поляковъ и каждая изъ этихъ державъ имѣла своего кандидата, причемъ право его на герцогскую корону обусловливалось со стороны Россіи, по соглашенію съ Пруссіею, вступленіемъ вновь избраннаго герцога въ бракъ со вдовствующею герцогинею курляндскою Анною Ивановною. Король польскій Августъ II, хотя, повидимому, и былъ намѣренъ поступить сообразно съ желаніемъ поляковъ, но въ душѣ не былъ расположенъ къ этому и намѣревался дать Курляндіи родоначальника новой герцогской фамиліи. Собственно въ тогдашней политической системѣ сѣверныхъ кабинетовъ важенъ былъ не тотъ вопросъ: останется или нѣтъ Курляндія при прежнихъ своихъ правахъ? Незначительность курляндской территоріи отодвигала подобный вопросъ на задній планъ, но зато, взамѣнъ его, являлись другія соображенія. Еще во время царя Алексѣя Михайловича, Россія, не желая ничѣмъ усиливать Польшу, признавала вмѣстѣ съ Пруссіею нейтралитетъ княжества курляндскаго, а Петръ Великій понялъ очень хорошо, что полусамостоятельная Курляндія можетъ служить хорошею точкою опоры для Россіи не только въ дѣлахъ ея съ Польшею, но и въ видахъ усиленія Россіи на балтійскомъ прибрежьѣ. Съ этою цѣлью онъ устроилъ супружество своей племянницы Анны съ герцогомъ курляндскимъ Вильгельмомъ, а договоромъ о производствѣ содержанія герцогинѣ, на случай ея вдовства, съумѣлъ наладить дѣло такъ, что петербургскому двору сталъ представляться постоянный поводъ къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Курляндіи. Важное зна-

ченіе Курляндіи по отношенію къ дѣламъ Польши было сознано и въ Берлинѣ. Между тѣмъ, по пресѣченіи дома Кеттлеровъ, въ Курляндіи, легко могъ явиться герцогъ изъ какого-нибудь владѣтельнаго дома съ обширными и сильными родственными связями. Такой герцогъ находилъ-бы для себя извнѣ поддержку и, какъ вассалъ Польши, старался-бы доставлять ей выгодные союзы, что прямо противорѣчило-бы тогдашней политикѣ и Россіи и Пруссіи.

Со времени Петра Великаго, Россія шла рѣшительнымъ шагомъ къ упроченію своего вліянія въ Курляндіи. Съ своей стороны и король Августъ II, еще въ 1711 году, подумывалъ о томъ, какъ-бы доставить ее Морицу; но такъ какъ около этой поры подготовлялась кандидатура въ герцоги курляндскіе князя Меншикова, то король, не желая ничѣмъ нарушать добрыхъ отношеній къ своему вѣрному союзнику, Петру Великому, воздержался на время отъ исполненія своего намѣренія. Позднѣе, въ декабрѣ 1714 года, царь и король пришли къ инымъ соображеніямъ относительно будущности курляндскаго герцогства. Изъ бумагъ, хранящихся въ дрезденскомъ архивѣ, видно, что Петръ условился съ Августомъ II о томъ, чтобы выдать герцогиню Анну Ивановну во второй разъ замужъ за принца Саксенъ-Вейссенфельдскаго, передавъ ему при этомъ право на Курляндію. Что-же касается здравствовавшаго еще тогда и правившаго Курляндіею герцога Фердинанда, то его надѣялись легко устранить при помощи недовольной имъ партіи, образовавшейся въ средѣ курляндскаго дворянства. Если-бы, однако, планъ этотъ не удалось привести въ исполненіе, то договаривавшіяся между собою стороны полагали склонить герцога Фердинанда къ добровольному отреченію отъ власти, съ вознагражденіемъ за это значительнымъ денежнымъ пенсіономъ.

О предположенномъ бракѣ герцогини имѣются свѣдѣнія и въ «Полномъ Собраніи Законовъ», гдѣ помѣщенъ относящійся къ этому договоръ, заключенный 1717 года $^{12}/_{25}$ декабря въ Петербургѣ между Петромъ Великимъ и Августомъ II. Въ договорѣ этомъ говорится, что «изъ различныхъ причинъ къ вящшему утвержденію между ними сущаго добраго согласія супружество между герцогомъ Вейссенфельдскимъ и герцогинею Курляндскою исходатайствовать за благо изо-

брѣли». При этомъ Петръ обѣщалъ, что «по учиненному уже съ курляндскими чинами договору они чрезъ депутацію будутъ просить, чтобъ Фердинанда объявить лишеннымъ лена для довольно объявленныхъ обидъ» и отдать Курляндію герцогу Вейссенфельдскому, а король предуготовить къ этому Рѣчь Посполитую. Уступки эти будутъ замѣнять приданое. Еслибы герцога нельзя было удалить такимъ способомъ, то предложить ему пенсію. Обѣ стороны обязались договоръ этотъ содержать до времени въ тайнѣ.

Вскорѣ, принцъ Саксенъ-Вейссенфельдскій,—неизвѣстно, впрочемъ, почему именно,—потерялъ расположеніе своихъ покровителей и былъ оставленъ ими. Отступленіе Петра отъ избраннаго имъ кандидата объясняютъ, впрочемъ, тѣмъ, что Петръ понялъ, какъ невыгодно будетъ для Россіи усилить въ предѣлахъ Польши саксонскій домъ, къ которому принадлежали и король польскій, и будущій герцогъ курляндскій. Допустить, однако, это предположеніе слишкомъ неосновательно, потому что подобное неудобство Петръ могъ предусмотрѣть съ перваго-же разу и, слѣдовательно, не сталъ-бы вовсе поддерживать кандидатуру принца Саксенъ-Вейссенфельдскаго. Какъ-бы то, впрочемъ, ни было, но, по отстраненіи принца, король прусскій предложилъ замѣнить его Фридрихомъ-Вильгельмомъ, маркграфомъ Брауншвейгъ-Шветскимъ, на что Петръ I изъявилъ свое согласіе, и въ такомъ смыслѣ былъ, $^{5}/_{16}$ мая 1718 года, подписанъ договоръ двумя уполномоченными—со стороны Россіи канцлеромъ графомъ Головкинымъ и со стороны Пруссіи—барономъ Мардефельдомъ, прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ. Упомянутый договоръ гласилъ, между прочимъ: «Понеже его королевскаго величества наивящшее попеченіе склоняется, дабы постановленную тѣсную дружбу и обязательство не только въ состояніи содержать, но и чрезъ удобо-вымышленные способы возобновить и утвердить могъ, того ради предложить и домогаться велѣлъ о супружествѣ племянника съ герцогинею Анною». При этомъ надобно было, однако, отдѣлаться отъ договора, заключеннаго менѣе пяти мѣсяцевъ тому назадъ съ королемъ польскимъ, и потому въ русско-прусской конвенціи поставляется на видъ, что условія брака съ герцогомъ Вейссенфельдскимъ съ трудомъ исполнены быть могутъ, что упомянутый трактатъ въ

назначенный срокъ не ратификованъ и со стороны короля Августа «для противныхъ требованій и другихъ выдумокъ отсроченъ». Далѣе упоминается о претензіяхъ королевскаго прусскаго дома на Курляндію и договоръ заключается заявленіемъ о стараніи обѣихъ сторонъ, чтобы маркграфъ шветскій «былъ утвержденъ на основаніи предковъ его владѣющихъ герцоговъ курляндскихъ». Но ходъ политическихъ событій разрушилъ и это предположеніе.

Между тѣмъ пріискиваніе кандидатовъ на открывшуюся въ Курляндіи герцогскую вакансію произвело своего рода волненіе среди множества тогдашнихъ нѣмецкихъ князей, имѣвшихъ самыя ничтожныя владѣнія, или даже вовсе не имѣвшихъ ихъ. Разные герцоги, принцы, маркграфы и ландграфы, стали мечтать о томъ, какъ-бы имъ попасть въ владѣтельные герцоги курляндскіе, вслѣдствіе чего явилось много искателей руки Анны Ивановны. Число такихъ искателей увеличилось еще и саксонскимъ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Флемингомъ, могущественнымъ министромъ Августа II. Онъ, въ 1715 году, развелся съ своею женою и теперь, какъ человѣкъ свободный отъ брачныхъ узъ, намѣревался сдѣлаться супругомъ Анны Ивановны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и герцогомъ курляндскимъ.

Около этого времени женихами Анны Ивановны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и претендентами на курляндскую корону, кромѣ графа Флеминга, считались: принцъ прусскій Карлъ, принцъ виртембергскій Карлъ-Александръ, ландграфъ гессенъ-гомбургскій, котораго и самъ Петръ I прочилъ въ мужья своей племянницѣ и принцъ ангальтъ-цербтскій. Всѣ эти лица сами по себѣ выдавались не слишкомъ замѣтно; они дѣйствовали въ свою пользу вяло, а смѣло выступилъ впередъ одинъ только графъ Морицъ Саксонскій, рѣшившійся добыть для себя если не невѣсту, то во всякомъ случаѣ герцогство курляндское.

II.

Содѣйствіе, оказываемое въ Петербургѣ Морицу саксонскимъ посланникомъ Лефортомъ — Желаніе курляндскихъ дворянъ избрать герцогомъ Морица. — Двуличная политика Августа II. — Прибытіе Морица въ Митаву. — Противодѣйствіе ему со стороны Россіи. — Кандидатура князя Меншикова. — Его распоряженія въ Курляндіи. – Князь В. А. Долгоруковъ въ Митавѣ.

Главнымъ и неутомимымъ радѣтелемъ интересовъ Морица явился Лефортъ, бывшій въ то время саксонскимъ посланникомъ въ Петербургѣ. Зная, что герцогиня Анна Ивановна не можетъ полюбиться Морицу, избалованному женщинами. Лефортъ придумалъ иную комбинацію и сообщилъ въ Дрезденъ, что Курляндію можно взять въ приданое за другою несравненно болѣе привлекательною невѣстою, нежели вдовствующая герцогиня, бывшая нѣсколькими годами старше Морица, а именно — за цесаревной Елисаветой Петровной, дѣлавшеюся въ ту пору замѣчательною красавицею. Такое предложеніе пришлось Морицу по вкусу и онъ съ своей стороны сдѣлалъ русскому послу въ Варшавѣ князю Василію Лукичу Долгорукову запросъ: не будетъ ли противъ воли императрицы, если онъ, Морицъ, займетъ курляндскій престолъ? Провѣдавшій объ этомъ запросѣ коронный подканцлеръ князь Чарторижскій поспѣшилъ заявить князю Долгорукову, что Морицъ напрасно подумываетъ о герцогствѣ курляндскомъ, такъ какъ на герцогство это Рѣчь Посполитая имѣетъ свои особые виды. При этомъ Чарторижскій спрашивалъ Долгорукова: въ какой мѣрѣ справедливы слухи на счетъ того, будто бы осуществленію намѣреній Морица будетъ содѣйствовать русская императрица? Въ ту пору взаимныя отношенія Россіи къ Польшѣ считались однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ нашей внѣшней политики и Долгоруковъ, избѣгая всякихъ поводовъ къ нарушенію обоюднаго согласія, отвѣчалъ Чарторижскому, что императрица не только не намѣрена поддерживать Морица, но даже не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ его затѣяхъ, а между тѣмъ обо всемъ этомъ онъ сообщилъ немедленно въ Петербургъ, прося указанія, какъ слѣдуетъ ему поступить въ настоящемъ случаѣ.

Въ Петербургѣ Лефортъ продолжалъ дѣйствовать тайкомъ въ пользу графа Саксонскаго. Хотя онъ, чтобы усилить желаніе Морица—овладѣть Курляндіею, и сообщилъ въ Дрезденъ о возможности брака Морица съ Елисаветой Петровной, но тѣмъ не менѣе Лефортъ хотѣлъ придерживаться постепенности и потому, прежде всего, черезъ одну придворную даму, свою близкую пріятельницу, постарался развѣдать о мнѣніи герцогини относительно брака ея съ Морицомъ. Отвѣтъ на это былъ данъ въ благопріятномъ смыслѣ и Лефорту казалось, что все дѣло устроится легко и скоро. Положеніе дѣлъ въ Курляндіи предвѣщало то же самое. Нѣкоторые курляндскіе дворяне обратили вниманіе на Морица, какъ на такое лицо, которое могло бы быть преемникомъ фамиліи Кеттлеровъ и делегаты этой партіи дворянства отправились въ Варшаву, чтобы тамъ лично переговорить съ Морицомъ о предстоящемъ его избраніи въ герцоги.

Въ Петербургѣ не успѣли еще сообразить окончательно на счетъ того, какой слѣдовало бы дать отвѣтъ на запросъ князя Долгорукова, когда русскій резидентъ въ Митавѣ, Бестужевъ-Рюминъ, увѣдомилъ петербургскій кабинетъ, что въ Митаву пріѣзжалъ агентъ короннаго гетмана Поцея съ цѣлью провѣдать тамъ, будутъ ли курляндцы согласны избрать Морица въ герцоги и не будетъ ли вдовствующая герцогиня противиться вступленію съ нимъ въ бракъ? Съ своей стороны представители курляндскаго дворянства заявили Бестужеву, что они желаютъ имѣть герцогомъ Морица съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ женился на Аннѣ Ивановнѣ. Что же касается короля Августа II, то онъ торопилъ Морица поѣздкою въ Петербургъ, хотя король, какъ доносилъ князь Долгоруковъ императрицѣ, «не желая озлобить Рѣчь Посполитую, ничего явно въ пользу Морица дѣлать не хочетъ, и что по сіе время дѣлается, король отъ всего отрекается и хочетъ помогать только подъ рукою разными способами».

Мы уже замѣтили, какіе виды имѣла на Курляндію Рѣчь Посполитая и потому притворный образъ дѣйствій Августа II вполнѣ понятенъ. Король оставался вѣренъ этой двуличной политикѣ, и потому, когда въ Варшаву изъ Митавы пришли вполнѣ благопріятныя для Морица вѣсти, онъ, для виду, самымъ положительнымъ образомъ запретилъ Морицу ѣхать

въ Курляндію. Морицъ, однако, не думалъ вовсе повиноваться родительскому запрету и, какъ будто, тайкомъ ускользнулъ изъ Варшавы. Онъ отправился прямо въ Митаву и, прибывъ туда, немедленно представился герцогинѣ и съ перваго же свиданія успѣлъ чрезвычайно понравиться ей.

Нельзя, однако, сказать, чтобы, при всѣхъ стараніяхъ Лефорта, дѣло Морица шло въ Петербургѣ также удачно, какъ пошло оно въ Митавѣ. 16 мая 1726 года въ верховномъ тайномъ совѣтѣ обсуждался вопросъ объ избраніи его въ герцоги курляндскіе и мнѣніе членовъ совѣта клонилось къ тому, что такое избраніе не слѣдуетъ допустить по многимъ причинамъ. При этомъ находили, что въ замѣнъ Морица слѣдуетъ пріискать въ кандидаты такого принца, противъ котораго не были бы король прусскій, и король польскій, такъ какъ въ верховномъ совѣтѣ несогласіе Августа II на поѣздку Морица въ Курляндію принималось не за притворство, но за прямодушіе. Разсуждая о подходящемъ кандидатѣ, нѣкоторые члены верховнаго совѣта указывали, какъ на такого кандидата, на двоюроднаго брата герцога голштинскаго, втораго сына умершаго епископа любскаго. Императрица Екатерина I, чрезвычайно благоволившая къ голштинскому дому, одобрила мнѣніе совѣта. Такимъ образомъ, Морицъ потерпѣлъ въ Петербургѣ рѣшительную неудачу и, вслѣдствіе состоявшагося въ этомъ смыслѣ опредѣленія верховнаго тайнаго совѣта, къ Бестужеву-Рюмину былъ 31 мая отправленъ въ Митаву указъ, въ которомъ противъ избранія Морица приводились слѣдующія соображенія:

Морицъ, находясь въ рукахъ короля, своего отца, принужденъ будетъ дѣйствовать согласно личнымъ его видамъ, и чрезъ это король получитъ болѣе способовъ для приведенія въ исполненіе своихъ намѣреній въ Польшѣ, а намѣренія эти, какъ Россіи, такъ и всѣмъ сосѣднимъ съ Курляндіею державамъ, могутъ быть иногда очень противны, отъ чего и для самой Курляндіи могутъ быть разныя невыгодныя послѣдствія. 2) Между Россіею и Пруссіею существуетъ соглашеніе на счетъ того, чтобъ удержать Курляндію при прежнихъ ея правахъ. Россія не хочетъ навязать курляндскимъ чинамъ герцога изъ бранденбургскаго дома; но если они согласятся на избраніе Морица, то прусскій дворъ будетъ негодовать за

предпочтеніе, оказанное Морицу передъ принцемъ изъ этого дома, и тогда Курляндія не будетъ имѣть покоя со стороны Пруссіи, которая скорѣе согласится, чтобъ Курляндія была раздѣлена на воеводства, нежели допуститъ возведеніе въ герцоги саксонскаго принца. Поляки никогда не позволятъ, чтобъ Морицъ былъ избранъ герцогомъ курляндскимъ и помогалъ отцу своему въ его замыслахъ относительно Рѣчи Посполитой.

Всѣ эти соображенія, клонившіяся очевидно не въ пользу Курляндіи, были сообщены черезъ Бестужева курляндцамъ, но не имѣли на нихъ никакого вліянія. Депутаты, съѣхавшіеся на митавскій сеймъ, отвѣчали, что сама Россія обѣщала Курляндіи сохранить за нею ея прежнія права, что теперь, избирая Морица, они поступаютъ въ силу этихъ правъ, которыя, какъ они надѣятся, не откажется охранить за ними и сама императрица и потому позволитъ герцогинѣ Аннѣ вступить въ бракъ съ графомъ Морицомъ. Къ этому депутаты добавляли, что если они упустятъ настоящій благопріятный случай, то Курляндія, по смерти герцога Фердинанда, поступитъ въ полную зависимость Польши и будетъ раздѣлена на воеводства, такъ что даже исчезнетъ и самое имя герцогства курляндскаго. Въ виду всего этого, сеймъ, 28 іюня 1726 года, единогласно избралъ герцогомъ Морица, графа Саксонскаго. Герцогиня Анна Ивановна, полюбившая уже Морица, хлопотала съ своей стороны о томъ, чтобъ устранить препятствія къ избранію Морица и чрезъ Меншикова и Остермана просила согласія императрицы на вступленіе съ нимъ въ бракъ.

Пруссія также была противъ избранія Морица, а герцогъ Фердинандъ, оскорбленный этимъ избраніемъ, предложилъ въ преемники себѣ принца гессенъ-кассельскаго. Хотя императрица и намѣревалась доставить Курляндію герцогу голштинскому, но у него въ Петербургѣ явился новый противникъ, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, возобновившій свои прежнія искательства въ Курляндіи. Вторичную свою попытку онъ началъ тѣмъ, что послалъ въ Варшаву къ князю Василію Лукичу Долгорукову, 2-го апрѣля 1726 года, слѣдующее письмо: «Г. Бестужевъ изъ Митавы пишетъ, что королевское величество польскій предлагалъ курляндскому управительству, дабы выбрало кого желаютъ въ князи курляндскіе, а понеже

тогда, когда я первый разъ имѣлъ маршъ въ Помераніи, многіе знатные изъ шляхества курляндскаго меня желали въ князи, а господинъ фельдмаршалъ Флемингъ и дворъ королевской къ тому въ тѣ времена были склонны: того ради вашего сіятельство, какъ истиннаго моего друга, прошу, изволите въ семъ случаѣ мнѣ помогать и моею персоною у тамошнихъ министровъ, какъ наилутче къ тому рекомендовать, и господамъ Флемингу и Шембеку, или кому ваша личность за потребно разсудитъ, нѣкоторую денежную сумму отъ меня обѣщать, дабы въ томъ помогли и надѣюсь, что его королевское величество за ихъ протекцію тую милость мнѣ явить изволитъ паче егда вѣрностію моею и услугами обнадеживанъ будетъ».

Чтобы поправить въ Курляндіи дѣла сообразно съ видами Россіи, туда, подъ благовиднымъ предлогомъ, былъ отправленъ самъ искатель герцогской короны — князь Меншиковъ, а въ помощники ему былъ вытребованъ поспѣшно изъ Варшавы князь Василій Лукичъ Долгоруковъ. При этомъ предполагалось, въ случаѣ, если курляндцы откажутся избрать герцогомъ князя Меншикова, предложить имъ герцога голштинскаго, къ этимъ двумъ кандидатамъ со стороны Россіи были прибавлены еще два принца гессенъ-гамбургскіе, состоявшіе въ русской службѣ.

Такимъ образомъ, у Морица разомъ, со стороны одной только Россіи, явились четыре соперника и, повидимому, самымъ опаснымъ изъ нихъ былъ князь Меншиковъ, который основывалъ, между прочимъ, право своего избранія въ герцоги курляндскіе на причисленіи своемъ, по владѣнію маетностями въ Польшѣ, къ тамошнему шляхетству и предполагалъ, что поляки менѣе всего окажутъ сопротивленіе его выбору, будучи довольны тѣмъ, что въ курляндскіе герцоги избирается не какой нибудь нѣмецкій принцъ, но польскій шляхтичъ.

Пріѣхавъ въ Митаву, князь Долгоруковъ объявилъ курляндцамъ волю императрицы объ избраніи или князя Меншикова или герцога голштинскаго и объ устраненіи во всякомъ случаѣ графа Морица. Въ отвѣтъ на это сеймовый маршалъ возразилъ Долгорукову, что избраніе Морица дѣло окончательно рѣшенное, что сеймъ разъѣхался и опредѣленія его отмѣнить никакъ нельзя. Что же касается князя Мен-

шикова, то онъ избранъ быть не можетъ, потому что онъ не нѣмецкаго происхожденія и не лютеранскаго закона. Герцога же голштинскаго нельзя избрать потому, что ему только 13 лѣтъ отъ роду и, слѣдовасельно, онъ долгое еще время будетъ безполезенъ для страны. Въ добавокъ къ этому, маршалъ сослался и на то еще, что сеймъ не можетъ избирать никого безъ предварительнаго соизволенія короля польскаго. По всему видно было, что курляндцы намѣревались отстаивать упорно сдѣланный уже ими выборъ, но гроза продолжала собираться надъ Морицомъ.

На пути въ Митаву, князь Меншиковъ встрѣтился въ Ригѣ съ герцогинею Анною Ивановною и въ письмѣ своемъ къ императрицѣ сообщилъ любопытныя свѣдѣнія объ этой встрѣчѣ. Изъ письма оказывалось, что герцогиня повела бесѣду съ княземъ Меншиковымъ о курляндскихъ дѣлахъ съ глазу-на-глазъ «съ великою слезною просьбою», объ утвержденіи герцогомъ курляндскимъ графа Морица и объ исходатайствованіи ей у императрицы дозволенія вступить съ нимъ въ бракъ.

Письмо свое князь Меншиковъ оканчиваетъ заявленіемъ, что герцогиня, выслушавъ его доводы, «разсудила все то свое намѣреніе оставить и наивящше желаетъ, дабы въ Курляндіи быть герцогомъ ему, князю Меншикову, понеже, — какъ онъ писалъ,—она въ владѣніи своихъ деревень надѣется быть спокойна, ежели же кто другой будетъ избранъ, то она не можетъ знать, ласково-ль съ нею поступать будетъ?» Вмѣстѣ съ тѣмъ герцогиня просила Меншикова о пощадѣ Бестужева, который обвинялся въ томъ, что «чинилъ факціи». Условіемъ такой пощады Меншиковъ поставилъ герцогинѣ, чтобы она «черезъ трудъ свой Морицово избраніе опровергла», на что, по словамъ Меншикова, она «съ великою охотою склонилась» и съ этою цѣлью тотчасъ же поѣхала въ Митаву. Въ помощь Меншикову и нѣсколькими днями ранѣе его пріѣхалъ въ Митаву князь В. Л. Долгоруковъ. Онъ потребовалъ отъ имени императрицы уничтоженія Морицова избранія, предложивъ въ кандидаты Адольфа-Фридриха герцога голштейнъ-глюксбургскаго, ландграфа Георга гессенъ-касельскаго, и преимущественно князя Меншикова.

И такъ, Морица постигла вдругъ самая печальная участь:

невѣста его не только что измѣнила ему, но и взялась противодѣйствовать его честолюбивымъ замысламъ.

Извѣстивъ императрицу объ отказѣ герцогини отъ брака съ Морицомъ и нажаловавшись на Бестужева, не дѣйствовавшаго въ его пользу, Меншиковъ отправился самъ въ Митаву, приказавъ предварительно отряду русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Урбановича, занять столицу герцогства. За самимъ же княземъ Меньшиковымъ двигалось 12,000 русскаго войска: Морицъ, однако, не смутился и, считая избраніе свое дѣломъ поконченнымъ, увѣдомилъ о немъ сосѣднихъ государей, а въ числѣ ихъ и императрицу Екатерину.

Независимо отъ противодѣйствія со стороны русскихъ и поляки протестовали противъ избранія Морица въ прокламаціи, написанной на латинскомъ языкѣ и присланной въ Митаву. Прокламація эта была издана отъ имени короля Августа II, и въ дополненіе къ ней явилась еще протестація герцога Фердинанда; но все это не имѣло никакихъ послѣдствій: курляндцы стояли на своемъ, признавая избраніе Морица и законнымъ и дѣйствительнымъ.

III.

Предполагаемые браки Морица.—Встрѣча его съ княземъ Меншиковымъ.—Взаимная между ними сдѣлка. —Отъѣздъ Меншикова изъ Митавы.—Перемѣна въ политикѣ русскаго двора.—Отношенія Морица къ князю Долгорукову.—Обвиненіе Бестужева-Рюмина по курляндскимъ дѣламъ.

Между тѣмъ Лефортъ продолжалъ по прежнему быть дѣятельнымъ сватомъ Морица и имѣя въ виду, что бракъ его съ Анной Ивановной уже не состоится, предлагалъ Морицу въ замѣнъ герцогини другихъ невѣстъ и, съ цѣлью устроить свадьбу Морица, зазывалъ его въ Петербургъ. Морицъ, однако, не спѣшилъ на этотъ зовъ и, повидимому, надѣялся упрочиться въ Курляндіи посредствомъ брачнаго союза съ герцогиней, которою,—какъ доносилъ Бестужевъ въ Петербургъ,—курляндцы были очень довольны. Еще до пріѣзда въ Митаву, онъ думалъ объ этомъ и къ одному изъ своихъ агентовъ, Карпу, писалъ, по донесенію Бестужева, слѣдующее: «дѣлайте часто ей свои куръ, но, впрочемъ, ни въ чемъ

себя не открывайте, но подъ рукой ищите у ней вывѣдать, не имѣетъ ли она отдаленія отъ намѣренія супружества; съ господиномъ гофмаршаломъ Бестужевымъ учинитесь другомъ и ищите чрезъ него оное дѣло трактовать».

Въ письмѣ къ своему другу, графу Фризену, Морицъ, отъ 1-го іюля, извѣщалъ его о своемъ избраніи въ преемники герцогу Фердинанду, прибавляя, что хотя онъ, Морицъ, и имѣлъ многихъ соискателей, но что въ отношеніи къ нему курляндцы остались непоколебимы, такъ что ни ласки, ни угрозы не повліяли на нихъ и избраніе его состоялось единогласно. Онъ разсказывалъ и о томъ еще, что гетманъ Поцей составилъ въ пользу его въ Литвѣ сильную партію и надѣялся, что король, внявъ настоятельнымъ представленіямъ курляндцевъ, согласится, наконецъ, исполнить ихъ единодушное желаніе. Морицъ полагалъ, что если поляки нападутъ на него, то русскіе и пруссаки помогутъ ему 11 или 15 тысячами войска. Поддержка со стороны польскихъ протестантовъ входила также въ соображенія Морица. Самъ же онъ полагалъ составить въ Курляндіи милицію изъ 10 и даже изъ 20,000 человѣкъ. Такое же количество онъ думалъ получить и отъ русскихъ въ случаѣ женитьбы или на вдовствующей герцогинѣ или на Елисаветѣ Петровнѣ; но всѣмъ этимъ столь отраднымъ надеждамъ не суждено было осуществиться, хотя 5-го іюля была уже подписана представителями дворянства хартія, окончательно опредѣлившая отношенія Морица къ Курляндіи.

На другой день по пріѣздѣ Меншикова въ Митаву, Морицъ представился ему и князь первый, при посредствѣ переводчика, завелъ съ нимъ рѣчь о курляндскихъ дѣлахъ. «Императрица желаетъ, говорилъ Морицу Меншиковъ, чтобъ курляндскіе чины собрались снова и произвели новый выборъ, который можетъ пасть или на меня или на герцога голштинскаго, или на одного изъ принцевъ гессенъ-гамбургскихъ. Единственно для этого дѣла я и въ Митаву пріѣхалъ», — добавилъ онъ. Въ свою очередь, Морицъ попытался, было, возражать ему, замѣчая, что сеймъ кончился и депутаты разъѣхались, что сеймъ выбралъ его, Морица, и затѣмъ нельзя избирать когонибудь другаго, и что если курляндцевъ принудятъ къ новымъ выборамъ силою, то такіе выборы потеряютъ всякое значеніе.

Продолжая разговоръ въ этомъ смыслѣ, Морицъ замѣтилъ князю Меншикову и о той опасности, какая угрожаетъ Курляндіи со стороны Рѣчи Посполитой, а также намекнулъ и о возможности завоеванія ея русскими. «Ничего этого не будетъ!» — перебилъ Меншиковъ. — «Что же, однако, будетъ съ Курляндіею»?—спросилъ Морицъ. «Она не можетъ искать ничьего покровительства кромѣ русскаго»,—отвѣчалъ Меншиковъ. Въ тотъ же день онъ призвалъ къ себѣ сеймоваго маршала, канцлера и нѣкоторыхъ депутатовъ и объявилъ имъ о необходимости произвести новые выборы, угрожая, въ противномъ случаѣ, имъ Сибирью, а Курляндіи—введеніемъ въ нее 20,000 русскаго войска.

Такой разсказъ о свиданіи князя Меншикова сообщаетъ г. Соловьевъ на основаніи русскихъ архивныхъ источниковъ. Съ своей же стороны Морицъ, въ письмѣ къ графу Рабутину, австрійскому посланнику въ Петербургѣ, передавалъ о своихъ сношеніяхъ съ Меншиковымъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Меншиковъ явился сюда какъ властитель рода человѣческаго. Онъ былъ очень изумленъ, увидавъ, что ничтожныя творенія на столько неосмотрительны и такъ мало понимаютъ свои выгоды, что отказываются отъ чести быть управляемыми имъ и тѣмъ самымъ не стараются загладить позоръ произведеннаго ими выбора. Они самымъ почтительнымъ образомъ заявили ему, что не могутъ получать отъ него приказаній; на это онъ отвѣчалъ имъ, что они сами не знаютъ, что говорятъ, и что онъ хочетъ доказать имъ это палочными ударами. Такъ какъ я,—продолжалъ Морицъ,—вовсе не желаю быть убѣжденнымъ такимъ способомъ и такъ какъ дѣло идетъ о томъ, чтобы спровадить его въ Ригу, то я придумывалъ для этого всевозможные извороты, и не зная какъ бы благовидно предложить ему 100,000 руб., сказалъ, что тотъ изъ насъ двоихъ, кто будетъ утвержденъ королемъ польскимъ въ званіи герцога курляндскаго, дастъ эту сумму другому. Онъ ударилъ по рукамъ и попросилъ у меня рекомендательное письмо къ королю. Признаюсь, что я никакъ не ожидалъ подобнаго предложенія, оно показалось мнѣ страннымъ и слишкомъ забавнымъ для того, чтобы я отказался отъ него. Онъ сказалъ мнѣ, что изъ этого письма извлечетъ большую

выгоду и что станетъ смотрѣть на него какъ на безусловную мою уступку».

Вслѣдствіе этого, Морицъ тотчасъ же написалъ къ Августу II требуемое Меншиковымъ рекомендательное письмо, такого содержанія: «Князю Меншикову довольно извѣстны тѣ милости, которыми ваше величество удостоиваете меня, почему онъ и полагаетъ, что вы сдѣлаете что нибудь по моей покорнѣйшей просьбѣ. Онъ желаетъ, государь, чтобы я обратилъ ваше вниманіе на его интересы и такъ какъ я хочу удостовѣрить его въ томъ, что они мнѣ очень близки, то и прошу ваше величество имѣть о нихъ особое попеченіе».

Заручившись этимъ письмомъ, Меншиковъ сталъ поступать самовластно, и въ Митавѣ распространился слухъ, что онъ велѣлъ доставить туда военные снаряды съ цѣлью произвести ночное нападеніе на Морица. Прежніе біографы Морица передаютъ, что такое нападеніе произошло на самомъ дѣлѣ, что Морицъ геройски отбивался отъ русскихъ и навѣрно былъ бы захваченъ русскими, если бы не былъ поддержанъ дворцовой стражей, присланной для выручки его герцогиней Анной Ивановной. По другому разсказу, Морицъ былъ спасенъ отъ бѣды бывшею у него въ гостяхъ какою-то митавскою дѣвицею, которая переодѣлась въ его платье и была взята въ плѣнъ, вмѣсто него. Разсказъ этотъ дополнялся тѣмъ, что захватившій упомянутую дѣвицу русскій офицеръ такъ плѣнился ею, что не замедлилъ жениться на ней. Въ статьѣ своей «Князь Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій», г. Щебальскій сообщаетъ подробности ночнаго нападенія Меншикова на Морица и, не находя упоминанія о такомъ фактѣ въ донесеніяхъ князя Долгорукова, объясняетъ это тѣмъ, что Долгорукову и нельзя было доносить о такомъ вопіющемъ беззаконіи. «Между тѣмъ, заключаетъ г. Щебальскій, въ иностранныхъ извѣстіяхъ происшествіе это описано очень обстоятельно, даже съ указаніемъ числа, когда оно случилось, именно 17-го іюля, т. е. ввечеру, передъ отъѣздомъ герцогини въ Петербургъ и мудрено заподозрить достовѣрность извѣстія».

Теперь всѣ такого рода разсказы должно признать досужимъ вымысломъ. Самъ Морицъ въ письмѣ къ графу Фризену разсказываетъ, что послѣ свиданія его съ Меншиковымъ

до него дошли слухи, будто бы Меншиковъ хочетъ расправиться съ нимъ особымъ способомъ. Морицъ не хотѣлъ отдаться въ руки своему врагу и съ немногими своими приверженцами приготовился къ отчаянному отпору. Дворяне, оставшіеся еще въ Митавѣ, съ полною готовностью присоединились къ нему, горожане, съ своей стороны, предувѣдомили его обо всемъ происходившемъ и Морицу было извѣстно, что русскіе драгуны получили приказаніе привести въ порядокъ оружіе и быть каждую минуту готовыми сѣсть на коней. Небольшое войско Морица не растерялось, и онъ былъ убѣжденъ, что если на него будетъ произведено нападеніе, то оно не пройдетъ безнаказанно для его непріятелей. «Мы провели эту ночь, говоритъ въ заключеніе Морицъ, довольно весело для людей, которымъ угрожаетъ опасность. По всей вѣроятности приказъ былъ отданъ драгунамъ только для безопасности какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ начальниковъ». Другіе документы дрезденскаго архива подтверждаютъ также, что никакого вооруженнаго нападенія со стороны Меншикова не было.

Видя неопреодолимое упорство курляндцевъ, Меншиковъ выѣхалъ изъ Митавы 12-го іюля, оставивъ тамъ князя Долгорукова, который послѣ отъѣзда Меншикова былъ поставленъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Присылаемыя къ нему отъ свѣтлѣйшаго князя депеши требовали, чтобы онъ усердно и неутомимо дѣйствовалъ въ пользу кандидатуры Меншикова, а въ депешахъ, приходившихъ въ Митаву отъ имени императрицы внушалось ему, чтобы онъ поступалъ осторожно и не запутывалъ дѣла. Вслѣдствіе такихъ противоположныхъ требованій, князь Долгоруковъ дѣйствовалъ нерѣшительно и только подъ рукою распускалъ слухи объ угрозахъ Курляндіи со стороны Россіи, въ случаѣ, если сеймъ будетъ поддерживать избраніе Морица, а не склонится на сторону князя Меншикова.

Такую перемѣну въ политикѣ петербургскаго кабинета покойный Соловьевъ объясняетъ тѣмъ, что когда 3-го іюля князь Меншиковъ далъ знать въ Петербургъ о своихъ крутыхъ распоряженіяхъ, то тамъ разсердились за это, находя, что образъ дѣйствій князя можетъ повлечь къ большимъ непріятностямъ при тогдашнихъ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ. Кромѣ того, герцогиня Анна Ивановна, пріѣхавшая въ это

время въ Петербургъ, усиливала въ тамошней правительственной средѣ раздраженіе противъ Меншикова своими жалобами на его своеволіе. Подъ вліяніемъ всего этого, императрица писала Меншикову: «Мы вполнѣ одобряемъ объявленіе, сдѣланное вами графу Морицу и курляндскимъ чинамъ, что мы избраніемъ графа Морица очень недовольны и не можемъ согласиться на него, какъ на противное правамъ Рѣчи Посполитой. Что же касается до того, что вы принудили ихъ собрать новый сеймъ для избранія кандидатовъ, по предложенію князя Василія Лукича, то мы не знаемъ будетъ ли это полезно нашимъ интересамъ и нашимъ намѣреніямъ: мы избраніе графа Мориса особенно опорочили тѣмъ, что оно совершилось вопреки правамъ Рѣчи Посполитой, и если принуждать курляндскіе чины къ новымъ выборамъ, то Рѣчь Посполитая за это на насъ можетъ озлобиться и курляндскіе чины станутъ говорить, что будто они силою принуждены къ новому избранію и чтобъ этимъ не сдѣлать нашимъ намѣреніямъ остановки и вдругъ не затѣять безвременной ссоры съ королемъ и Рѣчью Посполитою. Поэтому, пока вы тамъ будете, надобно вамъ разсуждать и совѣтоваться съ княземъ Василіемъ Лукичемъ, который состояніе этого дѣла въ Польшѣ лучше знаетъ и поступайте съ общаго съ нимъ согласія какъ полезнѣе будетъ нашимъ интересамъ, чтобъ безвременно съ Рѣчью Посполитой въ ссору не вступать; и если Рѣчь Посполитая взглянетъ враждебно на новые выборы, то не лучше ли будетъ сперва хлопотать въ Польшѣ, чтобы Рѣчь Посполитую къ нашимъ намѣреніямъ склонить, ибо потомъ легко будетъ чины курляндскіе и добрымъ способомъ привести къ тому, что будетъ сочтено для насъ полезнымъ. Хотя вы пишите, чтобы вамъ побыть еще тамъ, пока сеймъ окончится и хотя это было бы недурно, однако и здѣсь вы надобны для совѣта о нѣкоторыхъ новыхъ и важныхъ дѣлахъ, особенно о шведскихъ, ибо пришла вѣдомость, что Швеція къ ганноверцамъ пристаетъ: по этому вамъ долго медлить тамъ нельзя, но возвращайтесь сюда».

Меншиковъ исполнилъ это приказаніе и 21-го іюля былъ въ Петербургѣ.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ г. Веберомъ въ дрезденскомъ архивѣ, видно, что и король Августъ II принесъ жалобу на

дѣйствія Меншикова и Долгорукова въ такомъ-же смыслѣ. Король соглашался, что курляндцы поступили незаконно, избравъ герцога, но въ то-же время спрашивалъ, по какому праву Меншиковъ такъ самовольно распоряжался на территоріи подвластной Польшѣ и полагалъ, что какъ Меншиковъ, такъ и Долгоруковъ поступали вопреки воли государыни, почему и просилъ, чтобы она заявила объ этомъ. Очевидно, что посылкою къ Меншикову упомянутаго письма императрица удовлетворяла желанію короля, и такое письмо не могло подать никакого видимаго повода къ обличенію государыни въ двоедушіи, такъ какъ князь Меншиковъ былъ оффиціально посланъ въ Курляндію не по тамошнимъ дѣламъ, но только подъ предлогомъ осмотра войскъ для предосторожности отъ англійской и датской эскадръ.

Долгоруковъ видался съ Морицомъ, съ которымъ былъ знакомъ еще и прежде въ Варшавѣ и который, какъ казалось, мало заботился о томъ, что дѣлалось около него. Однажды. когда они охотились вмѣстѣ, Долгоруковъ сказалъ Морицу: «Мнѣ будетъ очень прискорбно, любезный графъ, если я получу приказаніе о немедленномъ удаленіи васъ изъ Курляндіи». На это Морицъ отвѣчалъ, что подобныя предложенія дѣлаются не иначе, какъ «со штыкомъ на ружьѣ», а въ письмѣ своемъ къ графу Фризену, отъ 27-го іюля 1728 года, онъ писалъ, что положеніе его день ото дня дѣлается забавнѣе, но что онъ все-таки идетъ прежнимъ путемъ, и что Меншиковъ уѣхалъ изъ Риги въ Петербургъ «съ носомъ».

Хотя, какъ видно изъ письма императрицы къ Меншикову, поводомъ къ удаленію его изъ Курляндіи послужило нежеланіе государыни ссориться съ Польшею изъ-за курляндскихъ дѣлъ, но тѣмъ не менѣе отозваніе Меншикова Веберъ приписываетъ вліянію Анны Ивановны и Елисаветы Петровны, которыя, будто-бы не зная, что онѣ соперницы между собою по любви къ Морицу, ходатайствовали въ пользу его у императрицы. Такое соображеніе, едва-ли, впрочемъ, основательно потому, что одновременно съ Меншиковымъ былъ вызванъ изъ Митавы и Бестужевъ, подозрѣваемый въ доброжелательствѣ новоизбранному герцогу. Въ указѣ объ этомъ говорилось: «нынѣ курляндскія дѣла находятся въ великой конфузіи и не можемъ знать, кто въ томъ дѣлѣ правъ или виноватъ, того ради над-

лежитъ немедленно освидѣтельствовать и изслѣдовать о поступкахъ тайнаго совѣтника Бестужева, что онъ, будучи въ Курляндіи, все ли по указамъ чинилъ, и потомъ у рейхсмаршала нашего князя Меншикова и у дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Долгорукаго взять на письмѣ рапорты на указы наши и освидѣтельствовать, что будучи въ Курляндіи, все ли они тако чинили, какъ тѣ наши указы повелѣвали».

По полученіи этого указа, князь Долгоруковъ для личныхъ объясненій отправился 26-го іюля изъ Митавы въ Петербургъ.

Замѣчательно, что верховный тайный совѣтъ оправдалъ Бестужева. Это было 2-го августа, но на другой день сама императрица присутствовала въ совѣтѣ и объявила, что, по ея мнѣнію, Петръ Бестужевъ въ курляндскихъ дѣлахъ «не безъ вины, такъ какъ указы посланы были съ осмотрѣніемъ и еслибы по нимъ поступлено было, то бы ни до чего не дошло». Тѣмъ не менѣе дѣло о Бестужевѣ она приказала прекратить. Спустя три дня послѣ этого, т. е. 6-го августа, въ совѣтѣ обсуждала императрица вопросъ о томъ, «какъ несостоятельно желаніе князя Меншикова, ея вѣрноподданнаго, быть герцогомъ курляндскимъ, до чего, конечно, ни поляки, ни король допустить не могутъ». Поэтому императрица приказала: «послать въ Варшаву къ своему послу Михайлѣ Бестужеву, заступившему тамъ мѣсто князя Долгорукаго, указъ, чтобы онъ больше о князѣ Меншиковѣ при дворѣ польскомъ не предлагалъ, но старался бы о другихъ кандидатахъ, и если польскій дворъ ихъ не приметъ, то дать на его волю, кого самъ захочетъ, кромѣ Морица и принца гессенъ-кассельскаго».

Изъ этого видно, что съ устраненіемъ кандидатуры князя Меншикова, въ Петербургѣ не думали о совершенномъ прекращеніи русскаго вліянія на курляндскія дѣла и непосредственное веденіе ихъ поручено было графу Дивьеру, который съ этою цѣлью и отправился въ Митаву.

IV.

Намѣренія польскихъ магнатовъ относительно Курляндіи.—Противодѣйствіе саксонскихъ министровъ планамъ Морица.—Постановленіе гродненскаго сейма.—Разсчеты Морица на Россію.—Посылка Ягужинскаго въ Гродно.—Дивьера въ Митаву.—Инструкція, данная Дивьеру.

Положеніе Морица въ Курляндіи было въ это время чрезвычайно непрочно. Не только Россія и Польша, но и Саксонія высказались противъ его избранія въ герцоги. Еще 28-го іюля 1726 года, польскіе магнаты постановили: признать избраніе Морица недѣйствительнымъ, а по смерти герцога Фердинанда, присоединить Курляндію окончательно къ владѣніямъ Рѣчи Посполитой, раздѣливъ ее на воеводства. Дѣлая такое постановленіе, магнаты руководились не только общими политическими соображеніями и правами Польши на курляндскую территорію, какъ на упразднившійся ленъ, но руководились и частными своими интересами. Такъ, съ возникновеніемъ въ Курляндіи, по образцу Польши, воеводствъ, для нихъ открылись-бы тамъ новыя почетныя и выгодныя должности, которыя они заняли-бы сами, оттѣснивъ мѣстное дворянство. При такомъ образѣ дѣйствій польскихъ магнатовъ. саксонскіе министры, ближайшіе совѣтники короля Августа II, единогласно признали, что нѣтъ никакой надежды поддержать права Морица на Курляндію, что упорство въ этомъ случаѣ со стороны короля могло-бы вызвать противъ него возстаніе польской шляхты, тѣмъ болѣе опасное, что соперникъ его Станиславъ Лещинскій намѣревается снова оспаривать у него польскую корону. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, въ томъ-же самомъ засѣданіи министерской конференціи былъ составленъ королевскій рескриптъ, предписывавшій Морицу выѣхать немедленно изъ Курляндіи, объявивъ при этомъ курляндцамъ, что они не должны болѣе разсчитывать на него. Кромѣ того, отъ Морица требовалась безотлагательная присылка избирательнаго акта, состоявшагося 21-го іюля 1726 года. Такимъ образомъ, дѣло Морица было проиграно и король, чтобы хотя нѣсколько утѣшить его въ утратѣ курляндской короны, сдѣлалъ на рескриптѣ собственноручную приписку,

въ которой обѣщалъ вознаградить Морица за отказъ отъ Курляндіи.

Морицъ былъ внѣ себя отъ раздраженія и приписывалъ такой крутой поворотъ дѣла единственно неблаговолившему къ нему фельдмаршалу Флемингу. Въ письмѣ своемъ къ графу Фризену, отъ 20-го октября 1726 года, Морицъ, между прочимъ, писалъ, что даже русскіе министры не были противъ него и внушали королю, чтобъ онъ только выждалъ время и что когда между поляками поутихнутъ толки о курляндскихъ дѣлахъ, то все рѣшится въ пользу его, Морица. Къ этому Морицъ добавлялъ, что царица хотѣла заключить тѣсный союзъ съ королемъ Августомъ II для поддержанія своихъ политическихъ видовъ, что съ этою цѣлью она намѣрена была выдать за него, Морица, цесаревну Елисавету Петровну, и что дѣло это было уже слажено. Далѣе Морицъ разсказывалъ въ томъ-же письмѣ къ графу Фризену, что посланный имъ, Морицемъ, съ извѣщеніемъ обо всемъ этомъ курьеръ былъ принятъ королемъ въ помѣстьѣ Браницкихъ, Бѣлостокѣ, что тамъ, по поводу этого радостнаго извѣстія, пили за здоровье будущей четы и что, къ сожалѣнію, король, обыкновенно внушавшій молчаніе другимъ, самъ разболталъ о сообщеніи, сдѣланномъ ему по секрету Морицомъ, и что затѣмъ молва о поддержкѣ его кандидатуры на курляндское герцогство Россіею еще болѣе усилила волненіе и неудовольствіе среди польскихъ магнатовъ.

Думая одолѣть сопротивленіе польскихъ магнатовъ, Морицъ отправился на открывавшійся въ то время въ Гроднѣ сеймъ. Онъ полагалъ, что личныя его убѣжденія и доводы склонятъ сеймъ въ его пользу. Но Морицу не удалось осуществить этой попытки, такъ какъ на пути въ Гродну онъ встрѣтилъ королевскаго гонца, который везъ къ нему упомянутый выше рескриптъ, вызывавшій его изъ Курляндіи. Морицъ созналъ тогда всю безполезность своего присутствія на сеймѣ и возвратился въ Митаву, хотя и написалъ къ отцу письмо съ изъявленіемъ готовности покориться его волѣ относительно отреченія отъ герцогства курляндскаго, а 9-го ноября 1726 года гродненскій сеймъ призналъ выборъ Морица въ герцоги ничтожнымъ, причемъ Морицъ былъ объявленъ изгнаннымъ изъ Курляндіи, а голова его, какъ государственнаго пре-

ступника была оцѣнена, избиратели же его были признаны измѣнниками. Казалось-бы, что, послѣ всего этого, Морицу не оставалось ничего болѣе какъ только поскорѣе выбраться изъ Курляндіи, но въ это именно роковое время въ немъ проявилась пылкая отвага и онъ объявилъ, что будетъ защищать свои права съ оружіемъ въ рукахъ и, въ дополненіе къ этой угрозѣ, сообщилъ графу Флемингу, что курляндцы скорѣе рѣшатся умереть, нежели измѣнить ему, и что если Польша будетъ противиться его избранію, то курляндцы предпочтутъ ей Россію.

Такъ думалъ Морицъ относительно своихъ интересовъ, но существенный вопросъ заключался въ томъ, въ какой мѣрѣ Россія дѣйствительно хотѣла поддержать ихъ? Мы уже знакомы со сдѣланными петербургскимъ кабинетомъ заявленіями противъ избранія Морица; теперь-же, въ виду собиравшагося въ Гроднѣ сейма, Россіи приходилось принять относительно курляндскихъ дѣлъ рѣшительныя мѣры и онѣ дѣйствительно были приняты ею. По опредѣленію верховнаго тайнаго совѣта, на гродненскій сеймъ былъ отправленъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій, которому вмѣнено было въ обязанность: «всевозможные труды прилагать, дабы Рѣчь Посполитую не допустить до вредныхъ для Россіи предпріятій относительно Курляндіи; особенно-же не допустить до раздѣла Курляндіи на воеводства, также до утвержденія принца Морица и до избранія принца гессенъ-кассельскаго, и въ необходимомъ случаѣ стараться сеймъ разорвать; со стороны ея величества представлять кандидатовъ прежнихъ, кромѣ князя Меншикова; если-же польскій дворъ ни на одного изъ кандидатовъ не согласится, то дать на волю, пусть выберутъ кого хотятъ, только-бъ не Морица и не принца гессенъ-кассельскаго».

Такая слишкомъ опредѣленная инструкція, данная Ягужинскому, въ силу которой Морицъ безусловно отстранялся отъ избранія, показываетъ, какъ сильно заблуждался онъ относительно желанія петербургскаго кабинета поддерживать его права на курляндскую корону. Въ свою очередь, Ягужинскій дѣйствовалъ на сеймѣ сообразно съ даннымъ ему предписаніемъ и по словамъ его нѣсколько смысла и силы имѣлъ, мѣшалъ всѣмъ предпріятіямъ относительно Курляндіи,

несогласовавшимися съ видами русской политики. Что-же касается короля, то онъ и на гродненскомъ сеймѣ колебался по прежнему. Изъ донесеній Ягужинскаго видно, что король манилъ Рѣчь Посполитую обѣщаніями выдать всѣ оригинальные документы, касавшіеся избранія Морица, и не защищать его, но что онъ ограничивался одними только обѣщаніями. «Король, добавляетъ Ягужинскій, дѣйствительно уже намѣренъ выдать оригинальные документы на счетъ Морицова избранія, но пріятельницы Морица, находившіяся при королѣ, жена маршала Бѣлинская и гетманша Поцеиха, слезно просили короля, чтобъ удержался отъ выдачи документовъ, въ противномъ случаѣ, говорили эти дамы, его величество получитъ дурную славу во всемъ свѣтѣ, а на споры и шумъ поляковъ смотрѣть нечего, пошумятъ и перестанутъ».

Гродненскій сеймъ окончился 30-го октября и исходъ его, какъ мы уже сказали, былъ крайне неблагопріятенъ для Морица.

Если въ Гроднѣ Ягужинскій дѣйствовалъ противъ Морица, зато другой русскій агентъ въ Митавѣ, генералъ-маіоръ графъ Дивьеръ, напротивъ выражалъ сочувствіе къ его положенію. Въ секретной инструкціи, данной Дивьеру, поручалось ему: тайнымъ образомъ развѣдать, кто изъ курляндцевъ желаетъ присоединенія къ Польшѣ, а кто этого не желаетъ и кто относится доброжелательно къ Россіи и требуетъ ея покровительства? Дивьеръ долженъ былъ также уговаривать курляндскіе чины, чтобъ они крѣпко стояли при своихъ правахъ, т. е., чтобы они оставались, какъ и прежде, подъ властію особаго герцога; при этомъ Дивьеру предоставлялось раздавать курляндцамъ, сочувствовавшимъ Россіи, подарки и денежныя дачи. Все это Дивьеръ долженъ былъ дѣлать какъ можно осторожнѣе и скрытнѣе. Что же касается Морица, то относительно его не было дано Дивьеру никакихъ инструкцій ни за, ни противъ него, но было сказано только: «также развѣдайте о Морицѣ, гдѣ онъ теперь и въ какомъ положеніи находится; постарайтесь съ нимъ повидаться и разузнать обо всѣхъ его намѣреніяхъ, но чтобы это свиданіе происходило тайнымъ образомъ и не могло возбудить подозрѣнія ни въ полякахъ, ни въ курляндцахъ».

Эта часть инструкціи, какъ мы полагаемъ, указываетъ

на то, что послѣ гродненскаго сейма въ Петербургѣ думали воспользоваться личностью предпріимчиваго Морица, если бы Польша, по смерти герцога Фердинанда, присоединила Курляндію окончательно къ владѣніямъ Рѣчи Посполитой, или если бы тамъ явился кандидатъ еще болѣе, нежели Морицъ, несоотвѣтствовавшій видамъ Россіи.

Дивьеръ, исполняя данную ему инструкцію, отъ 10-го января 1727 года, донесъ императрицѣ о свиданіи своемъ съ Морицемъ, сообщая, «что господинъ Морицъ, на сколько это онъ, Дивьеръ могъ примѣтить, желаетъ сильно быть подъ покровительствомъ ея величества и во всемъ полагается на волю государыни». «Когда, писалъ Дивьеръ, случилось въ разговорѣ упоминать о имени вашего величества, то у него изъ глазъ слезы выступили, замѣтивъ это раза два и три, я спросилъ у него: отъ чего это онъ плакать хочетъ? и онъ отвѣчалъ: сердце у меня болитъ, что добрые люди обнесли меня государынѣ напрасно, много разъ писалъ я ея величеству, чтобъ быть мнѣ въ Петербургѣ и донести обстоятельно какъ дѣло было, и какъ насъ обнадеживали. Морицъ, продолжаетъ Дивьеръ, хочетъ просить у вашего величества высокой милости и дать такое обѣщаніе въ вѣрности, какое угодно будетъ вашему величеству. А если ваше величество подозрѣваете, что онъ можетъ поступить вопреки интересамъ русскимъ, то это дѣло не сбыточное, потому что курляндцы не обязаны никому помогать, въ этомъ состоитъ ихъ право; да хотя бы и хотѣли, то не могутъ по недостатку средствъ». Къ этому Дивьеръ прибавлялъ, что курляндскіе дворяне почти всѣ любятъ Морица и всѣ, въ честь его, носятъ такое же платье, какъ и онъ, что Морицъ ѣздитъ часто къ нимъ въ деревни и дворяне иногда говорятъ между собою въ компаніяхъ: «надобно намъ за него умереть».

Замѣчательно, что на это донесеніе Дивьера послѣдовалъ ему, относительно Морица, наказъ противоположный прежнему, а именно, не имѣть болѣе свиданій «съ извѣстною персоною» и по возможности удаляться отъ него, «чтобъ не нажить подозрѣнія». Высказываемое здѣсь опасеніе подтверждаетъ, по всей вѣроятности, догадку нашу о томъ, что Морицъ, на всякій случай, имѣлся въ виду у петербургскаго кабинета. Дивьеру внушалось далѣе, чтобъ онъ обнадежи-

валъ курляндцевъ въ поддержкѣ со стороны Россіи, если они будутъ отстаивать свои прежнія права и привилегіи; но чтобы онъ при этомъ не упоминалъ ни о графѣ Морицѣ, и ни о какомъ-нибудь другомъ кандидатѣ. Если же курляндцы стали бы требовать, чтобы Дивьеръ объявилъ имъ намѣреніе Россіи относительно Морица, то онъ долженъ былъ двумъ или тремъ главнымъ сторонникамъ Морица «въ самомъ высшемъ секретѣ» объявить, что Морицъ, поспѣшивъ своимъ избраніемъ, самъ виноватъ въ томъ, что Рѣчь Посполитая на послѣднемъ сеймѣ приняла такія строгія противъ него мѣры и что если русскіе станутъ упоминать теперь о Морицѣ, то этимъ только раздразнятъ поляковъ и побудятъ ихъ, какъ можно скорѣе, привести въ исполненіе опредѣленія, постановленныя на гродненскомъ сеймѣ. Притомъ, такъ такъ герцогъ Фердинандъ еще живъ, и до смерти его раздѣлить Курляндію на воеводства нельзя, то и не кстати теперь было бы Россіи ссориться съ Польшею изъ-за Морица. вообще Дивьеру внушалось вести дѣло такъ, чтобы «курляндцы на своемъ сеймикѣ о Морицѣ пока помолчали, и выбора не подтверждали и не уничтожали».

V.

Дѣйствія М. Бестужева-Рюмина въ Варшавѣ по курляндскому вопросу.— Невѣсты, избираемыя Морицу Лефортомъ.—Заочная любовь Елисаветы Петровны къ Морицу. — Противодѣйствіе Россіи пріѣзду польскихъ комисаровъ въ Курляндію. — Запутанность курляндскихъ дѣлъ. — Докладъ императрицѣ о Морицѣ. — Слухи о предоставленіи Курляндіи молодому князю Меншикову.

Въ Петербургѣ взглядъ кабинета на курляндскія дѣла значительно измѣнился противъ прежняго, когда недѣйствительность избранія Морица стояла въ главѣ требованій петербургскаго двора и когда Михаилу Бестужеву, назначенному посломъ въ Варшаву, на мѣсто князя Долгорукова, предписывалось дѣйствовать совершенно инымъ образомъ. Бестужевъ долженъ былъ заявить королю, что императрицѣ извѣстно желаніе Августа II доставить Курляндію «принцу» Морицу, но что императрица не согласна на это для избѣжанія ссоры съ королемъ прусскимъ, и въ замѣнъ Морица,

Бестужевъ долженъ былъ хлопотать о князѣ Меншиковѣ, который теперь былъ окончательно отстраненъ отъ этой кандидатуры. Затѣмъ мы видѣли, что отправленный на гродненскій сеймъ Ягужинскій не долженъ былъ хлопотать о Меншиковѣ, но только противиться избранію Морица, котораго, однако, теперь стали держать какъ запаснаго кандидата на курляндскій престолъ.

Между тѣмъ, Лефортъ продолжалъ, по прежнему, стараться о томъ, чтобы доставить Морицу Курляндію посредствомъ брака его въ Россіи. Относительно сватовства Морица сохранилась въ дрезденскомъ архивѣ весьма любопытная переписка. Такъ, Лефортъ безпрестанно настаивалъ, чтобы Морицъ самъ пріѣхалъ въ Петербургъ довершить побѣду надъ сердцемъ цесаревны и показалъ бы себя тамъ, живя роскошно и весело. По поводу вызова, сдѣланнаго Морицу, одинъ изъ саксонскихъ министровъ графъ Мантейфель писалъ Лефорту: «dites moi a l'oreille, commbien vous croyez, qu'il faudrait au C. de S. pour gagner les amis en vos cantons»? На этотъ вопросъ Лефортъ отвѣчалъ: «la chose n'est facile à determiner, il s'agit de savoir si c'est pour Nan (Анна Ивановна) ou pour Lis (Елисавета Петровна). La princesse Elisabeth est une place forte à emporter, mais non impossible, car à l'aide du coffre fort la place se rendra. La duchesse de Courlande coutera mais pas tant. L'on juge icy, que si la princesse Elisabeth manque, l'on serait mieux de s'attacher à la fille de Menzikow, qu'à la duchesse de Courlande, elle anra des éspeces, sera bien fournie».

Наконецъ, если-бы и бракъ съ княжной Меншиковой не могъ почему либо состояться, то Лефортъ предназначалъ Морицу въ невѣсты графиню Софью Карловну Скавронскую, фамилія которой такъ быстро возвысилась, вслѣдствіе своего родства съ императрицею Екатериною I. Лефортъ полагалъ, что государыня, выдавая Скавронскую замужъ за Морица, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать ему въ полученіи герцогства курляндскаго.

При сватовствѣ Елисаветы, Лефортъ такъ описывалъ ее: «она блондинка, не такъ высока ростомъ, какъ ея сестра, и склонна къ тому, чтобы быть болѣе дородной (puissante). Она, впрочемъ, стройна и хорошаго средняго роста: у нея

круглое очень миленькое личико, голубые глаза съ поволокой (jus de moineau), прекрасный цвѣтъ лица и прекрасный бюстъ. Что касается ея нрава и наклонностей, то въ этомъ отношеніи она отличается отъ своей сестры. У нея чрезвычайно игривый (enjoué) умъ, ей все-равно тепло ли, холодно ли, живость дѣлаетъ ее вѣтренной; она всегда стоитъ на одной ногѣ, не думая ни о чемъ прочемъ и одарена талантомъ передразнивать походку и наружность каждаго. Она не щадитъ даже самыхъ близкихъ къ ней лицъ, какъ напримѣръ герцога голштинскаго. Она говоритъ превосходно по французски, порядочно по нѣмецки и по любви ко всему блестящему, кажется, рождена для Франціи».

Быть можетъ это самое, хотя и весьма привлекательное съ точки зрѣнія Лефорта, описаніе невѣсты и заставляло Морица, испытавшаго уже порядкомъ горечь брачныхъ узъ, не слишкомъ доискиваться руки бойкой и вѣтренной цесаревны. Лефортъ же, съ своей стороны, умѣлъ, какъ искусный сватъ, повести дѣло такимъ образомъ, что Елисавета заочно влюбилась въ Морица и съ нетерпѣніемъ, даже еще болѣе «avec demangeaison» — какъ выражался саксонскій дипломатъ — ожидала пріѣзда Морица въ Петербургъ. Она говорила, что не хочетъ подчиниться обыкновенной участи принцессъ, вступая въ бракъ изъ-за государственныхъ видовъ и заявляла, что она выйдетъ замужъ за того только, кто ей лично понравится, а Морицъ, который по наружности превосходилъ своего отца, слывшаго нѣкогда замѣчательнымъ красавцемъ, могъ смѣло разсчитывать на вниманіе къ себѣ влюбчивой Елисаветы.

Гродненскій сеймъ, разрѣшивъ вопросъ объ изгнаніи Морица изъ Курляндіи, не разрѣшилъ, однако, окончательно вопроса о будущей судьбѣ герцогства и дѣло оставалось запутаннымъ по прежнему, и относительно этого польскіе коммисары должны были договориться особо съ чинами курляндскаго сейма. Россія, разумѣется, не оставляла своихъ видовъ на Курляндію и король Августъ II, въ разговорѣ съ Ягужинскимъ, далъ понять ему, что онъ, король, противъ поляковъ ничего сдѣлать не можетъ, но что онъ былъ бы очень радъ, если бы Морицъ получилъ помощь со стороны Россіи. Тогда бы и король сталъ дѣйствовать подъ рукою въ его

пользу. Но прежде чѣмъ поднять снова вопросъ о Морицѣ, петербургскій кабинетъ началъ стараться о томъ, чтобы не допустить въ Курляндію польской коммисіи, которая могла усилить тамъ вліяніе Рѣчи Посполитой. Вдовствующая герцогиня была также противъ польской коммисіи въ Курляндіи и отправила въ Варшаву къ Ягужинскому письмо, сообщая, что «при слухахъ о такой коммисіи здѣшняя земля въ великую конфузію и дипперацію приходитъ» и что такая «коммисія» была бы «великое предосужденіе россійскимъ интересамъ». Въ свою очередь и Ягужинскій доносилъ, что ему нечего ждать въ Варшавѣ и что «поляки, видя только словесныя представленія и не опасаясь никакого дѣйствія, не могутъ быть приведены къ резону».

Путаница по курляндскимъ дѣламъ вообще, и въ частности по избранію Морица, усиливалась еще болѣе съ измѣненіемъ политики дрезденскаго кабинета. Сперва, какъ мы уже замѣтили, саксонскіе министры настаивали на удаленіи Морица изъ Курляндіи, а теперь графъ Мантейфель поручалъ Лефорту передать барону Остерману, что бездѣйствіе Саксоніи не слѣдуетъ принимать какъ порицаніе дѣйствій графа Морица и что саксонскій дворъ желаетъ ему успѣха, но съ тѣмъ только, чтобы король былъ въ сторонѣ. Къ этому Мантейфель добавлялъ, что оппозиція шляхты связала королю руки и что его величество вынужденъ даже былъ писать императрицѣ отъ имени республики, чтобы государыня вмѣшалась въ курляндскія дѣла и назначила бы коадъютора герцогу Фердинанду. При этомъ Мантейфель высказывался Лефорту, что коадъюторомъ долженъ быть графъ Морицъ Саксонскій.

31-го декабря 1727 года, князь Меншиковъ, Остерманъ, Апраксинъ и князь Голицынъ, какъ разсказываетъ Веберъ, согласились представить императрицѣ докладъ въ пользу Морица съ тѣмъ, однако, чтобы король прямо высказался относительно образа своихъ дѣйствій, т. е. чтобы онъ гласно заявилъ о томъ, что дѣлалъ до сихъ поръ только подъ рукою и затѣмъ поступалъ бы согласно съ требованіями Россіи.

Лефортъ сообщилъ объ этомъ своему правительству, но не могъ добиться на свою депешу никакого опредѣленнаго отвѣта и, ратуя съ прежнимъ усердіемъ за интересы Морица,

онъ, согласно дрезденской политикѣ, составилъ планъ о доставленіи ему поддержки со стороны Россіи, но такъ, чтобы при этомъ были оставлены совершенно въ сторонѣ и король-курфирстъ и его министры, но Лефортъ не отступалъ и въ этомъ случаѣ отъ своей главной мысли: онъ думалъ осуществить свое намѣреніе посредствомъ брака, однако и здѣсь его встрѣчала неудача за неудачей.

Предполагаемый имъ бракъ Морица съ Елисаветой какъ-то не ладился потому уже, что женихъ, вопреки желанію невѣсты, не явился въ Петербургъ. Между тѣмъ другая невѣста ускользнула отъ Морица: въ январѣ или февралѣ мѣсяцѣ онъ утратилъ благорасположеніе принцессы Анны Ивановны, приволокнувшись за одною изъ ея фрейлинъ. Третья невѣста, графиня Софія Карловна Скавронская вышла замужъ за Петра Ивановича Сапѣгу и, въ добавокъ къ этому, разнеслась въ Петербургѣ молва, что сынъ князя Меншикова женится на ея сестрѣ Екатеринѣ Карловнѣ и получитъ за нею въ приданое герцогство Курляндское.

VI.

Заискиваніе Морица у императрицы Екатерины. — Положеніе дѣлъ въ Курляндіи.—Кончина Екатерины I.—Распоряженіе Меншикова объ изгнаніи Морица изъ Курляндіи. — Генералъ Ласси. — Паденіе Меншикова. — Оставленіе Морицомъ Курляндіи. — Новое его сватовство при посредствѣ Миниха.— Цесаревна Елисавета Петровна. — Дипломатическія сношенія о бракѣ съ Морицемъ. — Лефортъ заявляетъ о невозможности этого брака.

Поставленный въ неопредѣленное, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ затруднительное положеніе, Морицъ задумалъ обратиться къ Англіи, обѣщая ей, если она окажетъ ему поддержку, уступить ей одну изъ курляндскихъ гаваней. Вскорѣ, однако, Морицъ понялъ всю несбыточность такой сдѣлки, которая неминуемо бы вызвала сильное сопротивленіе не только со стороны Польши и Россіи, но также и со стороны Швеціи и Австріи, навлекши негодованіе на Морица и въ самой Курляндіи. Затѣмъ Морицъ сталъ подумывать о томъ, какъ бы заручиться ему благорасположеніемъ русской императрицы, тѣмъ болѣе, что, какъ казалось, дѣла его въ Петербургѣ стали принимать лучшій оборотъ.

Что же касается собственно Курляндіи, то тамъ дѣла его находились въ слѣдующемъ положеніи: въ мартѣ 1727 года явился въ Варшаву курляндскій депутатъ Медемъ просить сеймъ, чтобы онъ отмѣнилъ распоряженіе о посылкѣ въ Курляндію польской коммисіи и о сохраненіи за курляндцами ихъ прежнихъ правъ и привилегій безъ всякаго измѣненія въ прежнемъ порядкѣ управленія герцогствомъ. Но всѣ представленія Медема не повели ни къ чему, онъ былъ арестованъ, а варшавскій сеймъ призналъ курляндцевъ бунтовщиками и не думалъ вовсе отмѣнять постановленія предшествовавшаго сейма. Впрочемъ, изъ донесеній Ягужинскаго и Бестужева можно заключить, что поляки, принимая притворную готовность короля не поддерживать Морица за истинное его намѣреніе, стали спокойнѣе относиться къ курляндскимъ дѣламъ. «О раздѣленіи Курляндіи—писали изъ Варшавы въ Петербургъ Ягужинскій и Бестужевъ—поляки больше не думаютъ, хотятъ оставить тамъ правительство нѣмецкое, только не хотятъ слышать объ избраніи новаго герцога. На наши представленія въ пользу Курляндіи одинъ жестокій отвѣтъ, что мы въ ихъ домашнія дѣла не имѣемъ права мѣшаться». Видя, что Россія не принимаетъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, Морицъ задумалъ утвердиться въ Курляндіи при пособіи Франціи, но версальскій кабинетъ вовсе не желалъ впутываться въ курляндскія дѣла, такъ какъ кардиналъ Флери, управлявшій въ то время внѣшнею политикою Франціи, хлопоталъ единственно о томъ, чтобы поддержать миръ въ Европѣ и устранялся отъ столкновенія даже по такимъ вопросамъ, которые для Франціи были несравненно важнѣе, нежели избраніе какого-то герцога курляндскаго. Въ концѣ апрѣля 1727 года, Морицъ пріѣхалъ въ Парижъ и уѣхалъ оттуда 2-го іюля, не успѣвъ ни въ чемъ. Въ Пильницѣ онъ былъ встрѣченъ ласково своимъ отцомъ, который, однако, обязалъ его не говорить ни слова о курляндскихъ дѣлахъ.

Въ это время онъ узналъ о кончинѣ императрицы Екатерины I. Событіе это, какъ писалъ Морицъ своей матери, было для него страшнымъ ударомъ. Морицъ всетаки надѣялся на поддержку со стороны государыни, въ тайнѣ благоволившей къ нему въ послѣднее время. Правда, что и самъ Мо-

рицъ не желалъ прямаго вмѣшательства русскихъ въ курляндскія дѣла, но всетаки онъ разсчитывалъ, что русская политика косвеннымъ образомъ повліяетъ въ его пользу и предполагалъ, что поляки, видя нерѣшительность Россіи, сами будутъ колебаться, и переставъ горячиться, не примутъ для изгнанія его изъ Курляндіи крайнихъ мѣръ. Теперь же Морицъ предвидѣлъ, что князь Меншиковъ, сдѣлавшись полновластнымъ распорядителемъ въ Россіи и мстя за свои прежнія неудачи въ Курляндіи, наложитъ на нее свою тяжелую, безпощадную руку. Громко заговорили тогда, что князь прочитъ Курляндію въ приданое своей младшей дочери, и что дѣло останавливается только за выборомъ ей жениха. Морицъ, однако, не отвѣтствовалъ видамъ Меншикова и потому, чтобы очистить Курляндію отъ претендента, генералу Ласси приказано было двинуть туда до 8,000 русскаго войска и немедленно изгнать Морица.

Испытавъ различныя приключенія, Морицъ къ тому времени возвратился изъ Парижа, черезъ Дрезденъ, въ Митаву и тотчасъ же по своемъ пріѣздѣ получилъ отъ генерала Ласси приказаніе оставить безотлагательно столицу герцогства подъ угрозою, что въ случаѣ сопротивленія, ему придется познакомиться съ «очень отдаленною страною», т. е. съ Сибирью. Крѣпко надѣялся Морицъ на преданность курляндцевъ, рѣшившихся на словахъ умереть за избраннаго ими герцога, но когда имъ пришлось доказать это на дѣлѣ, то никто изъ нихъ не явился на выручку Морица. Онъ остался одинъ съ своими тѣлохранителями и горстію волонтеровъ, прибывшихъ къ нему изъ Нидерландовъ. Все войско его состояло изъ 12 офицеровъ, 104 пѣхотинцевъ, 98 драгуновъ и 33 человѣка его домашней прислуги. Не смотря на такую слабость своихъ военныхъ силъ, Морицъ рѣшился сопротивляться и, удалившись на островъ Усмаисъ, окопался тамъ и приготовился къ отчаянному отпору. Въ отвѣтъ на требованія генерала Ласси сдаться, Морицъ попросилъ у него на размышленіе десяти-дневной отсрочки, но она была дана ему только на сорокъ восемь часовъ. Срокъ прошелъ, Морицъ не сдался и русскіе двинулись противъ него.

Извѣстно, что Морицъ на полѣ битвы отличался безпредѣльной личной отвагой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, какъ

военачальникъ, чрезвычайно дорожилъ своими солдатами и избѣгалъ всегда напраснаго кровопролитія. Сопротивленіе русскимъ было бы теперь ничѣмъ неоправдываемымъ безразсудствомъ и потому Морицъ, собравъ свою немногочисленную дружину, объявилъ ей, что борьба съ русскими будетъ безполезна. «Что же касается меня — добавилъ онъ, то русскіе не захватятъ меня ни сегодня, ни завтра. Посмотримъ, чѣмъ все это кончится!»

Сказавъ это, Морицъ сѣлъ на коня и частію вплавь, а частію въ бродъ добрался до Виндавы. Съ отъѣздомъ Морица горсть его прежнихъ защитниковъ сдалась безусловно генералу Ласси, который обошелся съ ними какъ нельзя лучше. Весь багажъ Морица былъ захваченъ русскими, за исключеніемъ одной только шкатулки, въ которой заключался актъ объ избраніи его герцогомъ курляндскимъ. Шкатулку эту успѣлъ сохранить Бове, его вѣрный служитель.

Отдѣлавшись отъ Морица, Меншиковъ, при своемъ неограниченномъ могуществѣ въ Россіи, имѣлъ возможность располагать и судьбою Курляндіи, но торжество его было непродолжительно, такъ какъ спустя нѣсколько недѣль послѣ изгнанія Морица изъ Курляндіи, онъ самъ палъ съ высоты своего величія. Но участь Морица тѣмъ не менѣе была рѣшена окончательно, такъ какъ по слѣдамъ генерала Ласси въѣхали въ Митаву польскіе коммисары, не встрѣчая ни малѣйшаго сопротивленія и поспѣшили уничтожить всѣ слѣды избранія Морица. Въ Митавѣ былъ собранъ курляндскій сеймъ, который, 15-го сентября 1727 года, также единодушно призналъ незаконнымъ избраніе Морица, какъ единодушно провозгласилъ его герцогомъ курляндскимъ 28-го іюля 1726 года.

Морицъ, изгнанный изъ Курляндіи, отправился въ Парижъ, гдѣ исканія имъ курляндскаго престола не только не доставило ему славы, но даже и извѣстности. Теперь для Морица началась томительная скука; онъ только изрѣдка являлся ко двору и бо̀льшую часть времени проводилъ или на охотѣ или во снѣ.

Но если самъ Морицъ не хлопоталъ болѣе о курляндскомъ герцогствѣ, то неутомимый Лефортъ заботился по прежнему

объ его интересахъ, т. е. старался добыть ему это герцогство посредствомъ брака.

Въ началѣ 1728 года Лефортъ встрѣтилъ во дворцѣ императора Петра II генерала, впослѣдствіи знаменитаго фельдмаршала Миниха, который завелъ съ нимъ рѣчь о Морицѣ, спросивъ, почему графъ Саксонскій не старается добыть себѣ курляндское герцогство? «Но развѣ можетъ онъ предпринять что-нибудь, не зная напередъ о тѣхъ чувствахъ, какія питаетъ къ нему принцесса Елисавета»? замѣтилъ Лефортъ. Если только за тѣмъ стало дѣло, то я завтра же узнаю объ этомъ, отвѣчалъ Минихъ. На другой день послѣ этого — какъ сообщалъ въ своей депешѣ Лефортъ — Елисавета Петровна сказала Миниху, что она относительно Морица не хочетъ вступать въ переговоры ни съ какимъ посредникомъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ его самого. Обрадованный Лефортъ тотчасъ же сообщилъ объ этомъ Августу II, настаивая на необходимости пріѣхать Морицу въ Петербургъ. Лефортъ подбивалъ къ этому и самого Морица, прибавляя, что если бы ему и не удалось получить ничего особеннаго за Елисаветой Петровной, то она все же и безъ этого весьма завидная невѣста потому, что тѣ помѣстья покойной императрицы, которыя ей даетъ теперь императоръ, приносятъ сто тысячъ рублей ежегоднаго дохода.

Обыкновенно бываетъ такъ, что человѣкъ, увлекающійся какимъ нибудь предпріятіемъ, начинаетъ смотрѣть на него односторонне и ему подъ-конецъ кажется, что рѣшительно всѣ люди одинаковаго съ нимъ мнѣнія. Такъ было и съ Лефортомъ. 23-го января 1728 года нѣкто Баконъ, пріятель Морица, отправился изъ Петербурга въ Германію и во Францію и это обстоятельство дало Лефорту поводъ написать на другой день въ Дрезденъ слѣдующія строки: «Нынѣшняго числа ночью поѣхалъ Баконъ къ графу Саксонскому. Все, что было говорено ему при этомъ случаѣ, а также и поспѣшность, съ какою ускоряли его отъѣздъ, казалось, подсказывали ему: поѣзжайте и привезите его, т. е. Морица. По видимому, вся страна говоритъ въ пользу графа, послѣ того какъ любовь царя перешла на Зыбину» и далѣе: «о курляндскомъ вопросѣ нѣтъ вовсе рѣчи, какъ будто его никогда не существовало. Всѣ кричатъ: супружество! супружество! У прин-

цессы Елисаветы нѣтъ недостатка въ женихахъ, кончая герцогомъ Фердинандомъ, который сдѣлалъ ей предложеніе. Полагаютъ, что графъ понравится царю: онъ охотникъ, любитъ ѣздить верхомъ, да и по другимъ многимъ качествамъ они сходны между собою».

Графъ Мантейфель усомнился, однако, въ достовѣрности подобныхъ депешъ Лефорта и нашелъ средство снестись касательно женитьбы Морица на цесаревнѣ съ какими-то двумя русскими вельможами, которые дали ему отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что надобно быть круглымъ дуракомъ, чтобы посовѣтовать Морицу рѣшиться на такую попытку. Самъ Морицъ раздѣлялъ теперь этотъ неутѣшительный для него взглядъ. «Я не могу—писалъ онъ—отважиться на такія попытки, которыя сдѣлаютъ меня смѣшнымъ и безполезно истомятъ меня и скучнымъ пребываніемъ и продолжительнымъ путешествіемъ».

Лефортъ, однако, не унимался и въ теченіе лѣта 1728 года твердилъ неустанно друзьямъ Морица: «все идетъ превосходно, успѣхъ будетъ, пусть графъ Морицъ поживетъ въ окрестностяхъ Москвы и будетъ готовъ явиться тула по первому призыву, чтобы воспользоваться благопріятнымъ случаемъ». Одновременно съ этимъ Лефортъ сообщалъ множество, и, по всей вѣроятности, если не вполнѣ вымышленныхъ, то, по-крайней мѣрѣ, разукрашенныхъ имъ анекдотовъ, которые должны были свидѣтельствовать о нѣжныхъ чувствахъ Елисаветы къ Морицу.

По разсказу Лефорта, когда король-курфирстъ, въ сентябрѣ 1728 года, прислалъ въ подарокъ Елисаветѣ Петровнѣ великолѣпный фарфоровый сервизъ, то одно лицо изъ свиты цесаревны сказало при этомъ: вотъ первый подарокъ, который ваше высочество получили отъ коронованной особы. — Это правда, отвѣчала цесаревна, но я желала бы получить отъ короля другой подарокъ. — Какой-же? — Мужа. Потомъ, какъ разсказываетъ Лефортъ, въ декабрѣ того же года, одинъ изъ друзей Морица, какой-то Френезъ, написалъ къ своей знакомой придворной дамѣ, госпожѣ Рамъ, письмо, прося ее провѣдать о чувствахъ цесаревны къ Морицу. Елисавета Петровна попросила это письмо у госпожи Рамъ и была очень довольна имъ. Вслѣдъ за тѣмъ, она пригласила къ себѣ Лефорта и, въ присутствіи госпожи Рамъ, сказала ему: «не пе-

редавайте графу Саксонскому, что я читала письмо его друга, но напишите ему, что я была бы очень рада видѣть его».

Лефортъ до такой степени усердно сваталъ Морицу Елисавету, что, наконецъ, самъ король нашелся вынужденнымъ послать ему меморандумъ, въ которомъ, упоминая о предположеніяхъ Лефорта относительно брака, его величество соглашался на поѣздку Морица для сватовства въ Россію, обусловливая ее слѣдующими предварительными, положительно высказанными сообщеніями со стороны свата: 1) Согласна-ли принцесса Елисавета вступить въ бракъ съ Морицемъ? 2) Изъявитъ ли государь согласіе на этотъ бракъ? 3) Будетъ ли доставлено Морицу приличное положеніе въ Россіи? и 4) Чтобы отъ самаго короля не требовали пристроить Морица, такъ какъ это не зависитъ отъ его величества.

Въ концѣ этого меморандума было прибавлено, что король никакъ не можетъ согласиться, чтобы графъ Морицъ снова началъ рыскать (fase la galopin) и искать приключеній (aventurier), если не будутъ окончательно разъяснены выше приводимыя обстоятельства. Вмѣстѣ съ тѣмъ король предписывалъ Лефорту не давать дальнѣйшаго хода дѣлу и не дѣйствовать отъ имени его величества прежде окончательнаго разъясненія предложенныхъ условій.

Когда, такимъ образомъ, Лефорту пришлось отвѣчать рѣшительно, то онъ далъ совершенно неожиданный оборотъ всему дѣлу. Упомянутый меморандумъ былъ отправленъ къ нему 7-го февраля 1729 года, а вслѣдъ за тѣмъ, 21-го марта, Лефортъ писалъ въ Варшаву, что съ нѣкотораго времени образъ жизни принцессы сталъ таковъ, что друзья Морица совершенно отказались отъ устройства его брака съ нею. Этимъ и окончилось сватовство, тянувшееся въ продолженіе пяти лѣтъ.

VII.

Договоръ Польши съ Россіею о Курляндіи. — Новая попытка Морица овладѣть Курляндскимъ герцогствомъ.—Указъ императрицы Анны Ивановны.—Соперникъ Морица—Биронъ.—Вступленіе на престолъ Елисаветы Петровны.—Вмѣшательство Франціи въ курляндскія дѣла.—Пріѣздъ Морица въ Москву.—Пріемъ его императрицею.—Устраиваемыя для него увеселенія.—Отказъ содѣйствовать Морицу въ полученіи Курляндіи—Отъѣздъ Морица изъ Москвы.

Въ 1733 году умеръ король Августъ II и на мѣсто его былъ избранъ сынъ его курфирстъ саксонскій, подъ именемъ Августа III. Морицъ не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ новымъ королемъ, и Августъ III съ своей стороны не думалъ вовсе о возстановленіи его правъ на Курляндію. Напротивъ даже, онъ, немедленно, по вступленіи своемъ на польскій престолъ, заключилъ съ Россіею договоръ о сохраненіи политической независимости Курляндіи, какъ при жизни правившаго еще герцога Фердинанда, такъ и при его преемникахъ, правильно избранныхъ. Этимъ договоромъ онъ устранялъ возможность раздѣленія герцогства Курляндскаго на воеводства, а слѣдовательно и ту причину, которая служила главнымъ поводомъ для вмѣшательства Россіи въ курляндскія дѣла. Затѣмъ, такъ какъ избраніе Морица въ герцоги курляндскіе было уже признано неправильнымъ и въ Петербургѣ и въ Польшѣ и въ самой Курляндіи, то о немъ не могло быть и помину.

Когда 4-го мая 1737 года умеръ герцогъ Фердинандъ, послѣдній представитель герцогскаго дома Кеттлеровъ, то вопросъ о Курляндіи приближался къ роковой развязкѣ. Морицъ находился въ это время въ Дрезденѣ и попытался было возстановить свои права на герцогскую корону. Онъ обратился къ курляндскимъ чинамъ, собравшимся въ Митавѣ, съ воззваніемъ, въ которомъ, послѣ изъявленія своего соболѣзнованія о кончинѣ герцога Фердинанда, писалъ: «вы уже предвидѣли настоящее бѣдственное положеніе и произвели на этотъ случай выборъ въ мою пользу; такой выборъ долженъ былъ бы получить въ настоящее время свою силу, если бы превратность не была удѣломъ человѣческихъ дѣйствій. Что ка-

сается меня, то я увѣренъ, вы отдадите мнѣ справедливость въ томъ отношеніи, что повѣрите въ готовность мою умереть, сражаясь за васъ, если нужно будетъ сражаться. Этимъ до нѣкоторой степени я отблагодарю васъ за то, что вы для меня сдѣлали».

Воззваніе Морица осталось безъ всякихъ послѣдствій, и онъ, не видя въ Курляндіи никакого движенія въ свою пользу, уѣхалъ изъ Варшавы во Францію искать славы на бранномъ полѣ.

По всей вѣроятности, къ этому времени относится данный императрицею Анною генералу Ласси указъ, извлеченный изъ дѣлъ Государственнаго Архива покойнымъ профессоромъ И. П. Шульгинымъ и обязательно сообщенный намъ А. А. Майковымъ; въ указѣ этомъ объявлялось: «понеже разглашеніе есть, что графъ Морицъ Саксонскій и политическій тайный совѣтникъ Басовичъ имѣютъ въ Москву ѣхать, а мы оныхъ людей допустить весьма незаблагоизобрѣтаемъ, того ради повелѣваемъ вамъ приказать ихъ секретно въ Курляндіи стеречь и какъ скоро вы о путешествіи ихъ и что оные въ Курляндію пріѣхали, увѣдомитесь, то ѣхать вамъ самимъ немедленно въ Митаву и по пріѣздѣ ихъ имъ пристойно внушить, чтобы они продолженіе своего пути и пріѣздъ въ Москву оставили, и лучше бы назадъ возвратились, понеже вы совершенно вѣдаете, что сей ихъ пріѣздъ при нынѣшнихъ случаяхъ намъ весьма противенъ и неугоденъ будетъ». Если бы они не послушались этихъ внушеній, то Ласси долженъ былъ объявить имъ, что онъ ихъ въ Ригу, а тѣмъ менѣе еще далѣе въ Россію допустить не смѣетъ, что онъ и дѣйствительно долженъ былъ исполнить. «Сей указъ, сказано было въ заключеніе, содержать про себя одного секретно и никому, кто бы ни былъ, о томъ не объявлять и для того переводъ его на нѣмецкій языкъ приложенъ, чтобъ лучше вразумѣть и потому такъ и поступить могли».

Если еще и прежде петербургскій кабинетъ не содѣйствовалъ къ осуществленію видовъ Морица на Курляндію, то теперь со стороны Россіи Морицъ никакъ не могъ надѣяться на ея поддержку, такъ какъ императрица Анна Ивановна предназначала въ герцоги курляндскаго любимца своего графа Бирона. Впрочемъ, Биронъ, какъ передаетъ Веберъ, хотѣлъ

въ пользу Морица отступиться отъ этой кандидатуры, но король Августъ III, желая угодить императрицѣ, предпочелъ Бирона Морицу.

Все время, отъ избранія Бирона въ герцоги и до его ссылки въ Пелымь, Морицъ провелъ во Франціи. Вступленіе на престолъ цесаревны Елисаветы Петровны и открывшаяся за нѣсколько времени передъ этимъ ваканція на курляндскомъ престолѣ побудила, наконецъ, Морица сдѣлать рѣшительный шагъ для достиженія цѣли. Другія обстоятельства также благопріятствовали Морицу. Такъ, избранный въ герцоги курляндскіе зять правительницы Анны Леопольдовны, герцогъ брауншвейгскій не былъ признанъ Польшею въ этомъ достоинствѣ, а паденіе брауншвейгскаго дома въ Россіи отнимало у него всякую поддержку со стороны этой послѣдней, такъ какъ Елисавета Петровна не благоволила съ соперничавшею съ нею брауншвейгскою фамиліею. Но еще важнѣе этого обстоятельства было то, что при дворѣ новой императрицы находился французскимъ посломъ извѣстный маркизъ Шетарди, пользовавшійся въ то время особымъ расположеніемъ государыни. Шетарди, поддерживаемый Лефортомъ, приглашалъ Морица пріѣхать поскорѣе въ Россію. Версальскій кабинетъ хотѣлъ пособить Морицу, и въ дрезденскомъ архивѣ сохранились извѣстія о вмѣшательствѣ Франціи въ курляндскія дѣла. Такъ какъ отстраненнаго отъ курляндскаго престола герцога брауншвейгскаго замѣнилъ немедленно новый кандидатъ, ландграфъ гессенскій, поддерживаемый Пруссіею, то Франція въ отношеніи Курляндіи приняла слѣдующую политику. Кардиналъ Флери, въ уваженіе блестящихъ военныхъ заслугъ, оказанныхъ Морицемъ подъ знаменами Франціи, поручилъ его интересы попеченію маркиза Шетарди, но, не желая раздражать Пруссію, предписалъ маркизу просить императрицу Елисавету Петровну, чтобъ она не покровительствовала ни ландграфу, ни Морицу, но предоставила бы митавскому сейму полную свободу дѣйствовать такъ, какъ онъ самъ заблагоразсудитъ. При этомъ, конечно, имѣлось въ виду, что курляндцы скорѣе склонятся на сторону Морица, однажды уже избраннаго ими, нежели на сторону ландграфа гессенскаго. Шетарди хотѣлъ, однако, усилить протекцію, оффиціально оказываемую имъ Морицу, своимъ личнымъ участіемъ, и съ

этою цѣлью онъ внушилъ ему, чтобы Морицъ неожиданно явился въ Москву на празднества, происходившія тамъ по случаю коронаціи императрицы, и Морицъ поспѣшилъ послѣдовать совѣту маркиза.

10-го іюня 1742 года, въ одиннадцать часовъ вечера, Морицъ явился въ Москву и остановился въ домѣ Шетарди. Молва объ его пріѣздѣ ходила еще ранѣе и было не мало пари о томъ: пріѣдетъ ли онъ или нѣтъ? Такія извѣстія относительно Морица передавалъ королю Августу III его посланникъ Пецольдтъ, находившійся въ Москвѣ. Въ самый день пріѣзда Морица, Шетарди въ честь его, далъ великолѣпный ужинъ, пригласивъ къ себѣ, по этому случаю, русскихъ вельможъ. Ужинъ шелъ весело при обильныхъ возліяніяхъ и длился до трехъ часовъ утра; въ одиннадцать часовъ Морицъ былъ представленъ императрицѣ оберъ-гофмаршаломъ Бестужевымъ. По всей вѣроятности Морицъ, въ то время пожилой уже мужчина, не произвелъ на Елисавету Петровну того впечатлѣнія, какое онъ заочно производилъ на нее лѣтъ пятнадцать назадъ, благодаря усердію Лефорта. Императрица приняла его очень милостиво и пригласила его танцовать съ собою второй контрдансъ на бывшемъ въ тотъ вечеръ придворномъ маскарадѣ. Передавая объ этомъ въ письмѣ къ графу Брюлю, саксонскому министру, Пецольдтъ прибавляетъ, что всѣ съ нетерпѣніемъ желали знать истинную причину пріѣзда Морица. Пецольдтъ не говоритъ, склонялись ли тогдашніе московскіе толки къ вопросу о бракѣ императрицы съ Морицомъ. Но во всякомъ случаѣ, подобное предположеніе было уже запоздалымъ. 13-го іюня Шетарди далъ большой обѣдъ въ честь Морица. На этотъ обѣдъ, прямо съ прогулки верхомъ, пріѣхала въ мужскомъ платьѣ императрица и осталась въ гостяхъ у Шетарди до поздняго вечера. Въ часы, свободные отъ веселья, Елисавета Петровна сама показывала Морицу достопримѣчательности Москвы. 18-го іюня камергеръ Воронцовъ устроилъ для Морица завтракъ, послѣ котораго всѣ присутствовавшіе на немъ сопровождали верхами императрицу при прогулкѣ ея по улицамъ Москвы. Во время этой прогулки императрица заѣхала, по случаю дождя, въ Кремль и показала Морицу царскія сокровища, выставленныя въ большой залѣ кремлевскаго дворца. Вечеромъ въ этотъ день былъ

ужинъ у маркиза Шетарди и императрица присутствовала на немъ до шести часовъ утра.

Между тѣмъ Шетарди, пользуясь вниманіемъ государыни къ Морицу, хотѣлъ устроить его дѣло при главномъ содѣйствіи Лестока, но когда объ этомъ зашла при дворѣ рѣчь, то приближенные къ государынѣ лица дали понять французскому послу, что хотя пріѣздъ Морица былъ для императрицы очень пріятенъ, но что касается курляндскихъ дѣлъ, то ея величество, предложивъ уже съ своей стороны кандидатомъ въ курляндскіе герцоги ландграфа гессенскаго, не можетъ теперь отступить отъ этого предложенія. Впрочемъ, добавили маркизу, такъ какъ государыня не хочетъ принуждать ни къ чему ни Польшу, ни короля Августа III, ни курляндцевъ и такъ какъ она желаетъ, чтобы курляндское герцогство сохранило свои права и привилегіи, предоставленныя ему въ силу старинной конституціи, то она не будетъ противодѣйствовать кандидатурѣ графа Саксонскаго. Послѣ такого равнодушнаго отвѣта на искательства Морица, онъ увидѣлъ безполезность дальнѣйшаго своего пребыванія въ Москвѣ и выѣхалъ отъ туда 4-го іюля.

Въ 1748 году, при заключеніи ахенскаго мира, французская дипломатія пыталась, было, поднять вопросъ о правѣ Морица на Курляндію, и потребовать отъ Россіи его признанія въ достоинствѣ герцога курляндскаго и семигальскаго, но попытка эта прошла совершенно безслѣдно. Послѣ того Морицъ пересталъ думать о курляндскомъ престолѣ и хотѣлъ удовлетворить свое честолюбіе другими способами.

VIII.

Требованія Франціи о признаніи Россіею Морица герцогомъ курляндскимъ.—Неудача этой попытки.—Притязанія Морица.—Замыслы его сдѣлаться царствующимъ лицомъ. — Жизнь его въ помѣстьи Шамборъ.—Загадочные слухи объ его смерти.—Его характеристика.

Основываясь на томъ, что Морицъ — какъ писалъ онъ самъ—«имѣетъ честь быть сыномъ великаго короля, главы одного изъ знаменитѣйшихъ владѣтельныхъ домовъ въ Европѣ, а также и на томъ, что онъ былъ избранъ въ герцоги кур-

ляндскіе, Морицъ просилъ у Людовика XV, чтобы король предоставилъ ему права и почести, присвоенныя во Франціи принцамъ царствующихъ домовъ. Неизвѣстно, впрочемъ, какой отвѣтъ послѣдовалъ на эту просьбу. Вскорѣ послѣ того Морицъ задумалъ сдѣлаться независимымъ государемъ на островѣ Мадагаскарѣ, который онъ предполагалъ населить нѣмцами, но требованія его отъ Франціи, для осуществленія этого плана, были такъ велики, что онъ получилъ рѣшительный отказъ. Тогда Морицъ задался мыслью устроить для себя независимое королевство на островѣ Табаго, но и этотъ планъ рушился, такъ какъ Франція принуждена была уступить островъ Табаго Голландіи. Потерпѣвъ такую неудачу, Морицъ не унялся, и сталъ мечтать о Корсикѣ. Сдѣлаться ему тамъ королемъ казалось тѣмъ легче, что незадолго передъ этимъ подобный примѣръ былъ уже данъ однимъ авантюристомъ, вестфальскимъ барономъ Нейгофомъ. Но и этотъ замыслъ Морица, по разнымъ причинамъ, не состоялся и тогда Морицъ остановился на предположеніи — выселить всѣхъ евреевъ изъ Европы въ Америку и возстановить тамъ для себя престолъ царя-псалмопѣвца. Всѣ эти предположенія, мѣнявшіяся быстро одно за другимъ, оказывались неудобоисполнимыми, и эксъ-герцогъ курляндскій бездѣятельно проводилъ время въ помѣстьѣ Шамборъ, пожалованномъ ему королемъ за доблестныя заслуги. Здѣсь онъ жилъ съ затѣями на королевскій ладъ и умеръ осенью 1750 года. По разсказамъ, получившимъ въ это время оффиціальную достовѣрность, Морицъ скончался отъ горячки послѣ непродолжительной болѣзни; а по молвѣ, подтверждавшейся нѣкоторыми особыми обстоятельствами, онъ былъ убитъ на поединкѣ нѣкогда оскорбленнымъ имъ принцемъ Конти. Поединокъ этотъ, по политическимъ соображеніямъ, долженъ былъ оставаться въ тайнѣ, и потому королевское правительство старалось съ своей стороны заглушить ходившіе о немъ толки, подтверждая, что смерть Морица произошла отъ постигшей его болѣзни.

Мы видѣли, что Морицу не пришлось играть у насъ слишкомъ блестящую роль. Онъ остался только не признаннымъ претендентомъ на курляндское герцогство и женихомъ, въ котораго хотя и влюбились двѣ царственныя невѣсты,

одна при свиданіи съ нимъ, а другая даже заочно, но который не имѣлъ у нихъ окончательнаго успѣха. Тѣмъ не менѣе въ политической исторіи Россіи Морицъ является все-таки весьма замѣтною личностію не только по прямымъ своимъ столкновеніямъ съ могущественнымъ въ то время княземъ Меншиковымъ, но и по тѣмъ затрудненіямъ, въ которыя онъ ставилъ нѣсколько разъ русскую дипломатію въ отношеніи къ Польшѣ. Притомъ, вообще, дѣло объ избраніи Морица въ герцоги курляндскіе было первымъ и, надобно сказать, довольно удачнымъ опытомъ установленія русскаго вліянія на Курляндію и вмѣстѣ съ тѣмъ косвеннымъ образомъ и на самую Польшу. Русская политика, въ этомъ случаѣ могла достаточно убѣдиться въ возможности располагать дальнѣйшею судьбою Курляндіи и подготовить будущее ея подданство Россіи, а не Пруссіи, хотя по прежнему ходу историческихъ событій и въ силу политическо-господствовавшей тамъ нѣмецкой національности, Курляндіи скорѣе всего предстояло сдѣлаться достояніемъ этой послѣдней.

Что касается собственно Морица, то французы высоко превознесли его, восхищаясь въ особенности тѣмъ, что онъ вполнѣ усвоилъ себѣ отличительныя черты французскаго характера: смѣлость, находчивость и благородное прямодушіе. Они поставили его въ ряду величайшихъ полководцевъ Франціи за его военные подвиги, упоминать о которыхъ мы находимъ здѣсь совершенно излишнимъ уже потому, что они не вліяли на сферу событій, составляющихъ предметъ настоящей статьи. Увлеченіе французскихъ писателей храбрымъ, блестящимъ и даровитымъ Морицомъ и до нынѣ еще слишкомъ сильно. Такъ, послѣдній изъ его біографовъ Талльянде высказываетъ, между прочимъ, мысль, что Россія, по всей вѣроятности, много потеряла отъ того, что не состоялся бракъ Морица съ будущею императрицею Елисаветою. По мнѣнію Талльянде, Морицъ имѣлъ бы самое благотворное вліяніе на государыню и предохранилъ бы Россію отъ многихъ, сдѣланныхъ во время ея правленія ошибокъ и несправедливостей. Съ такимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться и, даже напротивъ, надобно предположить, что воинственный и честолюбивый Морицъ, если бы только онъ получилъ у насъ силу, вовлекъ бы Россію въ такія кровавыя столкновенія, отъ кото-

рыхъ ей удавалось отстраняться при иномъ направленіи нашей политики.

Нѣмецкіе біографы тоже превозносятъ похвалами личность Морица. Если, однако, ограничиться только дѣйствіями его въ Курляндіи, то онъ представится не болѣе, какъ смѣлымъ искателемъ приключеній. Нравственныя его стороны также не совсѣмъ привлекательны: онъ считалъ нужнымъ заискивать у Бестужева, подкупалъ Дивьера и придавалъ себѣ въ собственныхъ глазахъ чрезвычайную цѣну, полагая, что курляндцы въ самомъ дѣлѣ готовы умереть за него. Желаніе же его сдѣлаться государемъ, хотя бы даже іудейскимъ царемъ въ Америкѣ, показываетъ ничѣмъ неудержимое его славолюбіе.

ПРУССКІЙ ПОЧТЪ-ДИРЕКТОРЪ ВАГНЕРЪ.

(1759—1763.)

Въ 1759 году, наши войска заняли все королевство прусское, жители котораго приносили присягу на вѣрноподданство императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, а всѣ государственные доходы королевства велѣно было собирать въ пользу русской казны. Между тѣмъ нѣкоторые изъ прусскихъ чиновниковъ, оставаясь вѣрными прежнему королевскому правительству, сносились съ нимъ секретно и пересылали тайкомъ въ его распоряженіе, поступавшіе къ нимъ казенные доходы. Къ числу такихъ чиновниковъ принадлежалъ и почтъ-директоръ въ Пилавѣ Іоганъ-Людвигъ Вагнеръ. На него, однако, былъ сдѣланъ доносъ инспекторомъ-отъ-строеній Лангомъ, и онъ, какъ нарушившій присягу, данную имъ русской императрицѣ, былъ признанъ государственнымъ преступникомъ и дорого поплатился за это.

О жизни Вагнера до захвата его русскими ничего намъ неизвѣстно, а по возвращеніи его изъ Россіи въ Пруссію онъ горько жаловался на то, что королевскимъ правительствомъ были забыты оказанныя имъ услуги, за которыя — какъ писалъ онъ — если бы только знали о нихъ русскіе, его непремѣнно подвергли бы смертной казни. Король вознаградилъ Вагнера за всѣ перенесенныя имъ страданія только предоставленіемъ ему должности почтъ-директора сперва въ Пилавѣ, а потомъ въ Грауденцѣ. Находясь на этомъ послѣднемъ мѣстѣ, Вагнеръ написалъ свои воспоминанія о Россіи

и издалъ ихъ въ 1789 году въ Берлинѣ подъ заглавіемъ: «Johann Ludwig Wagners Schicksäle während seiner unter den Russen erlittenen Staatgefangenschaft in den Jahren 1759 bis 1763, von ihm selbst beschrieben und mit unterhaltenden Nachrichten und Beobachtnngen über Sibirien und das Königreich Casan durchiebt», т. е. «Участь Іогана Людвига Вагнера, испытанная имъ во время государственной его ссылки русскими отъ 1759 до 1763 г., описанная имъ самимъ съ присовокупленіемъ дополнительныхъ свѣдѣній и наблюденій о Сибири и царствѣ Казанскомъ». Книга эта заключаетъ въ себѣ не поденныя записки, но только воспоминанія о времени, проведенномъ Вагнеромъ въ Россіи, или, говоря точнѣе, въ Сибири. Она, какъ надобно полагать, возбудила интересъ за границей, потому что, на другой же годъ послѣ своего появленія въ Берлинѣ, была переведена на французскій языкъ и издана въ Бернѣ. Переводъ, однако, былъ крайне неудовлетворителенъ какъ въ отношеніи вѣрности съ подлинникомъ, такъ и полноты. Вагнеръ, заявляя о несомнѣнной достовѣрности внесенныхъ въ его книгу фактовъ, а также и о томъ, что онъ не пользовался записками другихъ путешественниковъ, проситъ снисхожденія читателей только въ отношеніи географическихъ данныхъ, которыя могутъ оказаться у него не точными.

Разсказывая о своей невольной побывкѣ въ Сибири, Вагнеръ начинаетъ съ того, какъ 25-го февраля 1759 года, въ 10 часовъ вечера, когда онъ аккомпанировалъ на клавесинѣ пѣнію своей сестры, въ комнату къ нимъ вошелъ русскій маіоръ фонъ-Виттксе, въ сопровожденія плацъ-маіора Репнина. На вопросъ Вагнера, что вызвало посѣщеніе маіора въ такую позднюю пору?—послѣдній отвѣчалъ, что коменданту нужно сейчасъ же имѣть четыре почтовыя лошади и карету и что онъ объ этомъ хочетъ лично переговорить съ Вагнеромъ. Вагнеръ попытался было уклониться отъ свиданія съ русскимъ комендантомъ, но тогда маіоръ Виттксе прямо объявилъ ему, что онъ арестованъ. Вагнеръ долженъ былъ покориться военной силѣ; его вывели изъ дому, посадили въ карету и подъ сильнымъ конвоемъ отвезли въ Кенигсбергъ, гдѣ и засадили въ Фридрихсбургскую цитадель, въ которой впрочемъ содержали его очень хорошо.

І. Л. ВАГНЕРЪ.

Съ гравированнаго портрета Дункера 1790 г.

Спустя пятнадцать дней послѣ привоза Вагнера въ Кенигсбергъ, явился къ нему русскій генералъ, баронъ Корфъ, для допроса, при чемъ произведена была Вагнеру очная ставка съ Лангомъ; на ней этотъ послѣдній предъявилъ собственноручную записку Вагнера, въ которой тотъ просилъ Ланга разузнать, сколько находится русскаго гарнизона въ Гейлигенбейлѣ. Вагнеръ далъ такой оборотъ этой уликѣ, что будто онъ писалъ представленную ему записку только для шутки надъ Лангомъ, который, какъ болтунъ и хвастунъ, служилъ посмѣшищемъ даже для русскихъ офицеровъ. Такая отговорка Вагнера лишь вспылила Корфа и онъ разразился угрозами не только противъ арестанта, но и противъ самого короля прусскаго. Далѣе Корфъ сталъ обвинять Вагнера въ пересылкѣ какого-то плана графу Гордту отъ капитана Шамбо. Вагнеръ, возражая на это обвиненіе, замѣтилъ, что при такой пересылкѣ онъ только исполнялъ свои служебныя обязанности, какъ почтамтскій чиновникъ; но объясненія эти не были приняты Корфомъ въ уваженіе. По прошествіи нѣкотораго времени, генералъ Корфъ и надворный совѣтникъ Клингенбергъ сняли съ Вагнера вторичный допросъ, на которомъ онъ опять ни въ чемъ не признался.

Спустя мѣсяцъ послѣ этого, Корфъ и Клингенбергъ снова вошли къ Вагнеру; за ними какой-то человѣкъ несъ въ рукахъ кнутъ, который и былъ положенъ на столъ. Вагнеръ зналъ, однако, что русскіе никогда не употребляли противъ нѣмцевъ этого страшнаго оружія истязанія и потому принесеніе къ нему кнута счелъ только пустою угрозою. Но баронъ Корфъ, объяснивъ Вагнеру способъ употребленія русскими кнута для принужденія подсудимыхъ къ сознанію, прибавилъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства со стороны Вагнера и противъ него будетъ употреблена эта понудительная мѣра, почему и предлагалъ ему сказать сущую правду, положившись на милосердіе императрицы; но такъ какъ Вагнеръ и послѣ этого не сознавался, то въ комнату, гдѣ производился допросъ, былъ призванъ заплечный мастеръ. Вагнеръ поспѣшилъ замѣтить Корфу, что пытка будетъ напрасна, такъ какъ подъ ударами кнута онъ поневолѣ дастъ противъ себя ложное показаніе. Этотъ доводъ подѣйствовалъ на Корфа, кнутъ

былъ прибранъ со стола и Корфъ отложилъ допросъ Вагнера на нѣкоторое время.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, Вагнеру были предъявлены письменныя показанія капитана Шамбо, сдѣланныя имъ въ улику Вагнеру, и тогда обвиняемому не оставалось уже никакихъ средствъ къ оправданію. Вскорѣ надъ нимъ былъ произнесенъ приговоръ, которымъ опредѣлялось: подвергнуть Вагнера смертной казни четвертованіемъ посредствомъ привязки къ четыремъ лошадямъ. При объявленіи этой ужасной казни, Вагнеръ упалъ въ обморокъ и когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ подлѣ своей кровати своего однофамильца, пастора Вагнера, явившагося напутствовать приговореннаго въ будущую жизнь. Увѣщанія пастора не имѣли, однако, никакого успѣха на раздраженнаго до послѣдней степени Вагнера, который смотрѣлъ на представителя церкви съ такимъ ожесточеніемъ, что даже не хотѣлъ разговаривать съ нимъ. Между тѣмъ заботливая пасторша доставила Вагнеру костюмъ, въ который, по обыкновенію, существовавшему тогда въ сѣверной Германіи, одѣвали отправлявшихся на смертную казнь. Растерявшійся въ конецъ Вагнеръ надѣлъ этотъ костюмъ и оставался въ немъ нѣсколько дней съ-ряду, но онъ не понадобился Вагнеру для предназначенной цѣли, такъ какъ, спустя нѣсколько времени послѣ произнесенія смертнаго приговора, къ нему вошелъ генералъ Корфъ, опять въ сопровожденіи Клингенберга, прочитавшаго при этомъ высочайшій указъ, по которому Вагнера, освобожденнаго отъ смертной казни, повелѣно было сослать въ Сибирь. При объявленіи этого приговора, Корфъ обнадежилъ Вагнера, что, по заключеніи мира, онъ будетъ возвращенъ на родину.

8-го или 9-го іюля,—Вагнеръ въ точности числа не помнитъ,—его посадили въ телѣжку, набитую соломой; въ двѣ другія тележки сѣли капитанъ Шамбо и инспекторъ Лангъ, и такимъ образомъ всѣхъ троихъ повезли въ Сибирь. Въ Пилавѣ посадили его на судно съ 150 ранеными русскими, отправлявшимися па родину. На этомъ суднѣ Вагнеръ пріѣхалъ въ Дюнаминдъ, откуда его, въ сопровожденіи капитана «Ивана Микеферовича», повезли на почтовыхъ прямо въ Сибирь.

Съ этихъ поръ начинается описаніе, хотя и весьма поверхностное, тогдашней Россіи, но интересное въ томъ отношеніи,

что показываетъ какое замѣтное различіе существовало въ ту пору между нашимъ отечествомъ и Пруссіею относительно общаго благоустройства и многихъ сторонъ домашняго быта. Такъ, Вагнеръ удивлялся тому, чему впрочемъ можетъ иностранецъ подивиться еще и теперь, а именно, что въ крестьянской избѣ печка, служившая для отопленія, замѣняла въ то же время и кухонную печь, при чемъ изба была наполнена удушливымъ дымомъ, не дѣйствовавшимъ, однако, нисколько на привыкшихъ къ тому русскихъ крестьянъ и солдатъ. Русская пища, и въ особенности черный хлѣбъ, щи и квасъ, не пришлись по вкусу пруссаку. Его изумляла также и видѣнная имъ всюду нечистота; поражала его и неопрятность русскихъ. Такъ, онъ разсказываетъ, что его тошнило, когда онъ видѣлъ, какъ русскіе черпаютъ изъ ведра квасъ ковшомъ и, отпивъ изъ него, опускаютъ его опять въ ведро, но за то ему понравились калачи, и за тѣмъ, мало по малу, первоначально разборчивый въ пищѣ нѣмецъ попривыкъ къ простонароднымъ русскимъ яствамъ. Крайне неудобно казалась ему покрышка нашихъ дорожныхъ кибитокъ рогожею, черезъ которую проходилъ свободно дождикъ. Не смотря на то, что со времени проѣзда Вагнера по Россіи прошло слишкомъ сто лѣтъ, но, конечно, и нынѣшніе по ней путешественники могутъ еще вносить въ свои описанія подобныя замѣтки.

Въ началѣ октября 1759 года, Вагнера доставили въ Москву, но онъ не могъ даже взглянуть на этотъ городъ, потому что при въѣздѣ туда кибитку его закрыли нà-глухо. Въ день его проѣзда черезъ Москву былъ какой-то царскій праздникъ и колокольный звонъ ошеломилъ Вагнера. По разсказамъ его, въ Москвѣ, по случаю торжества, стрѣляли изъ пушекъ такого огромнаго калибра, что кибитка его какъ будто подпрыгивала на воздухѣ при каждомъ выстрѣлѣ и онъ запряталъ голову подъ подушку, чтобы не слышать этой страшной канонады. По всей вѣроятности, разсказы о царь-пушкѣ сильно настроили воображеніе Вагнера и безъ того уже слишкомъ раздраженнаго постигшимъ его несчастьемъ и истомленнаго мучительною ѣздою.

Изъ Москвы Вагнера везли далѣе безъ всякой остановки ни днемъ, ни ночью, и онъ на восьмой день пріѣхалъ въ Козьмодемьянскъ, который, по замѣчанію его, былъ городокъ

довольно порядочный. За тѣмъ Вагнеръ миновалъ Соликамскъ, Тюмень, Верхотурье и въ ноябрѣ былъ на берегахъ Иртыша въ семи верстахъ отъ Тобольска. Такъ какъ переѣздъ черезъ эту рѣку, по причинѣ шедшаго по ней тогда льда, былъ невозможенъ, то Вагнеръ оставался въ одной деревнѣ, гдѣ хозяинъ-татаринъ, узнавъ, что Вагнеръ и спутникъ его, Шамбо, нѣмцы и при томъ подданные прусскаго короля, отлично принялъ ихъ. Татаринъ угостилъ ихъ прекраснымъ обѣдомъ и чаемъ, а потомъ игралъ съ ними въ шахматы. По описанію Вагнера, татаринъ этотъ жилъ не только богато, но даже роскошно; такъ, на приготовленной для Вагнера постели простыня была изъ тонкаго полотна, подушки были обтянуты зеленою китайскою шелковою тканью, а одѣяло было изъ стеганаго атласа. По словамъ Вагнера, онъ провелъ у татарина ночь такъ, какъ будто былъ въ раю. Все это до такой степени изумило Вагнера, что онъ предполагалъ, не держитъ ли его хозяинъ нѣмецкой прислуги, но таковой вовсе не оказалось. Въ особенности же полюбился Вагнеру татаринъ за свое нерасположеніе къ русскимъ; это чувство Вагнера, конечно, очень понятно при томъ положеніи, въ какомъ онъ находился.

Когда же ледъ на Иртышѣ сталъ, то Вагнеръ съ своими спутниками—хотя и не безъ опасности—переправился черезъ эту рѣку. На другой день по прибытіи Вагнера въ Тобольскъ, онъ, въ сопровожденіи молодаго прапорщика «Ивана Александровича», былъ отправленъ далѣе. Не смотря на жестокую стужу, Вагнеру путешествіе это казалось очень пріятнымъ. Сопровождавшій его офицеръ нисколько не стѣснялъ своего арестанта и Вагнеръ пользовался свободою, между прочимъ и для того, чтобы осматривать церкви и заходить къ священникамъ, которые принимали его очень привѣтливо. Невольное путешествіе Вагнера по Россіи въ значительной степени облегчалось, по его словамъ, тѣмъ, что онъ зналъ по-русски. Вагнеръ не говоритъ, гдѣ онъ пріобрѣлъ знаніе русскаго языка, но по всей вѣроятности, онъ успѣлъ нѣсколько научиться по-русски во время занятія Пруссіи нашими войсками.

Изъ Тары Вагнеръ поѣхалъ Барабинскою Степью и наканунѣ заговѣнья пріѣхалъ въ Енисейскъ. Изъ окошка той

комнаты, въ которую посадили Вагнера подъ карауломъ солдата, онъ видѣлъ масленичныя забавы русскихъ. Его очень заняли невидѣнныя имъ никогда прежде качели, которыя, однако, онъ находилъ опасною забавою. Дешевизна жизненныхъ припасовъ въ Енисейскѣ также поразила его и онъ даже съ грустью оставлялъ этотъ понравившійся ему городъ.

Изъ Енисейска Вагнера повезли далѣе, къ крайнему его изумленію, на собакахъ въ Мангазею въ сопровожденіи казаковъ. Онъ въ подробности описываетъ этого рода поѣздку и надобно полагать, что эта именно часть его воспоминаній представляла самыя любопытныя страницы для тогдашнихъ иностранныхъ читателей. Страшныя мятели вынудили однако «Ивана Александровича», послѣ пятнадцати-дневнаго странствованія по безлюднымъ мѣстамъ, вернуться въ Енисейскъ, гдѣ Вагнеръ и прожилъ до 7 іюня 1760 года. Въ этотъ день поручикъ «Семенъ Семеновичъ» объявилъ ему, что завтра онъ долженъ отправиться съ нимъ въ дальнѣйшій путь, и дѣйствительно на другой день Вагнеръ поплылъ на баркѣ внизъ по Енисею и, наконецъ, въ іюлѣ прибылъ въ Мангазею, въ мѣсто, назначенное для постояннаго его пребыванія. Тамъ ему принялись строить особый деревянный домъ, невдалекѣ отъ дома воеводы, на берегу рѣки Туруханa. По отстройкѣ дома, состоявшаго изъ двухъ комнатъ, перевели туда Вагнера съ барки, приставивъ къ нему караулъ изъ трехъ солдатъ и одного сержанта.

Особое вниманіе къ Вагнеру, какъ нѣмцу, выразилось въ томъ, что печь той комнаты, которая предназначалась для него, топилась снаружи, такъ что Вагнеру не приходилось жить въ курной избѣ и задыхаться отъ дыму.

Если странствованія Вагнера изъ Пруссіи въ глубину Сибири представляютъ интересъ своего рода, то въ свою очередь небезъинтересны и хлопоты около него русскихъ властей, снаряжавшихъ значительные караулы, какъ для препровожденія его въ ссылку, такъ и для наблюденія за нимъ въ мѣстѣ его постояннаго пребыванія, строившихъ для него особый домъ и выдававшихъ ему ежедневно на харчи по 20 коп., что для того времени составляло вообще значительную денежную дачу для ссыльнаго.

Въ Мангазеѣ жилось Вагнеру не очень дурно; онъ запа-

сался хорошею провизіею, которую въ изобиліи привозили туда на судахъ изъ Енисейска, обзаводился домашнею утварью, ловилъ тенетами птицъ и сѣтями рыбу, ходилъ на охоту, прогуливался на лыжахъ, игралъ на скрипкѣ и флейтѣ, читалъ бывшія у него три книги, которыя онъ, наконецъ, выучилъ наизусть. Говоря о своихъ занятіяхъ музыкой, Вагнеръ замѣчаетъ, что русскіе съ особеннымъ удовольствіемъ слушали его игру и, по поводу этого, прибавляетъ, что у русскихъ есть свои музыкальные инструменты, изобрѣтенные ими помимо всякаго подражанія; что они кромѣ музыки еще очень способны къ рѣзьбѣ изъ дерева и что онъ не разъ удивлялся ихъ искусству по этой части. Вообще,— говоритъ Вагнеръ—русскій отличается способностями и ему нужно только учиться, для того, чтобы сдѣлаться замѣчательнымъ художникомъ.

Вагнеръ былъ доволенъ своимъ новымъ положеніемъ и рѣшился выжидать терпѣливо благопріятнаго переворота въ своей судьбѣ. Такъ тянулась спокойно его жизнь въ продолженіи пятнадцати мѣсяцевъ, какъ вдругъ онъ вздумалъ повздорить съ приставленнымъ къ нему сержантомъ за то, что тотъ не выдавалъ всѣхъ слѣдовавшихъ Вагнеру, по положенію, свѣчей. Сержантъ нажаловался на него воеводѣ и дѣло кончилось тѣмъ, что ставни въ комнатѣ были заколочены наглухо. «Если онъ такъ любитъ свѣчи—съострилъ воевода,— то ему не нужно дневнаго свѣта», и вслѣдствіе этого приказалъ, чтобы въ совершенно-темной комнатѣ Вагнера постостоянно горѣла свѣчка. Въ іюлѣ 1760 года, мѣсто прежняго воеводы занялъ знакомый уже Вагнеру прапорщикъ «Семенъ Семеновичъ». Новый воевода разсказалъ Вагнеру, что полученіе имъ этой должности обошлось ему въ Петербургѣ, въ сенатѣ, въ 30,000 руб., но — замѣчаетъ Вагнеръ — по всей вѣроятности онъ не останется въ накладѣ.

Для тогдашнихъ сибирскихъ воеводъ, — по разсказамъ Вагнера, — пушные промыслы составляли самый главный источникъ легкой, скорой и безопасной наживы.

«Должности воеводъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся этого рода промыслы — пишетъ Вагнеръ — чрезвычайно выгодны. Когда осенью посылаютъ казаковъ за Енисей, въ тѣ мѣстности, въ которыхъ собираются состоящіе

подъ покровительствомъ Россіи инородцы, для взиманія съ нихъ ясака, то казаки очень быстро истрачиваютъ свое жалованье на пьянство и потомъ не въ состояніи бываютъ пріобрѣсти на свой счетъ товары, необходимые для мѣновой торговли съ дикарями. И вотъ они занимаютъ тогда деньги у воеводы, который имъ въ этомъ не отказываетъ и даетъ имъ столько, сколько они попросятъ. Но если заемщики благоразумны, то они никогда не возьмутъ большой суммы, такъ какъ потомъ за каждый рубль должны будутъ расплачиваться мѣхами, несравненно дороже стоющими той суммы, въ какой они будутъ приняты при разсчетѣ съ воеводой. При существованіи такихъ доходовъ, воеводы дорого платятъ за свои мѣста и послѣ трехлѣтняго пребыванія на мѣстѣ, когда ихъ сживаютъ другіе, они успѣваютъ наживаться порядочно и нерѣдко просятъ сами объ отставкѣ». Вагнеръ видѣлъ, что за такіе мѣха, за которые купцы, пріѣзжавшіе въ Сибирь изъ Москвы или Петербурга, давали воеводѣ по 20 и даже по 30 рублей, самъ воевода платилъ не болѣе рубля. Казаки сами пріобрѣтали мѣха не высокою цѣною и на деньги, полученныя отъ воеводы за мѣха, они для мѣны съ дикими покупали бусы, шелкъ для шитья, ножи, топоры, китайскія трубки, курительный табакъ, пуговицы и разныя побрякушки, и въ обмѣнъ на какія бездѣлицы они получали отъ дикихъ драгоцѣнные мѣха.

«Для сбора ясака — передаетъ Вагнеръ — не требовалось значительной военной силы, и какихъ нибудь шесть казаковъ сбирали ясакъ среди орды, состоявшей изъ 200, и иногда и болѣе человѣкъ. Передъ отъѣздомъ казаковъ въ юрты, являвшіеся въ казацкое становище инородцы удостовѣряли, что между ними не было оспы, и въ подтвержденіе этого оставляли заложниковъ. Въ свою очередь и дикіе съ такими же предосторожностями вступали въ сношеніе съ казаками. Сборъ ясака производился по числу душъ и взимался съ каждаго, достигшаго годоваго возраста. Послѣ сбора ясака начиналась торговля, выгода отъ которой постоянно была на сторонѣ казаковъ, плотившихъ, напримѣръ, за песцовый мѣхъ не болѣе трехъ копѣекъ. За тѣмъ казаки отбирали лучшіе мѣха и представляли ихъ воеводѣ, который тайкомъ сбывалъ ихъ купцамъ и въ числѣ сбытыхъ имъ мѣховъ бывали и такіе,

самые превосходные мѣха, которые должны были бы быть предназначены для императрицы».

По разсказамъ Вагнера, даже петербургскіе вельможи участвовали въ злоупотребленіяхъ пушнымъ промысломъ въ Сибири. Они сбывали вывезенные оттуда мѣха за границу, при чемъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, устроивали дѣло такъ, что за вывозъ мѣховъ изъ Россіи не платили таможенныхъ пошлинъ, которыя, однако, были очень высоки.

Наконецъ, 27-го іюля 1763 года, воевода «Семенъ Семеновичъ» пришедшему къ нему Вагнеру, остававшемуся постоянно при свѣчкѣ, въ силу прежняго воеводскаго распоряженія, прочелъ высочайшій указъ объ освобожденіи его изъ ссылки; при этомъ было сдѣлано распоряженіе о препровожденіи Вагнера съ должнымъ почетомъ до границъ Курляндіи съ угрозою за неисполненіе этого предписанія наказаніемъ кнутомъ. Только послѣ упомянутаго указа были открыты ставни, заколоченныя прежнимъ воеводою, такъ что Вагнеръ отсидѣлъ безъ дневнаго свѣта около двухъ лѣтъ. Освобожденный изъ ссылки Вагнеръ былъ приглашенъ на ужинъ къ «Семену Семеновичу». Тамъ онъ былъ встрѣченъ чрезвычайно радушно, а на другой день мангазейское общество устроило въ честь его вечеръ, на которомъ музыкантами были казаки и мѣщане. Дамское общество состояло изъ казачекъ, изъ которыхъ многихъ—какъ говоритъ Вагнеръ—онъ предпочелъ бы великосвѣтскимъ нѣмецкимъ дамамъ, и предпочелъ бы не за ихъ платья изъ золотой и серебряной парчи, но за ихъ красоту и за тонкія черты лица. Описывая казачекъ, Вагнеръ замѣчаетъ, что у нихъ маленькія ноги, которыя, однако, онѣ очень безобразятъ тѣмъ, что не поддерживаемые подвязками чулки спускаются на туфли. Весь ихъ головной уборъ — говоритъ Вагнеръ — ограничивается китайскимъ шелковымъ платкомъ такъ хорошо перевитымъ золотымъ и серебрянымъ галуномъ, что такой уборъ заставлялъ забывать отсутствіе вкуса въ обуви. Танцовали всю ночь и Вагнеръ возбудилъ ревность въ кавалерахъ и въ мужьяхъ, по поводу чего и замѣчаетъ, что онъ могъ бы поплатиться за это жизнью, если бы не поспѣшилъ уѣхать изъ Мангазеи.

Вагнеръ, оставляя городокъ, въ которомъ провелъ четыре года, такъ описываетъ его: «Мангазея расположена въ пустынѣ

по близости трехъ рѣкъ; рѣки эти прорѣзываютъ густой лѣсъ, находящійся вдали отъ города. Въ Мангазеѣ считалось въ ту пору 60 домовъ, построенныхъ изъ бревенъ, а жители были казенные крестьяне. Каждый изъ нихъ получаетъ отъ казны крупу, муку и по три рубли въ каждую четверть года. Они не платятъ никакихъ податей, не занимаются земледѣліемъ, а только въ волю косятъ сѣно. Вдали отъ города на горизонтѣ виднѣется цѣпь горъ, покрытыхъ лѣсомъ, въ долинахъ болота и рѣки, впадающія въ Енисей. Въ окрестностяхъ города нѣтъ никакой возможности ходить пѣшкомъ по топямъ и нѣтъ ни одной равнины, которая могла бы быть приспособлена къ хлѣбопашеству. Въ этихъ мѣстностяхъ встрѣчаются девяностолѣтніе старики, которые, отродясь, не видывали хлѣбнаго зерна, но за то трава достигаетъ здѣсь человѣческаго роста и это особенно удивляло Вагнера, такъ какъ зима оканчивалась только въ іюнѣ и начиналась опять въ августѣ. Мангазейскіе жители содержали лошадей, коровъ и свиней, а зимою ѣздили на лошадяхъ въ окрестные лѣса за дровами. Овесъ и всѣ жизненные припасы привозили въ Мангазею изъ Енисейска и обмѣнивали здѣсь все это на мѣха. Въ лѣсахъ — продолжалъ Вагнеръ — ростутъ кедровыя деревья громадной величины. Лѣтомъ молнія безпрестанно падаетъ на нихъ и производитъ пожары, которые продолжаются цѣлые годы, но лѣсовъ отъ этого не убавляется, такъ какъ новыя деревья выростаютъ съ неимовѣрною быстротою. По Енисею жили въ хатахъ русскіе, промышлявшіе единственно охотою и рыбною ловлею».

Изъ Мангазеи Вагнеръ выѣхалъ по Енисею на баркѣ, которая шла тягою.

Пользуясь теперь свободою, Вагнеръ, на пути изъ Сибири, старался ознакомиться съ обитающими тамъ инородцами и оставилъ замѣтки объ остякахъ, жившихъ въ подземельяхъ и отказывавшихся отъ постройки домовъ и отъ занятія земледѣліемъ. Якутамъ онъ отдаетъ преимущество предъ остяками, находя, что первые гораздо способнѣе и склоннѣе къ промышленности нежели послѣдніе. По дорогѣ къ Якутску они построили большія деревни, сѣяли и жали хлѣбъ, а также разводили домашній скотъ въ громадномъ количествѣ. Въ отношеніи чистоплотности и домашняго порядка онъ предпочитаетъ ихъ

русскимъ. По замѣчанію Вагнера, только племя якутовъ было искренно предано Россіи, тогда какъ нельзя сказать того же самаго о тунгусахъ, чукчахъ и камчадалахъ. Русское правительство должно было уступчиво дѣйствовать противъ нихъ, чтобы не вызвать возмущенія. Вагнеръ изумлялся тому, какимъ образомъ русскіе могли покорить сибирскихъ туземцевъ и заставить ихъ быть данниками Россіи, такъ какъ необъятныя пустыни, густые лѣса и тѣсные проходы давали жителямъ всѣ способы обороняться отъ непріятельскаго нападенія. Кромѣ того, сибирскіе туземцы не имѣли никакой надобности въ русскихъ, потому что имъ вовсе не нужны ни хлѣбъ, ни соль, ни одежда—они питались охотою и рыбною ловлею, а одѣвались въ звѣриныя шкуры. По всей вѣроятности—говоритъ Вагнеръ—русскіе употребляли къ покоренію инородцевъ разные обманы и хитрости, чтобы принудить ихъ платить дань, которую они вносятъ теперь чрезвычайно исправно въ назначенные сроки. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Вагнеромъ, изъ сибирскихъ инородцевъ было всего болѣе якутовъ и камчадаловъ, за ними, по численности, слѣдовали чукчи, тунгусы и юраки, менѣе всѣхъ было остяковъ.

Замѣчательно, что освобожденный изъ ссылки Вагнеръ не слишкомъ спѣшилъ на родину. Такъ, пріѣхавъ въ половинѣ августа 1763 года въ Енисейскъ, онъ остался тамъ на нѣсколько недѣль. Между тѣмъ спутникъ Вагнера, тамошній купецъ Токаревъ познакомилъ его съ енисейскими жителями и теперь Енисейскъ также полюбился ему, какъ и въ первый разъ. Онъ намѣревался остаться тамъ подолѣе, если бы съ нимъ не случилось романическое происшествіе, которое, по словамъ его, угрожало ему отравою. Вагнеру очень нравились енисеянки, отличавшіяся бѣлизною и нѣжнымъ цвѣтомъ лица. Въ одну изъ нихъ, дочь проживщагося купца, влюбился Вагнеръ и мать этой дѣвушки, бывшая въ крайней нуждѣ, продала свою дочь Вагнеру за 6 рублей. Вагнеръ хотѣлъ отвести эту покупку на свою родину и, вѣроятно забывъ свою нѣмецкую невѣсту, намѣревался никогда не разставаться съ енисейскою дѣвушкою, но влюбившаяся въ него жена Токарева изъ ревности задумала отравить его пельменями и только счастливый случай открылъ Вагнеру этотъ страшный противъ него замыселъ. Тогда Вагнеръ поспѣшилъ

поскорѣе выбраться изъ Енисейска и повезъ съ собою купленную имъ дѣвушку, но къ страшному отчаянію ея любовника, она была задержана на дорогѣ, какъ безпаспортная, и вскорѣ Вагнеръ получилъ поразившее его извѣстіе объ ея смерти.

Въ ту пору, когда ѣхалъ Вагнеръ Сибирью, въ ней, по большимъ дорогамъ, были выстроены на разстояніи 100 или 150 верстъ, на счетъ казны, постоялые дворы, гдѣ пріѣзжіе должны были получать для себя продовольствіе безплатно. На содержаніе этихъ дворовъ были приписаны нѣкоторыя деревни, лежавшія въ верстахъ 400—500 отъ большой дороги, а за исполненіе упомянутой повинности жители этихъ деревень были освобождены отъ всякихъ податей и налоговъ и, кромѣ того, имѣли право занимать земли, сколько имъ оказывалось нужнымъ для производства хлѣбопашества. Разумѣется — говоритъ Вагнеръ — что крестьяне предпочли бы селиться не вдали, а вблизи большой дороги, гдѣ была превосходная земля, но они избѣгали этого и уходили въ дремучіе лѣса, чтобы сколько возможно болѣе охранить себя отъ притѣсненій, дѣлаемыхъ имъ военными командами. Дѣйствительно, прибавляетъ онъ, военные чины расправлялись съ крестьянами вовсе не по-человѣчески, заставляли ихъ дѣлать все подъ палочными ударами, почему крестьяне и были забиты и запуганы. Такую же крутую расправу съ крестьянами замѣтилъ Вагнеръ и со стороны десятскихъ и сотскихъ, при чемъ особенно удивляло его то, что крестьянинъ не имѣлъ права отлучиться съ мѣста своего постояннаго жительства.

Не лишены интереса замѣтки Вагнера о бѣглыхъ каторжникахъ. Убѣжавъ изъ мѣста ссылки, они—пишетъ Вагнеръ— соединяются въ разбойничьи шайки и принимаются грабить деревни, скрываясь послѣ грабежей въ лѣсахъ, гдѣ устроиваютъ для себя избы. Если со временемъ мѣстное начальство откроетъ ихъ убѣжище, то оно, не зная о происхожденіи этихъ поселковъ, считаетъ тамошнихъ жителей честными людьми и потому не возвращаетъ ихъ на каторгу. Бѣглые каторжники похищаютъ женщинъ и уводятъ ихъ къ себѣ; уведенныя должны оставаться тамъ на всегда, такъ какъ имъ трудно пробраться оттуда въ прежнія мѣста. Бѣглые каторжники угоняютъ скотъ въ большомъ количествѣ. Добраться же

къ нимъ весьма трудно, потому что они проводятъ къ своимъ притонамъ, находящимся или въ лѣсу, или въ горахъ, или за болотами, извилистыя тропинки и если ихъ могутъ выдать начальству, то развѣ только ихъ же измѣнники-сотоварищи. Водворяясь гдѣ нибудь, каторжники бываютъ опасны для окрестныхъ жителей только на первыхъ порахъ, но за тѣмъ когда они обстроятся и обзаведутся, то ведутъ себя смирно. По словамъ Вагнера, поселковъ, составленныхъ изъ каторжниковъ, было въ Сибири очень много, такъ что тамъ находилось не мало такихъ деревень, о существованiи которыхъ правительственныя власти вовсе даже и не знали.

Вообще Сибирь была наполнена людьми, жившими только разбоемъ, который невозможно было истребить. Причина этому заключалась въ томъ, что страна слишкомъ обширна, а горы, болота, озера, рѣки, дремучiе лѣса, препятствуютъ розыскамъ, которые нельзя производить иначе какъ только въ сопровожденiи цѣлаго обоза съѣстныхъ припасовъ, да и тогда невозможно быть увѣреннымъ, чтобы посланная команда не умерла отъ голода на возвратномъ пути. Я думаю — продолжаетъ Вагнеръ—русское правительство не имѣетъ понятiя о половинѣ подвластныхъ ему въ Сибири племенъ. Есть цѣлыя области, въ которыя нѣтъ никакой возможности проникнуть по неимѣнiю тамъ вовсе средствъ къ продовольствiю.

Въ половинѣ ноября Вагнеръ прiѣхалъ въ Тобольскъ; въ девятый день, послѣ его прiѣзда прибылъ туда новый губернаторъ Чичеринъ (The-Therin), получившiй эту должность въ видѣ вознагражденiя за свою гвардейскую службу въ Петербургѣ. Вагнеръ сдѣлалъ ему визитъ, а Чичеринъ былъ на столько уже предваренъ въ его пользу, что попросилъ его переѣхать на житье въ губернаторскiй домъ.

Вотъ какъ описываетъ Вагнеръ тогдашнiй Тобольскъ.

«Тобольскъ обширенъ, но обстроенъ дурно, всѣ дома деревянные, за исключенiемъ губернаторскаго дома и церкви, архiерейскiй домъ также, каменный, построенъ на горѣ противъ крѣпости, а та гора, на которой живетъ губернаторъ, высока, крута и окружена стѣною. Мѣсто это похоже на цитадель; около стѣны устроена земляная насыпь, на которой разставлены пушки, а въ самой стѣнѣ сдѣланы бойницы, для того, чтобы съ нихъ стрѣлять въ непрiятеля. Городъ расположенъ

на очень болотистомъ мѣстѣ, дома построены на сваяхъ, а улицы соединены бревенчатыми мостами. Въ городѣ есть нѣкоторые кварталы до того сырые, что въ нихъ невозможно жить».

Первые дни своего пребыванія въ Тобольскѣ, Вагнеръ провелъ очень пріятно; онъ обѣдалъ то у губернатора, то у архіерея, то у главнаго коменданта генералъ-маіора фонъ-Фюрстенберга. Обыкновенно каждый вечеръ былъ балъ, на которомъ танцовали только русскія и казацкія пляски. Вагнера всюду принимали какъ желаннаго гостя.

Послѣ побывки въ Тобольскѣ, Вагнеръ продолжалъ свое путешествіе безпрерывно, останавливаясь лишь по временамъ для того, чтобы заходить въ монастыри къ архимандритамъ, которые всѣ вообще, а въ особенности архимандритъ въ Верхотурьѣ, принимали Вагнера чрезвычайно ласково и приглашали къ себѣ обѣдать.

Верхотурье, послѣ Тобольска — главнаго города во всей Сибири — казался самымъ большимъ изъ всѣхъ провинціальныхъ тамошнихъ городовъ, но всѣ дома въ немъ были деревянные, а иные переулки до того были узки, что въ комнатахъ отъ этого было темно. Въ дальнѣйшей своей поѣздкѣ Вагнеръ не обращалъ особаго вниманія на другіе города, ничѣмъ впрочемъ не отличавшіеся отъ деревень. По замѣчанію его, во всей Сибири, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, не было оконныхъ стеколъ, но ихъ замѣняли тонкіе пласты слюды (Marienglas), вдѣланные въ жестяныя рамы. Тамъ же, гдѣ слюды было мало, ее на зиму вынимали изъ оконъ, замѣняя льдомъ. Для этого — пишетъ Вагнеръ — обрубаютъ кусокъ льда въ величину окна, вставляютъ его туда, плотно обкладываютъ снѣгомъ и поливаютъ водою; послѣ этого ледъ такъ крѣпнетъ, что не совсѣмъ разстаиваетъ даже въ теченіе лѣтнихъ жаровъ.

Въ Сибири въ ту пору занимались выдѣлкою полотна изъ азбеста (горнаго льна). Для приготовленія такого полотна, разсказываетъ Вагнеръ, азбестъ дробятъ молоткомъ и чрезъ это обращаютъ его въ бѣлыя волокна, которыя прядутъ какъ обыкновенный ленъ. Но немногіе изъ русскихъ знакомы съ этимъ производствомъ; такимъ тканьемъ занимаются женщины весьма мало, потому что оно чрезвычайно трудно. Вагнеръ

купилъ за 4 рубли рубашку изъ азбестовой ткани, но, къ своему сожалѣнію, потерялъ ее въ дорогѣ.

Соликамскъ обратилъ на себя вниманіе Вагнера приготовленіемъ соли, которую добывали изъ озера, находящагося близь города. Вотъ какъ въ ту пору производилась ея добывка: или вырѣзали куски соли изъ толстаго пласта, покрывающаго озеро, или выпаривали озерную воду, отъ чего образовывалась соль. Вагнеръ разсказываетъ, что ближайшіе къ озеру владѣльцы земли — вельможи, генералы и сенаторы — проводили изъ него въ свои имѣнія канавы и, получивъ такимъ образомъ соленую воду, устраивали у себя солеварни. Почти всюду въ этихъ мѣстностяхъ Вагнеръ видѣлъ насосы для выкачиванія озерной воды. «Я убѣжденъ — пишетъ онъ — что все это дѣлается безъ вѣдома императрицы, и такъ какъ въ означенномъ злоупотребленіи участвуютъ всѣ, то никто и не дѣлаетъ на счетъ этого доносовъ, да и если бы, наконецъ, и былъ сдѣланъ доносъ, то никто не сталъ бы и тревожиться этимъ. Вельможи скорѣе владѣльцы значительной части московскаго и казанскаго государствъ, нежели подданные императрицы и бо̀льшая часть волостей не платятъ податей казнѣ; большинство же жителей находится въ крѣпостномъ состояніи у какого нибудь генерала или гражданскаго сановника».

Не смотря почти на пятилѣтнее удаленіе изъ Пруссіи, Вагнеръ, какъ мы уже замѣтили, не спѣшилъ на родину. Онъ не только останавливался на болѣе или менѣе продолжительное время въ лежавшихъ на пути его городахъ, но даже сдѣлалъ особую поѣздку по Казанской провинціи, внеся, впрочемъ, объ этой поѣздкѣ въ свою книгу самыя скудныя и не представляющія уже для насъ интереса свѣдѣнія о вотякахъ и раскольникахъ.

Казань, по описанію Вагнера, была большимъ и хорошо обстроеннымъ городомъ. Улицы въ ней были широки. но дома большею частію бревенчатые. Двѣ только церкви отличались громадностію размѣровъ. Домъ губернаторскій былъ расположенъ на горѣ. Населеніе города состояло частію изъ русскихъ и изъ татаръ. Губернаторъ былъ татаринъ по происхожденію, сѣдой старикъ, никакъ не менѣе 80 лѣтъ, но сохранившій бодрость зрѣлаго возраста; онъ отличался радушіемъ и сер-

дечною добротою. Оставаясь въ Казани восемь дней, Вагнеръ очень часто посѣщалъ губернатора, который любилъ слушать его подробные разсказы о семилѣтней войнѣ.

По замѣчанію Вагнера, нигдѣ во всей Россіи и Сибири жизненные припасы не были такъ дешевы какъ въ Казани. На рынкахъ дичь продавалась въ такомъ изобиліи, что продавцы ея приставали къ проходившимъ съ неотступными предложеніями. За куропатку платили по 1 копѣйкѣ, а глухарь стоилъ 6 копѣекъ. Вагнеръ оставилъ Казань съ сожалѣніемъ. Онъ замѣчаетъ, что въ Казанской губерніи превосходная, но очень плохо воздѣлываемая почва и что тамъ нѣтъ никакихъ другихъ фабрикъ кромѣ сафьянныхъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ Вагнеръ добрался до Москвы и остался тамъ на восемь дней съ цѣлью осмотрѣть городъ. По пріѣздѣ, онъ тотчасъ же отправился по лавкамъ, въ которыхъ нашелъ множество богатыхъ китайскихъ тканей, а также дорогихъ мѣховъ въ такомъ громадномъ количествѣ, какого онъ себѣ не могъ представить. Онъ жалуется на безпрестанные случаи воровства и полагаетъ, что жители Москвы склонны къ убійствамъ и грабежамъ, и разсказываетъ, что для совершенія этихъ преступленій они устраиваютъ засады, такъ что не проходитъ дня, чтобы не было совершено убійства. Онъ самъ въ Нѣмецкой Слободѣ подвергся однажды нападенію шайки злоумышленниковъ, не смотря на то, что ходилъ не одинъ, а въ сопровожденіи двухъ солдатъ. Вообще, по его мнѣнію, Москва богата такими злодѣями, какихъ не отыщется въ Германіи. Даже женщины, шляющіяся изъ дома въ домъ, безпрестанно воруютъ. Женскій полъ, среди котораго была сильно развита любострастная болѣзнь, показался Вагнеру очень некрасивымъ изъ себя. «Женщины сильно румянятся—говоритъ онъ, — но цвѣтъ ихъ щекъ напоминаетъ цвѣтъ кровельныхъ черепицъ. Правда, что и въ Сибири румянятся, но тамъ употребляютъ совсѣмъ другія румяна, которыя отличаются благовоніемъ и натираются ими болѣе по этой причинѣ, а не изъ одного кокетства». При этомъ Вагнеръ особенно хвалитъ сибирскія бѣлила, привозимыя изъ Китая, придающія кожѣ бѣлизну снѣга. Онъ хвалитъ также и сибирскія румяна, описывая въ подробности способъ употребленія этихъ косметическихъ притираній, и замѣчаетъ, что когда бѣлила и румяна

по прошествіи нѣсколькихъ часовъ высохнутъ, то краску нельзя отличить отъ натуральнаго цвѣта кожи. Почему онъ и совѣтуетъ ввести въ Германіи въ употребленіе сибирскія бѣлила и румяна.

Окружность Москвы Вагнеръ полагаетъ въ 86 верстъ. Дома въ ней были большею частію деревянные; каменныя же строенія были только: церкви, домъ губернатора и присутственныя мѣста (die Häuser der Staatsrähte); они поразили его своею громадностію. Вагнеру разсказывали, что въ Москвѣ 400 церквей; но онъ полагаетъ, что это число смѣло можно уменьшить на половину.

Онъ не видалъ большаго колокола потому, что никто не могъ проводить его; по разсказамъ же московскихъ жителей, колоколъ былъ такъ великъ, что подъ нимъ могъ бы помѣститься цѣлый баталіонъ солдатъ. При паденіи, колоколъ углубился въ землю и, какъ тогда говорили, не представлялось никакой возможности вытащить его изъ земли. «Въ одной изъ большихъ улицъ—продолжаетъ Вагнеръ—находятся четыре пушки съ такимъ огромнымъ жерломъ, что въ нихъ удобно можетъ ходить на четвереанькахъ самый полный человѣкъ. Пушки эти стоятъ подъ деревяннымъ навѣсомъ безъ всякаго употребленія и ихъ показываютъ только, какъ одно изъ чудесъ свѣта».

Изъ Москвы Вагнеръ поѣхалъ по бревенчатой настилкѣ, замѣчая, что по ней очень часто ломаются экипажи, такъ какъ бревна сдѣлались дырявыми отъ гнили. Изъ Москвы онъ хотѣлъ проѣхать въ Петербургъ, но ему не дали на это надлежащаго дозволенія, а сопровождавшей его командѣ пригрозили кнутомъ, если она повезетъ туда Вагнера. Поэтому онъ и былъ принужденъ отправиться въ Новгородъ, а оттуда черезъ Лифляндію въ Ригу. Причина запрещенія ѣхать въ Петербургъ осталась для Вагнера неизвѣстной.

25-го февраля 1764 года, Вагнеръ пріѣхалъ наконецъ въ Кенигсбергъ, откуда онъ, ровно день въ день, пять лѣтъ тому назадъ, былъ отправленъ въ Сибирь.

Въ Берлинѣ Вагнеръ представлялся королю, который принялъ его благосклонно и поздравилъ съ возвращеніемъ изъ Сибири, но когда Вагнеръ обратился къ нему съ просьбою о вознагражденіи за понесенные имъ убытки, то король приказалъ

КАРТИНКА ИЗЪ „ЗАПИСОКЪ“ ВАГНЕРА
изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ въ 1790 г.

отвѣчать, что хотя его величество и очень желалъ бы вознаградить Вагнера соотвѣтственно его заслугамъ, но что потери, понесенныя Пруссіею въ теченіе семилѣтней войны, не позволяютъ казнѣ производить денежныя выдачи, почему король и приказалъ начальнику почтъ въ Берлинѣ предоставить Вагнеру первое хорошее вакантное мѣсто, присовокупивъ, впрочемъ, что впослѣдствіи онъ особенно позаботится объ участи просителя.

Разсказъ свой о личныхъ впечатлѣніяхъ Вагнеръ дополняетъ особыми извлеченіями изъ описаній Россіи, сдѣланныхъ разными путешественниками, съ прибавленіемъ къ этимъ извлеченіямъ собственныхъ весьма немногихъ замѣчаній и притомъ исключительно относящихся къ Сибири. Главнымъ источникомъ при составленіи дополненій служили записки извѣстнаго натуралиста Палласа. По поводу этихъ дополненій Вагнеръ пишетъ, что онъ, разсказывая о своемъ пребываніи въ Россіи, не желалъ прерывать послѣдовательную часть разсказа и обставлять его такими частностями, которыя не шли прямо къ дѣлу. Поэтому, онъ посвятилъ имъ особый отдѣлъ своей книги, замѣчая при этомъ, что въ разсказѣ его русскіе выставлены въ неблагопріятномъ свѣтѣ, но что всѣ тѣ, которые, какъ онъ, знаютъ ихъ близко, найдутъ, что въ книгѣ его нѣтъ никакого преувеличенія. Въ подтвержденіе этого, онъ ссылается на распоряженія Екатерины II и на нѣкоторыя русскія театральныя піесы, появившіяся недавно въ нѣмецкомъ переводѣ; по мнѣнію его, какъ тѣ, такъ и другія, доказываютъ, какъ мало успѣховъ сдѣлали русскіе на пути цивилизаціи въ теченіи двадцати лѣтъ. За тѣмъ слѣдуютъ: коротенькая замѣтка о происхожденіи русскихъ, основанная на догадкахъ Ломоносова, географическое описаніе Россіи и въ частности Сибири съ живущими въ ней инородцами; но все это уже не представляетъ никакого особеннаго интереса.

ШЕВАЛЬЕ Д'ЕОНЪ.

I.

Копія съ завѣщанія Петра Великаго, добытая д'Еономъ.—Указаніе источниковъ. — Сочиненія Бергольца, Галльярде и Журдана. — Рожденіе и дѣтство д'Еона. — Его сочиненія. — Описаніе его наружности. — Причины посылки его въ Петербургъ. — Дипломатическія сношенія между Россіею и Франціею. — Взаимное охлажденіе. — Попытка возстановить прежнія отношенія.

Въ недавнее еще время европейскіе кабинеты съ крайнимъ недовѣріемъ слѣдили за политикою Россіи въ отношеніи къ Турціи. Между разными поводами, возбуждавшими недовѣріе, занимало не послѣднее мѣсто такъ называемое «завѣщаніе Петра Великаго», внушающее преемникамъ этого государя мысль о необходимости утвердить господство Россіи надъ Оттоманскою имперіею. Хотя въ изданной, въ 1863 году, въ Брюсселѣ г. Бергольцемъ брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Napolèon I, auteur du testement de Pierre le Grand» доказывается, что упомянутое завѣщаніе не только подложно, но что оно было составлено лишь въ 1812 году, по порученію Наполеона I, французскимъ историкомъ Лезюромъ, но все же брошюра г. Бергольца не уничтожила окончательно слишкомъ распространеннаго въ Европѣ мнѣнія на счетъ достовѣрности этого завѣщанія, копія съ котораго, какъ разсказывалось прежде, была будто бы добыта съ неимовѣрнымъ трудомъ кавалеромъ д'Еономъ изъ самыхъ секретныхъ архивовъ рус-

ской имперіи. Такимъ образомъ имя д'Еона, какъ лица. пустившаго въ ходъ пресловутое завѣщаніе Петра Великаго, получило извѣстность въ исторіи русской политики. Но и помимо этого, загадочная личность д'Еона и его участіе въ разныхъ политическихъ интригахъ, которыя велись имъ одно время и при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны, вызываютъ на изслѣдованіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ его жизни, не лишенныхъ важнаго значенія во взаимныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между Россіею и Франціею передъ началомъ и во время семилѣтней войны. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что д'Еонъ имѣлъ вліяніе на участіе Россіи въ этой войнѣ, стоившей намъ такъ много и крови, и денегъ. Между тѣмъ въ русской печати встрѣчаются о д'Еонѣ слишкомъ скудныя свѣдѣнія. Очеркъ его жизни, составленный Бюлау и переведенный съ нѣмецкаго, былъ въ 1866 году помѣщенъ въ 4-мъ нумерѣ «Заграничнаго Вѣстника», но главный недостатокъ этого очерка заключается въ отсутствіи удовлетворительныхъ свѣдѣній о пребываніи д'Еона въ Россіи, тогда какъ именно этотъ періодъ его жизни и долженъ преимущественно интересовать русскихъ читателей. Кромѣ упомянутаго очерка, въ 94-мъ нумерѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1867 годъ, въ небольшой фельетонной статьѣ говорилось кое-что о д'Еонѣ, но само собою разумѣется, что такая статья не представляетъ никакой возможности ознакомиться съ его личностью вообще и въ частности съ его дипломатическою дѣятельностію при русскомъ дворѣ. Наконецъ, въ то время, когда статья наша была уже готова, въ «Русской Старинѣ» была напечатана статья г. В. Зотова подъ заглавіемъ «Шевалье д'Еонъ», но авторъ ея не воспользовался тѣми новыми свѣдѣніями, какія въ послѣднее время появились о д'Еонѣ, какъ-то: опроверженіемъ Гальярде изданныхъ имъ же самимъ записокъ д'Еона, изданіемъ Бутарика, архивомъ князя Воронцова и брошюрою г. Бергольца—чрезвычайно важною въ отношеніи дипломатической дѣятельности д'Еона въ Россіи. Что же касается французской литературы, то она чрезвычайно богата сочиненіями о д'Еонѣ. Существуютъ даже его мемуары, изданные на французскомъ языкѣ, въ 1863 году, довольно извѣстнымъ писателемъ Гальярде. Нынѣ достовѣрность этихъ мемуаровъ опровергнута самимъ авто-

ромъ. Нѣкто г. Журданъ употребилъ сочиненіе Галльярде для контрафакціи, издавъ почти слово въ слово книгу Галльярде подъ заглавіемъ: «Hermaphrodite». Тогда Галльярде выпустилъ второе изданіе своей книги: «Memoires sur le chevalier d'Eon» съ слѣдующимъ объяснительнымъ заглавіемъ: «La verité sur les mystères de sa vie d'après des documents authentiques». Въ этомъ новомъ изданіи Галльярде прямо сознается въ тѣхъ вымыслахъ и мистификаціяхъ, которыя онъ позволилъ себѣ сдѣлать при первомъ изданіи записокъ д'Еона и которыя Журданъ не только перепечаталъ въ своей книгѣ, но и дополнилъ своими разсужденіями по поводу ихъ, какъ о несомнѣнныхъ фактахъ.

Для насъ, конечно, во всѣхъ извѣстіяхъ, касающихся кавалера д'Еона, имѣютъ важность только тѣ свѣдѣнія, которыя относятся къ пребыванію его въ Россіи, остальными же свѣдѣніями мы воспользуемся для того только, чтобы дать общее понятіе объ этой загадочной личности.

Дѣвица или господинъ д'Еонъ де-Бомонъ родилась или родился 5-го октября 1728 года въ Тоннерѣ, главномъ городѣ Іенскаго департамента. Въ актѣ, составленномъ объ его рожденіи, онъ былъ записанъ мальчикомъ и считался таковымъ у всѣхъ своихъ сосѣдей. Но одинъ изъ его біографовъ, де-ла-Фортейль, заявляетъ, что будущій шевалье д'Еонъ былъ дѣвочка, и что ее одѣвали и воспитывали какъ мальчика потому только, что отецъ новорожденной дѣвицы, желавшій имѣть непремѣнно сына, думалъ хоть этимъ отомстить природѣ, не исполнившей его завѣтнаго желанія. Впрочемъ, относительно повода къ переодѣванію и воспитанію дѣвицы д'Еонъ, какъ мальчика, встрѣчается другое болѣе практическое объясненіе, а именно, что родители этой дѣвицы, при неимѣніи ими сына, должны были лишиться какого-то принадлежавшаго имъ помѣстья, что́, конечно, было имъ крайне непріятно, почему они и рѣшились на подлогъ, выдавъ новорожденную дочь за сына. Но нѣкоторыя вполнѣ достовѣрныя обстоятельства, а также оффиціальное свидѣтельство англійскихъ врачей о вскрытіи трупа д'Еона и даже надпись на его могильномъ памятникѣ,—хотя д'Еонъ и умеръ, считаясь женщиною,—съ полною несомнѣнностію подтверждаютъ, что онъ былъ мужчина, такъ что появленіе его женщиною было

только мистификаціею, причины которой, однако, до сихъ еще поръ не вполнѣ выяснены.

Поводомъ къ сомнѣнію въ томъ, что д'Еонъ былъ мужчина, служило, между прочимъ, и то обстоятельство, что въ длинномъ ряду именъ, данныхъ ему при крещеніи, встрѣчаются имена, которыя,—какъ имя Женевьева,—даются исключительно дѣтямъ женскаго пола, или которыя, — какъ имя Тимотэ,—даются одинаково и мальчикамъ и дѣвочкамъ. Впрочемъ, вообще въ католическихъ странахъ мужчины съ женскими, а женщины съ мужскими именами не представляютъ ничего необыкновеннаго, такъ какъ по существующему тамъ обычаю, новорожденнымъ, при крещеніи, даются, безъ различія пола, имена и въ честь ихъ воспріемниковъ и въ честь ихъ воспріемницъ. Такимъ образомъ ссылка на то, что д'Еонъ при крещеніи получилъ имя Женевьевы вовсе не доказываетъ, что онъ былъ крещенъ какъ дѣвочка, тѣмъ болѣе, что на ряду съ этимъ именемъ онъ получилъ имя Шарля и Луи, исключительно даваемыя младенцамъ мужскаго пола. Заявленія самого д'Еона объ его полѣ не могутъ быть приняты въ соображеніе потому, что онъ въ одно и то же время подписывался въ оффиціальной перепискѣ «Луиза де-Бомонъ», и съ ожесточеніемъ возставалъ противъ королевскаго повелѣнія— предписывавшаго ему надѣть женское платье — заявляя, что такая одежда не соотвѣтствуетъ его полу.

Дѣтство, отрочество и юность провелъ д'Еонъ какъ и слѣдуетъ провести эти періоды жизни настоящему представителю непрекраснаго пола. Для воспитанія онъ былъ отправленъ своими родителями въ Парижъ, гдѣ поступилъ въ коллегію Мазарена, и въ своихъ школьныхъ занятіяхъ отличался замѣтными успѣхами; изъ этой коллегіи онъ перешелъ въ юридическую школу и, по окончаніи тамъ курса, получилъ степень доктора гражданскаго и каноническаго права. Въ самой ранней молодости у д'Еона проявилась охота къ писательству и первымъ литературнымъ его произведеніемъ было надгробное слово герцогинѣ де-Пентьевръ, происходившей изъ знаменитой фамиліи д'Есте. Впослѣдствіи д'Еонъ написалъ «Essai historique sur les differentes situations de la France par rapport aux finances» и два тома «Considerations politiques sur l'administration des peuples anciens et modernes». Кромѣ

того, онъ оставилъ послѣ себя обширную переписку, разныя замѣтки и очерки своей жизни. Одновременно съ призваніемъ къ мирнымъ литературнымъ трудамъ, онъ чувствовалъ наклонность и къ военному ремеслу и вскорѣ пріобрѣлъ себѣ въ Парижѣ громкую извѣстность своимъ искусствомъ стрѣлять и драться на шпагахъ, почему впослѣдствіи считался, во всей тогдашней Франціи, однимъ изъ самыхъ опасныхъ дуэлистовъ.

Несмотря на воинственныя наклонности д'Еона, свойственныя мужчинамъ, внѣшность его отличалась чрезвычайною женственностію. Въ лѣта своей юности онъ поразительно походилъ на хорошенькую дѣвушку, какъ по наружности, такъ и по голосу и по манерамъ. Въ двадцать лѣтъ отъ роду онъ имѣлъ прекрасные бѣлокурые волосы, свѣтло-голубые, томные глаза, такой нѣжный цвѣтъ лица, какому могла бы позавидовать каждая молодая женщина; роста онъ былъ небольшаго, а на гибкую и стройную его талію былъ въ пору корсетъ самой тоненькой дѣвушки; маленькія его руки и такія же ноги, казалось, должны были бы принадлежать не мужчинѣ, а дамѣ-аристократкѣ; надъ губой, на подбородкѣ и на щекахъ у него, по словамъ одного изъ его біографовъ, пробивался только легкій пушекъ какъ на спѣломъ персикѣ. Въ мемуарахъ о д'Еонѣ передавалось, что на одномъ изъ блестящихъ придворныхъ маскарадовъ, которыми такъ славилось роскошное царствованіе Людовика XV, находился кавалеръ д'Еонъ съ одною изъ своихъ знакомыхъ, молоденькою и веселою графинею де-Рошфоръ, убѣдившей д'Еона нарядиться въ женскій костюмъ. Переодѣтый шевалье былъ — какъ хорошенькая дѣвушка — замѣченъ королемъ и когда Людовикъ узналъ о своей ошибкѣ, то ему пришло на мысль воспользоваться женственною наружностію д'Еона для своихъ дипломатическихъ цѣлей. Гальярде заявляетъ однако, что весь этотъ разсказъ ничего болѣе какъ только собственная его фантазія и что изъ достовѣрныхъ документовъ о д'Еонѣ нельзя узнать съ точностью, почему именно явилась у Людовика XV мысль объ отправкѣ д'Еона въ женскомъ костюмѣ тайнымъ дипломатическимъ агентомъ ко двору императрицы Елисаветы Петровны.

Непосредственныя сношенія Россіи съ Франціею начались въ первой четверти XVII столѣтія, такъ какъ въ 1625 году

явился въ первый разъ въ Москву чрезвычайный посолъ французскаго короля Людовика XIII. Съ 1702 года учреждено было постоянное французское посольство въ Россіи, и въ числѣ замѣчательныхъ пословъ того времени былъ Кампредонъ, назначенный въ 1721 году и замѣненный черезъ шесть лѣтъ Маньяномъ, депеши котораго къ версальскому двору представляютъ столько интереса для русской исторіи относительно избранія на престолъ императрицы Анны Ивановны. Въ 1734 году, мѣсто французскаго посла въ Петербургѣ занялъ Понтонъ де-Етанъ, при немъ послѣдовало между петербургскимъ и версальскимъ дворами нѣкоторое охлажденіе, но дѣло вскорѣ поправилось съ назначеніемъ въ Парижъ русскимъ посломъ извѣстнаго князя Антіоха Дмитріевича Кантемира. На посылку Кантемира, версальскій кабинетъ отвѣчалъ такою-же любезностію, назначивъ своимъ представителемъ въ Россіи графа Вогренана, но такъ какъ Вогренанъ отказался отъ этого назначенія, то вмѣсто его былъ отправленъ маркизъ де-ла-Шетарди, бывшій до того времени французскимъ посломъ въ Берлинѣ. Предшественники маркиза не оставили никакихъ слѣдовъ въ нашей исторіи, между тѣмъ какъ дѣятельность де-ла-Шетарди была весьма замѣтна при переворотѣ, доставившемъ императорскую корону цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Мѣсто де-ла-Шетарди, въ августѣ 1742 года заступилъ д'Юссонъ д'Альонъ, не умѣвшій однако сохранить вліяніе, пріобрѣтенное при русскомъ дворѣ его энергическимъ и ловкимъ предшественникомъ. Въ 1743 году Шетарди снова явился въ Петербургъ въ званіи полномочнаго посла. Главною его задачею было воспрепятствовать императрицѣ Елисаветѣ заключить союзъ съ Австріею и Англіею противъ Франціи и Пруссіи. На первыхъ же порахъ благорасположеніе къ Шетарди со стороны императрицы было пріобрѣтено готовностію версальскаго кабинета признать за нею императорскій титулъ. Такъ какъ при дворѣ императрицы главнымъ и могущественнымъ противникомъ Франціи считался канцлеръ графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, то маркизу Шетарди было поручено стараться о низверженіи канцлера съ его высокаго поста. Маркизъ вдался въ тогдашнія придворныя интриги, но слишкомъ неудачно. Дѣло кончилось тѣмъ, что канцлеръ удержался на

своемъ мѣстѣ, а маркизъ де-ла-Шетарди не только что былъ высланъ изъ Петербурга, но и былъ, по повелѣнію Людовика XV, первоначально заключенъ въ цитадель города Монпелье, а потомъ удаленъ на житье въ свое помѣстье. Послѣ Шетарди былъ, 27-го марта 1745 года, назначенъ снова д'Альонъ, привезшій съ собою грамату, окончательно признавшую за Елисаветою Петровною титулъ императрицы всероссійской. Повидимому, отношенія наши къ Франціи улаживались самымъ благопріятнымъ образомъ, но совершенно неожиданно вышелъ случай, разстроившій эти отношенія. На одномъ изъ торжественныхъ придворныхъ собраній, происходившихъ въ Лондонѣ, тамошній французскій посолъ Шатлѐ заспорилъ о первенствѣ съ русскимъ посломъ графомъ Чернышевымъ. Шатлѐ не только наговорилъ ему публично дерзостей, но даже позволилъ себѣ столкнуть Чернышева съ занятаго имъ мѣста. Чернышевъ смиренно перенесъ такое оскорбленіе, но совершенно иначе взглянула на оскорбленіе посла сама императрица. Охлажденіе вслѣдствіе обиды, нанесенной Чернышеву, дошло между версальскимъ и петербургскимъ дворами до того, что король вынужденъ былъ отозвать д'Альона изъ Петербурга, гдѣ, вмѣсто упраздненнаго такимъ образомъ французскаго посольства, оставалось только консульство. Между тѣмъ, по тогдашнему положенію политическихъ дѣлъ въ Европѣ, Франція все сильнѣе и сильнѣе начала чувствовать невыгоды своего отчужденія отъ Россіи. Дружественныя въ то время отношенія Франціи и Пруссіи, а также и польскія дѣла, которыми интересовался версальскій кабинетъ, разсчитывая посадить на польскій престолъ своего кандидата, побуждали французскую дипломатію если не сходиться съ Россіею по прежнему, то, по крайней мѣрѣ, хотя обстоятельно знать что̀ дѣлалось при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны, но какъ на бѣду прекратились всѣ непосредственныя сношенія между этимъ дворомъ и версальскимъ. Посылка въ Россію для развѣдокъ обыкновенныхъ тайныхъ агентовъ представлялась дѣломъ нелегкимъ, въ особенности же послѣ того, какъ одинъ изъ такихъ агентовъ, шевалье Вилькруассанъ, былъ открытъ, признанъ шпіономъ и запрятанъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Въ виду такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, Лю-

довикъ XV первый рѣшился на попытку возстановить дружественныя отношенія къ Россіи. Съ своей стороны и императрица Елисавета Петровна, у которой успѣли уже отлечь нѣсколько отъ сердца и злоба на Шетарди, и досада на обиду, нанесенную въ Лондонѣ графу Чернышеву, и которая, въ добавокъ къ этому, находясь въ то время подъ сильнымъ вліяніемъ Ивана Ивановича Шувалова,—страстнаго поклонника Франціи,—была не прочь увидѣть снова въ Петербургѣ французское посольство. Но о готовности императрицы надобно было хорошенько освѣдомиться, чтобы не получить унизительнаго для Франціи отказа.

II.

Посылка Дугласа въ Россію. — Назначеніе д'Еона его помощникомъ.— Мечты принца Конти о польскомъ престолѣ. — Инструкція, данная Дугласу при отъѣздѣ въ Петербургъ. — Развѣдыванія о Биронѣ, объ отношеніи Россіи къ Англіи, о великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ, о Малороссіи и т. д. — Инструкція по турецкимъ дѣламъ. — Предположеніе о бракѣ императрицы Елисаветы Петровны.

Съ своей стороны Людовикъ XV приступилъ къ сближенію съ Россіею самымъ ухищреннымъ способомъ. Въ Парижѣ проживалъ въ ту пору, изгнанный изъ предѣловъ королевства великобританскаго, одинъ изъ приверженцевъ падшей династіи Стюартовъ, кавалеръ Дугласъ-Макензи, родомъ шотландецъ, всею душою ненавидѣвшій англичанъ. Иностранное происхожденіе кавалера, повидимому, вѣрнѣе всего отклоняло бы въ Петербургѣ мысль о томъ, чтобы онъ могъ быть тайнымъ агентомъ французскаго короля. Поэтому, а также разсчитывая на ловкость и проницательность Дугласа, Людовикъ XV предложилъ ему отправиться въ Петербургъ для политическихъ рекогносцировокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подумывалъ о томъ, кого бы дать ему въ помощники. Такъ какъ самая главная задача посольства Дугласа состояла въ личномъ сближеніи короля съ императрицей Елисаветой Петровной, то и представлялась надобность подъискать въ пособники Дугласу такую личность, которая, не навлекая на себя никакого подозрѣнія, могла бы проникнуть въ покои императрицы и бесѣдовать съ нею съ глазу на глазъ. Со-

вершенно подходящей къ тому личностью представился королю переодѣтый въ женское платье кавалеръ д'Еонъ.

Но если у самаго короля явилась мысль воспользоваться женоподобіемъ д'Еона для своихъ политическихъ цѣлей, то тѣмъ не менѣе предстоялъ еще при этомъ особый вопросъ, достанетъ ли у переодѣтаго въ женское платье кавалера умѣнья выполнить, какъ слѣдуетъ, тѣ важныя государственныя порученія, которыя возлагались на него вмѣстѣ съ роброномъ, фижмами и со всѣми другими принадлежностями тогдашняго женскаго туалета? Особыя обстоятельства способствовали разрѣшенію этого вопроса въ пользу д'Еона.

Среди близкихъ къ Людовику XV царедворцевъ былъ принцъ Конти, происходившій изъ фамиліи Конде, которая вела свое начало отъ младшей линіи бурбонскаго дома и, слѣдовательно, считалась родственною королевской династіи. Дѣдъ этого принца Конти-Франсуа-Луи (род. 1664, ум. 1709 г.) пріобрѣлъ себѣ громкую воинскую извѣстность въ битвахъ при Штейнкеркѣ, Флерюсѣ и Нервиндѣ и этой извѣстности былъ обязанъ тѣмъ, что въ 1697 году, по смерти короля Яна Собѣсскаго, былъ избранъ на польскій престолъ. Ему, однако, не удалось покоролевствовать въ Польшѣ, такъ какъ его успѣлъ отстранить отъ короны Піастовъ и Ягеллоновъ болѣе счастливый и болѣе близкій къ Польшѣ соперникъ— Августъ II, курфирстъ саксонскій, и пока французскій принцъ собирался въ Варшаву, Августъ II былъ уже тамъ. Тѣмъ не менѣе внукъ его былъ не прочь отъ притязаній на королевско-польскій вѣнецъ и притязанія эти, повидимому, готовы были осуществиться, когда въ началѣ 1745 года неожиданно явились въ Парижѣ нѣкоторые польскіе магнаты съ порученіемъ отъ значительнаго числа своихъ соотечественниковъ—предложить принцу Конти голоса въ его пользу при выборѣ государя на польскій престолъ. Людовикъ XV не находилъ для себя удобнымъ лично вмѣшиваться въ это дѣло, а потому поручилъ самому принцу Конти вести непосредственно переговоры съ польскими депутатами на счетъ сдѣланнаго ему предложенія.

Такой выдѣлъ польскаго вопроса изъ общей системы дѣлъ, касавшихся внѣшней политики Франціи, послужилъ началомъ къ выдѣлу изъ этой системы и нѣкоторыхъ другихъ дѣлъ,

непосредственное веденіе которыхъ принималъ на себя самъ король, имѣя въ этомъ случаѣ своимъ ближайшимъ помощникомъ принца Конти, въ завѣдываніе котораго перешла мало-по-малу вся политика Франціи по дѣламъ сѣверныхъ государствъ. Поэтому, такъ какъ посылка д'Еона касалась Россіи, то главнымъ совѣтникомъ короля и явился принцъ Конти. Въ свою очередь, честолюбивый принцъ не терялъ надежды быть рано или поздно на польскомъ престолѣ, который казался ему какъ-бы наслѣдственнымъ, а потому ему было очень кстати имѣть въ Петербургѣ,—гдѣ главнымъ образомъ должна была происходить развязка каждаго возникавшаго въ Польшѣ вопроса, — вполнѣ вѣрнаго и преданнаго ему человѣка, а такимъ человѣкомъ онъ могъ считать д'Еона, съ которымъ достаточно сблизился по особому случаю.

Надобно сказать, что принцъ Конти, мѣтя на польскій престолъ, не забывалъ, по врожденной склонности, и служенія музамъ—онъ былъ стихотворецъ, хотя и изъ очень плохихъ. Главнымъ затрудненіемъ, при постоянномъ почти кропаньѣ имъ стиховъ, было прiисканіе рифмы. Свѣтлѣйшій поэтъ прiискивалъ ихъ съ чрезвычайнымъ трудомъ и самымъ усерднымъ его помощникомъ въ этихъ занятіяхъ былъ кавалеръ д'Еонъ. Благодаря нѣкоторымъ своимъ сочиненіямъ, обратившимъ на себя вниманіе публики, д'Еонъ попалъ въ кругъ тогдашнихъ лучшихъ французскихъ писателей, а черезъ нихъ онъ свелъ знакомство съ принцемъ Конти.

Поэтому, когда Людовикъ XV сообщилъ принцу свое предположеніе о посылкѣ ко двору императрицы Елисаветы Петровны съ кавалеромъ Дугласомъ переодѣтаго въ женское платье д'Еона, то онъ нашелъ со стороны своего совѣтника самую сильную поддержку этому предположенію. Сохранилось извѣстіе, что на такую таинственную посылку д'Еона имѣла большое вліяніе и маркиза Помпадуръ, которая, извѣдавъ на опытѣ какую можетъ имѣть женщина силу въ государственныхъ дѣлахъ, внушала королю, что сближеніе между нимъ и русскою императрицею съумѣетъ лучше всего устроить женщина. Посылая въ Петербургъ д'Еона подъ видомъ дѣвицы, король какъ будто слѣдовалъ и внушеніямъ своей фаворитки, которая если и не вполнѣ, то все же до

нѣкоторой степени могла быть довольна новою, небывалою еще затѣею его величества.

Такимъ образомъ поѣздка д'Еона въ Петербургъ была рѣшена окончательно.

Для отстраненія всякаго недоразумѣнія относительно цѣли поѣздки обоихъ кавалеровъ, было положено, что Дугласъ отправится въ Россію подъ видомъ частнаго лица съ порученіемъ относительно закупки мѣховъ, а д'Еона будетъ выдавать за свою племянницу. Кромѣ того, Дугласъ могъ выдавать себя и за ученаго путешественника, такъ какъ его спеціальностью была геологія. При отправленіи Дугласа въ Петербургъ, ему вмѣнено было въ обязанность ознакомиться съ внутреннимъ положеніемъ Россіи, съ состояніемъ ея арміи и флота и съ отношеніемъ къ императрицѣ разныхъ придворныхъ личностей и партій и со всѣмъ тѣмъ, «что можетъ быть полезно и любопытно для его величества». О всѣхъ своихъ наблюденіяхъ въ Россіи, Дугласъ долженъ былъ составлять только краткія, отрывочныя замѣтки и могъ обратить ихъ въ систематическое изложеніе не иначе, какъ только по возвращеніи своемъ во Францію. Не трудно догадаться, что такое условіе было поставлено съ тою цѣлью, чтобы Дугласъ не могъ напечатать своихъ замѣтокъ въ видѣ сочиненія и тѣмъ самымъ открыть передъ публикою такіе факты и обстоятельства, которые до извѣстнаго времени должны были быть извѣстны только королю и самымъ довѣреннымъ его лицамъ. Собственно королю Дугласъ могъ написать изъ Петербурга только одно письмо и то условнымъ языкомъ, для чего и были приняты выраженія, относящіяся къ торговлѣ мѣхами. Такъ, «черная лисица» должна была означать англійскаго посла въ Петербургѣ—кавалера Вилльямса Генбюри; выраженіе «горностай въ ходу» означало преобладаніе русской партіи. Если бы Австрія взяла перевѣсъ въ Петербургѣ, то Дугласъ долженъ былъ сообщить королю, что «рысь въ цѣнѣ», такъ какъ подъ «рысью» подразумѣвался Бестужевъ-Рюминъ, сторонникъ Австріи; если же кредитъ его у императрицы сталъ бы уменьшаться, то Дугласъ долженъ былъ сообщить, что «соболь падаетъ въ цѣнѣ».

Инструкція, данная Дугласу 1-го іюня 1755 года, была написана такимъ мелкимъ шрифтомъ, съ такими сокращеніями.

что она хотя и была довольно обширна по содержанію, но могла быть спрятана между стѣнками табакерки.

Въ началѣ этой инструкціи говорилось: «положеніе Европы вообще, смуты, возникшія въ прошедшемъ году въ Польшѣ, и готовыя, повидимому, возобновиться; участіе, принятое въ нихъ петербургскимъ дворомъ и опасеніе, что Англія, въ непродолжительномъ времени, при посредствѣ своего посланника, кавалера Вилльямса, заключитъ договоръ съ Россіею о субсидіяхъ, все это требуетъ тщательнаго наблюденія за образомъ дѣйствій русскаго двора».

«Уже съ давнихъ поръ—говорилось въ инструкціи—его величество не имѣетъ въ Россіи ни посланника, ни министра, ни консула, почему королю почти совсѣмъ неизвѣстно положеніе этой страны, тѣмъ болѣе, что характеръ націй, а также ревнивый и подозрительный деспотизмъ правительства не допускаютъ возможности вести даже обыкновенную корреспонденцію, какъ это дѣлается въ отношеніи другихъ государствъ». Затѣмъ, послѣ указанія тѣхъ выгодъ, какія представляетъ посылка въ Россію Дугласа, какъ англійскаго подданнаго, слѣдуютъ подробныя наставленія, гдѣ онъ долженъ побывать и что ему нужно сдѣлать.

Чтобъ избѣгнуть разспросовъ при большихъ германскихъ дворахъ, Дугласу и д'Еону предписывалось въѣхать въ Германію черезъ Швабію и оттуда отправиться въ Богемію, подъ предлогомъ осмотра, съ ученою цѣлью, тамошнихъ рудниковъ. Познанія его въ минералогіи должны были придать полную вѣроятность путешествію, предпринятому съ подобною цѣлью. Для бо́льшаго же въ этомъ убѣжденія нѣмцевъ, Дугласъ долженъ былъ изъ Богеміи поѣхать въ Саксонію подъ предлогомъ осмотра фридбергскихъ рудниковъ. Отсюда ему слѣдовало направиться въ Данцигъ черезъ Силезію, Варшаву или Торнъ, или черезъ Прусскую Померанію во Франкфуртъ на Одерѣ, и оттуда въ Данцигъ, какою угодно ему дорогою. Изъ Данцига черезъ Пруссію онъ долженъ былъ проѣхать въ Курляндію, чтобы собрать тамъ свѣдѣнія о положеніи герцогства Курляндскаго; о томъ, какъ смотритъ тамошнее дворянство на низложеніе герцога Бирона, а также о тѣхъ видахъ, какія имѣетъ Россія на эту страну. Ему поручено было также собрать тамъ свѣдѣнія о финансахъ Курляндіи, и

о системѣ тамошняго управленія, и о числѣ русскаго войска, расположеннаго въ герцогствѣ. Изъ Курляндіи чрезъ Лифляндію Дугласъ и д'Еонъ должны были отправиться прямо въ Петербургъ. По прибытіи туда, ему слѣдовало распространить и поддержать слухъ, что онъ путешествуетъ изъ одной только любознательности, и войти въ сношенія съ людьми, которые могли бы способствовать его ученымъ изысканіямъ. Далѣе Дугласу внушалось, чтобы онъ съ полнѣйшимъ безразличіемъ относился къ представителямъ всѣхъ націй, находящимся въ Петербургѣ, и чтобы, не смотря на то, что онъ изгнанъ изъ Англіи, свелъ знакомство съ кавалеромъ Вилльямсомъ, которому онъ лично не былъ извѣстенъ.

Инструкція, которая дана была Дугласу и руководствоваться которою долженъ былъ и д'Еонъ, заключала въ себѣ, кромѣ того, еще особые пункты, и изъ нихъ видно, чѣмъ именно интересовалась Франція при тогдашнемъ значеніи Россіи въ европейской политикѣ.

Такъ, тайные агенты Людовика XV должны были навести самымъ секретнымъ образомъ справки о томъ, до какой степени были успѣшны переговоры Вилльямса относительно доставленія Россіею Англіи вспомогательнаго войска; развѣдать о численномъ составѣ русской арміи, о состояніи русскаго флота, о ходѣ русской торговли, о расположеніи русскихъ къ настоящему ихъ правительству; о степени кредита, какимъ пользовались Бестужевъ и Воронцовъ, о фаворитахъ императрицы и о томъ вліяніи, какое имѣютъ они на министровъ; о согласіи или о раздорахъ между этими послѣдними, объ отношеніяхъ ихъ къ фаворитамъ; объ участи бывшого императора Ивана Антоновича и его отца принца Браушвейгскаго.

Наблюденія и развѣдка тайныхъ французскихъ агентовъ въ Петербургѣ не отраничивались всѣмъ этимъ. Имъ поручалось узнать о расположеніи народа къ наслѣднику престола, великому князю Петру Ѳедоровичу, въ особенности послѣ того, какъ у него родился сынъ; о томъ, нѣтъ ли у принца Ивана Антоновича приверженцевъ и не поддерживаетъ ли ихъ тайно Англія? Безъ всякаго сомнѣнія, полученіе этихъ послѣднихъ свѣдѣній въ положительномъ смыслѣ было бы весьма важно для версальскаго кабинета, такъ какъ онъ, добывъ ихъ, могъ

бы нанести рѣшительный ударъ англійской дипломатіи въ Петербургѣ. Дугласъ и д'Еонъ должны были также провѣдать о томъ, расположены ли русскіе къ миру и не имѣютъ ли неохоты къ войнѣ въ особенности съ Германіею, о настоящихъ и будущихъ видахъ Россіи на Польшу, о намѣреніяхъ ея относительно Швеціи; о томъ впечатлѣніи, какое произвели въ Петербургѣ смерть султана Махмута и вступленіе на престолъ Османа; о причинахъ, побудившихъ вызвать изъ Малороссіи гетмана Разумовскаго; о томъ, что думаютъ относительно преданности малороссійскихъ казаковъ императорскому правительству и о той системѣ, какой оно держится въ отношеніи къ нимъ.

Нѣкоторые изъ пунктовъ относились исключительно къ д'Еону, который, какъ предполагалось, долженъ былъ войти въ непосредственныя сношенія съ самой императрицей. Въ этихъ пунктахъ поручалось ему развѣдать о тѣхъ чувствахъ, которыя питаетъ Елисавета Петровна къ Франціи и о томъ, не попрепятствуютъ ли ей ея министры установить прямую корреспонденцію съ Людовикомъ XV; о тѣхъ партіяхъ, на которыя раздѣляется русскій дворъ; о лицахъ, пользующихся особымъ довѣріемъ императрицы; о расположеніи ея самой и ея министровъ къ кабинетамъ вѣнскому и лондонскому.

Исполнить удачно такую обширную и разнообразную инструкцію было дѣломъ не легкимъ, и если Дугласъ не удовлетворилъ вполнѣ ожиданіямъ короля, за то его помощникъ или—вѣрнѣе сказать въ этомъ случаѣ, помощница—исполнилъ данныя ему порученія къ совершенному удовольствію его величества.

Кромѣ приведенной нами инструкціи, Дугласу была дана еще дополнительная инструкція, касавшаяся исключительно политики Россіи по отношенію къ Турціи. Въ этой дополнительной инструкціи излагались жалобы отоманской порты на русское правительство. Главнымъ предметомъ ихъ была постройка крѣпости св. Елисаветы, такъ какъ, по словамъ турецкой порты, крѣпость эта была возведена собственно на территоріи, принадлежавшей султану. Дугласу поручалось провѣрить жалобу порты и собрать относительно ея самыя обстоятельныя свѣдѣнія.

По указанному выше маршруту, Дугласъ и его мнимая

спутница,—которой онъ при всякомъ случаѣ оказывалъ вниманіе, подобающее ея полу,—пріѣхали въ Петербургъ и здѣсь началась замѣчательная своеобразная дѣятельность кавалера д'Еона, снабженнаго на счетъ принца Конти всѣми принадлежностями роскошнаго дамскаго туалета. Такая щедрость принца объясняется тѣмъ, что онъ, отправляя д'Еона въ Петербургъ, разсчитывалъ не только на осуществленіе, при помощи его, своихъ видовъ на польскій престолъ, но въ случаѣ неудачи въ этомъ намѣреніи, онъ далъ д'Еону еще особыя порученія, клонившіяся въ его пользу. Не только самъ принцъ Конти, но и покровительствовавшій ему Людовикъ XV, считали возможнымъ бракъ принца съ Елисаветой Петровной. «Императрица—сказалъ однажды король—хотѣла раздѣлить со мною свой престолъ, но это невозможно потому, что я и женатъ и царствующій государь. Но если она меня любила, то должна полюбить и близкаго ко мнѣ человѣка. Я скажу ей: вотъ принцъ моего дома; онъ молодъ, красивъ и храбръ, изберите его своимъ супругомъ». Наконецъ, если бы оказалась невозможность предполагаемаго брака, то д'Еонъ долженъ былъ постараться о томъ, чтобы императрица Елисавета Петровна предоставила, по крайней мѣрѣ, принцу Конти или главное начальство надъ своими войсками, или добыла бы ему небольшое княжество: напримѣръ, Курляндію, не имѣвшую въ то время герцога. Попасть на курляндскій тронъ казалось для принца Конти дѣломъ чрезвычайно важнымъ, такъ какъ оттуда ему было уже гораздо легче, нежели прямо изъ Парижа, перебраться, при первомъ же удобномъ случаѣ, на польскій престолъ.

III.

Тайные агенты Людовика XV. — Дозволеніе д'Еону вести тайную переписку изъ Петербурга. — Значеніе Россіи въ дѣлахъ Европы.—Политика Австріи, Англіи и Пруссіи въ отношеніи Россіи.—Вступленіе на престолъ Елисаветы Петровны. — Непріязнь ея къ Фридриху Великому. — Вліяніе Англіи. — Образъ дѣйствій Бестужева-Рюмина и Воронцова. — Участіе д'Еона въ дипломатическихъ интригахъ.

Тайное посольство въ Петербургъ Дугласа и д'Еона и при томъ съ такими важными цѣлями было, какъ нельзя болѣе, въ духѣ Людовика XV. Мы уже видѣли, что принцъ

КАВАЛЕРЪ Д'ЕОНЪ.

Съ современнаго гравированнаго портрета Летелье.

Конти, покровитель д'Еона, завѣдывалъ секретною перепискою короля. Въ 1866 году секретная дипломатическая переписка короля Людовика XV была издана въ Парижѣ г. Бутарикомъ, начальникомъ въ ту пору императорскихъ архивовъ, въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ «Corespondance sacrète inédite de Louis XV sur la politique etrangère avec le comte de Broglie, Tercier et cet.». Переписка эта продолжалась въ теченіе 20-ти лѣтъ и обнародованіе ея въ настоящее время въ значительной степени должно измѣнить прежній, обще установившійся взглядъ на государственную дѣятельность Людовика XV, конечно, не въ отношеніи его умственныхъ способностей и нравственныхъ правилъ, но только въ отношеніи той беззаботности о государственныхъ дѣлахъ, которая, повидимому, составляла какъ бы отличительную черту его характера. Теперь оказывается, что каждое воскресенье лица, управлявшія почтовою частью, сообщали королю всѣ открытія, сдѣланныя ими въ такъ называемомъ «черномъ кабинетѣ», гдѣ благонадежные чиновники вскрывали письма, перечитывали ихъ и снимали копіи съ тѣхъ, которыя представляли какой-либо интересъ. Никто не освобождался отъ такой инквизиціи и Людовикъ XV нисколько не совѣстился пользоваться свѣдѣніями, извлекаемыми изъ такого постыднаго источника. Но если король знакомился такимъ образомъ съ чужими секретами, то онъ самъ хотѣлъ охранить отъ посторонняго взгляда тайны своей дипломатической переписки, которую онъ велъ секретно отъ своихъ министровъ. У Людовика XV всюду были свои собственные корреспонденты, съ которыми онъ переписывался самъ и которые не знали вовсе одинъ другаго. Относительно своихъ дипломатическихъ агентовъ король держался вообще слѣдующаго правила: посланникомъ назначалось обыкновенно какое нибудь знатное, представительное лицо, и такой оффиціальный посланникъ обязанъ былъ по своимъ дѣламъ сноситься только съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, если не былъ особо уполномоченъ королемъ на то, чтобы вести съ его величествомъ секретную переписку. Между тѣмъ въ секретари къ такому посланнику давалась незначительная и неизвѣстная личность и ей-то предоставлялось право сноситься непосредственно съ государемъ или ближайшими неоффиціальными его совѣтниками. Вслѣдствіе этого

нерѣдко происходила большая путаница, такъ какъ виды министровъ не сходились иной разъ съ личными намѣреніями короля, который, однако, не имѣлъ настолько твердости характера, чтобъ настоять на своемъ и тѣмъ самымъ ставилъ министровъ въ крайне затруднительное и неловкое положеніе. Мало того, король иногда оффиціально предписывалъ что либо своему посланнику черезъ министра, но въ то же время секретно приказывалъ этому послѣднему не исполнять министерскаго распоряженія. Изъ этого уже видно, какое важное значеніе имѣли тайные агенты короля и какую степень довѣрія съ его стороны къ д'Еону успѣлъ внушить принцъ Конти, имѣвшій, какъ мы замѣтили, и свои личные виды при посылкѣ въ Петербургъ переряженаго кавалера.

Принцъ Конти, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, завѣдывалъ секретною перепискою короля, причемъ лицамъ, получившимъ право вести такую переписку, заявлялось, чтобы они всегда считали ее главнымъ для себя руководствомъ, а предписанія министровъ—дѣломъ второстепеннымъ. Находясь на своемъ посту, Конти велъ особенно дѣятельную переписку съ Константинополемъ, Варшавою, Стокгольмомъ и Берлиномъ. Одною изъ главныхъ цѣлей этой переписки было ослабленіе русскаго вліянія въ Польшѣ, вслѣдствіе чего принцу удалось подготовить конфедерацію въ пользу своего избранія въ короли польскіе, но замысламъ принца Конти неожиданно былъ нанесенъ ударъ, подготовленнымъ стараніемъ графа Шуазеля—вопреки таинственной королевской корреспонденціи, —союзомъ Франціи въ Австріею, а союзъ этотъ, составленный противъ Пруссіи, послужилъ поводомъ и къ сближенію Франціи съ Россіей, причемъ противодѣйствіе со стороны французской политики видамъ русскаго двора въ Польшѣ было уже неумѣстно. Такимъ образомъ, одно изъ порученій, данныхъ принцемъ Конти д'Еону, при отправкѣ его въ Петербургъ, совершенно упразднилось. Ко вступленію въ бракъ съ императрицею Елисаветою Петровной никакой надежды не оказалось, точно также не было ея и на полученіе главнаго начальства надъ русскими войсками, поэтому принцъ Конти сталъ хлопотать о полученіи подобнаго званія въ Германіи, но и тутъ ему не посчастливилось вслѣдствіе раздора съ маркизою Помпадуръ. По донесенію бывшаго въ то время въ

Парижѣ русскаго посла Бехтѣева, «Конти съ госпожою Помпадуршею былъ въ великой ссорѣ». Разсерженный всѣми этими неудачами, Конти вовсе отказался отъ дѣлъ, и, согласно воли короля, передалъ всѣ корреспонденціи и шифры старшему королевскому секретарю по иностраннымъ дѣламъ Терсье, съ которымъ и привелось д'Еону вести бо́льшую часть секретной переписки изъ Петербурга. Другимъ сотрудникомъ короля по тайной корреспонденціи явился, въ 1765 году, одновременно съ Терсье, графъ Брольи, возвратившійся изъ Польши во Францію, занимавшій до того времени мѣсто французскаго посланника въ Варшавѣ.

Изъ приведенной нами инструкціи, данной Дугласу, видно, что вести въ Петербургѣ тайную политическую агентуру было дѣломъ не легкимъ, притомъ и самая политика нашего двора ставила не мало препятствій успѣшнымъ дѣйствіямъ Дугласа и его помощника.

Хотя еще Петръ Великій сближался съ государствами западной Европы по нѣкоторымъ международнымъ вопросамъ, но собственно только при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Россія впервые съ большимъ вѣсомъ и уже окончательно вступила въ семью европейскихъ державъ. До того же времени она не сознавала вполнѣ своего громаднаго вліянія на ходъ политическихъ событій въ средней Европѣ и потому держалась въ сторонѣ отъ нихъ. Господствовавшій въ то время въ умахъ дипломатовъ вопросъ о поддержаніи политическаго равновѣсія какъ будто не касался ея. Примкнувъ своими восточными и сѣверными рубежами къ мѣстностямъ, лежащимъ внѣ Европы, и обезпечивъ достаточно свои западную и южную границы отъ Швеціи, Польши и Турціи и живя въ добромъ согласіи съ Пруссіей и Австріей, петербургскій кабинетъ, въ отношеніи Западной Европы, какъ казалось ему, совершенно закончилъ программу своей внѣшней дѣятельности. Римско-нѣмецкій императоръ Карлъ VI, послѣдній мужской представитель габсбургскаго дома, добившись отъ императрицы Анны Ивановны гарантіи своей, такъ называемой «прагматической санкціи», въ силу которой владѣнія габсбургскаго дома переходили къ его дочери Маріи-Терезіи, открылъ тѣмъ самымъ Россіи прямую дорогу къ вмѣшательству въ европейскія дѣла, хотя бы ими и не затрогивались непосредственно наши интересы. Конечно

это могло только льстить политическому самолюбію петербургскаго кабинета, а въ практическомъ отношеніи могло представить гораздо болѣе невыгодъ, нежели пользы. Но вскорѣ русская дипломатія почувствовала толчекъ извнѣ: именно со стороны Англіи. Еще данная англійскому посланнику Финчу (28-го февраля 1740 года) инструкція предписывала ему установить самыя тѣсныя отношенія между Англіею и Россіею и скрѣпить ту дружбу, какая издавна существовала уже между Россіею и Австріею. Съ своей стороны и Фридрихъ II, въ виду такой политики сенъ-джемскаго кабинета, подумывалъ о томъ, чтобы пріобрѣсти расположеніе Россіи. Посолъ его въ Петербургѣ, Мардефельдъ, заискивалъ около графа Остермана, который, однако, готовъ былъ заключить союзъ съ Пруссіею не иначе, какъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ къ этому союзу приступили Данія и Польша, что̀, однако, совершенно противорѣчило видамъ берлинскаго кабинета. При такомъ положеніи дѣлъ умеръ императоръ Карлъ VI, извѣстіе объ этомъ пришло въ Петербургъ, спустя нѣсколько дней послѣ смерти императрицы Анны Ивановны Это послѣднее событіе вдохнуло въ Фридриха II рѣшимость начать войну съ Австріею, не обезпечивъ себя даже нейтралитетомъ Россіи. Король прусскій разсчитывалъ на то, что въ царствованіе малолѣтняго государя—Ивана Антоновича—русское правительство будетъ слишкомъ занято своими внутренними дѣлами для того, чтобъ оно могло энергически вмѣшаться въ возгорѣвшуюся войну между Австріею и Пруссіею. Сверженіе регента Бирона еще болѣе утвердило короля въ этой мысли: онъ находилъ, что при внутреннихъ потрясеніяхъ, совершающихся въ Россіи, петербургскому кабинету некогда будетъ заботиться о томъ, что дѣлается въ Европѣ.

Неожиданное воцареніе Елисаветы Петровны не повліяло со стороны Россіи на положеніе дѣлъ въ Европѣ, и даже трудно было предвидѣть какой политики въ отношеніи Австріи и Пруссіи, станетъ держаться новая императрица. Повидимому, сама она оставалась совершенно равнодушна къ начавшейся между этими державами войнѣ. Изъ близкихъ къ ней людей Лестокъ былъ за Францію, а графъ Бестужевъ-Рюминъ за Англію и, слѣдовательно, за союзницу ея Австрію. Обстоятельство это должно было вести къ тому за-

ключенію, что Россія не вмѣшается въ австро-прусскую войну до тѣхъ поръ, пока одно изъ этихъ вліятельныхъ при дворѣ императрицы лицъ не одолѣетъ другое. Само собою разумѣется, что нерѣшительная политика петербургскаго кабинета была очень кстати для Фридриха II, къ этому присоединилось еще одно особое, чрезвычайно благопріятное обстоятельство. Достигнувъ престола низверженіемъ брауншвейгской династіи, бывшей въ близкомъ родствѣ съ габсбургско-австрійскимъ домомъ, Елисавета, какъ оказалось, отдалялась тѣмъ самымъ отъ Австріи. Такое положеніе дѣлъ привело окончательно къ тому, что Россія не приняла никакого фактическаго участія въ войнѣ за австрійское наслѣдство, хотя впослѣдствіи въ числѣ другихъ державъ подписала, въ 1748 году, мирный договоръ въ Ахенѣ, утвердившій за Маріею-Терезіею всѣ области оставленныя ей въ наслѣдіе ея отцомъ, за исключеніемъ лишь Силезіи, завоеванной Фридрихомъ Великимъ.

Хотя ахенскій миръ и водворилъ спокойствіе въ Европѣ, но всѣ очень хорошо понимали непрочность этого спокойствія, а потому кабинеты англійскій и французскій старались заручиться поддержкою Россіи. Англія, при содѣйствіи Бестужева-Рюмина, успѣла послѣ паденія Лестока утвердить въ Петербургѣ свое вліяніе, которое съ каждымъ днемъ становилось все сильнѣе и сильнѣе. Франція не могла равнодушно смотрѣть на это, но какъ мы уже замѣтили, она при охлажденіи къ ней Россіи, вслѣдствіе поступковъ де-ла-Шетарди и Шатле, не имѣла даже никакихъ средствъ предпринять что либо въ свою пользу при дворѣ императрицы Елисаветы. Доступъ французскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Петербургъ сдѣлался невозможенъ, соглядатаи Бестужева зорко сторожили ихъ на самой границѣ, а потому и Дугласъ съ д'Еономъ могли пробраться туда только самымъ замысловатымъ способомъ. Нѣсколько ранѣе ихъ, тоже въ 1755 году, пріѣхалъ въ Петербургъ и англійскій посланникъ, кавалеръ Вилльямсъ Генбюри. Надо полагать, что до дипломатическихъ кружковъ доходили смутные слухи о посольствѣ Дугласа и д'Еона, потому что, не смотря на всю таинственность, которою оно было покрыто, въ Парижѣ разнеслась молва о посылкѣ д'Еона въ Россію подъ видомъ дѣвицы. Съ своей стороны, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ пы-

тался провѣдать о цѣли пріѣзда Дугласа, и, какъ надобно полагать, успѣлъ своими ухищренными разспросами поставить въ тупикъ повѣреннаго Людовика XV, который на вопросъ посла: что онъ намѣренъ дѣлать въ Россіи? отвѣчалъ, что онъ пріѣхалъ туда по совѣту врачей, предписавшихъ ему, для поддержанія здоровья, пребываніе въ холодномъ климатѣ.

Не имѣя въ виду писать исторію европейской политики въ половинѣ прошлаго столѣтія, мы отмѣчаемъ теперь только тѣ факты, которые по ихъ значенію и связи съ общимъ ходомъ дѣлъ необходимы для разъясненія дѣятельности д'Еона въ качествѣ тайнаго агента Людовика XV. Ему приписываютъ не только большое, но даже почти исключительное вліяніе на сближеніе Россіи съ Франціею. Обстоятельства этого никакъ нельзя отвергать, но кромѣ того были и другія причины, приведшія политику русскаго кабинета къ сближенію съ политикою версальскаго кабинета. Императрица Елисавета Петровна, не особенно сочувствовавшая прежде императрицѣ Маріи-Терезіи, мало-по-малу сдѣлалась ея задушевною пріятельницею. Поводомъ къ такимъ взаимнымъ отношеніямъ была вражда обѣихъ императрицъ къ Фридриху Великому. Если съ своей стороны Марія-Терезія не могла простить прусскому королю завоеваніе Силезіи, то Елисавета имѣла съ нимъ съ своей стороны особые, личные счеты. Саксонскій посланникъ, графъ Линаръ сообщилъ своему двору, что придворные гайдуки, бывшіе прежде на службѣ Фридриха II, пріѣхавъ въ Петербургъ, разсказывали о тѣхъ насмѣшкахъ, которыя позволялъ себѣ король на счетъ императрицы Елисаветы Петровны. Впрочемъ, по всей вѣроятности, не однимъ только этимъ путемъ доходили до нея ѣдкія остроты Фридриха II. Кромѣ того, онъ въ глазахъ императрицы былъ отъявленнымъ вольнодумцемъ и безбожникомъ, а такихъ людей слишкомъ не жаловала богобоязненная государыня. Но великій король нажилъ своимъ языкомъ себѣ врага не въ одной только Елисаветѣ Петровнѣ, но и въ маркизѣ Помпадуръ, надъ которой онъ такъ безпощадно насмѣхался, и она подготовила ему нерасположеніе со стороны находившагося въ ея власти Людовика XV. Мало-по-малу прежнія отношенія Франціи къ Пруссіи стали измѣняться, и еще до пріѣзда въ Петербургъ Дугласа и д'Еона тамъ стали ходить слухи о томъ, будто

Францiя готова напасть на Пруссiю въ герцогствѣ Клевскомъ, Англiя — въ Ганноверѣ и Австрiя — въ Силезiи, но слухи эти не оправдались, потому что 27-го мая того же года Англiя объявила Францiи войну. Что же касается Россiи, то политика ея замѣтно клонилась въ пользу Австрiи, благодаря могущественному влiянiю на внѣшнiя дѣла со стороны канцлера графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина, котораго Людовику XV такъ хотѣлось сжить съ мѣста.

Хотя, такимъ образомъ, въ Петербургѣ уже готовились вступить въ непрiязненныя отношенiя къ Пруссiи, но вопросъ на счетъ этого не могъ быть рѣшенъ окончательно. Влiянiе Англiи, поддерживаемое въ Петербургѣ умнымъ и ловкимъ ея представителемъ Вилльямсомъ Генбюри, слишкомъ тяготѣло надъ русскимъ дворомъ. Бестужевъ успѣлъ даже склонить императрицу не только подтвердить состоявшiйся, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, оборонительный союзъ, между Англiею и Россiею, но и принять со стороны Англiи такiя условiя, которыя обращали этотъ союзъ въ союзъ наступательный. Такъ, Россiя обязалась послать въ Ганноверъ, или, по указанiю сенъ-джемскаго кабинета, въ другую какую-либо часть Германiи, пятьдесятъ тысячъ вспомогательнаго войска, а Англiя съ своей стороны обязалась выдавать за это Россiи ежегодную субсидiю въ размѣрѣ 100,000 фунтовъ стерлинговъ. Для Францiи подобный оборотъ, помимо всякаго вопроса объ отношенiяхъ Россiи къ Пруссiи, былъ очень прискорбенъ. При такомъ положенiи дѣлъ прiѣхали въ Петербургъ Дугласъ и д'Еонъ, и если вѣрить мемуарамъ этого послѣдняго, то сэръ Генбюри, проникнувшiй цѣль ихъ посольства, устроилъ дѣло такъ, что пресѣкъ Дугласу совершенно доступъ ко двору императрицы, и Дугласъ на первомъ же шагу долженъ былъ довести до свѣдѣнiя Людовика XV объ испытанныхъ имъ въ Петербургѣ неудачахъ. Впрочемъ, справедливости этого заявленiя противорѣчатъ донесенiя самого Вилльямса, который писалъ, что секретныя интриги Дугласа отдалили Россiю отъ Англiи. Быть можетъ, однако, и то, что Вилльямсу не удалось отличить хорошенько интриги Дугласа отъ продѣлокъ д'Еона, и онъ ошибочно приписывалъ первому изъ нихъ то, что было только дѣломъ его таинственнаго помощника. Что д'Еонъ много содѣйствовалъ сближенiю Россiи

съ Францiею, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнiю и прямое тому доказательство находится въ одномъ изъ писемъ короля, который, конечно, лучше другихъ могъ знать въ какой степени д'Еонъ осуществилъ въ Петербургѣ его тайныя цѣли.

Отправляя д'Еона въ Петербургъ, и король, и принцъ, и маркиза разсчитывали преимущественно на вице-канцлера графа Михаила Илларiоновича Воронцова, обнаруживавшаго, въ противоположность Бестужеву-Рюмину, свои постоянныя симпатiи къ версальскому двору. Ему первому представилась дѣвица де-Бомонъ, какъ племянница кавалера Дугласа. При этомъ представленiи у ней въ корсетѣ было зашито, данное ей отъ короля, полномочiе, въ подошвѣ башмака былъ запрятанъ ключъ къ шифрованной перепискѣ, а въ рукахъ было сочиненiе Монтескье «L'Esprit des lois» съ золотымъ обрѣзомъ и въ кожаномъ переплетѣ. Эта книга предназначалась для поднесенiя самой императрицѣ и въ этой-то книгѣ заключалась собственно вся суть дѣла.

Спустя почти двадцать лѣтъ послѣ этого представленiя, д'Еонъ въ письмѣ своемъ къ министру иностранныхъ дѣлъ графу Верженю, упоминая о передачѣ этой книги въ руки Бомарше, разсказывалъ подробно, какое важное значенiе она нѣкогда имѣла. Переплетъ этой книги состоялъ изъ двухъ картонныхъ листовъ, между которыхъ были вложены секретныя бумаги, картонъ былъ обтянутъ телячьей кожею, края которой, перегнутые на другую сторону, были подклеены бумагою съ мраморнымъ узоромъ. Переплетенная такимъ образомъ книга была положена на сутки подъ прессъ и переплетъ послѣ этого получилъ такую плотность, что никакой переплетчикъ не въ состоянiи былъ догадаться, что между картонными листами были задѣланы бумаги. Въ такомъ переплетѣ сочиненiе Монтескье было вручено д'Еону, для доставленiя императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ секретныхъ писемъ Людовика XV, вмѣстѣ съ шифрованною азбукою, при посредствѣ которой она и ея вице-канцлеръ, графъ Воронцовъ, могли, безъ вѣдома французскихъ министровъ и посланника, вести секретную переписку съ королемъ. Въ переплетѣ же книги была задѣлана другая шифрованная азбука для переписки д'Еона съ принцемъ Конти, Терсье и Моне-

номъ. Когда же принцъ Конти удалился отъ дѣлъ, то д'Еонъ, находясь въ Петербургѣ, получилъ предписаніе исполнять не слишкомъ усердно инструкціи, данныя ему принцемъ Конти. Затѣмъ д'Еонъ получилъ новые шифры, одинъ исключительно для переписки съ королемъ, Терсье и графомъ Брольи, а другой для переписки съ императрицей Елисаветой и графомъ Воронцовымъ, причемъ ему строжайшимъ образомъ внушалось, чтобы онъ хранилъ ввѣренныя ему тайны, какъ отъ версальскихъ министровъ, такъ и отъ маршала де-л'Опиталя, который въ 1757 году былъ назначенъ французскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ. Кромѣ того, д'Еону поручено было препровождать къ королю всѣ депеши французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, получаемыя въ Петербургѣ, съ отвѣтомъ на нихъ посланника и съ присоединеніемъ къ этому его собственнаго мнѣнія.

Бестужевъ и Билльямсъ зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы французскіе агенты не проникли въ Петербургъ, и хотя вслѣдствіе этого Дугласъ долженъ былъ вскорѣ уѣхать оттуда, но д'Еонъ, по разсказу Галльярде, неотвергаемому и во вновь изданной имъ книгѣ, остался въ Петербургѣ и, заручившись благосклонностью Воронцова, былъ представленъ императрицѣ.

IV.

Носилъ ли д'Еонъ женское платье въ Петербургѣ?—О назначеніи его чтицею при императрицѣ. — Опроверженіе этого факта. — Д'Еонъ и великій князь Петръ Ѳедоровичъ. — Письмо Людовика XV, разъясняющее вышепоставленный вопросъ. — Акты, изданные Бутарикомъ. — Отъѣздъ д'Еона изъ Петербурга.—Возвращеніе его туда.

Теперь намъ слѣдуетъ остановиться на вопросѣ: носилъ ли д'Еонъ въ Петербургѣ женское платье и былъ ли тамъ принятъ подъ именемъ дѣвицы де-Бомонъ?

Находящіеся въ мемуарахъ д'Еона разсказы о житьѣ его во дворцѣ Елисаветы Петровны и о назначеніи его при ней чтицею опровергнуты теперь собственнымъ признаніемъ Галльярде, но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что переодѣтый въ женское платье кавалеръ оказалъ въ Петербургѣ большія

услуги королю, который самъ засвидѣтельствовалъ объ этомъ въ своемъ письмѣ къ д'Еону.

Надобно, впрочемъ, сказать, что еще до изданія признаній Галльярде, появленіе д'Еона при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны въ женскомъ платьѣ и назначеніе его чтицею при государынѣ—самымъ настойчивымъ образомъ опровергалось въ упомянутой выше брошюрѣ г. Бергольца. По поводу этого авторъ брошюры говоритъ, что только самый пріѣздъ д'Еона въ Россію можетъ считаться поступкомъ, соотвѣтствующимъ роли искателя приключеній, но что за тѣмъ нѣтъ ничего особеннаго въ положеніи его какъ секретаря посольства, положеніи—которое, повидимому, ограничивалось обыкновенною политическою интригою — и только позднѣе, со времени измѣненія д'Еона въ женщину, его жизнь получила романическій оттѣнокъ и обратила на себя вниманіе публики.

Г. Бергольцъ опровергаетъ разсказъ Галльярде о прибытіи д'Еона въ Петербургъ подъ видомъ дѣвицы де-Бомонъ и о назначеніи его чтицею тѣмъ, что императрица Елисавета только съ трудомъ говорила по-французски, не была охотницей до чтенія и что должность чтеца или чтицы не существовала во все время ея царствованія.

Съ своей стороны г. Бергольцъ появленіе въ печати разсказа о пребываніи д'Еона въ Петербургѣ подъ видомъ дѣвицы де-Бомонъ объясняетъ тѣмъ, что въ двухъ сочиненіяхъ, относящихся къ д'Еону и изданныхъ ранѣе книги Галльярде, говорится: въ одномъ (Memoires de m-me Campan 1823 г.), будто-бы д'Еонъ былъ чтецомъ при Елисаветѣ Петровнѣ, а въ другомъ (Espion anglais. 1785 г.), что онъ разсказывалъ самъ, будто, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, онъ носилъ женское платье. Изъ соединенія двухъ этихъ разсказовъ, замѣчаетъ г. Бергольцъ, и явилась выдумка г. Галльярде о «чтицѣ» императрицы. При этомъ, говоритъ г. Бергольцъ, авторъ послѣдняго изъ упомянутыхъ сочиненій, сообщая о переодѣваніи д'Еона въ женское платье, сомнѣвается самъ въ достовѣрности этого факта, такъ какъ онъ пишетъ: «На самомъ дѣлѣ кавалеру д'Еону было гораздо труднѣе проникнуть и втереться ко двору подъ видомъ женщины, нежели мужчины, въ особенности же это было риско-

вано потому, что онъ могъ навлечь на себя подозрѣніе тою неловкостью, какую онъ долженъ былъ имѣть тогда и какою онъ отличается даже и теперь въ томъ нарядѣ, котораго прежде никогда не носилъ».

Далѣе, чтобы доказать до какой степени разсказы о приключеніяхъ д'Еона въ Петербургѣ, какъ женщины, заслуживаютъ мало вѣры, г. Бергольцъ ссылается на мемуары Башомона (Memoires secrètes de Bachaumont), который подъ датою 21-го декабря 1763 года пишетъ: «Приключеніе, бывшее съ г. д'Еономъ де-Бомономъ въ Англіи заставило сдѣлать розысканія на счетъ его и на основаніи ихъ оказывается слѣдующее: о д'Еонѣ говорятъ, что онъ былъ употребленъ для веденія мирныхъ переговоровъ скорѣе вслѣдствіе интриги, нежели по выбору самого министерства. Первая посылка его въ Россію была въ качествѣ фехтовальщика. Великій князь хотѣлъ имѣть учителя фехтованія и на эту должность выбрали способнаго къ тому д'Еона, въ надеждѣ, что онъ уладитъ возвращеніе въ Петербургъ французскаго посольства. Вышло то, что предвидѣли: д'Еонъ пріобрѣлъ расположеніе великаго князя, будучи участникомъ его увеселеній, и внушилъ, что Франція очень охотно пошлетъ въ Россію своего посланника».

Учитель фехтованія и дѣвица, замѣчаетъ г. Бергольцъ— составляетъ нѣкоторую разницу, и затѣмъ онъ опровергаетъ даже самый разсказъ Башомона, на котораго ссылается, считая разсказъ его лишеннымъ всякой достовѣрности, такъ какъ великій князь, впослѣдствіи императоръ Петръ III, былъ самымъ горячимъ сторонникомъ англо-прусскаго союза, почему французскому агенту и не могло придти на умъ обратиться къ нему для достиженія своихъ цѣлей. Быть можетъ, продолжаетъ г. Бергольцъ—чрезвычайно замѣчательное дарованіе д'Еона по части фехтовальнаго искусства и послужило поводомъ къ посылкѣ его въ Россію для тѣхъ, кто замышлялъ вести тамъ черезъ него политическую интригу, но подобное намѣреніе должно было остаться безъ всякихъ послѣдствій, какъ только сдѣлалось извѣстнымъ настоящее положеніе дѣлъ. Быть можетъ это и случилось на самомъ дѣлѣ, продолжаетъ г. Бергольцъ—судя по одной депешѣ писанной Дугласомъ въ 1756 году, гдѣ нѣкоторые намеки могутъ быть

истолкованы въ пользу подобнаго предположенія. Въ этой депешѣ послѣ похвалъ д'Еону и упоминанія о томъ пріемѣ, какой былъ оказанъ ему графомъ Воронцовымъ—пріемѣ, котораго едва ли могъ удостоиться учитель фехтованія,—говорится, что по многимъ соображеніямъ положено было измѣнить первоначальное назначеніе д'Еона «вслѣдствіе особыхъ причинъ, извѣстныхъ императрицѣ».

Г. Бергольцъ опровергаетъ даже совершенно то значеніе д'Еона по дипломатической части въ Петербургѣ, какое ему обыкновенно приписывается, говоря, что та роль, которую онъ игралъ въ Петербургѣ, не представляетъ ничего важнаго, ничего необыкновеннаго. Если бы это было иначе, продолжаетъ г. Бергольцъ,—то какъ же могло случиться, что никто изъ тогдашнихъ хроникеровъ не упоминаетъ вовсе объ выдающемся положеніи д'Еона при русскомъ дворѣ. Извѣстно, однако, замѣтимъ мы, что умолчаніе о какомъ-нибудь фактѣ не служитъ еще доказательствомъ того, что онъ не существовалъ на самомъ дѣлѣ. Умолчаніе хроникеровъ очень часто объясняется или простою случайностью, или недоведеніемъ ими ихъ разсказа до того времени, когда они, по своимъ соображеніямъ, находятъ болѣе удобнымъ упомянуть о какомъ-нибудь лицѣ или событіи.

Первое изъ сдѣланныхъ г. Бергольцомъ опроверженій, т. е., что императрицѣ не нужно было чтицы на французскомъ языкѣ, по незнанію его ею, доказываетъ только незнакомство его съ современными источниками, относящимися къ личности императрицы Елисаветы Петровны. Такъ, для обученія цесаревны французскому языку была приставлена къ ней съ дѣтства француженка г-жа Лонуа. Минихъ въ «Запискахъ» своихъ говоритъ, что Елисавета Петровна изучила французскій языкъ въ совершенствѣ, а Массальеръ, состоявшій при маркизѣ де-л'Опиталѣ, въ депешахъ своихъ приводитъ такіе разговоры съ императрицей, какіе она могла вести съ нимъ только при отличномъ знаніи французскаго языка. Что же касается назначенія д'Еона чтицею, то самъ Галльярде, заявилъ, что разсказъ объ этомъ ошибка, такъ какъ онъ, пользуясь рукописью г-жи Кампанъ, принялъ слово «lecteur» за слово «lectrice».

Впрочемъ соображенія г. Бергольца могли бы имѣть сами

по себѣ силу доказательства, еслибъ въ опроверженіе ихъ не представились слѣдующія обстоятельства:

Брошюра г. Бергольца была издана въ 1863 году. Между тѣмъ, спустя три года, появилась въ Парижѣ книга г. Бутарика, о которой мы упомянули выше. Книга эта издана лицомъ, пользовавшимся самыми секретными и до того времени еще неизвѣстными документами, хранящимися въ государственныхъ архивахъ Франціи, и при томъ лицомъ, отнесшимся къ своему труду съ тою добросовѣстностію, какою должно отличаться каждое ученое изслѣдованіе. На трудъ, составленный при такихъ условіяхъ, можно полагаться съ достаточною увѣренностію, а между тѣмъ г. Бутарикъ съ своей стороны подтверждаетъ о посылкѣ д'Еона въ Петербургъ въ женскомъ платьѣ съ кавалеромъ Дугласомъ, подъ видомъ племянницы этого послѣдняго и не опровергаетъ рѣшительнаго вліянія, какое имѣлъ д'Еонъ на сближеніе Россіи съ Франціею, съ чѣмъ, впрочемъ, вполнѣ согласуются и напечатанные г. Бутарикомъ оффиціальные акты.

Наконецъ письмо Людовика XV къ д'Еону, въ которомъ король прямо говоритъ о заслугахъ оказанныхъ ему д'Еономъ въ Россіи, какъ «въ женскомъ», такъ и въ мужскомъ платьѣ, отстраняетъ всѣ сомнѣнія, высказываемыя г. Бергольцомъ относительно той роли, какую принялъ на себя кавалеръ д'Еонъ при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны.

Что же касается собственно дипломатической дѣятельности д'Еона, то она была направлена къ тому, чтобы во-первыхъ, убѣдить государыню въ тѣхъ выгодахъ, какія представляетъ Россіи тѣсный ея союзъ съ Франціею; во-вторыхъ, чтобъ возбудить сильныя симпатіи императрицы къ Людовику XV; въ третьихъ, чтобъ заявить передъ нею о любви къ ней принца Конти и представить эту сердечную страсть въ самыхъ яркихъ краскахъ; въ четвертыхъ, просить для принца мѣсто главнокомандующаго русской арміи для содѣйствія Россіи къ доставленію ему герцогства Курляндскаго. По двумъ послѣднимъ пунктамъ д'Еонъ не успѣлъ еще ничего сдѣлать, а между тѣмъ принцъ Конти разошелся съ королемъ, а потому дальнѣйшія хлопоты д'Еона въ его пользу были бы совершенно неумѣстны.

Чрезвычайно важное значеніе д'Еона, какъ тайнаго дипло-

матическаго агента въ Петербургѣ, подтверждается самымъ очевиднымъ образомъ, вопреки мнѣнію г. Бергольца, напечатанными въ 7 томѣ Архива князя Воронцова, въ современномъ переводѣ письмами Терсье. Въ одномъ изъ этихъ писемъ, отъ 15-го сентября 1758 года, Терсье проситъ Воронцова призвать къ себѣ д'Еона и сжечь въ присутствіи его какъ прежнее письмо Терсье, «купно съ приложенными двумя циферными ключами, такъ и сіе, дабы онъ могъ о томъ меня увѣдомить. Именемъ королевскимъ напредъ сего сообщенное вамъ есть собственно его секретъ, пишетъ далѣе Терсье, и его величество не сомнѣвается, что ваше сіятельство оной такъ свято хранили, какъ я васъ о томъ просилъ. Я прошу господина д'Еона, чтобъ онъ ко мнѣ отписалъ о томъ, что вашему сіятельству по сему учинить угодно будетъ».

Въ то же время отъ 16 сентября Терсье писалъ д'Еону, что секретная переписка его съ Воронцовымъ относилась къ курляндскимъ дѣламъ, но что теперь дальнѣйшее ея веденіе безполезно, такъ какъ «господинъ графъ Брюль негоціацію въ Россіи производитъ, чтобы герцогство курляндское дано было саксонскому принцу Карлу».

Далѣе, Терсье въ письмѣ къ д'Еону упоминаетъ о высказанномъ имъ королю опасеніи, «чтобъ какимъ нибудь случаемъ секретъ его величества наружу не вышелъ или чтобы и онъ (Терсье) у министровъ за то въ ненависть не пришелъ». Что касается самого Людовика XV, то, какъ видно изъ приводимаго письма, онъ сказалъ Терсье слѣдующее: «я думаю, что надобно поступить въ томъ по благоизобрѣтенію д'Еона, разсудитъ ли онъ письмо ваше графу Воронцову отдать или нѣтъ, и, слѣдовательно, послать къ нему оба экземпляра тѣхъ писемъ, дабы онъ въ состояніи былъ сдѣлать то, что по своему мнѣнію за сходнѣе съ благоразуміемъ быть поставитъ». За тѣмъ упомянувъ, «что великаго бы сожалѣнія достойно и весьма бы непріятно было, ежели отозвался онъ, т. е. Воронцовъ, о томъ, къ маркизу Лопиталю». Терсье въ письмѣ къ д'Еону продолжаетъ: «Изъ сообщенія вамъ отъ меня точнаго перечня королевскаго повелѣнія видите вы, государь мой, что его величество то, что дѣлать должно, оставляетъ вамъ на волю». Въ заключеніе Терсье говоритъ «я увѣренъ, что вы сдѣлаете все, что въ возможности вашей стоять будетъ, чтобъ

въ семъ случаѣ соотвѣтствовать особливой той повѣренности, которою его величество почтить васъ изволилъ».

Въ виду всего этого надобно придти къ тому заключенію, что положеніе д'Еона въ Петербургѣ было совсѣмъ не то, какое обыкновенно занимали и занимаютъ секретари посольства, но что онъ имѣлъ несравненно болѣе «повѣренности» отъ короля, нежели оффиціальный представитель Франціи маркизъ де-л'Опиталь, который даже не долженъ былъ знать о перепискѣ д'Еона съ королемъ.

Между тѣмъ политическія дѣла шли своимъ чередомъ и вскорѣ совершилось событіе, изумившее своею неожиданностію всю Европу. Въ теченіи двухъ съ половиною вѣковъ Франція и Австрія вели между собою безпрерывную ожесточенную борьбу за политическое первенство и вдругъ, 1-го мая 1756 года, они заключили между собою въ Версали союзъ, направленный противъ Пруссіи, которой еще такъ недавно и такъ заботливо покровительствовалъ версальскій кабинетъ. Мы уже объяснили отчасти причину такой перемѣны въ политикѣ Франціи вліяніемъ на Людовика XV маркизы Помпадуръ, оскорбляемой и въ стихахъ и въ прозѣ злоязычнымъ королемъ прусскимъ. Со стороны Австріи заключенію союза съ Франціею способствовалъ всего болѣе знаменитый ея государственный дѣятель, князь Кауницъ, чрезвычайно высоко цѣнившій этотъ союзъ при новой предстоящей императрицѣ Маріи-Терезіи борьбѣ съ ея геніальнымъ противникомъ.

Съ своей стороны и д'Еонъ не дремалъ въ Петербургѣ, онъ успѣлъ расположить императрицу въ пользу короля до такой степени, что она написала Людовику XV самое дружелюбное письмо, изъявляя желаніе на счетъ присылки въ Россію изъ Франціи оффиціальнаго дипломатическаго агента съ главными условіями для заключенія взаимнаго союза между обоими государствами.

Этимъ благопріятнымъ для версальскаго кабинета результатомъ окончилось первое пребываніе д'Еона въ Петербургѣ, и онъ съ письмомъ императрицы къ Людовику XV отправился въ Версаль. Тамъ д'Еонъ былъ принятъ королемъ чрезвычайно милостиво и, вслѣдствіе желанія, изъявленнаго Елисаветою Петровною, кавалеръ Дугласъ былъ назначенъ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ,

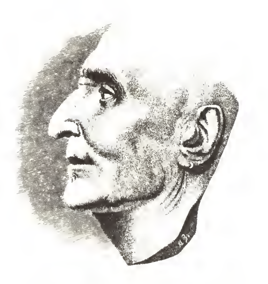
а д'Eонъ, въ званіи секретаря посольства, былъ данъ ему въ помощники, и въ этомъ званіи онъ поѣхалъ снова въ Россію, но уже не въ женскомъ, а въ мужскомъ платьѣ. Чтобы скрыть отъ двора и отъ публики прежнія таинственныя похожденія д'Eона въ Петербургѣ, онъ былъ представленъ императрицѣ, какъ родной братъ дѣвицы Ліи де-Бомонъ и такимъ родствомъ объяснилось вполнѣ удовлетворительно поразительное сходство, которое было между упомянутой дѣвицей, оставшейся во Франціи, и ея братомъ, будто-бы въ первый разъ пріѣхавшимъ въ столицу Россіи.

V.

Перемѣна въ политикѣ Россіи. — Противодѣйствіе Бестужева-Рюмина. — Турецкія дѣла. — Посылка въ Петербургъ маркиза де-л'Опиталя. — Данная ему инструкція. — Вліяніе И. И. Шувалова. — Расположеніе императрицы къ д'Eону.—Договоръ съ Франціею.—Завѣщаніе Петра Великаго.— Его подложность.—Вторичный выѣздъ д'Eона изъ Петербурга.

Съ назначеніемъ Дугласа и д'Eона въ Петербургъ прежняя русская политика быстро измѣнилась: заключенный съ Англіею договоръ, не смотря на всѣ протесты графа Бестужева-Рюмина, былъ уничтоженъ. Императрица открыто приняла сторону Австріи противъ Пруссіи и восьмидесяти-тысячная армія, расположенная въ Лифляндіи и Курляндіи для подкрѣпленія Англіи и Пруссіи, вовсе неожиданно получила повелѣніе соединиться съ войсками Маріи-Терезіи и Людовика XV для начатія непріязненнымъ дѣйствій противъ короля прусскаго.

Заявляя себя противъ австро-французско-русскаго союза, Бестужевъ-Рюминъ, какъ ловкій дипломатъ, успѣлъ, впрочемъ, выдвинуть впередъ одно весьма щекотливое обстоятельство, поколебавшее даже волю самой императрицы. Онъ сталъ доказывать самымъ убѣдительнымъ образомъ, что означенный союзъ прямо противорѣчилъ и прежней, и будущей политикѣ Россіи. Въ подтвержденіе этого онъ указывалъ на то, что Австрія, преимущественно же Франція, были постоянными защитниками Турціи и что теперь Россія, вступая въ союзъ съ этими двумя державами, тѣмъ самымъ налагаетъ

МАСКА, СНЯТАЯ СЪ Д'ЕОНА
послѣ его смерти, 24 мая 1810 г., въ Англіи.

на себя косвеннымъ образомъ обязательство поддерживать дружественныя отношенія съ своими исконными врагами — турками. Въ виду грознаго врага, какимъ былъ тогда для Австріи Фридрихъ Великій, вѣнскій кабинетъ съумѣлъ вывернуться изъ того затруднительнаго положенія, въ какое онъ былъ поставленъ протестомъ Бестужева-Рюмина. Изъ Вѣны поспѣшили сообщить въ Петербургъ, что императрица Марія-Терезія готова заключить съ Россіею безусловный оборонительный и наступательный союзъ, примѣненіе котораго въ одинаковой степени должно относиться и къ Турціи. Послѣ такого заявленія, всѣ недоразумѣнія съ Австріею были покончены. Что же касается Франціи, то версальскій кабинетъ посмотрѣлъ на это дѣло иначе, онъ не хотѣлъ отказаться безусловно отъ своего покровительства Турціи и для переговоровъ по этому вопросу былъ отправленъ въ Петербургъ, въ званіи чрезвычайнаго посла, маркизъ де-л'Опиталь.

Отправка маркиза ко двору императрицы Елисаветы Петровны не только не поколебала значенія д'Еона, какъ самостоятельнаго тайнаго агента, облеченнаго особымъ довѣріемъ короля, но даже, напротивъ, дала новый поводъ къ подтвержденію такого довѣрія, потому что, какъ мы уже замѣтили прежде, д'Еону предписано было не сообщать маркизу о своей тайной перепискѣ съ королемъ и, въ добавокъ къ этому, д'Еонъ былъ сдѣланъ какъ-бы главнымъ наблюдателемъ за дѣйствіями вновь назначеннаго посла.

Изъ инструкцій, данныхъ де-л'Опиталю, видно, что Людовикъ XV настоятельно требовалъ, чтобы въ заключаемомъ имъ съ Россіею союзѣ не было допущено никакой оговорки на счетъ Турціи, такъ, чтобы Франція сохранила въ отношеніи ея полную свободу дѣйствій. Въ виду этого требованія съ одной стороны, а съ другой стороны въ виду упорства Россіи, требовавшей положительнаго заявленія на счетъ Турціи, Дугласъ придумалъ среднюю мѣру — не дѣлать союзъ Франціи съ Россіею обязательнымъ въ отношеніи Турціи, но ограничиться тѣмъ, чтобы составленная касательно этого особая статья оставалась въ глубочайшей тайнѣ. Такимъ двоедушіемъ были крайне недовольны въ Версали, хотя образъ дѣйствій тамошняго кабинета и не отличался вовсе честною откровенностію.

Изъ такого затруднительнаго положенія вывелъ Дугласа его помощникъ—д'Еонъ. По словамъ его, онъ и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ употребили все свое вліяніе на государыню для противодѣйствія Бестужеву и спорный вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу требованія Франціи. Турція была гарантирована отъ могущихъ быть для нея вредныхъ послѣдствій русско-французскаго союза тѣмъ, что о ней не было сдѣлано въ договорѣ никакого упоминанія, и, слѣдовательно, прежнія къ ней отношенія Франціи не измѣнились нисколько. Нельзя сказать, въ какой именно степени содѣйствовалъ этому д'Еонъ, но несомнѣнно, что вліяніе его при дворѣ императрицы было значительно. Это доказывается письмомъ Дугласа, писаннымъ 24-го мая 1757 года тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ, Рулье. «Въ тотъ моментъ,—писалъ Дугласъ — когда г. д'Еонъ готовъ былъ уѣхать, канцлеръ пригласилъ его къ себѣ, чтобы проститься съ нимъ и вручить ему знакъ благоволенія, оказываемаго ея величествомъ, а также, чтобы выразить удовольствіе императрицы за образъ его дѣйствій». Дугласъ при этомъ разрѣшилъ д'Еону принять съ выраженіемъ почтительной благодарности все, что будетъ предложено ему, и канцлеръ передалъ ему отъ имени императрицы 300 червонныхъ, сопровождая этотъ подарокъ самыми лестными отзывами на счетъ д'Еона.

На этотъ разъ д'Еонъ уѣзжалъ изъ Петербурга съ тѣмъ, чтобы доставить въ Версаль подписанный императрицею договоръ, а также и планъ кампаніи противъ Пруссіи, составленный въ Петербургѣ. Копію съ этого плана онъ завезъ въ Вѣну для маршала д'Этре. Людовикъ XV былъ чрезвычайно доволенъ д'Еономъ и за услуги, оказанныя имъ въ Россіи, пожаловалъ ему чинъ драгунскаго поручика и золотую табакерку съ своимъ портретомъ, осыпанную бриллiантами.

Къ этому времени относится находящійся въ мемуарахъ д'Еона разсказъ о доставкѣ имъ въ Версаль копіи съ такъ называемаго завѣщанія Петра Великаго, которую онъ, пользуясь оказываемымъ ему при русскомъ дворѣ безграничнымъ расположеніемъ, успѣлъ добыть изъ одного самаго секретнаго архива имперіи, находящагося въ Петергофѣ. Копію эту, вмѣстѣ со своею запиской о состояніи Россіи, д'Еонъ передалъ только двумъ лицамъ: тогдашнему министру иностран-

ныхъ дѣлъ, аббату Бернесу, и самому Людовику XV. Что завѣщаніе, составленное будто-бы Петромъ Великимъ въ поученіе его преемникамъ, подложно — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Ясныя тому доказательства приводятся въ упомянутой уже нами брошюрѣ г. Бергольца. Притомъ и самое изложеніе этого завѣщанія свидѣтельствуетъ о томъ, что оно не могло быть написано русскимъ, а тѣмъ болѣе Петромъ Великимъ. Но вопросъ о томъ, не было ли это завѣщаніе сочинено самимъ д'Еономъ? представляется все-таки, и послѣ изданія брошюры г. Бергольца, вопросомъ довольно спорнымъ. Легко могло быть, что д'Еонъ, желая показать королю, что онъ провелъ въ Петербургѣ время не даромъ и что онъ, какъ ловкій дипломатъ, съумѣлъ воспользоваться весьма благопріятными обстоятельствами, рѣшился помистифировать Людовика XV завѣщаніемъ Петра Великаго. Отважиться на это было не трудно потому, что не представлялось никакой возможности провѣрить подлинности копіи, добытой или, говоря точнѣе, украденной д'Еономъ. Король же съ своей стороны ни въ какомъ случаѣ не могъ дать ни малѣйшей огласки такому не очень честному поступку своего довѣреннаго лица, министры тоже, и потому д'Еонъ могъ быть вполнѣ спокоенъ, что обманъ его не обнаружится.

Сущность упомянутаго завѣщанія состоитъ въ томъ, чтобы Россія постоянно поддерживала войну и прерывала ее только на время для поправленія своихъ государственныхъ финансовъ. Войны должны служить къ территоріальному увеличенію Россіи. Для начальствованія надъ русскими войсками нужно приглашать иностранцевъ и ихъ же вызывать въ мирное время въ Россію для того, чтобъ она могла пользоваться выгодами европейской образованности. Принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ и столкновеніяхъ, происходящихъ въ Европѣ, преимущественно въ тѣхъ, которыя происходятъ въ Германіи. Поддерживать постоянныя смуты въ Польшѣ, подкупать тамошнихъ магнатовъ, упрочивать вліяніе Россіи на сеймахъ вообще, а также при избраніи королей. Отнять сколь возможно болѣе территоріи у Швеціи и вести это дѣло такимъ образомъ, чтобы Швеція нападала на Россію, дабы потомъ имѣть предлогъ къ утвержденію надъ нею русскаго владычества. Съ этою цѣлью нужно отдалить Данію отъ Швеціи

и поддерживать между ними взаимное соперничество. Избирать въ супруги членамъ царскаго дома нѣмецкихъ принцевъ, для упроченія фамильныхъ связей въ Германіи и для привлеченія ея къ интересамъ Россіи. По дѣламъ торговымъ заключать союзы преимущественно съ Англіей и въ то же время распространять владѣнія Россіи на сѣверъ вдоль Балтійскаго моря и на югѣ по берегамъ Чернаго. Придвинуться сколь возможно ближе къ Константинополю и Индіи потому, что тотъ, кто будетъ господствовать въ этихъ краяхъ, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ владычествовать и надъ всѣмъ міромъ. Съ этою цѣлью нужно вести безпрерывныя войны то съ Турціею, то съ Персіею, устроивать верфи на Черномъ морѣ и, мало по малу, овладѣть имъ. Ускорить паденіе Персіи, проникнуть до Персидскаго залива и, если будетъ возможно, возстановить черезъ Сирію древнюю торговлю съ Востокомъ и подвинуться къ Индіи. Искать союза съ Австріей и поддерживать его и дѣйствовать такъ, чтобъ Германія приняла участіе Россіи въ своихъ дѣлахъ. Заинтересовать Австрію въ изгнаніи турокъ изъ Европы и уничтожить ея соперничество при завладѣніи Константинополемъ, или возбудить противъ нея европейскія державы, или отдать ей часть сдѣланныхъ въ Турціи Россіею завоеваній съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи отнять ихъ у нея. Привязать къ Россіи и соединить около нея грековъ, а также неуніатовъ или схизматиковъ, находящихся въ Венгріи, Турціи и Польшѣ. Послѣ раздробленія Швеціи, завоеванія Персіи, покоренія Польши и завладѣнія Турціею, нужно предложить въ отдѣльности, самымъ секретнымъ образомъ, сперва версальскому, а потомъ вѣнскому кабинету о раздѣлѣ между ними и Россіею всемірнаго господства. Если одинъ изъ упомянутыхъ кабинетовъ приметъ такое предложеніе, то льстя честолюбію и самолюбію ихъ обоихъ, употребить Австрію и Францію для того, чтобы одна изъ нихъ подавила другую, а потомъ подавить и ту, которая останется, начавъ съ нею борьбу, успѣхъ которой не будетъ уже подлежать сомнѣнію, тогда Россія станетъ господствовать на всемъ Востокѣ и надъ большею частію Европы. Если-же и Франція и Австрія, — что, впрочемъ, невѣроятно, — отклонятъ предложеніе Россіи, то надобно возбудить между ними вражду, въ которой истощились бы обѣ эти державы. Тогда, въ рѣшительную минуту,

Россія двинетъ заранѣе подготовленныя ею войска на Германію и въ то же время флоты ея, одинъ изъ Архангельска, а другой изъ Азова, съ дессантомъ изъ варварскихъ ордъ, черезъ Средиземное море и океанъ, нападутъ на Францію, и тогда, послѣ покоренія Германіи и Франціи, остальная Европа легко подпадетъ игу Россіи.

Сочинить такое завѣщаніе отъ имени Петра Великаго самому д'Еону было не трудно. Нѣкоторыя изъ статей этого завѣщанія, которыя касались Швеціи, Польши, Турціи и Персіи могли быть позаимствованы изъ той политики, какой Россія дѣйствительно держалась со времени Петра Великаго въ отношеніи этихъ государствъ. Все же другое, какъ напримѣръ, возстановленіе торговли на Востокѣ черезъ Сирію, раздѣленіе всемірнаго господства между Россіею и Франціею или Австріею и, наконецъ, нападеніе азіатскихъ ордъ на французскую территорію могло быть собственнымъ вымысломъ д'Еона. Что же касается Наполеона I, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, понималъ, что, вводя такія предположенія въ завѣщаніе Петра I, онъ тѣмъ самымъ дѣлалъ этотъ актъ забавнымъ, а не серьезною программою великаго царя. Вѣроятность такого предположенія подтверждается тѣмъ, что этому завѣщанію, даже во времена д'Еона — и притомъ по собственнымъ его словамъ, — версальскій кабинетъ не придалъ никакой важности и изложенные въ немъ планы и виды считалъ и невозможными и химерическими.

«Тщетно съ одра болѣзни — говоритъ д'Еонъ — я составлялъ и посылалъ записки королю, маршалу Бель-Иль, аббату Бернесу, маркизу де-л'Опиталю, — который былъ назначенъ посломъ въ Петербургъ на мѣсто кавалера Дугласа, — и, наконецъ, графу Брольи, посланнику въ Польшѣ, заявляя имъ, что русскій дворъ, въ виду неминуемой смерти короля Августа III, имѣлъ тайное намѣреніе наводнить Польшу своими войсками, чтобы тамъ вполнѣ господствовать при предстоящемъ избраніи короля и овладѣть частію польской территоріи, согласно плану Петра Великаго. На всѣ мои заявленія не обратили серьезнаго вниманія, потому, конечно, что они дѣлались молодымъ человѣкомъ, но теперь (въ 1778 году) чувствуются послѣдствія того роковаго предубѣжденія, какое имѣли противъ моего возраста».

Что д'Еонъ могъ вѣрно предрекать будущій образъ дѣйствій петербургскаго кабинета въ Польшѣ, того оспаривать нельзя; онъ былъ настолько смѣтливъ, что предугадать это не стоило ему особаго труда, но между этимъ и тѣми гигантскими планами, которыми, по всей вѣроятности, онъ самъ наполнилъ мнимое завѣщаніе Петра Великаго — огромная разница. Легко можетъ быть, что эти несбыточные планы заставили версальскій кабинетъ отнестись и къ правдоподобной части завѣщанія, какъ къ произведенію пылкаго воображенія, а не къ зрѣло-обдуманной политической программѣ.

VI.

Возвращеніе д'Еона въ Россію.—Паденіе Бестужева-Рюмина.—Предложеніе д'Еону вступить въ русскую службу.—Выѣздъ его изъ Петербурга.—Назначеніе его резидентомъ въ Петербургъ.—Отмѣна этого назначенія.—Переводъ д'Еона секретаремъ посольства въ Лондонъ.—Сочиненіе его о Россіи.—Превращеніе кавалера д'Еона въ дѣвицу.—Княгиня-Дашкова.—Догадки о причинахъ такого превращенія.—Послѣдніе годы жизни д'Еона и его смерть.

Изъ Парижа д'Еонъ отправился опять на свой прежній постъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ нашелъ значительную перемѣну: кредитъ стараго канцлера Бестужева поднялся снова и онъ, какъ извѣстно, былъ главнымъ виновникомъ отступленія русскихъ войскъ, успѣвшихъ уже овладѣть Мемелемъ и одержать надъ Фридрихомъ Великимъ блестящую побѣду при Гроссъ-Егерндорфѣ. Бездѣйствіе фельдмаршала Апраксина весьма невыгодно отозвалось для Франціи и для Австріи. Возвращеніе д'Еона въ Петербургъ, такъ по крайней мѣрѣ разсказываетъ онъ самъ, было непріятно для Бестужева, который заявилъ маркизу де-л'Опиталю, что молодой д'Еонъ—человѣкъ опасный и что онъ не радъ опять встрѣтиться съ нимъ, потому что считаетъ д'Еона способнымъ надѣлать смутъ въ имперіи. Но именно этотъ-то отзывъ о д'Еонѣ и былъ главною причиною, почему маркизъ де-л'Опиталь настоятельно требовалъ безотлагательнаго его возвращенія въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда туда д'Еона, въ февралѣ 1758 года, Бестужевъ палъ; мѣсто его занялъ графъ Воронцовъ, оказавшій д'Еону особенное расположеніе. Благодаря этому распо-

ложенію, д'Еонъ, послѣ третьяго своего пріѣзда въ Петербургъ, получилъ предложеніе императрицы остаться навсегда въ Россіи, но онъ, выставляя себя французскимъ патріотомъ, отказался отъ этого и въ 1760 году окончательно уѣхалъ изъ Россіи. Отъѣздъ д'Еона, въ его мемуарахъ, согласно съ господствующимъ оттѣнкомъ этого сочиненія, объясняется романическими приключеніями, о которыхъ, само собою разумѣется, не стоитъ здѣсь разсказывать. Дѣйствительною же причиною его отъѣзда изъ Петербурга было вообще разстройство его здоровья, и главнымъ образомъ глазная болѣзнь, требовавшая леченія у искусныхъ врачей.

По пріѣздѣ въ Версаль, д'Еонъ былъ принятъ съ почетомъ герцогомъ Шуазелемъ, замѣнившимъ собою аббата Берниса на должности министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ привезъ съ собою во Францію возобновленную императрицею Елисаветою Петровною ратификацію договора, заключеннаго между Россіею и Франціею 30-го декабря 1758 года, а также морской конвенціи, къ которой приступили Россія, Швеція и Данія. Людовикъ XV съ своей стороны оказалъ д'Еону за услуги его въ Россіи, какъ «въ женскомъ», такъ и въ мужскомъ платьѣ, особенную благосклонность, давъ ему частную аудіенцію, и назначивъ ему ежегодную пенсію въ 2,000 ливровъ.

Прекративъ на время свои занятія по дипломатической части, д'Еонъ, въ званіи адъютанта маршала Брольи, отправился на поля битвы и мужественно сражался при Гикстерѣ, гдѣ былъ раненъ въ правую руку и въ голову. Оправившись отъ ранъ, онъ поспѣшилъ снова подъ знамена и оказалъ отличіе въ битвахъ при Мейншлоссѣ и Остервикѣ.

Окончивъ этимъ свои воинскіе подвиги, д'Еонъ захотѣлъ снова вступить на дипломатическое поприще и былъ назначенъ въ Петербургъ резидентомъ на мѣсто барона Бретейля, который, оставивъ свой постъ, доѣхалъ уже до Варшавы. Но когда въ Парижѣ получено было извѣстіе о переворотѣ, происшедшемъ 28-го іюня 1762 года, доставившемъ императорскій престолъ Екатеринѣ II, то Бретейлю послали предписаніе вернуться немедленно въ Петербургъ, и, вслѣдствіе этого, посылка туда д'Еона не состоялась.

Во французской литературѣ памятникомъ пятилѣтняго

пребыванія д'Еона въ Россіи остались изданныя имъ историческія и статистическія замѣтки о Россіи; къ первымъ принадлежитъ статья «Исторія Евдокіи Θеодоровны Лопухиной, первой супруги Петра Великаго». Какъ историческое изслѣдованіе, статья эта не представляетъ теперь ничего замѣчательнаго, но въ свое время она была довольно замѣтнымъ трудомъ по русской исторіи, особенно если принять въ соображеніе, что она была написана французомъ. Между статьями, относящимися къ Россіи, помѣщены въ сочиненіяхъ д'Еона: «Указъ Петра Великаго о монашествующихъ», статья о «Русской торговлѣ», «Очеркъ торговли персидскимъ шелкомъ и сырцомъ», «Русскій тарифъ 1766 года» и «Торговый трактатъ, заключенный Россіею съ Англіею». О томъ, что свѣдѣнія, сообщенныя д'Еономъ о Россіи, имѣли значеніе, можно судить по тому, что статьи его были переведены на нѣмецкій языкъ и напечатаны въ 1779 году.

Въ то время, когда четвертая поѣздка д'Еона въ Петербургъ разстроилась, французскимъ посломъ въ Лондонъ былъ назначенъ герцогъ Ниверне, одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ представителей среди тогдашней французской аристократіи, а въ секретари былъ данъ ему д'Еонъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ — подобно тому какъ это было прежде при отправкѣ его въ Петербургъ — долженъ былъ исполнять обязанности тайнаго агента Людовика XV. Окончивъ свое порученіе, герцогъ Ниверне уѣхалъ изъ Англіи во Францію, передавъ д'Еону управленіе французскимъ посольствомъ до назначенія новаго посла, который и явился въ лицѣ графа де-Герши. Между нимъ и д'Еономъ произошли столкновенія вслѣдствіе того, что д'Еонъ истратилъ изъ посольскихъ денегъ такую сумму на расходы по посольству, которую графъ де-Герши, человѣкъ чрезвычайно разсчетливый, не хотѣлъ принять на счетъ правительства. Одновременно съ этимъ д'Еонъ предъявилъ къ королевской казнѣ претензію въ громадныхъ размѣрахъ, а именно 317,000 ливровъ и такъ какъ онъ не находилъ покровительства короля въ своей враждѣ съ графомъ де-Герши и не надѣялся получить отъ правительства удовлетворенія своей финансовой претензіи, то и пригрозилъ обнародовать имѣющуюся у него въ рукахъ секретную переписку, которую онъ велъ, какъ съ совѣтниками Людовика XV, такъ и съ нимъ

самимъ. Въ добавокъ къ этому, маркиза Помпадуръ, изъ захваченныхъ ею обманнымъ способомъ у короля бумагъ, узнала, что д'Еонъ не только состоялъ въ перепискѣ съ Людовикомъ XV, но и былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ принцемъ Конти, съ которымъ въ это время маркиза находилась въ ожесточенной враждѣ. Все это повело къ тому, что д'Еонъ потерялъ у короля свой прежній кредитъ и отъ него потребовали выдачи находившихся у него секретныхъ бумагъ. Д'Еонъ упорствовалъ, почему для переговоровъ съ нимъ по этому дѣлу въ Лондонѣ былъ употребленъ знаменитый писатель Бомарше. Послѣ многихъ скандаловъ, обратившихъ на себя вниманіе и англійской, и французской публики, д'Еонъ, за условленное денежное вознагражденіе, согласился выдать Бомарше секретныя бумаги, но въ сдѣлкѣ по этому предмету, кромѣ требованія отъ д'Еона сохраненія въ глубочайшей тайнѣ всего прошлаго, было, между прочимъ, постановлено, что кавалеръ д'Еонъ обязуется надѣть женское платье и не снимать его никогда.

Сохранилось извѣстіе, что первая мысль о такомъ окончательномъ превращеніи въ женщину д'Еона, дипломата, писателя, храбраго драгуна, кавалера ордена св. Людовика, явилась у г-жи Дюбари, новой фаворитки Людовика XV. Поводы къ такому странному требованію не уяснились вполнѣ и донынѣ, а г. Бутарикъ, на трудъ котораго мы уже ссылались, съ своей стороны замѣчаетъ, что здѣсь есть какая-то необъясненная еще тайна. Изъ всего же того, что̀ извѣстно относительно такого страннаго превращенія господина д'Еона въ дѣвицу Луизу д'Еонъ, можно сдѣлать два слѣдующія предположенія:

Во-первыхъ, король Людовикъ XV, боясь со стороны раздраженнаго д'Еона огласки ввѣренныхъ ему нѣкогда тайнъ, воспользовался ролью женщины, которую игралъ нѣкогда д'Еонъ, и, одѣвъ его на старости лѣтъ въ женское платье, хотѣлъ этимъ осмѣять и подорвать такимъ образомъ въ общественномъ мнѣніи Франціи, Англіи и даже всей Европы всякій къ нему кредитъ. Во-вторыхъ, превращеніе д'Еона въ старую дѣвицу объясняется тѣмъ, что по смерти графа де-Герши, подроставшій его сынъ намѣревался отомстить обиды, нанесенныя нѣкогда д'Еономъ его отцу. Мать молодого графа

чрезвычайно опасалась встрѣчи своего сына съ д'Еономъ, который, какъ мы уже замѣтили прежде, слылъ во всей Франціи однимъ изъ самыхъ опасныхъ дуэлистовъ. Поэтому графиня умоляла короля охранить отъ мѣткой шпаги д'Еона юную отрасль древняго дворянскаго дома, а съ своей стороны король не придумалъ ничего лучшаго какъ приказать д'Еону одѣться и быть женщиной, развѣдаться съ которою оружіемъ не представлялось для наслѣдниковъ имени графа де-Герши никакой возможности.

Первое изъ этихъ двухъ предположеній представляется наиболѣе вѣроятнымъ. Какъ бы то ни было, но жребій д'Еона былъ рѣшенъ въ Версали. Что же касается его самого, то онъ пустился въ мистификацію. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ пишетъ, что женская одежда будетъ несообразна съ его поломъ, и что онъ сдѣлается предметомъ толковъ и насмѣшекъ, почему и просилъ разрѣшить, чтобы женское платье было для него обязательно только по воскресеньямъ. Просьба эта оставлена безъ уваженія. Въ другомъ письмѣ, напротивъ, онъ заявлялъ о своей принадлежности къ женскому полу и даже хвалился тѣмъ, что, находясь среди военныхъ людей умѣлъ сохранить такое хрупкое добро какъ дѣвичье цѣломудріе.

По смерти Людовика XV д'Еонъ надѣялся было, что королевское повелѣніе о ношеніи имъ женской одежды будетъ отмѣнено, но онъ ошибся въ этомъ разсчетѣ. Людовикъ XVI нашелъ въ бумагахъ своего дѣда его тайную переписку съ д'Еономъ и потребовалъ отъ послѣдняго исполненія даннаго ему Людовикомъ XV повелѣнія. Д'Еонъ думалъ отдѣлаться хоть тѣмъ, что у него нѣтъ никакихъ средствъ для снабженія себя такимъ дамскимъ гардеробомъ, какой онъ долженъ имѣть по своему общественному положенію. Но такая отговорка нисколько не помогла ему, такъ какъ королева Марія-Антуанета приказала на ея счетъ экипировать кавалера д'Еона. Исполненіе этого было поручено королевской модисткѣ мадмуазель Бертенъ, первой тогдашней мастерицѣ своего дѣла, а потому д'Еонъ вышелъ изъ ея рукъ самой изящной щеголихой. Видя, что ничто уже не помогаетъ, д'Еонъ началъ и съ своей стороны прямо заявлять, что онъ женщина, но только одаренная отъ природы храбростью мущины. Въ

письмѣ своемъ къ графу Верженю д'Еонъ сообщалъ, что онъ, какъ дѣвица, надѣлъ женское платье въ день св. Урсулы, защитницы и покровительницы 11,000 непорочныхъ дѣвъ, а въ напечатанномъ имъ посланіи ко всѣмъ современнымъ женщинамъ, онъ заявлялъ, что Бомарше, притѣсняя его, хотѣлъ поднять свой кредитъ на счетъ женщины, разбогатѣть на счетъ женской чести и отомстить свои неудачи, подавивъ несчастную женщину. Добавимъ къ этому, что превращенію его въ женщину содѣйствовала отчасти и княгиня Екатерина Романовна Дашкова, пріѣхавшая въ Лондонъ въ то время, когда вопросъ о томъ: мущина или женщина кавалеръ д'Еонъ?—былъ въ самомъ сильномъ разгарѣ. Она хорошо знала кавалера д'Еона, по дому своего дяди, и насмѣшки ея надъ д'Еономъ, какъ надъ женщиной, подтверждаютъ тотъ фактъ, что княгиня Дашкова была съ нимъ знакома въ то время, когда онъ явился въ Петербургъ въ дамскомъ костюмѣ.

Весьма много способствовала къ установленію того мнѣнія, что д'Еонъ не мущина, а женщина и вышедшая въ 1779 году на французскомъ языкѣ книга подъ заглавіемъ: «La vie militaire, politique et privée de mademoiselle Charles—Genevieve—Louise—Auguste—André—Timothé d'Eon-de-Beaumont». На заглавномъ листѣ этой книги, послѣ означенія именъ и фамиліи, слѣдовало исчисленіе званій и должностей означенной дѣвицы, и этотъ длинный перечень оканчивался упоминаніемъ, что она была полномочнымъ министромъ при англійскомъ дворѣ. Д'Еонъ не возражалъ ничего противъ присвоенія ему званія дѣвицы, а между тѣмъ книга, изданная де-ла-Фортелемъ, читалась съ большимъ любопытствомъ и выдержала два изданія.

Въ 1783 году д'Еонъ уѣхалъ въ Англію и продолжалъ, согласно данному имъ обязательству, носить женское платье, желая пользоваться назначенною ему отъ короля пенсіею. Когда же вспыхнула французская революція, то онъ обратился въ 1791 году съ просьбою въ національное собраніе, домогаясь занять прежнее свое мѣсто въ рядахъ арміи и объясняя, что сердце его возстаетъ противъ чепцовъ и юбокъ, которые онъ носитъ. Но республиканское правительство было непреклонно и не допустило подъ свои трехцвѣтныя знамена такого сом-

нительнаго, хотя и храбраго, воина. Получивъ отказъ на свою просьбу, д'Еонъ остался навсегда въ Англіи и хотя продолжалъ ходить, по прежнему, въ женскомъ платьѣ, но республика не считала нужнымъ сохранить въ силѣ условіе, заключенное между д'Еономъ и Людовикомъ XV. Директорія прекратила выдачу пенсіи, и, въ добавокъ къ этому, д'Еонъ, какъ эмигрантъ, былъ объявленъ внѣ покровительства законовъ. Денежныя средства д'Еона мало-по-малу изсякли и онъ дошелъ до того, что долженъ былъ продать свою библіотеку, въ которой обыкновенно проводилъ почти все свое время. Затѣмъ не оставалось ничего болѣе какъ пуститься въ какую нибудь оригинальность и онъ, не снимая женскаго платья, сдѣлался учителемъ фехтованья. Только нѣкоторые, немногіе, впрочемъ, друзья помогали ему кое-чѣмъ на закатѣ его печальной и уже слишкомъ превратной жизни.

Д'Еонъ умеръ въ Лондонѣ 10-го мая 1810 года.

КАЛІОСТРО ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

I.

Кромѣ личностей, оказавшихъ болѣе или менѣе сильное вліяніе на ходъ политическихъ событій — если не въ цѣлой Европѣ, то въ отдѣльныхъ ея государствахъ,—заслуживаютъ вниманія со стороны исторической литературы еще и такія личности, которыя, не имѣя политическаго значенія, не только оставили послѣ себя замѣтные, почему либо, слѣды въ какихъ нибудь мѣстныхъ лѣтописяхъ, но даже успѣли пріобрѣсти себѣ громкую извѣстность въ разныхъ концахъ Европы. Подробныя изслѣдованія о такихъ личностяхъ интересны преимущественно въ томъ отношеніи что при этомъ обрисовывается до некоторой степени состояніе того общества, среди котораго являлись эти личности. Такъ, среди одного общества онѣ имѣли громадный успѣхъ, среди другаго онѣ прошли не слишкомъ замѣтно и, наконецъ, среди третьяго дѣятельность ихъ должна была прекратиться при первыхъ же своихъ проявленіяхъ. Такая неодинаковая участь постигала порою какъ предвѣстниковъ такихъ истинъ, которымъ готовилось торжество въ будущемъ, такъ и тѣхъ людей, которые впослѣдствіи были признаны наглыми обманщиками, желавшими обратить легковѣріе общества въ свою пользу. Разумѣется, что все это обусловливалось весьма много качествами и способностями такихъ лицъ, а также и тѣми средствами, какія они пускали въ ходъ для распространенія своего вліянія не только на умы, но—что очень часто было

еще важнѣе для нихъ — и на карманы своихъ современниковъ. Понятно, что общество, среди котораго находили для себя не только радушный, но иногда даже и восторженный пріемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтали тамъ и громадныя денежныя выгоды, разные искатели приключеній, эмпирики, шарлатаны, духовидцы и другіе разнаго рода обманщики,— должно было чѣмъ либо отличаться, по своему складу и по господствовавшему въ немъ направленію, отъ такого общества, въ которомъ, наоборотъ, подобныя личности не возбуждали къ себѣ особеннаго довѣрія и не находили для себя легкой наживы.

Было бы, впрочемъ, не совсѣмъ основательно измѣрять успѣхи или неуспѣхи такихъ предпріимчивыхъ личностей только степенью умственнаго развитія того или другаго общества, такъ какъ удача многихъ лицъ, сдѣлавшихся извѣстными своими похожденіями, не зависѣла исключительно отъ одного этого, но обусловливалась и всею, слишкомъ разнообразной общественной обстановкой, а также и нѣкоторыми особенными случайностями. Нерѣдко бывало, что смѣлые пройдохи пробивались впередъ тамъ, гдѣ, повидимому, достаточная степень умственнаго развитія должна была служить главной помѣхой для удачи ихъ продѣлокъ и, напротивъ, они нерѣдко испытывали неудачи тамъ, гдѣ — какъ казалось — слабые задатки просвѣщенія могли бы скорѣе всего благопріятствовать ихъ успѣхамъ. Довольно замѣчательный примѣръ подобной противоположности представляютъ похожденія самаго знаменитаго во всей Европѣ шарлатана — извѣстнаго подъ именемъ графа Каліостро. Нельзя не остановиться на томъ обстоятельствѣ, что этотъ мистикъ и чародѣй, изумлявшій самую образованную часть публики въ Парижѣ и въ Лондонѣ своими необыкновенными, сверхестественными дѣйствіями и находившій себѣ множество приверженцевъ въ Германіи, не встрѣтилъ въ Петербургѣ ни пріема, соотвѣтствовавшаго его европейской извѣстности, ни широкаго примѣненія для своей заманчивой практики. Между тѣмъ несомнѣнно, что во второй половинѣ прошлаго столѣтія, и Франція, и Англія, и Германія, въ сравненіи съ Россіей, стояли на высшей степени умственнаго развитія. Казалось бы, что господствовавшее тогда у насъ еще во всей своей силѣ суе-

вѣріе, въ противоположность безвѣрію, охватившему Францію, и раціонализму, постоянно проявлявшемуся въ Англіи, должно было заранѣе обезпечить въ Россіи успѣхи Каліостро, дѣйствовавшаго съ такою силою не столько на умы, сколько на воображеніе. Поэтому, если жизнь его, исполненная и загадочности и приключеній, представляетъ сама по себѣ много интереснаго, то вопросъ объ его чудодѣйственной практикѣ собственно въ Россіи, оказывается вопросомъ весьма занимательнымъ въ исторіи нашего общества, среди котораго явился Каліостро, предшествуемый молвою о творимыхъ имъ чудесахъ.

Извѣстно, что въ прошедшемъ столѣтіи Россія была какъ бы обѣтованною землею для иностранныхъ авантюристовъ: здѣсь многіе изъ нихъ не только пріобрѣтали себѣ почетъ и богатство, но нерѣдко достигали и самыхъ высшихъ государственныхъ должностей, и вотъ почему, съ перваго взгляда кажется довольно страннымъ, что такой смѣлый, ловкій, предпріимчивый и, можно даже сказать, такой необыкновенный человѣкъ какъ Каліостро, успѣвшій изумить двѣ первенствующія европейскія столицы, не воспользовался тою, во всѣхъ отношеніяхъ благопріятною обстановкою, какая представлялась для него въ тогдашней Россіи. Между тѣмъ онъ самъ поѣздку туда считалъ какъ бы завершеніемъ всѣхъ своихъ долголѣтнихъ подвиговъ и, по собственнымъ его словамъ, ему, быть можетъ, пришлось бы въ Петербургѣ явиться во всемъ своемъ величіи и объяснить міру загадочность своего происхожденія. По нѣкоторымъ особымъ обстоятельствамъ, не безъ вѣроятности можно заключить, что Каліостро чрезвычайно много разсчитывалъ на свое пребываніе въ Петербургѣ при дворѣ императрицы Екатерины II, а такіе его разсчеты, конечно, основывались на какихъ нибудь соображеніяхъ относительно той среды, въ которой пришлось бы ему проявить и свои знанія, и свою дѣятельность. Быть можетъ Каліостро, при поѣздкѣ своей въ Петербургъ, думалъ о томъ, чтобъ, заручившись благосклоннымъ вниманіемъ императрицы Екатерины II, обратиться въ таинственное орудіе ея политическихъ плановъ. Наклонность къ дѣятельности такого рода замѣтно проявляется въ Каліостро, не смотря на всю его шарлатанскую обстановку.

II.

Іосифъ Бальзамо, извѣстный впослѣдствіи подъ разными вымышленными именами, преимущественно же пріобрѣтшій себѣ славу подъ именемъ графа Каліостро, родился 8 іюня 1743 года въ Палермо. Родители его, набожные католики, были честные торговцы сукнами и шелковыми матеріями. Они старались, сообразно своимъ средствамъ, дать хорошее образованіе своему сыну, одаренному быстрымъ умомъ и пылкимъ воображеніемъ. Съ этою цѣлью они отдали его въ семинарію св. Роха въ Палермо. Онъ, однако, вскорѣ убѣжалъ оттуда, но былъ пойманъ и его помѣстили въ монастырь св. Бенедетто (Бенедикта) около Картаджироне. Здѣсь онъ, по склонности къ ботаникѣ, поступилъ на выучку къ монастырскому аптекарю и въ его лабораторіи нашелъ первые элементы для своего будущаго шарлатанства въ качествѣ медика. За произведенный имъ соблазнъ онъ былъ наказанъ отцами-бенедиктинцами, убѣжалъ отъ нихъ и явился въ Палермо, гдѣ вскорѣ ознаменовалъ свое пребываніе различными плутовскими продѣлками, и между прочимъ, при пособіи одного изъ родственниковъ—нотаріуса, онъ поддѣлалъ завѣщаніе въ пользу маркиза Мориджи. Другой болѣе ухищренный поступокъ Бальзамо и при томъ соединенный уже съ мистицизмомъ, заключался въ томъ, что онъ обобралъ до чиста золотыхъ дѣлъ мастера Марано, которому обѣщалъ найти въ окрестностяхъ Палермо богатѣйшій кладъ. Обманувъ легковѣрнаго искателя кладовъ, Бальзамо уѣхалъ въ Мессину и тамъ принялъ фамилію тетки своей—Каліостро, прибавивъ къ этой фамиліи графскій титулъ, о которомъ, однако, впослѣдствіи самъ Каліостро говорилъ, что онъ не принадлежитъ ему по рожденію, но имѣетъ особое таинственное значеніе. Въ Мессинѣ, по разсказамъ самого Каліостро, онъ встрѣтился съ таинственнымъ армяниномъ Алтотасомъ, которому и былъ обязанъ всѣми своими познаніями. По новѣйшимъ изысканіямъ, этотъ Алтотасъ былъ, однако, никто иной какъ Кольмеръ—лицо, происхожденіе котораго остается неизвѣстнымъ до сихъ поръ. Кольмеръ долгое время жилъ въ Египтѣ, гдѣ

КАЛІОСТРО.

Съ современнаго гравированнаго портрета Леклерка.

познакомился съ чудесами древней магіи и съ 1771 года сталъ посвящать другихъ въ тайны своего ученія. Вмѣстѣ съ Алтотасомъ Каліостро посѣтилъ Египетъ, былъ въ Мемфисѣ и Каирѣ; изъ Египта они проѣхали на островъ Родосъ, откуда снова хотѣли пуститься въ Египетъ, но противные вѣтры пригнали ихъ къ острову Мальтѣ. Въ это время великимъ магистромъ Мальтійскаго ордена былъ Пинто, имѣвшій большую склонность къ таинственнымъ наукамъ. Онъ предоставилъ свою лабораторію Алтотасу и его молодому спутнику. Изъ нихъ первый, послѣ своего пребыванія на Мальтѣ, совершенно исчезаетъ, или вѣроятнѣе, начинаетъ дѣйствовать подъ другимъ именемъ, а Каліостро отправился въ Неаполь, снабженный рекомендательнымъ письмомъ великаго магистра, къ рыцарю Аквино де-Караманика, жившему въ то время въ Неаполѣ. Изъ Неаполя Каліостро хотѣлъ пробраться въ Палермо, но побаивался, что съ появленіемъ его тамъ поднимется дѣло о прежнихъ его плутняхъ. Между тѣмъ онъ свелъ знакомство съ однимъ сицилійскимъ княземъ, страстнымъ охотникомъ до химіи, и, по приглашенію князя, поѣхалъ въ его помѣстье, находившееся около Мессины. Послѣ различныхъ продѣлокъ съ княземъ-алхимикомъ въ свою пользу, Каліостро явился въ Неаполь съ цѣлью открыть тамъ игорный домъ, но заподозрѣнный неаполитанскою полиціею перебрался въ Римъ, гдѣ пустился въ ханжество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и влюбился въ молодую дѣвушку Лоренцо Феличіани или Феликіани. Кромѣ любви, Каліостро при этой женитьбѣ руководился и другими соображеніями: онъ имѣлъ въ виду обратить красавицу Лоренцу въ помощницу всѣхъ своихъ корыстныхъ затѣй. Внушенія, дѣлаемыя Каліостро молодой женщинѣ въ томъ смыслѣ, что преданная жена не должна, для выгодъ мужа, останавливаться даже передъ собственнымъ позоромъ, разстроили на первыхъ же порахъ добрыя отношенія между нимъ и его тестемъ, отцемъ Лоренцы. Въ Римѣ Каліостро сошелся съ двумя личностями: съ Оттавіо Никастро, окончившимъ потомъ свою жизнь на висилицѣ, и съ маркизомъ Альято, умѣвшимъ поддѣлывать всякіе почерки и составившимъ при помощи этого искусства для Каліостро патентъ на имя полковника испанской службы, какимъ чиномъ онъ впослѣдствіи и именовалъ себя, въ быт-

ность свою въ Петербургѣ. Никастро, повздоривъ съ Альято, донесъ на него, и маркизъ поспѣшилъ скрыться изъ Рима, увлекши за собою и Каліостро и Лоренцу. Въ Бергамо, маркизъ, которому угрожалъ арестъ, бросивъ Каліостро, захватилъ съ собою всѣ деньги. Оставшись, вслѣдствіе этого, въ самомъ бѣдственномъ положеніи, молодая чета, подъ видомъ пилигримовъ, идущихъ на поклоненіе св. Іакову Кампостельскому, отправилась въ Антибъ, и здѣсь началась скитальческая жизнь Каліостро и Лоренцы. Достигнувъ Мадрита и поторговавъ тамъ прелестями своей жены, Каліостро пріѣхалъ съ нею въ Лиссабонъ, а оттуда въ 1772 году пустился прямо въ Лондонъ, но первый пріѣздъ Каліостро въ столицу Англіи былъ не блестящъ; онъ явился тамъ только въ качествѣ эмпирика, успѣлъ посидѣть въ тюрьмѣ и выкупленный Лоренцою, перебрался съ нею въ Парижъ. Съ ними туда пріѣхалъ нѣкто Дюплезиръ, человѣкъ весьма богатый. Каліостро пользовался его кошелькомъ, а съ своей стороны, когда Дюплезиръ увидѣлъ, что онъ, благодаря своему спутнику, сильно раззорился, то убѣдилъ Лоренцу бросить мужа. Она дѣйствительно бѣжала отъ него, но Каліостро успѣлъ выхлопотать королевское повелѣніе, въ силу котораго Лоренца была посажена въ крѣпость Сенъ-Пелажи, откуда была выпущена 21 декабря 1772 года. Въ Парижѣ Каліостро до нѣкоторой степени повезло, такъ какъ онъ началъ тамъ пользоваться извѣстностію алхимика, заставивъ многихъ французовъ вѣрить, что у него есть и философскій камень, и жизненный элексиръ, т. е. такихъ два блага, которыя могли составить и упрочить земное блаженство каждаго человѣка.

Въ Парижѣ Каліостро собралъ съ своихъ легковѣрныхъ адептовъ порядочную деньгу́. Но въ это время его начали безпокоить успѣхи Месмера, открывшаго животный магнетизмъ, и Каліостро отправился изъ Парижа въ Брюссель, оттуда пустился странствовать по Германіи, вступая въ сношенія съ тамошними массонскими ложами. Въ Германіи Каліостро былъ посвященъ въ массоны, и тогда онъ увидѣлъ возможность примѣнить свои знанія и опытность къ болѣе обширной дѣятельности. Странствованія Каліостро продолжались: изъ Германіи онъ проѣхалъ въ Палермо, но былъ тамъ

арестованъ по дѣлу Марано. Кромѣ того, тамъ угрожала ему и другая еще бѣда: хотѣли поднять затихнувшее дѣло о подложномъ завѣщаніи въ пользу маркиза Мориджи. Каліостро удалось, однако, обмануть дѣятельность полермской полиціи, и вскорѣ онъ очутился на островѣ Мальтѣ, гдѣ былъ принятъ съ большимъ почетомъ своимъ прежнимъ знакомымъ, великимъ магистромъ Пинто. Оставивъ Мальту, Каліостро перебрался въ Неаполь и отсюда сбирался ѣхать въ Римъ, но убоявшись бдительности папской инквизиціи, пустился въ Испанію, гдѣ онъ, впрочемъ, не имѣлъ никакого успѣха. Изъ Испаніи Каліостро уѣхалъ въ Лондонъ и съ этого пріѣзда его въ столицу Англіи началась его громкая слава.

III.

Такъ какъ главная наша задача заключается не въ подробномъ жизнеописаніи Каліостро, но въ томъ, чтобъ объяснить, почему онъ, пользовавшійся такимъ виднымъ и выгоднымъ положеніемъ и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, обманулся въ своихъ разсчетахъ на Петербургъ, то для объясненія этого нужно сказать нѣсколько словъ, чѣмъ обусловливались его необыкновенные успѣхи въ Лондонѣ и въ Парижѣ.

Вступивъ въ орденъ массоновъ, Каліостро открылъ себѣ въ Лондонѣ доступъ въ такіе кружки общества, гдѣ онъ не могъ бы имѣть особаго значенія какъ эмпирикъ, духовидецъ и алхимикъ. Было бы неумѣстно разсказывать здѣсь всю исторію массонства, и потому мы замѣтимъ только, что оно не представляетъ ничего особеннаго до его преобразованія, т. е. до конца XVII и начала XVIII столѣтія, когда, съ упадкомъ мистическаго значенія зодчества, стали выдѣляться изъ правилъ древняго массонскаго братства или каменьщиковъ правила чисто нравственныя съ примѣненіемъ ихъ и къ политическому строю общества. Въ такомъ направленіи массонство явилось впервые въ Англіи, гдѣ политическая свобода давала возможность возникать всевозможнымъ обществамъ и братствамъ, не навлекая на нихъ преслѣдованія со стороны правительства. Въ Англіи массоны были приверженцами Стуартовъ, почему Каліостро, явившись въ Лондонѣ

послѣдователемъ массонства, при своей рѣшительности, твердости воли и умѣньи обольщать людей, могъ найти для себя обширный кругъ адептовъ. Особенной надобности въ шарлатанствѣ при этомъ не встрѣчалось, такъ какъ вообще англійскіе массоны не гонялись за осуществленіемъ несбыточныхъ вещей; презирали пустые внѣшніе обряды, пышность церемоній, тщеславные титулы и не допускали высокихъ степеней массонства. По всему этому, образъ дѣйствій Каліостро среди англійскихъ массоновъ замѣтно отличался отъ того, какъ онъ поступалъ среди французскихъ массоновъ, которые по обстановкѣ своего ордена составляли какъ бы совершенную противоположность англійскому массонству. Примѣняясь въ своихъ дѣйствіяхъ, смотря по надобности, и къ обстановкѣ англійскаго, и къ обстановкѣ французскаго массонства, Калиостро былъ вообще однимъ изъ самыхъ усердныхъ и полезныхъ членовъ этого братства, а его таинственныя знанія служили ему средствомъ для пріобрѣтенія себѣ извѣстности внѣ массонскихъ кружковъ, для которыхъ такой человѣкъ, какъ Каліостро, имѣвшій большое вліяніе на массы, былъ весьма пригодной находкой. Всѣ денежныя средства, которыя онъ могъ употреблять на свою роскошную жизнь, а отчасти и на дѣла благотворительныя, доставлялись ему массонскими ложами, а между тѣмъ богатство Каліостро, почерпавшееся изъ невѣдомыхъ никому источниковъ, заставляло многихъ вѣрить, что онъ владѣетъ философскимъ камнемъ.

Съ цѣлью увеличить свое вліяніе, Каліостро явился въ Лондонѣ основателемъ египетскаго массонства, допускавшаго примѣненіе таинственныхъ силъ природы. Впрочемъ, во время своего вторaго пребыванія въ Лондонѣ, Каліостро значительно измѣнился противъ прежняго: изъ пройдохи, искателя приключеній, онъ обратился въ человѣка необыкновеннаго, изумившаго вскорѣ всю Европу. Нельзя, однако, не сказать, что и здѣсь въ немъ бьется прежняя его жилка—шарлатанство, но оно уже далеко не мелочное. Изъ пустаго говоруна, Каліостро сдѣлался человѣкомъ молчаливымъ, говорилъ исключительно о своихъ путешествіяхъ по Востоку, о пріобрѣтенныхъ имъ тамъ глубокихъ знаніяхъ, открывшихъ передъ нимъ тайны природы; но даже и такіе серьезные разговоры онъ велъ не очень охотно. Большею же частію, послѣ долгихъ

настояній собесѣдниковъ — объяснить имъ что нибудь таинственное или загадочное, Каліостро ограничивался начертаніемъ усвоенной имъ эмблемы, которая представляла змію, державшую во рту яблоко, пронзенное стрѣлою, что указывало на мудреца обязаннаго хранить свои знанія въ тайнѣ, никому недоступной. Въ свою очередь измѣнилась и Лоренца, переименованная въ это время Серафимою, она, оставивъ прежнюю нецѣломудренную жизнь, стала теперь вращаться въ средѣ почтенныхъ квакеровъ, ведя между ними пропаганду въ пользу своего мужа.

Что касается египетскаго массонства, то Каліостро не былъ собственно его основателемъ. Оно до него еще было изложено въ рукописи какого-то Джоржа Гостона. Каліостро купилъ случайно эту рукопись у одного лондонскаго букиниста и воспользовался ею, хотя и говорилъ, что мысль о такомъ массонтствѣ была почерпнута имъ въ папирусахъ египетскихъ пирамидъ. Какъ бы то ни было, но со времени своей вторичной поѣздки въ Лондонъ, Каліостро явился дѣятельнымъ массономъ, понимая ту выгоду, какую онъ можетъ извлекать изъ своихъ познаній, пріобрѣтенныхъ имъ на Востокѣ, находясь въ составѣ таинственнаго общества, имѣвшаго ложи во всѣхъ частяхъ Европы. Отъ массонства около этой поры стало вѣять сильнымъ мистицизмомъ. Папа Климентъ XII объявилъ о немъ какъ о дьявольской сектѣ. Европейскіе государи, въ свою очередь, побаивались козней и скрытной силы массоновъ. Понятно, что въ добавокъ ко всему этому, такая личность, какъ Каліостро, сдѣлавшись замѣтною въ подобномъ обществѣ, обращала на себя особенное вниманіе своихъ многочисленныхъ собратій.

Устроивъ хорошо дѣла свои въ Лондонѣ, Каліостро поѣхалъ на время въ Венецію и тамъ явился онъ подъ именемъ маркиза Пелегрини, но, не поладивъ съ тамошнею слишкомъ зоркою полиціей, перебрался въ среду германскихъ массоновъ. Изъ Германіи Каліостро, посѣтивъ предварительно Вѣну, проѣхалъ въ Голштинію, гдѣ свидѣлся съ жившимъ тамъ на покоѣ знаменитымъ графомъ Сенъ-Жерменомъ. Отъ него онъ отправился въ Курляндію съ цѣлью проѣхать въ Петербургъ. Легко могло быть, что поѣздку въ Россію посовѣтовалъ ему графъ Сенъ-Жерменъ, который, по свидѣтельству барона

Глейхена, былъ въ Петербургѣ въ іюнѣ 1762 года и сохранилъ дружескія отношенія къ князю Григорію Орлову, называвшему Сенъ-Жермена «caro padre».

IV.

Весьма подробныя извѣстія о пребываніи въ Курляндіи Каліостро, содержатся въ книгѣ, напечатанной въ 1787 году въ Петербургѣ. Книга эта, довольно объемистая, подъ заглавіемъ: «Описаніе пребыванія въ Митавѣ извѣстнаго Каліостро на 1779 годъ и произведенныхъ имъ тамъ магическихъ дѣйствій», была переведена съ нѣмецкаго Тимофеемъ Захарьинымъ. Оргиналъ же написанъ Шарлотою-Елизаветою-Констанціею фонъ-деръ-Рекке «урожденною графинею Медемскою», родная сестра которой, Доротея, была за мужемъ за Петромъ Бирономъ, герцогомъ курляндскимъ. Такъ какъ собственно о пребываніи Каліостро въ Петербургѣ имѣется не много, да при томъ и слишкомъ сомнительныхъ свѣдѣній, то извѣстія, сообщаемыя о Каліостро Шарлотою фонъ-деръ-Рекке, представляютъ для насъ особый интересъ, потому что Митава была прямымъ его переходомъ въ Петербургъ. Кромѣ того въ Митавѣ Каліостро подготовлялся къ тому, чтобъ подѣйствовать на Екатерину II.

Въ столицѣ Курляндіи, Каліостро нашелъ хорошую для себя работу: тамъ были и массоны и алхимики, впрочемъ, плохіе, и люди легковѣрные, принадлежавшіе къ высшему тамошнему кругу. Каліостро, впослѣдствіи былъ до того увѣренъ въ добромъ къ нему расположеніи своихъ курляндскихъ адептовъ, что въ оправдательтой своей запискѣ, изданной имъ въ 1786 году, ссылался на нихъ какъ на свидѣтелей, готовыхъ показать въ его пользу. На первыхъ же порахъ, въ февралѣ 1779 года, Каліостро встрѣтилъ самый радушный пріемъ въ семействѣ графовъ Медемовъ, гдѣ занимались и магіею и алхиміею. Тогдашній курляндскій оберъ-бург-графъ Ховенъ считалъ себя алхимикомъ, какъ и маіоръ баронъ Корфъ. Въ Митавѣ Каліостро выдалъ себя за испанскаго полковника, сообщая подъ рукою тамошнимъ массонамъ, что онъ отправленъ своими начальниками на сѣверъ по дѣламъ

весьма важнымъ и что въ Митавѣ ему поручено явиться къ Ховену, какъ къ великому мастеру мѣстной массонской ложи. Онъ говорилъ, что въ основанную имъ, Каліостро, ложу будутъ допущены и женщины. Лоренца съ своей стороны весьма много способствовала мужу. Въ Митавѣ Каліостро явился проповѣдникомъ строгой нравственности въ отношеніи женщинъ, неловкость же свою въ обществѣ онъ объяснялъ долговременнымъ житьемъ въ Мединѣ и Египтѣ. Онъ на первый разъ не обѣщалъ ничего такого, чего бы, повидимому, не могъ сдѣлать. Относительно своихъ врачебныхъ знаній Каліостро сообщилъ, что, изучивъ медицину въ Мединѣ, онъ далъ обѣтъ, странствовать нѣкоторое время по цѣлому свѣту для пользы человѣчества, и безъ мзды отдать обратно людямъ что̀ онъ получилъ отъ нихъ. Лечилъ Каліостро взварами и эссенціями, а своею самоувѣренностію придавалъ больнымъ надежду и бодрость. По мнѣнію его, всѣ болѣзни происходятъ отъ крови.

Но одновременно съ этимъ, онъ, мало по малу, сталъ пускаться въ таинственность. Такъ, онъ обѣщалъ Шарлотѣ фонъ-деръ-Рекке, сначала сильно увѣровавшей въ него, что она будетъ имѣть наслажденіе въ бесѣдѣ съ мертвыми, что со временемъ она будетъ употреблена для духовныхъ путешествій по планетамъ, будетъ возведена на степень защитницы земнаго шара, а потомъ, какъ испытанная въ магіи ученица, вознесется еще выше. Каліостро увѣрялъ легковѣрныхъ, что Моисей, Илія и Христосъ были создателями множества міровъ и что это же самое въ состояніи будуть сдѣлать его вѣрные послѣдователи и послѣдовательницы, доставивъ людямъ вѣчное блаженство. Какъ первый къ тому шагъ, онъ заповѣдывалъ, что тѣ, которые желаютъ имѣть сообщеніе съ духами, должны постоянно противоборствовать всему вещественному.

Но освоившись нѣсколько съ курляндскими нѣмцами и увидѣвъ, что и ихъ можно морочить по части магіи и алхиміи, Каліостро принялся и за это. Такъ, онъ своимъ ученикамъ высшихъ степеней сталъ преподавать магическія науки и демонологію, избравъ объяснительнымъ для того текстомъ книги Моисея и допуская при этомъ, по словамъ Шарлоты-фонъ-деръ-Рекке, самыя безнравственныя толкованія. Людей

положительныхъ съ точки зрѣнія матеріальныхъ выгодъ, но въ то же время и легковѣрныхъ, Каліостро привлекалъ къ себѣ обѣщаніемъ обращать всѣ металлы въ золото, увеличивать объемъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. Говорилъ, что можетъ плавить янтарь какъ олово, для чего и прописалъ составъ, который, однако, былъ ничто иное, какъ смѣсь для курительнаго порошка, и когда нашлись смѣльчаки, объявившіе объ этомъ Каліостро, то онъ, не растерявшись нисколько, заявилъ, что такою выдумкою онъ хотѣлъ только вывѣдать склонности учениковъ и что теперь, къ крайнему своему сожалѣнію, видитъ, что въ нихъ болѣе охоты къ торговлѣ, нежели стремленія къ высшему благу. Вѣроятность добыванія Каліостро золота поддерживалась тѣмъ, что онъ во время своего пребыванія не получалъ ни откуда денегъ, не предъявлялъ банкирамъ никакихъ векселей, а между тѣмъ жилъ роскошно и платилъ щедро не только въ сроки, но и впередъ, такъ что вслѣдствіе этого изчезала всякая мысль объ его корыстныхъ разсчетахъ. Производилъ въ Митавѣ Каліостро разныя чудеса, между прочимъ, показывая въ графинѣ воды то, что дѣлалось на большихъ разстояніяхъ, онъ обѣщалъ также открыть въ окрестностяхъ Митавы необъятный кладъ. Заговаривая о предстоящей своей поѣздкѣ въ Петербургъ, Каліостро входилъ въ роль политическаго агента, обѣщая сдѣлать многое въ пользу Курляндіи у императрицы Екатерины II. Онъ подзывалъ съ собою въ Петербургъ дѣвицу Рекке, и какъ отецъ, такъ и члены ея семейства, въ качествѣ истинныхъ курляндскихъ патріотовъ, старались склонить ее къ поѣздкѣ въ Россію. Для самого же Каліостро было не безвыгодно явиться въ Петербургъ въ сопровожденіи дѣвицы одной изъ лучшихъ курляндскихъ дворянскихъ фамилій и при томъ поѣхавшей съ нимъ по желанію ея родителей, пользовавшихся въ Курляндіи большимъ почетомъ. Съ своей стороны дѣвица фонъ-деръ-Рекке — какъ она сама пишетъ—соглашалась отправиться въ Петербургъ съ Каліостро только тогда, когда императрица Екатерина II сдѣлается защитницею «ложи союза» въ своемъ государствѣ и «позволитъ себя посвятить магіи», и если она прикажетъ Шарлотѣ Рекке пріѣхать въ свою столицу и быть тамъ основательницею этой ложи. Но и эту поѣздку она хотѣла пред-

принять неиначе какъ въ сопровожденіи отца, «надзирателя», брата и сестры.

Вообще расположеніе курляндцевъ къ Каліостро было такъ велико, что, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, они хотѣли избрать его своимъ герцогомъ, вмѣсто Петра Бирона, которымъ были недовольны. Трудно, впрочемъ, повѣрить, чтобы курляндцы въ своемъ увлеченіи къ Каліостро дошли до такой степени, тѣмъ не менѣе подобнаго рода извѣстіе намекаетъ на то, что Каліостро велъ въ Митавѣ небезуспѣшно какую нибудь политическую интригу, развязка которой должна была произойти въ Петербургѣ.

Сочинительница книги, о которой мы упомянули, называетъ Каліостро обманщикомъ, «произведшимъ о себѣ великое мнѣніе» въ Петербургѣ, Варшавѣ, Страсбургѣ и Парижѣ. По разсказамъ ея, Каліостро говорилъ худымъ итальянскимъ языкомъ и ломаннымъ французскимъ, хвалился, что знаетъ поарабски, но проѣзжавшій въ то время черезъ Митаву профессоръ упсальскаго университета, Норбергъ, долго жившій на Востокѣ, обнаружилъ полное невѣдѣніе Каліостро по части арабскаго языка. Когда заходила рѣчь о такомъ предметѣ, на который Каліостро не могъ дать толковаго отвѣта, то онъ или засыпалъ своихъ собесѣдниковъ нескончаемою, непонятною рѣчью или отдѣлывался короткимъ уклончивымъ отвѣтомъ. Иногда онъ приходилъ въ бѣшенство, махалъ во всѣ стороны шпагою, произнося какія-то заклинанія и угрозы, а между тѣмъ Лоренца просила присутствующихъ не приближаться въ это время къ Каліостро, такъ какъ въ противномъ случаѣ имъ можетъ угрожать страшная опасность отъ злыхъ духовъ, окружавшихъ въ это время ея мужа.

Не совсѣмъ сходный съ этимъ отзывъ о Каліостро находится въ запискахъ барона Глейхена (Souvenirs de Charles Henri baron de Gleichen, Paris. 1868). «О Каліостро—пишетъ Глейхенъ — говорили много дурнаго, я же хочу сказать о немъ хорошее. Правда, что его тонъ, ухватки, манеры обнаруживали въ немъ шарлатана, преисполненнаго заносчивости, претензій и наглости, но надобно принять въ соображеніе, что онъ былъ италіанецъ, врачъ, великій мастеръ массонской ложи и профессоръ тайныхъ наукъ. Обыкновенно же разговоръ его былъ пріятный и поучительный, поступки его отли-

чались благотворительностію и благородствомъ, леченіе его никому не дѣлало никакого вреда, но, напротивъ бывали случаи удивительнаго исцѣленія. Платы съ больныхъ онъ не бралъ никогда». Другой современный отзывъ о Каліостро, несходный также съ отзывомъ Шарлоты фонъ-деръ-Рекке, былъ напечатанъ въ Gazette de Santé. Тамъ, между прочимъ, замѣчено, что Каліостро «говорилъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ съ удивительнымъ, всеувлекающимъ краснорѣчіемъ».

При тогдашнихъ довольно близкихъ сношеніяхъ между Митавою и Петербургомъ, пребываніе Каліостро въ первомъ изъ этихъ городовъ должно было легче всего подготовить ему извѣстность въ послѣднемъ. Употребляя всѣ хитрости для того, чтобы дѣвица Рекке поѣхала съ нимъ, Каліостро говорилъ ей, что онъ приметъ въ число своихъ послѣдовательницъ императрицу Екатерину, какъ защитницу массонской ложи, учредительницею которой должна была быть Шарлота. Въ Митавѣ Каліостро, въ семействѣ фонъ-деръ-Рекке открылся, что онъ не испанецъ, не графъ Каліостро, но что онъ служилъ великому Кофтѣ подъ именемъ Фридриха Гвалдо, и заявлялъ при этомъ, что долженъ таить свое настоящее званіе, но что, быть можетъ, онъ сложитъ въ Петербургѣ непринадлежащее ему имя и явится во всемъ величіи. При этомъ онъ намекалъ, что право свое на графскій титулъ, онъ основывалъ не на породѣ, но что титулъ этотъ имѣетъ таинственное значеніе. Все это дѣлалъ онъ—какъ замѣчаетъ дѣвица Рекке—для того, что если бы въ Петербургѣ обнаружилось его самозванство, то это не произвело бы въ Митавѣ никакого впечатлѣнія, такъ какъ онъ заранѣе предупреждалъ, что скрываетъ настоящее свое званіе и имя.

V.

Отправляясь изъ Митавы въ Петербургъ, Каліостро какъ проповѣдникъ, въ качествѣ массона, филантропо-политическихъ доктринъ, могъ, повидимому, разсчитывать на благосклонный пріемъ со стороны императрицы Екатерины II, успѣвшей составить себѣ въ образованной Европѣ извѣстность смѣлой

мыслительницы и либеральной государыни. Какъ врачъ, эмпирикъ, и алхимикъ, обладатель и философскаго камня и жизненнаго элексира, Каліостро могъ разсчитывать на то, что въ высшемъ петербургскомъ кругѣ у него найдется и паціентовъ и адептовъ не менѣе, чѣмъ было и тѣхъ и другихъ въ Парижѣ или въ Лондонѣ. Наконецъ какъ магъ, кудесникъ и чародѣй, онъ казалось, скорѣе всего могъ найти для себя поклонниковъ и поклонницъ въ громадныхъ невѣжественныхъ массахъ русскаго населенія. Наконецъ, ограничиваясь только дѣятельностію массона, Каліостро могъ предполагать, что онъ встрѣтитъ въ Петербургѣ много сочувствующихъ ему лицъ.

Изъ изслѣдованія покойнаго Лонгинова «Новиковъ и мартинисты» видно, что массонство введено было въ Россію Петромъ Великимъ, который, какъ разсказываютъ, основалъ въ Кронштадтѣ массонскую ложу и имя котораго пользовалось у массоновъ большимъ почетомъ. Положительное же свидѣтельство о существованіи у насъ, въ Россіи, массоновъ относится къ 1738 году. Въ 1751 году ихъ не мало уже было въ Петербургѣ. Въ Москвѣ они появились въ 1760 году. Изъ столицъ массонство распространилось въ провинціи, и массонскія ложи были заведены въ Казани, а съ 1779 года въ Ярославлѣ. Учредителемъ тамошней ложи былъ извѣстный екатерининскій сановникъ Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ. Петербургскіе массоны горѣли желаніемъ быть посвященными въ высшія степени массонства и, потому, надобно было полагать, что появленіе среди ихъ такого человѣка, какимъ былъ Каліостро, не останется безъ сильнаго вліянія на русское массонство.

При такихъ условіяхъ явился въ Петербургъ Каліостро въ сопровожденіи Лоренцы. Здѣсь онъ главнымъ образомъ мѣтилъ на то, чтобъ обратить на себя вниманіе самой императрицы; но, какъ видно изъ писемъ Екатерины къ Циммерману, онъ не успѣлъ не только побесѣдовать, но даже и видѣться съ нею. Шарлота Рекке, которая, какъ надобно предполагать, весьма старательно слѣдила за поѣздкою Каліостро въ Петербургъ, пишетъ: «о Каліостровѣ пребываніи въ Петербургѣ, я ничего вѣрнаго сказать не знаю. По слуху же, однако, извѣстно, что хотя онъ и тамъ разными чудесными

выдумками могъ на нѣсколько времени обмануть нѣкоторыхъ особъ, но въ главномъ своемъ намѣреніи ошибся».. Въ предисловіи же къ книгѣ Шарлоты Рекке говорится «всякому извѣстно, сколь великое мнѣніе произвелъ о себѣ во многихъ людяхъ обманщикъ сей въ Петербургѣ». Въ сдѣланной же при этомъ, неизвѣстно кѣмъ, сноскѣ,—по всей, однако, вѣроятности переводчикомъ—добавляется: «Между тѣмъ не удалось Каліостру исполнить въ Петербургѣ своего главнаго намѣренія, а именно увѣрить Екатерину Великую о истинѣ искусства своего. Сія несравненная государыня тотчасъ проникла обманъ. А то, что въ такъ называемыхъ запискахъ Каліостровыхъ (Memoires de Cagliostro) упоминается о его дѣлахъ въ Петербургѣ, не имѣетъ никакого основанія. Ежели нужно на это доказательство, что Екатерина Великая, явная непріятельница всякой сумасбродной мечты, то могутъ въ томъ увѣрить двѣ искусныиъ ея перомъ писанныя комедіи: «Обманщикъ» и «Обольщенный». Въ первой выводится на театрѣ Каліостръ подъ именемъ Калифалкжерстона. Новое тисненіе сихъ двухъ по сочинительницѣ и по содержанію славныхъ комедій сдѣлаетъ ихъ еще извѣстнѣе въ Германіи».

Далѣе въ «Введеніи» къ той же книгѣ, когда въ помѣщенномъ въ немъ письмѣ изъ Страсбурга къ сочинительницѣ «Описанія», упоминается, что Каліостро разглашаетъ о своемъ знакомствѣ съ императрицею Екатериною II, сдѣлана также сноска, въ которой говорится слѣдующее: «у сей великой Монархини, которую Каліостру столь жестоко желалось обмануть, намѣреніе его осталось втунѣ. А что въ разсужденіи сего писано въ запискахъ Каліостровыхъ, все это вымышлено и такимъ-то образомъ одно изъ главнѣйшихъ его предпріятій, для коихъ онъ отъ своихъ старѣйшинъ отправленъ, ему не удалось; отъ этого-то можетъ быть онъ принужденъ былъ и въ Варшавѣ въ деньгахъ терпѣть недостатокъ, и разными обманами для своего содержанія доставать деньги».

Изъ другихъ свѣдѣній, заимствуемыхъ изъ иностранныхъ сочиненій о Каліостро, оказывается что онъ явился въ Петербургъ подъ именемъ графа Феникса. Могущественный въ то время князь Потемкинъ, вслѣдствіе распространенной молвы о Каліостро, оказалъ ему особое вниманіе, а съ своей сто-

роны Каліостро успѣлъ до нѣкоторой степени отуманить князя своими разсказами и возбудить въ немъ любопытство къ тайнамъ алхиміи и магіи. По словамъ г. Хотинскаго («Очерки чародѣйства». С.-Петербургъ 1866 г.) «обаяніе этого рода продолжалось не долго, такъ какъ направленіе того времени было самое скептическое, и потому, говоритъ Хотинскій, «мистическія и спиритическія идеи не могли имѣть большаго хода между петербургскою знатью. Роль магика оказалась неблагодарною и Каліостро рѣшился ограничить свое чародѣйство одними только исцѣленіями, но исцѣленіями чудесность и таинственность которыхъ должны были возбудить изумленіе и говоръ».

Съ замѣчаніемъ г. Хотинскаго о неблагопріятномъ для Каліостро умственномъ настроеніи тогдашней петербургской знати согласиться вполнѣ нельзя. Сильныхъ умовъ среди ея почти не было, да при томъ одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ въ этомъ отношеніи людей той поры, статсъ-секретарь императрицы Елагинъ, явился ревностнымъ сторонникомъ Каліостро, который, по словамъ г. Лонгинова, кажется даже и жилъ въ домѣ Елагина. Скептицизмъ же тогдашняго петербургскаго общества былъ напускной и, по всей вѣроятности, онъ скоро исчезъ, если бы Каліостро удалось подолѣе пожить въ Петербургѣ, пользуясь вниманіемъ императрицы. Нельзя не принять въ соображеніе что скептицизмъ гораздо сильнѣе господствовалъ въ Парижѣ, но и тамъ онъ не мѣшалъ громаднымъ успѣхамъ Каліостро и, безъ всякаго сомнѣнія, неудачи Каліостро въ Петербургѣ зависѣли отъ другихъ болѣе вліятельныхъ причинъ.

Каліостро не явился въ Петербургъ и шарлатаномъ-врачемъ, на подобіе другихъ заѣзжихъ туда иностранцевъ промышлявшихъ медицинской профессіей и печатавшихъ о себѣ самыя громкія рекламы въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Такъ, во время пребыванія его въ нашей столицѣ, жившіе въ Большой Морской, у его сіятельства графа Остермана братья Пелье, «французскіе глазные лекаря» объявили, что они «искусство свое ежедневно подтверждають, возвращая зрѣніе множеству слѣпыхъ». Они рекомендовали петербургскимъ жителямъ предохранительныя отъ глазныхъ болѣзней капли, которыя «тако же вполнѣ приличны особамъ въ письмен-

ныхъ дѣлахъ и мелкихъ работахъ упражняющимся». Въ то же время прибывшій въ Петербургъ изъ Парижа зубной врачъ Шобертъ, объявляя о чудесныхъ средствахъ къ излеченію зубовъ отъ разныхъ болѣзней а, между прочимъ, и «отъ удара воздуха», такимъ подходомъ старался распространять свои рекламы. Онъ писалъ: «господинъ Шобертъ въ заключеніе ласкаетъ себя надеждою, что податливые и о бѣдныхъ соболѣзнующіе особы, читая сіе увѣдомленіе, благоволятъ споспѣшествовать его намѣреніямъ (т. е. оказывать больнымъ помощь безмездно), сообщая сіе увѣдомленіе своимъ знакомымъ, дабы черезъ то привесть бѣднымъ въ способность пользоваться онымъ». Каліостро не нисходилъ до такихъ рекламъ, хотя и, какъ видно изъ другихъ источниковъ, онъ не только лечилъ бѣдныхъ безвозмездно, но даже и оказывалъ имъ съ своей стороны денежное пособіе. Вообще отъ Каліостро не было въ Петербургѣ никакихъ частныхъ объявленій и онъ, безъ сомнѣнія, держалъ себя врачемъ высокаго полета, считая унизительнымъ для своего достоинства прибѣгать къ газетнымъ объявленіямъ и рекламамъ.

Между тѣмъ время для этого было благопріятное. Въ ту пору вѣрили въ возможность самыхъ невѣроятныхъ открытій по части всевозможныхъ исцѣленій. Такъ, во время бытрости Каліостро въ Петербургѣ, въ существовавшемъ тогда въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», отдѣлѣ «Разныя извѣстія», сообщалось, что «славный дамскій парижскій портной, именуемый Дофемонъ (Doffemont) выдумалъ дѣлать корпусы (корсеты) для женскихъ платьевъ отмѣнно выгодные и нашелъ средство уничтожать горбы у людей, а парижская академія наукъ, медицинскій факультетъ, хирургическая академія и общество портныхъ въ Парижѣ одобрили сіе новое изобрѣтеніе».

По разсказу г. Хотинскаго, Каліостро не долго ждалъ случая показать «самый разительный примѣръ своего трансцедентнаго искусства и дьявольскаго нахальства и смѣлости».

У князя Г., знатнаго барина двора Екатерины II, опасно заболѣлъ единственный сынъ, младенецъ еще грудной, имѣвшій около 10 мѣсяцевъ. Всѣ лучшіе тогдашніе петербургскіе врачи признали этого ребенка безнадежнымъ. Родители были въ отчаяніи, какъ вдругъ кому-то пришло на мысль посовѣ-

товать имъ, чтобъ они обратились къ Каліостро, о которомъ тогда начинали разсказывать въ Петербургѣ разныя чудеса. Каліостро былъ приглашенъ и объявилъ князю и княгинѣ, что берется вылечить умирающаго младенца, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы дитя было отвезено къ нему на квартиру и предоставлено въ полное и безотчетное его распоряженіе, такъ, чтобы никто посторонній не могъ навѣщать его и чтобы даже сами родители отказались отъ свиданія съ больнымъ сыномъ до его выздоровленія. Какъ ни тяжелы были эти условія, но крайность заставила согласиться на нихъ, и ребенка, едва живаго, отвезли въ квартиру Каліостро. На посылаемыя о больномъ ребенкѣ справки, Каліостро, въ теченіи двухъ недѣль, отвѣчалъ постоянно, что ребенку дѣлается день ото дня все лучше и, наконецъ, объявилъ, что такъ какъ сильная опасность миновала, то князь можетъ взглянуть на малютку, лежавшаго еще въ постели. Свиданіе продолжалось не болѣе двухъ минутъ, радости князя не было предѣловъ и онъ, — какъ передаетъ Хотинскій на основаніи нѣкоторыхъ рукописныхъ свѣдѣній того времени,— предложилъ Каліостро тысячу «имперіаловъ» золотомъ. Каліостро отказался на отрѣзъ отъ такого подарка, объявивъ, что онъ лечитъ безвозмездно, изъ одного только человѣколюбія.

Затѣмъ Каліостро потребовалъ отъ князя, взамѣнъ всякаго вознагражденія, только строгаго исполненія прежняго условія, т. е. не посѣщенія ребенка никѣмъ изъ постороннихъ, увѣряя, что всякій взглядъ, брошенный на него другимъ лицомъ, исключая лишь тѣхъ, которые ходятъ теперь за нимъ, причиняетъ ему вредъ и замедляетъ выздоровленіе. Князь согласился на это и вѣсть объ изумительномъ искусствѣ Каліостро, какъ врача, быстро разнеслась по всему Петербургу. Имя графа Феникса было у всѣхъ на языкѣ, и больные изъ числа самыхъ знатныхъ и богатыхъ жителей столицы начали обращаться къ нему, а онъ своими безкорыстными поступками съ больными успѣлъ снискать себѣ уваженіе въ высшихъ классахъ петербургскаго общества.

Ребенокъ оставался у Каліостро болѣе мѣсяца и только въ послѣднее время отцу и матери было дозволено видѣть его сперва мелькомъ, потомъ подолѣе и, наконецъ, безъ всякихъ

ограниченій. Наконецъ, онъ былъ возвращенъ родителямъ совершенно здоровый. Готовность князя отблагодарить Каліостро самымъ щедрымъ образомъ увеличилась еще болѣе противъ прежняго. Теперь онъ предложилъ ему уже не тысячу, но, какъ тогда говорили, пять тысячъ имперіаловъ. Долго, но постепенно все слабѣе и слабѣе, отказывался Каліостро отъ этой весьма значительной суммы. Князь съ своей стороны замѣчалъ графу, что если онъ не хочетъ принять денегъ собственно для себя, то можетъ взять ихъ для того, чтобы употребить по своему усмотрѣнію для благотворительныхъ цѣлей. Каліостро отказывался и отъ этого любезнаго предложенія и тогда князь Г. оставилъ эту сумму въ его квартирѣ, какъ будто по забывчивости, а Каліостро съ своей стороны не возвратилъ ему ее.

Прошло нѣсколько дней послѣ отдачи родителямъ ихъ ребенка, какъ вдругъ въ душу его матери запало страшное подозрѣніе: ей показалось, что ребенокъ былъ подмѣненъ. Г. Хотинскій, который, какъ мы замѣтили, имѣлъ по этому дѣлу какую-то секретную рукопись — замѣчаетъ: «конечно, подозрѣніе это имѣло довольно шаткія основанія, но тѣмъ не менѣе оно существовало и слухъ объ этомъ распространился при дворѣ; онъ возбудилъ въ очень многихъ прежнее недовѣріе къ странному выходцу».

Въ книгѣ, составленной будто бы по рукописи камердинера Каліостро *), сынъ знатнаго петербургскаго вельможи замѣненъ двухлѣтнею дочерью, которую будто бы Каліостро дѣйствительно подмѣнилъ чужимъ ребенкомъ, и весь Петербургъ заговорилъ объ этомъ. Когда же началось по поводу этого говора слѣдствіе, то Каліостро не отпирался отъ сдѣланнаго имъ подмѣна, заявляя, что такъ какъ отданный ему на излеченіе ребенокъ дѣйствительно умеръ, то онъ рѣшился на обманъ для того только, чтобы хотя на нѣкоторое время замедлить отчаяніе матери. Когда же его спросили, что онъ сдѣлалъ съ трупомъ умершаго ребенка, то Каліостро отвѣчалъ, что, желая сдѣлать опытъ возрожденія (палингенезиса), онъ сжегъ его.

---

*) Aechte Nachrichten von den Grafen Caglliostro aus Handschrift seines entflohenen Kammerdiners. Berlin. 1786.

СИЛУЕТЪ КАЛІОСТРО
сдѣланный съ натуры Гернингомъ.

Въ заключеніе разсказа о пребываніи Каліостро въ Петербургѣ, г. Хотинскій говоритъ, что Каліостро, не будучи ревнивымъ къ Лоренцѣ, замѣтивъ, что князь Потемкинъ теряетъ прежнее къ нему довѣріе, вздумалъ дѣйствовать на князя посредствомъ красавицы-жены. Потемкинъ сблизился съ нею, но на такое сближеніе посмотрѣли очень неблагосклонно свыше, а къ этому времени подоспѣла исторія о подмѣнѣ младенца. Тогда графу Фениксу и его женѣ приказано было немедленно выѣхать изъ Петербурга, при чемъ онъ былъ снабженъ на путевыя издержки довольно крупною суммою.

VI.

Въ небольшой книжкѣ, изданной въ 1855 г. въ Парижѣ подъ заглавіемъ «Aventures de Cagliostro» встрѣчается нѣсколько болѣе подробныхъ свѣдѣній о пребываніи Каліостро въ Петербургѣ. Такъ, тамъ разсказывается, что, при пріѣздѣ въ Петербургъ, Каліостро замѣтилъ, что извѣстность его въ Россіи вовсе не была такъ громка, какъ онъ полагалъ прежде; и онъ, какъ человѣкъ чрезвычайно смѣтливый, понялъ, что при подобномъ условіи ему невыгодно было выставлять себя на показъ съ перваго же раза. Онъ повелъ себя чрезвычайно скромно, безъ всякаго шума, выдавая себя не за чудотворца, не за пророка, а только за медика и химика. Жизнь онъ велъ уединенную и таинственную, а между тѣмъ это самое еще болѣе обращало на него вниманіе въ Петербургѣ, гдѣ извѣстные по чему либо иностранцы являлись постоянно на первомъ планѣ, не только въ высшемъ обществѣ, но и при дворѣ. Въ то же время онъ распускалъ слухъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершонныхъ имъ въ Германіи никому еще неизвѣстными способами, и вскорѣ въ Петербургѣ заговорили о немъ, какъ о необыкновенномъ врачѣ. Съ своей стороны и красавица Лоренца успѣла привлечь къ себѣ мужскую половину петербургской знати и, пользуясь этимъ, разсказывала удивительныя вещи о своемъ мужѣ, а также объ его почти четырехтысячелѣтнемъ существованіи на землѣ.

Въ книгѣ, составленной по рукописи камердинера, упо-

минается и о другомъ еще способѣ, пущенномъ Каліостро въ Петербургѣ въ ходъ для наживы денегъ. Красивая и молодая Лоренца говорила посѣтительницамъ графа, что ей болѣе сорока лѣтъ и что старшій ея сынъ уже давно находится капитаномъ въ голландской службѣ. Когда же русскія дамы изумлялись необыкновенной моложавости прекрасной графини, то она замѣчала, что противъ дѣйствія старости изобрѣтено ея мужемъ вѣрное средство и не желавшія старѣться барыни спѣшили покупать за громадныя деньги стклянки чудодѣйственной воды, продаваемой Каліостро.

Многіе, если и не вѣрили ни въ это средство, ни въ жизненный элексиръ Каліостро, за то вѣрили въ умѣніе его превращать всякій металлъ въ золото, а и это одно искусство должно было доставлять ему въ Петербургѣ не мало адептовъ, въ числѣ которыхъ, какъ оказывается, былъ и статсъ-секретарь Елагинъ. Въ отношеніи петербургскихъ врачей Каліостро дѣйствовалъ весьма политично, онъ отказывался лечить являвшихся къ нему разныхъ лицъ, ссылаясь на то, что имъ не нужна его помощь, такъ какъ въ Петербургѣ и безъ него находятся знаменитые врачи. Но такіе, повидимому слишкомъ добросовѣстные отказы, еще болѣе усиливали настойчивость являвшихся къ Каліостро паціентовъ. Кромѣ того, на первыхъ порахъ онъ не только отказывался отъ всякаго вознагражденія, но даже самъ помогалъ деньгами бѣднымъ больнымъ.

Затѣмъ въ названной выше книжкѣ «Aventures de Cagliostro» разсказывается весьма подробно о любовныхъ похожденіяхъ князя Потемкина съ женою Каліостро и къ этому добавляется, что такія похожденія были причиной быстрой высылки Каліостро изъ Петербурга. О подмѣнѣ ребенка упоминается также и въ этой книжкѣ, причемъ князь Г. замѣненъ графомъ ***. О такой подмѣнѣ стала ходить молва въ Петербургѣ и императрица Екатерина II тотчасъ воспользовалась ею для того, чтобы побудить Каліостро къ безотлагательному отъѣзду изъ Петербурга, тогда какъ настоящимъ къ тому поводомъ была будто бы любовь Потемкина къ Лоренцѣ.

Надобно, впрочемъ, предполагать, что неудачѣ Каліостро содѣйствовали главнымъ образомъ другія причины.

Одно то обстоятельство, что Каліостро явился въ Петер-

бургѣ не просто врачемъ или алхимикомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и таинственнымъ политическимъ дѣятелемъ, какъ глава новой массонской ложи, должно было предвѣщать ему, что онъ ошибется въ своихъ смѣлыхъ разсчетахъ. Около этого времени императрица Екатерина II не слишкомъ благосклонно посматривала на тайныя общества и пріѣздъ такой личности, какъ Каліостро, не могъ не увеличить ея подозрѣній. Во время пріѣзда Каліостро въ Петербургъ, массонство было здѣсь въ сильномъ развитии и онъ съ перваго же раза нашелъ себѣ самый радушный пріемъ въ домѣ статсъ-секретаря императрицы А. П. Елагина.

Въ одной, нынѣ весьма рѣдкой книжкѣ «Anecdotes secrètes de la Russie» намъ встрѣтились касательно отношенія Каліостро къ Елагину довольно подробныя свѣдѣнія. Изъ этого источника, за достовѣрность котораго, конечно, никакъ нельзя ручаться, мы узнаёмъ, что, познакомившись съ Елагинымъ, Каліостро сообщилъ ему о возможности дѣлать золото. Не смотря на то, что Елагинъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ русскихъ людей того времени, онъ повѣрилъ выдумкѣ Каліостро, который обѣщалъ научить Елагина этому искусству въ короткое время и при небольшихъ издержкахъ. Елагинъ поддался выдумкѣ Каліостро, но одинъ изъ его секретарей—фамилія его не упоминается—человѣкъ чрезвычайно умный и свѣдущій, обнаружилъ плутни алхимика. «Достаточно разъ побесѣдовать съ графомъ Фениксомъ—говорилъ секретарь Елагину—для полнаго убѣжденія въ томъ, что онъ наглый шарлатанъ». Елагинъ продолжалъ, однако, довѣряться Каліостро, который, пользуясь этимъ, успѣлъ уже обобрать его на нѣсколько тысячъ рублей. Однажды Каліостро пріѣхалъ обѣдать къ Елагину; послѣдняго не было дома, и потому онъ, въ ожиданіи Елагина, принялся болтать съ бывшимъ въ столовой секретаремъ. Разговоръ Каліостро былъ очень занимателенъ, но съ явными ошибками и по исторіи, и по географіи. Собесѣдникъ Каліостро, замѣтивъ это, попросилъ прекратить вздорную болтовню; но расходившійся разсказчикъ не унимался. Тогда секретарь, взбѣшенный тѣмъ, что его такъ нагло дурачатъ, далъ Каліостро пощечину и вышелъ изъ столовой. Дождавшись пріѣзда Елагина, Каліостро пожаловался ему и, вслѣдствіе этого, началь-

никъ сдѣлалъ строгій выговоръ своему подчиненному. Тогда этотъ послѣдній сталъ пускать въ ходъ по Петербургу разсказы о шарлатанскихъ продѣлкахъ Каліостро въ разныхъ мѣстахъ и тѣмъ самымъ сильно подорвалъ его кредитъ въ петербургскомъ обществѣ, въ которомъ Каліостро нашелъ, кромѣ Елагина, и другихъ легковѣрныхъ людей, а въ числѣ ихъ былъ и графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ вельможъ екатерининскаго двора.

Чрезвычайно неблагопріятно на положеніе Каліостро въ Петербургѣ подѣйствовало также напечатанное въ русскихъ газетахъ тогдашнимъ испанскимъ резидентомъ, Нормандецомъ, заявленіе, что никакой графъ Фениксъ въ испанской службѣ полковникомъ никогда не состоялъ. Этимъ оффиціальнымъ объявленіемъ было обнаружено его самозванство и фальшивость патента, составленнаго для него маркизомъ Альято.

Разсказъ объ этомъ, встрѣчающійся въ разныхъ сочиненіяхъ о Каліостро, не подтверждается нашими розысканіями. Въ единственной въ то время русской газетѣ—въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» — никакого объявленія со стороны дона Нормандеца не встрѣчается и, по всей вѣроятности, разсказъ этотъ выдуманъ уже послѣ отъѣзда Каліостро изъ Петербурга, куда молва объ его самозванствѣ дошла изъ Митавы. Подтвержденіемъ тому служитъ слѣдующій фактъ. По существовавшимъ въ то время правиламъ, отмѣненнымъ не далѣе, какъ только лѣтъ пятнадцать тому назадъ, каждый уѣзжавшій изъ Россіи за границу долженъ былъ три раза публиковать въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» о своемъ отъѣздѣ, и вотъ въ «Прибавленіяхъ» къ 79 нумеру этихъ «Вѣдомостей», вышедшему 1 октября, между двумя извѣщеніями объ отъѣздѣ за границу — однимъ мясника Іогана Готлиба Бунта и другимъ башмачника Габріеля Шмита,—показанъ отъѣзжающимъ «г. графъ Калліостросъ, Гишпанскій полковникъ, живущій на дворцовой набережной въ домѣ г. генералъ-поручика Виллера». Очевидно, однако, что онъ не могъ бы присвоивать себѣ этотъ чинъ, если бы о самозванствѣ его было уже заявлено испанскимъ посланникомъ въ Петербургѣ. Найденное нами объявленіе, повторяющееся въ 80 и 81 нумерахъ «Прибавленій», опровергаетъ также разсказъ о томъ, будто Каліостро жилъ въ Петербургѣ подъ именемъ графа Феникса и

будто бы онъ былъ высланъ оттуда внезапно по особому распоряженію императрицы, между тѣмъ какъ онъ выѣхалъ оттуда въ общемъ порядкѣ, хотя, быть можетъ, и не безъ нѣкотораго понужденія. Судя по времени отъѣзда Каліостро изъ Митавы и первой публикаціи объ его отъѣздѣ изъ Россіи, надобно придти къ тому заключенію, что Каліостро прожилъ въ Петербургѣ около 9-ти мѣсяцевъ. Въ продолженіе этого времени, испанскій посланникъ, находившійся въ Петербургѣ, могъ затребовать и получить нужныя ему о Каліостро свѣдѣнія. Въ ту пору извѣстія изъ Мадрида шли въ Петербургъ около полутора мѣсяца, какъ это видно изъ печатавшихся въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» политическихъ извѣстій. Но дѣло въ томъ, что никакого объявленія со стороны Нормандеца противъ Каліостро въ русскихъ газетахъ не встрѣчается.

Другія обстоятельства не были также въ пользу дальнѣйшаго пребыванія Каліостро въ Петербургѣ. Независимо отъ того, что онъ, какъ массонъ, не могъ встрѣтить благосклоннаго пріема со стороны императрицы, она должна была не слишкомъ довѣрчиво относиться къ нему и какъ къ послѣдователю графа Сенъ-Жермена, который, какъ мы замѣтили, находился въ Петебургѣ въ 1762 году и котораго Екатерина считала шарлатаномъ.

Не достигнувъ блестящихъ успѣховъ въ высшемъ петербургскомъ кругѣ какъ массонъ, врачъ и алхимикъ, Каліостро не могъ уже разсчитывать на вниманіе къ нему толпы въ Петербургѣ, подобно тому, какъ это было въ многолюдныхъ городахъ западной Европы. Для русскаго простонародья, Каліостро, какъ знахарь и колдунъ, долженъ былъ казаться не подходящимъ. Онъ, по отзывамъ современниковъ, отличался прекрасною и величественною наружностію. По словамъ барона Глейхена, Каліостро былъ небольшаго роста, но имѣлъ такую наружность, что она могла служить образцомъ для изображенія личности вдохновеннаго поэта. Въ тогдашней «Gazette de Santé» писали, что фигура Каліостро носитъ на себѣ отпечатокъ не только ума, но даже генія. Одѣвался Каліостро пышно и странно и большею частію носилъ восточный костюмъ. Въ важныхъ случаяхъ онъ являлся въ одеждѣ великаго кофта, которая состояла изъ длиннаго

шелковаго платья, схожаго по покрою съ священническою рясою, вышитаго отъ плечъ и до пятокъ іероглифами краснаго цвѣта. При такой одеждѣ онъ надѣвалъ на голову уборъ изъ сложенныхъ египетскихъ повязокъ, концы которыхъ падали внизъ. Повязки эти были изъ золотой парчи и на головѣ придерживались цвѣточнымъ вѣнкомъ, осыпаннымъ драгоцѣнными камнями. По груди черезъ плечо шла лента изумруднаго цвѣта съ нашитыми на ней буквами и изображеніями жуковъ. На поясѣ, сотканномъ изъ краснаго шелка, висѣлъ широкій рыцарскій мечъ, рукоять котораго имѣла форму креста. Въ своихъ пышныхъ нарядахъ и при своей величавой внѣшности, Каліостро долженъ былъ казаться простому русскому люду скорѣе всего важнымъ бариномъ-генераломъ, но ни какъ не колдуномъ. Извѣстно также, что нашъ народъ всегда предпочиталъ, да и теперь еще предпочитаетъ въ качествѣ колдуна «ледащаго мужиченка», и чѣмъ болѣе онъ бываетъ неказистъ и неряшливъ, тѣмъ болѣе можетъ разсчитывать на общее къ нему довѣріе. При томъ, для пріобрѣтенія славы знахаря, необходимо было умѣть говорить съ русскимъ человѣкомъ особымъ складомъ, чего, конечно, не въ состояніи былъ сдѣлать Каліостро, не смотря на всю свою чудодѣйственную силу.

Какъ заморскій врачъ, Каліостро въ Петербургѣ могъ найти для себя весьма ограниченную практику и опаснымъ для него соперникомъ былъ даже знаменитый около того времени Ерофѣичъ, съ успѣхомъ лечившій не только простолюдиновъ, но и екатерининскихъ царедворцевъ и тоже открывшій своего рода жизненный элексиръ, который и донынѣ удержалъ за собою прозвище своего изобрѣтателя.

Не смотря на все свое стараніе избѣжать столкновенія съ петербургскими врачами, Каліостро всетаки подвергся преслѣдованію съ ихъ стороны. Баронъ Глейхенъ разсказываетъ, что придворный врачъ великаго князя Павла Петровича вызвалъ Каліостро на дуэль. «Такъ какъ вызванный на поединокъ имѣетъ право выбрать оружіе — сказалъ Каліостро, и такъ какъ теперь дѣло идетъ о превосходствѣ противниковъ по части медицины, то я, вмѣсто оружія предлагаю ядъ. Каждый изъ насъ дастъ другъ другу по пилюлѣ, и тотъ изъ насъ у кого окажется лучшее противоядіе, будетъ

считаться побѣдителемъ». Къ сожалѣнію, баронъ Глейхенъ не говоритъ ничего о развязкѣ такого оригинальнаго поединка.

Въ другомъ разсказѣ о жизни Каліостро повѣствуется, что передъ самымъ выѣздомъ его изъ Петербурга, знаменитый врачъ императрицы, англичанинъ Роджерсонъ, окончилъ записку, которую онъ былъ намѣренъ пустить въ печать, и въ которой обнаруживалъ начисто все невѣжество «великаго химика» и всѣ наглые его обманы.

Кромѣ тѣхъ причинъ, скорѣе всего политическаго, а не романическаго свойства, вслѣдствіе которыхъ Каліостро не счелъ удобнымъ оставаться долго въ Петербургѣ, можно привести и слѣдующую еще причину. Опаснымъ противникомъ его врачебнаго шарлатанства былъ Месмеръ, который сильно подрывалъ его прежніе успѣхи. Между тѣмъ оказывается, что свѣдѣнія о месмеризмѣ — этой новой чудодѣйственной силѣ — стали проникать въ Петербургъ именно въ то время, когда находился здѣсь Каліостро. Такъ, въ ту пору въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» разсказывалось «о чудныхъ цѣленіяхъ, производимыхъ посредствомъ магнита славнымъ врачемъ господиномъ Месмеромъ». «А нынѣ — прибавлялось въ «Вѣдомостяхъ» — другой врачъ женевскій докторъ въ медицинѣ, Гарею, упражняясь особо въ изысканіяхъ разныхъ дѣйствій магнита, издаетъ о томъ книгу». При томъ увлеченіи магнитизмомъ, какое обнаруживалось на первыхъ порахъ его появленія, при безграничномъ вѣрованіи въ его таинственную и цѣлительную силу, элексиръ Каліостро и его магія могли казаться пустяками, не выдерживающими никакого сравненія съ ново-открытою Месмеромъ сверхестественною силою. Каліостро могъ предвидѣть, что при такихъ неблагопріятныхъ для него условіяхъ, онъ не будетъ имѣть въ Петербургѣ успѣха, почему и предпочелъ выѣхать поскорѣе оттуда, чтобы не загубить въ конецъ своей прежней репутаціи.

VII.

Вынужденный наскоро выѣхать изъ Россіи Каліостро не успѣлъ побывать въ Москвѣ; но, по всей вѣроятности, онъ и тамъ не встрѣтилъ бы особеннаго успѣха. Такъ надобно

полагать потому, что московскіе массоны оставались совершенно равнодушными къ пріѣзду Каліостро въ Россію. Событіе это не прошло, однако, безъ неблагопріятнаго вліянія на русское массонство, такъ какъ Каліостро вселилъ въ Екатерину II еще большее нерасположеніе къ массонамъ. Въ 1780 году императрица напечатала книжку подъ заглавіемъ: «Тайна противонелѣпаго общества». Книга эта, для мистификаціи, значилась изданною въ Кельнѣ въ 1750 году; въ ней было осмѣяно вообще массонство и его тайны. Съ цѣлью же изгладить окончательно тѣ зловредные слѣды массонства, которые, по мнѣнію Екатерины II, могъ оставить послѣ себя Каліостро въ русскомъ обществѣ, она написала комедію подъ заглавіемъ «Обманщикъ», которая была представлена въ эрмитажномъ театрѣ въ первый разъ 4-го января 1786 года. Въ ней выведены нелѣпость и вредъ стремленія къ духовидѣнію, къ толкованію необъяснимаго, къ герметическимъ опытамъ и т. д. Въ этой комедіи, въ лицѣ Калифалкжерстона, былъ выведенъ Каліостро, затѣи котораго были пріурочены къ ученію мартинистовъ, названныхъ въ комедіи «мартышками». Съ тою же самою цѣлью была, въ томъ же году, написана императрицею и другая комедія, подъ названіемъ «Обольщенный». Обѣ эти комедіи были переведены на нѣмецкій языкъ.

Изъ Петербурга, проѣхавъ тайкомъ черезъ Митаву, Каліостро явился въ Варшавѣ, а отсюда черезъ Германію направился въ Страсбургъ. Здѣсь онъ съумѣлъ пріобрѣсти себѣ расположеніе со стороны католическаго духовенства и дѣла его пошли великолѣпно; жилъ онъ роскошно и здѣсь же познакомился съ кардиналомъ Луи Рогановъ, тогдашнимъ страсбургскимъ епископомъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи столь извѣстнымъ по такъ называемой «исторіи съ ожерельемъ». Проживъ довольно долго въ Страсбургѣ, Каліостро побывалъ потомъ въ Ліонѣ и Бордо и, наконецъ, очутился въ Парижѣ, гдѣ слава Каліостро, какъ алхимика, врача и прорицателя, возрастала все болѣе и болѣе. Лоренца то же, и при томъ съ большимъ успѣхомъ, начала подражать занятіямъ своего мужа, открыла магическіе сеансы для дамъ, а Каліостро публично объявилъ объ учрежденіи имъ въ Парижѣ ложи египетскаго массонства. Число мастеровъ ложи ограничивалось

тринадцатью, а поступленіе въ это званіе было трудновато, такъ какъ, кромѣ полной вѣры въ главу ложи, отъ поступающихъ въ нее требовалось: имѣть видное положеніе въ обществѣ, пользоваться безукоризненною репутаціею, получать по крайней мѣрѣ 50,000 ливровъ годоваго дохода и не быть стѣсненнымъ никакими семейными и общественными отношеніями. Все это сдѣлало ложу египетскаго массонства чрезвычайно привлекательною для людей богатыхъ и знатныхъ и доставило Каліостро самую сильную поддержку въ парижскомъ обществѣ.

Среди такихъ успѣховъ Каліостро, разыгралась упомянутая и слишкомъ хорошо извѣстная исторія съ ожерельемъ. Каліостро и жена его были замѣшаны въ эту исторію, но судъ оправдалъ ихъ, что̀ и подало поводъ къ шумнымъ манифестаціямъ, быть можетъ, не столько изъ расположенія къ самому Каліостро, сколько изъ ненависти ко двору, для котораго эта скандальная исторія была жестокимъ ударомъ. Тѣмъ не менѣе Каліостро сталъ подумывать объ отъѣздѣ изъ Франціи и черезъ Булонь уѣхалъ въ Англію. Здѣсь, въ 1787 году, онъ напечаталъ свое знаменитое посланіе къ французскому народу, враждебное королевской власти, предсказывая въ немъ довольно ясно грядущую революцію и предстоящее разрушеніе ненавистной ему Бастиліи. Но въ Лондонѣ счастіе ненадолго повезло Каліостро. Бойкій журналистъ Морандъ, съ которымъ онъ вступилъ въ полемику, разоблачилъ всю его прошлую жизнь. Тогда прежнее обаяніе его исчезло, а вмѣстѣ съ тѣмъ явились кредиторы, и Каліостро стало такъ плохо въ Лондонѣ, что онъ счелъ нужнымъ убѣжать въ Голландію; отсюда онъ перебрался сначала въ Германію, а потомъ въ Швейцарію. Ему, однако, помнилась его нѣкогда блестящая жизнь въ Парижѣ, но попытка вернуться во Францію ему не удалась. Онъ поѣхалъ въ Римъ и, по убѣжденію Лоренцы, жилъ тамъ нѣкоторое время спокойно; но, мало по малу, онъ вошелъ въ сношенія съ римскими массонами и успѣлъ даже учредить въ папской столицѣ ложу египетскаго массонства. Одинъ изъ его адептовъ донесъ на него, за нимъ стали слѣдить внимательно и вскорѣ открыли его переписку съ якобинцами, почему онъ, въ сентябрѣ 1789 года, былъ заключенъ въ крѣпость св. Ангела. Рим-

ская инквизиція собрала самыя подробныя свѣдѣнія объ его жизни, и Каліостро, 21-го марта 1791 года, былъ, подъ настоящимъ своимъ именемъ Джузеппе Бальзамо, приговоренъ къ смертной казни, какъ еретикъ, ересеначальникъ, магъ-обманщикъ и франъ-массонъ. Но папа Пій VI замѣнилъ смертную казнь вѣчнымъ заточеніемъ въ крѣпости св. Ангела, гдѣ Каліостро и умеръ спустя два года послѣ произнесенія надъ нимъ этого приговора.

МАРІЯ-ТЕРЕЗА УГРЮМОВА.

Изъ писемъ императрицы Екатерины II къ послу ея въ Варшавѣ, графу Стакельбергу, видно, что императрицу озабочивало нѣкоторое время дѣло Угрюмовой. Такъ, 27-го іюня 1796 года, она писала къ Стакельбергу, что «коронный гетманъ графъ Браницкій, намѣренъ будучи требовать, чтобы имя его было исключено изъ ненавистнаго дѣла извѣстной Угрюмовой, просилъ нашего въ пользу его старанія». Поэтому императрица поручала «исполненію и настоянію» графа Стакельберга, чтобы графъ Браницкій «въ прошеніи его получилъ надлежащее удовлетвореніе». Спустя слишкомъ годъ, 17-го іюля 1786 года, императрица сообщила графу Стакельбергу, что «римскій императоръ сдѣлалъ русскому двору увѣреніе о стараніи своемъ, дабы со стороны князя Чарторижскаго всякой подвигъ и безпокойство по ненавистному дѣлу Угрюмовой были отложены. Мы—продолжала въ письмѣ своемъ Екатерина — поручаемъ вамъ употребить равныя попеченія, дабы и прочіе, кои считали бы себя замѣшанными, остались въ покоѣ». 28-го августа того же года императрица, въ письмѣ своемъ къ графу Стакельбергу, упоминала снова о «ненавистномъ» дѣлѣ Угрюмовой и о необходимости сношеній съ вѣнскимъ министерствомъ для того, чтобы князь Чарторижскій не возбуждалъ опять этого процесса.

Въ чемъ же заключалось это «ненавистное» дѣло, въ которомъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является женщина съ чисто-русскимъ фамильнымъ прозваніемъ, почему оно оза-

бочивало императрицу и вызывало сношенія нашего двора съ вѣнскимъ? До сихъ поръ въ исторической нашей литературѣ не встрѣчается на счетъ этого удовлетворительныхъ объясненій. Въ четвертой тетради «Русскаго Архива» за 1874 годъ помѣщены переведенныя съ польскаго «Записки Хршонщевскаго»,*) обнимающія собою періодъ времени съ 1770 по 1820 годъ. Въ этихъ «Запискахъ» (стр. 927) авторъ ихъ передаетъ, что Игнатій Потоцкій дѣйствовалъ противъ короля со времени пресловутаго дѣла его съ англичанкою, приговоренною къ пожизненному заключенію въ Данцигѣ. Въ примѣчаніи къ этимъ строкамъ «Записокъ» разсказывается вкратцѣ о «пресловутомъ» дѣлѣ. Разсказъ этотъ основанъ, повидимому, на статью, помѣщенной во «Всеобшей Энциклопедіи» (Encyklopedia Powszechna), безъ указанія на то, какъ приходилось императрицѣ Екатеринѣ II смотрѣть на это, по выраженію ея, «ненавистное» дѣло. Съ своей же стороны мы разскажемъ въ общихъ чертахъ о процессѣ Угрюмовой, надѣлавшемъ въ свое время не мало шуму не только въ Польшѣ. но и за границею, обративъ при этомъ вниманіе на то значеніе, какое оно могло имѣть въ глазахъ императрицы Екатерины. Замѣтимъ при этомъ, что если вглядѣться внимательно въ политическую, довольно запутанную обстановку дѣла Угрюмовой, то представится еще разъ умѣніе Екатерины относиться весьма искусно ко внутреннимъ дѣламъ Польши и оказывать на нихъ каждый разъ свое вліяніе сообразно взглядамъ и требованіямъ тогдашней нашей политики. Кромѣ того, дѣло Угрюмовой подтверждаетъ ту давнишнюю истину, что въ исторіи отъ малыхъ причинъ бываютъ иногда важныя послѣдствія. Такъ, въ настоящемъ случаѣ твердая политика Екатерины II, предрѣшавшая дальнѣйшую судьбу Польши, могла придти въ нѣкоторое замѣшательство отъ продѣлокъ авантюристки.

Со временъ Петра Великаго и въ особенности со времени вступленія на польскій престолъ Станислава-Августа Понятовскаго, русскіе военные отряды почти безвыходно остава-

*) Замѣтимъ кстати, что слѣдуетъ писать не Хршонщевскій (Chrzaszczewski), а Хжонщевскій, потому что польскія буквы «rz» никогда не выговариваются какъ русскія «рж или «рш», а произносятся какъ «ж».

лись въ различныхъ мѣстностяхъ Рѣчи Посполитой. Въ одномъ изъ такихъ отрядовъ, неизвѣстно, впрочемъ, въ какомъ именно полку, находился на службѣ нѣкто маіоръ Угрюмовъ *) Отъ фамиліи его и получило названіе то дѣло, о которомъ идетъ теперь рѣчь, такъ какъ жена его явилась главною участницею въ этомъ загадочномъ дѣлѣ. Настоящее происхожденіе маіорши Угрюмовой остается неизвѣстно, потому, что относительно этого судьи не собрали никакихъ положительныхъ свѣдѣній. По нѣкоторымъ же обстоятельствамъ приходится заключить, что она была родомъ изъ Голландіи и пріѣхала въ Варшаву еще въ первыхъ годахъ царствованія Станислава-Августа, гдѣ и жила въ совершенной безвѣстности до своего процесса. Фамилія ея по отцу де-Нери, хотя она, какъ мы увидимъ, присвоивала себѣ другую родовую фамилію. **) Первый ея мужъ назывался Леклеркъ. Изъ процесса Угрюмовой видно, между прочимъ, что она вела разгульную и кочевую жизнь. Она побывала и въ Венеціи, и въ Берлинѣ, и въ Гамбургѣ, и въ Варшавѣ, и въ Петербургѣ, и, по словамъ ея обвинителя, всѣ эти города свидѣтельствовали объ ея безнравственности: всюду оставляла она по себѣ слѣды глубокаго разврата, которому не было ни начала, ни конца. Въ обвинительной противъ нея

*) Въ царствованіе Екатерины II жилъ купецъ и фабрикантъ Угрюмовъ, пожалованный въ 1766 году, въ чинъ коллежскаго ассессора. У насъ существовалъ въ старину, сохранившійся, впрочемъ, еще и донынѣ, обычай—переводить наши гражданскіе чины на военные, соотвѣтственно классамъ тѣхъ и другихъ. Въ Польшѣ установился тотъ же обычай относительно русскихъ чиновъ и тамъ онъ удерживался до послѣдняго времени еще сильнѣе, нежели у насъ. Такимъ образомъ и коллежскій ассесоръ Угрюмовъ могъ, соотвѣтственно своему гражданскому чину, именоваться маіоромъ. О немъ, какъ о живомъ лицѣ, упоминается еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но едвали можно допустить, чтобы онъ былъ мужемъ авантюристки Угрюмовой, хотя по роду своихъ занятій (онъ занимался, между прочимъ, подрядами и поставками) этотъ Угрюмовъ и могъ бывать въ Польшѣ, но тогда было бы трудно объяснить стѣсненное въ денежномъ отношеніи положеніе жены его, какъ жены человѣка, не только достаточнаго, но и богатаго. Впрочемъ, сама по себѣ личность маіора Угрюмова не представляетъ настолько важности, чтобы сдѣлаться предметомъ особыхъ изысканій.

**) Около этого времени одинъ изъ польскихъ магнатовъ, Михаилъ Огинскій, былъ женатъ на дѣвицѣ де-Нери, но не извѣстно, была ли здѣсь какая нибудь родственная связь или только случайное сходство фамилій.

рѣчи упоминалось также, что одного изъ своихъ мужей — должно быть Леклерка—она подвела въ Брюжѣ подъ висѣлицу и что одинъ изъ ея любовниковъ былъ убитъ въ Гамбургѣ, при чемъ намекалось на участіе Угрюмовой въ этомъ убійствѣ. По словамъ же адвоката—старавшагося сообразно съ ходомъ судебнаго процесса, поднять нравственный кредитъ Угрюмовой,—она была робкая женщина, увлекавшаяся только удовольствіями молодости, такъ что даже самое придирчивое злословіе приписывало ей лишь такія ошибки и заблужденія, которыя можно извинить слабостію ея пола и участниками въ которыхъ были постоянно мужчины. Нѣкоторыя же неблаговидныя продѣлки и хитрости Угрюмовой онъ объяснялъ затруднительностію матеріальнаго ея положенія, но не нравственною ея испорченностію. Какъ бы, впрочемъ, то ни было, но во всякомъ случаѣ Угрюмова оказывается искательницею приключеній, неразборчивою на средства, которыя она искала не только въ обыденной жизни, но и въ политической сферѣ.

Обстоятельства же дѣла, называемаго императрицею Екатериною «ненавистнымъ», заключались въ слѣдующемъ:

Въ 1782 году къ одному изъ первыхъ польскихъ вельможъ, коронному стольнику, графу Августу Мошинскому, явилась въ Варшавѣ Угрюмова, жена офицера русской службы, и заявила графу, что она нарочно пріѣхала въ Варшаву съ тѣмъ, чтобы предостеречь короля отъ угрожающей ему опасности. При этомъ Угрюмова сказала, что у нея есть чрезвычайно важная тайна, которую она можетъ сообщить только самому королю, почему и настаивала на томъ, что ей необходимо видѣться лично съ его величествомъ. Графъ Мошинскій убѣждалъ Угрюмову, чтобы она предварительно передàла ему эту тайну, и Угрюмова, только послѣ упорныхъ и неоднократныхъ отказовъ, рѣшилась на это. Тогда она сообщила Мошинскому, что противъ короля составляется заговоръ. Послѣ этого король согласился видѣть Угрюмову и встрѣтился съ нею у Мошинскаго, но не могъ добиться отъ нея ничего опредѣленнаго. Станиславъ-Августъ усомнился въ вѣрности доноса, сдѣланнаго Угрюмовой, но тѣмъ не менѣе приказалъ выдать ей 50 дукатовъ. Угрюмова отказалась отъ этой награды, заявивъ, что она рѣшительно ни въ чемъ не

нуждается, но король настоялъ на принятіи назначенной ей суммы. Какъ на главныхъ заговорщиковъ, Угрюмова указала тогда на великаго гетмана графа Ксаверія Браницкаго, на отставнаго литовскаго подскарбія Тизенгауза и на извѣстнаго въ свое вреся богача-пройдоху графа Понинскаго. Лица эти вообще, а изъ нихъ во особенности великій гетманъ, считались сторонниками Екатерины, и это обстоятельство, при тогдашнемъ настроеніи умовъ въ Польшѣ и при положеніи, занятомъ магнатскими партіями, а также вслѣдствіе разсказа Угрюмовой о томъ, что о составлявшемся противъ короля заговорѣ она узнала въ Петербургѣ, должны были произвести не совсемъ пріятное впечатлѣніе на Екатерину.

По прошествіи нѣкотораго времени Угрюмова сообщила Мошинскому, что ей для открытія заговора необходимо ѣхать въ Литву, въ мѣстечко Ораны, а также въ Пулавы, почему и просила выдать ей на путевыя издержки 200 дукатовъ. Потому ли что Станиславъ-Августъ не слишкомъ вѣрилъ доносу Угрюмовой или, что̀ вѣроятнѣе, по неимѣнію имъ въ то время денегъ, Угрюмовой было отказано въ выдачѣ просимой ею суммы. Тогда она отстала отъ короля и все дѣло само собою заглохло, такъ какъ со стороны Станислава-Августа ему не было дано никакого хода.

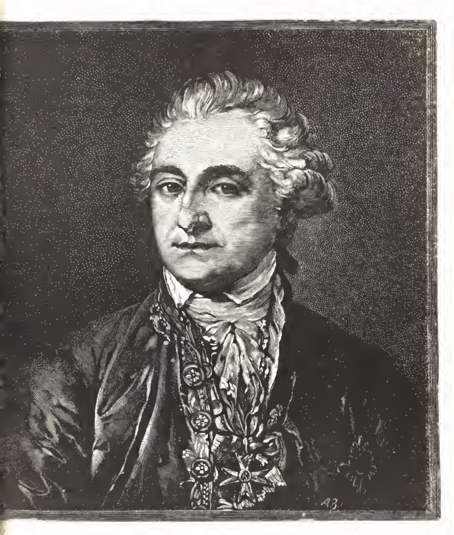
Въ 1784 году, передъ отъѣздомъ короля на сеймъ въ Гродно, Угрюмова отправилась туда же. Тамъ явилась она къ королевскому камердинеру, старо̀стѣ Пясоченскому, Рыксу. пользовавшемуся особенною любовью и полнымъ довѣріемъ Станислава-Августа, и передала Рыксу, что генералъ земель Подольскихъ, князь Адамъ Чарторижскій участвуетъ въ заговорѣ противъ короля *). Рыксъ доложилъ объ этомъ королю, но король, помня, что онъ имѣлъ уже однажды дѣло съ Угрюмовой, не обратилъ на новый ея доносъ никакого вниманія. Тѣмъ не менѣе преданный королю Рыксъ посмотрѣлъ на это иначе и свелъ Угрюмову съ генераломъ Комажев-

*) Званіе старо̀сты пользовалось въ Польшѣ большимъ почетомъ. Старо̀сты владѣли значительными помѣстьями, данными имъ отъ короля въ пожизненное владѣніе. Генераломъ земель подольскихъ именовался сановникъ, владѣвшій двумя старо̀ствами: Каменецкимъ и Летичевскимъ. По присоединеніи Подоліи къ Россіи, старо̀ства эти были пожалованы въ потомственное владѣніе графу Маркову.

скимъ, однимъ изъ первыхъ любимцевъ Станислава-Августа. Угрюмова сообщила Комажевскому, что заговорщики сперва хотѣли отравить короля, а теперь хотятъ убить его гдѣ случится, на улицѣ, въ костелѣ или на сеймѣ. Для удостовѣренія же въ справедливости своихъ показаній, Угрюмова сказала Комажевскому, что она любовница подскарбія Тизенгауза, у котораго и вывѣдала случайно о составляющемся противъ короля заговорѣ.

Слухъ о злоумышленіи князя Адама Чарторижскаго противъ Станислава-Августа не могъ не встревожить императрицу Екатерину, но не по той причинѣ, по которой ей это было бы непріятно узнать объ участіи гетмана Браницкаго въ заговорѣ противъ короля. Екатерина постоянно видѣла въ князѣ Адамѣ Чарторижскомъ соперника опаснаго для Понятовскаго, посаженнаго ею на королевскій престолъ; да и вообще партію князя Адама Чарторижскаго императрица Екатерина считала вредною для интересовъ русской политики въ Польшѣ. Еще въ 1783 году, когда Екатерина узнала, что принцъ Людвигъ Виртембергскій располагаетъ жениться на дочери Чарторижскаго, княжнѣ Маріи, она выразила родственникамъ принца свое неудовольствіе относительно предстоящаго брака, но когда свадьба эта состоялась даже безъ вѣдома императрицы, то подозрѣніе ея на счетъ замысловъ Чарторижскаго усилилось еще болѣе. Выговаривая Стакельбергу за то, что онъ не донесъ ей своевременно о состоявшемся супружествѣ принца съ княжною, Екатерина предписывала ему, чтобы онъ, наблюдая за всѣми поступками князя Чарторижскаго и его родственниковъ или «согласниковъ», «старался отвратить всякое дѣйствіе, которое могло бы только клониться къ проложенію дороги ему, или новобрачному, къ выбору на польскій престолъ, въ случаѣ ваканціи онаго, ибо то—добавляла Екатерина—отнюдь не согласуетъ съ видами моими».

Между тѣмъ смерть Понятовскаго отъ даннаго ему яда, т. е. такая смерть, которая не обнаружила бы тайнаго убійцы, открывала бы ваканцію на польскомъ престолѣ, и тогда легко могло бы осуществиться то, что было несогласно съ видами императрицы. Поэтому вѣсть о злоумышленіи князя Адама Чарторижскаго на жизнь короля и должна была бы быть

КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ СТАНИСЛАВЪ-АВГУСТЪ ПОНЯТОВСКІЙ.

Съ современнаго гранированнаго портрета Пихлера.

принята Екатериною, какъ предвѣстіе тайныхъ его происковъ во вредъ Станиславу-Августу. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что съ перваго раза доносъ Угрюмовой на Чарторижскаго прошелъ по Польшѣ только глухою молвою, не вызвавъ никакихъ особыхъ тревогъ. Съ своей стороны Рыксъ и Комажевскій поручили полковнику Азулевичу тщательно охранять особу короля отъ всякаго покушенія на его жизнь, но гродненскій сеймъ миновалъ благополучно. Вскорѣ, однако, дѣло приняло иной оборотъ, который, въ свою очередь, тоже встревожилъ Екатерину.

Объ участіи князя Чарторижскаго въ заговорѣ противъ короля Угрюмова сообщала Рыксу и Комажевскому въ октябрѣ 1784 года, а затѣмъ, 11-го января слѣдующаго 1785 года, къ князю Адаму явился проживавшій въ Варшавѣ англійскій негоціантъ Тейлоръ и предупредилъ князя, что у него есть опасные враги, задумавшіе отравить его ядомъ, и для того, чтобъ Чарторижскій могъ убѣдиться въ справедкивости этого, Тейлоръ пригласилъ князя къ себѣ вечеромъ, обѣщая познакомить его съ одной особой, которая можетъ открыть ему всѣ подробности этого злоумышленія. Князь Чарторижскій повѣрилъ разсказу Тейлора и, взявъ съ собою надворнаго литовскаго маршала Игнатія Потоцкаго, женатаго на его племянницѣ, отправился къ Тейлору, у котораго и встрѣтился съ Угрюмовой. Угрюмова разсказала Тейлору, что нѣсколько дней тому назадъ старо́ста Рыксъ и генералъ Комажевскій пріѣхали къ ней и послѣ разговора, показавшагося ей довольно страннымъ, спросили ее, готова ли она будетъ исполнить то, чего отъ нея потребуютъ? Когда же Угрюмова положительно отвѣтила на это, то Комажевскій предложилъ ей, чтобы она дала проглотить Чарторижскому то, что находилось въ бумажкѣ, лежавшей у него, Комажевскаго, въ карманѣ, а Рыксъ предложилъ ей заманить Чарторижскаго въ любовныя сѣти и затѣмъ, когда князь, поддавшись ея искушеніямъ, останется у нея ночевать, заколоть его кинжаломъ. Угрюмова, какъ разсказывала она князю, согласилась на это предложеніе, но, боясь послѣдствій, да и не желая быть убійцею, рѣшилась передать объ этомъ, сдѣланномъ ей, подговорѣ самому князю. Чарторижскій нѣсколько усомнился въ достовѣрности этого разсказа и предложилъ Угрюмовой отъ

себя 200 дукатовъ, если она отречется отъ своего разсказа. При этомъ князь разсчитывалъ на то, что если все разсказанное Угрюмовою только собственная ея выдумка, то ей, стѣсненной въ ту пору въ денежныхъ дѣлахъ, будетъ гораздо выгоднѣе получить тотчасъ же довольно значительную сумму, нежели пускаться въ спекуляцію, успѣхъ которой для нея не вполнѣ обезпеченъ. Но Угрюмова подтвердила свой разсказъ, и тогда князь окончательно убѣдился въ справедливости ея сообщенія. Онъ потребовалъ отъ нея письменнаго заявленія, относительно всего разсказаннаго ею, и Угрюмова при немъ и Тейлорѣ написала собственноручно требуемое Чарторижскимъ заявленіе, добавивъ къ этому на письмѣ же, что Комажевскій, подговаривая ее отравить Чарторижскаго, сказалъ, между прочимъ, чтобъ она въ этомъ случаѣ смотрѣла на него, Комажевскаго, какъ на самаго короля. Подъ этимъ заявленіемъ Угрюмова подписалась: «Марія-Тереза, маіорша д'Огрюмова, рожденная баронесса фонъ-Лаутенбургъ» *).

Получивъ въ руки упомянутое заявленіе, Чарторижскій предложилъ маіоршѣ, чтобъ она пригласила къ себѣ записской Рыкса, а между тѣмъ братъ Игнатія Потоцкаго, Станиславъ, и Тейлоръ должны были засѣсть въ сосѣдней комнатѣ въ засадѣ и подслушать разговоръ, который будетъ происходить между Угрюмовой и Рыксомъ. Планъ этотъ былъ исполненъ, и когда Рыксъ пришелъ къ Угрюмовой, то она въ заведенномъ ею съ нимъ разговорѣ спросила его: «желаетъ-ли онъ, чтобъ она отравила Чарторижскаго?» на этотъ вопросъ Рыксъ радостно отвѣтилъ: «браво, браво!» Тогда Потоцкій и Тейлоръ вышли съ пистолетами изъ-за засады, схватили Рыкса и самовольно, безъ участія властей, арестовавъ и его и Угрюмову, отправили эту послѣднюю въ домъ маршальши княгини Любомирской, которая обходилась съ нею чрезвычайно ласково и даже подарила ей 500 дука-

*) Въ примѣчаніи, находящемся въ статьѣ, о которой мы уже упоминали, говорится, на основаніи только польскихъ источниковъ, что фамилія доносчицы должна быть Угрюмова, но, въ виду писемъ императрицы Екатерины, фактъ этотъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. По всей вѣроятности, Угрюмова, подписываясь по-французски, прибавляла къ своей русской фамиліи дворянскую частичку «де», отчего и выходило d'Ugrumow, а затѣмъ фамилія эта обратилась въ Dogrumow, такъ какъ такое ея произношеніе болѣе подходитъ къ польскому выговору.

товъ. По сообщеніи же Потоцкаго о злоумышленіи Комажевскаго, генералъ былъ арестованъ великимъ маршаломъ Мнишкомъ въ театрѣ, гдѣ онъ сидѣлъ тогда въ королевской ложѣ. Такимъ образомъ дѣло это съ самаго начала получило громкую огласку, и вѣсть о случившемся разнеслась быстро по всей Польшѣ. Между тѣмъ Чарторижскій, основываясь на письменномъ заявленіи Угрюмовой, а также на свидѣтельскихъ показаніяхъ Станислава Потоцкаго и Вильгельма Тейлора, началъ уголовный процессъ противъ Рыкса и Комажевскаго, обвиняя ихъ въ намѣреніи отравить его. Поступая такимъ образомъ противъ первыхъ любимцевъ Станислава-Августа и самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, Чарторижскій, безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ прежде всего въ виду надѣлать не мало хлопотъ и непріятностей самому королю, замѣшанному, заявленіемъ Комажевскаго, до нѣкоторой степени въ это уголовное дѣло.

Если по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя мы привели выше, заговоръ графа Браницкаго и князя Чарторижскаго противъ Понятовскаго долженъ былъ произвести на Екатерину непріятное впечатлѣніе, то тѣмъ болѣе долженъ былъ встревожить ее тотъ оборотъ, какой принимало настоящее дѣло послѣ новаго заявленія Угрюмовой. Теперь король Станиславъ-Августъ, покровительствуемый императрицею, являлся въ глазахъ поляковъ и даже всей Европы гнуснымъ посягателемъ на жизнь своего двоюроднаго брата, подозрѣваемаго въ тайныхъ ковахъ. Чарторижскій съ своей стороны написалъ королю рѣзкое, укорительное письмо, уѣхалъ изъ Варшавы и, даже вовсе оставивъ Польшу, отправился въ Вѣну и тамъ вступилъ въ службу римско-нѣмецкаго императора. Этимъ отъѣздомъ и объясняются сношенія русскаго двора съ вѣнскимъ относительно «подвиговъ» Чарторижскаго по «ненавистному» дѣлу Угрюмовой. Екатерина разсчитывала на то, что императоръ, оказавшій особенное благоволеніе князю Чарторижскому, можетъ сильнѣе другихъ повлiять на него и отговорить его отъ возбужденія вновь процесса Угрюмовой, въ которомъ король являлся лицомъ, прикосновеннымъ къ дѣлу. Между тѣмъ враги Станислава-Августа не замедлили тотчасъ же направить противъ него это дѣло. Они объясняли, что такъ какъ прежде ходили слухи о томъ, будто Чарто-

рижскій составляетъ заговоръ противъ короля, то теперь король съ своей стороны, чтобъ отдѣлаться отъ Чарторижскаго, задумалъ поднести ему отраву при содѣйствіи Угрюмовой. Въ одной изъ многочисленныхъ брошюръ, явившихся вскорѣ послѣ начатія дѣла Угрюмовой, король прямо былъ обвиняемъ въ намѣреніи отравить Чарторижскаго, при чемъ упоминалось, что онъ еще и прежде пользовался подобными злодѣйскими услугами Угрюмовой, и что ею было уже изведено посредствомъ отравы шестнадцать разныхъ лицъ, которыя и высчитывались въ брошюрѣ поимянно. Такимъ образомъ дѣло Угрюмовой приняло политическій характеръ и Екатерина могла предусматривать, что въ Рѣчи Посполитой завязывается сильная борьба между партіею короля, согласовавшагося съ видами императрицы, и партіею князя Адама Чарторижскаго, отличившагося совершенно инымъ направленіемъ. Екатерина не могла не предвидѣть, что страшное обвиненіе, поднятое Чарторижскимъ, не только противъ людей, приближенныхъ къ Станиславу-Августу, но и противъ него самого, неминуемо взволнуетъ всю Польшу, политическая жизнь которой, хотя и слишкомъ бурная, была, однако, чужда до тѣхъ поръ тайнаго изведенія личностей, опасныхъ правительству. Императрица не могла не подумать о томъ, что Чарторижскій явится теперь въ глазахъ магнатовъ и шляхты жертвою, обреченною на смерть, за образъ своихъ дѣйствій, клонившихся къ тому, чтобы разстроить замыслы русской политики въ Польшѣ и поддержать независимость Рѣчи Посполитой отъ вліянія на нее со стороны Россіи. Зная настроеніе умовъ въ Польшѣ, Екатерина могла предполагать, что Станиславъ-Августъ, вслѣдствіе процесса Угрюмовой, можетъ пошатнуться на своемъ и такъ уже не слишкомъ прочномъ престолѣ и что тогда если и не исчезнутъ, то всетаки замедлятъ созрѣть результаты долголѣтней русской политики въ Польшѣ. Дѣйствительно, когда разнеслась вѣсть о посягательствѣ короля на жизнь князя Чарторижскаго, вся Польша пришла въ бурное движеніе, и движеніе это, конечно, не было направлено въ пользу Россіи.

Если вообще подобнаго рода поступокъ долженъ былъ набросить тѣнь на королевское достоинство, то онъ въ отношеніи къ Чарторижскому принималъ особое значеніе. Князь

Адамъ Чарторижскій, и по рожденію, и по богатству, и по близкой кровной связи съ королемъ, занималъ въ Польшѣ едва-ли не самое видное мѣсто. Родня его, еще съ самаго его дѣтства, предназначала князя Адама въ короли польскіе, и въ прежнее время, по внушенію ея, молодой Чарторижскій ѣздилъ довольно часто въ Петербургъ, чтобъ снискать тамъ себѣ расположеніе императрицы Елисаветы Петровны, политика которой не представляла для Польши никакой серьезной опасности. Петръ III оказывалъ князю Чарторижскому особенную благосклонность и, не долюбливая, по извѣстнымъ ему обстоятельствамъ, Понятовскаго, желалъ видѣть королемъ польскимъ Чарторижскаго, и даже обѣщалъ ему свое содѣйствіе для достиженія польскаго престола въ случаѣ смерти короля Августа III. Понявъ къ чему клонится политика императрицы Екатерины въ отношеніи Польши, князь Чарторижскій прекратилъ впослѣдствіи всякую связь съ петербургскимъ дворомъ и, явившись представителемъ старой Польши и противникомъ русскаго вліянія на дѣла Рѣчи Посполитой, пользовался поэтому среди польскихъ патріотовъ огромнымъ вліяніемъ. Все это не могло располагать Екатерину въ пользу Чарторижскаго, котораго процессъ Угрюмовой выдвигалъ теперь на слишкомъ видное мѣсто, какъ жертву королевскаго коварства, и который для своей поддержки былъ въ состояніи выставить сильную и многочисленную партію, враждебно настроенную противъ Россіи.

Съ юридической точки зрѣнія судебный процессъ Угрюмовой чрезвычайно замѣчателенъ *) для того времени: онъ былъ веденъ гласно, при участіи обвинительной власти, защитниковъ Рыкса, Комажевскаго и Угрюмовой, какъ обвиняемыхъ, и адвоката со стороны князя Чарторижскаго, какъ главнаго обвинителя. Рѣчи участвовавшихъ въ судебномъ засѣданіи лицъ отличаются превосходною обработкою слога

*) Лучше всего процессъ этотъ изложенъ въ двухъ французскихъ брошюрахъ, вышедшихъ въ 1785 году. Изъ нихъ одна подъ заглавіемъ: «Recueil de pièces rélatives au procés entre S. A. le prince Adam Czartoryski accusateur ét M. M. Komarzewski et Ryx accusés du crime d'empoisonnement». Тутъ же помѣщенъ и декретъ трибунала. Другая брошюра имѣетъ заглавіе: «Observations sur un libelle, qui a pour le titre: premier et second eclaircissements réels sur le procès du prince géneral de Podolie Adam Czartoryski».

и утонченностію доводовъ и со стороны обвинителей, и со стороны защитниковъ, но мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ этого процесса. Скажемъ только, что защитники Рыкса и Комажевскаго доказывали, что никакого злаго умысла на жизнь Чарторижскаго не было; они ссылались и на то, что Станиславъ Потоцкій и Тейлоръ придали подслушаннымъ ими словамъ Рыкса и Угрюмовой такой смыслъ, какого они вовсе не имѣли, и, наконецъ, защитники обвиняемыхъ вовсе отвергли, на основаніяхъ тогдашняго польскаго законодательства, показанія Игнатія и Станислава Потоцкихъ, какъ такихъ лицъ, которыя, по многимъ причинамъ, не могли быть признаны имовѣрными свидѣтелями, и обвиняли князя Чарторижскаго въ клеветѣ не только на Рыкса и Комажевскаго, но и на самаго короля. Защитникъ Угрюмовой доказывалъ, что со стороны ея никакой интриги не было и что она показывала сущую правду; Угрюмова же не только подтверждала тѣ обстоятельства, о которыхъ мы уже говорили, но заявляла еще, что Рыксъ уже и прежде звалъ ее въ Гродно за тѣмъ, чтобы оказать королю чрезвычайно важную услугу и обѣщалъ ей 1,000 дукатовъ единовременно, 500 дукатовъ ежегодной пожизненной пенсіи, а также и помѣстье, если только она съумѣетъ войти въ сношенія съ однимъ лицомъ, переписывавшимся съ княземъ Чарторижскимъ. Но такъ какъ, по словамъ Угрюмовой, ей не удалось исполнить это, то Рыксъ оставилъ ее въ Гродно и послѣ того явился къ ней въ Варшавѣ съ тѣмъ ужаснымъ предложеніемъ, о которомъ она не замедлила сообщить князю Чарторижскому.

Что касается маіора Угрюмова, то онъ явился на судъ только въ качествѣ свидѣтеля. Маіоръ показалъ, что послѣ возвращенія его жены изъ Гродно, Рыксъ и Комажевскій были у нея два раза, и что когда они пришли къ ней въ послѣдній разъ, то онъ, Угрюмовъ, встрѣтился съ ними и отрекомендовался имъ какъ мужъ хозяйки дома. «Послѣ того— продолжалъ Угрюмовъ—жена моя поговорила нѣсколько минутъ съ этими господами и показала имъ какое-то письмо, копію съ котораго снялъ Комажевскій. Затѣмъ они разговаривали между собою, но я—продолжалъ Угрюмовъ — не видѣлъ, чтобы Комажевскій показывалъ ей что нибудь написанное или чтобы онъ далъ женѣ моей какой нибудь паке-

тикъ. Во время ихъ разговора я вышелъ изъ комнаты, чтобы приказать слугѣ принести письменныя принадлежности. Когда же разговоръ кончился, то Комажевскій сказалъ мнѣ, что нигдѣ нѣтъ такихъ строгихъ законовъ, какъ въ Польшѣ; но, добавилъ онъ, жена ваша не знаетъ ихъ, а между тѣмъ въ такихъ дѣлахъ надобно дѣйствовать крайне осторожно, потому что безъ ясныхъ доказательствъ никакія словесныя показанія не могутъ имѣть у насъ силы. Затѣмъ онъ упомянулъ о королѣ Сигизмундѣ, какъ о строгомъ государѣ. Когда же они ушли, я спросилъ жену, о чемъ она говорила съ ними. На мой вопросъ она отвѣчала: «вы не понимаете по-французски, а мнѣ скучно было бы растолковывать вамъ все это».

Послѣ такого показанія, маіоръ Угрюмовъ былъ освобожденъ отъ дальнѣйшихъ допросовъ, но такъ какъ данныя имъ на судѣ показанія, о передачѣ его женѣ Комажевскимъ яда, противорѣчили ея собственнымъ показаніямъ, то обстоятельство это и послужило главнымъ основаніемъ къ обвиненію ея въ клеветѣ на Комажевскаго.

15-го марта 1785 года состоялся приговоръ трибунала, судившаго Угрюмову, Рыкса и Комажевскаго. Въ приговорѣ этомъ излагалось, что сообщеніе, сдѣланное Угрюмовою Чарторижскому 14-го января, противорѣчитъ ея показаніямъ, что оно не подтверждается ни слѣдствіемъ, ни допросомъ, и что, наконецъ, оно ложно въ самыхъ главныхъ основаніяхъ, что порошокъ, будто бы данный ей Комажевскимъ, не ядъ; да при томъ и самый порошокъ не былъ ей вовсе переданъ ни Комажевскимъ, ни Рыксомъ, и что разговоръ этого послѣдняго съ Угрюмовой, подслушанный Потоцкимъ и Тейлоромъ, не имѣлъ совсѣмъ того смысла, какой они сами ему придали. По этимъ соображеніямъ, трибуналъ освободилъ Рыкса и Комажевскаго отъ всякаго обвиненія въ покушеніи на отравленіе Чарторижскаго, но тѣмъ не менѣе приговорилъ Рыкса къ полугодичному заключенію, собственно за сношенія его съ обвиненной. Сдѣланныя же Угрюмовою на счетъ Рыкса и Комажевскаго заявленія онъ призналъ ложью и клеветою, и запретилъ упоминать объ этомъ подъ страхомъ наказанія. Князь Адамъ Чарторижскій былъ приговоренъ къ 60-ти польскимъ маркамъ пени въ пользу Рыкса и Комажевскаго. Что же касается Маріи Угрюмовой, присвоившей себѣ разныя

имена и обвиненной въ мошенничествѣ, кражѣ, а также и въ злостномъ вымыслѣ о составлявшемся будто противъ короля заговорѣ и о злоумышлени на жизнь князя Чарторижскаго, то трибуналъ присудилъ ее къ выставкѣ у позорнаго столба въ Старомъ-городѣ, къ наложенію ей на лѣвую лопатку, чрезъ палача, раскаленнымъ желѣзомъ клейма съ изображеніемъ висѣлицы и къ содержанію въ вѣчномъ, безъисходномъ заточеніи.

Тейлоръ былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на шесть мѣсяцевъ за вооруженное нападеніе на старосту пясочинскаго Рыкса.

Приговоръ, постановленный надъ Угрюмовой, былъ приведенъ въ исполненіе 21-го апрѣля 1785 г. При этомъ, въ виду ея, были сожжены написанное ею для Чарторижскаго сознаніе и брошюры, изданныя въ защиту ея и въ обвиненіе Рыкса, Комажевскаго, а также и самого короля.

Спустя нѣсколько дней по исполненіи приговора, Угрюмова была отвезена въ Данцигъ для пожизненнаго заключенія въ тамошней крѣпости. Неизвѣстно получила-ли она впослѣдствіи помилованіе или же ей удалось какимъ нибудь способомъ убѣжать изъ данцигской крѣпости. Извѣстно только, что, по минованіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ исполненія приговора, она появилась въ имѣніи князя Адама Чарторижскаго, Пелкиняхъ, и была еще жива въ 1830 году.

Казалось бы, что послѣ судебнаго оправданія Рыкса и Комажевскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣ наказанія Угрюмовой, какъ клеветницы, и взысканія пени съ Чарторижскаго должно было окончиться все поднятое ею дѣло. Мы видѣли, однако, что императрица Екатерина озабочивалась имъ и послѣ этого. Хотя оправдательный приговоръ трибунала въ пользу Рыкса и Комажевскаго уничтожалъ обвиненіе, взведенное на короля, но тѣмъ не менѣе въ общественномъ мнѣніи подозрѣніе, павшее однажды на Станислава-Августа, не искоренилось окончательно и противная ему партія распускала слухи, что Угрюмова была права въ томъ отношеніи, что король, при содѣйствіи ея, на самомъ дѣлѣ хотѣлъ избавиться отъ князя Адама посредствомъ отравы. Говорили, что многіе члены трибунала не были согласны на постановленіе обвинительнаго приговора противъ Угрюмовой и оправдательнаго въ

пользу Рыкса и Комажевскаго, и что только вліяніе королевской партіи побудило ихъ къ этому. Не мало говору возбуждало и то еще обстоятельство, что послѣ заарестованія Угрюмовой, всѣ ея бумаги попали въ руки князя Іосифа Понятовскаго, родного брата короля. Это давало поводъ говорить, что въ захваченныхъ княземъ Понятовскомъ бумагахъ были такія, при помощи которыхъ легко было бы распутать весь узелъ и добраться до самаго короля, но что князь Понятовскій уничтожилъ ихъ. Вообще дѣло Угрюмовой оставило послѣ себя чрезвычайно усиленное раздраженіе въ партіи, противной королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Россіи. Съ своей стороны императрица Екатерина понимала, что хотя пожаръ и погасъ, но что оставшіяся отъ него подъ пепломъ искры еще тлѣли, и что сеймовая буря легко могла раздуть ихъ снова и надѣлать не мало бѣды Станиславу-Августу, покорствовавшему предъ русской государыней. Въ виду всего этого, Екатерина поручала графу Стакельбергу замять окончательно дѣло Угрюмовой, и старалась при посредствѣ вѣнскаго двора утишить князя Чарторижскаго, который, оставаясь недоволенъ рѣшеніемъ трибунала, намѣревался поднять вопросъ о процессѣ Угрюмовой на предстоявшемъ тогда сеймѣ, и мы уже видѣли, что Чарторижскій могъ быть опаснымъ противникомъ короля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и екатерининской политики въ Польшѣ.

Независимо отъ этого, императрица, стараясь заглушить дѣло Угрюмовой, имѣла въ виду и другую еще цѣль. Возбужденіе этого дѣла вновь затронуло бы ближайшимъ образомъ и графа Браницкаго, такъ какъ и онъ былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, на которыхъ доносила Угрюмова, какъ на злоумышленниковъ противъ королевской особы. Между тѣмъ Браницкій, женатый на родной племянницѣ князя Потекина-Таврическаго, былъ однимъ изъ главныхъ сторонникомъ Россіи въ Польшѣ, и партія его на столько поддерживала интересы Россіи въ Польшѣ, что называлась гетманской или потемкинской партіею. Вообще Ксаверій Браницкій пользовался особымъ расположеніемъ Екатерины, по старанію которой онъ, въ 1774 году, получилъ во владѣніе богатое и обширное помѣстье — Бѣлую Церковь. Между тѣмъ возобновленіе процесса Угрюмовой и соприкосновеніе къ нему гетмана Бра-

ницкаго легко могло вызвать ожесточенную борьбу между гетманомъ и королемъ, или, говоря иначе, раздѣлить русскую партію на два враждебные лагеря; а между тѣмъ Екатеринѣ не хотѣлось рязъединять такимъ образомъ своихъ силъ въ Польшѣ. Могло случиться и то, что при общемъ нерасположеніи къ Браницкому поляковъ и господствовавшей къ нему, въ особенности за подавленіе барской конфедераціи, общей ненависти въ апти-русской партіи, онъ по дѣлу Угрюмовой легко могъ быть обвиненъ, а потому и долженъ былъ бы лишиться своего высокаго оффиціальнаго положенія въ Польшѣ. По всей вѣроятности, онъ даже самъ предвидѣлъ возможность такого неблагопріятнаго для него исхода, и подъ вліяніемъ этого просилъ содѣйствія императрицы для того, чтобы имя его было исключено изъ процесса Угрюмовой. Екатерина, какъ и слѣдовало ожидать, постаралась оградить своего приверженца отъ угрожавшихъ ему непріятностей, и пользуясь процессомъ Угрюмовой, зоботилась о томъ, чтобъ сблизить гетмана съ королемъ. Поручая графу Стакельбергу хлопотать, чтобы желаніе Браницкаго было исполнено, Екатерина «принимала за благо всѣ увѣренія, кои онъ о своей вѣрности и усерди къ его величеству и ко всему, что благо прямое республики польской составляетъ, и удостоивала его во всякомъ случаѣ своего благоволенія и покровительства». Въ другомъ письмѣ къ графу Стакельбергу, Екатерина выражала надежду, что и самъ графъ Браницкій не подниметъ дѣла Угрюмовой, и что онъ, «вѣдая къ себѣ особенное ея благоволеніе, не только не учинитъ подвига вопреки ея желанію, но еще, по усердію его къ ней, будетъ способствовать къ успокоенію духовъ тамошнихъ и къ утвержденію всего, что можетъ обратиться въ замѣшательство». Наконецъ, въ третьемъ письмѣ Екатерина, выразивъ графу Стакельбергу свое желаніе, дабы извѣстное ненавистное дѣло Угрюмовой не было поводомъ къ безпокойствамъ и смятеніямъ, упоминаетъ о томъ, что ей представленъ отъ великаго гетмана короннаго графа Браницкаго проектъ артикула конституціи «для отвращенія и малѣйшаго сомнѣнія въ вѣрности его королю и отечеству, составленный въ умѣренныхъ и благопристойныхъ выраженіяхъ». «Мы поручаемъ вамъ—писала Екатерина Стакельбергу—чтобы дѣло сіе, какъ съ одной стороны сходственно съ желаніемъ корон-

наго гетмана, такъ и съ другой со всевозможнымъ предохраненіемъ тишины на сеймѣ, распоряжено было, о чемъ вы съ нимъ откровенно изъяснитесь и положите на мѣрѣ».

Письмо это было писано 28-го августа 1786 года, и вскорѣ затѣмъ желаніе императрицы исполнилось, такъ какъ бывшій въ томъ же году сеймъ постановилъ о преданіи дѣла Угрюмовой вѣчному забвенію.

ГЕРЦОГИНЯ КИНГСТОНЪ.

I.

Въ 1738 году при дворѣ принцессы уэльской, матери будущаго короля великобританскаго, Георга II, явилась осемнадцатилѣтняя фрейлина миссъ Елизавета Чэдлей, дочь полковника англійской службы, родомъ изъ графства Девонширскаго. Одинъ изъ предковъ ея, храбрый морякъ, участвовалъ въ сраженіи англійскаго флота съ Непобѣдимою Армадою короля испанскаго Филиппа II. Своею плѣнительною наружностью, а также острымъ и игривымъ умомъ, она тотчасъ же привлекла къ себѣ толпу самыхъ восторженныхъ и страстныхъ поклонниковъ. Молва гласила, что во всемъ Соединенномъ королевствѣ не было ни одной дѣвицы, ни одной женщины, которая могла бы не только поспорить, но и равняться красотою съ плѣнительною Елизаветою Чэдлей. Крестьяне той мѣстности, въ которой росла миссъ Елизавета, называли ее волшебницей, разсказывая, что красота ея обаятельна до такой степени, что не только домашнія животныя, но и дикіе звѣри безъ зова приближаются и ласкаются къ ней. Въ числѣ поклонниковъ этой необыкновенной красавицы, во время пребыванія ея въ Лондонѣ, явился молодой герцогъ Гамильтонъ. Неопытная дѣвушка скоро попала въ сѣти, разставленныя ей ловкимъ волокитою, и предалась ему со всѣмъ пыломъ первой любви. Герцогъ воспользовался этимъ и затѣмъ — какъ нерѣдко водится — не смотря на свои прежнія увѣренія,

обѣщанія и клятвы жениться на ней, обманулъ ее, уклонившись отъ брака съ обольщенной имъ дѣвушкою подъ разными вымышленными имъ предлогами. Впрочемъ, сама миссъ Елизавета, въ краткой своей біографіи, передаетъ исторію первой своей любви нѣсколько иначе: ей сообщили, что Гамильтонъ влюбился въ другую. Сообщеніе это, быть можетъ, было вымышлено врагами жениха, но молва объ его невѣрности до того сильно подѣйствовала на молодую дѣвушку, что она въ письмѣ своемъ къ герцогу отказалась отъ брака съ нимъ, но тѣмъ не менѣе она во всю жизнь не могла забыть предмета своей первой сердечной страсти.

Жестоко разочарованная въ первой своей любви, миссъ Елизавета, въ 1744 году, обвѣнчалась съ влюбившимся въ нее капитаномъ Гервеемъ, братомъ графа Бристоля. Такъ какъ бракъ этотъ былъ совершонъ противъ воли родителей Гервея и миссъ Елизавета не хотѣла потерять званіе фрейлины при дворѣ принцессы уэльской, то молодая чета сохранила бракъ въ непроницаемой тайнѣ. Связь же Елизаветы съ герцогомъ Гамильтономъ не была никому извѣстна, а потому самые богатые и знатные женихи Англіи продолжали по прежнему искать руки красавицы и всѣ удивлялись, почему молоденькая миссъ, не имѣвшая никакого наслѣдственнаго состоянія, отказывалась такъ упорно отъ самыхъ блестящихъ предстоявшихъ ей замужествъ. Тайные супруги жили, однако, между собою не слишкомъ ладно. У нихъ начались, съ перваго же дня супружества, размолвки, а потомъ ссоры, вскорѣ обратившіяся въ непримиримую вражду. Миссисъ Елизавета сочла за лучшее разлучиться съ мужемъ и чтобы скрыться, какъ отъ него, такъ и отъ наскучившаго ей лондонскаго общества, отправилась путешествовать по Европѣ. Во время этого непродолжительнаго, впрочемъ, путешествія, она побывала въ Берлинѣ и Дрезденѣ. Въ столицѣ Пруссіи король Фридрихъ Великій, а въ столицѣ Саксоніи курфирстъ и король польскій Августъ III, въ особенности же его жена, оказали миссисъ Гарвей или миссъ Чэдлей чрезвычайное вниманіе. Фридрихъ Великій до такой степени былъ увлеченъ ею, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ съ нею постоянную переписку. Недостатокъ денежныхъ средствъ принудилъ ее отказаться отъ дальнѣйшаго путешествія по Европѣ и она

вскорѣ возвратилась въ Англію, но оказалось, что здѣсь ей невозможно было оставаться. Разгнѣванный противъ нея мужъ не только что сталъ дурно обращаться съ нею, но и грозилъ ей, что онъ о тайномъ ихъ бракѣ объявитъ принцессѣ уэльской, подъ покровительствомъ которой состояла Елизавета, считавшаяся по прежнему, какъ незамужняя, въ числѣ фрейлинъ принцессы. При этой угрозѣ капитанъ встрѣтилъ однако въ своей молодой супругѣ ловкую и смѣлую противницу.

Узнавъ, что пасторъ, который вѣнчалъ ее съ Гервеемъ, уже умеръ и что церковныя книги того прихода, гдѣ она вѣнчалась, находились въ рукахъ его преемника, человѣка довѣрчиваго и безпечнаго, миссъ Елизавета отправилась къ нему и попросила у него позволенія сдѣлать въ этихъ книгахъ какую-то пустую справку. Не подозрѣвая въ такой просьбѣ ничего злонамѣреннаго, пасторъ охотно разрѣшилъ миссъ Елизаветѣ просмотрѣть церковныя книги и въ то время, когда пріятельница ея занимала болтливаго пастора интереснымъ для него разговоромъ, сама она вырвала тайкомъ изъ книги ту страницу, на которой былъ запитанъ актъ объ ея бракѣ. Возвратившись домой, она преспокойно объявила мужу, что никакихъ слѣдовъ ихъ брака не существуетъ, что она считаетъ теперь себя совершенно свободною, что онъ, если желаетъ, можетъ заявить объ ихъ бракѣ и принцессѣ, и вообще кому угодно, но что онъ никакими доказательствами не подтвердитъ своего заявленія. Къ этому она добавила, что при такихъ условіяхъ онъ, вѣроятно, согласится отказаться отъ тяжести лежавшихъ на немъ брачныхъ узъ. Гервей, не желавшій дать свободы Елизаветѣ только изъ ненависти къ ней, послѣ нѣкотораго колебанія принялъ эту сдѣлку, тѣмъ болѣе, что въ эту пору самъ влюбился въ другую, и такимъ образомъ молодая женщина получила право жить гдѣ и какъ ей вздумается.

Спустя нѣкоторое время послѣ того, мистеръ Гервей, по смерти своего старшаго брата, наслѣдовалъ титулъ графа Бристоля, а вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ и весьма значительное родовое состояніе. Вскорѣ онъ такъ опасно захворалъ, что не было никакой надежды на его выздоровленіе, и тогда миссъ Елизавета Чэдлей задумала сдѣлаться формально графинею Бристоль и получить при этомъ вдовью долю изъ

имѣнія умирающаго. Съ этою цѣлью она начала то въ томъ, то въ другомъ случаѣ заявлять о своемъ тайномъ бракѣ съ капитаномъ Гервеемъ, теперешнимъ графомъ Бристолемъ, и разсказывать, что у нея отъ этого брака есть сынъ. Однако, графъ Бристоль, вопреки всѣмъ предсказаніямъ и опасеніямъ медиковъ, сталъ поправляться и вскорѣ совершенно выздоровѣлъ. Онъ узналъ о слухахъ, распускаемыхъ его женою и теперь, въ свою очередь, хотѣлъ начать процессъ. чтобъ доказать, что тайнаго брака между нимъ и миссъ Елизаветой никогда не существовало. Дѣло, впрочемъ, приняло иной оборотъ.

Еще въ ту пору, когда миссисъ Елизавета не истребила акта о своемъ бракѣ съ Гервеемъ, она плѣнила собою стараго богача герцога Кингстона, и когда продѣлка ея съ больнымъ графомъ Бристолемъ не удалась, то она успѣла убѣдить этого старика жениться на ней. Супруги жили, повидимому, весьма ладно, т. е., въ томъ смыслѣ, что старый, добродушный герцогъ былъ въ полной власти у своей бойкой супруги. Онъ умеръ въ 1773 году и по смерти его оказалось завѣщаніе, по которому все его громадное состояніе, неподлежавшее безусловному наслѣдованію по родству, должно было перейти безраздѣльно къ его вдовѣ. Недовольные такимъ посмертнымъ распоряженіемъ герцога родственники его завели съ герцогинею разомъ два процесса—уголовный и гражданскій, обвиняя леди Кингстонъ въ двоебрачіи и оспаривая дѣйствительность духовнаго завѣщанія въ ея пользу. Противники ея находили, что завѣщаніе герцога не могло быть примѣнено къ ней, какъ къ вдовѣ завѣщателя, потому что она, какъ вступившая съ нимъ въ бракъ при жизни перваго мужа. графа Бристоля, не можетъ быть признана законною женою герцога Кингстона. Оказалось, однако, что завѣщаніе стараго богача было составлено очень ловко: онъ отказывалъ свое состояніе не графинѣ Бристоль, не герцогинѣ Кингстонъ, а просто миссъ Елизаветѣ Чэдлей, тождественность которой съ лицомъ, имѣвшимъ право получить послѣ него наслѣдство, никакъ невозможно было оспаривать. Какъ бы то ни было, но уголовный процесъ грозилъ герцогинѣ страшною опасностью: судъ могъ выкопать изъ-подъ спуда старинный англійскій, не отмѣненный еще въ ту пору, законъ, въ силу ко-

тораго ей за двоебрачіе грозила смертная казнь. Въ самомъ же снисходительномъ случаѣ, ей, какъ двумужницѣ, слѣдовало наложить чрезъ палача публично клеймо на лѣвой рукѣ, выжегши его раскаленнымъ желѣзомъ, и приговорить ее къ продолжительному тюремному заключенію. Избавиться отъ такого приговора было слишкомъ трудно, такъ какъ совершеніе брака ея съ Гервеемъ было доказано ея служанкою, которая была одною изъ присутствовавшихъ при бракѣ свидѣтельницъ. Противникамъ герцогини удалось выиграть затѣянный ими уголовный процессъ, такъ какъ миссъ Елизавета Чздлей была признана законною женою капитана Гервея, носившаго потомъ титулъ графа Бристоль, а потому второй ея бракъ, съ герцогомъ Кингстономъ, какъ заключенный при жизни перваго мужа, былъ объявленъ недѣйствительнымъ, при чемъ, однако, въ виду разныхъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ, она была освобождена отъ всякаго наказанія и только, по приговору суда, была лишена неправильно присвоеннаго ею себѣ титула герцогини Кингстонъ.

По поводу суда надъ герцогиней Кингстонъ, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», отъ 23-го апрѣля 1776 года, сообщалось изъ Лондона слѣдующее: «Вчера кончился судъ надъ герцогинею Кингстонъ. Она говорила въ защищеніе себя рѣчь, продолжавшуюся цѣлый часъ и по окончаніи оной была поражена обморокомъ. Послѣ того судьи разсуждали, слѣдуетъ ли избавить ее отъ наложенія клейма, такъ какъ отъ такого наказанія освобождены духовные и благородные. Напослѣдокъ, — разсказываютъ «С.-Петербургскія Вѣдомости»,— удостоена она сего преимущества, однакожъ съ тою оговоркою, что ежели она впредь то же самое преступленіе сдѣлаетъ, то право сіе не послужитъ ей въ защиту. Послѣ того лордъ-канцлеръ объявилъ ей, что ей не будетъ учинено никакого тѣлеснаго наказанія, но что, какъ онъ думаетъ, изобличеніе собственной совѣсти замѣнитъ жестокость того наказанія, и что она отнынѣ будетъ называться графинею Бристольскою. Въ заключеніе лордъ-канцлеръ переломилъ свой бѣлый жезлъ въ знакъ уничтоженія брачнаго союза между миссъ Елизаветою Чздлей и герцогомъ Кингстономъ». Неизвѣстно, впрочемъ, почему та часть судебнаго приговора, которая гласила о лишеніи Елизаветы герцогскаго титула и

ГЕРЦОГИНЯ КИНГСТОНЪ.

Съ современнаго гравированнаго портрета.

фамиліи Кингстонъ, не была приведена въ исполненіе, такъ какъ Елизавета всюду, а между прочимъ и въ Россіи, продолжала пользоваться во всѣхъ оффиціальныхъ актахъ титуломъ герцогини Кингстонъ, безъ всякаго возраженія со стороны англійскаго правительства. Сама она такой благопріятный для нея исходъ дѣла объясняетъ неяснымъ изложеніемъ постановленнаго о ней приговора. Несмотря на неблагопріятный исходъ уголовнаго процесса, въ силу завѣщанія покойнаго герцога, все его громадное состояніе было признано безспорно собственностію Елизаветы, и она, сдѣлавшись одною изъ богатѣйшихъ женщинъ въ цѣлой Европѣ, не замедлила показать свое богатство въ Петербургѣ.

Около той поры повсюду уже гремѣла слава императрицы Екатерины II: объ ней начали говорить въ Европѣ какъ о великой государынѣ и о необыкновенной женщинѣ. Герцогиня Кингстонъ увлеклась этой молвою и задумала не только обратить на себя вниманіе прославляемой русской царицы, но если возможно, то и пріобрѣсти ея особое расположеніе. Герцогиня Кингстонъ, обезславленная въ Англіи уголовнымъ процессомъ, при которомъ раскрылось въ печальномъ свѣтѣ все ея прошлое, надѣялась, что ласковый пріемъ, встрѣченный ею при дворѣ императрицы Екатерины, возстановитъ въ общественномъ мнѣніи англичанъ ея репутацію, и она повела дѣло такъ, чтобъ прежде поѣздки въ Петербургъ заручиться вниманіемъ Екатерины.

Въ числѣ разныхъ рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ предметовъ, доставшихся герцогинѣ по завѣщанію втораго ея мужа, было множество картинъ, писанныхъ знаменитѣйшими европейскими художниками, и герцогиня черезъ русскаго посланника въ Лондонѣ изъявила желаніе передать эти картины, какъ дань своего глубочайшаго и безпредѣльнаго уваженія, въ собственность императрицы, съ тѣмъ, чтобъ выборъ изъ этихъ картинъ былъ произведенъ по непосредственному личному усмотрѣнію Екатерины. По поводу этого, велась продолжительная дипломатическая переписка между русскимъ посломъ въ Лондонѣ и канцлеромъ императрицы. По всей вѣроятности, недобрая молва о герцогинѣ дѣлала разрѣшеніе вопроса о такомъ съ ея стороны подаркѣ чрезвычайно щекотливымъ. Между тѣмъ, герцогиня вступила въ переписку съ нѣкото-

рыми лицами, имѣвшими вліяніе при дворѣ императрицы, прося ихъ оказать ей содѣйствіе для исполненія ея намѣреній. Картинная галлерея герцогини Кингстонъ пользовалась громкою извѣстностію не только въ Англіи, но и во всей Европѣ, а императрицѣ очень хотѣлось имѣть въ своемъ дворцѣ замѣчательныя произведенія живописи, потому она и рѣшилась принять предложеніе, сдѣланное ей герцогиней въ такой почтительной формѣ.

Получивъ изъ Петербурга увѣдомленіе о согласіи императрицы, герцогиня Кингстонъ отправила изъ Англіи въ Россію корабль, нагруженный картинами, выбранными изъ галлереи ея покойнаго мужа. Неизвѣстно, какія именно изъ нихъ отобрала для себя императрица Екатерина и гдѣ онѣ нынѣ находятся, но надобно полагать, что государыня осталась весьма довольна присланнымъ ей изъ-за моря подаркомъ, такъ какъ она за него благодарила герцогиню, черезъ своего посланника въ Лондонѣ, въ самыхъ благосклонныхъ и лестныхъ выраженіяхъ. Послѣ этого, леди Кингстонъ могла уже съ достаточною увѣренностію разсчитывать на радушный пріемъ со стороны императрицы, и вотъ она стала готовиться къ поѣздкѣ въ Петербургъ и собственно для этого заказала великолѣпную яхту.

Въ то время, когда герцогиня собиралась отправиться въ Балтійское море, Англія вступила въ вооруженную борьбу съ отложившимися отъ нея сѣверо-американскими колоніями. Леди Кингстонъ опасалась, что вслѣдствіе этого и въ европейскихъ моряхъ можетъ возгорѣться война и что жертвою этой войны можетъ сдѣлаться ея яхта, если будетъ захвачена сѣверо-американскими крейсерами, появленія которыхъ со дня на день ожидали у береговъ Англіи. Въ виду этого, герцогиня обратилась къ французскому морскому министру съ просьбою о позволеніи поднять на ея яхтѣ французскій коммерческій флагъ, какъ нейтральный. Позволеніе это ей было дано безъ всякихъ затрудненій и, благодаря хорошей погодѣ и легкому попутному вѣтру, плаваніе герцогини Кингстонъ кончилось благополучно и яхта ея остановилась на Невѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ Зимняго дворца.

II.

Появленіе леди Кингстонъ возбудило въ Петербургѣ громкій говоръ и общее вниманіе. Всѣ «знатныя обоего пола» персоны спѣшили, по приглашенію герцогини, осматривать ея яхту, отличавшуюся необыкновенною роскошью и изяществомъ отдѣлки, а также и всевозможными удобствами и приспособленіями для морскихъ путешествій. Толпы любопытнаго народа собирались на набережной Невы, чтобъ хотя издали поглазѣть на прибывшую изъ-за моря яхту, о которой въ городѣ ходила молва, какъ о какомъ-то невиданномъ еще здѣсь чудѣ. Герцогиня, принимая на яхтѣ посѣтителей и посѣтительницъ, дѣлавшихъ или отдававшихъ ей визиты, разсказывала каждому и каждой изъ нихъ, что она рѣшилась предпринять такое дальнее и небезопасное путешествіе, сопряженное съ громадными издержками, единственно для того, чтобы хоть разъ въ жизни взглянуть на великую монархиню, славою которой наполнена вся вселенная. Такія рѣчи герцогини доходили до Екатерины и славолюбивой государынѣ были пріятны восторженные о ней отзывы богатой и знатной иностранки, пользовавшейся дружбою Фридриха Великаго и не имѣвшей, повидимому, никакой надобности заискивать для себя расположенія со стороны русской государыни и императорскаго двора. Предрасположенная этимъ въ пользу леди Кингстонъ Екатерина принимала знаменитую путешественницу чрезвычайно привѣтливо. Русскіе вельможи и разныя барыни усердно слѣдовали въ этомъ случаѣ примѣру, поданному имъ свыше. Всѣ они, наперерывъ другъ передъ другомъ, желали представиться герцогинѣ и старались обратить на себя ея особенное вниманіе. Они безпрестанно, приглашали ее къ себѣ въ гости, устроивая въ честь ея блестящіе праздники. На эти почтительныя и любезныя приглашенія герцогиня отвѣчала тѣмъ, что, въ свою очередь, давала на яхтѣ обѣды и балы. Обходясь со всѣми съ чрезвычайной любезностью, леди Кингстонъ заискивала между тѣмъ расположеніе тѣхъ изъ вельможъ, которые имѣли въ ту пору особенное значеніе при дворѣ и пользовались въ обществѣ большимъ вліяніемъ, и

вскорѣ герцогиня сдѣлалась самою желанною и самою видною гостьею тогдашняго высшаго круга въ Петербургѣ. Въ торжественныхъ случаяхъ и на дворцовыхъ выходахъ она являлась съ осыпанною драгоцѣнными камнями герцогскою короною на головѣ, слѣдуя въ этомъ случаѣ существовавшему тогда и до нынѣ существующему среди англійскихъ дамъ обычаю—надѣвать, вмѣсто модныхъ головныхъ уборовъ, геральдическія короны, соотвѣтствующія титуламъ ихъ мужей. Въ Петербургѣ считали герцогиню Кингстонъ владѣтельною особою; говорили, что она близкая родственница королевскому дому и пускали въ ходъ баснословные разсказы объ ея несмѣтныхъ богатствахъ и безцѣнныхъ сокровищахъ, а въ оффиціальныхъ русскихъ актахъ давали ей титулъ не только свѣтлости, но и высочества. Императрица приказала отвести для леди Кингстонъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ домовъ въ Петербургѣ, а когда сильная буря повредила стоявшую на якорѣ, на Невѣ, яхту герцогини, то императрица простерла свою любезность къ гостьѣ до того, что распорядилась, безъ вѣдома ея, произвести исправленіе яхты на казенный счетъ. Вообще герцогинѣ жилось въ Петербургѣ отлично, гдѣ она, по словамъ русской поговорки, каталась какъ сыръ въ маслѣ: всѣ угождали ей, всѣ разсыпались передъ ней въ учтивости и любезностяхъ и ей недоставало только сердечныхъ побѣдъ; но пора такихъ побѣдъ для нея миновала: ей въ эту пору шелъ уже пятьдесятъ седьмой годъ; тѣмъ не менѣе всѣ находили, что герцогиня была красивая для своихъ лѣтъ дама и чрезвычайно представительная персона.

Надобно предполагать, что леди Кингстонъ,— не пользовавшейся, не смотря на громадныя богатства и громкій герцогскій, правда, отнятый у ней по суду, титулъ,—никакимъ значеніемъ среди слишкомъ щепетильнаго аристократическаго общества въ Англіи, чрезвычайно польстила та встрѣча, какая была оказана ей въ Петербургѣ, гдѣ обращали постоянное на нее вниманіе и выражали ей уваженіе и государыня, и дворъ, и все общество, и гдѣ даже народъ, при встрѣчѣ съ нею на улицахъ, снималъ шапки передъ нею, какъ передъ владѣтельной особой. Прельщаемая всѣмъ этимъ и въ то же время сильно оскорбленная пренебреженіемъ, какое ей—вслѣдствіе полученныхъ изъ Лондона инструкцій — оказывалъ ан-

глійскій посолъ, находившійся въ Петербургѣ, леди Кингстонъ стала подумывать о томъ, чтобы разстаться съ своей непривѣтливой родиной и поселиться на всю жизнь въ гостепріимной Россіи. Въ особенности ей желательно было получить званіе статсъ-дамы при императрицѣ Екатеринѣ, такъ какъ званіе это, даваемое государынею съ большою разборчивостію, должно было возвысить ее въ общественномъ мнѣніи и если не окончательно уничтожить, то все же, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько ослабить ту оскорбительную молву, которая на счетъ ея была распространена въ Англіи по поводу ея уголовнаго процесса. Сама герцогиня писала о себѣ, что она,— имя которой гремѣло по всей Европѣ, — сдѣлалась жертвою клеветы и ложныхъ слуховъ.

Когда герцогиня заявила болѣе близкимъ къ ней лицамъ о своемъ желаніи сдѣлаться статсъ-дамой русскаго двора, то лица эти замѣтили, что ей, какъ иностранкѣ, прежде чѣмъ пустить въ ходъ подобную просьбу, необходимо пріобрѣсти недвиживое имѣніе въ Россіи. При своихъ громадныхъ денежныхъ средствахъ, она не затруднилась нисколько сдѣлать подобное пріобрѣтеніе и, черезъ нѣсколько недѣль, купила на свое имя въ Эстляндіи у барона Фитингофа имѣніе, за которое заплатила семьдесятъ четыре тысячи тогдашнихъ серебряныхъ рублей. Имѣніе это, по родовой ея фамиліи Чэдлей, было названо Чэдлейскими или Чудлейскими мызами. Сдѣлавшись такимъ образомъ владѣлицею, судя по цѣнѣ, довольно значительнаго имѣнія въ Россіи, леди Кингстонъ начала разными путями стараться о томъ, чтобы на плечѣ ея явился осыпанный брилліантами портретъ императрицы, какъ знакъ высокаго придворнаго званія, которое ей такъ хотѣлось получить. Не смотря, однако, на то расположеніе, какое постоянно оказывала государыня своей гостьѣ, Екатерина, по своимъ личнымъ соображеніямъ, отклонила домогательства герцогини подъ тѣмъ благовиднымъ и нисколько не оскорбительнымъ для леди Кингстонъ предлогомъ, что, по принятымъ ею правиламъ, званіе статсъ-дамы не предоставляется никогда иностранкамъ не смотря на особенную благосклонность и уваженіе государыни къ ихъ знатности и персональнымъ достоинствамъ.

Разочарованная въ своихъ суетныхъ ожиданіяхъ, леди Кингстонъ приняла отказъ императрицы съ крайнимъ огор-

ченіемъ. Въ добавокъ къ этой неудачѣ, оказалось, что купленное ею имѣніе въ дѣйствительности далеко не стоило той суммы, какая была за него заплачена, и что изъ него трудно было сдѣлать какое либо хозяйственное употребленіе, такъ какъ въ немъ можно было только рубить лѣсъ, да ловить рыбу. Тогда одинъ прожектеръ предложилъ герцогинѣ устроить въ Чудлейскихъ мызахъ винный заводъ, увѣривъ ее, что она съ этого завода будетъ получать огромные доходы, въ которыхъ, надобно сказать кстати, при богатствѣ, оставленномъ ей покойнымъ герцогомъ, она вовсе не нуждалась. Тѣмъ не менѣе, ей полюбилась эта мысль и она приняла сдѣланное ей предложеніе, и вотъ графиня-герцогиня, пэресса Великобританіи по обоимъ мужьямъ, блестящая и чествуемая всѣми гостья императрицы, желавшая занять при дворѣ ея такое высокое положеніе, обратилась вдругъ ни съ того, ни съ сего—въ содержательницу виннаго завода! Поручивъ это новое промышленное заведеніе надзору и управленію какого-то англійскаго плотника, служившаго на ея яхтѣ, герцогиня,—хотя разставшаяся съ императрицею самымъ дружественнымъ образомъ, но въ душѣ недовольная испытанною ею неудачею—отправилась на своей яхтѣ изъ Петербурга во Францію и высадилась въ приморскомъ городѣ Калэ.

Жители этого города встрѣтили леди Кингстонъ съ необыкновенною торжественностью. Толпа народа поджидала на берегу пролива появленіе ея яхты; при выходѣ ея на пристань, молодыя дѣвушки, разодѣтыя по праздничному, поднесли ей цвѣты, и она, при радостныхъ крикахъ населенія, вступила въ приготовленный для нея отель, гдѣ ее ожидали представители города и роскошный завтракъ. Такая общественная демонстрація, по случаю пріѣзда леди Кингстонъ въ Калэ, объясняется тѣмъ, что агенты ея пустили слухъ, будто бы герцогиня намѣрена навсегда поселиться въ этомъ городѣ и употребить свои громадныя средства въ пользу его жителей, учреждая на свой счетъ воспитательныя, учебныя и разныя благотворительныя заведенія. На слѣдующій день къ ней начали являться съ визитами знаменитые горожане, поздравляя ее съ благополучнымъ прибытіемъ въ ихъ городъ и благодаря герцогиню за оказанную ему ею честь. Умалчивая, конечно, о своемъ водочномъ заводѣ, такъ нежданно-негаданно

устроенномъ въ Россіи, герцогиня передъ явившимися къ ней посѣтителями пускалась въ пространные разсказы о своемъ пребываніи въ Петербургѣ, восхищалась имъ и съ восторгомъ передавала о той привѣтливой и почетной встрѣчѣ, какая была оказана ей и со стороны императрицы Екатерины, и со стороны всѣхъ русскихъ вельможъ и ихъ семействъ, и о томъ вниманіи, какое выказывалъ ей даже простой народъ. Въ этихъ разсказахъ упоминалось и объ обширныхъ пріобрѣтенныхъ герцогинею въ Россіи помѣстьяхъ или владѣніяхъ, обитатели которыхъ сдѣлались ея вѣрноподданными и, являясь передъ нею, не смѣли иначе приблизиться къ ней, какъ поклонившись нѣсколько разъ въ землю и поцѣловавъ раболѣпно край ея одежды. Она хвалилась необыкновеннымъ расположеніемъ къ ней императрицы, съ которой — по словамъ герцогини—она свела самую тѣсную дружбу и которая считала скучно проведеннымъ день, если она не была вмѣстѣ съ леди Кингстонъ. Герцогиня разсказывала и о блистательномъ празднествѣ, устроенномъ ею въ честь императрицы. На этомъ празднествѣ, затмившемъ все, что̀ до того времени было видано въ Петербургѣ, находилось одной только прислуги сто сорокъ человѣкъ. Жители и жительницы Калэ слушали всѣ эти разсказы развѣсивъ уши, а англичане, которые пріѣзжали въ этотъ городъ и бывали у герцогини, возвращаясь въ Англію, не только повторяли разсказы, слышанные ими отъ леди Кингстонъ, но еще и добавляли ихъ своими собственными прикрасами, такъ что вскорѣ во всей Англіи заговорили о той необыкновенной благосклонности, какую удалось англійской леди пріобрѣсти у славной и могущественной русской государыни.

III.

Не смотря на почетъ, оказанный герцогинѣ жителями Калэ, однообразная тамъ жизнь скоро прискучила леди, которая, впрочемъ, до нѣкоторой степени, оправдала ожиданія мѣстнаго населенія своими человѣколюбивыми пожертвованіями на общественную пользу и разнаго рода благодѣяніями, оказанными ею частнымъ лицамъ. Хотя постоянство не было

принадлежностью характера герцогини, которая обыкновенно говорила, что она опротивѣла бы самой себѣ, если бы болѣе часу оставалась въ одномъ и томъ же расположенiи духа, но, тѣмъ не менѣе, мысль о сближенiи съ императрицею Екатериною и о появленiи при ея дворѣ въ блестящемъ положенiи не покидала леди Кингстонъ, не смотря даже на однажды уже испытанную неудачу. Ей думалось также, что ея владѣнiя, не приносившiя никакого ей пока дохода ни сами по себѣ, ни отъ находившагося въ нихъ водочнаго завода, заслуживаютъ того, чтобы еще разъ лично осмотрѣть ихъ и узнать на мѣстѣ о причинѣ ихъ неудовлетворительнаго состоянiя. При разсмотрѣнiи отчетовъ, присланныхъ герцогинѣ отъ управляющаго ея эстляндскимъ имѣнiемъ, ей пришло въ голову, что имѣнiе это будетъ совершенно въ иномъ положенiи, если ввести тамъ систему сельскаго хозяйства, усвоенную въ Англiи, что тогда имѣнiе это сдѣлается образцовымъ во всей Россiи, а владѣтельница его прiобрѣтетъ себѣ громкую и почетную извѣстность. Кромѣ этого эстляндскаго имѣнiя, у герцогини были уже въ ту пору великолѣпный домъ въ Петербургѣ и значительные участки земли подъ столицей. И честолюбивыя стремленiя, и хозяйственныя соображенiя побудили герцогиню снова предпринять, въ 1782 году, путешествiе въ Россiю, но на этотъ разъ она поѣхала туда сухимъ путемъ, а не моремъ, въ сопровожденiи многочисленной свиты.

Герцогиня отправилась въ Петербургъ черезъ Германiю и Австрiю, съ тѣмъ, чтобы, проѣхавъ черезъ Эстляндiю и осмотрѣвъ тамъ свои помѣстья, провести нѣкоторое время въ полюбившемся ей Петербургѣ. Къ этому времени она успѣла свести близкое знакомство съ княземъ Потемкинымъ и надѣялась на его предстательство у императрицы въ ея пользу.

Послѣ побывки герцогини при блестящемъ дворѣ Екатерины, дворы тогдашнихъ нѣмецкихъ мелкихъ владѣтелей казались ей уже такими ничтожными, что на нихъ не стоило обращать никакого вниманiя, хотя тамъ путешествующую съ богатой обстановкой англiйскую герцогиню готовы были встрѣтить съ особымъ почетомъ. Она быстро миновала Германiю и прiѣхала въ Вѣну, гдѣ ее поразила роскошь тамошнихъ вельможъ-богачей и гдѣ она была принята императоромъ

Іосифомъ II не особенно благосклонно. Изъ Вѣны герцогиня написала письмо къ одному изъ сильнѣйшихъ въ ту пору литовско-польскихъ магнатовъ, князю Карлу Радзивиллу, извѣщая его, что она намѣрена побывать у него въ гостяхъ. Князь Карлъ Радзивиллъ жилъ не въ ладахъ съ королемъ польскимъ, Станиславомъ Понятовскимъ, а слѣдовательно, и съ императрицею Екатериною, покровительствовавшею посаженному ею на польскій престолъ Понятовскому. Съ Радзивилломъ герцогиня познакомилась въ Римѣ въ то время, когда онъ, изгнанный изъ отечества, готовился выставить противъ Екатерины извѣстную самозванку княжну Елисавету Тараканову, выдавая ее за дочь императрицы Елисаветы Петровны отъ тайнаго брака съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Изъ свѣдѣній, сохранившихся о герцогинѣ Кингстонъ, нельзя, впрочемъ, заключить, чтобы она участвовала въ козняхъ Радзивилла.

Герцогиня была также очень близка и съ другою личностію, подготовлявшею смуты въ Россіи, съ однимъ изъ весьма извѣстныхъ въ прошломъ столѣтіи авантюристовъ — Стефаномъ Зановичемъ, который странствовалъ по Европѣ подъ разными именами, а въ 1773 году пытался въ Черногоріи выдать себя за покойнаго императора Петра III. Не успѣвъ въ своемъ дерзкомъ намѣреніи, Зановичъ выбрался изъ Черногоріи и жилъ въ Польшѣ, принявъ фамилію Вартъ, которую съ графскимъ титуломъ носила и герцогиня Кингстонъ по купленному ею въ курфиршествѣ баварскомъ имѣнію Проживая въ Польшѣ, Зановичъ сблизился съ тамошними магнатами въ особенности съ княземъ Карломъ Радзивилломъ, съ которымъ онъ также познакомился въ Римѣ предъ появленіемъ Таракановой и, по всей вѣроятности, былъ въ этомъ случаѣ дѣятельнымъ пособникомъ Радзивилла, какъ уже самъ пускавшійся въ самозванство. При первомъ знакомствѣ съ герцогиней, Зановичъ, явившійся къ ней въ богатомъ албанскомъ костюмѣ, разшитомъ золотомъ и украшенномъ бриліантами, выдалъ себя ей за потомка древнихъ владѣтельныхъ князей Албаніи. Она была увлечена его смѣлымъ умомъ и чрезвычайною находчивостію, дѣлала ему драгоцѣнные подарки. По словамъ самой леди Кингстонъ, Зановичъ былъ «лучшимъ изъ всѣхъ Божіихъ созданій» и до того плѣнилъ

герцогиню, что заставилъ ее забыть Гамильтона. Встрѣчается извѣстіе, что она хотѣла выйти за него замужъ. Изъ сохранившихся объ этомъ Стефанѣ Зановичѣ біографическихъ извѣстій трудно сказать не былъ ли онъ изъ числа тѣхъ братьевъ графовъ Зановичей, которые, поселившись въ Шкловѣ, у извѣстнаго любимца Екатерины и игрока Зорича, были признаны виновными въ поддѣлкѣ ассигнацій, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости, были посажены на корабль въ Архангельскѣ и отправлены оттуда за границу.

Зановичъ, о которомъ идетъ рѣчь, родился въ 1752 году въ Албаніи, близъ ея границъ съ Черногоріей. Отецъ его, Антоній Зановичъ, переселился въ 1760 году въ Венецію, гдѣ нажилъ большое состояніе, торгуя туфлями восточной выдѣлки. Въ Венеціи выросли его сыновья, получившіе въ послѣдствіи хорошее образованіе въ Падуанскомъ университетѣ. Въ 1770 году Стефанъ Зановичъ и братъ его Премиславъ отправились путешествовать по Италіи и, встрѣтивъ во время этого путешествія какого-то молодаго богача англинанина, обыграли его шулерскимъ образомъ на 90,000 фунтовъ стерлинговъ. Родители проигравшагося юноши не захотѣли платить Зановичамъ такой громадный карточный долгъ. По жалобѣ ихъ возникло уголовное дѣло, кончившееся тѣмъ, что братья Зановичи, какъ игроки-мошенники, были высланы изъ великаго герцогства Тосканскаго съ запрещеніемъ появляться туда когда либо. Послѣ этого Зановичи, гоняясь за счастьемъ на игорныхъ столахъ, странствовали, въ 1770 и 1771 годахъ, по Франціи, Англіи и Италіи, а въ 1773 году братья разстались, такъ какъ старшій изъ нихъ, Стефанъ, отправился въ Черногорію и тамъ, какъ мы уже сказали, пытался выдать себя за императора Петра III. Въ 1776 году онъ странствовалъ по Германіи подъ именемъ Беллини, Балбидсона, Чарновича и графа Кастріота-Албанскаго. Въ это время, неизвѣстно для какихъ именно цѣлей, онъ получалъ весьма значительныя суммы отъ польскихъ конфедератовъ, старавшихся побудить Турцію къ новой войнѣ съ Россіею. Въ 1783 году Стефанъ Зановичъ появился въ Амстердамѣ подъ именемъ Царабладаса, но тамъ за долги былъ посаженъ въ тюрьму; поляки выкупили его изъ тюремнаго заключенія и

тогда онъ, подъ именемъ князя Зановича-Албанскаго, началъ принимать дѣятельное участіе въ возстаніи Голландіи противъ императора Іосифа II. Инсургенты щедро снабжали его деньгами, а онъ обѣщалъ имъ подбить черногорцевъ къ нападенію на австрійскія владѣнія. Вскорѣ, однако, надъ нимъ разразилась бѣда: по заявленію турецкаго посланника изъ Вѣны въ Амстердамъ, онъ былъ заподозрѣнъ въ самозванствѣ и посаженъ въ тюрьму; его обвиняли въ мошенничествѣ и обманахъ и ему готовилась слишкомъ печальная будущность, когда, 25 мая 1785 года, онъ былъ найденъ въ тюрьмѣ мертвымъ на своей койкѣ: оказалось, что онъ какимъ-то острымъ орудіемъ перерѣзалъ себѣ жилу на лѣвой рукѣ. По разсказу герцогини Кингстонъ, Зановичъ умеръ принявъ ядъ, находившійся у него въ перстнѣ. Передъ смертью онъ написалъ герцогинѣ письмо, въ которомъ сознавался, что онъ жилъ подъ чужими именами, и что онъ былъ вовсе не то лицо, за котораго его принимали. Къ чести голландскаго правительства надобно сказать, что это письмо не было распечатано, но во всей неприкосновенности было доставлено по адресу. Какъ самоубійца, Зановичъ былъ преданъ позорному погребенію безъ совершенія надъ его тѣломъ похоронныхъ христіанскихъ обрядовъ. Такія свѣдѣнія о Стефанѣ Зановичѣ сообщаетъ авторъ книжки подъ заглавіемъ «Histoire de la vie et des aventures de la duchesse de Kingston». По всей однако вѣроятности, онъ смѣшиваетъ Стефана Зановича съ другимъ самозванцемъ, Степаномъ Малымъ, родомъ изъ Крайны, который въ 1769 году господствовалъ въ Черногоріи. Подъ видомъ лекаря онъ, пройдя всю Черную Гору, провозгласилъ себя въ Майнѣ всенародно императоромъ Петромъ III, низверженнымъ съ престола. Черногорцы повѣрили ему, признали его своимъ правителемъ и, не смотря на его деспотизмъ, не выдали его ни русскимъ, ни туркамъ, съ которыми вели изъ-за него кровопролитную войну. Степанъ Малый управлялъ Черногоріею четыре года и въ семидесятыхъ годахъ былъ убитъ своимъ слугою, родомъ грекомъ, подкупленнымъ турками. Въ это время онъ не имѣлъ уже никакой власти въ Черногоріи и былъ совершенно слѣпъ, но тѣмъ не менѣе турки страшились его. Очевидно, что этотъ Степанъ и по времени рожденія, а также и по времени и об-

стоятельствамъ смерти, не могъ быть Стефаномъ Зановичемъ, но легко можетъ статься, что этотъ послѣдній явился въ Черногоріи, подражая примѣру Степана Малаго, и что самозванство его тамъ не имѣло никакого успѣха.

Вообще относительно Зановичей въ біографіи герцогини Кингстонъ представляется значительная путаница. Авторъ этой біографіи заимствовалъ свои свѣдѣнія, вѣроятно, изъ сочиненія Бартольда: «Die geschichtlichen Persönlichkeiten in Jacob Casanova's Memoiren». Бартольдъ разсказываетъ, что Стефанъ и Предиславъ Зановичи, родомъ далматинцы, въ 1776 году явились въ Потсдамѣ и успѣли втереться въ общество принца прусскаго, гдѣ Стефанъ выдавалъ себя за албанскаго государя. Очевидно, однако, что этотъ Стефанъ Зановичъ, умершій въ 1785 году, не могъ быть тѣмъ Зановичемъ, который гостилъ въ Шкловѣ у Зорича и потомъ до 1788 года жилъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Обратимся къ Кингстонъ.

Получивъ письмо герцогини, Радзивиллъ поспѣшилъ отвѣтить на него самымъ любезнымъ приглашеніемъ и приготовилъ къ ея пріѣзду такія великолѣпныя празднества, которыя должны были затмить чуть-ли не всѣ прежніе пиры, даваемые княземъ, сорившимъ въ подобныхъ случаяхъ деньги безъ всякаго счета. Мѣстомъ свиданія съ леди Кингстонъ князь назначилъ одну принадлежавшую ему деревеньку, называвшуюся Бергъ и лежавшую по большой дорогѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ Риги, черезъ которую должна была проѣзжать герцогиня, направляя свой путь въ Петербургъ. Въ этой деревенькѣ, по распоряженію Радзивилла, былъ наскоро выстроенъ великолѣпный домъ для пріема герцогини, и когда она пріѣхала туда, то явившійся къ ней одинъ изъ шляхтичей, состоявшихъ на службѣ во дворѣ Радзивилла, доложилъ ей, что наияснѣйшій князь желаетъ встрѣтить свою знаменитую гостью безъ всякаго церемоніала, какъ старый и искренно преданный ей другъ, а потому онъ представится ей запросто, пораньше на слѣдующее утро. Дѣйствительно, на другой день, только что разсвѣло, какъ показался въ Бергѣ Радзивиллъ. Поѣздъ его состоялъ изъ сорока различныхъ экипажей, въ каждый изъ нихъ была запряжена шестерня превосходныхъ коней. Въ этихъ экипажахъ сидѣли

дамы и дѣвицы, заранѣе приглашенныя Радзивилломъ на предстоящее празднество и собравшіяся наканунѣ въ назначенное мѣсто. За длинной вереницей экипажей слѣдовало шестьсотъ лошадей; на однѣхъ изъ нихъ ѣхали конюхи, пикинеры, ловчіе, стремянные, доѣзжачіе и шляхтичи, служившіе у Радзивилла, а другихъ лошадей они держали въ поводу, а на сворахъ было при нихъ до тысячи гончихъ псовъ. Самъ Радзивиллъ былъ на кровномъ арабскомъ скакунѣ, въ сбруѣ съ золотой отдѣлкой и украшенной драгоцѣнными камнями. Князя окружали со всѣхъ сторонъ его надворные казаки и гусары.

Представившись герцогинѣ, Радзивиллъ пригласилъ ее проѣхаться, въ сопровожденіи всего поѣзда, въ особо приготовленной парадной каретѣ, за нѣсколько миль отъ деревни Бергъ, въ то мѣсто, гдѣ среди лѣса, на нарочно расчищенной обширной полянѣ, было построено, въ нѣсколько дней, нѣчто въ родѣ небольшаго, чистенькаго городка, посреди котораго находился назначенный для герцогини особый домикъ со всѣми удобствами панскаго жилья. Княжескій поѣздъ прибылъ на эту поляну подъ вечеръ, почему празднество началось великолѣпнымъ фейерверкомъ, послѣ котораго, на близь лежащемъ озерѣ, происходило примѣрное сраженіе двухъ кораблей. По окончаніи фейерверка и морской битвы, князь повелъ герцогиню по городку, домики котораго оказались ярко освѣщенными лавками, наполненными самымъ дорогимъ и разнообразнымъ товаромъ. Радзивиллъ предложилъ герцогинѣ выбирать все, чтò ей понравится, и такимъ способомъ преподнесъ ей множество цѣнныхъ подарковъ. Послѣ того, гостья, хозяинъ и сопровождавшее ихъ многочисленное общество отправились въ обширное помѣщеніе, занятое княземъ, гдѣ онъ, среди самой роскошной обстановки, открылъ балъ съ герцогинею, какъ съ царицею праздника. Лишь только, по окончаніи танцевъ, всѣ гости оставили бальную залу, ее охватило яркое пламя, такъ какъ наружныя стѣны этой постройки смазаны были легко-воспламеняющимся составомъ, и гости Радзивилла, при такомъ неожиданномъ освѣщеніи, оставили мѣсто увеселенія, чтобы ѣхать въ зàмокъ Радзивилла, гдѣ ихъ ожидали роскошный ужинъ и удобный ночлегъ. На одно это празднество, какъ передаетъ

герцогиня, Радзивиллъ истратилъ до 50,000 фунтовъ стерлинговъ.

Герцогиня провела въ гостяхъ у Радзивилла двѣ недѣли, въ продолженіе которыхъ она посѣтила и знаменитый родовой его зàмокъ, находившійся въ мѣстечкѣ Несвижѣ. Не вдалекѣ отъ этого мѣстечка, окруженнаго тогда густыми дебрями, Радзивиллъ для потѣхи герцогини устроилъ охоту на кабановъ. Охота происходила ночью, при свѣтѣ факеловъ; на нее, по приглашенію Радзивилла, съѣхались всѣ сосѣдніе паны съ ихъ семействами, и каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ множество слугъ, и вся эта ватага кормилась сытно и вкусно въ теченіе нѣсколькихъ дней на счетъ тароватаго магната. По ночамъ, во время проѣзда герцогини по владѣніямъ Радзивилла, которыя, съ малыми перерывами тянулись чрезъ всю Литву, дороги были освѣщаемы пылавшими кострами и смоляными бочками, а около ея кареты ѣхали провожатые съ зажженными факелами. Во всѣхъ мѣстечкахъ, принадлежавшихъ князю, мѣстныя власти являлись привѣтствовать герцогиню, о приближеніи которой возвѣщали жителямъ пушечные выстрѣлы. Въ свою очередь, и мелкая шляхта, раболѣпствовавшая передъ Радзивилломъ, въ угоду могущественному магнату, приготовляла его гостьѣ если и не такія пышныя, то все же чрезвычайно радушныя встрѣчи.

Сама Кингстонъ, разсказывая въ своей краткой біографіи, помѣщенной въ «Запискахъ» баронессы Оберкирхъ, о томъ пріемѣ, какой ей сдѣлалъ Радзивиллъ, прибавляетъ, что онъ, страстно влюбленный въ нее со времени знакомства въ Римѣ, просилъ ея руки, но она отказалась вступить съ нимъ въ бракъ, не желая оставаться въ дикой странѣ, среди сарматовъ, которыя одѣваются въ звѣриныя шкуры.

IV.

Изъ этой дикой страны леди Кингстонъ, разставшись дружески съ Радзивилломъ, отправилась въ Петербургъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ встрѣтили ее съ такимъ почетомъ и гдѣ теперь ожидало ее горькое разочарованіе. Прежній чрезвычайно-благосклонный пріемъ, оказанный герцогинѣ со

стороны императрицы Екатерины, замѣнился теперь вѣжливою и сдержанною холодностью. Русскіе вельможи не чествовали уже ее какъ въ первый пріѣздъ, а народъ не зазѣвывался уже на герцогиню, пріѣхавшую не на великолѣпной яхтѣ, а въ обыкновенномъ дорожномъ экипажѣ. На этотъ разъ Петербургъ показался герцогинѣ совсѣмъ не тѣмъ городомъ, какимъ онъ показался ей въ 1776 году. Она была теперь въ немъ совершенно незамѣтною личностью; отношенія ея къ двору ограничились сухимъ оффиціальнымъ представленіемъ, и императрица не приглашала ее въ свой избранный кругъ, а петербургская знать не устроивала въ честь ея никакихъ праздниковъ. При такой неблагопріятной обстановкѣ, герцогинѣ вскорѣ пришлось убѣдиться, что ей нечего было ожидать и искать въ Петербургѣ, и что получить желаемое ею званіе статсъ-дамы рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Въ добавокъ къ тому, всѣ ея надежды—составлявшія, впрочемъ, собственно капризъ, а не потребность,— надежды на полученіе ею громадныхъ доходовъ съ купленныхъ ею въ Эстляндіи Чэдлейскихъ мызъ, оказались несбыточными. Водочный заводъ не только не приносилъ своей знатной владѣлицѣ никакихъ прибылей, но, напротивъ, казна, за разныя открытыя упущенія на заводѣ, а также за неточное соблюденіе тамъ узаконеній и правилъ по винокуренной и питейной части, наложила на герцогиню штрафы и денежныя начеты, такъ что тотчасъ по пріѣздѣ ея въ Петербургъ, къ ней явился полицейскій офицеръ, представившій ей, на основаніи указа казенной палаты, о платежѣ причитающихся съ нея разнаго рода взысканій. Независимо отъ этого, занятіе по водочной части сильно уронило въ общественномъ мнѣніи столицы прежнюю знаменитую петербургскую гостью: на нее уже не смотрѣли теперь какъ на знатную иностранную путешественницу, сорящую деньгами, но скорѣе какъ на заѣзжую промышленницу, желавшую поразжиться посредствомъ надуванія казны и на счетъ испивающаго люда. Обаяніе, окружавшее герцогиню въ первый пріѣздъ, совершенно исчезло и прежнія розказни объ ея несмѣтныхъ богатствахъ замѣнились теперь болтовней, которая могла бы легко подорвать финансовый кредитъ герцогини, если бы только она нуждалась въ немъ. Вслѣдствіе этого, вторая поѣздка леди Кингстонъ въ

Россію обошлась безъ всякаго шума и по своимъ результатамъ была для нея гораздо непріятнѣе, чѣмъ первая, послѣ которой герцогиня всетаки увозила съ собою хотя нѣкоторыя воспоминанія, льстившія ея ненасытному самолюбію. Побывъ нѣсколько дней въ Петербургѣ и не заставъ здѣсь Потемкина, на покровительство котораго она надѣялась, герцогиня вернулась въ Калэ на нанятомъ французскомъ коммерческомъ суднѣ, не представлявшемъ той роскоши и тѣхъ удобствъ, какими отличалась ея собственная яхта.

По возвращеніи во Францію, герцогиня Кингстонъ, какъ сама она говорила, окончательно избрала мѣстомъ постояннаго своего пребыванія городъ Калэ, жители котораго—по словамъ ея біографа—не переставали пользоваться ея необыкновенною къ нимъ щедростью. Въ 1786 году она задумала было поѣхать въ Англію, и въ кингстонгоузскомъ зáмкѣ начались уже приготовленія къ пріѣзду его владѣтельницы; но узнавъ, что англійскія газеты снова въ непріязненномъ тонѣ заговорили о ней, и что на счетъ ея стали появляться въ Лондонѣ самые оскорбительные, до-нельзя грязные пасквили и памфлеты, она отказалась отъ своего намѣренія посѣтить Англію и рѣшилась навсегда остаться во Франціи, переселившись на житье въ Парижъ. Тамъ она наняла на всю жизнь въ улицѣ Кокронь великолѣпную гостинницу, называвшуюся «Parlement d'Angleterre», а въ недальномъ разстояніи отъ Фонтенебло купила зáмокъ Сентъ-Ассизъ, заплативъ за него 1,400,000 ливровъ. Въ этомъ роскошномъ замкѣ она, послѣ его покупки, прожила одну только недѣлю. Она умерла въ Сентъ-Ассизѣ скоропостижно, отъ разрыва сердца, 28-го августа 1788 года, на шестьдесятъ девятомъ году отъ рожденія.

Баронесса Оберкирхъ, видѣвшая герцогиню за нѣсколько дней до ея смерти, писала о леди Кингстонъ слѣдующее: «она дѣйствительно женщина необыкновенная; она поверхностно знала чрезвычайно много, такъ какъ проводила время съ людьми умными, образованными, бывшими въ ту пору знаменитостями во всей Европѣ. Хотя она только слегка могла касаться того или другаго ученаго или вообще важнаго вопроса, но говорила превосходно и картинно». При большомъ знакомствѣ съ практическою жизнью, она имѣла слишкомъ пылкое воображеніе и была горда и упряма. Не смотря на

глубокую старость, леди Кингстонъ, по словамъ баронессы Оберкирхъ, сохраняла еще слѣды поразительной красоты; походка ея была такая же, какая была у королевы Маріи Антуанеты, а королева, по словамъ г-жи Лебренъ, отличалась такою величественною походкою, какой во всей Европѣ не имѣла ни одна женщина. Впрочемъ, баронеса Оберкирхъ идетъ въ своихъ похвалахъ еще далѣе, говоря, что старуха-герцогиня «выступала какъ богиня» и что никто не умѣлъ поклониться и такъ величественно, и такъ граціозно, какъ леди Кингстонъ.

Послѣ смерти герцогини, осталось въ Парижѣ разнаго рода имущества на милліонъ четыреста фунтовъ стерлинговъ; къ этому нужно прибавить помѣстье, купленное въ Россіи, и богато-отдѣланный въ Петербургѣ домъ, а также и лежавшіе въ разныхъ банкахъ капиталы. Въ общей же сложности, все ея состояніе простиралось, по самой умѣренной оцѣнкѣ, до трехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, хотя она и тратила доставшееся ей отъ мужа наслѣдство безъ всякаго разсчета, бросая пригоршнями деньги куда ни попало.

Однажды она показала баронесѣ Оберкирхъ свои драгоцѣнности, и баронесса, хотя порядкомъ уже присмотрѣвшаяся къ такимъ вещамъ. была поражена необыкновенною рѣдкостію и стоимостью драгоцѣнныхъ камней. Дорогихъ вещей было у герцогини Кингстонъ такое множество, что каждую изъ нихъ надо было занумеровать и записать въ особый инвентарь, представлявшій объемистую книгу.

Замѣчательно, что, не смотря на неудачи, испытанныя въ обѣихъ поѣздкахъ въ Петербургъ, герцогиня Кингстонъ чувствовала къ нему какое-то особое влеченіе, которое и высказано ею въ ея завѣщаніи. Въ немъ леди Елизавета говоритъ, что въ случаѣ, если она умретъ по близости Петербурга, то чтобы ее непремѣнно похоронили въ этомъ городѣ, такъ какъ она желаетъ, чтобы прахъ ея покоился въ томъ мѣстѣ, куда при жизни постоянно стремилось ея сердце. Нѣкоторую часть своего состоянія она предоставила тѣмъ лицамъ, съ которыми познакомилась въ бытность свою въ Россіи, и между прочимъ, завѣщала императрицѣ Екатеринѣ драгоцѣнный головной уборъ изъ брилліантовъ, жемчугу и разныхъ самоцвѣтныхъ камней.

V.

Завѣщаніе герцогини Елизаветы Кингстонъ вызвало въ Россіи продолжительный и запутанный процессъ, заслуживающій вниманія какъ по его ходу, такъ и по предметамъ спора. Завязалось въ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ и «вотчинное» и «тяжебное» дѣло, наполнившее собою нѣсколько толстыхъ фоліантовъ. Приказные того времени судили и рядили надъ завѣщаніемъ покойной герцогини, называя ее въ оффиціальныхъ актахъ «Кингстоновой», и даже еще проще—«Кингстоншей». Дѣло это велось очень долго, и, по всей вѣроятности, оно тянулось бы еще долѣе, если бы на него не обратилъ вниманія императоръ Павелъ, чрезвычайно не любившій ни медленности, ни проволочекъ, и быстро разрѣшавшій своею верховною властью такіе юридическіе вопросы, которые, по ихъ сложности, требовали постепеннаго производства и разносторонняго обсужденія.

Только что смерть герцогини и содержаніе ея завѣщанія сдѣлались извѣстны въ Россіи, какъ коллежскій совѣтникъ баронъ Фридрихъ фонъ-Розенъ, служившій въ ту пору совѣтникомъ эстляндскаго губернскаго правленія, предъявилъ свои права на полученіе «Чудлейскихъ мызъ» въ силу упомянутаго завѣщанія. Права барона оказались чрезвычайно шаткими. Въ исковомъ своемъ прошеніи онъ объяснялъ, что герцогиня Кингстонъ, рожденная Елизавета «Чудленгъ», составленною ею во Франціи, 8-го октября 1786 года, духовною отказала состоящія въ ревельскомъ намѣстничествѣ Чудлейскія мызы со всѣмъ къ онымъ принадлежащимъ,— съ тѣмъ, чтобы аптекарю ея выдать 30,000 рублей, а нѣкоторыхъ ея людей отпустить на волю—одной особѣ и ея наслѣдникамъ, однако не упомянула имя оной, но оставила на сіе бѣлое мѣсто». Этою неупомянутою въ завѣщаніи герцогини особою и считалъ себя баронъ Фридрихъ фонъ-Розенъ. Разумѣется, что въ подтвержденіе этого слѣдовало представить доказательства и доводы и, съ своей стороны, баронъ нисколько не затруднился этимъ. То обстоятельство, что герцогиня Кингстонъ подъ «бѣлымъ мѣстомъ» разумѣла его, барона Розена,

а не какую либо другую особу, онъ принялся объяснять тѣмъ, что умершая герцогиня «за оказанное имъ, Розеномъ, ей почтеніе, любовь и заслуги и дабы наградить расходы употребленные для нея на поѣздки, уже въ 1783 году помянутыя Чудлейскія мызы со всѣмъ, что въ оныхъ по кончинѣ ея найдется, при свидѣтеляхъ ему и его фамиліи подарила, такъ, чтобы ихъ, по смерти ея, ему во владѣніе получить».

Тѣмъ временемъ, пока принялись въ низшей судебной инстанціи разматривать правильность претензіи, предъявленной барономъ Розеномъ къ наслѣдству, оставшемуся въ Россіи послѣ герцогини Кингстонъ, изъ Лондона, чрезъ посредство тамошняго русскаго посланника графа Воронцова, была прислана выписка изъ духовнаго завѣщанія герцогини, засвидѣтельствованная архіепископомъ кэнтерберійскимъ. Изъ этой выписки оказывалось, что исполнителемъ посмертной воли герцогини былъ назначенъ кавалеръ Пэнъ, который, пріѣхавъ въ Петербургъ, передалъ, съ разрѣшенія императрицы, свое полномочіе полковнику Гарновскому, вступившему, вслѣдствіе этого, во всѣ права и обязанности душеприкащика по наслѣдству, оставшемуся въ Россіи послѣ «Кингстонши». Домогаться этого наслѣдства явился въ Петербургъ графъ Беме, оказавшійся соперникомъ барону Розену по Чудлейскимъ мызамъ, но такъ какъ онъ въ завѣщаніи вовсе упомянутъ не былъ, то и былъ устраненъ русскими судебными мѣстами отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ.

Полковникъ Гарновскій, начавшій вѣдать наслѣдство, оставшееся послѣ герцогини Кингстонъ, былъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ ловкихъ русскихъ дѣльцовъ прошлаго столѣтія. Онъ чрезъ правителя канцеляріи князя Потемкина, извѣстнаго Василія Степановича Попова, состоялъ въ числѣ весьма близкихъ людей къ князю Потемкину и, во время отсутствія Потемкина изъ Петербурга, увѣдомлялъ его подробно обо всемъ, что̀ дѣлалось и говорилось при дворѣ и въ домахъ знатныхъ лицъ. Свои письма или донесенія Гарновскій посылалъ на имя Попова и писалъ ихъ въ родѣ поденныхъ записокъ, которыя представляютъ много интереснаго. Записки эти были напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г. и изъ нихъ, между прочимъ, видно какою расторопностью отличался полковникъ, успѣвавшій втереться всюду. Что же

касается его отношеній къ герцогинѣ, то онъ сблизился съ нею, провожая ее изъ Петербурга во Францію при возвращеніи ея туда изъ первой поѣздки въ Петербургъ. Въ біографіи герцогини, записанной баронессою Оберкирхъ, упоминается, что леди Кингстонъ всѣ свои дѣла въ Россіи поручила надзору и попеченію господина Гарновскаго, а изъ писемъ ея къ нему должно заключить, что она считала его самымъ преданнымъ ей въ Россіи человѣкомъ. Въ августѣ 1787 года герцогиня поручила своему камердинеру Джону Лилли, бывшему въ то время въ Петербургѣ, переговорить съ Гарновскимъ по всѣмъ ея дѣламъ, а самому Гарновскому, между прочимъ, писала: «если нужда потребуетъ, то вы откроетесь и князю Потемкину, ибо я не хочу, чтобы отъ него что-либо было скрыто. Увѣрьте его, — писала далѣе герцогиня, — что я очень сожалѣю, что не увижусь съ нимъ до зимняго пути». Въ другомъ письмѣ, отъ 24-го октября того же года, герцогиня писала Гарновскому, что она «считаетъ себя чрезвычайно несчастливою, такъ какъ отъ всего свѣта обижена», и просила его посовѣтовать ей, что̀ дѣлать съ Чудлейскими мызами. Наконецъ, въ послѣднемъ ея письмѣ къ Гарновскому, написанномъ не задолго до смерти герцогини, она просила Гарновскаго извѣстить ее объ ея «другѣ» князѣ Потемкинѣ, выражая сожалѣніе, что во время своего послѣдняго пріѣзда въ Петербургъ, она не застала тамъ князя, а между тѣмъ хотѣла просить черезъ него о чемъ-то императрицу. Въ заключеніе, она поручила Гарновскому передать Потемкину, что у него, Потемкина, во всемъ свѣтѣ нѣтъ лучшей пріятельницы какъ она, герцогиня. Переписка же Гарновскаго съ леди Кингстонъ не дошла до насъ, даже въ самомъ небольшомъ отрывкѣ.

Лишь только умерла герцогиня, какъ секретарь ея, бывшій съ нею въ Петербургѣ, поспѣшилъ увѣдомить письмомъ Гарновскаго, что ему, «добродѣтельному» (vertueux) Гарновскому, живущему въ С.-Петербургѣ и состоящему при канцеляріи князя Потемкина, въ уваженіе его почтительной привязанности и тѣхъ постоянныхъ и тяжелыхъ заботъ, какія онъ оказывалъ въ отношеніи герцогини во время ея поѣздки изъ Петербурга во Францію, куда онъ былъ посланъ съ нею по волѣ ея императорскаго величества, — герцогиня

отказала пятьдесятъ тысячъ рублей, которые слѣдуетъ ему получить въ теченіе года со дня кончины герцогини. Въ письмѣ этомъ сообщалось также и о томъ, что герцогиня завѣщала императрицѣ великолѣпный головной уборъ и всѣ свои картины, находившіяся въ Петербургѣ, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ: если государыня пожелаетъ принять ихъ, то она приметъ на себя уплату 150,000 рублей тѣмъ лицамъ, которыя будутъ назначены въ Англіи исполнителями духовнаго завѣщанія герцогини.

Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ были, однако, предметомъ спора между герцогинею и графомъ Чернышевымъ. При первой поѣздкѣ въ Россію, герцогиня, освѣдомившись о томъ вліяніи, какое имѣлъ при дворѣ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, предложила ему письменно въ подарокъ нѣсколько картинъ, выбранныхъ ею самою. Когда же, по пріѣздѣ ея въ Петербургъ, ей представился Чернышевъ, то онъ, благодаря герцогиню за сдѣланный ему подарокъ, замѣтилъ, что присланныя ему картины стоятъ по крайней мѣрѣ 10,000 фунтовъ стерлинговъ, такъ какъ между ними были произведенія Рафаэля и Клодта Лоррена. Услышавъ это, герцогиня, не имѣвшая никакого понятія въ живописи, пожалѣла, что такой слишкомъ цѣнный подарокъ достался въ руки Чернышева, и захотѣла возвратить эти двѣ картины подъ предлогомъ, что онѣ были самыя любимыя картины ея покойнаго мужа, и потому начала при другихъ, бывшихъ у нея въ это время гостяхъ, благодарить графа за позволеніе оставить эти картины въ его домѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ отдѣланъ собственный ея домъ, купленный въ Петербургѣ. Хитрость эта, однако, не удалась: Чернышевъ не возвратилъ картинъ, говоря, что онѣ подарены ему герцогинею въ полную собственность, а герцогиня, отрекаясь отъ того, что она сдѣлала графу такой подарокъ, громко говорила о безчестномъ присвоеніи имъ этихъ картинъ и даже въ своемъ завѣщаніи привела длинный разсказъ о томъ, какимъ недобросовѣстнымъ путемъ Чернышевъ завладѣлъ картинами, которыя были отданы ему только на сохраненіе.

Чернышевъ въ этомъ случаѣ былъ не совсѣмъ правъ, это слѣдуетъ заключить изъ замѣтки, находящейся въ «Дневникѣ» Храповицкаго. Подъ 8-мъ января 1790 года Храповицкій пи-

шетъ: «Читали мнѣ (т. е. читала императрица Екатерина) изъ духовной Кингстонши ея возраженіе на присвоеніе картинъ графомъ Чернышевымъ. Онъ вчера заговорилъ, будто онѣ подарены ему, а я ему сказала: qu'à sa place à la première demande je les aurais jetés par la fenêtre. Замѣтили каковъ онъ».

Императрица приказала признать завѣщаніе герцогини Кингстонъ дѣйствительнымъ въ Россіи. Тогда Гарновскій обратился къ государынѣ съ просьбой, въ которой объяснялъ, что хотя герцогиня и завѣщала ему пятьдесятъ тысячъ рублей, но что онъ не надѣется получить эту сумму, такъ какъ за границею наслѣдники, завладѣвъ всѣмъ имѣніемъ леди Кингстонъ, начали оспоривать правильность ея завѣщанія, а все недвижимое ея имущество, находившееся во Франціи, было расхищено тотчасъ же послѣ ея смерти. Въ виду этого, Гарновскій просилъ государыню, чтобы, въ замѣнъ назначенныхъ ему по духовной герцогинею денегъ, были ему отданы ея домъ, находившійся въ Петербургѣ у Измайловскаго моста, и участокъ земли, лежавшій у Краснаго-кабачка, а также пожалованная императрицею герцогинѣ земля по рѣкѣ Невѣ, въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, близъ такъ называемыхъ Островковъ.

При покровительствѣ Потемкина, Гарновскому не трудно было получить благопріятную для него резолюцію по этой просьбѣ. Домъ герцогини Кингстонъ и упомянутыя земли достались ему. Надобно полагать, что домъ этотъ былъ отдѣланъ чрезвычайно роскошно. Такъ въ «Описаніи» извѣстнаго праздника, даннаго въ 1790 году Потемкинымъ въ Таврическомъ дворцѣ, между прочимъ, замѣчено, что въ главной залѣ этого дворца на каждой изъ эстрадъ стояло по вазѣ изъ бѣлаго каррарскаго мрамора съ отличною рѣзьбою, а подножіе ихъ было изъ сѣраго мрамора, «поелику — говорится далѣе въ «Описаніи» — вазы сіи имѣли чрезвычайный размѣръ по пространству мѣста, въ которомъ находились, то можно судить о величинѣ оныхъ и драгоцѣнности» и затѣмъ добавлено, что князь Потемкинъ купилъ ихъ изъ оставшагося имущества герцогини Кингстонъ.

Вступивъ въ права душеприкащика, Гарновскій началъ распоряжаться въ Чудлейскихъ мызахъ самовольно, какъ пол-

ный безотчетный хозяинъ; онъ вывозилъ оттуда къ себѣ въ Петербургъ и цѣнные предметы, и разный домашній скарбъ. Между тѣмъ баронъ Розенъ, считая себя владѣльцемъ этихъ мызъ, тщетно во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ старался доказать свои права на полученіе означеннаго имѣнія, ссылаясь на то, что оно было подарено ему герцогинею при свидѣтеляхъ, а именно: въ присутствіи ея капельмейстера, чеха Цигалы, и ея «подружки» или компаніонки де-Мюнье, искавшей, впрочемъ, и въ свою очередь съ имѣнія герцогини и не заплаченнаго ей за нѣсколько лѣтъ жалованья, и не выданныхъ ей по обѣщанію «знатныхъ» подарковъ и доводя, на основаніи этого, сумму своего иска до 12,000 рублей. Судебныя мѣста, въ виду сбивчивости свидѣтельскихъ показаній Цигалы и де-Мюнье, подкрѣпляя свои рѣшенія шведскими, и датскими, и русскими законами, а также и уставами благороднаго эстляндскаго рыцарства, отказывали барону Розену въ его искѣ. Въ апелляціонныхъ своихъ жалобахъ онъ указывалъ на то, что рѣшеніе состоялось не въ его пользу только вслѣдстіе «развратнаго» толкованія словъ и въ доказательство особаго къ нему расположенія герцогини ссылался, между прочимъ, на то, что она однажды поручила ему «купить пару волторнъ». Какъ ни хлопоталъ баронъ, но очевидно было, что при такой слабости юридическихъ доказательствъ дѣла ему не выиграть и, дѣйствительно, онъ умеръ, не дождавшись развязки начатаго имъ процесса и передавъ свою тяжбу съ Гарновскимъ въ наслѣдіе двумъ своимъ дочерямъ.

VI.

Распоряжаясь полновластно въ Чудлейскихъ мызахъ, Гарновскій, вопреки завѣщанію герцогини, не отпускалъ на волю четырехъ ея рабовъ (esclaves), которымъ она, послѣ своей смерти, предоставила свободу; не уплачивалъ никому денегъ, слѣдовавшихъ по завѣщанію, и не приводилъ въ исполненіе той статьи духовной, въ силу коей $^1/_{10}$ часть всѣхъ доходовъ герцогини съ принадлежащихъ ей въ Россіи владѣній была назначена «той особѣ или тѣмъ особамъ, которой или кото-

рымъ ея императорскому величеству благоугодно будетъ разрѣшить принять эти деньги для собственнаго ихъ употребленія». Имѣя повсюду покровителей и благопріятелей, нажитыхъ во время Потемкина, Гарновскій не хотѣлъ никого и ничего знать. Онъ слылъ въ ту пору однимъ изъ самыхъ первыхъ петербургскихъ богачей. Управляя домашними дѣлами князя Таврическаго, а также принадлежавшимъ тогда князю, а нынѣ казнѣ, стекляннымъ заводомъ, находящимся подъ Петербургомъ, за Александро-Невскимъ монастыремъ, Гарновскій дѣйствительно нажилъ большія деньги и, между прочимъ, задумалъ употребить часть ихъ на постройку у Измайловскаго моста громаднаго каменнаго дома, носящаго и понынѣ имя перваго своего владѣльца. Сосѣдомъ при постройкѣ, затѣянной Гарновскимъ, оказался знаменитый Гавріилъ Романовичъ Державинъ, излившій свой гнѣвъ на Гарновскаго въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, озаглавленномъ «Второму сосѣду», такъ какъ Державинъ въ своихъ стихотворныхъ произведеніяхъ «первымъ сосѣдомъ» считалъ М. С. Голикова, съ которымъ онъ жилъ прежде рядомъ на Сѣнной площади. Сосѣдомъ же Гарновскаго Державинъ сдѣлался тогда, когда онъ, Державинъ, купилъ у Измайловскаго моста домъ, принадлежащій нынѣ римско-католической духовной коллегіи, и стоявшій рядомъ со строившимся домомъ Гарновскаго. Обращаясь къ строителю этого дома, Державинъ писалъ:

Почто же мой второй сосѣдъ
Столь зданьемъ пышнымъ, столь отличнымъ
Мнѣ солнца застѣняя свѣтъ,
Дворомъ межуешь безграничнымъ
Ты дому моему заборъ?
Ужель полей, прудовъ и рѣчекъ
Тьмы скупленныхъ тобой мѣстечекъ
Твой не насытятъ взоръ?

Гарновскій задумалъ выстроить домъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, до которыхъ въ ту пору не доходили еще частныя постройки въ Петербургѣ, гдѣ его домъ, по своей величинѣ и вышинѣ, долженъ былъ быть самымъ обширнымъ зданіемъ послѣ Зимняго дворца. Великолѣпное это зданіе должно было примыкать къ дому Державина «эрмитажемъ», въ которомъ предполагалось устроить садъ и фонтаны. Гар-

новскій строилъ свой домъ, разсчитывая на то, что его купитъ императрица для кого нибудь изъ великихъ князей или княженъ, и надѣялся, что онъ при этомъ, благодаря содѣйствію князя Потемкина, перехватитъ порядочный кушъ. Державинъ, однако, пророчилъ ему не доброе, говоря:

Богъ вѣсть, что рокъ готовитъ намъ?
Быть можетъ, что сіи чертоги,
«Назначенны тобой царямъ»,
Жестоки времена и строги
Во стойла конски» обратятъ!
За счастіе поруки нѣту,
И чтобъ твой Фебъ свѣтилъ вѣкъ свѣту —
Не бейся объ закладъ!

Предсказаніе Державина на счетъ Феба, свѣтившаго Гарновскому, и подъ которымъ онъ подразумѣвалъ Потемкина, вскорѣ сбылось. Могущественный покровитель предпріимчиваго полковника умеръ прежде, чѣмъ этотъ послѣдній успѣлъ подвести подъ крышу свой громадный домъ. Гарновскій, насколько могъ, воспользовался смертью своего покровителя. Такъ какъ онъ, Гарновскій, завѣдывалъ Таврическимъ дворцомъ, принадлежавшимъ тогда Потемкину, то, узнавъ о смерти его владѣльца, онъ тотчасъ принялся вывозить оттуда въ свой домъ картины, статуи, мраморъ и разные строительные матеріалы. По поводу этого Державинъ писалъ:

Къ чему ты съ рвеньемъ столь безмѣрнымъ
Свой строишь постоялый дворъ,
И, ахъ, сокровища Тавриды
На баркахъ свозишь въ пирамиды
Средь полицейскихъ ссоръ?

Этой послѣдней строфою Державинъ намекалъ на слѣдующее обстоятельство: когда Гарновскій принялся по своему опустошать Таврическій дворецъ, то одинъ изъ наслѣдниковъ князя Потемкина, генералъ-прокуроръ Самойловъ, остановилъ черезъ полицію своевольныя распоряженія Гарновскаго. Затѣмъ, все кончилось для Гарновскаго вполнѣ благополучно и онъ до конца царствованія Екатерины II спокойно владѣлъ своимъ домомъ и также спокойно распоряжался Чудлейскими мызами герцогини Кингстонъ.

Когда, 6-го ноября 1796 года, вступилъ на престолъ императоръ Павелъ Петровичъ, то онъ пожелалъ водворить

повсюду правосудіе и нелицепріятіе; но онъ уже слишкомъ увлекался этимъ благимъ желаніемъ и безпрестанно впадалъ въ ошибки, ставя выше законовъ свои личныя вспышки. Онъ, между прочимъ, приказалъ, чтобы генералъ-прокуроръ Самойловъ представилъ ему списокъ всѣхъ дѣлъ, нерѣшенныхъ въ сенатѣ. Въ этотъ роковой для Гарновскаго списокъ попало и дѣло о наслѣдствѣ послѣ герцогини Кингстонъ. Безъ всякаго сомнѣнія, это дѣло, отмѣченное фамиліею герцогини Кингстонъ, само по себѣ должно было бы привлечь вниманіе государя, но вѣроятно также и то, что Самойловъ, помня разграбленіе Таврическаго дворца Гарновскимъ, воспользовался этимъ дѣломъ, чтобы порядкомъ проучить зазнавшагося Гарновскаго. Освѣдомившись у генералъ-прокурора о сущности упомянутаго дѣла, государь узналъ, что окончаніе его замедляется неблаговиднымъ образомъ дѣйствій душеприкащика герцогини, полковника Гарновскаго. Императору Павлу Петровичу, сильно недолюбливавшему князя Потемкина, было, разумѣется, извѣстно, что Гарновскій находился въ числѣ людей самыхъ близкихъ къ покойному князю и что онъ былъ его креатурою. Этого обстоятельства, помимо даже вопроса о правосудіи въ отношеніи наслѣдниковъ герцогини Кингстонъ, было вполнѣ достаточно, чтобы вызвать со стороны впечатлительнаго и вспыльчиваго Павла Петровича самыя крутыя мѣры противъ Гарновскаго. Не входя въ разборъ вопроса о томъ, на какомъ основаніи Гарновскій распоряжался имѣніемъ герцогини Кингстонъ, императоръ тотчасъ же подписалъ указъ о немедленномъ отобраніи отъ Гарновскаго Чудлейскихъ мызъ. «Все имѣніе ея, — сказано было въ этомъ указѣ, — оставить на казенномъ секвестрѣ и дѣла, до онаго касающіяся, гдѣ оныя подъ разсмотрѣніемъ состоятъ, скорѣе привести къ концу».

Прежде, однако, чѣмъ, по общему ходу тогдашняго слишкомъ медленнаго дѣлопроизводства, могъ быть полученъ на мѣстѣ этотъ высочайшій указъ, поступила непосредственно къ императору жалоба отъ графа Стенбока на Гарновскаго, какъ на душеприкащика герцогини Кингстонъ, уклоняющагося отъ добросовѣстнаго и точнаго исполненія ея посмертной воли. Надобно сказать, что въ числѣ лицъ, которымъ были назначены по духовной леди Кингстонъ денежныя вы-

дачи, находился и проживавшій въ Чудлейскихъ мызахъ аптекарь Мейеръ. Герцогиня, какъ замѣчено было выше, назначила выдать ему 30,000 руб., но Гарновскій, подъ тѣмъ предлогомъ, что аптекарь названъ былъ въ завѣщаніи не Мейеромъ, а Майеромъ, на-отрѣзъ отказался выплатить завѣщанную ему сумму, утверждая, что между Мейеромъ и Майеромъ существуетъ большая разница и что, поэтому, явившійся за полученіемъ наслѣдства аптекарь Мейеръ вовсе не есть тотъ аптекарь Майеръ, которому оно должно быть выдано. Напрасно, подавая просьбу за просьбой, добивался почтенный фармацевтъ ускользавшаго, вслѣдствіе неточности одной только буквы, изъ его рукъ весьма значительнаго куша. Гарновскій настаивалъ на своемъ отказѣ и Мейеръ, выбившись, наконецъ изъ силъ, передалъ свою претензію къ Гарновскому отставному полковнику графу Вилиму Стенбоку.

Стенбокъ, какъ видно, былъ человѣкъ неробкаго десятка и онъ, не думая долго, написалъ прямо императору, на французскомъ языкѣ, трогательное письмо, выставивъ въ самомъ неблаговидномъ свѣтѣ поступки Гарновскаго, который, по словамъ Стенбока, пользуясь своими обширными связями въ Петербургѣ и имѣя повсюду множество покровителей, безнаказанно притѣсняетъ и обижаетъ бѣдныхъ людей. Разумѣется, что въ этой жалобѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, все упованіе просителя возлагалось единственно на правосудіе государя. Въ заключеніи своемъ Стенбокъ просилъ, чтобы его величество приказалъ взять Чудлейскія мызы въ казенный секвестръ, дабы онъ, Стенбокъ, могъ быть удовлетворенъ, хотя бы и въ разные сроки, изъ доходовъ, получаемыхъ нынѣ душеприкащикомъ герцогини Кингстонъ, полковникомъ Гарновскимъ.

Не принявъ въ соображеніе, могъ ли данный генералъ-прокурору указъ о взятіи имѣнія герцогини Кингстонъ, по краткости времени, дойти до тѣхъ мѣстъ и лицъ, на которыхъ лежала обязанность окончательно исполнить его,—императоръ Павелъ Петровичъ, въ припадкѣ страшнаго гнѣва за неисполненіе его повелѣнія, написалъ, 16-го іюня 1797 года, собственноручно тогдашнему генералъ-прокурору, князю Александру Борисовичу Куракину, слѣдующее: «повелѣваемъ вамъ дать отвѣтъ, почему указъ нашъ объ отобраніи отъ

полковника Гарновскаго имѣнія покойной герцогини Кингстонъ не исполненъ и, отыскавъ виновныхъ таковаго неисполненія, отдать непремѣнно подъ судъ, каковому подвергнуть и самого Гарновскаго». Тщетно Гарновскій заявлялъ князю Куракину, что онъ, Гарновскій, дѣйствовалъ въ отношеніи этого имѣнія вполнѣ законно, какъ душеприкащикъ, утвержденный указомъ въ Бозѣ почивающей императрицы Екатерины II Алексѣевны; что онъ, сообразно съ доходами, получаемыми имъ съ этого имѣнія, удовлетворяетъ всѣ претензіи, открывающіяся по оставшему послѣ герцогини наслѣдству. Въ подтвержденіе этого онъ представилъ князю Куракину даже какіе-то счеты, изъ которыхъ оказывалось, что онъ, въ силу исполняемаго имъ завѣщанія, выплатилъ уже одинъ разъ 159,000, а другой разъ 146,000 рублей. Къ этому Гарновскій добавилъ, что если онъ не удовлетворяетъ домогательствъ барона Розена и претензіи аптекаря Мейера, перешедшей нынѣ къ графу Стенбоку, то онъ поступаетъ совершенно правильно, повинуясь законамъ, такъ какъ въ пользу этихъ лицъ донынѣ не состоялось никакого судебнаго рѣшенія, безъ котораго онъ не считаетъ себя въ правѣ распоряжаться имуществомъ покойной герцогини въ пользу тѣхъ лицъ, которыя несомнѣннымъ образомъ не доказали своихъ притязаній.

Однако прежде чѣмъ князь Куракинъ успѣлъ представить государю докладъ и объясненія по этому дѣлу, онъ получилъ отъ тогдашняго с.-петербургскаго генералъ-губернатора, графа Буксгевдена, письмо, въ которомъ отъ лица графа излагалось: «въ сходственность послѣдовавшаго мнѣ всевысочайшаго повелѣнія его императорскаго величества:—исключеннаго изъ службы Гарновскаго прикажите посадить подъ караулъ въ первой караульной и потомъ отошлите къ генералъ-прокурору для отдачи подъ судъ — оный посаженъ и отъ здѣшняго коменданта барона Аракчеева къ вашему сіятельству присланъ быть имѣетъ». На третій день послѣ подписи этого письма, Аракчеевъ прислалъ подъ военнымъ конвоемъ къ Куракину взятаго подъ караулъ Гарновскаго, для котораго и началась теперь самая бѣдственная пора.

Свѣдѣнія о распоряженіяхъ императора Павла Петровича въ отношеніи Гарновскаго заимствованы нами изъ подлин-

наго дѣла «объ имѣніи герцогини Кингстонъ и объ отдачѣ подъ судъ полковника Гарновскаго»; они не сходятся нѣсколько съ тѣми свѣдѣніями, которыя сообщаетъ академикъ Я. К. Гротъ въ примѣчаніяхъ къ «Сочиненіямъ» Державина (т. I, стр. 440). Тамъ сказано: «Гарновскій, какъ повѣренный Потемкина, переводилъ во время турецкой войны огромныя суммы, не давая никому отчета; онъ подвергся подозрѣнію въ незаконномъ ихъ употребленіи и, по восшествіи на престомъ Павла, никогда неблаговолившаго къ Потемкину, былъ посаженъ въ крѣпость». Безъ всякаго сомнѣнія — какъ мы это уже и замѣтили — нерасположеніе Павла къ Потемкину отозвалось бѣдственно на кліентѣ князя, Гарновскомъ, но ни изъ дѣла объ отдачѣ его подъ судъ, ни изъ бумагъ, относящихся къ его аресту, вовсе не видно, чтобы при этомъ возникалъ вопросъ о деньгахъ, переходившихъ къ Потемкину чрезъ Гарновскаго. Прямою и, можно даже сказать, единственною причиною гибели Гарновскаго была принесенная императору графомъ Стенбокомъ жалоба на Гарновскаго, какъ на недобросовѣстнаго душеприкащика герцогини Кингстонъ.

Дѣло Гарновскаго, производившееся въ сенатѣ по имѣнію герцогини, значится оконченнымъ 14-го апрѣля 1798 года, причемъ относительно его не состоялось никакого обвинительнаго приговора, и онъ, только въ силу высочайшаго указа, лишился права быть душеприкащикомъ покойной герцогини, такъ какъ въ право это вступила казна, и намъ неизвѣстно, какъ при ея представительствѣ разрѣшились претензіи барона Розена и аптекаря Мейера.

Что же касается Гарновскаго, то онъ, по окончаніи въ сенатѣ этого дѣла, былъ выпущенъ изъ крѣпости, но очутился въ самомъ бѣдственномъ положеніи, такъ какъ всѣ дѣла его были разстроены въ конецъ и самъ онъ находился подъ надзоромъ «Тайной Экспедиціи» *). Державинъ былъ для него зловѣщимъ, но правдивымъ пророкомъ: дѣйствительно, «жестокія и строгія времена» обратили построенные

*) П. С. З. т. XXVI № 19,784: указъ императора Александра, 13-го марта 1801 года, о прощеніи лицъ, содержавшихся по дѣламъ производствъ Тайной Экспедиціи.

имъ, Гарновскимъ, чертоги, предназначавшіяся царямъ, въ «конскія стойла», такъ какъ домъ Гарновскаго, по разнымъ на него начетамъ, былъ отобранъ въ казенное вѣдомство и обращенъ въ казармы конногвардейскаго полка. Самъ же Гарновскій, за неплатежъ частныхъ долговъ, попалъ въ городскую тюрьму, гдѣ и оставался до вступленія на престолъ императора Александра Павловича. Онъ потерялъ все свое громадное состояніе до послѣдней копѣйки и хотя послѣ испытанныхъ имъ передрягъ и пускался въ разныя спекуляціи, преимущественно по коммисаріатской части, но уже не могъ поправиться и кончилъ жизнь въ крайней бѣдности. Годъ смерти его въ точности неизвѣстенъ, но, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, надобно полагать, что неудавшійся душеприкащикъ герцогини Кингстонъ умеръ въ 1810 году.

КНЯЗЬ А. А. БЕЗБОРОДКО.

I.

Отзывъ Екатерины о своей государственной дѣятельности. — Участіе въ этой дѣятельности французскихъ мыслителей и г-жи Жоффренъ. — Положеніе тогдашнихъ государственныхъ людей въ Россіи. — Секретари императрицы. — Ихъ обязанности. — Орловъ, Потемкинъ и Зубовъ. — Смѣшеніе понятій о государственныхъ людяхъ и «знатныхъ особахъ».

«Всѣ порютъ, одна только я крою» — говаривала императрица Екатерина II, примѣняя эти слова не къ женскимъ рукодѣльямъ, которыми она, какъ извѣстно, вовсе не занималась, а къ устройству и управленію русскаго государства, надъ чѣмъ она трудилась въ теченіе слишкомъ тридцатичетырехъ лѣтняго своего царствованія. Эти горделивыя, отзывающіяся самовосхваленіемъ слова она повторяла и въ своихъ письмахъ къ современнымъ иностраннымъ мудрецамъ, когда поставляла имъ на видъ все то, что̀ было сдѣлано въ Россіи во время ея правленія. Разумѣется, нельзя оспоривать, что въ своей державѣ Екатерина II была главною государственною закройщицею, чему, конечно, способствовалъ ея быстрый и обширный умъ, а въ послѣдствіи и навыкъ къ веденію государственныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ, однако, признать, что этой вѣнчанной «закройщицѣ» присылались государственныя выкройки преимущественно оттуда, откуда шли въ Россію и модные фасоны, т. е., изъ Франціи. По крайней мѣрѣ, такъ было до послѣднихъ годовъ ея царствованія, когда начавшаяся во Франціи революція побудила

КНЯЗЬ А. А БЕЗБОРОДКО.

Съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ XXVI т. „Сборника Императорскаго Историческаго Общества" рѣз. на деревѣ А. И. Зубчаниновъ.

государыню измѣнить ея прежнюю, и внѣшнюю, и внутреннюю, политику. Извѣстно, что знаменитый «Наказъ» былъ составленъ Екатериною подъ прямымъ вліяніемъ смѣлыхъ французскихъ мыслителей, а къ составленію «греческаго проэкта» побудилъ ее Вольтеръ, вызывавшій въ ней сочувствіе къ древней Греціи. Такимъ образомъ къ числу «русскихъ» государственныхъ людей екатерининскихъ временъ слѣдуетъ присоединить: Вольтера, Дидро, д'Аламбера и въ особенности извѣстнаго барона Гримма, оракула тогдашнихъ европейскихъ кабинетовъ, мнѣніями котораго преимущественно дорожила Екатерина. Лица эти, хотя и безчиновныя по «табели о рангахъ», были, однако, въ сущности «тайными», и, пожалуй, даже и «дѣйствительными тайными совѣтниками» ея величества императрицы всероссійской и въ значительной степени руководили ея начинаніями. При ней въ государственныя дѣла Россіи вмѣшивались, по временамъ даже иностранныя особы женскаго пола. Такъ, напримѣръ, г-жа Біельке и слывшая во Франціи въ свое время отъявленною умницей госпожа Жоффренъ, по поводу изданія «Дворянской Граматы» сообщала императрицѣ свои замѣчанія и, между прочимъ, сдѣлала запросъ: почему, въ силу этой «Граматы», древніе дворянскіе роды должны быть вносимы въ шестую часть родословной книги, т. е., въ послѣднюю ея часть, тогда какъ, занимая въ средѣ дворянства самое почетное мѣсто, они, какъ казалось г-жѣ Жоффренъ, должны были бы подлежать внесенію въ первую часть? Эта же самая госпожа Жоффренъ приставала, въ своихъ письмахъ, къ императрицѣ, съ докукою, чтобы въ Россіи, по образцу Франціи, было учреждено среднее сословіе, представляя надлежащіе по сему предмету соображенія и доводы. Поэтому, когда государыня издала «Городовое Положеніе», то она поспѣшила увѣдомить госпожу Жоффренъ, что желаніе ея исполнено, такъ какъ въ Россіи изъ городскихъ обывателей учреждено особое самостоятельное среднее сословіе, соотвѣтствующее французскому «tiers-état».

При указанныхъ выше условіяхъ, т. е. при кройкѣ государственныхъ дѣлъ самою Екатериною и при доставкѣ фасоновъ и даже подкладки изъ-чужа, для самостоятельной дѣятельности коренныхъ русскихъ государственныхъ людей

оставалось иногда не слишкомъ много простора, хотя они, вопреки словамъ императрицы, не только пороли, но еще или сметывали то и другое на живую нитку, или сшивали въ строчку. Работа эта предоставлялась собственно ея секретарямъ, которые частію переводили съ французскаго что̀ либо написанное императрицею, исправляли ея крайне неправильный русскій языкъ, или на этомъ языкѣ развивали ея мысли, изложенныя въ общихъ словахъ. Но такія дѣла, бывшія на рукахъ ближайшихъ сотрудниковъ Екатерины, нельзя назвать дѣлами государственными, въ настоящемъ смыслѣ этихъ словъ, такъ какъ, по существу, они должны считаться только дѣлами канцелярскими. Секретарямъ ея не было предоставлено права ни почина, ни совѣщательнаго голоса. Они были только тѣмъ, чѣмъ были въ старину царскіе дьяки, и по кругу опредѣленной для нихъ дѣятельности были равносильны современнымъ намъ директорамъ, правителямъ канцелярій, и дѣлопроизводителямъ, не имѣющимъ личной самостоятельности по направленію поручаемыхъ имъ дѣлъ. Такъ это предполагалось, но на дѣлѣ выходило порою нѣсколько иначе.

Что касается сановниковъ, стоявшихъ, какъ выражались нѣкогда, у кормила правленія, то, конечно, и они не могли пользоваться такою достаточною самостоятельностію, при которой вполнѣ обнаружились бы ихъ способности и дарованія, такъ какъ всѣ ихъ предначертанія и предположенія по общимъ государственнымъ дѣламъ зависѣли исключительно отъ благоусмотрѣнія самой государыни, не говоря уже о томъ, что имъ приходилось очень часто приноровляться къ воззрѣніямъ Монтескье, Вольтера и т. д., и согласоваться преимущественно съ вѣяніями Запада. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что исключеніе въ этомъ случаѣ составляли при ней только двѣ личности: графъ, впослѣдствіи князь Григорій Орловъ, стоявшій, впрочемъ, весьма непродолжительное время у дѣлъ, и князь Потемкинъ. Оба они вмѣстѣ съ тѣмъ были люди случая. Первый изъ нихъ не проявилъ особенной дѣятельности въ качествѣ государственнаго человѣка, послѣднему-же такое названіе можетъ быть присвоено, но и то условно. По вполнѣ вѣрному отзыву графа С. Р. Воронцова, «Потемкинъ ни намѣреній постоянныхъ, ни плановъ опредѣлительныхъ ни на что не имѣлъ, а колобродилъ, такъ какъ всякая минута

вносила въ голову мысль, одна другую опровергающую». Другой современникъ писалъ: «у Потемкина полетъ орла и непостоянство ребенка». Сама императрица признавала умственное превосходство Потемкина надъ собою и дала ему неограниченную власть и полную свободу дѣйствій, такъ что Потемкинъ стоялъ въ исключительномъ положеніи и нѣкоторое время былъ владыкою надъ помыслами и волею своей повелительницы. За тѣмъ всѣ прочіе служебные дѣятели, которые являлись или только промелькнули въ царствованіе Екатерины II, въ знатности, почетѣ и во власти, были или только людьми случайными, баловнями счастья,— разумѣется относительнаго,— или же людьми дѣловыми съ большею или меньшею добросовѣстностію, а также съ бо́льшимъ или мѐньшимъ умѣніемъ исполнявшіе предначертанія самой государыни. Они были исполнителями ея воли, полезными, въ иныхъ случаяхъ, совѣтниками, передатчиками на бумагѣ ея личныхъ воззрѣній, но никто изъ нихъ не имѣлъ самостоятельности и тѣмъ еще менѣе преобладающаго,—въ смыслѣ общаго государственнаго управленія — надъ нею вліянія. Они оставались только на степени ея помощниковъ, такъ что ихъ никакъ нельзя назвать «государственными людьми», не смотря на всѣ усилія ихъ жизнеописателей, некрологистовъ, біографовъ и панегиристовъ. Въ послѣдніе годы ея царствованія князь Зубовъ пытался-было, при поддержкѣ со стороны самой Екатерины, явиться въ обликѣ государственнаго мужа, но надменный и всемогущій, а вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченный по уму временщикъ не имѣетъ права притязать на дѣйствительность такого значенія, и, конечно, ни одинъ добросовѣстный историкъ не отведетъ князю Зубову почетнаго мѣста въ русской исторіи, а упомянетъ о немъ лишь въ дворцовыхъ лѣтописяхъ.

Въ былую пору у насъ обыкновенно смѣшивали понятіе о государственномъ человѣкѣ съ понятіемъ о знатной особѣ. Достаточно было кому нибудь, по какимъ бы то ни было причинамъ, достигнуть высокаго положенія на службѣ или даже хоть при дворѣ, чтобы быть причисленнымъ къ сонму государственныхъ людей. Тогда случайность и фаворъ не отличались отъ дѣйствительныхъ выдающихся способностей, заслугъ и служебныхъ трудовъ, понесенныхъ сановникомъ на

пользу родной страны, и была пора, когда даже простеца графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго могли считать государственнымъ человѣкомъ. Это, впрочемъ, понятно. Если и въ настоящее время у насъ нѣтъ средствъ для правильной и безпристрастной оцѣнки выдвинувшихся впередъ сановниковъ, то слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ такихъ средствъ было еще менѣе. Внѣшній блескъ высокопоставленнаго лица ослѣплялъ его современниковъ, а слѣдующее за тѣмъ поколѣніе тоже увлекалось этимъ ложнымъ блескомъ и приписывало знатной особѣ лично такія дѣянія, въ отношеніи которыхъ существовала только его подпись какъ служебнаго представителя; тогда какъ двигателемъ, направителемъ и исполнителемъ государственныхъ дѣлъ онъ въ сущности вовсе не былъ, а закрѣплялъ лишь нѣкоторыя наиболѣе важныя бумаги своимъ рукоприкладствомъ.

II.

Школы государственной мудрости. — Значеніе такихъ школъ. — Условія ихъ преемственности. — Вліяніе государственныхъ переворотовъ. — Случайные люди. — Государственные люди при Петрѣ Великомъ. — Безцвѣтность нашихъ государственныхъ людей прежняго времени. — Времена Елизаветы Петровны. — Недостатокъ въ государственныхъ людяхъ ко времени воцаренія Екатерины II. — Вліяніе женскаго правленія.

Извѣстно, что въ области разныхъ наукъ и искусствъ признаётся существованіе такъ называемыхъ «школъ», т. е. преемственность знаній и направленій установившихся подъ вліяніемъ или подъ непосредственнымъ руководствомъ личностей, особенно выдавшихся на ученомъ или художественномъ поприщѣ. Существованіе такихъ «школъ» допускается обыкновенно и по веденію государственныхъ дѣлъ, т. е., допускается подготовка какимъ нибудь государственнымъ дѣятелемъ если и не прямого себѣ преемника, то хоть такого, который заступитъ его мѣсто въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ и станетъ дѣйствовать въ духѣ своего предшественника. Такъ какъ занятіе той или другой высокой должности въ системѣ государственнаго управленія зависитъ не отъ чьего либо личнаго къ тому предрасположенія или стремленія, а отъ различныхъ случайностей, то подготовка въ «школахъ» государ-

ственной мудрости очень рѣдко ведетъ къ предположенной цѣли. Тогда какъ ученый, писатель, живописецъ, актеръ могутъ совершенно свободно слѣдовать и подражать повліявшимъ на него образцамъ,—если только собственное его дарованіе не откроетъ ему новаго самостоятельнаго пути — въ кругу государственной дѣятельности являются иныя условія. Здѣсь уже не можетъ быть полной свободы, такъ какъ нерѣдко рядъ уступокъ необходимыхъ для того, чтобъ сохранить иногда хоть нѣкоторую долю вліянія, заставляетъ государственнаго человѣка не только уклоняться отъ намѣченной имъ заранѣе цѣли, но и отъ того образа дѣйствій, который онъ желалъ бы себѣ усвоить. Положеніе въ такомъ случаѣ бываетъ очень шаткое и болѣе обыкновеннымъ его послѣдствіемъ оказывается или окончательное или временное удаленіе извѣстнаго лица отъ государственныхъ дѣлъ. Такая участь почти всюду и во всѣ времена постигала видныхъ государственныхъ дѣятелей, и потому существованіе той или другой ихъ «школы», какъ существованіе не самостоятельное, а только случайное, не можетъ продолжаться въ правильной и устойчивой преемственности.

Если замѣчаніе это можетъ быть примѣнено ко всѣмъ странамъ и ко всякой порѣ, то оно въ особенности примѣнимо къ Россіи и притомъ, преимущественно къ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія, когда династическіе перевороты имѣли такое сильное и неизбѣжное вліяніе на личный составъ высшаго государственнаго управленія. При подобныхъ переворотахъ о духовной преемственности въ упомянутомъ составѣ не могло быть и рѣчи. Все зависѣло отъ случая, и потому въ ту пору люди «случайные» и являлись у насъ въ образѣ людей государственныхъ. Возможна ли была правильная преемственность по управленію государственными дѣлами, если даже верховная власть неожиданно и быстро переходила отъ одного лица къ другому? При чемъ вновь водворявшееся правительство непріязненно смотрѣло на предшествовавшее, а представители его внушали къ себѣ и недовѣріе и часто даже злобу въ тѣхъ, которые неожиданно становились могучею силою. Вслѣдствіе этого, при дворѣ являлись новыя лица, которыя и распредѣляли различныя отрасли государственнаго управленія между своими родственниками,

любимцами, близкими людьми и болѣе или менѣе преданными сторонниками.

Петръ Великій какъ будто создалъ около себя какую-то новую школу государственныхъ людей, которыхъ въ недавнее время у насъ, воспользовавшись однимъ стихомъ Пушкина изъ поэмы «Полтава», стали называть его «птенцами», но совсѣмъ не въ томъ похвальномъ смыслѣ, въ какомъ употребилъ это слово нашъ знаменитый поэтъ. Возникновеніе такой школы было необходимымъ послѣдствіемъ преобразованій, предпринятыхъ, а отчасти и исполненныхъ Петромъ. Крутой переворотъ въ общемъ государственномъ управленіи неизбѣжно долженъ былъ вызвать особыхъ представителей новаго порядка. При этомъ, помимо вопросовъ объ ихъ достоинствахъ, способностяхъ, пригодности и подготовкѣ, замѣчается еще одна особенность, объусловленная силою обстоятельствъ того времени. Въ средѣ государственныхъ людей, окружавшихъ Петра, бросается прежде всего въ глаза своего рода странная смѣсь ея личнаго состава. Въ ней были: представители старѣйшаго московскаго боярства—князь Ромодановскій и Стрѣшневъ; какъ бы перешагнувшій черезъ рубежъ московской старины, мальтійскій кавалеръ и графъ Шереметевъ, потомокъ древняго боярскаго рода. Отрасли Рюрпковичей—князья Долгорукіе и князь Рѣпнинъ; отрасль Гедиминовичей — европейски образованный для той поры князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ; обрусѣвшій потомокъ древнихъ королей шотландскихъ — Брюсъ; бывшій нѣкогда сторонникъ Милославскихъ—злѣйшихъ враговъ царя Петра—Петръ Толстой. а во главѣ всѣхъ ихъ стоялъ первый любимецъ государя, взятый изъ простонародья и сдѣлавшійся свѣтлѣйшимъ княземъ и герцогомъ Ижорскимъ—Александръ Меньшиковъ. На менѣе видныхъ мѣстахъ при Петрѣ Великомъ были: сынъ нѣмецкаго заграничнаго пастора Остерманъ; сынъ органиста лютеранской церкви въ Москвѣ Ягужинскій и выдвинувшійся изъ сѣрыхъ русскихъ людей кабинетъ-секретарь государя Макаровъ.

Разумѣется, что въ такомъ пестромъ составѣ правительственныхъ силъ не могло быть желаемаго объединенія. Да въ немъ, при жизни Петра, пожалуй, и не представлялось крайней необходимости. Петръ лично и непосредственно

не только управлялъ всѣми важными государственными дѣлами, но и входилъ во всѣ подробности и даже мелочи такихъ дѣлъ, которыя, повидимому, не имѣли первенствующаго значенія. Отъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ онъ требовалъ только неутомимой дѣятельности и строгой исполнительности. Кромѣ того, основаніемъ высшаго коллегіальнаго учрежденія — «правительствующаго» сената, и установленіемъ отъ этого учрежденія особыхъ ревизій по всѣмъ отраслямъ управленія, Петръ надѣялся предотвратить тѣ злоупотребленія, которыя могли бы происходить вслѣдствіе личнаго произвола сильныхъ вельможъ и царедворцевъ.

Послѣ смерти Петра Великаго, во главѣ тогдашнихъ «государственныхъ» людей явился одинъ изъ самыхъ неудачныхъ его «птенцовъ» — князь Меньшиковъ, прикрывавшій весьма слабо свое неограниченное самовластіе именемъ возведенной имъ на престолъ императрицы Екатерины I и потомъ Петра II, а также учрежденнаго имъ верховнаго тайнаго совѣта, которому онъ, по безграмотности государыни, посылалъ указы по собственному своему усмотрѣнію. Послѣ паденія Меньшикова, началось господство князей Долгорукихъ подъ именемъ императора Петра II. За тѣмъ, послѣ неудачной попытки верховниковъ и одолѣнія ихъ челобитчиками, установилась власть Бирона, отзывавшаяся, однако, на внутреннемъ управленіи государства вовсе не такъ сильно, какъ это обыкновенно предполагаютъ. Быстро, послѣ того, промелькнуло время регентства герцога курляндскаго и великой княгини Анны Леопольдовны и, наконецъ, наступило двадцатилѣтнее царствованіе императрицы Елизаветы Петровны.

Частыя и, въ добавокъ къ тому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ насильственныя смѣны представителей державной власти, не давали возможности упрочиться государственнымъ людямъ на тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ они, такъ или иначе, примощались. Бо́льшая ихъ часть быстро падала съ той высоты, на которую они успѣвали взобраться, и затѣмъ они отправлялись въ изгнаніе или ссылку, а въ числѣ ихъ кабинетъ-министръ Волынскій даже поплатился головою. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что за исключеніемъ Остермана и Бестужева-Рюмина у насъ, за все время этихъ государственныхъ или, вѣрнѣе сказать, династическихъ переворо-

товъ, не выдвинулся никто, справедливо заслужившій названіе государственнаго человѣка. Правда, были у насъ канцлеры, вице-канцлеры, кабинетъ-министры и разные другіе высокіе сановники, но не было государственныхъ людей, оставившихъ замѣтный слѣдъ въ исторіи нашего внутренняго управленія, или законодательства, или внѣшней политики. Все было шатко, безъ опредѣленной цѣли, и дѣла дѣлались какъ бы сами собою, безъ замѣтнаго на нихъ вліянія той или другой личности — разумѣется, вліянія обдуманнаго, благотворнаго, а не обусловленнаго только случайностію или какою-либо прихотью.

Воцареніе императрицы Елизаветы Петровны выдвинуло на поприще государственной дѣятельности нѣсколько новыхъ, вовсе не извѣстныхъ до того времени лицъ. Эти новички были то же люди случайные; одни — безъ всякихъ ручательствъ за ихъ способности къ веденію государственныхъ дѣлъ, а другіе даже съ несомнѣнными признаками непригодности къ занятіямъ этого рода. Такія условія не воспрепятствовали имъ, однако, стать на высокихъ ступеняхъ государственной службы, но они были безцвѣтные, не сдѣлали ровно ничего существеннаго для своего отечества, и имена ихъ записаны въ исторіи, какъ записываютъ въ церковныя и монастырскія поминанія имена знатныхъ покойниковъ для того, чтобы молиться объ отпущеніи ихъ прегрѣшеній вольныхъ и невольныхъ. Изъ государственныхъ дѣятелей елизаветинскихъ временъ, не смотря на всѣ свои недостатки, выдвинулся болѣе замѣтно графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, составитель нѣкоторыхъ «прожектовъ», имѣвшихъ важное для государства значеніе въ томъ или другомъ направленіи.

Вообще же должно сказать, что Екатерина II, вступившая такъ неожиданно на императорскій престолъ, не могла найти хорошо подготовленныхъ государственныхъ людей и потому ей самой приходилось или отыскивать или даже подготовлять ихъ. Среди представителей тогдашняго нашего государственнаго управленія не было упрочено никакихъ честныхъ преданій и твердыхъ убѣжденій, да и общій ходъ событій препятствовалъ этому, потому что, какъ мы уже говорили, все зависѣло отъ случайностей, а не отъ личныхъ достоинствъ. Въ упомянутыхъ представителяхъ господствовалъ духъ ин-

тригъ и происковъ и жажда наживы; каждый, стоявшій близко къ верховной власти, старался смести съ дороги другаго не только потому, что онъ заграждалъ ему ее, но и въ видахъ корысти. Въ ту пору паденіе «государственныхъ» людей сопровождалось обыкновенно конфискаціею ихъ имуществъ и потому каждый вельможа надѣялся поживиться чѣмъ нибудь послѣ падшаго сановника. Понятно, какой страшный омутъ страстей и зложелательствъ кипѣлъ въ средѣ представителей высшей правительственной власти, къ которой пробирались прежде всего отважные и пронырливые царедворцы. Главные въ государствѣ должности доставались не способнымъ, не нравственнымъ людямъ, а ловкимъ проходимцамъ, искателямъ фортуны, и этимъ объясняется недостатокъ или, вѣрнѣе сказать, совершенное отсутствіе истинно-государственныхъ даровитыхъ людей во время, близкое къ воцаренію Екатерины II.

Повидимому, на нашихъ государственныхъ дѣятелей той поры долженъ былъ бы отразиться особый отпечатокъ. Въ промежутокъ времени отъ смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II, судьбами Россіи правили въ общей сложности, въ продолженіи тридцати-трехъ лѣтъ, женщины, но вліяніе ихъ правленія не оставалось, какъ этого можно было бы ожидать, на лицахъ, окружавшихъ представительницъ верховной власти. За исключеніемъ, отличавшейся женственностію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безпечностію, правительницы Анны Леопольдовны, ни Екатерина I, ни Анна Ивановна, ни даже «кроткая Елизаветъ» не имѣли такихъ качествъ ума и сердца свойственныхъ ихъ полу, которыя необходимы державнымъ женщинамъ для того, чтобы благотворно повліять на развитіе новыхъ чувствъ и новыхъ стремленій среди ихъ подданныхъ. Ни одна изъ упомянутыхъ владычицъ Россіи не отличалась той мягкостію, тѣмъ настроеніемъ сердца, которыя могутъ болѣе или менѣе дѣйствовать обаятельно, когда они являются выдающимися свойствами верховной повелительницы. Послѣ суроваго и утомительнаго для народа царствованія Петра Великаго, Россіи нуженъ былъ нѣкоторый отдыхъ, и, какъ казалось, его скорѣе всего слѣдовало ожидать въ ту пору, когда императорская корона сіяла на челѣ женщинъ. Вышло, однако, наоборотъ.

Не говоря о кратковременномъ царствованіи Екатерины I, царствованіе Анны Ивановны оставило по себѣ тяжелую память; а главныя свойства Елизаветы, обыкновенно столь присущія женщинамъ: набожность и мелочная раздражительность, слишкомъ печально отозвались на Россіи. Ея набожность навлекла противъ раскольниковъ такія усиленныя гоненія, какихъ не испытывали они во время такъ называемой «бироновщины»; а мелочная раздражительность государыни вызвала упорную борьбу съ Пруссіею, стоившую Россіи потоковъ крови и затраты, далеко превышавшія средства и казны, и народа. Нравственная сторона представителей высшаго государственнаго управленія не могла также улучшиться въ царствованіе упомянутыхъ государынь. Онѣ не подавали ни примѣра справедливости, ни примѣра бережливости государственной казны; фаворитизмъ, непомѣрная роскошь двора и обогащеніе любимцевъ развращали царедворцевъ, изъ среды которыхъ и выходили почти исключительно мнимые государственные люди той поры, дѣйствовавшіе, конечно, подъ вліяніемъ близкихъ имъ личностей нерѣдко еще болѣе темныхъ, нежели они сами. Кромѣ того, и крайняя лѣнь Елизаветы заниматься государственными дѣлами, особенно въ послѣдніе годы ея жизни, не могла содѣйствовать возбужденію ретивости въ ея сотрудникахъ по управленію имперіею.

Вообще по отношенію къ дѣловымъ людямъ Екатерина II составляетъ рѣзкую противоположность съ своими предшественницами. Ея умъ, ея прилежаніе къ занятію государственными дѣлами, ея обращеніе съ сановниками и ея маккіавелизмъ совершенно измѣнили прежнюю колею дѣятельности нашихъ государственныхъ людей, и они весьма замѣтно оттѣнились отъ тѣхъ, которые въ былое время несли на себѣ государственную службу, или какъ представители высшаго управленія въ имперіи, или какъ ближайшіе сотрудники царствовавшихъ лицъ. Въ числѣ такихъ сотрудниковъ былъ и Александръ Андреевичъ Безбородко.

III.

Изслѣдованіе г. Григоровича подъ заглавіемъ «Князь А. А. Безбородко».— Достоинства и недостатки этого труда.— Особенность его направленія. — Учрежденіе преміи графомъ Кушелевымъ-Безбородкою. — Программа академіи наукъ. — Неудобства «фамильныхъ» премій по историческимъ трудамъ. — Отзывъ г. Григоровича о своемъ трудѣ. — Источники, которыми онъ пользовался.

На всѣ эти мысли о времени предшествовавшемъ воцаренію Екатерины II навело насъ напечатанное въ двадцать шестомъ и въ двадцать седьмомъ томахъ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» за 1881 годъ обширное изслѣдованіе г. Н. И. Григоровича подъ заглавіемъ: «Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени».

Если этотъ обширный трудъ важенъ по отношенію къ той извѣстной, можно сказать, даже исторической личности, которою онъ занимается, то вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдованіе г. Григоровича имѣетъ еще особое значеніе, такъ какъ при чтеніи его рождаются многіе вопросы и соображенія недостаточно разъясненные авторомъ или же совершенно упущенные имъ изъ виду. Такіе недостатки и умолчанія понятны и неизбѣжны не только по тому, что г. Григоровичъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на избранномъ имъ лицѣ, или, какъ говорили въ старину — ироѣ, не могъ не пускаться въ какія-либо обобщенія или отвлеченности, но еще и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, несомнѣнно повліявшимъ на складъ и направленіе всего изслѣдованія.

Изслѣдованіе это было представлено въ академію наукъ на соисканіе преміи, учрежденной покойнымъ графомъ Н. А. Кушелевымъ. Этотъ внукъ канцлера,—впрочемъ, не по прямой линіи и не по мужскому колѣну, а по дочери его брата,—но носившій фамилію Безбородко, пожертвовалъ въ 1856 году 5,000 р. съ тѣмъ, чтобы изъ этого капитала и изъ процентовъ на него учреждена была премія за «лучшее» жизнеописаніе государственнаго канцлера князя Александра Андреевича Безбородко. При этомъ академіею наукъ было постановлено, что «въ сочиненіи должно быть изложено съ надлежащею полнотою все,

что касается не только частной жизни князя Безбородко, но и дѣятельности его какъ государственнаго человѣка, въ связи съ духомъ времени и съ тѣми обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился; авторъ долженъ принять въ основаніе своего труда не одни печатные, русскіе и иностранные источники, но и архивные и вообще неизданные еще матеріалы. Всѣ представленные авторомъ главные факты и соображенія должны быть подкрѣплены указаніемъ на источники, которыми онъ пользовался. Важнѣйшіе же изъ не изданныхъ документовъ должны быть присоединены къ сочиненію въ видѣ приложеній къ оному».

Нельзя сказать, что именно подразумѣвалъ учредитель преміи подъ словами «лучшее жизнеописаніе». Разумѣлъ ли онъ въ этомъ случаѣ полное безпристрастіе, дѣлающее историческое сочиненіе самымъ «лучшимъ» произведеніемъ такого рода, или же онъ считалъ «лучшимъ» такого рода сочиненіе, которое удовлетворяя, по своей относительной полнотѣ и тщательной литературной отдѣлкѣ, потребности читающей публики, могло въ извѣстномъ, похвальномъ направленіи, утвердить добрую память о сродственникѣ и однофамильцѣ учредителя преміи. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но во всякомъ случаѣ учрежденіе «фамильныхъ» премій за сочиненія біографій нельзя признать удобнымъ средствомъ для развитія разработки отечественной исторіи. Какъ бы ни былъ прямодушенъ авторъ, пускающійся на соисканіе подобныхъ премій, онъ все-таки долженъ чувствовать свое неловкое и щекотливое положеніе, принимаясь въ сущности за заказную работу. При упомянутыхъ условіяхъ, авторъ, хотя и вполнѣ почтенный труженикъ, не можетъ, однако, не понять, что въ концѣ концовъ, цѣль учрежденія преміи все-таки заключается въ восхваленіи, а по нѣкоторымъ обстоятельствамъ и въ обѣленіи того, въ чью память она учреждается. Странно и непослѣдовательно было бы, если бы соискатель какой-либо «фамильной» преміи выставилъ съ полнымъ безпристрастіемъ всѣ пороки, слабости и недостатки описываемой имъ личности, не постаравшись ослабить ихъ или не покрывъ ихъ разными добродѣтелями и достоинствами, хотя бы для этого и пришлось пустить въ ходъ большія натяжки. Думается также, что и учрежденіе, присуждающее подобнаго рода премію,

было бы, въ свою очередь, поставлено въ затруднительное положеніе, если бы, напримѣръ, на соисканіе «фамильной» преміи были представлены: однимъ авторомъ превосходное и по полнотѣ и по изложенію изслѣдованіе о жизни и дѣятельности какого нибудь лица, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ полною правдивостію выставляющее его въ болѣе или менѣе неприглядномъ свѣтѣ; а другимъ авторомъ — сочиненіе, не отличающееся никакими особенными достоинствами, но такое, въ которомъ многое было бы прикрыто, измѣнено, сглажено, такъ что въ сущности оно болѣе соотвѣтствовало бы весьма понятному желанію учредителя преміи, нежели то, на которомъ лежалъ бы отпечатокъ исторической правды и явной искренности. Въ виду этого трудно рѣшить вопросъ: которое изъ двухъ произведеній самъ жертвователь призналъ бы за «лучшее», и счелъ бы болѣе достойнымъ награды, и которое изъ нихъ предпочелъ бы судъ ученыхъ людей по чувству щекотливости свойственному людямъ вообще. Въ данномъ случаѣ щекотливость эта усиливалась еще болѣе тѣмъ, что дѣло шло о вознагражденіи труда на счетъ остатковъ отъ средствъ, которыя перешли отъ князя Безбородки къ его наслѣдникамъ. Вообще странно было бы употребить эти средства на осужденіе, а не на восхваленіе того лица, отъ котораго собственно они были доставлены.

Отдавая полную справедливость трудолюбію г. Григоровича и признавая за его изслѣдованіемъ всевозможное, но во всякомъ случаѣ, лишь относительное безпристрастіе, мы воспользуемся его сочиненіемъ для того, чтобы, во-первыхъ, ознакомиться съ жизнью одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей такой блестящей поры, какою считается царствованіе Екатерины II, и, во-вторыхъ, чтобъ ознакомить нашихъ читателей съ духомъ этой эпохи, отчасти на основаніи свѣдѣній, встрѣчающихся въ жизнеописаніи князя Безбородки, а отчасти на основаніи такихъ свѣдѣній, которыми, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не воспользовался почтенный авторъ.

При этомъ мы должны упомянуть и о скромномъ его отзывѣ о своемъ трудѣ. Печатая свой восьмилѣтній трудъ «по собранію свѣдѣній о жизни и дѣятельности князя Безбородко,—этого, по словамъ г. Григоровича, знаменитаго и «въ

высшей степени симпатичнаго русскаго сановника», авторъ между прочимъ, замѣчаетъ, что онъ не исчерпалъ, въ предлагаемомъ трудѣ, всѣхъ источниковъ для біографіи князя Безбородко, а если онъ, г. Григоровичъ, настоящею его работою «успѣлъ только намѣтить вѣрный путь къ отысканію и обработкѣ новыхъ матеріаловъ и до нѣкоторой степени обрисовалъ характеръ, дѣятельность и вообще жизнь князя», то онъ не считаетъ потеряннымъ время, употребленное имъ на этотъ трудъ.

Кромѣ русскихъ архивныхъ, а отчасти—въ небольшомъ, впрочемъ, количествѣ — печатныхъ матеріаловъ, г. Григоровичъ воспользовался и иностранными печатными источниками. О значеніи и достовѣрности извѣстій, сообщаемыхъ иностранцами, почтенный авторъ говоритъ подробно въ особыхъ примѣчаніяхъ къ своему изслѣдованію. Что же касается неизданныхъ извѣстій о князѣ Безбородкѣ, которыя, надо полагать, хранятся въ архивахъ иностранныхъ государствъ, то г. Григоровичъ весьма справедливо замѣчаетъ, что пользованіе ими для частныхъ лицъ сопряжено съ большими затрудненіями и расходами и, конечно, скажемъ мы, никакъ нельзя и требовать отъ него, чтобы онъ лично одолѣвалъ первыя и рѣшался на послѣднія, занимаясь такимъ трудомъ, который не могъ достаточно вознаградить автора, не смотря на все его прилежаніе.

Не признавая изслѣдованія г. Григоровича образцовымъ въ той области научныхъ трудовъ, къ которой оно можетъ быть причислено, нельзя не отнестись съ уваженіемъ и съ благодарностію къ его многолѣтней работѣ. Вообще при настоящемъ состояніи нашей исторической литературы трудъ г. Григоровича весьма полезенъ.

Этимъ мы оканчиваемъ нашъ общій критическій отзывъ и перейдемъ къ содержанію изслѣдованія.

IV.

Происхожденіе свѣтлѣйшаго князя Безбородки. — Его польскіе предки. — Объясненіе его фамильнаго прозвища. — Малороссійская шляхта. — Участіе поляковъ въ освобожденіи Малороссіи изъ-подъ власти Польши. — Отношеніе малороссовъ къ Великой Россіи. — Поднятыя противъ нихъ гоненія. — Непріязнь къ нимъ великоруссовъ. — Постепенное появленіе малороссовъ въ Великой Россіи. — Духовныя лица изъ малороссіянъ. — Возвышеніе Разумовскаго. — Уклончивость малороссовъ отъ сношеній съ великоруссами. — Замѣчательныя урожденцы Малороссіи: святые угодники, іерархи, фельдмаршалы, канцлеры, министры, писатели и ученые.

Изслѣдованіе г. Григоровича начинается обычнымъ пріемомъ жизнеописателей, а именно упоминаніемъ о предкахъ и родителяхъ свѣтлѣйшаго князя Безбородки. Такой пріемъ хотя уже и слишкомъ устарѣлъ, но все-таки нельзя отрицать его безусловно вообще и въ особенности въ примѣненіи къ такой личности какъ Безбородко, безвѣстное имя котораго, и притомъ не съ чисто-русскимъ прозвищемъ, появилось впервые въ нашихъ историческихъ сказаніяхъ только при немъ самомъ. Кромѣ того, самое происхожденіе Безбородки, какъ природнаго малоросса или, по-просту, «хохла», попавшаго въ число русскихъ сановниковъ, требуетъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторыхъ дополненій и поясненій, не встрѣчающихся въ изслѣдованіи г. Григоровича.

«Безбородко, какъ и многіе другіе, стяжавшіе себѣ славу на Руси—говоритъ г. Григоровичъ—не богаты родовитостью. Происхожденіе ихъ прикрывается какими-то полубаснословными преданіями. Офиціальный источникъ о дворянскихъ родахъ «Общій Гербовникъ Россійской Имперіи», производитъ фамилію Безбородковъ отъ польскаго рода Ксёнжницкихъ, но о родѣ этомъ дошли до насъ самыя незначительныя извѣстія. Въ «Korona Polska» упоминается, подъ 1595 и 1598 годами, что Książniski, подъ которыми извѣстны были предки Безбородковъ герба Ostoja, и Kziążencki, когда находились въ Польшѣ, жили въ воеводствѣ Остржетовскомъ. Обѣ эти фамиліи составителемъ «Korona» отмѣчены астериками, т. е. условнымъ знакомъ угасшихъ въ Польшѣ фамилій, причемъ послѣдняя изъ нихъ значится прекратившеюся уже послѣ

Брестской уніи. Въ отечественныхъ памятникахъ встрѣчается имя Демьяна Ксенжницкаго въ первые годы гетманства Богдана Хмельницкаго. Въ это именно время Демьянъ Ксенжницкій владѣлъ помѣстьемъ въ Переяславскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Онъ служилъ въ малороссійскомъ войскѣ и участвовалъ въ походѣ противъ Польши. Существуетъ разсказъ, что въ одной схваткѣ Демьяну Ксенжницкому отрубили подбородокъ и съ тѣхъ поръ стали его называть «безбородымъ». Впослѣдствіи это прозвище перешло къ его потомкамъ, что въ духѣ Малороссіи, гдѣ, по словамъ г. Григоровича, постоянно давали другъ другу прозвища, заимствуя ихъ отъ случайныхъ обстоятельствъ ежедневной жизни».

Въ такомъ происхожденіи Безбородковъ отъ Ксенжницкихъ мы не видимъ никакихъ «полубаснословныхъ преданій». Теперь извѣстно—и не изъ польскихъ, а изъ русскихъ источниковъ, а именно изъ донесенія думнаго дьяка Григорія Кунакова царю Алексѣю Михайловичу,—что въ войскѣ гетмана Богдана Хмельницкаго было 6,000 банитовъ, т. е. польскихъ шляхтичей, приговоренныхъ по суду къ изгнанію изъ отечества за разные проступки, преимущественно же за своеволіе и буйство. Люди эти были отчаянные головорѣзы и храбро дрались противъ своихъ соотчичей, защищая Украйну отъ ихъ господства. Такимъ образомъ оказывается, что Малороссія своимъ освобожденіемъ изъ-подъ власти Польши обязана въ весьма значительной степени самимъ же полякамъ. Эти поляки остались въ Малороссіи, служили въ тамошнемъ войскѣ и за походы и военныя заслуги противъ поляковъ и турокъ получали на Украйнѣ «маетности», т. е. помѣстья. такъ что Малороссія, по присоединеніи ея къ Россіи, гораздо болѣе ополячилась, нежели она ополячивалась въ то время. когда находилась подъ верховною властью Рѣчи Посполитой. Сражавшіеся за освобожденіе Малороссіи польскіе баниты-шляхтичи обратились въ мѣстныхъ «пановъ» и казаковъ. Они приняли православіе, нѣкоторые изъ нихъ удержали свои старинныя польскія фамиліи, а другіе перемѣнили ихъ на малороссійскія прозвища, но вообще почти все старинное малороссійское шляхетство, или нынѣшнее дворянство, не туземнаго, а польскаго происхожденія. Къ числу такихъ родовъ принадлежалъ и угасшій нынѣ родъ Безбородковъ.

Что касается малороссійскаго происхожденія Безбородки по отношенію къ его необычайному возвышенію какъ русскаго сановника, то по поводу этого мы считаемъ не лишнимъ сказать слѣдующее.

Тотъ способъ освобожденія Малороссіи изъ-подъ власти поляковъ, о которомъ мы упомянули выше, долженъ былъ указывать, что при водвореніи тамъ такой безпокойной примѣси, какою были баниты-шляхтичи, тѣсное и прочное соединеніе Малой Руси съ Великою не было надежно. Въ 1654 году малороссы присягнули на вѣрность царю московскому, а спустя только четыре года послѣ этого, они бились уже съ царскою ратью подъ Конотопомъ. Вообще Украйна, по тогдашнему выраженію «шаталась», и царь Алексѣй Михайловичъ не надѣялся удержать ее въ своемъ подданствѣ, намѣреваясь снова уступить ее полякамъ.

Измѣны гетмановъ возбуждали въ Москвѣ сильное недовѣріе къ малороссамъ или «черкасамъ», какъ ихъ прежде называли въ Москвѣ. Въ добавокъ къ этому, до второй половины прошлаго столѣтія великоруссы смѣшивали ихъ съ поляками. Судя, однако, по прежнимъ временамъ, можно было предвидѣть, что малороссы, въ свою очередь, рано или поздно, но проберутся въ Великую Русь на государственныя верхушки. Уже въ XIII столѣтіи туда стали пробираться разные иноземцы, и изъ нихъ образовалось ядро русскаго боярства, потомки котораго нынѣ составляютъ коренное великорусское дворянство. Это ясно изъ того, что въ «Бархатной Книгѣ» дворянскихъ родовъ не встрѣчается, за исключеніемъ Рюриковичей, ни одного чисто-русскаго рода, а всѣ роды значатся происходящими отъ выѣзжихъ въ Русь иноземцевъ. Въ XVI столѣтіи въ Москвѣ оказывали особый почетъ татарской знати. Иванъ IV, при раздѣленіи государства на опричнину и земщину, поставилъ для послѣдней въ цари крещенаго татарина, а царь Борисъ Годуновъ былъ потомокъ татарскаго мурзы Чета. Въ половинѣ XVII вѣка самыя видныя мѣста среди боярства занимали потомки недавно крещенныхъ татаръ, удачно мѣстничествуя съ давнишними московскими боярскими родами. Со временъ Петра Великаго на высшихъ государственныхъ должностяхъ стали у насъ являться, между прочими, иноземцы преимущественно нѣмецкаго

происхожденія, но до малороссовъ такая череда еще не доходила. Петръ вообще — а за измѣну Мазепы въ особенности — не любилъ ихъ и не довѣрялъ имъ, а князь Меньшиковъ самовластно и жестоко распоряжался въ Малороссіи, да и вообще великорусское начальство давило малороссовъ, но тѣмъ не менѣе они успѣли найти для себя пути, пробравшись въ бѣлое и черное духовенство и даже на святительскіе престолы въ Великой Россіи.

Здѣсь при Петрѣ Великомъ самыми видными представителями православной церкви были малороссы: Θеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій, Бужинскій и Надаржинскій, царскій духовникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лихой царскій собутыльникъ. Въ послѣдующее время такое положеніе малороссовъ въ великороссійскомъ церковномъ управленіи продолжалось: Θеодосій Яновскій и Амвросій Юшкевичъ, вѣнчавшій на царство императрицу Елизавету, были представителями древней новгородской епархіи, отецъ Дубянскій находился при Елизаветѣ духовникомъ и имѣлъ на нее огромное вліяніе. Мало того, даже въ древней великорусской святынѣ—въ Троицко-Сергіевской лаврѣ монахи изъ малороссіянъ взяли первенство надъ монахами изъ уроженцевъ Великой Россіи. Объясненіе такого перевѣса очень просто: представители малороссійскаго духовенства были, по ихъ образованію, несравненно выше представителей великорусскаго, такъ какъ разсадникомъ перваго была извѣстная въ то время своею ученостію кіевская духовная академія, да и кромѣ того многіе изъ малороссовъ, вступавшихъ въ монашество, обучались за границею, гдѣ они кромѣ обширныхъ какъ общихъ, такъ и богословскихъ познаній, пріобрѣтали еще и мірскую ловкость, и внѣшній лоскъ католическаго духовенства.

Между тѣмъ область государственнаго управленія оставалась пока не доступна для малороссіянъ, не попадали они и въ число царедворцевъ. Къ нимъ, не смотря на то положеніе, какое они успѣли занять въ церковномъ управленіи, относились крайне недружелюбно и недовѣрчиво сперва въ Москвѣ, а потомъ и въ Петербургѣ. Минихъ, имѣвшій такое сильное вліяніе при Аннѣ Ивановнѣ, и полновластный Биронъ ненавидѣли ихъ и они нигдѣ не могли имѣть хода. Вообще до воцаренія Елизаветы Петровны малороссы не занимали въ

Великой Россіи никакихъ видныхъ мѣстъ. Съ возвышеніемъ при дворѣ Алексѣя Разумовскаго участь малороссовъ нѣсколько измѣнилась, но, не смотря на всю его силу, и при немъ никто изъ нихъ особенно не выдвинулся. Разумовскій чрезвычайно любилъ свою родину и постоянно заботился о благосклонномъ къ ней вниманіи со стороны государыни. Онъ также покровительствовалъ своимъ землякамъ, но не выводилъ ихъ въ люди. Одною изъ причинъ этому могла быть уклончивость самихъ малороссіянъ отъ сближенія съ великоруссами. Они предпочитали оставаться на родинѣ и, пользуясь сильнымъ вліяніемъ Алексѣя Разумовскаго, хлопотали о поддержаніи ея правъ и вольностей, а также о томъ, чтобы устроивать свои личныя, преимущественно поземельныя дѣла, такъ какъ вопросъ о правѣ малороссійскаго шляхетства и казаковъ на владѣніе землями, розданными отъ гетмановъ и полковаго старшины, былъ чрезвычайно шатокъ, особенно при тѣхъ притязаніяхъ на собственность этого рода, какія къ ней предъявляли великорусскіе вельможи, а между ними князь Меншиковъ и фельдмаршалъ графъ Минихъ, а слѣдомъ за ними и другіе, менѣе крупные люди.

По мѣрѣ сближенія Малой Россіи съ Великою, первая доставляла послѣдней замѣтныхъ лицъ изъ числа своихъ уроженцевъ. Такъ, она доставила великорусскому духовенству многихъ ученыхъ и краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ, а церкви достойныхъ іерарховъ изъ которыхъ двое: Дмитрій, архіепископъ ростовскій и Иннокентій, архіепископъ сибирскій причислены къ лику святыхъ. Изъ малороссіянъ были два генералъ-фельдмаршала: графъ Гудовичъ и князь Паскевичъ, стяжавшіе этотъ высокій санъ военными доблестями, и четыре, если присоединить къ нимъ двухъ графовъ Разумовскихъ, людей случайныхъ, не бывавшихъ не только на войнѣ, но и на войсковыхъ парадахъ. Изъ малороссіянъ вышли двое государственныхъ канцлеровъ: свѣтлѣйшій князь Безбородко и князь Кочубей. Не мало было представителей этой народности и въ числѣ доблестныхъ русскихъ военначальниковъ, какъ напримѣръ: прославившійся графъ Милорадовичъ, Котляревскій, Канцевичъ, Лисаневичъ и многіе другіе. Изъ малороссіянъ были министры: графъ Завадовскій, Трощинскій и Вронченко, а также не мало разныхъ второстепенныхъ са-

новниковъ. Графъ Сперанскій, сынъ священника Владимірской губерніи, притязалъ, на словахъ, на происхожденіе изъ малороссійскаго шляхетства. Къ извѣстнымъ русскимъ литераторамъ изъ малороссіянъ принадлежатъ: Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ, Хмельницкій и Гоголь-Яновскій, а изъ первостепенныхъ ученыхъ, пользовавшихся славою и въ Европѣ—знаменитый математикъ Остроградскій. Нельзя сдѣлать однако обратно такой же посылки по отношенію Великой Россіи къ Малой, такъ какъ въ отдѣльности государственныхъ людей собственно для этой послѣдней первая не доставляла. Съ нѣкоторымъ, впрочемъ, уклоненіемъ отъ такого обобщенія можно, пожалуй, указать на фельдмаршала графа Румянцева, управлявшаго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Малороссіею и оставившаго тамъ послѣ себя добрую память. Что же касается литературы, то изъ великоруссовъ никто не только не сдѣлалъ никакого вклада въ литературу малорусскую, но даже и не занимался ею, и обыкновенно относились къ ней съ пренебреженіемъ и, пожалуй, съ чувствомъ враждебности.

Первымъ по времени замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ въ Россіи изъ украинскихъ уроженцевъ былъ Безбородко.

V.

Родитель Безбородки. — Его «сентименты» и взяточничество. — Дѣтство будущаго князя. — Его воспитаніе. — Кіевская духовная академія. — Вступленіе въ службу. — Покровительство Румянцева. — Участіе въ турецкой войнѣ. — Назначеніе его полковникомъ кіевскаго малороссійскаго полка. — Опредѣленіе ко двору Екатерины.—Сообщеніе маркиза Палеро.— Благосклонность Екатерины къ Безбородкѣ. — Желаніе его получить ранговыя деревни. — Ихъ значеніе. — Литературные труды Безбородки. — Занятіе винокуреніемъ. — Пожалованіе крестьянъ. — Его разсчетливость и способности. — Доклады императрицѣ.

Демьянъ Ксенжницкій, который, какъ мы уже говорили, получилъ прозвище «безбородаго» или «Безбородко» передалъ это прозвище единственному сыну своему Ивану, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, наслѣдовалъ и отцовское имѣніе въ Переяславскомъ повѣтѣ.

Андрей Безбородко былъ человѣкъ, безъ всякаго сомнѣнія, очень не глупый и ловкій, и умѣлъ заискивать благорасположеніе тогдашнихъ правителей Малороссіи, которые, между прочими похвалами въ его пользу, свидѣтельствовали, что онъ отличался «благонамѣренными сентиментами» и благодаря этому успѣлъ занять важную въ Малороссіи должность «генеральнаго писаря», которая приблизительно соотвѣтствуетъ должности государственнаго секретаря.

Андрей Безбородко, отецъ будущаго государственнаго канцлера и свѣтлѣйшаго князя, отличался впрочемъ непомѣрнымъ взяточничествомъ. Онъ раздавалъ должности за деньги и чтобъ усилить свои расходы по этой статьѣ, придумывалъ множество новыхъ должностей. Хотя вслѣдствіе отправленнаго доноса, Безбородко и лишился своего мѣста, но, благодаря заступничеству гетмана Разумовскаго, дѣло кончилось въ пользу обвиняемаго: ему была предоставлена прежняя должность, а доносчикъ, по словамъ «Записокъ» Я. Марковича, былъ «лишенъ сотничьяго чина, чести и 100 ударовъ кіями взялъ», т. е. получилъ сотню палокъ. Не смотря, однако, на такое оправданіе Андрея Безбородки и наказаніе его противника, чрезмѣрное его взяточничество, по свидѣтельству «Очерковъ малоросійскихъ фамилій» А. М. Лазаревскаго, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. При покровительствѣ Разумовскаго, Безбородко достигъ еще высшей должности—должности генеральнаго судьи, соотвѣтствующей званію министра юстиціи, но императоромъ Петромъ III былъ отъ этой должности уволенъ въ отставку. Отъ брака съ Евдокіею Михайловной Забѣло, дочерью генеральнаго судьи, Безбородко имѣлъ трехъ сыновей и трехъ дочерей. Старшимъ изъ сыновей былъ Александръ, родившійся въ Глуховѣ 14-го марта 1747 года, по опредѣленію г. Григоровича, хотя означенные число и годъ могутъ считаться спорными, и на основаніи другихъ указаній, сдѣланныхъ самимъ же авторомъ, время рожденія Безбородки можетъ быть отнесено къ 17-го марта 1745 года.

О дѣтствѣ будущаго сановника никакихъ извѣстій не сохранилось. «Когда уже, говоритъ г. Григоровичъ—настало время садить (?) мальчика за букварь, отецъ, мало занятый службою, обратилъ все вниманіе свое на воспитаніе сына.

Слѣдуя древнему правилу воспитанія, онъ самъ началъ учить его славянской грамотѣ, переходя отъ букваря къ «Часослову» и, наконецъ, «Псалтырю».

«Какъ скоро — говоритъ нѣсколько далѣе г. Григоровичъ, — научилъ Безбородко своего сына хорошо читать, онъ преимущественно сталъ занимать его чтеніемъ Библіи. Говорятъ, что молодой Безбородко долженъ былъ три раза прочитать отцу всю Библію сначала до конца. Не выдавая этого факта за несомнѣнный, должно замѣтить, что изъ писемъ А. А. Безбородки видно дѣйствительно близкое знакомство съ Библіею, такъ какъ нерѣдко и всегда кстати, онъ приводилъ тексты Священнаго Писанія въ своихъ письмахъ, но съ другой стороны не видать, чтобы онъ гдѣ нибудь вспомнилъ самъ о такомъ тщательномъ изученіи Библіи, какъ, напримѣръ, писалъ онъ къ отцу, вспоминая о полученныхъ отъ него наставленіяхъ въ «отечественной исторіи».

Мѣстомъ для усовершенствованія въ наукѣ своего сына Безбородко избралъ кіевскую академію, которая въ то время была средоточіемъ умственнаго образованія не только для малороссіянъ, но даже и многихъ великоруссовъ. Составители исторій этого учрежденія, для поддержанія его знаменитости, утверждаютъ, что Безбородко окончилъ полный курсъ академіи, но въ архивѣ этой академіи нѣтъ о томъ никакихъ свѣдѣній и поэтому, какъ надобно полагать, Безбородко не былъ настоящимъ воспитанникомъ кіевской академіи, а только, въ качествѣ бурсака, посѣщалъ тамошнія лекціи.

Въ 1765 году Безбородко оставилъ академію и поступилъ на службу въ званіи «бунчуковаго товарища». Званіе это предоставлялось обыкновенно молодымъ людямъ изъ извѣстныхъ малороссійскихъ фамилій. Пожалованный этимъ званіемъ долженъ былъ находиться въ военное время при гетманѣ, а въ мирное время жилъ дома безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, но отецъ Безбородки, пользуясь своими отношеніями къ графу Румянцеву, управлявшему тогда Малороссіею, опредѣлилъ своего сына въ его канцелярію.

Румянцевъ вскорѣ замѣтилъ способности молодаго чиновника, приблизилъ его къ себѣ и не оставлялъ безъ занятій. Здѣсь Безбородко пріобрѣлъ впервые навыкъ къ служебной

дѣятельности, а отчасти и къ дѣловой перепискѣ. Онъ обращалъ на себя особенное вниманіе своею необыкновенною памятью, которая для дѣловаго человѣка составляетъ, конечно, одну изъ главныхъ способностей.

Въ 1768 году, по случаю разрыва Россіи съ Турціею, Безбородко, сопровождая Румянцева, отправился на мѣсто военныхъ дѣйствій, и Румянцевъ предоставилъ Безбородкѣ начальство надъ однимъ изъ двухъ малороссійскихъ полковъ, входившихъ въ составъ второго корпуса, предводимаго Румянцевымъ. Во время войны онъ, по выраженію, встрѣчающемуся въ его письмахъ, жилъ «благополучно и здоровъ», «при тысячѣ способовъ, удобныхъ въ меньшихъ чинахъ производиться далѣе». О службѣ своей въ это время самъ Безбородко писалъ впослѣдствіи императору Павлу слѣдующее: «Командуя сперва малороссійскимъ и нѣжинскимъ полкомъ, а потомъ, имѣя подъ начальствомъ лубенскій, миргородскій и компанейскіе полки, находился въ походахъ на Бугѣ и между Буга и Днѣстра. По назначеніи графа Румянцева къ предводительству первою арміею, переведенъ я туда и, будучи при немъ безотлучно, находился въ сраженіяхъ: 4-го іюня, не доходя рѣки Ларги; 5-го—при атакѣ турками авангарда праваго крыла; 7-го—въ баталіи при Ларгѣ, гдѣ я, по собственной моей охотѣ, былъ при передовыхъ корпусахъ, 21-го — при славной кагульской баталіи; 1773 года за Дунаемъ, и 18-го іюля при штурмѣ наружнаго силистрійскаго ретрашемента».

Находясь въ эту войну при войскахъ, Безбородко вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовалъ и по письменной части, такъ какъ Румянцевъ ввѣрилъ ему переписку и особенно «многія секретныя и публичныя дѣла и коммисіи».

Когда въ деревенькѣ Кучукъ-Кайнарджи открылись съ Турціею переговоры о мирѣ, то на Безбородку, по особой довѣренности къ нему главнокомандующаго, была возложена забота о драгоцѣнныхъ вещахъ и бриліантахъ, назначенныхъ въ подарки турецкимъ уполномоченнымъ.

Не смотря на свою близость къ Румянцеву и на дѣятельную службу, Безбородко подвинулся въ чинахъ очень мало. Хотя онъ и командовалъ разными полками, но имѣлъ только чинъ коллежскаго ассесора, т. е. состоялъ не болѣе

какъ въ маіорскомъ рангѣ. Это было ему прискорбно и онъ, желая подкрѣпить ходатайство о немъ Румянцева, обратился къ Потемкину, прося о пожалованіи его въ полковники въ малороссійскій кіевскій полкъ. Ходатайство это было уважено, и, 22-го марта 1774 года, Безбородко получилъ желанные имъ чинъ и должность.

При заключеніи кучукъ-кайнарджійскаго мира Румянцевъ въ «полномъ признаніи усердія» близкихъ ему людей, а между ними и Безбородки, испрашивалъ «отъ высочайшихъ матернихъ щедротъ ея императорскаго величества воздаянія ихъ заслугамъ».

Между тѣмъ императрица, съ одной стороны, имѣя нужду въ способныхъ и дѣловыхъ людяхъ, съ другой стороны — какъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ» Грибовскій, — замѣтивъ въ донесеніяхъ Румянцева болѣе складу, чѣмъ въ реляціяхъ семилѣтней войны Бестужева и Апраксина, просила фельдмаршала порекомендовать ей нѣсколько человѣкъ, способныхъ къ занятію должности секретарей.

Есть свидѣтельство — добавляетъ г. Григоровичъ, — что графъ Румянцевъ, представляя императрицѣ Безбородку, сказалъ: «представляю вашему величеству алмазъ въ корѣ: вашъ умъ дастъ ему цѣну».

Изъ числа находившихся въ 1775 году при императрицѣ секретарей, бывшихъ «у принятія челобитенъ», тайный совѣтникъ Стрекаловъ получилъ новое назначеніе, а коллежскій совѣтникъ Козицкій былъ уволенъ въ отставку. На ихъ мѣста были опредѣлены: Завадовскій и Безбородко.

Совершенно противоположный разсказъ объ опредѣленіи Безбородки ко двору встрѣчается въ депешѣ сардинскаго посланника маркиза де-Палеро, который находился въ Россіи съ конца 1783 по 1789 годъ. «Первый шагъ Безбородко на поприщѣ службы — пишетъ маркизъ — былъ въ штатѣ фельдмаршала Румянцева, въ должности секретаря; по заключеніи мира въ Кайнарджи, этотъ великій полководецъ, зная, что никто лучше Безбородки не былъ въ состояніи исполнить трудное порученіе, послалъ его въ Петербургъ, отъ своего имени, для отчета въ огромныхъ суммахъ, которыми располагалъ во время войны. Исходъ оправдалъ этотъ выборъ: г. Безбородко не только окончилъ это важное дѣло къ

удовлетворенію всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, но, имѣвъ случай работать лицомъ къ лицу съ ея величествомъ, въ продолженіи этой трудной очистки счетовъ, успѣлъ такъ понравиться государынѣ, что она, желая приблизить его, назначила его въ число своихъ секретарей по особымъ дѣламъ и по прошеніямъ. Прежде чѣмъ идти далѣе, не оставлю сказать, что въ совѣщаніяхъ, ознакомившихъ царицу съ этимъ ловкимъ человѣкомъ, не всегда, какъ говорили, дѣло шло о денежныхъ разсчетахъ. Но этотъ фактъ ничѣмъ не доказанъ и если онъ вѣренъ, то это будетъ новымъ доказательствомъ своенравія любви: ибо Безбородко далеко не красивъ собою».

Есть еще и третье объясненіе успѣховъ Безбородки при дворѣ. Сослуживецъ Безбородки по коллегіи иностранныхъ дѣлъ Малиновскій, въ рукописныхъ своихъ замѣткахъ говорилъ, что товарищъ Безбородки П. В. Завадовскій, будучи въ случаѣ, помогалъ ему, и онъ, сдѣлавшись секретаремъ императрицы, пріобрѣлъ ея довѣренность и уваженіе.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но нельзя не признать, что первый шагъ на будущей своей блестящей службѣ, Безбородко сдѣлалъ не въ силу своихъ только личныхъ достоинствъ, но и благопріятствовавшей ему придворной обстановки того времени.

Изъ писемъ Безбородки къ его отцу видно, что онъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ новымъ положеніемъ «ибо,—какъ онъ пишетъ—кромѣ почестей и выгодъ съ оною должностію соединенныхъ, и труда по оной съ силами соразмѣрнаго, образъ особливо ласковыхъ и милостивыхъ поступковъ государыни мѣсто сіе дѣлаетъ мнѣ пріятнымъ».

Первою заботою ловкаго хохла въ Петербургѣ было научиться по-французски, такъ какъ французскій языкъ господствовалъ при дворѣ императрицы Екатерины. Безбородко пріѣхавъ въ Петербургъ 30-ти лѣтъ, не зналъ никакого иностраннаго языка, кромѣ латинскаго, но въ два года выучился сперва по-французски, потомъ по-нѣмецки, а потомъ и по-итальянски. По замѣчанію А. И. Тургенева, «Безбородко изучилъ французскій языкъ превосходно, но говорилъ не хорошо и съ запинаніемъ; онъ поздно началъ изучать сей языкъ». Да и по-русски онъ всю жизнь говорилъ съ мало-

россійскимъ акцентомъ, обыкновенно весьма забавнымъ для великорусскаго уха.

Затѣмъ у г. Григоровича идутъ разсказы о необычайной памяти Безбородко, изумлявшей императрицу.

Занявши видное мѣсто при дворѣ, Безбородко, по словамъ его жизнеописателя, началъ со всѣмъ усердіемъ заботиться о томъ, чтобы быть достойнымъ этого положенія какъ въ глазахъ императрицы, такъ и всего столичнаго общества, или, говоря яснѣе, сталъ думать о томъ, какъ бы не только упрочиться на настоящей своей должности, но и подвигаться далѣе. Самъ г. Григоровичъ по поводу такихъ заботъ замѣчаетъ: «нѣтъ сомнѣнія, что для достиженія того предстояло употребить много усилій, заботъ и всевозможныхъ изворотовъ, доходящихъ порою до мельчайшихъ разсчетовъ». Какъ человѣкъ практическій, Безбородко понялъ, что въ его положеніи прежде всего нужны денежныя средства и онъ принялся хлопотать о сохраненіи за нимъ, какъ за полковникомъ кіевскаго полка, деревень и объ увеличеніи ихъ новыми прибавками.

Подробный изслѣдователь жизни канцлера не говоритъ ничего о значеніи деревень, которыя хотѣлъ удержать за собою Безбородко, а между тѣмъ, оно было чрезвычайно важно, потому что на владѣніи такими деревнями основывался главнымъ образомъ не только экономическій, но и государственный бытъ страны, хотя политически и несамостоятельной, но удерживавшей свой прежній, обособившійся строй. Съ своей стороны мы сдѣлаемъ на счетъ этого нѣкоторыя пополненія.

При гетманскомъ правленіи въ Малороссіи, всѣ власти, начиная съ главы этого правленія, были выборныя и всѣ служащія лица, какія бы должности ни занимали, входили въ составъ войсковаго управленія. Послѣ лицъ общаго или «генеральнаго» управленія первыми лицами были полковники. Они завѣдывали округами, въ которыхъ состояли не одни только военно-служащія силы и казаки, но и все мѣстное населеніе и такой округъ назывался по мѣсту пребыванія полковника такимъ-то «полкомъ». Такъ, были полки: кіевскій, нѣжинскій, стародубовскій и другіе. Общее число населенія простиралось въ каждомъ полку до 150,000 душъ мужескаго

пола. Полковникъ завѣдывалъ не только военною частью, но и рѣшалъ окончательно гражданскія и уголовныя дѣла. Подъ ближайшимъ начальствомъ полковника, какъ бы въ качествѣ его помощниковъ, находились сотники, завѣдывавшіе особыми участками, въ которыхъ населеніе простиралось обыкновенно свыше 10,000 душъ. Способъ вознагражденія за войсковую службу въ Малороссіи былъ сходенъ съ помѣстною системою въ Великой Россіи. Денежнаго вознагражденія за службу не полагалось, а предоставлялись служащему, временно «на урядъ» мѣстечки, слободы, деревни или «маетности» и «грунты», называвшіеся впослѣдствіи ранговыми, т. е., предназначенными въ извѣстномъ размѣрѣ на содержаніе лицъ того или другаго ранга. По своей значительности послѣ маетностей, предназначенныхъ на гетманскій «урядъ», первыми были полковничьи. Онѣ въ нѣкоторыхъ полкахъ состояли изъ 500 крестьянскихъ дворовъ, разныхъ угодій, мельницъ и шинковъ, и давали большія денежныя доходы, независимо отъ снабженія временнаго ихъ владѣльца всевозможнымъ хозяйственнымъ продовольствіемъ.

При уничтоженіи Екатериною гетманскаго правленія, эти «ранговыя маетности» сдѣлались предметомъ самыхъ усиленныхъ исканій. Лица, владѣвшія ими только временно, принялись хлопотать о томъ, чтобы укрѣпить ихъ за собою не только пожизненно, но и потомственно. Такая попытка удалась прежде всего послѣднему малороссійскому гетману, графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому, за которымъ Екатерина наслѣдственно утвердила всѣ маетности, предназначенныя на гетманскій урядъ, а между ними и прежнюю «резиденцію» гетмановъ городъ Батуринъ. Такія пожалованія должны были чрезвычайно уменьшить въ Малороссіи ту поземельную собственность, которая, по уничтоженіи гетманства, должна была перейти въ распоряженіе государственной казны. По всей вѣроятности, Екатерина II рѣшилась на это въ виду двухъ удобствъ: во-первыхъ, закрѣпощенія огромнаго числа людей посполитыхъ или крестьянъ за помѣщиками, власть которыхъ исходила бы не отъ гетмановъ, но непосредственно отъ русскихъ государей, и во-вторыхъ — возможности жаловать въ Малороссіи, безъ стѣсненія, вотчинами и сановниковъ великорусскаго происхожденія.

Изъ письма Безбородки видно, какъ онъ лакомился на эти маетности и на прибавку къ нимъ еще новыхъ. Онъ писалъ: «на случай, еслибы подался оный къ полученію изъ оныхъ въ вѣчное владѣніе, по малому числу, сходно было мнѣ къ Козарамъ, Иржовцамъ, а Котову просить грунты Гарбузинскіе, Остерскіе, Кабижскіе и Бобровицкіе. Остерскіе и могутъ быть присовокуплены подъ титуломъ просто грунтовъ и угодій, на урядъ принадлежащихъ, такъ какъ и Кабижскіе, ибо оба сіи мѣста не всѣ урядовыя, но въ первомъ магистратъ, а во второмъ помѣщикъ». Изъ этого видно, что Безбородко хотѣлъ прихватить кое-что и лишнее сверхъ ранговыхъ помѣстій, пріотнявъ земли и у магистрата и у помѣщика, хотя въ другихъ письмахъ намѣреніе это и не препятствовало ему заявлять, что онъ ничего чужаго не желалъ.

Въ первый годъ своего пребыванія при дворѣ императрицы, Безбородко, при разнообразныхъ занятіяхъ и работахъ, находилъ время заниматься и литературнымъ трудомъ. Памятникомъ этого рода остались: 1) «Картина или краткое извѣстіе о россійскихъ съ татарами войнахъ и дѣлахъ начеишихся, т. е. начавшихся, въ половинѣ десятаго вѣка и почти безпрерывно чрезъ восемьсотъ лѣтъ продолжающихся» и 2) «Лѣтопись Малыя Россіи». Кромѣ того, онъ въ это же время занимался особымъ трудомъ, который можно озаглавить: «Хронологическая таблица замѣчательнѣйшихъ событій царствованія Екатерины II». При этомъ послѣднемъ трудѣ, Безбородко, безъ всякаго сомнѣнія, мѣтилъ въ вѣрную цѣль—польстить славолюбію государыни, перечисливъ ея дѣянія. Императрица дѣйствительно обратила вниманіе на трудъ Безбородки, но въ то же время нашла, что тамъ не указано о работахъ въ Ригѣ на Двинѣ, между тѣмъ какъ, по ея замѣчанію, работы эти были не бездѣлица. Въ слѣдующемъ году, сообщая Гримму объ упомянутомъ трудѣ Безбородки и представляя общіе выводы, Екатерина въ письмѣ своемъ добавляетъ: «ну, милостивый государь, какъ вы нами довольны? Не были ли мы лѣнивы?»

Къ исходу 1778 года, положеніе Безбородки при дворѣ окончательно упрочилось, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ для разживы началъ заниматься винокуреніемъ. «Прямая надобность—писалъ по поводу такихъ занятій Безбородко—убѣж-

даетъ браться за подобные промыслы, ибо и теперь то же скажу, что служба наша пріятна и видна, но не скоро полезна бываетъ, а представлять у двора приличную функціи фигуру довольно надобно иждивенія въ такомъ мѣстѣ, гдѣ что шагъ ступить, то и платить надобно. Впрочемъ, я не могу довольно нахвалиться своимъ пребываніемъ здѣсь. Ея императорское величество отъ дня въ день умножаетъ ко мнѣ свою повѣренность. Для собственнаго вашего знанія скажу, дабы не причли сего въ самохвальство, что меня вся публика и дворъ видитъ, яко перваго ея секретаря, потому что чрезъ мои руки идутъ дѣла: сенатскія, синода, иностранныхъ дѣлъ, не включая и самыхъ секретнѣйшихъ, адмиралтейскія, учрежденія намѣстничествъ по новому образцу, да и бо́льшая часть дѣлъ; отзывами своими неоднократно всѣмъ знатнымъ и приближеннымъ изразить изволила свое отмѣнное ко мнѣ благоволеніе и уваженіе по трудамъ моимъ. Хотя я ни малаго сомнѣнія не имѣю, что и самаго существеннаго воздаянія отъ щедротъ ея ожидать долженъ, но и такое милостивое въ разсужденіи меня обращеніе есть величайшимъ для меня одобреніемъ и утѣшеніемъ».

Не смотря на близость Безбородки къ государынѣ, онъ въ продолженіе трехлѣтняго пребыванія при дворѣ оставался лицомъ малочиновнымъ и только 1-го января 1779 года былъ произведенъ изъ полковниковъ въ бригадиры. Теперь главною заботою Безбородки было: удержать за собою ранговыя имѣнія и расширить предпринятое имъ винокуреніе. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со дня производства Безбородки въ бригадиры, какъ ему пожаловала императрица въ Бѣлорусіи за его «ревностную службу» 1,222 души, «кромѣ жидовъ», жившихъ въ этихъ волостяхъ.

По поводу такого пожалованія не лишнимъ будетъ привести изъ письма Безбородки къ отцу нѣсколько строкъ, показывающихъ взглядъ его на награды такого рода, и его разсчетливость. «Не смѣлъ я отягчать таковымъ выборомъ въ Малой Россіи; надлежало бы тутъ обидѣть кого нибудь изъ своей собратіи, вопреки сему священнѣйшему правилу, чтобъ никому того не дѣлать, чего себѣ не желаешь. Своихъ же урядовыхъ я для того не полагалъ въ число, что тутъ и выигрыша было бы не много, ибо они перемѣнили бы только

натуру, а доходы все тѣ же остались бы. Владѣть ими можно спокойно, покуда мнѣ прилично остаться въ чинѣ военномъ; ибо не только бригадиръ, но и генералъ-маіоръ можетъ быть подобнаго полку полковникомъ; а ежели какая либо реформа случится, то я не думалъ бы, чтобъ встрѣтилась трудность въ полномъ тѣхъ маетностей присвоеніи».

Безбородко воспользовался своимъ служебнымъ положеніемъ для того, чтобъ обезпечить пожалованное ему имѣніе отъ тяжбъ и расхищеній, такъ какъ полоцкій губернаторъ «взялся защищать имѣніе отъ обидъ и распорядить въ немъ первое хозяйство».

Между тѣмъ значеніе Безбородки, какъ человѣка дѣловаго, усиливалось. По словамъ Гельбига: «никто изъ государственныхъ министровъ не могъ, даже въ труднѣйшихъ случаяхъ и по какой бы-то ни было отрасли государственнаго управленія, представить государынѣ такого яснаго доклада, какъ Безбородко. Однимъ изъ главнѣйшихъ его дарованій было искусство въ русскомъ слогѣ. Когда императрица давала ему приказаніе написать указъ, письмо, или что-либо подобное, то онъ уходилъ въ пріемную и, по разсчету самой большой краткости времени, возвращался и приносилъ сочиненіе, написанное съ такимъ изяществомъ, что ничего не оставалось желать лучшаго».

Съ своей стороны и маркизъ де-Палеро оставилъ замѣтку, изъ которой видны какъ то положеніе, какое занималъ при императрицѣ Безбородко, такъ и общій порядокъ веденія у насъ государственныхъ дѣлъ. Относительно всего этого Палеро писалъ: «Чтобы дать вамъ понятіе о новой должности, на которую назначенъ Безбородко, а также уяснить ходъ дѣлъ въ этой странѣ, считаю не лишнимъ замѣтить, что, по принятому въ здѣшнемъ правленіи порядку, никто кромѣ чиновниковъ, имѣющихъ право представить докладъ, не получаетъ частныхъ аудіенцій у царицы. Ея величество, какъ государыня, имѣетъ придворный штатъ, состоящій изъ генералъ-адъютантовъ, флигель-адъютантовъ, фрейлинъ, штатсъ-дамъ, каммеръ-юнкеровъ и каммергеровъ. Какъ частное лице, она имѣетъ общество, состоящее изъ отборныхъ людей страны, которые собираются во дворецъ, извѣстный подъ именемъ эрмитажа. Между тѣмъ вышеприведенный этикетъ такъ строго

соблюдается, что изъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ къ ней доступъ, никто не смѣетъ говорить ей о какомъ либо дѣлѣ, и всѣ, отъ перваго до послѣдняго въ имперіи, должны ограничиваться ходатайствомъ о своихъ интересахъ у начальниковъ разныхъ вѣдомствъ, или письменно обращаться непосредственно къ самой государынѣ. Тогда какъ мы счастливы тѣмъ, что имѣемъ свободный доступъ къ престолу, смотримъ очами состраданія на народъ, лишенный этого преимущества, здѣсь никакъ не могутъ надивиться государямъ, которые, подобно королю сардинскому, открываютъ двери своихъ покоевъ всѣмъ своимъ подданнымъ. Порядокъ, установленный въ Піемонтѣ, предохраняетъ насъ отъ множества злоупотребленій; здѣшній же обычай умножаетъ до невѣроятности число писемъ, ежедневно получаемыхъ на имя государыни. Но это еще не все: здѣсь не существуетъ совѣта для принятія прошеній и пріемъ формальныхъ просьбъ и писемъ соединяется въ однѣхъ рукахъ. Роспись чиновъ этого двора въ мѣсяцословѣ указываетъ имена и число секретарей, исполняющихъ это почетное порученіе. Я съ своей стороны скажу только, что если эти господа имѣютъ много работы, то пользуются, въ воздаяніе своихъ трудовъ, большимъ уваженіемъ. Однако же, изъ числа лицъ, занимающихъ такія важныя мѣста, никто, сколько мнѣ извѣстно, не докладываетъ дѣлъ непосредственно государынѣ, кромѣ г. Безбородки. Независимо отъ счастливой памяти, значительно облегчающей его собственный трудъ, а также трудъ тѣхъ, кто съ нимъ работаетъ, онъ, говорятъ, обладаетъ въ высшей степени даромъ находить средства для благополучнаго исхода самыхъ щекотливыхъ дѣлъ. Этими двумя качествами онъ до такой степени возвысился во мнѣніи Екатерины II, что въ ежедневныхъ бесѣдахъ съ нимъ эта государыня говоритъ ему обо всемъ и открываетъ ему возможность имѣть вліяніе на все».

Имѣется еще и третій отзывъ о Безбородкѣ со стороны одного изъ его современныхъ сослуживцевъ — Грибовскаго, который пишетъ: «При острой памяти и нѣкоторомъ знаніи латинскаго и русскаго языковъ, Безбородкѣ не трудно было отличиться сочиненіемъ указовъ тамъ, гдѣ бывшіе при государынѣ вельможи, кромѣ князя Потемкина, не знали русскаго правописанія. Матерія для указа была обыкновенно

обработываема въ сенатѣ или другихъ департаментахъ основательно и съ присоединеніемъ приличныхъ къ оной законовъ и обстоятельствъ; стоило только сократить на запискѣ и нѣсколько поглаже написать; часто надобно было одѣть эти записки только въ указную форму. Конечно, не довольно было кіевскаго и бурсацкаго ученія для успѣшнаго отправленія государственныхъ бумагъ: потребна была память и острота ума, коими Безбородко щедро былъ награжденъ и при помощи которыхъ скоро понялъ онъ хорошо весь кругъ государственнаго управленія».

Извѣстный Кастера съ своей стороны сообщаетъ: «Безбородко былъ работящій человѣкъ и возвышался очень быстро. Его главнѣйшій талантъ заключался въ основательномъ знаніи русскаго языка и въ умѣніи изящно выражаться на немъ».

Руководствуясь этими указаніями на умственныя способности Безбородки и всматриваясь въ труды его по должности секретаря Екатерины, а также, сравнивая ихъ съ трудами другихъ секретарей, г. Григоровичъ убѣждается, что Безбородко былъ «единственный исполнитель повелѣній великой монархини». Такое заключеніе указываетъ, однако, и на сдѣланное нами прежде замѣчаніе, что секретари Екатерины были не болѣе какъ только краснорѣчивые передатчики мыслей и приказаній императрицы, при чемъ главнымъ условіемъ было твердое знаніе русскаго правописанія. Понятно, поэтому, что они не могутъ быть причислены къ государственнымъ людямъ, но могутъ считаться только способными дѣлопроизводителями. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ насколько впослѣдствіи Безбородко отдалился отъ такого первоначальнаго, весьма скромнаго образца способнаго и дѣловаго чиновника и до какой степени онъ проявилъ себя какъ государственный дѣятель.

Что касается отзыва самого Безбородки о службѣ его при императрицѣ, то онъ позднѣе, въ поданной имъ императору Павлу просьбѣ объ отставкѣ писалъ: «по прибытіи въ Москву для мирнаго торжества, угодно было блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государынѣ, родительницѣ вашей, взять меня къ особѣ ея для принятія прошеній и исправленія прочихъ дѣлъ. Въ самое короткое время имѣлъ я счастье пріобрѣсти высочайшую ея довѣренность до такой степени,

что мнѣ поручены были собственныя ея бумаги и вскорѣ на дѣлѣ учинился я первымъ ея секретаремъ, имѣя на себѣ бо́льшую часть государственныхъ дѣлъ».

Мало-по-малу Безбородко получилъ такое значеніе, что княгиня Дашкова, въ своихъ «Запискахъ» обыкновенно называетъ его «первымъ» секретаремъ Екатерины.

VI.

Поѣздка Безбородки съ императрицею въ Бѣлоруссію. — Вступленіе въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. — Составленіе инструкціи сенаторамъ. — Разговоръ съ Іосифомъ II. — «Меморіалъ» по дѣламъ политическимъ. — Записка о Молдавіи. — Званіе «полномочнаго для всѣхъ негоціацій». — Возвышеніе Безбородки. — Завѣдываніе почтовымъ департаментомъ. — Конвенціи и трактаты. — Непріязнь Павла Петровича къ Безбородкѣ. — Поступленіе въ его вѣдѣніе театровъ. — Мнѣніе Безбородки о своихъ трудахъ по финансовой части. — Дѣла татарскія. — Награды. — Избраніе членомъ академіи.

Мы, конечно, не будемъ слѣдить за отдѣльными, не важными случаями въ жизни Безбородки и указывать на частности его служебной дѣятельности. Для пространнаго изслѣдованія какъ тѣ, такъ и другія представляли не только особое значеніе, но и были необходимы для полноты подобнаго труда. Мы же остановимся лишь на такихъ свѣдѣніяхъ, которыя, по ихъ исключительности, могутъ заслуживать вниманія или очерчиваютъ духъ того времени, когда жилъ Безбородко. Замѣтимъ, что на обязанности его лежало устройство разныхъ удобствъ при предстоявшей поѣздкѣ государыни въ Могилевъ для свиданіи тамъ съ римско-нѣмецкимъ императоромъ Іосифомъ II. Во время этого путешествія дневныя о немъ записки велъ Безбородко.

Въ 1780 году, Безбородко, оставаясь въ должности секретаря ея величества, былъ, кромѣ того, опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, гдѣ, какъ говоритъ г. Григоровичъ, принималъ дѣятельное участіе при выполненіи знаменитаго проекта, принадлежавшаго императрицѣ и извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ «вооруженнаго морскаго нейтралитета», которымъ призывались къ союзу для защиты нейтральнаго флага всѣ европейскія державы, не принимавшія участія въ

продолжительной борьбѣ Англіи съ ея сѣверо-американскими колоніями.

Сверхъ этихъ занятій по части дипломатической, государыня поручила Безбородкѣ составить инструкцію, которою должны были руководствоваться сопровождавшіе ея сенаторы графъ Брюсъ и графъ Строгоновъ, самъ Безбородко и полковникъ Турчаниновъ при освѣдомленіи въ каждомъ городѣ, губернскомъ или уѣздномъ, о порядкѣ въ управленіи, о нуждахъ и пользахъ всякаго мѣста.

Безбородко не былъ доволенъ личнымъ составомъ свиты, окружавшей государыню въ этомъ путешествіи. Въ одномъ изъ своихъ писемъ съ дороги къ графу А. Р. Воронцову онъ писалъ: «Вы знаете изъ какихъ людей составлена ея компанія, знаете и мое съ ними положеніе и, выспавшись довольно, поминутно дремлю и зѣваю».

Частныя письма, писанныя Безбородкою во время этого путешествія, представляютъ важность не для одного только его жизнеописанія, но порою имѣютъ и общее значеніе. Такъ, въ одномъ изъ этихъ писемъ къ графу А. Р. Воронцову изъ Смоленска, Безбородко сообщаетъ о своемъ разговорѣ съ императоромъ. «Спрашивалъ онъ меня между прочимъ—пишетъ Безбородко—о образѣ управленія дѣлами ея императорскаго величества, и дивился, когда я на вопросъ его сказалъ, что всѣ депеши министерства нашего не иначе къ министрамъ у дворовъ посылаются, какъ по аппробаціи проектовъ самою государынею; что ни одна бумага не проходитъ, которая въ оригиналѣ не была бы представлена ея величеству; ибо онъ думалъ, что реляціи или письма подносятся ей только кратко и то, что̀ прямо достойно ея любопытства».

Путешествіе по Бѣлоруссіи еще болѣе приблизило Безбородку къ императрицѣ, которому она съ этого времени стала поручать важнѣйшія дѣла. Такъ, между прочимъ, онъ производилъ дѣло объ отправкѣ брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ Данію. Съ своей же стороны Безбородко началъ втягиваться во внѣшнюю политику, а въ апрѣлѣ 1780 года подалъ государынѣ записку, извѣстную подъ заглавіемъ «Матеріалы по дѣламъ политическимъ». Покойный историкъ Соловьевъ относительно этой записки говоритъ, что она имѣла весьма важное дипломатическое значеніе. Въ авторѣ, замѣ-

чаетъ онъ, высказался тонкій и дальновидный дипломатъ; она почти слово въ слово была переслана въ Вѣну, въ формѣ предложенія нашего двора.

Въ запискѣ этой высказывалось, что при условіи заключенія договора съ императоромъ Іосифомъ, для Россіи нужно имѣть: 1) Очаковъ, 2) Крымскій полуостровъ и 3) одинъ или два острова въ Архипелагѣ. Австріи же можно получить: 1) Бѣлградъ съ частію Сербіи и Босніи, но въ томъ случаѣ, еслибы вѣнскій дворъ согласился относительно дальнѣйшаго жребія турецкой имперіи. Кромѣ того, предполагалось Молдавію, Валахію и Бессарабію, подъ древнимъ общимъ названіемъ этихъ странъ — Дакіи, обратить въ нейтральное государство, которое не могло бы быть присоединено ни къ Россіи, ни къ Австріи.

Вѣроятно, въ это же время Безбородко представилъ государынѣ и записку: «Сокращенныя историческія извѣстія о Молдавіи и заключающую въ себѣ краткія біографическія свѣдѣнія о господаряхъ и воеводахъ Дакіи, съ древнѣйшихъ временъ до Петра I, а также извѣстія о первоначальной независимости Молдавіи и подчиненіи ея Турціи, Польшѣ и Россіи».

Увидавъ въ такихъ трудахъ способности Безбородки къ дипломатіи, Екатерина предоставила Безбородкѣ, причисленному къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, званіе «полномочнаго для всѣхъ нагоціацій» и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тотъ же день, 24-го ноября 1780 года, произвела его въ генералъ-маіоры. Въ прошеніи, поданномъ императору Павлу объ отставкѣ, Безбородко относительно предоставленнаго ему новаго званія говоритъ, что оно дано ему «императрицею въ знакъ особливаго монаршаго благоволенія, за поданный имъ меморіалъ по политическимъ дѣламъ, на которомъ съ того времени основана система и до нынѣ продолжающаяся». Такимъ образомъ оказывается, что въ сущности никто иной, какъ только Безбородко, въ теченіи безъ малаго двадцати лѣтъ руководилъ политикою Россіи въ исходѣ прошлаго столѣтія.

Положеніе, занятое Безбородкою, вскорѣ доставило ему извѣстность въ дипломатическихъ сферахъ Европы: о немъ заговорили иностранные послы, бывшіе при петербургскомъ дворѣ. Такъ, англійскій посланникъ, Гаррисъ, сталъ заиски-

вать у Безбородки и писалъ къ лорду Стартману, завѣдывавшему иностранными дѣлами Англіи, слѣдующее: «единственный человѣкъ, отъ кого я могъ надѣется получить нѣкоторую выгоду, былъ частный секретарь императрицы, и то только потому, что эта личность честная и незараженная предразсудками, и съ нимъ съ однимъ, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ лицъ (т. е. Потемкина и графа Панина), императрица разсуждаетъ объ иностранныхъ дѣлахъ. Безбородко ежедневно возвышается въ ея уваженіи, и я вчера отправился (18-го января 1781 года) къ нему утромъ съ цѣлью распространиться о томъ, что̀ я уже говорилъ ему недѣли двѣ тому назадъ, и тѣмъ поставить его въ возможность, при разговорѣ съ государыней, сообщить ей вѣрныя и точныя свѣдѣнія».

Съ своей стороны и князь Потемкинъ сообщилъ Гаррису объ усилившемся вліяніи Безбородки на императрицу и совѣтывалъ ему быть внимательнѣе къ царедворцу, входившему въ силу, а въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ писемъ Гаррисъ сообщаетъ, что Безбородкѣ ввѣрено почти исключительно внутреннее управленіе имперіи и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ большое участіе въ веденіи иностранныхъ дѣлъ. «Теперь лицо—продолжаетъ англійскій посолъ—пользующееся величайшимъ вліяніемъ и внушающее зависть своимъ возвышеніемъ—Безбородко. Поддѣлываясь подъ всѣ капризы государыни, онъ пріобрѣлъ ея довѣріе и доброе мнѣніе, а вслѣдствіе своихъ рѣдкихъ способностей и необыкновенной памяти, онъ ей чрезвычайно полезенъ». Даже могущественный Потемкинъ, по словамъ Гарриса, «къ Безбородкѣ и къ его партіи еще менѣе расположенъ былъ и слѣдилъ за ихъ успѣхами съ величайшею завистью и безпокойствомъ».

Прошло съ небольшимъ два мѣсяца со времени назначенія Безбородки «полномочнымъ» при коллегіи иностранныхъ дѣлъ. какъ онъ занялъ въ ней слишкомъ видное мѣсто. 4-го января 1782 года императрица повелѣла ему присутствовать въ этой коллегіи по секретной экспедиціи и, кромѣ того, поручила въ его «точное вѣдѣніе и наблюденіе почтовый департаментъ». Въ коллегіи же иностранныхъ дѣлъ Безбородко оказался первымъ лицомъ, такъ какъ ни канцлеръ, ни вицеканцлеръ не считались ея членами. Въ свою очередь и чу-

жестранные послы, находившиеся въ Петербургѣ, отдавали Безбородкѣ первенство передъ вице-канцлеромъ, графомъ Остерманомъ, котораго они считали «простымъ министромъ», передающимъ свои планы и мысли императрицѣ только при посредствѣ Безбородки.

При дѣятельномъ участіи Безбородки во время занятія имъ должности «полномочнаго для всѣхъ негоціацій» были заключены съ иностранными державами три конвенціи по вооруженному нейтралитету. Во время же присутствованія его въ секретной экспедиціи были заключены три трактата: одинъ торговый съ Даніей и два по упомянутому нейтралитету.

Между тѣмъ наслѣдникъ престола, великій князь Павелъ Петровичъ, вообще неблагосклонно отзывался о Безбородкѣ. Изъ письма герцога тосканскаго къ брату его, императору Іосифу, видно, что въ 1782 году Павелъ, при свиданіи съ герцогомъ, разгорячился и сталъ говорить, что ему, великому князю, извѣстно, какіе изъ перербургскихъ чиновниковъ куплены вѣнскимъ дворомъ, сколько и когда каждый получилъ изъ нихъ. Наслѣдникъ разсказывалъ объ этомъ съ большими подробностями и когда герцогъ сталъ говорить, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно, то Павелъ отвѣчалъ ему: «Такъ я знаю и могу назвать вамъ ихъ имена. Это—князь Потемкинъ, секретарь императрицы Безбородко, Бакунинъ, оба графа Воронцова, Семенъ и Александръ, и Морковъ, который теперь министромъ въ Голландіи. Я вамъ назвалъ ихъ; пускай знаютъ, что мнѣ извѣстно, что̀ они за люди, и какъ только будетъ у меня власть, я ихъ высѣку (ich werde sie ausruthen), уничтожу и выгоню».

По поводу этого разсказа г. Григоровичъ замѣчаетъ, что великій князь ошибался въ своемъ сужденіи о Безбородкѣ, который потомъ былъ въ его царствованіе однимъ изъ приближеннѣйшихъ и любимѣйшихъ царедворцевъ. Послѣднее соображеніе, какъ мы полагаемъ, едва ли можетъ служить какимъ либо опроверженіемъ, такъ какъ, не говоря уже о быстрыхъ переходахъ Павла отъ гнѣва къ чрезвычайному благоволенію, его сблизила съ Безбородкою особая услуга, оказанная ему Безбородкою при его воцареніи. Что же касается подкуповъ или взятокъ, то въ этомъ едва ли можно

сомнѣваться. Удостовѣреніе объ этомъ встрѣчается и въ другихъ источникахъ того времени, такъ напримѣръ, Охоцкій въ своихъ «Запискахъ» подробно указываетъ, сколько какой польскій магнатъ вносилъ въ складчину денегъ для доставленія ихъ Безбородкѣ съ цѣлью заискать его расположенія къ интересамъ Польши.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Екатерина считала Безбородку, «приноровлявшагося,—по словамъ его хвалителя Гарриса—къ ея капризамъ», человѣкомъ пригоднымъ ко всякому дѣлу. Такъ, когда въ 1782 году обнаружилось разстройство въ дѣлахъ императорскихъ театровъ, то императрица поручила Безбородкѣ привести эти дѣла въ лучшій порядокъ. Въ этомъ же году императрица, «желая изъявить предъ свѣтомъ» свое вниманіе и милость Безбородкѣ, сама возложила на него звѣзду и ленту ордена св. Владиміра, учрежденнаго въ память ея двадцатилѣтняго царствованія, на основаніи статута, составленнаго Безбородкою.

Въ слѣдующемъ 1783 году, императрица дала Безбородкѣ чрезвычайно важное порученіе по финансовой части. Обширныя предпріятія Екатерины, какъ по распространенію предѣловъ Россіи, такъ и по внутреннимъ учрежденіямъ, истощили государственные доходы. Государственный дефицитъ правительство, обыкновенно, покрывало новыми выпусками ассигнацій; но уже въ концѣ 1782 года было замѣчено, что ассигнаціи вымѣнивались съ платежемъ лажа, что возбудило опасеніе и принудило изыскивать другія, болѣе разумныя мѣры для улучшенія финансовъ.

Съ этою цѣлью была назначена особая коммисія, въ составъ которой вошелъ и Безбородко. О своихъ трудахъ въ этой коммисіи Безбородко въ своей автобіографической запискѣ говоритъ слѣдующее: «по дѣлу, касающемуся до умноженія государственныхъ доходовъ, моя заслуга не въ одномъ только томъ состояла, что всѣ пристали къ плану моему о Малороссіи, изъ котораго были уже заимствованы правила и для прочихъ губерній, на особомъ основаніи бывшихъ. Всѣ другія средства никто на себя взять не можетъ, чтобы я въ нихъ не участвовалъ. О крестьянахъ казеннаго вѣдомства мы съ г. генералъ-прокуроромъ первые условились; прибавка сбора за рекрутъ съ купцовъ и на гербовую бумагу мною

предложена. Я самъ сочинялъ докладъ, повѣрялъ вѣдомости, трудился ими всѣхъ болѣе. По сему уже одному труды мои въ семъ дѣлѣ были не меньше моихъ товарищей; а планъ о малороссійскихъ доходахъ былъ собственное мое дѣло, въ которомъ никто не имѣлъ участія».

Пользуясь вниманіемъ императрицы Безбородко сталъ просить о предоставленіи ему 2,000 душъ въ ранговыхъ помѣстьяхъ, которыми онъ продолжалъ еще временно владѣть, считаясь полковникомъ кіевскаго полка. Онъ по поводу этой просьбы говорилъ императрицѣ, что «сіе не дѣлаетъ и шестой доли того, что̀ законы опредѣляютъ за промыслы барыша коронѣ, а онъ мало ли что придумалъ». Сообщая объ этомъ въ письмѣ къ Потемкину, Екатерина добавляетъ: «мнѣ кажется, что это разсужденіе довольно справедливо; однако же мнѣ хотѣлось бы знать, что вы объ этомъ думаете».

Безбородко получилъ желаемое, хотя и слѣдуетъ замѣтить, что всѣ его придумыванія по финансовой части не принесли никакой существенной пользы, и государственная казна изнемогала подъ тяжестію чрезвычайныхъ дефицитовъ, которые, какъ и прежде, продолжали покрываться непомѣрнымъ выпускомъ новыхъ ассигнацій, не смотря на торжественное обѣщаніе государыни въ ея манифестѣ и ручательство ея за себя и за своихъ преемниковъ, что выпускъ казною бумажныхъ денегъ будетъ производиться въ опредѣленномъ, ограниченномъ размѣрѣ.

Не успѣла еще финансовая коммисія окончить своихъ занятій, какъ Безбородко былъ призванъ къ новой работѣ — объ изысканіи лучшихъ средствъ къ переселенію нагайскихъ татаръ въ Россію. Еще въ 1776 году, Безбородко въ запискѣ о татарахъ указывалъ на необходимость присоединенія къ Россіи Крымскаго полуострова. Дѣла татарскія были уже давно въ рукахъ Безбородки и теперь онъ велъ о нихъ переписку съ посланникомъ нашимъ въ Константинополѣ, Булгаковымъ, и манифестъ, 8-го апрѣля 1783 года, возвѣстилъ объ осуществленіи этого предположенія, а трактатомъ 28-го декабря того же года Турція узаконила присоединеніе къ Россіи Крыма, татарскихъ земель и части Кубанской области.

Близость Безбородки къ государынѣ, какъ необходимаго

ей дѣльца, выразилась между прочимъ и въ томъ, что онъ въ числѣ 12-ти лицъ сопровождалъ ее въ Фридрихсгамъ, куда она ѣздила для свиданія съ шведскимъ королемъ Густавомъ III.

Кромѣ наградъ отъ государыни, Безбородко въ 1783 году удостоился еще и другого почета: онъ былъ избранъ членомъ россійской академіи, но замѣчательно, что онъ не только не принималъ никакого участія въ ея трудахъ, но и ни въ одномъ изъ засѣданій ея не присутствовалъ, кромѣ перваго, происходившаго по случаю торжественнаго открытія этого учрежденія. Тѣмъ не менѣе высокое служебное положеніе побудило академію поставить въ конференцъ-залѣ портретъ Безбородки, нарисованный извѣстнымъ живописцемъ Лампи.

VII.

Пожалованіе деревень въ Малороссіи. — Желаніе быть вице-канцлеромъ.— Полученіе графскаго достоинства. — Насмѣшки и пасквиль по этому случаю. — Приглашеніе на «приватные» вечера императрицы. — Подчиненность Потемкину. — Помощники Безбородки. — Отзывъ его о своихъ дипломатическихъ трудахъ.

По смерти, въ 1783 году, графа Н. И. Панина, первое мѣсто въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ занялъ графъ И. А. Остерманъ съ званіемъ вице-канцлера. Онъ былъ совершенное ничтожество. Всѣ иностранные агенты видѣли въ немъ «только занимаемое имъ мѣсто». Австрійскій министръ Кауницъ называлъ его «автоматомъ», императоръ Іосифъ II — «соломенной чучелой, ничего не дѣлающей и не имѣющей никакого вѣса». Въ слѣдующемъ году, Безбородко былъ назначенъ вторымъ присутствующимъ членомъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, съ оставленіемъ при всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ и съ производствомъ въ тайные совѣтники. Въ самый день такого назначенія императрица пожаловала ему 3,000 душъ въ Малороссіи изъ урядовыхъ имѣній. Такимъ образомъ онъ не только присвоилъ себѣ числившіяся за нимъ прежде урядовыя маетности, но успѣлъ получить еще новыя въ вѣчное владѣніе. Кромѣ того, ему было назначено 6,000

рублей жалованья въ годъ и по 500 рублей въ мѣсяцъ на столъ.

Не смотря на такія щедрыя награды, онъ, однако, не былъ вполнѣ доволенъ ими и въ письмѣ своемъ къ Потемкину высказывалъ желаніе получить званіе вице-канцлера. Въ томъ же 1784 году, 12-го октября, Екатерина написала Безбородкѣ слѣдующее: «Труды и рвеніе привлекаютъ отличіе. Императоръ даетъ тебѣ графское достоинство. Будешь comes! Не уменьшится твое усердіе ко мнѣ. Сіе говоритъ императрица. Екатерина же дружески тебѣ совѣтуетъ и проситъ не лѣниться и не спѣсивиться».

Въ дипломѣ, данномъ императоромъ Безбородкѣ на графское достоинство сказано было, что «Безбородко во всѣхъ должностяхъ и чинахъ усердіемъ своимъ къ славѣ и благу отечества, къ исполненію намѣреній своея монархини, къ утвержденію добраго согласія съ державами, дружествомъ и союзомъ съ Россійскою имперію связанными, вѣрнымъ своимъ радѣніемъ и разными достославными подвигами получилъ многіе отличные знаки государевой милости и своими почетными свойствами украсилъ себя и свой родъ, а чрезъ то пріобрѣлъ и наше отмѣнное благоволеніе». Графское достоинство было распространено и на брата его, бригадира Илью Андреевича, и ихъ потомство и при томъ такъ, «яко бы они уже отъ четвертаго колѣна съ отцовской и матерней стороны природные были графы и графини священныя Римской имперіи».

Пожалованіе Безбородки въ римско-нѣмецкіе графы вызвало въ петербургскомъ обществѣ остроты и насмѣшки и, между прочимъ, по рукамъ сталъ ходить пасквильный рисунокъ. На немъ былъ изображенъ новопожалованный графъ съ книгою въ рукахъ, а подъ этимъ изображеніемъ была подпись: «Le conte nouveau relié en veau». Здѣсь была игра словъ такъ какъ слова conte и comte произносятся одинаково. Въ этомъ пасквилѣ была затронута и императрица. Составители пасквиля были открыты случайно. Изъ нихъ фрейлина баронесса Эльмптъ была, въ присутствіи гофмейстерины, высѣчена розгами и отправлена къ отцу въ Лифляндію; графъ Бутурлинъ, адъютантъ Потемкина, отставленъ отъ службы съ запрещеніемъ въѣзжать въ мѣста пребыванія государыни, а сестра его, Дивова, съ мужемъ выслана изъ Петербурга.

Осыпанный наградами Безбородко удостоился еще особой чести: императрица пригласила его разъ навсегда бывать на ея вечернихъ «приватныхъ» собраніяхъ.

Всѣ распоряженія государыни по коллегіи иностранныхъ дѣлъ исключительно шли черезъ Безбородку: онъ объявлялъ вице-канцлеру или коллегіи высочайшія повелѣнія по дипломатическимъ дѣламъ; препровождалъ въ коллегію, при своихъ запискахъ, бумаги, полученныя чрезъ иностранную или внутреннюю почту, и въ то же время, занимая должность секретаря императрицы, ближе и раньше вице-канцлера могъ знать о существѣ дѣлъ и прежде отъ государыни могъ слышать о нихъ, а потому и направлять ихъ согласно со взглядами Екатерины. Перевѣсъ его надъ вице-канцлеромъ въ послѣдующіе годы былъ такъ замѣтенъ, что сдѣлался извѣстенъ самой Екатеринѣ, которая и изъявляла на счетъ этого не разъ свое неудовольствіе, но не отстраняла отъ себя Безбородку. Къ этому времени относится отзывъ о Безбородкѣ бывшаго въ Петербургѣ посломъ генуэзской республики патриція Ривароло, который писалъ: «Наибольшимъ вліяніемъ пользуется графъ Безбородко. Какъ секретарь кабинета ея величества, онъ ежедневно, въ положенные часы, докладываетъ ей о текущихъ дѣлахъ по всѣмъ министерствамъ и вмѣстѣ съ нею предварительно разбираетъ ихъ. Въ отсутствіе вице-канцлера онъ принимаетъ иностранныхъ посланниковъ и ведетъ съ ними переговоры. Онъ могъ бы быть вице-канцлеромъ при возвышеніи въ канцлеры графа Остермана; но, пользуясь одинаковымъ содержаніемъ, онъ предпочитаетъ свое положеніе блеску вице-канцлерскому. Дѣятельный, мягкаго характера, старающійся, по мѣрѣ возможности, угодить всякому, онъ считается искуснымъ дипломатомъ и ловкимъ царедворцемъ».

Графъ Сегюръ, пріѣхавшій въ 1785 году въ Петербургъ въ качествѣ французскаго посланника, пишетъ, что «политическія тайны того времени оставались въ вѣдѣніи Екатерины, Потемкина и Безбородки» и добавляетъ, что Безбородко «скрывалъ тонкій умъ подъ тяжелою наружностью» и пользовался, болѣе чѣмъ другіе, довѣріемъ императрицы. Въ другой разъ графъ Сегюръ писалъ, что Безбородко «обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для его поста; трудолюбивъ, имѣетъ опытность въ дѣлахъ; вкрадчивъ, изворотливъ, услужливъ;

человѣкъ, для котораго нѣтъ ничего труднаго; онъ отлично знаетъ свою государыню, одобряетъ всѣ ея помыслы и устраняетъ всѣ препятствія».

Не мало, конечно, высокому положенію Безбородки содѣйствовало и его умѣнье постоянно ладить съ Потемкинымъ. Объ отношеніи перваго къ послѣднему въ депешахъ графа Сегюра встрѣчается слѣдующее извѣстіе: «Князь — пишетъ Сегюръ—пользуется безграничнымъ вліяніемъ, ему извѣстны всѣ тайны, всѣ добродѣтели и всѣ слабости своей государыни; онъ необходимъ для ея ума, имѣетъ прочную власть надъ ея сердцемъ, она смотритъ на него какъ на единственнаго человѣка способнаго управлять ея арміею и принять какое либо твердое рѣшеніе въ случаѣ революціи; это единственный подданный, вѣрность котораго она считаетъ твердой и неподкупной», и далѣе: «Безбородко, зная всю силу власти князя, никогда не возстаетъ противъ него, дѣлаетъ только то, что тотъ ему поручаетъ и совѣтуется съ нимъ обо всемъ. Онъ благодаренъ ему за свое возвышеніе и подчиняется безъ труда его превосходству, тѣмъ болѣе, что онъ къ этому привыкъ съ самаго начала своего существованія. Онъ предпочитаетъ, чтобы въ милости былъ человѣкъ, который безъ всякой зависти предоставлялъ бы ему дѣлать карьеру и который для себя ничего болѣе уже не желаетъ, чѣмъ тотъ, которому надобно еще добиваться всего и который вездѣ встрѣчалъ бы соперниковъ. Къ тому же онъ отлично знаетъ, что если князь попадетъ въ немилость, то онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ занять его мѣсто; у него нѣтъ ни достаточной твердости, ни представительной наружности, ни знатнаго рода, ни талантовъ, необходимыхъ для подобной должности, которая, впрочемъ, противорѣчила бы и его наклонностямъ: онъ далекъ отъ пышности, командованія и парадовъ. Но такъ какъ онъ заваленъ дѣлами, то нуждается въ помощи; ее оказываютъ ему Воронцовъ и графъ Шуваловъ. Выборъ не могъ быть удачнѣе, такъ какъ у этихъ двухъ придворныхъ довольно дѣятельности и знаній. Графъ Безбородко пользуется ихъ работою и свѣдѣніями. Князь ненавидитъ ихъ и щадитъ только ради дружбы къ графу Безбородкѣ, но стоитъ ему сказать только слово и онъ ихъ уничтожитъ».

Около этого времени, т. е. въ 1785 году, Россія подго-

товлялась къ новой войнѣ съ Турціею и по дѣламъ съ нею Безбородко былъ однимъ изъ главныхъ дипломатическихъ дѣятелей, равно какъ и по заключенію торговаго трактата между Россіею и Испаніею. Къ концу этого года былъ также возбужденъ вопросъ о возобновленіи торговаго договора съ Англіею. Самъ Безбородко о своихъ дипломатическихъ трудахъ въ автобіографической запискѣ писалъ: «Труды мои по внутреннимъ дѣламъ извѣстны столько же, сколько и по иностраннымъ; въ сихъ послѣднихъ я только именемъ вторымъ, а дѣломъ былъ первымъ исполнителемъ воли государевой. Всѣ ея повелѣнія мною на письмѣ изображаются, и г. вице-канцлеръ ничего еще не сказалъ, чтобы не мною написано было, ни о какомъ дѣлѣ не представилъ, не посовѣтовавъ со мною. Мое мнѣніе было всегда первое».

Такое заявленіе могло бы казаться хвастовствомъ, но постороннія извѣстія, какъ мы уже видѣли, подтверждаютъ его, хотя, конечно, такимъ первенствомъ Безбородко былъ всего болѣе обязанъ неспособности вице-канцлера, и если бы мѣсто послѣдняго занимало соотвѣтствующее этой должности лицо, то мнѣніе Безбородки не всегда было бы «первое».

VIII.

Устройство почтовой части. — Устройство нашей почты по образцу французской. — Участіе Безбородки въ финансовой коммисіи. — Предположеніе его объ учрежденіи секретной коммисіи. — Назначеніе его членомъ коммисіи о дорогахъ въ государствѣ. — Пожалованіе 1,200 душъ въ Малороссіи. — Путешествіе въ Крымъ. — Забота его о своей «репрезентаціи». — Пребываніе императрицы въ домѣ Безбородки. — Представленіе имъ ей своихъ родственниковъ. — Разнесшіеся по этому поводу слухи. — Переговоры съ королемъ польскимъ. — Іосифъ II въ гостяхъ у Безбородки. — Дѣятельность Безбородки. — Вліяніе на него графа А. Р. Воронцова. — Пожалованіе дома въ Москвѣ. — Дѣла внѣшнія.

Намъ уже извѣстно, что въ числѣ многоразличныхъ обязанностей, возложенныхъ на Безбородку, было, между прочимъ, управленіе почтовымъ департаментомъ. Безбородко сталъ въ близкое отношеніе къ почтовымъ дѣламъ еще въ 1776 году; съ этого времени онъ докладывалъ почтовыя дѣла Екатеринѣ которая съ своей стороны весьма внимательно слѣдила за

ними. Главнымъ препятствіемъ къ улучшенію въ ту пору почтовой части въ Россіи была ея подвѣдомственность коллегіи иностранныхъ дѣлъ и, въ виду этого, Безбородко исходатайствовалъ у государыни указъ, въ силу котораго почтовый департаментъ или экспедиція были поставлены, на ряду съ прочими мѣстами, «установленными для внутренняго благоустройства», подъ вѣдѣніе сената и подъ отчетомъ въ казенныхъ дѣлахъ и издержкахъ. До Безбородки наше почтовое управленіе складывалось и расширялось подъ вліяніемъ отдѣльныхъ и при томъ случайныхъ указаній опыта и, сверхъ того, въ такомъ видѣ, что едва удовлетворяло самымъ общимъ потребностямъ государственной и общественной жизни. Безбородко—надо отдать ему справедливость—внесъ въ это управленіе порядокъ обдуманнаго и послѣдовательнаго усовершенствованія. Онъ произвелъ по этой части весьма важныя измѣненія и улучшенія, на которыя указывало тогда развитіе потребностей разнаго рода. Безбородко устроилъ правильныя международныя почтовыя сношенія, установилъ пенсіи для служившихъ по почтовой части. Онъ, занявшись ознакомленіемъ съ устройствомъ этой части въ западной Европѣ, принялъ за образецъ французскую почту. Одною изъ главныхъ заботъ Безбородки было устройство сколь возможно бо̀льшаго числа почтамтовъ въ Россіи «для удобнѣйшаго сообщенія между всѣми мѣстностями имперіи», отысканіе удобнѣйшихъ путей для проѣзда и сокращеніе ихъ, по возможности, въ одну почтовую дорогу и назначеніе станцій не далѣе какъ на 15—25 верстъ одна отъ другой. При немъ почта была раздѣлена на легкую и тяжелую и установлены правила о выдачѣ подорожныхъ на взиманіе почтовыхъ лошадей. Съ цѣлью же увеличенія прогонныхъ денегъ,— правда, не безъ нѣкотораго надувательства проѣзжихъ, — почтовыя версты были уменьшены противъ ихъ прежняго протяженія, такъ какъ въ каждой верстѣ полагалось уже не 700, а только 600 саженъ. Не смотря, однако, на таковыя засвидѣтельствованія о дѣятельности Безбородки по почтовой части, она была въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, такъ что въ 1784 году Екатерина по поводу нерадѣнія объ ея письмахъ писала Безбородкѣ слѣдующее: «подобное пропущеніе безъ вниманія оставить не можно; вѣдь по реестру, чаю,

раздаютъ письма; буде же мои письма для употребленныхъ (т. е. служащихъ) на почтовомъ дворѣ безъ вниманія болѣе недѣли оставляются, каково можетъ быть прочее почтовое дѣло».

Мы уже упоминали однажды объ учрежденіи финансовой коммисіи, въ составѣ которой находился и Безбородко, считавшій себя въ правѣ получить за свои труды особенное, громадное вознагражденіе, которое, если перевести на деньги, должно было бы представлять ежегодный доходъ до 36,000 тогдашнихъ рублей. Государственный дифицитъ продолжался, однако и по окончаніи занятій этой коммисіи, о чемъ генералъ-прокуроръ подалъ въ 1785 году государынѣ записку, а съ своей стороны Безбородко написалъ къ ней особыя примѣчанія. По словамъ г. Григоровича, «записка эта свидѣтельствуетъ какъ нельзя лучше, что Безбородко глубоко понималъ важное значеніе государственныхъ доходовъ и изыскивалъ къ увеличенію ихъ радикальныя мѣры, а не минутные поборы, отягощающіе и разоряющіе государственное хозяйство. Между тѣмъ князь Вяземскій заботился только о временномъ увеличеніи доходовъ, не входя въ разсмотрѣніе послѣдствій тѣхъ средствъ, которыя къ этому служили. Главная мысль, приведенная въ примѣчаніяхъ Безбородки, состояла въ томъ, «что бо́льшая часть способовъ для увеличенія доходовъ состоитъ въ отнятіи у городовъ доходовъ, у провинцій же, имѣющихъ привилегіи — въ сложеніи части губернскихъ штатовъ на общество и убавки половины суммъ, отпускаемыхъ на губернскія строенія; наконецъ, въ наложеніи на купцовъ двухъ процентовъ, вмѣсто одного съ капитала». Для устройства финансовъ Безбородко предлагалъ учредить секретную коммисію. Жизнеописатель графа Безбородки не доискался, чѣмъ окончилось это дѣло, хотя императрица и одобрила примѣчанія Безбородки, предложившаго мѣры, не совсѣмъ удобныя и умолчавшаго, однако, о сокращеніи такихъ расходовъ и, можно даже сказать, такого мотовства, какими вообще отличалось царствованіе Екатерины II и ея личная пышная обстановка съ чрезвычайными затратами на личности, обращавшія на себя ея милостивое вниманіе.

Съ наступленіемъ 1786 года почти одновременно Екатерина назначила Безбородку членомъ «коммисіи о дорогахъ въ

государствѣ» и членомъ совѣта при ея императорскомъ величествѣ. Труды коммисіи, существовавшей слишкомъ десять лѣтъ, остались почти неизвѣстны. Только спустя почти десять лѣтъ послѣ своего учрежденія, она представила императрицѣ докладъ «съ первою частію генеральныхъ правилъ о строеніи дорогъ въ Россіи». Что касается совѣта, то за время нахожденія въ немъ членомъ Безбородки состоялось 872 протокола, изъ которыхъ не подписаны имъ 253. Кромѣ того всѣ доклады въ совѣтѣ шли черезъ него, а также на предварительное его разсмотрѣніе шла бо̀льшая часть переписки, поступавшей въ совѣтъ.

Когда въ совѣтѣ окончилось разсмотрѣніе проекта по учрежденію государственнаго ассигнаціоннаго банка,—противъ чего такъ основательно возставалъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій—то Безбородко въ письмѣ своемъ къ Потемкину, заявляя о своихъ долгахъ, выражалъ желаніе, чтобъ ея величество благоволила пожаловать ему, Безбородкѣ, изъ недвижимыхъ имѣній въ Малой Россіи «нѣкоторое количество прилегаемыхъ къ его деревнямъ и кои, хотя разсѣяны, состоятъ въ разныхъ частяхъ самыхъ мелкихъ и приносятъ самые же мелкіе доходы, но для него тѣмъ выгодны, что его маетности оными поправятся». При этомъ случаѣ Безбородко «ввѣрялъ свой жребій благодѣтельному старанію» Потемкина и просилъ, чтобъ отстранить сомнѣніе государыни на счетъ значительности имѣнія «по множеству названій деревень малороссійскихъ». Безбородко получилъ желаемое и ему было дано 1,200 душъ.

Со времени опредѣленія Безбородки въ совѣтъ, сношенія его съ императрицею стали еще чаще, и онъ 20-го августа 1786 года былъ пожалованъ въ гофмейстеры. По поводу этого, Гарновскій въ своихъ письмахъ къ Попову, любимцу Потемкина, сообщалъ: «слышно также, когда графъ Александръ Андреевичъ пожалованъ гофмейстеромъ, государыня изволила, будто бы, отозваться, что внесенныя къ ней о семъ просьбы означаетъ ничто иное, какъ сдѣланные противъ графа Безбородки заговоры».

Въ новой своей должности,— впрочемъ, какъ это было еще и прежде при поѣздкѣ Екатерины въ Бѣлоруссію,— Безбородко распоряжался теперь на счетъ предстоявшаго пу-

тешествія государыни въ новопріобрѣтенный Россіею Крымъ. Но видно распоряженія его не имѣли особой силы. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ, что «мебели» въ путевыхъ дворцахъ должны быть «простые, нужные для одной только необходимости, а не къ украшенію», между тѣмъ это путешествіе Екатерины было обставлено на каждомъ шагу изумительною роскошью и всевозможными удобствами.

На этотъ разъ Безбородко заботился о своихъ удобствахъ и внѣшней представительности. Такъ, кіевскому генералъ-губернатору, графу Румянцеву, онъ писалъ: «что касается до меня, то я совершенно полагаюсь на милостивое вашего сіятельства распоряженіе, осмѣливаюсь донести, что по качеству министра иностранныхъ дѣлъ, нельзя мнѣ обойтись безъ нѣкотораго рода репрезентаціи; слѣдственно хотя я предпочту и не ближній домъ, но нѣкоторый не много пообширнѣе и выгоднѣе, тѣмъ болѣе, что однажды или дважды пріѣхать во дворецъ въ извѣстное и обыкновенное время, не будетъ мнѣ въ тягость».

7-го января 1787 года императрица изъ Царскаго Села тронулась въ путь. Поѣздъ ея состоялъ изъ 200 раззолоченныхъ экипажей. На издержки по этому путешествію было назначено 4,000,000 рублей, не считая, конечно, тѣхъ особыхъ мѣстныхъ затратъ, которыя должны были быть произведены на мѣстныя средства для достойнаго пріема государыни и ея громадной свиты.

Въ Нѣжинѣ императрица побывала въ домѣ Безбородки. Здѣсь онъ имѣлъ случай представить ей своихъ родственниковъ: Милорадовича и Миклашевскаго, на которыхъ было обращено особенное вниманіе государыни. По поводу этого, Гарновскій писалъ Попову: «Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) почитался оставленнымъ за болѣзнью въ Нѣжинѣ и отъ двора навсегда удаленнымъ. Нѣкоторые признавали къ престолу приближеннымъ Милорадовича, а другіе — Миклашевскаго. Оглашенныя въ газетахъ царскія милости, въ бытность въ домѣ Миклашевскихъ явленныя, почитались достовѣрнымъ знакомъ монаршаго къ сей фамиліи благоволенія».

Во время этого путешествія Безбородко привезъ въ Кіевъ изъ Канева для свиданія съ Екатериною короля Станислава-Августа Понятовскаго, съ которымъ онъ предварительно окон-

чилъ переговоры по нѣкоторымъ политическимъ вопросамъ. Впрочемъ, переговоры эти не сопровождались никакими послѣдствіями, такъ какъ въ сущности всѣ они сводились только къ слѣдующимъ словамъ, сказаннымъ королю Безбородкою: «будьте увѣрены, что все уладится; мы въ принципахъ сходимся; только не нужно разславлять этого, ни собирать экстраординарнаго сейма, чтобъ не возбуждать противъ себя сосѣдей».

Положеніе Станислава-Августа, при свиданіи съ императрицею, было крайне затруднительно. Понятовскій, пользовавшійся нѣкогда чрезвычайною ея благосклонностью, былъ теперь ей въ тягость и она хотѣла спровадить его отъ себя какъ можно скорѣе.

На третій день послѣ своего отъѣзда, король прислалъ Безбородкѣ свой портретъ, богато украшенный брилльянтами.

При совершаемомъ государынею путешествіи въ Крымъ, съ нею былъ долженъ встрѣтиться еще и другой гость — императоръ Іосифъ II. На встрѣчу ему она поѣхала въ сопровожденіи Безбородки, у котораго вмѣстѣ съ императоромъ обѣдала въ его слободѣ Бѣлозерскѣ, находящейся въ 15-ти верстахъ отъ Херсона.

Труды Безбородки, вызванные путешествіемъ государыни въ Крымъ, были, по словамъ г. Григоровича, безпрерывны и разнообразны. «Всѣ архивы—говоритъ онъ—которыми довелось мнѣ пользоваться, представляютъ наглядное тому доказательство. Большая часть указовъ, подписанныхъ Екатериною въ теченіе полугодоваго путешествія, были писаны самимъ Безбородкою». Даже мелочи переходили черезъ его руки. Завадовскій, хорошо знавшій въ чьихъ рукахъ были дѣла того времени, 1-го іюля 1787 года писалъ графу С. Р. Воронцову: «Князь Потемкинъ верховный въ дѣлахъ. Графъ Александръ Андреевичъ по немъ и въ услугахъ его; я называю двѣ силы все двигающія». Но по одному изъ писемъ Гарновскаго оказывается, что Безбородко и помимо нахожденія въ услугахъ Потемкина былъ еще въ полной зависимости отъ другаго лица, такъ какъ графъ Воронцовъ, по словамъ Гарновскаго, «что хочетъ, то и дѣлаетъ съ графомъ-докладчикомъ».

Императрица, между тѣмъ, продолжала являть Безбородкѣ

новыя милости. Она заѣхала къ нему въ гости въ слободу Анновку, а затѣмъ, въ бытность свою въ Москвѣ, пожаловала ему домъ бывшаго великаго канцлера графа Бестужева-Рюмина, приказавъ его надстроить и перестроить на казенный счетъ по плану, данному отъ Безбородки.

Теперь Безбородко главнымъ образомъ дѣйствовалъ въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Между тѣмъ во внѣшнихъ отношеніяхъ начинались тревожныя обстоятельства. Турція готовилась къ войнѣ съ Россіею. Въ Нидерландахъ поднималось возстаніе противъ Габсбурговъ, Франція и Англія вооружались, а Пруссія строила намъ ковы. Что касается Турціи, то Безбородко надѣялся, что мы легко справимся съ нею одною, и въ письмѣ своемъ къ нашему послу въ Лондонѣ, графу Воронцову, писалъ, между прочимъ: «у насъ все готово и готовѣе, чѣмъ въ 1768 году». Кромѣ переписки съ Воронцовымъ, Безбородко велъ по турецкимъ дѣламъ личные переговоры съ иностранными послами, находившимися въ Петербургѣ, преимущественно же съ французскимъ посломъ графомъ Сегюромъ.

Война съ Турціею, не смотря на то, что у насъ къ этой войнѣ, по словамъ Безбородко, все было готово, началась неудачно. Тогда Безбородко, одинъ изъ главнѣйшихъ участниковъ и внутренняго управленія и внѣшней политики Россіи, началъ въ письмахъ своихъ къ графу С. Р. роптать на систему веденія у насъ государственныхъ дѣлъ. Такъ, онъ писалъ, что «у насъ не легко отгадать чего мы желаемъ, теперь же еще, къ сожалѣнію, и больше оказывается, что и во внѣшнихъ дѣлахъ думають такъ точно править, какъ во внутреннихъ». Замѣчаніе это объясняется слѣдующими строками: «у насъ считають, что всѣ по нашей дудкѣ плясать должны и если бы не привычка, иногда и съ огорченіемъ, переносить все и выдерживать первую пыль съ твердостію, то, Богъ знаетъ, какъ бы оное и пошло». Въ особенности жаловался Безбородко на то властвующее положеніе, какое въ эту пору занималъ Потемкинъ. Безбородко писалъ: «Трудно себѣ представить мои заботы. Я разумѣю не то, чтобы силъ или времени не достаетъ, но то, что о многомъ надобно брать ad refferendum (на донесеніе), т. е. посылать за совѣтомъ къ князю Потемкину, въ Новороссійскую губернію, а

оттуда ни за что не добьешься не скораго, но уже и никакого отвѣта». Онъ говоритъ и объ «умноженіи коварныхъ происковъ». «Я—продолжаетъ Безбородко—истинно ихъ не уважаю, но нельзя не заботиться, что подобныя происшествія публикою и свѣтомъ относимы будутъ на недосмотрѣніе министерства, у котораго ни силы, ни способовъ лучше дѣлать недостаетъ. Если бы можно было—продолжаетъ Безбородко—вершить войну безъ потери и хотя съ весьма умѣренными выгодами, направилъ бы я тогда всю возможность свою не допускать разрушать покой иногда легкомысленно, вѣдая, что онъ для насъ всего полезнѣе, а при упрямствѣ, по крайней мѣрѣ, пожелавъ добраго успѣха, своимъ покоемъ поспѣшу воспользоваться».

IX.

Приготовленія къ войнѣ со Швеціею.—Предположенія Безбородки о мѣрахъ на случай нападенія со стороны Пруссіи.—Его общія соображенія по внѣшней политикѣ.—Предположенія и сформированіи «охочихъ казаковъ» и о вызовѣ иностранныхъ офицеровъ въ русскую службу.—Обвиненіе Безбородки въ притѣсненіи китайцевъ.—Надежда на Потемкина.—Участіе его въ дѣлахъ турецкихъ и австрійскихъ.—Мысль о присоединеніи къ Россіи Польши.—Хлопоты по заключенію коммерческаго трактата съ Англіею.

Въ безпрерывныхъ, разнообразныхъ и сложныхъ дипломатическихъ переговорахъ съ тѣми и другими европейскими кабинетами—въ переговорахъ, о которыхъ съ бо̀льшими или мѐньшими подробностями сообщаетъ г. Григоровичъ въ своемъ изслѣдованіи, собственно для насъ любопытны лишь тѣ. при которыхъ мелькаетъ имя Безбородки. Мы говорили уже о томъ, какъ онъ переговаривался лично съ королемъ польскимъ и упомянули объ его участіи въ вопросѣ о войнѣ съ Турціею. Война съ Турціею поглощала теперь вниманіе и государыни и представителей правительства тогдашняго времени въ Россіи. Въ добавокъ къ этому, оказалась вещественная угроза Россіи со стороны Швеціи. Въ виду этого, 28-го марта 1788 года, Безбородко предложилъ въ совѣтѣ соображенія свои о «нужныхъ мѣрахъ, къ огражденію и обезпе-

ченію границъ нашихъ, лифляндскихъ и финляндскихъ», и составилъ записку изъ прежнихъ плановъ и росписаній на случай диверсіи со стороны Шведской.

Въ началѣ этой записки Безбородко изъяснялъ: «Осторожности пограничныя въ здѣшней части приняты должны быть такія, чтобы оныя обезпечить не только противъ шведскаго нечаяннаго нападенія, но и на случай какихъ либо покушеній со стороны короля прусскаго. Хотя многіе изъ мѣръ, тутъ представленныхъ, требуютъ времени, но необходимо за нихъ приняться и, по крайней мѣрѣ, впредь отвратить подобные недостатки, какіе здѣсь встрѣчаются». Поэтому, онъ предлагалъ сдѣлать распоряженія по тремъ частямъ: морской, сухопутной и политической. Предлагалъ онъ: привести въ порядокъ эскадры, исправить порты: Кронштадскій, Ревельскій и Балтійскій и финляндскія крѣпости. Кромѣ того, онъ указывалъ на «укомплектованіе пограничныхъ крѣпостей излишними церковниками» въ Астрахани и Сибири, даже семейными, и «на формированіе хоругвъ (отрядовъ) бѣлорусскихъ изъ мелкой шляхты».

При томъ положеніи, какое по вопросамъ внѣшней политики занималъ Безбородко, важнѣе всего узнать его мнѣніе по этимъ дѣламъ, и относительно ихъ онъ предлагалъ слѣдующій образъ дѣйствій.

«Съ датскимъ дворомъ — писалъ онъ — заранѣе о всемъ снестись и согласиться о дѣйствіяхъ ихъ въ пользу нашу на сухомъ пути и на морѣ. Графа Разумовскаго наставить какое ему имѣть поведеніе въ сихъ обстоятельствахъ, и въ случаѣ покушеній и возможности, стараться возбудить въ Финляндіи и Швеціи волненіе, чего ради долженъ онъ будетъ, при наблюденіи за поступками короля и его креатуръ, употребить всемѣрное попеченіе, утверждать добронамѣренныхъ къ нашей пользѣ, умножить число ихъ пріобрѣтеніемъ новыхъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, внушать имъ, что у насъ не могутъ быть никакіе противу Швеціи замыслы, что мы желаемъ имъ покоя и возстановленія ея вольности, и что собственныя ихъ отечество пользы наилучшимъ будетъ служить убѣжденіемъ отвращать легкомысленную ихъ короля рѣшимость на какое либо предпріятіе, тѣмъ болѣе, что кромѣ бѣдствій и тягостей, съ войною сопряжен-

ныхъ, послѣдованія ея, конечно, самыя вредныя для Швеціи быть могутъ».

Кромѣ того, Безбородкѣ передано было государынею на разсмотрѣніе «Положеніе, на какомъ можетъ быть набрано и содержано войско охочихъ казаковъ». «Положеніе» это было составлено надворнымъ совѣтникомъ Капнистомъ. Независимо отъ этого, возникло предположеніе о привлеченіи въ русскую службу опытныхъ офицеровъ изъ иностранцевъ. Хотя съ «Положеніемъ» Капниста Безбородко и согласился, но какъ находившійся «въ услугахъ» князя Помемкина онъ полагалъ необходимымъ спросить мнѣніе его свѣтлости. Въ свою очередь и Потемкинъ согласился съ предположеніями Капниста, но не извѣстно, почему они не были приведены въ исполненіе.

Не смотря на то положеніе, какое занималъ при государынѣ Безбородко, онъ извѣдалъ въ пору своей блестящей службы не мало огорченій. Такъ, онъ по одному доносу былъ замѣшанъ по дѣлу сибирскаго губернатора Якобія и вмѣстѣ съ графомъ А. Р. Воронцовымъ обвинялся «въ намѣреніи вымучить у китайцевъ знатную сумму». Средствомъ же для этого были придуманы «притѣсненія» китайцевъ и то, «чтобы они учинили на границы наши нападенія». Главный по этому дѣлу обвиняемый, Якобій, былъ оправданъ, что̀, конечно, заставляетъ предполагать неосновательность обвиненій, вызванныхъ противъ Воронцова и Безбородки. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но все же Безбородкѣ приходилось туго. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, онъ, между прочимъ, писалъ: «я теперь долженъ заботиться обороною противу интригъ самыхъ пакостныхъ, противъ нападеній клеветливыхъ и противъ всѣхъ усилій людей случайныхъ. Сперва хотѣли сложить на насъ подозрѣніе, будто мы употребляемъ разные происки противу князя Потемкина; но когда сей послѣдній, засвидѣтельствовалъ, что онъ мною совершенно доволенъ и свою довѣренность даже до собственныхъ видовъ ко мнѣ имѣетъ, тогда напали на насъ съ графомъ Александромъ Романовичемъ (Воронцовымъ) образомъ самымъ оскорбительнымъ. Дѣла и дѣйствія самыя насъ оправдали, но клевета на насъ была явная, а оправданіе безъ явной репараціи, можетъ ли удовлетворить чести оскорбленныхъ? Я буду ждать конца

войны, и тѣмъ кончивъ время свое, не втунѣ употребленное, примуся за собственныя дѣла, оставляя всѣ пакости съ презрѣніемъ».

Онъ надѣялся было, что въ Петербургъ пріѣдетъ Потемкинъ, который «обуздалъ бы многихъ неистовство» и подозрѣвалъ, что интрига удерживала князя подъ Очаковымъ.

Въ это время Безбородко былъ съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, выражалъ надежду на «благоволеніе» къ себѣ со стороны Потемкина и подробно сообщалъ ему о ходѣ нашихъ дѣлъ со Швеціею, по которымъ онъ принималъ дѣятельною участіе не только въ дипломатическомъ ихъ направленіи, но и въ готовящихся вооруженіяхъ, представивъ на счетъ этихъ послѣднихъ свои стратегическія соображенія. Заискивая благоволенія Потемкина, Безбородко писалъ ему: «по дѣламъ шведскимъ не упускалъ я ни одного случая безъ увѣдомленія вашей свѣтлости, и сей мой долгъ не премину всегда исполнять въ точности, вслѣдствіе того подношу записку, что здѣсь учинено и въ чемъ ваши совѣты и наставленія необходимо намъ нужны». Изъ переписки Безбородки съ Петемкинымъ оказывается, что этотъ послѣдній былъ главнымъ руководителемъ по дѣламъ шведскимъ. «Въ разсужденіи шведовъ, писалъ ему Безбородко, конечно, держимъ тотъ голосъ, который ваша свѣтлость въ запискѣ своей почитаете пристойнымъ. Главнѣйшая забота наша состоитъ въ томъ, что мы съ королемъ шведскимъ не можемъ трактовать, а развѣ съ чинами государственными, въ сеймѣ собранными, и что не можемъ не требовать себѣ удовлетворенія за обиды, причиненныя его несправедливымъ нападеніемъ». Затѣмъ, послѣ отсутствовавшаго Потемкина, самымъ главнымъ дѣятелемъ по шведской войнѣ былъ самъ Безбородко. Это доказывается не только обширною и разностороннею его перепискою, но и слѣдующею записью въ «Дневникѣ» Храповицкаго. «Передъ волосочесаніемъ, пишетъ онъ, прохаживаясь въ эрмитажѣ, приказано было мнѣ сказать графу А. А. Безбородкѣ, чтобы для достиженія скорѣйшаго мира съ Швеціею, поспѣшилъ совершеніемъ зимней кампаніи». Не смотря, однако, на такое обширное порученіе, Безбородко, какъ видно, изъ книги г. Григоровича, доводилъ

большую часть своихъ предложеній до свѣдѣнія государыни черезъ всевластнаго ея любимца.

Помимо занятій по дѣламъ шведскимъ, Безбородко въ то же время участвовалъ вмѣстѣ съ вице-канцлеромъ, графомъ Остерманомъ, въ составленіи «Записки, изъясняющей ихъ мнѣніе по содержанію учиненнаго нынѣ отъ вѣнскаго двора сообщенія и проекты договора вѣчнаго мира между имперіею всероссійскою и портою оттоманскою».

Съ наступленіемъ 1789 года, Россія пыталась разомъ окончить свои затрудненія какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ. На сѣверѣ собственно, кромѣ войны со Швеціею, императрицу озабочивали финны, которые изъявили Россіи готовность «отторгнуться отъ короля шведскаго». Въ добавокъ къ этому, по словамъ Безбородки, «требованія и затѣи польскія превосходили наше чаяніе, а положеніе Франціи возбуждало опасеніе на счетъ предстоявшихъ переворотовъ въ Европѣ». Сообщая Потемкину о польскихъ требованіяхъ и затѣяхъ, Безбородко присовокуплялъ, «но я надѣюсь, что твердостію противъ всякихъ затрудненій, добрыми аргументами и разными уловками можно будетъ опровергнуть нескладныя притязанія, а вмѣсто того присоединить Польшу къ намъ другими способами, изъ коихъ главнѣйшіе указаны въ вашей рекрутской запискѣ. Я осмѣливаюсь приложить на усмотрѣніе ваше мои по симъ бумагамъ примѣчанія, прося вашу свѣтлость по особливому вашему благоволенію, подать мнѣ въ семъ случаѣ совѣты и наставленія, дабы ими руководствуясь, могъ я пособствовать въ дальнѣйшихъ графу Штакельбергу предписаніяхъ».

Къ сожалѣнію примѣчанія Безбородки на записку Потемкина г. Григоровичемъ не отысканы.

Въ это же время приходилось Безбородкѣ хлопотать и о заключеніи коммерческаго трактата съ Англіею, которая, однако, уклонялась отъ подобнаго договора съ Россіею.

Вообще въ ту пору политическія дѣла въ Европѣ были крайне запутаны. Безбородко хорошо понималъ ихъ положеніе и относительно ихъ въ запискѣ, поданной имъ государынѣ, написалъ слѣдующее:

«Въ условіяхъ съ Австріею было постановлено, что Россія подастъ помощь Австріи если Пруссія или Франція на-

падутъ не нее. Но вѣнскій дворъ, сверхъ диверсіи отъ короля прусскаго, предполагаетъ другой случай, тотъ, если государь сей рѣшится, пользуясь войною нашею съ Портою, сдѣлать, безъ обнаженія меча, пріобрѣтеніе на счетъ Польши, или гдѣ индѣ. Цѣлость настоящихъ владѣній Польши предохранена ручательствомъ ея императорскаго величества. Отъ рѣшенія ея величества зависитъ: слѣдуетъ ли покушеніе короля прусскаго присвоить Данцигъ и какую нибудь часть земли Польской считать за нарушеніе мира, и потому воспрепятствовать всѣми силами. Нельзя не признаться, что таковое безъ войны пріобрѣтеніе, дало бы королю прусскому гораздо выгоды болѣе, нежели намъ, кои долженствуемъ нести убытки въ людяхъ и деньгахъ. Можно будетъ вѣнскому двору отвѣтствовать, что мы уже подали достаточныя увѣренія въ исполненіи обязательствъ нашихъ на случай диверсіи короля прусскаго; что, относительно подозрѣнія въ завладѣніи частью изъ Польши, связать и силы разныхъ трактатовъ, ручательство наше сей республикѣ утверждавшихъ, да и самые наши интересы могутъ совершеннымъ образомъ вѣнскій дворъ обнадежить, что мы признаемъ подобное покушеніе за противное миру и, поколику, возможность дозволяетъ тому воспротивимся. Кауницъ, упоминая съ похвалою о намѣреніи нашемъ заключить союзный трактатъ съ Польшею, внушаетъ о предоставленіи полякамъ перспективы на возвращеніе отъ короля прусскаго, въ случаѣ враждебныхъ его покушеній, той части, которая уступлена ему раздѣльнымъ трактатомъ. Извѣстно, что подобныя дѣла въ Польшѣ негоцируются съ цѣлымъ почти народомъ; какимъ же образомъ можно, прежде настоянія случая, дѣлать подобныя обнадеживанія? Сіе значило бы совершенно непріязненныя намѣренія и вызовъ короля прусскаго къ войнѣ, которую мы теперь отдалять должны».

Отдаляясь такимъ образомъ отъ Австріи, у насъ разсчитывали на Францію, когда вспыхнувшая тамъ революція положила конецъ такимъ разсчетамъ.

X.

Появленіе при дворѣ Зубова. — Его вліяніе на положеніе Безбородки. — Сравненіе Мамонова съ Ланскимъ. — Отзывъ Безбородки о вице-канцлерѣ графѣ Остерманѣ и Зубовѣ.—Подавленность сановниковъ временщиками.— Непріязненныя отношенія Мамонова къ Безбородкѣ.—Робость послѣдняго предъ фаворитомъ.—Подготовка императрицею государственныхъ людей.— Ея воспитанникъ князь Зубовъ. — Соперникъ Зубову, выставленный Безбородкою.

Между тѣмъ, положеніе при дворѣ Безбородки, постоянно умѣвшаго пользоваться благоволеніемъ Потемкина, должно было измѣниться. Храповицкій въ «Дневникѣ» своемъ упомянулъ 19-го іюня 1789 года о 22-хъ лѣтнемъ караульномъ офицерѣ, секундъ-ротмистрѣ Платонѣ Александровичѣ Зубовѣ, съ подозрѣніемъ на счетъ будущихъ близкихъ отношеній его къ императрицѣ. Вскорѣ послѣ того, а именно 9-го іюля того же года, Безбородко писалъ графу А. Р. Воронцову слѣдующее: «происшедшую у насъ перемѣну не описываю пространно, считая, что графъ Александръ Романовичъ объ ней васъ извѣщаетъ. Она, конечно, была нечаянна, потому что Мамоновъ всѣмъ столько уже утвердившимся казался, что, исключая князя Потемкина, всѣ предмѣстники его не имѣли подобной ему власти и силы, кои употреблялъ онъ не на добро, а на зло людямъ. Ланской, конечно, не хорошаго былъ характера, но въ сравненіи сего былъ сущій ангелъ. Онъ любилъ друзей, не усиливался слишкомъ вредить ближнему, о многихъ старался, а сей ни самимъ пріятелямъ своимъ никому ни въ чемъ помочь не хотѣлъ».

Строки эти замѣчательны въ томъ отношеніи, что они очень наглядно рисуютъ господствовавшія тогда понятія о временщикахъ среди высокопоставленныхъ лицъ и при томъ съ такимъ свѣтлымъ умомъ, какимъ, несомнѣнно, отличался Безбородко. Съ его точки зрѣнія пріятельская помощь, если и не искупляла совершенно позорность и вредность для прочихъ положенія, занятаго любимцемъ престарѣлой Екатерины, то все же оправдывала его.

«Я не забочусь о томъ злѣ, которое онъ мнѣ надѣлалъ лично—продолжалъ Безбородко—но жалѣю безмѣрно о пако-

стяхъ, отъ него въ дѣлахъ происшедшихъ, въ единомъ намѣреніи, чтобъ только мнѣ причинить досады». Описывая далѣе «пакости» Мамонова, Безбородко, сообщая, что Мамоновъ распространялъ слухъ, будто снова вернется править дѣлами, прибавляетъ: «вице-канцлеръ доказалъ при семъ случаѣ, что онъ презлой скотъ; пскалъ вкрасться въ милость сего бывшаго фаворита, жалуясь на меня, и иногда успѣвалъ; но то бѣда, что когда за руль брался, худо правилъ и надобно было всегда ко мнѣ же обращаться. Онъ забывалъ, что онъ, по слову покойнаго Верженя, былъ une tête de paille. Вѣрьте, что Вяземскій, который на насъ золъ, не дѣлалъ подобныхъ исканій, какъ сей глупый человѣкъ. Перемѣною пораженъ онъ былъ одинъ изо всего города, который вообще похвалами превозноситъ уѣхавшаго».

Что же касается новаго, вступившаго въ силу фаворита, то Безбородко писалъ: «о вступившемъ на мѣсто его (Мамонова) сказать ничего нельзя. Онъ мальчикъ почти. Поведенія пристойнаго, ума недалекаго, и я не думаю, чтобъ былъ долговѣчнымъ на своемъ мѣстѣ. Но меня сіе не интересуетъ».

Съ такимъ же равнодушіемъ отзывался Безбородко о Зубовѣ и въ письмѣ къ племяннику своему Кочубею, добавляя, «что бы ни было, но новые хуже не будутъ. А, впрочемъ, мнѣ ни до чего и дѣла нѣтъ».

Такое равнодушіе было, однако, напускнымъ, такъ какъ Безбородко въ письмахъ своихъ къ Воронцову жаловался еще и прежде на Мамонова, слѣдовательно доброе расположеніе или недоброхотство лицъ, слишкомъ близкихъ къ государынѣ, могли чувствительно отзываться на положеніи Безбородки.

Говоря о непріязненныхъ къ нему отношеніяхъ Дмитріева-Мамонова, г. Григоровичъ высказываетъ слѣдующія соображенія. Онъ пишетъ: «Трудно отыскать источникъ, изъ котораго проистекали такія отношенія. Быть можетъ, что милости, оказанныя императрицею Екатериною II еще во время путешествія въ Крымъ, роднѣ Безбородки, особенно Милорадовичу и Миклашевскому, которые слыли за красавцевъ, встревожили подозрительность фаворита государыни. Несомнѣнно только, что вскорѣ послѣ возвращенія двора изъ путешествія въ Петербургъ, насталъ рядъ непріятныхъ выходокъ Мамонова противъ Безбородки».

Мамоновъ, должно быть, сильно вредилъ Безбородкѣ, если Гарновскій сообщалъ Попову слѣдующее: «говорятъ, что Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) и довольно силенъ и опасенъ графу Александру Андреевичу и что послѣдній много лишился бы довѣренности, еслибы теперь не былъ подкрѣпленъ его свѣтлостію». На другой день Гарновскій писалъ: «Александръ Матвѣевичъ имѣетъ къ графу-докладчику врожденную антипатію и даже имени графскаго не терпитъ; напротивъ того, графъ усильно старается пріобрѣсть дружбу его превосходительства. Графъ-докладчикъ хотя и не кажется самъ собою быть опаснымъ, однакожъ въ хитрости рѣдко кому уступитъ, и притомъ связанъ тѣсною дружбою съ такими людьми, которые всегда были, суть и пребудутъ его свѣтлости вредными».

Приведенныя нами выписки представляютъ весьма непріглядную картину послѣдняго десятка лѣтъ царствованія Екатерины II. Среди кишащихъ придворныхъ интригъ появляются пригожіе «мальчики», переходящіе прямо «изъ караульни» въ кабинетъ государыни и заставляющіе дрожать передъ собою старыхъ сановниковъ за свою будущность, а эти въ свою очередь заискиваютъ добраго расположенія со стороны новоявленныхъ временщиковъ.

До какихъ мелочей могли доходить столкновенія, клонившіяся во вредъ государственнымъ людямъ того времени и кончавшіяся торжествомъ фаворитовъ, видно изъ письма Гарновскаго. По поводу вопроса о награжденіи одного кавалергардскаго капрала, дѣло это государыня пожелала отдать на разсмотрѣніе Безбородкѣ, чтобы онъ «выправился» какъ производились подобныя награжденія.— «Какъ, кому?—возразилъ Мамоновъ, которому императрица сообщила о своемъ намѣреніи.—Я вамъ сказывалъ уже сто разъ и теперь подтверждаю, что я съ Безбородкою не только никакого дѣла имѣть, но и говорить не хочу. Нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ отдавать ему дѣла, разсмотрѣнію его не подлежащія. Не угодно ли вамъ, надѣвъ на него шишакъ и нарядивъ его въ кавалергардское платье, пожаловать его шефомъ сего корпуса? Очень кстати! Однако же и въ то время я ему кланяться не намѣренъ. Я знаю, кто я таковъ, а онъ—такой, сякой... Я лучше пойду въ отставку». — «Ну, ну... на что же сердиться»—утѣшала

императрица фаворита. Споръ сей, добавляетъ Гарновскій, кончился тотчасъ миромъ. Когда же снова по этому поводу возникъ вопросъ и императрица попыталась-было выставить передъ расходившимся не въ мѣру фаворитомъ достоинства и заслуги Безбородки, то Мамоновъ возразилъ: «Хотѣлъ я наплевать на его достоинства, на него самаго и на всю его злодѣйскую шайку».

«Я стыжусь описать всѣ ругательства—добавляетъ Гарновскій—на счетъ графскій и его партіи произнесенныя. Словомъ сказать, прежестокая была ссора. Дворъ принужденъ былъ, наконецъ, присвоить графу имя без......, бумаги отъ него тотчасъ отобрать и цѣлую ночь проплакать.

«Примиреніе, о коемъ дворъ весьма сильно старался, насилу воспослѣдовало, послѣ ссоры, три дня спустя. Видно,—заключаетъ Гарновскій,—хотя любовь и имѣетъ свое могущество, но довѣренность къ тріумвирату не совсѣмъ еще погибла; однакоже, тріумвиратъ уступитъ могуществу и уступитъ совершенно если только надобно будетъ».

Отношенія такого высокаго сановника и лица, столь довѣреннаго государыни, какимъ былъ Безбородко, были крайне тяжелы для послѣдняго. Это видно изъ словъ Гарновскаго, писанныхъ въ концѣ апрѣля 1787 года. «Графъ-докладчикъ бываетъ весьма рѣдко у государыни, и притомъ старается бывать только тогда, когда Мамоновъ не бываетъ. Если же ему случится придти въ то время къ государынѣ, когда графъ докладываетъ, то графъ, тревожась присутствіемъ Мамонова, всегда уходитъ. Недавно случилось слѣдующее происшествіе: графъ, пришедъ къ государынѣ въ такое время послѣ обѣда, когда Мамоновъ бываетъ дома, велѣлъ доложить о себѣ. Взошедъ потомъ къ ея императорскому величеству, гдѣ засталъ Александра Матвѣевича, пришелъ онъ въ такую робость, что на чтеніе дѣлъ, о которыхъ онъ хотѣлъ докладывать и голосу не хватило. Извинясь болью въ горлѣ, просилъ онъ государыню, чтобы ея величество изволила сама прочесть принесенныя бумаги, которыя онъ оставя у ея величества, воротился во-свояси».

Съ своей стороны г. Григоровичъ замѣчаетъ, что не «робость», а иное чувство руководило въ этомъ случаѣ Безбородкою. «Онъ — говоритъ его біографъ — не сробѣлъ передъ

императрицею даже тогда, когда на замѣчаніе ея, что «сенатскія дѣла выходятъ весьма медленно»—отвѣчалъ: «я никогда не вхожу и не выхожу отъ васъ безъ дѣлъ, государыня. Отъ васъ зависитъ оныя слушать». По нашему мнѣнію, такой отвѣтъ, данный Безбородкою императрицѣ и притомъ отвѣтъ, вызванный въ смыслѣ оправданія, не опровергаетъ нисколько того обстоятельства, чтобы Безбородко не тревожился, при докладахъ, присутствіемъ Мамонова и не робѣлъ передъ фаворитомъ. Извѣстно, что обращеніе Екатерины II съ приближенными къ ней лицами было обыкновенно вѣжливо и сдержанно и притомъ какую либо съ ея стороны вспышку Безбородко могъ перенесть гораздо охотнѣе, нежели дерзкую выходку фаворита, передъ которымъ, даже съ сознаніемъ своего достоинства, приходилось покорствовать и молчать и болѣе заносчивымъ, сравнительно съ Безбородкою, сановникамъ.

Вотъ какимъ образомъ велись въ то время дѣла въ рабочемъ кабинетѣ государыни. Поступающія туда бумаги диктовалъ Воронцовъ, писалъ же и подносилъ ихъ къ подписанію Безбородко. Сообщая объ этомъ, Гарновскій прибавляетъ: «Александръ Матвѣевичъ, будучи, впрочемъ, сильнѣе ихъ всѣхъ, не входилъ почти ни въ какія дѣла». Очевидно, однако, что если бы онъ только пожелалъ вмѣшиваться, то сила его одолѣла бы и Воронцова и Безбородку.

Непріязненныя отношенія Мамонова къ Безбородкѣ продолжали существовать, и государыня однажды вынуждена была сказать своему любимцу: «ты видишь, что князь (Потемкинъ) пишетъ Александру Андреевичу дружески. Это не правда, чтобы они князю были злобны. Какъ бы то ни было, а князь уважаетъ ихъ, какъ людей умныхъ, государству полезныхъ и мнѣ необходимыхъ. Для чего же тебѣ себя не такъ вести».

Вскорѣ послѣ этого заговорили, что графъ Безбородко сдѣлался «по комнатѣ» по прежнему силенъ, а 22-го октября 1787 года Гарновскій писалъ: «Графъ Александръ Андреевичъ опять немножко поправился для того, что дѣла исправить некому». Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію Мамонова, нельзя было избрать къ употребленію въ государственнныя дѣла вреднѣйшихъ людей, какъ графа Воронцова, Завадовскаго и Безбородку».

Оказывалось, однако, что могли являться въ ту пору люди еще вреднѣйшіе, какими становились быстро возвышавшіеся молодые любимцы императрицы. Въ предпослѣдніе годы Екатерина занялась мыслью подготовлять изъ нихъ будущихъ государственныхъ дѣятелей. Она чувствовала недостатокъ, и въ одномъ изъ своихъ писемъ къ барону Гримму выражала удовольствіе по случаю пріѣзда въ Россію для вступленія въ службу Канкрина, — отца будущаго министра финансовъ и графа,—добавляя, что для Россіи нужно «выуживать» дѣльныхъ людей изъ Германіи. Въ виду такого недостатка, Екатерина сама подготовляла въ будущіе государственные дѣятели: сперва Ланскаго, потомъ Мамонова и, наконецъ, Зубова. Но разумѣется, что такая школа была очень не надежною подготовкою для означенной высокой цѣли. Если бы бы даже эти «мальчики» и могли позаимствовать отъ императрицы кое-что изъ государственной мудрости, то вмѣстѣ съ тѣмъ вся ихъ обстановка вела ихъ къ нравственному растлѣнію. Могущество, почетъ и богатство, достававшіяся имъ на долю въ незрѣлые годы и безъ всякихъ заслугъ, неизбѣжно должны были вскружить имъ головы. Они могли считать себя превыше всѣхъ, пренебрегать всѣми и научиться только повелѣвать раболѣпствовавшими передъ ними сановниками, Дойдя сами легкимъ путемъ до служебной вершины, они не могли оцѣнить, какъ слѣдуетъ, ни чужихъ достоинствъ, ни чужихъ трудовъ, которые по отношенію къ нимъ должны были со стороны сановниковъ замѣняться лестію и угодничествомъ.

Въ началѣ іюля 1799 года, въ замѣнъ Мамонова явился при дворѣ, какъ мы видѣли, Зубовъ, и Безбородко, въ письмахъ своихъ прикидывался равнодушнымъ и даже радовался паденію ненавидѣвшаго его любимца. Между тѣмъ, возвышеніе Зубова росло каждый день и новый фаворитъ относился не слишкомъ благосклонно къ графу-докладчику. Считая Зубова какимъ-то геніемъ, Екатерина полагала, что возвышая его, она тѣмъ самымъ оказываетъ услугу Россіи. «Я дѣлаю государству пользу, воспитывая молодыхъ людей»,— говорила она Салтыкову, когда рѣчь заходила о Зубовѣ. Для противодѣйствія Зубову, Безбородко вызвалъ и поселилъ въ своемъ домѣ родственника своего Милорадовича, конечно, съ

цѣлью пристроить его въ разсадникъ будущихъ государственныхъ людей. Въ Милорадовичѣ, чрезвычайно красивомъ, молодомъ гвардейскомъ офицерѣ, на котораго однажды государыня уже обратила свое вниманіе, Зубовъ, по словамъ г. Григоровича, не могъ не видѣть сильнаго себѣ соперника при поддержкѣ и вліяніи Безбородки, который теперь хотѣлъ упрочить свое положеніе не слишкомъ благовиднымъ способомъ. Это, естественно, не могло не раздражить и не страшить за свою судьбу не утвердившагося еще на своемъ мѣстѣ юнаго Зубова.

По поводу всего этого г. Григоровичъ пишетъ: «Нельзя здѣсь не припомнить разсказъ о томъ, что Безбородко будто бы, хлопоталъ, по удаленіи Мамонова, о «представленіи случая» своему племяннику, Григорію Петровичу Милорадовичу, еще въ Нѣжинѣ. Милорадовичъ, какъ свидѣтельствуетъ портретъ его, былъ красавцемъ. Это обстоятельство, будто бы, и послужило одною изъ главнѣйшихъ причинъ ненависти Зубова къ Безбородкѣ».

XI.

Интриги. — Занятія Безбородко. — Его записки и политическіе планы. — Неудача этихъ послѣднихъ.—Бѣдственное положеніе Россіи.—Стараніе о сближеніи съ Англіею. — Записка объ улучшеніи флота. — Переговоры со Швеціею.—Версальскій миръ.—Награда Безбородкѣ.—Его миролюбивыя наклонности.

Хотя тѣ интриги, которыя окружали Безбородку и которыя, въ свою очередь онъ велъ и самъ, отнимали у него не мало времени и, кромѣ того, не могли не разстроивать его, тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ усердно заниматься не только текущими дѣлами, какъ докладчикъ, но еще находилъ досугъ для составленія особыхъ записокъ, которыя онъ представлялъ государынѣ, конечно, не безъ цѣли поддержать въ ней мнѣніе о своей дѣловитости. Такъ, въ то время, когда для Россіи представлялась необходимость заключить миръ съ одной стороны съ Турціею, а съ другой — со Швеціею и когда дворы вѣнскій и берлинскій весьма чувствительно затрогивали наши интересы въ Польшѣ, Безбородко подалъ

императрицѣ двѣ записки. Въ каждой изъ этихъ записокъ онъ указывалъ на возможность заключить миръ со Швеціею и Турціею при посредствѣ берлинскаго двора, а во второй высказывалъ свое мнѣніе о томъ, какимъ путемъ должны быть ведены переговоры съ берлинскимъ дворомъ относительно войны. Господствующею у него мыслью было то убѣжденіе, что «для усыпленія ненавиствующихъ намъ дворовъ, надобно главнѣйше негоцировать въ Берлинѣ». Между тѣмъ Екатерина имѣла «неодолимое отвращеніе къ сближенію съ прусскимъ королемъ и убѣжденіе въ пользу связи съ императоромъ». Въ этомъ случаѣ ей долженъ былъ уступить даже Потемкинъ. Планъ осуществленія своей мысли Безбородко излагалъ въ письмѣ къ графу А. Р. Воронцову. Онъ писалъ ему: «Покуда вся негоціація будетъ состоять въ словахъ и обѣщаніяхъ, мы скрывать станемъ наши сношенія; но какъ скоро пришло бы говорить далѣе, не сдѣлаемъ никакого рѣшительнаго шага, не условившись напередъ съ нашимъ союзникомъ, который, въ концѣ прошлаго года, самъ намъ сказалъ, что надобно всѣми силами успокоивать короля прусскаго и что покуда война съ турками у него и у насъ на рукахъ и думать нельзя противиться берлинскому двору».

Причиною такой податливости, берлинскому двору Безбородко выставлялъ внутреннее весьма печальное положеніе Россіи. «Нашъ интересъ теперь въ томъ состоитъ — писалъ онъ—чтобы сдѣлать миръ, хотя нѣсколько честный, ибо много уже лѣтъ нельзя продолжать войну. Отъ неурожая хлѣбнаго и отъ возвышенія цѣнъ и отъ худой экономіи въ войскахъ, такъ возросли расходы, что намъ нынѣшній годъ на войну станетъ слишкомъ тридцать милліоновъ, и чтобы быть въ состояніи протянуть будущую кампанію, дошло дѣло до наложенія новыхъ податей».

Проектъ Безбородки о посредничествѣ Пруссіи не могъ состояться еще и потому, что вскорѣ «открылись прямыя намѣренія короля прусскаго, отъ имени котораго былъ предложенъ Турціи оборонительный союзъ съ гарантіею ея цѣлости за Дунаемъ и съ выраженіемъ готовности дѣйствовать противъ насъ, еслибы перенесли наше оружіе на эту рѣку». Начавъ противъ насъ военныя дѣйствія, прусскій дворъ условливался продолжать ихъ до тѣхъ поръ, пока Порта не

успѣетъ возвратить потерянныя ею земли и не заключитъ выгоднаго для себя мира со включеніемъ въ такой договоръ Швеціи и Польши. Для проводѣйствія Польшѣ, которая такимъ образомъ присоединялась къ враждебнымъ намъ Пруссіи, Швеціи и Турціи, Безбородко полагалъ «самымъ надежнымъ средствомъ возбудить польскую Украйну, гдѣ народъ не доволенъ и храбръ, но тутъ, замѣчаетъ онъ, надобны деньги, коихъ у насъ нѣтъ».

Какъ бы, впрочемъ, то ни было, но очевидно Безбородко не былъ на столько проницательнымъ дипломатомъ, если онъ намѣревался повернуть союзъ въ ту сторону, откуда Россіи не приходилось ждать ни малѣйшей поддержки и гдѣ противъ нее строились самыя зловредныя козни.

Потерпѣвъ неудачу въ прусскомъ проектѣ, Безбородко старался теперь о сближеніи Россіи съ Англіею при посредствѣ тамошняго нашего посла графа Р. Р. Воронцова. «Бога ради, писалъ онъ ему, постарайтесь связать насъ съ Англіею и по торговлѣ и по политикѣ. Вамъ великое спасибо и слава будетъ за столь важную услугу».

Воронцову не удалось исполнить такого пламеннаго желанія Безбородки. Воронцовъ сообщалъ, «что нечего уже считать на пособіе Англіи въ развязкѣ нынѣшнихъ дѣлъ», и что король совершенно преданъ берлинскому двору, который желаетъ насъ «изнурить».

Въ февралѣ 1790 года Безбородко представилъ совѣту новую записку, въ которой указывалъ главные предметы для военныхъ дѣйствій нашего корабельнаго и галернаго флотовъ, съ надлежащею къ первому резервною эскадрою и нашей сухопутной арміи въ наступающую кампанію противъ шведовъ. Семь пунктовъ записки опредѣляли мѣры къ дальнѣйшему подкрѣпленію мореходнаго вооруженія. Совѣтъ, соображая мѣстное положеніе и прочія, до войны касающіяся, обстоятельства, находилъ расположеніе и производство военныхъ дѣйствій по тому плану весьма приличными.

Вопреки всѣмъ прежнимъ предвидѣніямъ, посредницею при заключеніи нами мира со Швеціею явилась «Гишпанія», въ лицѣ бывшаго въ Петербургѣ ея посланника, кавалера Гальвеца, но интриги Пруссіи замедляли успѣхъ начатыхъ переговоровъ и довели Екатерину до того, что, не смотря на все

тягостное положенiе Россiи, пришлось образовать еще третью армiю, чтобы выставить ее для защиты отъ пруссаковъ границъ нашей и австрiйской.

Успѣхи шведской войны клонились то на нашу, то на вражескую намъ сторону, но была пора, когда намъ приходилось очень плохо. Въ 1790 году былъ слышанъ пушечный громъ сраженiя, происходившаго при островѣ Сексарѣ. Екатерина была въ тревожномъ состоянiи, а Безбородко, по словамъ Храповицкаго, «плакалъ», такъ что императрицѣ пришлось утѣшать и ободрять своего секретаря, совѣтуя ему «взять примѣръ съ покойнаго прусскаго короля, бывшаго не разъ множествомъ окруженнымъ».

Надежда на Англiю въ это время рушилась, Воронцовъ сообщилъ Безбородкѣ: «что нечего уже считать на пособiе Англiи въ развязкѣ нынѣшнихъ дѣлъ» и что король совершенно преданъ германскому двору, который желаетъ насъ «изнурить». Тогда Безбородкѣ пришлось прямо отъ имени Россiи писать договорные пункты со Швецiею, онъ изложилъ ихъ въ такомъ видѣ: 1) чтобы миръ, спокойствiе, доброе согласiе и дружба пребывали вѣчно на твердой землѣ и на водахъ, и потому всѣ дѣйствiя всѣхъ прекращены быть имѣютъ; 2) границы обѣихъ державъ имѣютъ навсегда остаться, какъ оныя, по силѣ абовскаго договора—по разрыву до начатiя настоящей войны были; 3) вслѣдствiе того войска долженствуютъ выведены быть каждою изъ воюющихъ державъ, буде имѣются въ сторонѣ другой, въ полагаемый тому срокъ; 4) плѣнники размѣнены и отпущены должны быть безъ выкупа и разсчета за ихъ содержанiе, а каждый только свои собственные долги частнымъ людямъ заплатить обязанъ; 5) артикулъ абовскаго договора о салютѣ, между кораблями и судами взаимными, свято исполняемъ быть долженъ и 6) ратификацiи государскiя въ теченiе двухъ недѣль, или скорѣе, размѣнены быть должны.

На этомъ основанiи и былъ 3-го августа 1790 года заключенъ миръ въ Верельской долинѣ при берегахъ рѣки Кимени.

За труды во время шведской войны, когда Безбородко дѣйствительно являлся дипломатомъ, хотя и не совсѣмъ удачнымъ, а отчасти руководителемъ военныхъ, какъ сухопут-

ныхъ, такъ равно и морскихъ дѣйствій, Екатерина наградила его слѣдующимъ чиномъ. Въ росписи наградъ, подписанной императрицею 8-го сентября 1790 года, между прочимъ сказано: «Гофмейстеру графу Безбородкѣ, котораго труды и упражненія въ отправленіи порученныхъ ему отъ ея императорскаго величества дѣлъ, кои ея величество ежедневно сама видитъ, всемилостивѣйше жалуется чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и оставаться ему при его должностяхъ».

Безбородко, какъ видно изъ его письма къ матери, былъ очень доволенъ такою наградою. Описывая торжество, бывшее по случаю заключенія мира, онъ говоритъ: «Милость, мнѣ тутъ сдѣланная, тѣмъ знаменитѣе, что никто почти изъ генераловъ-поручиковъ въ генералъ-аншефскій чинъ не поступалъ менѣе двѣнадцати или пятнадцати лѣтъ, вмѣсто того что я получаю оный, бывъ въ прежнемъ только пять лѣтъ съ половиною, пріобрѣтая весьма надъ многими старшинство и вступая, такъ сказать, уже на послѣднюю степень статской службы. При томъ, продолжаетъ онъ,—ласкательна была для меня честь, что изъ всѣхъ министровъ Совѣта трое насъ только были, которыхъ имена читаны въ росписи публично съ трона, въ день большой аудіенціи, а именно: графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ, получившій тутъ крестъ и звѣзду брилльянтовые ордена св. Андрея, Николай Ивановичъ Салтыковъ, пожалованный графомъ, и я. Прочіе наши сотоварищи получили отъ ея величества, по возвращеніи уже во внутренніи покои, табакерки богатыя съ портретами».

По окончаніи верельскаго мира, Безбородко говорилъ: «мы свое кончили, пусть князь Потемкинъ свое кончитъ».

Блестящее съ видимой стороны царствованіе Екатерины II сопровождалось, однако, внутреннимъ истощеніемъ государства. Вотъ что по поводу этого въ особенной запискѣ, поданной императрицѣ, писалъ Безбородко:

«Что война съ Портою и нынѣ продолжающаяся, и другая недавно съ шведскимъ королемъ оконченная, привела государство въ большое истощеніе, какъ и людьми, такъ и деньгами—въ томъ не можетъ быть ни малѣйшее сомнѣніе. Число рекрутъ, въ теченіе десяти лѣтъ взятыхъ, изъ всякихъ состояній народныхъ простирается до 400,000 человѣкъ. Что же касается до денегъ, то недостатокъ въ нихъ такъ великъ,

что и самые налоги не могутъ удовлетворить нуждамъ нашимъ. Вексельный курсъ съ начала турецкой войны и до сихъ поръ упадать продолжаетъ. Займы внѣшніе отъ часу становятся затруднительнѣе. Въ такомъ положеніи не можно не признаться, чтобъ не было опасно и бѣдственно отваживаться на новую войну, прибавляя противъ себя столь сильныхъ непріятелей, каковы король прусскій и его союзники. Къ внутреннему положенію надлежитъ присовокупить и внѣшнее. Мы не имѣемъ союзниковъ. Король прусскій воспользовался разстройствомъ австрійской монархіи и слабостью нынѣ владѣющаго императора, поставилъ его въ совершенное недѣйствіе, которое повидимому, и по собственнымъ изъясненіямъ вѣнскаго двора, не прервется и при самомъ на насъ нападеніи, по крайней мѣрѣ на первый годъ. Между тѣмъ, никто ручаться не можетъ, что если дѣйствія прусскія въ теченіе сего года будутъ сильны и успѣхомъ сопровождаемые, императоръ отважился бы вмѣшаться въ войну. Данія совсѣмъ на дѣлѣ выведена изъ системы нашей и отъ нея никакой помоги ожидать нельзя. Союзъ со Швеціею еще сомнителенъ».

XII.

Литературныя способности Безбородки.—Его отношенія къ писателямъ.—Державинъ, Капнистъ, Княжнинъ, фонъ-Визинъ, Новиковъ и Радищевъ,—Мартинисты.—Вліяніе французской революціи.—Появленіе книги «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.—Участіе Безбородки въ дѣлѣ ея автора.—Поѣздка Безбородки въ Москву для слѣдствія надъ мартинистами.—Противорѣчивыя извѣстія относительно этой поѣздки.—Снисходительность Безбородки къ мартинистамъ. — Покровительство Безбородки русскому просвѣщенію. — Покровительство стихотворцамъ. — Ошибочный взглядъ г. Григоровича на этотъ предметъ.—Хвалебныя и льстивыя оды.—Денежныя подачки.—Издательская дѣятельность вельможъ.

Одною изъ главъ своего изслѣдованія, означеннаго «Отношенія къ писателямъ и просвѣщенію» г. Григоровичъ прерываетъ на время разсказъ о служебной дѣятельности Безбородко. Вводя такую особую главу, онъ поступаетъ весьма основательно, такъ какъ въ екатерининскую пору такъ называемое меценатство, и въ хорошемъ, и въ дурномъ направ-

леніи, было въ большомъ ходу. Сама государыня подавала этому примѣръ, занимаясь, кромѣ того, и лично, въ кругу своихъ приближенныхъ, литературными трудами. Понятно, что и Безбородкѣ не слѣдъ было отставать отъ нея на этомъ пути, тѣмъ болѣе, что онъ умѣлъ владѣть перомъ такъ искусно, что едва ли встрѣчалъ въ средѣ своихъ современниковъ соперника по этой части, разумѣется, среди придворнаго общества. Поэтому г. Григоровичъ, какъ кажется, не безъ основанія предполагаетъ, что если бы Безбородко вступилъ на литературное поприще, то изъ него вышелъ бы замѣчательный писатель своего времени. Но, оставаясь исключительно на государственной службѣ, Безбородко тѣмъ не менѣе, по словамъ г. Григоровича, оказывалъ писателямъ той эпохи и вообще просвѣщенію болѣе чѣмъ обыкновенное вниманіе. По крайней мѣрѣ можетъ встрѣтиться, по словамъ г. Григоровича, рядъ указаній на то, что Безбородко благоволилъ и покровительствовалъ русскимъ писателямъ и содѣйствовалъ общему ходу просвѣщенія въ Россіи.

Въ подтвержденіе этого г. Григоровичъ указываетъ на дружбу Безбородки съ Николаемъ Александровичемъ Львовымъ, поэтомъ и прозаикомъ, переводчикомъ Анакреона, проницательнымъ критикомъ произведеній литературы и знатокомъ изящныхъ искусствъ—какъ свидѣтельствуетъ о томъ почтенный академикъ Я. К. Гротъ. По мнѣнію г. Григоровича, Безбородку и Львова сдружила ихъ любовь къ литературѣ. Въ свою очередь Львовъ, пользуясь настроеніемъ своего друга, открывалъ доступъ къ Безбородкѣ писателямъ того времени: Державину, Хемницеру, Новикову, фонъ-Визину, Радищеву и даже, можетъ быть, Капнисту. Державинъ называлъ Безбородку своимъ «ангеломъ-благотворителемъ» и считалъ его, согласно духу того времени, своимъ «единственнымъ, милостивѣйшимъ, особеннымъ благодѣтелемъ и покровителемъ». Впрочемъ, въ изъявленіяхъ своей благодарности и преданности единственному своему милостивцу тогдашніе поэты были не совсѣмъ искренни, такъ какъ они обыкновенно заискивали для себя и другихъ еще сильныхъ патроновъ. Кромѣ того и самъ Державинъ не упускалъ случая кольнуть порою въ своихъ стихахъ и самого Безбородку. Такъ въ его одѣ «На счастье» два стиха:

относятся: первый къ генералъ-губернатору Гудовичу, а послѣдній къ Безбородкѣ. Кромѣ того, онъ задѣлъ милостивца и въ другой одѣ, озаглавленной «Вельможа», гдѣ описываетъ сибаритство екатерининскихъ вельможъ, ихъ недоступность и невнимательность не только къ заслуженнымъ, израненнымъ воинамъ, но и къ бывшимъ своимъ начальникамъ, встрѣчающимъ, вслѣдствіе прихоти судьбы, надобность въ поддержкѣ со стороны бывшихъ своихъ подчиненныхъ, вознесшихся случайно на высоту могущества.

Послѣ Львова и Державина третьимъ изъ писателей, пользовавшихся благосклонностію Безбородко, былъ Иванъ Ивановичъ Хемницеръ. Онъ былъ консуломъ въ Смирнѣ и въ затруднительныхъ служебныхъ обстоятельствахъ нерѣдко черезъ посредство Львова, обращался къ покровительству Безбородки.

Въ 1782 году поступилъ на службу подъ начальство Безбородки Василій Васильевичъ Капнистъ, впослѣдствіи сочинитель извѣстной комедіи «Ябеда».

«Есть свидѣтельство—пишетъ г. Григоровичъ—что графъ Безбородко привлекалъ къ себѣ и Якова Борисовича Княжнина, но что Княжнинъ отказался «отъ всѣхъ лестныхъ предложеній», не желая измѣнить своему другу и благодѣтелю Бецкому».

Найденъ документъ — продолжаетъ г. Григоровичъ—который даетъ основаніе предполагать, что графъ Безбородко ходатайствовалъ у Екатерины II и за автора «Недоросля». Мы разумѣемъ, добавляетъ г. Григоровичъ, писанный рукою Безбородки рескриптъ, данный на имя Безбородки же и касающійся Д. И. фонъ-Визина по назначенію ему пенсіи».

Гораздо болѣе чѣмъ этотъ документъ имѣютъ значеніе отношенія Безбородки къ Н. И. Новикову и къ Радищеву.

Когда въ 1786 году была запечатана книжная лавка Новикова, то онъ въ своихъ «крайнихъ обстоятельствахъ» нашелъ болѣе вѣрнымъ обратиться къ Безбородкѣ и просить его письменно о «покровительствѣ и заступленіи». Ходатайство Безбородки о Новиковѣ сопровождалось успѣхомъ. Чрезъ двѣ недѣли послѣ отправки письма Новиковымъ, Екатерина

приказала московскому генералъ-губернатору Брюсу дозволить Новикову снова производить продажу книгъ, за исключенiемъ лишь 6-ти изданiй.

Но особенно замѣчательны отношенiя Безбородки къ извѣстному Радищеву и къ мартинистамъ, считавшимся самою образованною средою въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ.

Когда во Францiи поднялась революцiя, Екатерина начала самымъ пристальнымъ образомъ всматриваться въ происходившiя тамъ событiя и въ отношенiя своихъ подданныхъ къ этимъ событiямъ. Тогда получена была отъ находившагося въ Парижѣ нашего министра, Симолина, депеша, которую государыня 26-го августа 1790 года отправила къ Безбородкѣ со слѣдующею собственноручною запискою: «Читая вчерашнiя реляцiи Симолина, изъ Парижа полученныя черезъ Вѣну, о россiйскихъ подданныхъ, за нужное нахожу сказать, чтобы оныя непремѣнно читаны были въ Совѣтѣ сегодня и чтобъ генералу графу Брюсу поручено было сказать графу Строгонову, что учитель его сына, Ромъ, сего молодого человѣка, ему порученнаго, водитъ въ клубъ Жакобеновъ и пропаганды, учрежденный для взбунтованiя вездѣ народовъ противу власти и властей, и чтобъ онъ, Строгоновъ, сына своего изъ таковыхъ зловредныхъ рукъ высвободилъ, ибо онъ, графъ Брюсъ, того Рома въ Петербургъ не впуститъ. Положите сей листъ къ реляцiи Симонина, дабы въ Совѣтѣ вѣдали мое мнѣнiе».

Вслѣдствiе этого совѣтъ постановилъ, чтобъ молодыхъ людей изъ академiи художествъ посылали для дальнѣйшаго усовершенствованiя не во Францiю, а въ Италiю или другiя мѣста.

Подъ влiянiемъ разгара французской революцiи, Екатерина была чрезвычайно возбуждена появившимся въ печати сочиненiемъ Радищева и въ дѣлѣ объ этой книгѣ Безбородко принималъ большое участiе. Онъ 27-го iюня 1790 года писалъ въ одинъ день графу А. С. Воронцову, какъ покровителю Радищева, три письма, въ которыхъ описывалъ тревогу государыни. Первое и послѣднее изъ этихъ писемъ Безбородко написалъ по повелѣнiю императрицы. «Ея величество, писалъ онъ—свѣдавъ о вышедшей недавно книгѣ, подъ заглавiемъ «Путешествiе изъ Петербурга въ Москву», оную

читать изволила и нашедъ ее наполненною разными дерзостными изражениями, влекущими за собою развратъ, неповиновенiе власти и многiя въ обществѣ разстройства, указала изслѣдовать о сочинителѣ сей книги. Между тѣмъ достигъ къ ея величеству слухъ, что оная сочинена г. коллежскимъ совѣтникомъ Радищевымъ; почему прежде формальнаго о томъ слѣдованiя повелѣла мнѣ сообщить вашему сiятельству, чтобъ вы, милостивый государь мой, призвали предъ себя помянутаго г. Радищева и сказали ему о дошедшемъ къ ея величеству слухѣ на счетъ его. Допросите его: онъ ли сочинитель или участникъ въ составленiи сея книги, кто ему въ томъ способствовалъ, гдѣ онъ ее печаталъ, есть ли у него домовая типографiя, была ли книга представлена на цензуру управы благочинiя, или же напечатанное въ концѣ книги «съ дозволенiя управы благочинiя»—несправедливо, при чемъ бы ему внушили, что чистосердечное его сознанiе есть единственное средство къ облегченiю жребiя его, улучшенiя котораго, конечно, нельзя ожидать, если при упорномъ несправедливомъ отрицанiи дѣло слѣдствiемъ откроется. Ея величество будетъ ожидать, что̀ онъ покажетъ».

Въ другомъ письмѣ, какъ бы въ добавочномъ къ этому, Безбородко писалъ: «Я весьма сожалѣю, что на ваше сiятельство столь непрiятная комиссiя налагается. По слѣдствiю, порученному оберъ-полицеймейстеру,—а болѣе думаю, по слухамъ—сказано государынѣ, что авторы извѣстной развратной книги господа Радищевъ и Челищевъ, и что ее печатали въ домовой типографiи того или другаго изъ нихъ. Дѣло сiе въ весьма дурномъ положенiи. Хотя ея величество, узнавъ имя перваго, кажется болѣе расположена умягчить свое негодованiе, но все, впрочемъ, не лучшiй конецъ оно имѣть можетъ, Сiе пишу единственно для васъ».

Наконецъ, въ третьей запискѣ Безбородко спѣшилъ извѣстить Воронцова, что ея величеству угодно, чтобы онъ, Воронцовъ, ни о чемъ Радищева не спрашивалъ, такъ какъ дѣло пошло уже формальнымъ слѣдствiемъ.

О дѣлѣ Радищева сообщалъ Безбородко и Попову, правителю канцелярiи князя Потемкина. Къ нему Безбородко писалъ: «Радищевъ, совѣтникъ таможенный, не смотря на то, что у него и такъ дѣлъ было много, которыя онъ — правду

сказать—и правилъ изрядно и безкорыстно, вздумалъ лишніе часы посвятить на мудрованія: заразившись какъ видно Франціею, выдалъ книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», наполненную защитою крестьянъ, зарѣзавшихъ помѣщиковъ, проповѣдью равенства и почти бунта противу помѣщиковъ, неуваженія къ начальникамъ, вывелъ много язвительнаго и, наконецъ, неистовымъ образомъ вппуталъ оду, гдѣ озлился на царей и хвалилъ Кромвеля. Всего смѣшнѣе, что шалунъ Никита Рылѣевъ (петербургскій оберъ-полиціймейстеръ) цензировалъ сію книгу, не читавъ, а, удовольствовавшись титуломъ, надписалъ свое благословеніе. Книга сія начала входить въ моду у нашей знати; но, по счастью, скоро ее узнали. Сочинитель взятъ подъ стражу, признался, извиняясь, что намѣренъ былъ только показать публикѣ, что и онъ авторъ. Теперь его судятъ и, конечно, выправиться ему нечѣмъ. Со свободою типографій, да съ глупостію полиціи и не усмотришь, какъ нашалятъ».

Г. Григоровичъ предполагаетъ, что при подписаніи Безбородкою сенатскаго приговора, опредѣлившаго Радищеву смертную казнь, докладчикъ ходатайствовалъ о смягченіи этого приговора, вслѣдствіе чего будто бы Екатерина приказала передать приговоръ сената на разсмотрѣніе совѣта, который и въ свою очередь приговорилъ Радищева къ той же казни. Съ такой догадкой нельзя, однако, согласиться, такъ какъ подобное направленіе дѣлу могла дать Екатерина и по собственному своему усмотрѣнію. Къ заключенію же о заступничествѣ Безбородки за Радищева можно бы придти лишь тогда, если бы было извѣстно мнѣніе, поданное Безбородкою по этому дѣлу въ Сенатѣ.

Впрочемъ, по сообщенію сына Радищева, Безбородко ходатайствовалъ впослѣдствіи о помилованіи его отца передъ императоромъ Павломъ.

Радищева, обвиненнаго въ тяжкомъ государственномъ преступленіи, Екатерина считала «хуже Пугачева» и называла его «мартинистомъ», кружокъ которыхъ, собравшійся въ Москвѣ, она признавала притономъ зловредныхъ замысловъ и, въ началѣ 1791 года, отправила Безбородку туда для изслѣдованія ихъ ученія и поступковъ. Одинъ изъ членовъ упомянутаго кружка, В. И. Лопухинъ, разсказываетъ, что Безбо-

родко пріѣхалъ въ Москву съ Н. И. Архаровымъ, подъ видомъ прогулки, а на дѣлѣ за тѣмъ, чтобъ произвести слѣдствіе надъ мартинистами, съ секретнымъ о томъ указомъ къ князю Прозоровскому, какъ къ главнокомандующему въ этой столицѣ. Безбородко прожилъ въ Москвѣ недѣли три, но не далъ хода привезенному имъ указу, какъ по нѣкоторымъ личнымъ соображеніямъ, такъ — по словамъ г. Григоровича — и по врожденному ему мягкосердію.

Въ концѣ того же года, Безбородкѣ пришлось снова заняться мартинистами. 15-го ноября того же года онъ писалъ князю Прозоровскому: «Все, что ваше сіятельство писать изволите по извѣстной матеріи, я представлялъ государынѣ и ея величество апробуетъ вашу осторожность. Мы употребимъ всѣ способы къ открытію путей, коими переписка сихъ—не знаю—опасныхъ ли, но скучныхъ ханжей производится; да и ничего не упустимъ что̀ сколько можетъ быть нужно къ уничтоженію сея шалости, по-колику только удобно согласить съ вольностію и безопасностью, закономъ даруемою. Ея величество считаетъ, что ваше сіятельство хорошо бы сдѣлали, если бы послали кого подъ рукою навѣдаться у Новикова въ деревнѣ, что за строенія, что за заведенія и что за образъ жизни и упражненія? Все, что у насъ объяснится, я вамъ донесу, пребывая съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію».

Такую осторожность Безбородки какъ въ этомъ письмѣ къ Прозоровскому, такъ и въ поѣздку его въ Москву, сами мартинисты объясняли не только сочувствіемъ Безбородки къ ихъ «шалости», но еще и тонкимъ резсчетомъ хитраго хохла. Онъ зналъ, что наслѣдникъ престола находился въ сношеніяхъ съ мартинистами и потому оказанная къ нимъ строгость могла впослѣдствіи, при воцареніи Павла Петровича, неблагопріятно отозваться на немъ.

Съ своей стороны г. Григоровичъ опровергаетъ такія соображенія и, полагая, что снисходительность къ мартинистамъ исходила отъ самой императрицы, пишетъ: «Нельзя не согласиться, что еслибы дѣйствительно Безбородкѣ было дано настоящее, оффиціальное порученіе разслѣдовать мартинизмъ, то приводимый слухъ не могъ быть не только уважительнымъ, но и благовиднымъ предлогомъ къ снисходительности, какъ въ

въ глазахъ императрицы, такъ и въ глазахъ Безбородки, даже въ глазахъ всякаго посторонняго служащаго лица».

Въ свою очередь извѣстный Гельбигъ отвергаетъ даже вовсе назначенiе Безбородки въ Москву съ цѣлью предпринять что либо противъ мартинистовъ или развѣдать о нихъ. Въ депешахъ своихъ онъ сообщаетъ, что жившiй въ то время въ Москвѣ графъ Алексѣй Орловъ изъ-за чего-то поссорился съ княземъ Прозоровскикъ и едва не поколотилъ его палкой. Что, узнавъ объ этомъ, императрица послала Орлову выговоръ, но въ отвѣтъ на это получила отъ него странное письмо. Онъ будто бы напоминалъ государынѣ о событiяхъ 1762 года, о томъ, что именно онъ провозгласилъ ее императрицею передъ Казанскимъ соборомъ, тогда какъ народъ видѣлъ въ ней только опекуншу ея сына. Письмо такого содержанiя будто бы встревожило императрицу и она отправила въ Москву графа Безбородку, чтобы успокоить Орлова, и, кромѣ того, поручила Потемкину, на обратномъ пути въ южную Россiю, обойтись съ Орловымъ самымъ дружескимъ образомъ. Въ заключенiе Гельбигъ сообщаетъ, что и Безбородко и Потемкинъ успѣшно исполнили порученiе и Орловъ по прежнему сталъ оказывать преданность императрицѣ.

Самъ Безбородко выставлялъ причиною своей поѣздки въ Москву то, что онъ тамъ «уготовляетъ себѣ на старости преогромный и превыгодный домъ» и что онъ «для отдохновенiя отъ бремени трудовъ» выпросилъ себѣ у государыни дозволенiе съѣздить на двѣ недѣли въ Москву.

Мы полагаемъ, что причиною поѣздки Безбородки въ Москву могли быть и дѣла мартинистовъ и «странное» письмо Алексѣя Орлова къ Екатеринѣ. Въ умѣ Екатерины могла даже зародиться мысль о связи и того, и другого. Орловъ могъ писать ей письмо въ угрожающемъ или, по крайней мѣрѣ, въ рѣзкомъ тонѣ, надѣясь на поддержку мартинистовъ и, слѣдовательно, императрицѣ кстати было поручить Безбородкѣ поразвѣдать о настроенiи московскаго общества, оказавшагося вообще непрiязненнымъ царствованiю Екатерины, и, разумѣется, главными представителями такого настроенiя должны были быть мартинисты, какъ люди свободно мыслящiе, среди которыхъ могли быть личности даже «хуже Пугачева». Впрочемъ, г. Григоровичъ настаиваетъ на томъ, что

Безбородко ѣздилъ въ Москву собственно «для отдохновенія и для устройства дома» и что развѣдки о мартинистахъ были только побочнымъ порученіемъ, даннымъ ему императрицею.

Покончивъ съ описанными нами обстоятельствами, г. Григоровичъ прибавляетъ, что Безбородко «умѣлъ и любилъ оказывать добро и заслугу не только русской наукѣ и литературѣ, но и вообще русскому просвѣщенію, и притомъ даже тѣмъ русскимъ, которые искали знанія и истины въ обрядахъ и дѣйствіяхъ, выработаннымъ тогдашнимъ массонствомъ. Уваженіе, какое графъ Безбородко оказывалъ наукѣ и литературѣ, поспѣшность съ какою онъ готовъ былъ сдѣлать добро писателю, были извѣстны всѣмъ, кто зналъ Безбородку не по слуху. Люди, стѣснявшіеся прямо обратиться къ Безбородкѣ, являлись къ нему съ стихотвореніями и были къ нему допускаемы, находили дверь къ нему отверсту».

Довѣряя словамъ почтеннаго изслѣдователя, мы думаемъ, однако, что доступъ къ тогдашнимъ вельможамъ съ стихотвореніями едва-ли можетъ быть свидѣтельствомъ объ ихъ уваженіи къ писателямъ, а просто-на-просто объясняется только тщеславіемъ тогдашняго русскаго вельможничества. Напыщенныя стихотворенія, подносимыя знатнымъ или богатымъ людямъ, были обыкновенно проникнуты похвалами и чрезмѣрною лестью и, конечно, каждый воспѣваемый сановникъ или богачъ очень охотно принималъ на нѣсколько минутъ принижавшагося предъ нимъ стихотворца. Такъ, самъ г. Григоровичъ упоминаетъ, разумѣется, въ видѣ подтвержденія высказаннаго имъ о Безбородкѣ мнѣнія, объ «Одѣ его сіятельству, высокопочтеннѣйшему г. тайному совѣтнику, римской имперіи графу и кавалеру Александру Андреевичу Безбородкѣ, на всерадостнѣйшее сего достоинства пожалованіе». Оду съ такимъ заглавіемъ поднесъ Безбородкѣ отставной чиновникъ оберъ-шталмейстерской конторы Михайловъ. Въ этой одѣ авторъ проситъ прощенья за «третичное дерзнованіе», но «чаетъ быть обрадованнымъ» графомъ Безбородкою, «колико онъ несчастенъ», и приводитъ Бога въ свидѣтели, что онъ «не забылъ своего благодѣтеля».

Конечно и въ настоящее время слѣдуетъ отнестись снисходительно къ попрошайнической поэзіи, но едва ли можно

принятіе ея вельможей, даже и тогдашней поры, и производимую за то денежную подачку считать «выраженіемъ любви къ литературѣ и просвѣщенію». Поэтому, мы позволимъ себѣ думать, что приведенныя г. Григоровичемъ въ его книгѣ выписки изъ подобныхъ сочиненій, совершенно излишни, хотя они, по его мнѣнію, и подтверждаютъ чистосердечное меценатство Безбородки.

Почти такое же значеніе слѣдуетъ придать и изданіямъ, посвященнымъ имени того или другого вельможи или богача, если эти изданія не появились въ свѣтъ при ихъ особенномъ и личномъ участіи, или не были напечатаны на счетъ болѣе или менѣе значительныхъ съ ихъ стороны затратъ. Но едва ли можно говорить о посвященіи какой нибудь книжечки въ 48, 65 и даже 85 страницъ, ибо льстивое предисловіе и велерѣчивая прописка полнаго титула, носимаго патрономъ, составляли собственно всю суть дѣла.

Вообще приходится сказать, что въ изслѣдованіи г. Григоровича, любовь Безбородки къ наукамъ и литературѣ и уваженіе къ писателямъ выяснены весьма слабо, что̀, конечно, объясняется отсутствіемъ подходящихъ къ тому основаній. Во всякомъ случаѣ г. Григоровичъ, затронувъ эту сторону въ характерѣ Безбородки, поступилъ вполнѣ основательно, такъ какъ въ екатерининскую пору покровительство писателямъ считалось какъ бы обязанностію вельможъ, и потому совершенное умолчаніе объ этомъ представляло бы нравственный и умственный обликъ Безбородки какъ будто не цѣльнымъ, не законченнымъ.

XIII.

Непріятное положеніе Безбородки.—Поддержка его Потемкинымъ.—Смерть Потемкина. — Отъѣздъ Безбородки въ Яссы. — Вмѣшательство въ переговоры Зубова. — Столкновеніе Безбородки съ П. С. Потемкинымъ.—Обвиненіе его въ нечистыхъ дѣлахъ. — Заключеніе ясскаго мира. — Награды Безбородки и его заслуги.

Безбородко, продолжая заниматься дѣлами внѣшней политики «при запутанномъ, по его выраженію, нашемъ состояніи», хлопоталъ о сближеніи Россіи съ Англіею, имѣя при этомъ въ виду и «предилекцію» къ ней князя Потемкина

который настоялъ, чтобы всѣ трудности окончанія такого дѣла «были совлечены съ пути».

Въ это время положеніе Безбородки при дворѣ было крайне непріятно и прибывшій, 28 февраля 1791 года, изъ арміи Потемкинъ доставилъ ему, можетъ быть, «хоть минутное облегченіе», что видно изъ письма его къ графу С. Р. Воронцову. Въ этомъ письмѣ Безбородко сообщалъ: «Уже ненавидящій меня (князь П. А. Зубовъ) до того простиралъ свои происки, чтобы явно привести меня въ ничтожество и по части политической. Колобродства, нерѣдко выходившія, и недоумѣнія въ трудныхъ случаяхъ заставили, по необходимости, за насъ браться, и я, рѣшившись настоящее трудное для государства время перенести, не уважаясь никакими особыми огорченіями, потомъ все бросить, никогда ни отъ чего не отказывался и противу всѣхъ нападеній твердо и смѣло бывалъ. Кнчзь Потемкинъ, пріѣхавъ, не иначе, какъ со мною, по дѣламъ работалъ и чрезъ меня во всемъ сносился и, по крайней мѣрѣ, я имъ лично доволенъ, зная, что онъ отдаетъ мнѣ справедливость во всякомъ случаѣ. Знаю, что по отъѣздѣ его и паки за меня примутся; но никто же имъ такъ тяжелъ не былъ, какъ я; ибо я, конечно, не нагнуся и никому больше цѣны, какъ онъ стòитъ не дамъ».

Въ то же время онъ писалъ своему племяннику Кочубею, что вслѣдствіе пріѣзда въ Петербургъ Потемкина онъ «облегченъ со стороны нападокъ злыхъ людей». Что тогда вообще всѣмъ прежде близкимъ къ императрицѣ людямъ жилось, по милости Зубова, не легко, можно заключить изъ того, что по разсказу Безбородки, самъ Потемкинъ умеръ отъ «необычайнаго разлитія желчи, раздраженный разными непріятностями въ послѣднюю его бытность въ Петербургѣ».

По полученіи въ Петербургѣ извѣстія о смерти Потемкина, Безбородко изъявилъ свою готовность отправиться въ Яссы для веденія переговоровъ съ Турціею, и онъ 16-го октября 1791 года поѣхалъ въ этотъ городъ. Дѣла, которыми завѣдывалъ Безбородко, были переданы Трощинскому, а доклады бумагъ и дѣлъ, поступавшихъ къ Безбородкѣ, императрица передала князю Зубову. Съ своей стороны Екатерина вступила въ почти безпрерывную переписку съ Безбо-

родко не только по дѣламъ дипломатическимъ, но и относительно состоянія арміи, воевавшей противъ турокъ.

Пріѣхавшій въ Яссы Безбородко выказалъ тамъ, по словамъ Гельбига, «роскошь владѣтельнаго восточнаго сибарита». Не смотря на то, что Безбородко былъ снабженъ на поѣздку въ Яссы 10,000 рублей золотомъ и серебромъ — суммою по тому времени огромною—онъ сѣтовалъ на издержки, соотвѣтственныя его первенствующему положенію. Онъ писалъ графу А. Р. Воронцову: «Здѣсь очень дорого. Вы знаете, что меня отправили на посольство небогатою рукою; а я принужденъ держать столъ на 24 куверта каждый день, а особливо для офицеровъ на ордонансъ и для секретарей на 12; освѣщать домъ большой, поить множество народа чаемъ и кофеемъ, давать порціонныя деньги караулу и проч. Но мнѣ не жаль будетъ издержекъ, лишь-бы дѣло благополучно кончилось».

Зубовъ съ своей стороны вмѣшивался въ переговоры, которые велъ теперь Безбородко, а послѣдній, сообщая ему отчеты о ходѣ негоціацій, представлялъ свои соображенія на счетъ ихъ исхода. Иногда Зубовъ писалъ Безбородкѣ отъ имени императрицы, которая была довольна своимъ уполномоченнымъ. Тѣмъ не менѣе онъ безпокоился, выражая, что «отлучному человѣку, какъ бы онъ не былъ обезпеченъ, нельзя быть безъ заботъ, чтобы сплетни и т. п. ему не повредили».

Безпокойство было не напрасно и ему пришлось заранѣе просить графа А. Р. Воронцова и графа Н. И. Салтыкова въ случаѣ надобности заступиться за него. Дѣло заключалось въ томъ: П. С. Потемкинъ потребовалъ отъ Попова, правителя канцеляріи князя Таврическаго, вѣдомостей объ экстраординарной суммѣ и сдѣлалъ при этомъ Безбордкѣ «великую непристойность». Найдя, что въ двухъ вѣдомостяхъ написана уплата за поставленное имъ для госпиталей и на порціи вино, сказалъ: «гдѣ оно? Я чаю ничего не бывало, онъ, т. е. Безбородко, затѣялъ дружбу съ Поповымъ». Неизвѣстно, насколько былъ тутъ болѣе или менѣе нечистъ Безбородко, но, передавая этотъ случай, онъ писалъ Воронцову: «Быть можетъ, что сей коварный человѣкъ начнетъ меня марать. Но вы знаете, что я пользовался прибылью, какая всякому

помѣщику, частному хозяину, или частному человѣку дозволена и свойственна. Ставилъ я продуктъ свой изъ выслуженныхъ своихъ имѣній и гораздо честнѣе тѣхъ барышей, которыми родня его за подряды провіантскіе корыстовалася. Нѣужели тутъ найдутъ чѣмъ меня упрекать. Пусть спросятъ у меня объясненія, а не спрося не винятъ».

Разумѣется, трудно опредѣлить на сколько Безбородкѣ прилично было, и по тогдашнимъ даже понятіямъ, пользоваться «прибылью» отъ поставки въ армію вина въ томъ исключительномъ служебномъ положеніи, въ какомъ онъ находился, и, быть можетъ, именно вслѣдствіе этого, «въ интригѣ противъ него, еще до выѣзда его изъ Петербурга въ Яссы, императрица, по словамъ г. Григоровича, принимала дѣятельное участіе, снабдивъ Потемкина указомъ, съ крѣпкимъ предписаніемъ «не давать никому сбивать себя». Очень понятно, что почтенный изслѣдователь пытался обѣлить Безбородку весьма, однако, слабымъ доказательствомъ. Онъ говоритъ: въ приведенномъ письмѣ есть несомнѣнное указаніе на «добросовѣстность» безбородкинскихъ поставокъ на армію; въ противномъ случаѣ у него не достало бы присутствія духа говорить Воронцову о своихъ болѣе совѣстливыхъ барышахъ сравнительно съ барышами «потемкинской родни», и полагаетъ, что «соляныя озера и поставка продуктовъ въ армію были въ рукахъ Безбородки предметомъ «умной и честной коммерціи».

29-го декабря 1791 года Безбородкѣ, послѣ множества «дификультетовъ», удалось наконецъ заключить съ турками миръ, получившій названіе «ясскаго».

По этому случаю Безбородкѣ отъ имени Порты присланы были: перстень бриллiантовый солитеръ тысячъ до 25, табакерка въ 8,000 и часы тысячъ въ семь, лошадь съ богатымъ уборомъ, палатка шитая, но весьма ветхая, коверъ салоникскій, полъ-ока адатору (?), слишкомъ 37 пуд. кофею, множество бальзаму индійскаго и менскаго, табаку, мыла, губки, трубки, амбра и 24 куска матерій и шалей. Безбородко съ своей стороны послалъ великому визирю: прекрасный кинжалъ въ 9,000 руб., соболій мѣхъ въ 6,000 руб. и до сорока соболей въ 6,000 руб., съ чаемъ и ревенемъ.

30-го января 1792 года Екатерина наградила Безбородку

50,000 рублей и орденомъ Андрея Первозваннаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица изъявила желаніе, чтобы онъ поскорѣе пріѣзжалъ въ Петербургъ для переговоровъ съ польскими уполномоченными.

По поводу ясскаго мира Ростопчинъ (впослѣдствіи графъ) писалъ графу С. Р. Воронцову слѣдующее: «Вы справедливо говорите, что графъ Безбородко покрылъ себя славою. Препятствія, которыя онъ долженъ былъ преодолѣть, отсутствіе самыхъ необходимыхъ средствъ для переговоровъ съ турками, извѣстныя свойства ихъ уполномоченныхъ, все было соединено, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ его дарованія. Чѣмъ болѣе я смотрю на его труды, тѣмъ болѣе удивляюсь его генію. Для успѣха въ самомъ трудномъ дѣлѣ ему стоитъ только приняться за работу. Онъ оказалъ Россіи самую важную услугу, какую только можно было сдѣлать».

XIV.

Перемѣна въ положеніи Безбородки при императрицѣ. — Зубовъ и Морковъ. — Надменность Зубова. — Вредныя для Безбородки послѣдствія его поѣздки въ Яссы.—Неудачный его разсчетъ.—Его жалобы на свое положеніе.—Неудовольствіе противъ него императрицы.—Поѣздка въ Москву.— Сравненіе силы Петемкина и силы Зубова.—«Дискредитированіе» Безбородки.—Его записка императрицѣ.—Отвѣтъ императрицы. — Отъѣздъ въ Москву.

Безбородко пріѣхалъ въ Петербургъ 10-го марта 1792 года и на другой-же день почувствовалъ неловкость своего положенія, такъ какъ Екатерина въ тотъ день поручила ему написать указъ о производствѣ Зубова въ генералъ-поручики и генералъ-адъютанты. Изъ замѣтки, встрѣчающейся въ «Дневникѣ» Храповицкаго, должно заключить, что такое порученіе было своего рода щелчкомъ прибывшему ко двору миротворцу. Между тѣмъ всѣ дѣла, которыя прежде производились только черезъ него, шли черезъ Зубова, и князь явился теперь, не смотря на свои 26 лѣтъ и ограниченность своего ума, могущественнымъ совѣтникомъ государыни. Самъ же онъ, находился подъ вліяніемъ А. И. Моркова, одного изъ сослуживцевъ Безбородки по коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Относительно всего этого, Завадовскій писалъ графу Ворон-

цову въ Лондонъ слѣдующее: «Безбородко, разжигаясь честолюбіемъ, равно и легкомысленностію захватить весь кредитъ, когда не стало князя, кинулся въ Яссы. При отъѣздѣ, изъ трусости врожденной, поручилъ внутренній портфель Зубову, а внѣшній — Моркову. Послѣдняго разумѣлъ себѣ первымъ другомъ, а у перваго думалъ найти тѣмъ связь. Возвратившемуся послѣ мира въ голубой лентѣ, при первой встрѣчѣ, дано было чувствовать, что дѣла уже не въ его рукахъ. И такъ съ тѣхъ поръ безъ изъятія Зубовъ управляетъ всѣми внутренними дѣлами, Моркова имѣя подъ собою, для письма иностраннаго. Ни одинъ изъ фаворитовъ, даже самъ всемогущій князь Потемкинъ. не имѣлъ столько обширной сферы; ибо владычество его простиралось на одинъ только департаментъ, а къ настоящему всѣ придвинуты... Александра Андреевича роль препостыдная. Всякъ на его мѣстѣ, стяжавши доходу 150 тысячъ, удалился бы, но онъ еще пресмыкается въ чаяніи себѣ лучшаго, а наипаче корыстнаго, не имѣя духа на шагъ пристойный. Низкимъ терпѣніемъ и гибкостію многіе дождались погоды. Онъ послѣдуетъ этому правилу. Развѣ вытолкаютъ въ зашеи. Безъ того не уклонится, чуждъ бывъ нравственныхъ побужденій».

Легко предвидѣть, что г. Григоровичу приходится опровергать такой нелестный отзывъ о Безбородкѣ и онъ съ своей стороны высказываетъ, что не тѣ побужденія, о которыхъ говоритъ Завадовскій. удерживали при дворѣ Безбородку, а что послѣдующій разсказъ, основанный на фактахъ совершившихся, откроетъ эти побужденія, и притомъ побужденія высокія, и докажетъ. что пророчество Завадовскаго было ложно. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что мы, ознакомившись съ дальнѣйшимъ разсказомъ почтеннаго изслѣдователя, слѣдовъ такихъ «высокихъ побужденій» вовсе не встрѣтили.

Сдержанная, довольно старая вражда между молодымъ фаворитомъ и прежнимъ секретаремъ усиливалась и вскорѣ перешла въ открытую борьбу. По словамъ письма А. Р. Воронцова, писавшаго 14-го мая 1792 года къ брату его въ Лондонъ, «Безбородко отсутствіемъ своимъ пріобрѣлъ славу имени, но сей случай лишилъ его прежней мочи въ дѣлахъ,—ибо господинъ Зубовъ, въ его отлучку, вступя во всѣ экспеди-

ціи, удерживаетъ ихъ въ своихъ рукахъ, а на удѣлъ Александру Андреевичу мало что остается, и то почти для одной формы».

Самъ Безбородко объяснялъ свое настоящее положеніе своему лондонскому другу въ слѣдующихъ строкахъ: «Когда я, изъ единаго, конечно, усердія къ отечеству, напросился на поѣздку въ армію, и я тогда думалъ, что моя отлучка дастъ поводъ къ раздѣленію дѣлъ многочисленныхъ и силы человѣческія, паче же въ моихъ лѣтахъ и здоровьѣ, превышающихъ, то былъ спокоенъ, полагая, что успѣхъ моей коммисіи дастъ мнѣ поводъ поставить себя такъ, что ежели угодно, я буду отправлять только самыя важнѣйшія дѣла и найду для себя превеликое облегченіе, сходное съ чиномъ, съ состояніемъ и службою моими». Затѣмъ Безбородко, упомянувъ, что онъ, исполняя волю государыни, поспѣшилъ пріѣхать въ Петербургъ, продолжаетъ: «Но что нашелъ я? Нашелъ я идею сдѣлать изъ Зубова, въ глазахъ публики, дѣловаго человѣка. Хотѣли, чтобъ я по дѣламъ съ нимъ сносился; намекали, чтобъ я съ нимъ о томъ, о другомъ поговорилъ, т. е., чтобъ я пошелъ къ нему. Но вы знаете, что я и къ покойному не учащалъ, даже и тогда, когда обстоятельства насъ въ самое тѣсное согласіе привели. Вышло послѣ на повѣрку, что вся дрянь, какъ-то: сенатскіе доклады, частныя дѣла, словомъ сказать все непріятное, заботы требующее и ни чести, ни славы за собою не влекущее, на меня взвалены, а, напримѣръ, дѣла нынѣшнія польскія, которыя имѣютъ связанныя съ собою распоряженія по арміямъ, достались г. Зубову».

Разсказавъ о запутанности этихъ дѣлъ, Безбородко добавляетъ: «Много я потерпѣлъ непріятностей, борясь съ сею конфузіею, и много надобно было выдержать баталій, чтобъ хотя нѣсколько дѣло исправить, не зная еще, какъ кончится».

Другая непріятность для Безбородки состояла въ томъ, что когда умеръ князь Потемкинъ, тогда надѣялись, что можно будетъ поправить зло имъ сдѣланное, но, какъ выразился Безбородко, «боятся нарушать тестаменты покойника, которые выдаетъ Поповъ», а между тѣмъ всѣ непорядки ставились па счетъ Безбородки и близкихъ къ нему людей—гра-

фовъ А. Р. Воронцова и Н. И. Салтыкова. Въ письмѣ своемъ къ С. Р. Воронцову, Безбородко жалуется, между прочимъ, на то, что заслуги его по заключенію ясскаго мира «мало примѣтны при дворѣ» и что его хотятъ поставить на одинъ уровень съ Турчаниновымъ, Державинымъ и Храповицкимъ.

Попытки Безбородки возстановить свое прежнее значеніе не удавались и противъ него зародилось неудовольствіе у самой императрицы. Подъ 20-мъ числомъ декабря 1792 года Храповицкій въ своемъ «Дневникѣ» записалъ: «По окончаніи разбора почты спросили, нѣтъ ли еще чего? Догадала меня нелегкая сказать, что есть доклады, графомъ Безбородкою оставленные. Tourmentez moi si vous avez envie (мучьте меня, коли вамъ хочется). А по выслушаніи трехъ докладовъ, Екатерина отозвалась: c'est bien ennuyeux, mais il faut passer par là» (это очень скучно, но нужно вытерпѣть).

Дошло даже до того, что Безбородкѣ, напримѣръ, по поводу его записки объ іезуитахъ, пришлось получить отзывъ не прямо отъ государыни, а чрезъ ея секретарей. а другой случай убѣдилъ Безбородку, по собственнымъ его словамъ, въ томъ, что «нынѣ императрица смотритъ на людей уже не его глазами».

Наступавшій 1793 годъ Безбородко намѣревался провести въ Москвѣ—убѣжищѣ недовольныхъ вельможъ того времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространился въ Петербургѣ слухъ, что Безбородко намѣренъ уѣхать за границу, о чемъ, впрочемъ, онъ и самъ говорилъ Храповицкому, обусловливая свой отъѣздъ положеніемъ военныхъ дѣйствій въ Германіи. Поѣздка въ Москву была неудачна, тамъ онъ, больной, прожилъ четыре недѣли и возвратился въ Петербургъ, едва оправившись. Здѣсь Безбородко ясно увидѣлъ, что онъ находится, по его выраженію, «въ весьма непристойной роли, которую онъ представляетъ публикѣ». Неудовольствіе свое на такую роль Безбородко выразилъ въ письмѣ своемъ къ С. Р. Воронцову въ слѣдующихъ строкахъ: «Хотятъ, чтобы мы работали, но чтобъ въ публикѣ считали, что одинъ юный человѣкъ все самъ дѣлаетъ; и я могу вамъ признаться, что въ пущее время силы князя Потемкина,—онъ меньше нынѣшняго, а я уже несравненно болѣе нынѣшняго значилъ».

Нѣсколько позднѣе, Безбородко писалъ тому же Воронцову: «Положеніе мое точно таково, какъ я описывалъ. Я весьма желалъ бы, чтобъ меня въ покоѣ оставили при моихъ департаментахъ и не обременяли бы меня бездѣлицами, которыя ни съ чиномъ, ни со службою моею не согласуются и которыя мнѣ только непріятности наносятъ. Все, что̀ значитъ дѣло внутреннее, идетъ чрезъ нововыдавшаго себя человѣка. Но какъ идетъ? Недвижимо, или же буде выходитъ, то, поистинѣ, мнѣ иногда жаль изъ самой благодарности къ государынѣ и привязанности къ отечеству».

Далѣе Безбородко сѣтуетъ на плохой выборъ людей и на то, что государыня никогда такихъ плохихъ указовъ не издавала какъ теперь; разсказываетъ, что господа, находящіеся теперь въ силѣ, «не надѣясь на таланты свои, нашли другое средство свое необходимымъ поставить, а именно дискредитировать прочихъ и представить нѣкоторый родъ опасности или сомнѣнія употребленія ихъ».

«Дискредитированіе» по отношенію Безбородки перешло въ молву объ его неспособности вести дѣла и о допущенныхъ будто бы имъ громадныхъ промахахъ, въ родѣ непредохраненія казны отъ расхищенія и т. п. По поводу этого, Ростопчинъ 14-го апрѣля 1793 года писалъ въ Лондонъ Воронцову: «Не знаю, насколько графъ Безбородко заботится или нѣтъ о сохраненіи своего вліянія, но онъ обнаруживаетъ рѣдкую безпечность и, хотя облеченъ первою ролью въ дѣлахъ, а кажется простымъ зрителемъ. Онъ устраняется сколь возможно, и не покидая двора, ищетъ спокойствія. Онъ достойнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ; если бы ему возвратили власть, которую онъ имѣлъ, то онъ сдѣлалъ бы во сто разъ болѣе добра, чѣмъ всѣ эти люди, которые только стараются унизить весь родъ человѣческій и полагаютъ великое счастіе въ надменности и нахальствѣ».

Но значеніе Безбородки умалялось, и въ письмѣ къ графу А. Р. Воронцову, отъ 27-го іюня 1793 года, онъ сообщалъ, что ему «нельзя похвалиться своимъ пребываніемъ. Все, что есть прямое дѣло, легко и съ удовольствіемъ дѣлается, отдается въ руки другимъ; всякая дрянь и все, что влечетъ за собою непріятности, на него взваливается». Вѣрите-ли — писалъ онъ, что, «ища дѣла, часто я не нахожу съ чѣмъ

идти, да когда и вхожу, то нерѣдко примѣчаю, что одно, нѣкоторое, быть можетъ, къ степени моей уваженіе, удерживаетъ, что меня такъ, какъ Храповицкаго, не высылаютъ, хотя скука ясно видна».

Въ такомъ печальномъ положеніи Безбородко прибѣгнулъ къ послѣдней мѣрѣ для разъясненія отношеній, которыя появились между Екатериною и ея старѣйшимъ секретаремъ. Онъ рѣшился изложить свои мысли по поводу «тѣсно ограниченной сферы дѣлъ», въ которой онъ очутился. Съ этою цѣлью Безбородко представилъ государынѣ обширную записку, обозначивъ на заглавномъ листѣ: «Къ собственному вашего императорскаго величества прочтенію».

Напомнивъ государынѣ, что онъ почти восьмнадцать лѣтъ продолжалъ службу при ея особѣ и поставлялъ себѣ за правило идти путемъ правымъ и быть передъ императрицею вполнѣ откровеннымъ, Безбородко изъяснялъ, «что всякое на счетъ его порицаніе было только клевета, завистію и злостію но него воздвигнутая».

Опуская неизбѣжныя при такихъ заявленіяхъ болѣе или менѣе общія фразы, и исчисленія Безбородкою своихъ трудовъ при заключеніи ясскаго мира, мы укажемъ на слѣдующія существенныя мѣста его записки.

«По возвращеніи моемъ я и паче удостовѣрился, что подвигъ мой былъ вамъ угоденъ. Ваше величество желали, чтобъ я паки за дѣла принялся; требовали, чтобъ я точно на томъ же основаніи, какъ и прежде, чтобы, не обинуясь, о всемъ представлялъ вамъ и сказывалъ откровенно мои мысли. Сему монаршему изреченію повиновался и по долгу подданнаго и по долгу благодарности». Затѣмъ, упомянувъ о своихъ докладахъ, Безбородко продолжаетъ: «Если мнѣ казалось, что мои представленія не въ томъ уже видѣ и цѣнѣ принимались какъ прежде я былъ осчастливленъ, то, по крайней мѣрѣ, служило мнѣ утѣшеніемъ, что я исполнялъ мою предъ вами обязанность, и что дѣла, о коихъ я писалъ, или говорилъ, производимыя въ исполненіе, приносили свою пользу. Не могу, однако, скрыть передъ вашимъ величествомъ, что вдругъ нашелся я въ сферѣ дѣлъ, такъ тѣсно ограниченной, что я предаюсь на собственное ваше правосудіе: сходствуетъ ли оно и съ степенью мнѣ отъ

вась пожалованною и съ довѣренностію, каковою я прежде удостоенъ былъ? А сіе и заставило меня отъ всякихъ дѣлъ уклоняться».

Записка заключалась какъ бы слѣдующимъ воззваніемъ къ императрицѣ:

«Всемилостивѣйшая государыня! Если служба моя вамъ уже не угодна, и ежели, по несчастью, лишился я довѣренности вашей, которую вяще послѣднимъ моимъ подвигомъ заслужить уповалъ, то, повинуясь достодолжной волѣ вашей, готовъ отъ всего удалиться, но если я не навлекъ на себя такого неблаговоленія, то льщу себя, что сильнымъ вашимъ заступленіемъ охраненъ буду отъ всякаго униженія и что будучи членомъ Совѣта вашего и вторымъ въ иностранномъ департаментѣ, имѣя подъ моимъ начальствомъ департаментъ почтъ и нося при томъ на себѣ одинъ изъ знатныхъ чиновъ двора вашего, не буду я обязанъ принятіемъ прошеній и тому подобными дѣлами, которыми я ни службѣ вашей пользы, ни вамъ угодности сдѣлать не въ состояніи. Готовъ я, впрочемъ, всякое трудное и важное препорученіе ваше исправлять, не щадя ни трудовъ моихъ, ниже самого себя».

Записка эта была передана императрицѣ въ Царскомъ Селѣ 30-го мая 1793 года камердинеромъ Зотовымъ. На другой день Храповицкій записывалъ: «По утру записка читана со вниманіемъ, никому не показывана и съ отзывомъ на трехъ страницахъ запечатана и къ графу Безбородко возвращена. Зотовъ сказывалъ, что ни при чтеніи, ни при писаніи отвѣта не сердились, но задумчивость была примѣтна. Графъ, получа записку, уѣхалъ въ городъ».

Отвѣтъ Екатерины г. Григоровичемъ не отысканъ, но содержаніе занесено въ «Дневникъ» Храповицкаго подъ 5-мъ іюля 1793 года. «Нездоровы—пишетъ Храповицкій. Графъ Безбородко далъ мнѣ прочитать упомянутый на записку его собственноручный ея величества отвѣтъ. Въ немъ изображены: ласка, похвала службы и усердіе. Писано въ оправданіе противъ графской записки со включеніемъ слѣдующаго: «Всѣ дѣла вамъ открыты; польскій сеимъ отправляется публично и отвѣты Сиверсу или у васъ заготовляются или вамъ и вице-канцлеру показываются и я, при подписаніи, всегда спрашиваю. Но что сама пишу, въ томъ отчетомъ не обя-

зана. Вы сами говорили о слабости здоровья своего и отъ нѣкоторыхъ дѣлъ отклонялись, челобитчиковыми же, думаю, дѣлами никто не занимается; ибо всѣ просьбы присылаются ко мнѣ черезъ почтамтъ, какъ и всѣмъ извѣстно. Конечно тѣмъ временемъ, когда вы не столь много обременены дѣлами, то можете имѣть время смотрѣть, чтобъ исполнялись мои повелѣнія». «Графъ—добавляетъ Храповицкій—мнѣ сказалъ, что послѣ того, никакого разговора съ нимъ не было».

Разумѣется, что послѣ такого отвѣта Безбородкѣ, котораго, по словамъ Ростопчина, на службѣ удерживали «единственно страсть и привычка къ пышности», не оставалось ничего болѣе какъ только совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ. По поводу такого удаленія Ростопчинъ добавляетъ: «Нѣсколько жалкихъ людей злобно отзываются о графѣ Безбородкѣ, но его можно упрекать развѣ за излишнюю доброту. Все, что онъ сдѣлалъ хорошаго, уже забыли, а помнятъ только слабости и еще выдумываютъ ихъ».

10-го іюля 1793 года Безбородко былъ уже въ Москвѣ, гдѣ для него строился великолѣпный домъ.

XV.

Возвращеніе изъ Москвы.—Награды за ясскій миръ.—Раздача «душъ.»—Пожалованіе граматы и масличной вѣтви. — Вражда Моркова. — Назначеніе шаферомъ при бракосочетаніи великаго князя Александра Павловича и оберъ-гофмейстеромъ. — Податливость передъ Зубовымъ. — Занятіе дѣлами турецкими и польскими. — «Универсальный» министръ. — Денежныя награды. — Дѣла персидскія и уніатскія. — Отстраненіе Зубовымъ Безбородки отъ политическихъ дѣлъ.—Забота Безбородки о полученіи деревень. — Неудача по дѣламъ Малороссіи. — Слѣдствіе о похищеніи денегъ изъ заемнаго банка.—Несостоявшійся бракъ Густава IV съ великою княжною Александрою Павловною.

По возвращеніи изъ Москвы, Безбородко вступилъ въ отправленіе дѣлъ — по назначенію наградъ за ясскій миръ и Польши. По поводу назначенной ему въ этомъ случаѣ награды, онъ писалъ графу А. Р. Воронцову: «Мой удѣлъ довольно огроменъ. Кромѣ того, число душъ по дѣлающейся нынѣ ревизіи, гораздо превосходитъ въ росписи назначенное, ибо съ чиншевою шляхтою и жидами почти семь тысячъ со-

ставляютъ; доходъ показанъ хорошій, около сорока тысячъ рублей, да въ 205 верстахъ отъ Кіева».

Любопытно и продолженіе этого письма, въ которомъ встрѣчаются нѣкоторыя замѣчанія о раздачѣ въ ту пору «душъ».

«Моркову—пишетъ Безбородко — досталось имѣніе очень хорошее, особливо лѣсами и мельницами; но онъ весьма золъ, что не дали ему просимыхъ 4,800 душъ, ниже въ Курляндіи огромныхъ деревень. Надобно знать, что государыня первоначально назначила мнѣ то же, что опредѣлила-было вице-канцлеру, только 3,500 душъ, а Моркову 2,300 душъ и надобны были большія усилія со стороны графа Зубова, чтобъ тутъ доставить перемѣну. Дмитрій Прокофьевичъ (Трощинскій) тѣмъ паче долженъ былъ быть доволенъ, что когда онъ всего не болѣе 700 или 800 душъ желалъ, ея величество сама назначила ему 1,700 душъ, оставивъ ему выбрать, въ чемъ онъ и не ошибся, ибо его деревни приносятъ болѣе 12-ти тысячъ рублей. Всего имѣній роздано 110,000 душъ. Рѣдко кому изъ государей удается въ одинъ день подарить капиталъ одиннадцати милліоновъ; еще остается въ Литвѣ и староства, кои мало-по-малу въ казну поступаютъ, до 250,000 душъ; а сверхъ того, положено и у архіереевъ уніатскихъ восемь деревень для раздачи, наипаче малыми частями. Я весьма доволенъ своимъ жребіемъ».

Милости Екатерины не ограничились только «огромнымъ удѣломъ». Такъ какъ, 2-го сентября 1793 года, въ день празднованія ясскаго мира, объявлено было, что «дѣйствительному тайному совѣтнику графу Безбородкѣ, за службу его къ заключенію мира, всемилостивѣйше жалуется: похвальная грамата и масляничная вѣтвь, да при томъ деревня». Вѣтвь эта цѣнилась въ 25,000 рублей и была предназначена для ношенія на шляпѣ.

Вниманіе государыни къ Безбородкѣ не уняло, однако, его враговъ, которые очень хорошо понимали, что, не смотря на награды, Безбородко не имѣлъ уже прежней силы. Въ числѣ недруговъ особенно выдавался Морковъ, который, увидѣвъ Безбородку, не только не поклонился ему, но и вздумалъ еще «самымъ подлымъ образомъ во дворцѣ съ крикомъ о немъ ругательно отзываться и твердить, что онъ Безбо-

родкѣ теперь явный непріятель и что онъ себя ему покажетъ». Кромѣ того и сама государыня приняла Безбородку на представленіяхъ, холоднѣе противъ обыкновеннаго.

Теперь Безбородко старался о томъ, чтобы выбрать тысячи три-четыре душъ такъ, чтобы онѣ, по словамъ его были значущія, а не дрянныя.

Такъ какъ графъ Безбородко, по отзывамъ даже близкихъ и доброжелательныхъ людей, дорожилъ внѣшними отличіями, то государыня, при бракосочетаніи великаго князя Александра Павловича, назначила его шаферомъ къ жениху, такъ какъ у невѣсты шаферомъ былъ великій князь Константинъ Павловичъ. Это очень польстило Безбородкѣ, который, въ добавокъ къ тому, былъ назначенъ оберъ-гофмейстеромъ, благодаря содѣйствію Зубова. Кажется, однако, что въ такомъ пожалованіи было скорѣе приниженіе служебной дѣятельности Безбородки, такъ какъ онъ поступилъ на мѣсто И. П. Елагина, человѣка хотя и близкаго Екатеринѣ въ ея домашней обстановкѣ, но вовсе не числившагося на ряду съ Безбородкою въ числѣ государственныхъ сановниковъ. Кромѣ того, такое исключительно лишь придворное повышеніе пріобрѣталось сближеніемъ съ Зубовымъ и весьма чувствительнымъ для Безбородки приниженіемъ, такъ какъ онъ нерѣдко былъ «принужденъ ходить къ Зубову съ бумагами, который иногда дѣлалъ въ нихъ поправки». Но Безбородко съумѣлъ воспользоваться своимъ шаферствомъ и сошелся, какъ онъ самъ выражался, «съ новобрачнымъ дворомъ».

Теперь Безбородкѣ, по его «полезности», передавались на разсмотрѣніе дѣла турецкія, которыя «онъ лучше зналъ и велъ по нимъ переписку». Не удавалось также получить Безбородкѣ и графское достоинство россійской имперіи, и онъ оставался только иностраннымъ, а не былъ русскимъ графомъ. Государыня совѣщалась съ нимъ и по дѣламъ польскимъ, для чего Безбородко являлся только по особому призыву.

Въ это время Безбородко такъ описывалъ свои отношенія къ государынѣ и ея фавориту:

«Собственно обращеніемъ со мною государыни и ея довѣренностію я весьма долженъ быть доволенъ, но вообще, сколько она привыкла менажировать близкихъ своихъ, какъ

ко мнѣ, конечно, не лучше расположена. Изъ сего выходитъ, что я, видя, какъ нашъ универсальный министръ (графъ Зубовъ) многое на себя исключительно захватываетъ, когда уклоняюся отъ дѣла, то она жалуется, что отъ нея устраняются, что не хотятъ ей пособить и проч. Я всѣ способы употреблялъ, чтобы для самой службы быть сколько возможно въ тѣсномъ согласіи, но по скрытности сего юнаго человѣка, при внушеніяхъ многихъ его близкихъ, кромѣ самой наружности не могъ этого достигнуть. Теперь, когда дѣло доходитъ до развязки, готовятъ предувѣрить публику и внушеніями и награжденіями, что онъ все то сдѣлалъ, что въ другой разъ дѣла поворотилъ въ пользу и славу государства. Богъ съ нимъ. Я не завидую и увѣренъ, что въ публикѣ точнѣе знаютъ».

Какъ оберъ-гофмейстеръ, Безбородко былъ употребляемъ при разныхъ торжествахъ. Такъ, по случаю взятія Суворовымъ Варшавы, онъ, прочелъ въ церкви «Объявленіе о причинахъ войны съ Польшею».

Болѣе существенная дѣятельность по польскимъ дѣламъ заключалась со стороны Безбородки въ посылкѣ виленскому генералъ-губернатору князю Репнину наставительнаго письма. Сообщая о причинахъ, побудившихъ насъ дѣйствовать противъ Польши, и о положеніи отнятаго у нея сѣверо-западнаго края, Безбородко писалъ, что тутъ представляется та невыгода, что образъ мыслей въ полякахъ, наипаче молодыхъ, сдѣлался такого рода, что зараза легко и далѣе распространиться можетъ; что вольность крестьянъ и тому подобное удобнѣе раздразнитъ нашихъ поселянъ, одинъ почти языкъ и нравы въ сосѣдствѣ имѣющихъ. Въ силу этихъ и другихъ соображеній, «сочтено у насъ, писалъ Безбородко, что поставивъ сію землю однажды вверхъ дномъ, ниспровергнувъ ея правленіе и (отнявъ) почти всю оружіемъ, заста́вимъ и другихъ поневолѣ съ нами соображаться».

Участіе Безбородки въ польскихъ дѣлахъ не обошлось безъ наградъ. Не смотря, что онъ, имѣлъ уже около 200,000 рублей годоваго дохода и на то финансовое разстройство, какое испытывало государство, Екатерина пожаловала ему 50,000 руб. единовременно и 10,000 руб. въ годъ ежегодно пожизненной пенсіи «въ изъявленіе отличнаго ея благоволе-

нія къ усердной его службѣ и ревностнымъ трудамъ въ исправлении разныхъ дѣлъ и должностей, по особой довѣренности на него возлагаемыхъ, способствующихъ пользѣ государственной и приращенью доходовъ».

Покончивъ съ дѣлами польскими, Безбородко послалъ Екатеринѣ записку по дѣламъ персидскимъ, чѣмъ онъ занимался по словамъ его и день и ночь, и, по порученію императрицы, работалъ надъ «устройствомъ уніатовъ» въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ.

Въ ту пору, т. е. въ началѣ 1795 года, Безбородко писалъ А. Р. Воронцову: «Часъ отъ часу труднѣе становится дѣлать дѣла, и мое положеніе весьма было бы непріятно, ежели бы я не принялъ систему удаляться отъ всего, кромѣ того, чѣмъ уже насильно меня обременить хотятъ». Независимо отъ этого, Безбородко совершенно исчезалъ передъ Зубовымъ, о которомъ онъ писалъ: «Всѣ дѣла, наипаче внутреннія, захвачены симъ новымъ и всемочнымъ господиномъ. Кромѣ иностранныхъ дѣлъ, я не видалъ уже съ полгода ни одной реляціи ни графа Румянцева, ни Суворова, ни Репнина, хотя воля государыни и теперь есть, чтобы я былъ въ связи дѣлъ, и хотя она, меня трактуя изрядно, часто оказываетъ желаніе, чтобы я и по другимъ дѣламъ трудился: какъ-то при распоряженіяхъ губерніи Минской, она мнѣ точно поручила виды ихъ начертить по разности того края и по сравненію съ малороссійскими губерніями».

Когда же Безбородко донесъ государынѣ, что бумаги и вѣдомости по всѣмъ этимъ дѣламъ находились у Зубова «дѣло сіе кончилось комплиментами, что скоро все учредится къ удовольствію интересованныхъ».

Безбородко хотя и видѣлъ свое ложное, приниженное положеніе, но не удалялся отъ двора. Вотъ какъ въ письмѣ къ А. Р. Воронцову онъ объяснялъ свое долготерпѣніе: «Моя теперь вся забота, чтобъ получить пожалованныя мнѣ за миръ деревни, хотя сама государыня провокируетъ къ объясненію съ нею, вызываяся, что она не знаетъ, для чего я примѣтнымъ образомъ уклонился отъ дѣлъ, не смотря, что она меня всякій день свободно и охотно допускаетъ. Получа деревни, спустя нѣсколько времени объяснюсь съ нею о прямыхъ причинахъ, и ежели не противится ничто, то и остальныхъ

дѣлъ избавлюся, ограничa себя на нѣкоторое время въ дворскомъ и министерскомъ моемъ качествѣ».

Если вникнуть въ суть такихъ разсчетовъ, то они окажутся очень просты. Рѣчь шла теперь, чтобы выбрать «не дрянныя» души, и для успѣха въ такомъ выборѣ нужно было, такъ или иначе, поддерживать свое положеніе при дворѣ, потому, что безъ этого можно было получить не только «дрянныя», но, пожалуй, въ значительномъ числѣ, и «мертвыя» души.

Пожалованіе деревень, которымъ былъ такъ озабоченъ Безбородко, состоялось 19 августа 1795 года. Онъ получилъ въ Брацлавской губерніи 4981 душу.

Теперь, повидимому, наступило время, когда Безбородко могъ исполнить свое намѣреніе, тѣмъ болѣе, что съ нимъ приключилась новая непріятность. Желая отстоять свою родину, Малороссію отъ рекрутскихъ наборовъ онъ, по его словамъ, сдѣлалъ въ этомъ направленіи «самый твердый шагъ представленіемъ весьма сильнымъ и подробнымъ, но г. Зубовъ умѣлъ, видно, заблаговременно пріуготовить, что мои представленія, говоритъ Безбородко, не принесли много плода, кромѣ неудовольствія, хотя и не оказаннаго; а со стороны сего молодаго человѣка, пріобрѣли мнѣ не мало недоброжелательства. По крайней мѣрѣ, видѣлъ онъ, что я всегда болѣе скажу, чѣмъ всѣ тѣ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, но видно, что онъ то и знаетъ, когда всякіе способы употребляетъ дѣла держать отъ меня подалѣе».

Оставаясь на службѣ, Безбородко долженъ былъ заняться по порученію государыни, изслѣдованіемъ о пропавшихъ изъ заемнаго банка деньгахъ. Похитилъ ихъ одинъ кассиръ болѣе чѣмъ на 600,000 рублей. Безбородко хотѣлъ было, по словамъ его, уклониться отъ дѣла, «находя, что въ нынѣшнемъ положеніи полезнымъ онъ быть не можетъ, а отправить дѣло en subalterne ни съ чиномъ, ни съ службою его прежнею не сходно». «Вы не можете себѣ представить, писалъ онъ Р. С. Воронцову, какъ всѣ люди, кои прежде что нибудь значили, авилированы, или паче сказать, сами себя унижаютъ». Говоря, однако, по правдѣ, нельзя не замѣтить, что къ числу такихъ людей принадлежалъ и самъ Безбородко.

Вскорѣ на долю Безбородки выпало чрезвычайно трудное порученіе. Въ сентябрѣ 1795 года пріѣхалъ въ Петербургъ король Густавъ IV для бракосочетанія съ одною изъ внучекъ императрицы Екатерины, великою княжною Александрою Павловною. Когда же придворные и сановники собрались для этого торжества во дворцѣ и сама императрица находилась въ тронномъ залѣ, король заявилъ, что онъ не согласенъ на условія, написанныя въ брачномъ договорѣ. Усовѣщевать короля были посланы многіе русскіе вельможи, а въ числѣ ихъ и Безбородко. Посольство это было безуспѣшно и доложившаго объ этомъ императрицѣ Моркова, злѣйшаго врага Безбородки, она два раза ударила тростью, потомъ сбросила съ себя мантію и, полумертвая, опустилась въ кресло.

XVI.

Смерть Екатерины.—Встрѣча Безбородки съ новымъ государемъ. — Сожженіе бумагъ.—Завѣщаніе Екатерины. — Образъ дѣйствій Безбородки. — Разсказы по этому поводу Державина, Грибовскаго и примѣчанія Тургенева.—Сочиненіе «Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ».—Устныя преданія.—Мнѣніе г. Григоровича.—Отчаяніе Безбородки. — Обращеніе его къ покровительству Ростопчина. — Благосклонность Павла къ Безбородкѣ.

5-го ноября 1796 года Екатерину поразилъ апоплексическій ударъ. Въ $8^1/_2$ часовъ вечера того же дня прибылъ изъ Гатчины въ Зимній дворецъ великій князь Павелъ Петровичъ. Здѣсь онъ нашелъ собравшимися уже членовъ синода, сенаторовъ и высшихъ государственныхъ сановниковъ. Безбородко, какъ первый секретарь Екатерины, ожидалъ наслѣдника престола въ кабинетѣ императрицы, прочіе сановники—въ другихъ комнатахъ. Узнавъ отъ медиковъ, что всѣ пособія будутъ напрасны, Павелъ отправился въ кабинетъ государыни и тамъ съ Безбородкою «дѣятельно занимался сожженіемъ бумагъ и документовъ, что̀ возбуждало въ придворныхъ страхъ и всѣ говорили о томъ, что новый государь занятъ съ графомъ Безбородкою разборомъ и уничтоженіемъ бумагъ». Князь Зубовъ находился въ это время въ кабинетѣ императрицы только какъ случайное лицо и настолько былъ пораженъ неминуемою кончиною государыни, что растерялся

совершенно. Пользуясь случаемъ, Безбородко старался посвятить Павла Петровича въ дѣла его матери, которыми онъ такъ долго завѣдывалъ, и, разумѣется, для новаго императора такой человѣкъ былъ какъ нельзя болѣе пригодною находкою; ловкому же Безбородкѣ легко было поддѣлаться съ перваго же дня къ императору, объясняя ему дѣла въ томъ смыслѣ, который долженъ былъ придтись по душѣ государю. Взаимныя отношенія матери и сына на столько были извѣстны при дворѣ, что не трудно было угодить Павлу Петровичу тѣми или другими отзывами на счетъ оканчивавшагося царствованія. Отзывы съ непохвальнымъ оттѣнкомъ были даже со стороны Безбородки вполнѣ искренни по отношенію къ послѣднимъ годамъ царствованія Екатерины, такъ какъ онъ еще и прежде, въ своей частной, дружеской, перепискѣ отзывался крайне неблагопріятно о существовавшихъ въ ту пору государственныхъ и придворныхъ порядкахъ.

Въ добавокъ къ этому, по сохранившимся свѣдѣніямъ, встрѣтилось еще особое обстоятельство, которое Безбородко не замедлилъ употребить какъ въ пользу наслѣдника умиравшей государыни, такъ равно и въ свою собственную.

Дѣло въ томъ, что Екатерина была вовсе нерасположена къ своему сыну и нѣкоторые изъ приближенныхъ къ ней лицъ были посвящены въ тайну предположеннаго ею устраненія его отъ престола и о предоставленіи короны любимому внуку императрицы Александру Павловичу. Когда же, въ противность такого предположенія, вступилъ на престолъ Павелъ, то при дворѣ составилось убѣжденіе, что виновникомъ такой перемѣны былъ никто иной, какъ только Безбородко.

Энгельгардтъ въ этихъ «Запискахъ» пишетъ: «Говорятъ, что императрица сдѣлала духовную, чтобъ наслѣдникъ былъ отчужденъ отъ престола, а по ней принялъ бы скипетръ внукъ ея Александръ и что она хранилась у князя Безбородко. По пріѣздѣ государя въ С.-Петербургъ, онъ отдалъ ему оную лично. Правда ли то, неизвѣстно. Многіе, бывшіе тогда при дворѣ, меня въ томъ увѣряли». То же самое подтверждаетъ и Державинъ въ объясненіяхъ къ своимъ сочиненіямъ. «Сколько извѣстно—говоритъ онъ—было завѣщаніе, сдѣланное императрицею Екатериною, чтобъ послѣ нее царствовать внуку ея Александру Павловичу».

Въ первоначальной редакціи одного стихотворенія Державинъ высказываетъ это обстоятельство въ слѣдующихъ словахъ, будто бы произносимыхъ Екатериною:

«Назначивъ внука вамъ въ цари».

Кромѣ того Державинъ разсказывалъ, что Безбородко, отпросясь въ отпускъ въ Москву, откланявшись императрицѣ, вышелъ изъ ея кабинета и вызвалъ его, Державина, за темную перегородку, бывшую въ секретарской комнатѣ, и на ухо сказалъ ему, что императрица приказала отдать ему, Державину, нѣкоторыя бумаги, касающіяся великаго князя, и что онъ пришлетъ за нимъ послѣ обѣда и передастъ ему эти бумаги. Неизвѣстно, однако, почему Безбородко не прислалъ за Державинымъ и уѣхалъ въ Москву. Съ тѣхъ поръ Державинъ ни отъ кого ничего не слыхалъ объ этихъ секретныхъ бумагахъ. Догадывались нѣкоторые царедворцы, что онѣ тѣ самыя были, за открытіе которыхъ, по вступленіи на престолъ императора Павла, осыпанъ былъ отъ него Безбородко благодѣяніями и пожалованъ княземъ. «Впрочемъ— добавляетъ Державинъ—съ достовѣрностію о семъ говорить здѣсь не можно; и другіе, имѣющіе основанія, о томъ всю правду откроютъ свѣту».

А. И. Тургеневъ, въ своихъ замѣткахъ на поляхъ «Записокъ» Грибовскаго, по поводу устраненія Павла Петровича отъ престола, написалъ: «Здѣсь нельзя согласить того, что Екатерина, оставивъ Безбородку хотя и не въ опалѣ, однако же внѣ своего вниманія, поручила ему составить духовное завѣщаніе и ввѣрила храненіе онаго ему. По кончинѣ ея, гнусный Безбородко обнаружилъ всю подлость и коварство свойствъ, совровденныхъ малороссамъ: онъ не сенату, а Павлу, наслѣднику Екатерины, предъявилъ завѣщаніе.

Къ разсказываемымъ теперь обстоятельствамъ относится также и ходившій въ рукописи, сочиненный въ концѣ прошлаго столѣтія разговоръ подъ заглавіемъ «Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ». Неизвѣстный авторъ изображаетъ царство мертвыхъ, куда прилетаютъ души умершихъ русскихъ людей, чтобы здѣсь, по волѣ Зевеса, поступить подъ начальство Екатерины, сопричисленной богами къ ихъ сонму. Екатерина требуетъ къ себѣ Безбородку и напоминаетъ этому

«недостойному рабу» своему, что ему была поручена тайна кабинета, что чрезъ него должно было осуществиться важное намѣреніе государыни—восшествіе на престолъ внука ея императора Александра Павловича, и что относящійся къ тому актъ былъ подписанъ ею и соучастниками упомянутой тайны. «Ты измѣнилъ моей довѣренности — упрекаетъ Екатерина Безбородку—не обнародовалъ его послѣ моей смерти. Въ свою очередь Безбородко въ такихъ словахъ оправдывается передъ Екатериною: «Еще до пріѣзда въ Петербургъ изъ Гатчины наслѣдника, я собралъ Совѣтъ, прочелъ актъ о возведеніи внука твоего. Тѣ, которые о семъ знали, стояли въ молчаніи; а кто въ первый разъ о семъ услышалъ, отозвались невозможностію исполненія. Первый, подписавшійся за тобою къ оному митрополитъ Платонъ подалъ голосъ въ пользу Павла и прочіе ему послѣдовали». «Правда—объясняется далѣе Безбородко, ежели судить строго, я, конечно, долженъ бы былъ умереть, исполняя твою волю. Знаю и то, что дѣла мои и совѣсть мою судить будетъ Великая Екатерина, которой человѣколюбивое сердце умѣетъ отличать невольное преступленіе отъ умышленнаго». Не смотря на такое льстивое оправданіе, Екатерина отослала, однако, отъ себя Безбородку, приказавъ призвать къ себѣ митрополита Платона. Выслушавъ отъ него указанія «на время, обстоятельства и Павла», она удалила и его, приказавъ, чтобы онъ ей никогда на глаза не показывался.

Существуютъ и устныя преданія о томъ, какъ Безбородко поступилъ съ завѣщаніемъ Екатерины о престолонаслѣдіи. Одно изъ этихъ извѣстій гласитъ — передаетъ г. Григоровичъ—что когда Павелъ и Безбородко разбирали бумаги въ кабинетѣ Екатерины, то Безбородко указалъ Павлу на пакетъ, перевитый черной лентою, съ надписью: «Вскрыть послѣ моей смерти въ сенатѣ». Павелъ, предчувствуя, что въ пакетѣ заключается актъ объ устраненіи его отъ престола—актъ, который будто бы былъ написанъ рукою Безбородки и о которомъ, кромѣ его и императрицы, никто не зналъ,—вопросительно взглянулъ на Безбородку, который, въ свою очередь, молча указалъ на топившійся каминъ. Эта находчивость Безбородки, который однимъ движеніемъ руки отстранилъ отъ Павла тайну, сблизила ихъ окончательно.

Сомнительно, впрочемъ, что бы Павелъ бросилъ этотъ пакетъ въ огонь, не полюбопытствовавъ узнать его содержаніе, такъ какъ вложенный въ него актъ не только былъ интересенъ самъ по себѣ, но и могъ до извѣстной степени служить Павлу руководительнымъ указаніемъ.

Другое устное извѣстіе утверждаетъ, что Безбородко, узнавъ о безнадежномъ положеніи Екатерины, сію же минуту поѣхалъ въ Гатчину, гдѣ и подалъ запечатанный пакетъ Павлу, котораго онъ встрѣтилъ на площадкѣ лѣстницы.

Наконецъ есть преданіе, идущее отъ самого Безбородки, о томъ, что будто бы бумаги по манифесту о престолонаслѣдіи подписаны были важнѣйшими государственными людьми, въ томъ числѣ Суворовымъ и Румянцевымъ-Задунайскимъ. Немилость Павла къ первому и внезапная кончина второго тотчасъ, какъ онъ узналъ о восшествіи на престолъ Павла, произошли будто бы вслѣдствіе этого.

«Вотъ всѣ данныя, какія — говоритъ г. Григоровичъ — удалось мнѣ собрать о дѣятельности графа Безбородки въ отношеніи духовнаго завѣщанія Екатерины. Въ нихъ есть противорѣчія, но они касаются только разныхъ подробностей, а сущность фактовъ одинакова. Такимъ образомъ въ настоящее время, пока не откроется какихъ нибудь новыхъ документовъ, которые снимутъ съ Безбородки обвиненіе въ нарушеніи воли покойной императрицы, приходится допустить, что онъ, уступая силѣ обстоятельствъ, доставилъ Павлу возможность получить актъ устраненія его отъ престола и вступить на престолъ въ слѣдъ за не желавшей этого покойною его родительницею».

Въ архивѣ церемоніальныхъ дѣлъ о кончинѣ Екатерины хранится слѣдующая записка:

«6-го ноября, основываясь на донесеніи докторовъ, что уже не было надежды, государь великій князь наслѣдникъ отдалъ приказаніе оберъ-гофмейстеру графу Безбородко и генералъ-прокурору графу Самойлову взять императорскую печать, разобрать въ присутствіи ихъ высочествъ, великихъ князей Александра и Константина, всѣ бумаги, которыя находились въ кабинетѣ императрицы, потомъ, запечатавши, сложить ихъ въ особое мѣсто».

«Въ день смерти Екатерины, Безбородко, по словамъ Рос-

топчина, болѣе 30-ти часовъ не выѣзжалъ изъ дворца и былъ въ отчаяніи: неизвѣстность судьбы, страхъ, что онъ подъ гнѣвомъ новаго государя, и живое воспоминаніе благодѣяній умирающей императрицы наполняли глаза его слезами, а сердце горестью и ужасомъ. Раза два говорилъ онъ мнѣ умилительнымъ голосомъ, что онъ надѣется на мою дружбу, что онъ старъ, боленъ, имѣетъ 250,000 рублей дохода и единой проситъ милости быть отставленнымъ отъ службы—безъ посрамленія».

Вышло, однако, наоборотъ: Ростопчинъ получилъ отъ Павла повелѣніе увѣрить Безбородку, что наслѣдникъ, не имѣя противъ него никакого особаго неудовольствія, проситъ забыть все прошлое и разсчитываетъ на его усердіе, зная его дарованія и способность къ дѣламъ. Вслѣдъ затѣмъ, Павелъ приказалъ лично Безбородкѣ заготовить манифестъ о восшествіи своемъ на престолъ, а въ 5 часовъ велѣлъ спросить, нѣтъ ли у него какихъ нибудь дѣлъ, не терпящихъ отлагательства и хотя обыкновенныя донесенія, приходящія по почтѣ, не требовали спѣшнаго исполненія, но Безбородко воспользовался ими, чтобъ войти первому съ докладомъ къ новому императору. «Павелъ, разсказываетъ Ростопчинъ, былъ удивленъ чрезвычайною памятью Безбородки, который по надписямъ не только узнавалъ откуда пакеты, но и писавшихъ называлъ по именамъ. При выходѣ Безбородки изъ кабинета, Павелъ, указавъ на находившагося при докладѣ Ростопчина, сказалъ Безбородкѣ: вотъ человѣкъ, отъ котораго у меня нѣтъ ничего скрытнаго. Когда же Безбородко вышелъ изъ кабинета, то Павелъ былъ въ удивленіи отъ Безбородки и, отозвавшись лестно на его счетъ, прибавилъ: этотъ человѣкъ для меня—даръ божій. Спасибо тебѣ, что ты меня съ нимъ примирилъ».

Когда въ 9 часовъ 45 минутъ вечера Екатерина скончалась и члены императорской фамиліи простились съ нею, присутствовавшія во дворцѣ знатныя особы, а въ числѣ ихъ и Безбородко, а также придворные служители и служительницы принесли свои поздравленія императору и его супругѣ.

XVII.

Тягость службы для Безбородки.—Сближеніе его съ лицами, окружавшими государя. — Прежняя его искательность. — Пожалованіе его дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ I класса. — Участіе въ финансовой коммисіи. — Молва о силѣ Безбородки у императора. — Мальтійскій орденъ. — Пожалованіе бриллiантовой звѣзды. — Желаніе уйти со службы. — Назначеніе сенаторомъ. — Торговая конвенція съ Англіею. — Коронація Павла Петровича. — Пожалованіе вотчинъ, земли и княжескаго достоинства. — Милости къ его семейству. — Излишнія похвалы Безбородкѣ. — Почетные титулы, пожалованные Павломъ I.

Не смотря на благоволеніе, оказанное Павломъ Безбородкѣ, послѣднему служба становилась въ тягость. При Екатеринѣ она шла легко и свободно: доклады посылались съ 10 часовъ утра. Теперь приходилось любившему выспаться Безбородкѣ вставать съ позаранку съ 5-ти часовъ и быть готовымъ явиться къ государю по первому зову. Чтобъ облегчить Безбородку, Павелъ уволилъ его отъ вице-канцлерской должности. Разумѣется, Безбородко, какъ и всѣ прочія приближенныя къ государю лица, не могъ разсчитывать на продолжительность расположенія, оказываемаго ему Павломъ, и, чтобъ обезпечить себя, онъ постарался войти въ добрыя отношенія съ тѣми, которые окружали государя.

Еще и при Екатеринѣ онъ заискивалъ въ нужныхъ ему людяхъ, и Грибовскій разсказываетъ, что Безбородко имѣлъ въ комнатахъ государыни сильную партію, состоявшую изъ Маріи Савишны Перекусихиной, ея племянницы Торсуковой, Марьи Степановны Алексѣевой, камердинера Зотова и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ дни рожденія и имянинъ графъ твердо помнилъ и никогда въ эти дни безъ хорошихъ подарковъ не оставлялъ.

При воцареніи Павла онъ въ «комнатахъ» государя имѣлъ уже надежнаго друга въ лицѣ Ростопчина и поспѣшилъ вступить въ связь съ любимцемъ государя Кутайсовымъ, который, какъ разсказываетъ Гельбигъ, убѣжденный въ томъ, что имъ руководитъ человѣкъ болѣе умный, нежели онъ самъ, дѣлалъ только то, что̀ совѣтовалъ ему Безбородко. Онъ сблизился и съ Нелидовой, имѣвшей большое вліяніе на Павла Петровича.

9-го ноября Павелъ пожаловалъ Безбородку дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ I класса, въ чинъ, который, соотвѣтственно военной службѣ, считается въ фельдмаршальскомъ рангѣ и давался всегда, да и нынѣ дается, чрезвычайно рѣдко. Въ тотъ же день онъ возложилъ на Безбородку труды по финансовому комитету, учрежденному Екатериною въ послѣдніе мѣсяцы ея жизни. О Безбородкѣ теперь заговорили, что онъ «первый министръ», что государь къ нему чрезвычайно милостивъ и «представленіямъ его внемлетъ отлично».

Безбородкѣ, между прочимъ, поручилъ Павелъ Петровичъ дипломатическую работу по мальтійскому ордену, судьбѣ котораго онъ такъ горячо сочувствовалъ. При учрежденіи этого ордена въ Россіи, Безбородкѣ былъ присланъ большой мальтійскій крестъ, осыпанный бриллiантами.

Новый 1797 годъ принесъ Безбородкѣ новыя царскія милости. 2-го января государь подарилъ ему «пребогатую» звѣзду и крестъ, бриллiантовые, ордена св. Андрея, которые онъ самъ со времени своей первой свадьбы носилъ.

Не смотря на все это, Безбородко, какъ всегда, если и не думалъ, то по крайней мѣрѣ на словахъ собирался оставить службу. Такъ, онъ писалъ графу А. Р. Воронцову въ Москву: «Ваше сіятельство всегда отъ меня слышали, что я хотѣлъ удалиться отъ перваго мѣста въ нашей коллегіи. Съ сими мыслями былъ я при вступленіи на престолъ его величества. Я обѣщалъ посвятить себя на услуги его. На другой день угодно было ему предложить мнѣ канцлерское мѣсто, вмѣсто котораго я представилъ просто о возведеніи меня въ первый классъ, прося его величество, чтобы онъ Остермана наименовалъ канцлеромъ. Когда же я напамятовалъ, что князь Репнинъ насъ обоихъ старѣе и его онъ тутъ же пожаловалъ. Графъ Остерманъ, по привычкѣ своей, первую роль играть искалъ, а тутъ вышли недоразумѣнія, кои невиннымъ образомъ старику не въ лучшее обратились; словомъ, что я противъ воли моей и въ крайнюю тягость очутился первенствующимъ въ коллегіи de fait, а вижу, что скоро я принужденъ буду съ титулотъ тѣмъ же учиниться. Сколько я ни желаю заслужить милости государевы, но, признаюсь, что мнѣ прискорбно, что сіе удаляетъ отъ моего вида жить покойно въ Москвѣ, и что предвѣстіе Моркова,

что я брошенъ теперь въ пространное море плаванія сбывается».

19-го января 1797 года Павелъ пожаловалъ Безбородкѣ важное въ то время званіе сенатора. По поводу этого въ именномъ указѣ сказано было: «Графу Безбородкѣ повелѣваемъ присутствовать въ Сенатѣ нашемъ, когда онъ отъ прочихъ возложенныхъ дѣлъ время имѣть будетъ». Безбородко воспользовался даннымъ ему правомъ и ни на одномъ изъ засѣданій сенатскихъ не присутствовалъ.

Онъ былъ теперь, между прочимъ, занятъ по заключенію торговой конвенціи съ Англіею, и конвенція эта была заключена окончательно 10-го февраля 1797 года.

Приближалось время коронаціи. Торжество это Павелъ Петровичъ желалъ отпраздновать какъ можно скорѣе.

Къ марту мѣсяцу все было готово и 1-го числа этого мѣсяца передъ отъѣздомъ въ Москву императоръ переѣхалъ на нѣкоторое время въ Павловскъ. Государя сопровождали не многіе, самые близкіе къ нему люди, причемъ Безбородко былъ приглашенъ ѣхать въ одной съ нимъ каретѣ. Въ концѣ марта, дворъ переѣхалъ въ Москву. Торжественный въѣздъ Павла изъ Петровскаго дворца въ Кремль, совершился въ вербное воскресенье. «За недѣлю до коронаціи, писалъ Безбородко матери, когда ихъ величества имѣли торжественный въѣздъ въ Москву, и въ мой домъ на пребываніе прибыли, пожаловали мнѣ: его величество—портретъ на голубой лентѣ, а ея величество государыня императрица—перстень съ ея портретомъ».

На коронаціи, происходившей 5-го апрѣля, въ первый день пасхи, Безбородко былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Въ «чинѣ дѣйствія коронованія» сказано: «Его императорское величество соизволилъ указать подать императорскую корону, которую дѣйствительный тайный совѣтникъ I класса графъ Безбородко поднесъ митрополитамъ, а они поднесли ее его величеству на подушкѣ».

Относительно наградъ полученныхъ Безбородкою въ этотъ день, онъ писалъ въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову: «Что до меня касается, то милости при семъ случаѣ на меня отъ его величества столь избыточно изліялись, что я признаюсь въ моемъ смущеніи, ибо они превосходятъ всякую мѣру».

Въ письмѣ къ матери онъ сообщалъ слѣдующее: «По крайней усталости, въ которую привели меня заботы, какъ по приуготовленіямъ, такъ и въ самый праздникъ, не въ состояніи я былъ писать и увѣдомить васъ о всѣхъ тѣхъ милостяхъ и щедротахъ, которыми государю угодно было взыскать весь домъ нашъ. Учиненнымъ съ трона въ грановитой палатѣ провозглашеніемъ о сдѣланныхъ по сему случаю разнымъ особамъ награжденіяхъ, пожалована мнѣ въ потомственное владѣніе, въ Орловской губерніи, вотчина Дмитровская, по духовной покойнаго князя Кантемира записанная блаженныя памяти государынѣ императрицѣ Екатеринѣ, въ которой десять тысячъ душъ слишкомъ, и тридцать тысячъ десятинъ земли въ Воронежской губерніи, по рѣкѣ Битюгу. Когда я пришелъ на тронъ для принесенія всеподданнѣйшей благодарности, то былъ пораженъ новымъ и всякую мѣру превосходящимъ знакомъ монаршаго благоволенія, о которомъ я и предваренъ не былъ. Тутъ прочтенъ былъ указъ Сенату, коимъ его величество возводитъ меня въ княжеское россійской имперіи достоинство, присвояя мнѣ титулъ «свѣтлости», и жалуя, сверхъ того еще шесть тысячъ душъ въ потомственное владѣніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я самъ выберу».

Милости Павла распространились и на родственниковъ Безбородки, такъ какъ брату его графу Ильѣ Андреевичу была пожалована «кавалерія» ордена св. Александра Невскаго и 1350 душъ въ Литвѣ, а Якову Леонтьевичу Бакуринскому и Григорію Петровичу Милорадовичу деревни въ Малой Россіи. Мать Безбородки была пожалована статсъ-дамою и дамою большаго креста ордена св. великомученицы Екатерины. Знаки эти были доставлены г-жѣ Безбородкѣ или, по малороссійски, Безбородчихѣ, при собственноручномъ письмѣ императрицы.

Такимъ образомъ за Безбородкою считалось теперь въ общей сложности 40,000 душъ, изъ которыхъ нѣсколько сотъ, выбранныхъ около Москвы, предназначались исключительно для содержанія его московскаго дома. Въ добавокъ къ этому, императоръ повелѣлъ, при составленіи «Общаго Гербовника» внести родъ графовъ Безбородко въ число графскихъ родовъ россійской имперіи, чѣмъ исполнилось давнишнее желаніе Без-

бородки быть «русскимъ» графомъ,—желаніе лично для него нѣсколько запоздалое, такъ какъ онъ былъ уже свѣтлѣйшимъ княземъ россійской имперіи, и въ силуэ того титула стоялъ выше природныхъ русскихъ князей, происходившихъ отъ Рюрика.

Побужденіями государя къ пожалованію Безбородкѣ такихъ щедрыхъ наградъ, отъ которыхъ онъ, по собственнымъ его словамъ, приходилъ въ «смущеніе», заявлялись въ указахъ, данныхъ 5-го апрѣля, въ такихъ выраженіяхъ: «въ всемилостивѣйшемъ уваженіи на усердную службу и труды»; въ другомъ—«въ изъявленіе къ усердной службѣ и ревностнымъ трудамъ графа Безбородко, въ пользу государственную намъ въ благоугодность подъемлемыхъ»; въ указѣ же о пожалованіи екатерининскаго ордена его матери было сказано: «Отмѣнное его императорскаго величества, нашего любезнаго супруга и государя, благоволеніе къ усердію и доброй службѣ вашего сына, графа Александра Андреевича, даетъ вамъ право на особое благоволеніе наше».

Такимъ образомъ во всѣхъ указахъ говорилось о подвигахъ Безбородки очень глухо и выставлялись лишь тѣ заслуги, которыя давали, и теперь даютъ, право на награды даже низшимъ зауряднымъ чиновникамъ и, конечно, это заставляетъ предполагать, что Безбородкою были оказаны государю такія услуги, которыя должны были оставаться безгласными, и, по всей вѣроятности, здѣсь главнымъ образомъ принимался въ соображеніе поступокъ его относительно завѣщанія Екатерины о престолонаслѣдіи.

Безбородко воспользовался расположеніемъ къ нему Павла Петровича для того, чтобы доставить награды и близкимъ себѣ лицамъ. Такъ Ростопчинъ, постоянно съ самымъ дружелюбнымъ чувствомъ относящійся къ Безбородкѣ, пишетъ: «По просьбамъ негодяевъ, его окружающихъ, онъ выхлопоталъ чинъ тайнаго совѣтника нѣкоему мерзавцу, да великолѣпное имѣніе въ 850 душъ и орденъ св. Екатерины своей любовницѣ Л***, распутной женщинѣ, а мужъ ея получилъ орденъ св. Александра Невскаго».

Безбородко хлопоталъ также о дѣлахъ Львова и Яннина, желавшаго состоять на службѣ подъ начальствомъ князя Куракина.

Разумѣется о такихъ относительныхъ мелочахъ не стоило

бы и вовсе упоминать, еслибы почтенный изслѣдователь, обращая на нихъ вниманіе читателей, не сопровождалъ ихъ такимъ указаніемъ: «Великое нравственное значеніе имѣютъ эти письма, которыми государственный сановникъ, стоящій на самой вершинѣ счастія и силы, какія только доступны подданному, охотно проситъ о другихъ лицахъ не только родныхъ, но даже о постороннихъ».

Такое краснорѣчіе, встрѣчающееся и въ другихъ мѣстахъ книги, придаетъ жизнеописанію Безбородки тотъ не совсѣмъ удачный оттѣнокъ, о которомъ мы упоминали прежде, да и вообще въ подобныхъ ходатайственныхъ письмахъ, никакъ нельзя искать «великаго нравственнаго значенія», тѣмъ болѣе, что иногда посторонніе люди бываютъ ближе, чѣмъ родные. Такъ, въ данномъ случаѣ, къ одному изъ тѣхъ лицъ, о которомъ ходатайствовалъ Безбородко, онъ имѣлъ особыя отношенія, а другой, Яншинъ, былъ извѣстный откупщикъ, съ которымъ свѣтлѣйшій князь, будучи виннымъ поставщикомъ, могъ имѣть да и почти навѣрное имѣлъ общія дѣла.

Что касается пожалованія Безбородкѣ княжескаго достоинства и притомъ съ титуломъ свѣтлости, то на мысль объ этомъ Павелъ Петровичъ былъ наведенъ доброжелателемъ Безбородки—Ростопчинымъ. До Безбородки было только два русскихъ «свѣтлѣйшихъ» князя, такъ какъ до него имѣли этотъ титулъ только Меньшиковъ и Кантемиръ. Потемкинъ же и Зубовъ имѣли титулъ свѣтлости какъ князья Римской имперіи. Вообще Павелъ Петровичъ былъ очень щедръ на почетныя дворянскіе титулы и въ непродолжительное свое царствованіе роздалъ ихъ не мало. Въ отношеніи титула княжескаго и титула свѣтлости его превзошелъ нѣсколько только императоръ Николай Павловичъ, царствовавшій, впрочемъ, почти тридцать лѣтъ, тогда какъ Павелъ I, въ четыре съ небольшимъ года, пожаловалъ князьями съ титуломъ свѣтлости Безбородку и П. В. Лопухина и безъ титула свѣтлости: армянскаго патріарха Долгорукаго-Аргутинскаго и графа Суворова съ наименованіемъ его Италійскимъ. Кромѣ того, онъ дозволилъ одному изъ Ладыжинскихъ принять потомственно фамилію князей Ромодановскихъ, угасшую полвѣка тому назадъ. 14 лицъ онъ возвелъ въ графское достоинство и повелѣлъ причислить къ русско-графскимъ фамиліямъ

8 фамилій, имѣвшихъ титулъ графовъ римской имперіи. Онъ же первый сталъ жаловать графское достоинство лицамъ женскаго пола съ распространеніемъ этого достоинства и на ихъ потомство. Не мало пожаловалъ онъ и баронами. Титулъ этотъ былъ данъ: Васильеву, Кутайсову и Аракчееву, а также придворнымъ банкирамъ: Вельо, Раллю и московскому купцу Роговикову.

XVIII.

Пожалованіе Безбородки канцлеромъ.—Пожалованіе пустопорожней земли въ Москвѣ.—Покупка императоромъ у Безбородки дома.—Поѣздка въ литовскія области.—Упадокъ значенія Безбородки.—Интриги противъ него.—Его болѣзнь.—Пожалованіе астраханскихъ рыбныхъ ловель.

Когда, 21-го апрѣля 1797 года, 72-хъ-лѣтній графъ Остерманъ, только что пожалованный въ канцлеры, былъ уволенъ отъ этой должности съ полнымъ «трактаментомъ», то сенату былъ данъ указъ о пожалованіи канцлеромъ князя Безбородки.

Государь не ограничился и этими милостями, такъ какъ 26-го числа того же мѣсяца онъ пожаловалъ Безбородкѣ обширное пустопорожнее мѣсто въ Москвѣ на Яузѣ и приказалъ пріобрѣсти для себя его московскій домъ за 670,000 руб., причемъ, конечно, Безбородко не остался въ убыткѣ.

Послѣ коронаціи, Безбородко сопровождалъ императора въ его поѣздкѣ въ литовскія области и затѣмъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ какъ будто затмился. Хотя непостоянство въ привязанностяхъ было рѣзкою чертою въ характерѣ Павла, но измѣненія его отношеній къ канцлеру Ростопчинъ приписываетъ вліянію придворныхъ интригъ, которыя вели тогда двѣ дамы, прежде враждовавшія, а потомъ сдружившіяся между собою. Онѣ хотѣли устранить отъ дѣлъ Безбородку и замѣнить его княземъ Александромъ Куракинымъ, котораго Ростопчинъ называлъ глупцомъ и пьяницею.

Въ это время Безбородко былъ боленъ «рюматизмомъ» г рожею на лицѣ, и жестокою артретическою болью въ правой ногѣ, и въ письмахъ къ роднымъ жаловался на упадокъ силъ.

Выздоровѣвъ и явившись къ двору, Безбородко занялъ

свое мѣсто среди самыхъ довѣренныхъ лицъ государя, у котораго онъ пользовался опять большимъ значеніемъ, но, какъ замѣчаетъ Ростопчинъ, старался, по обыкновенію своему, какъ можно меньше заниматься дѣлами. Не смотря на то, награды продолжали сыпаться на Безбородку и иногда при обстановкѣ весьма странной. Такъ, послѣ смерти послѣдняго короля польскаго Станислава-Августа, императоръ нашелъ «сходственнымъ съ человѣколюбіемъ нашимъ призрѣть оставшихся послѣ Станислава-Августа разныхъ чиновъ и служителей» и поручилъ Безбородкѣ, вмѣстѣ съ государственнымъ казначеемъ барономъ Васильевымъ, заняться этимъ дѣломъ, а когда оно было окончено, то, 1-го марта 1798 года, Павелъ пожаловалъ Безбородкѣ «въ вѣчное и потомственное владѣніе земли и состоящія при нихъ изъ числа астраханскихъ ловель воды» — пожалованіе это было неистощимымъ источникомъ богатства.

Если вообще Безбородко является лицомъ замѣчательнымъ по своей государственной дѣятельности, то онъ еще болѣе замѣчателенъ по тому богатству, какимъ онъ былъ за нее вознаграждаемъ. Разумѣется, что въ свою очередь замѣчателенъ и государь, приводившій наградами въ «смущеніе» своего вѣрноподданнаго.

Какъ ни былъ милостивъ Павелъ къ Безбородкѣ, но все же послѣдній побаивался за себя и въ одномъ изъ своихъ дружескихъ писемъ писалъ: «я уже было началъ учреждать планъ, какъ бы убраться, въ чемъ я не послѣдовалъ бы ни графу Остерману, ни графу Салтыкову, которымъ всегда казалось лучше быть высланными, чѣмъ самимъ выйдти».

Когда Павелъ отправился изъ Петербурга черезъ Москву въ Ярославль, то приказалъ Безбородкѣ оставаться въ Москвѣ, какъ ближайшемъ пунктѣ отъ тѣхъ мѣстностей, по которымъ предполагалась поѣздка государя. По возвращеніи изъ Москвы, здоровье Безбородки разстроивалось все замѣтнѣе. Независимо отъ того, Безбородко чувствовалъ подъ собою «зыбь» и ту дрожь, которая, по словамъ современника той поры Лубяновскаго, происходила не отъ стужи. Вообще можно сказать, что относительно придворной храбрости Безбородко представляется какимъ-то сановнымъ зайцемъ.

XIX.

Посредничество Лопухина. — Письмо Безбородки. — Причина, удерживавшая Безбородку на службѣ. — Обрученіе великой княжны Александры Павловны. — Денежная награда. — Болѣзнь и смерть Безбородки. — Его похороны. — Отзывъ о немъ Павла. — Заключеніе.

Болѣзнь и едвали еще не болѣе придворная «зыбь» заставляли Безбородку рѣшительно подумать объ отставкѣ. Получить ее въ это время было затруднительно вообще, а въ особенности послѣ тѣхъ милостей, какія были оказаны Безбородкѣ государемъ. Въ ту пору самымъ близкимъ лицомъ къ Павлу Петровичу былъ Петръ Васильевичъ Лопухинъ и къ нему-то, около 19-го декабря 1798 года, обратился Безбородко съ письмомъ, которое можно назвать какъ бы исповѣдью.

Въ этомъ, очень длинномъ письмѣ канцлеръ, между прочимъ, писалъ:

«Два года, протекшіе, были для меня исполнены болѣзней. Леченіе нынѣшняго года разслабило меня до самой крайности, такъ что, вѣрьте мнѣ — я не привыкъ вещей черными видѣть — ощущаю я часто такіе симптомы, которые мнѣ весьма неотдаленный конецъ предвѣщаютъ. Скоростью работы и понятіемъ награждалъ я упорно природную лѣнь свою; но теперь только природное и осталось, а память и другія дарованія совсѣмъ исчезаютъ. Хотя стыдно, но долженъ признаться, что, работая иногда длинныя пьесы, впадаю я часто въ повторенія и другіе недостатки, каковые, по преданіямъ Жильблаза, подъ конецъ ощущены были въ сочиненіяхъ преосвященнаго Гренадскаго. Мнѣ кажется, что полная свобода, свѣжій воздухъ умѣреннѣйшаго климата и леченіе у водъ могли бы еще поддержать безвременную старость, не по лѣтамъ еще меня постигшую. Пускай сіе почтете и воображеніемъ, но простительно человѣку, для сохраненія своего, отвѣдать разные опыты. Для чего намѣренъ я принести его величеству формальную просьбу, а васъ, милостивый государь мой, прошу въ то время употребить ваше ходатайство, чтобъ я желаемое мною увольненіе и дозволеніе выѣхать

на нѣкоторое время въ чужіе края получилъ. Вы за меня легко поручиться можете, я великій неохотникъ не только до интригъ, гдѣ много бываетъ безпокойства и заботы, но даже и до всѣхъ дѣлъ; слѣдовательно, я не заслуживаю никакого сомнѣнія или подозрѣнія, и въ чужихъ краяхъ, и въ Россіи живучи, кромѣ своего здоровья, покоя и удовольствія, ни о чемъ не намѣренъ помышлять. По дружбѣ ко мнѣ, не оставляйте отдалять всякія непріятности, которыя клеветами злыхъ людей на томъ и счастіе свое основывающихъ или воображеніемъ противъ меня наилѣнивѣйшаго, преспокойнѣйшаго въ свѣтѣ существа, воздвигнуты быть могутъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Безбородко попросилъ отпуска въ Москву, на что̀ и послѣдовало согласіе государя.

Не смотря на всѣ эти уважительныя причины къ увольненію отъ службы, Безбородко просьбы объ отставкѣ все-таки не подавалъ, и Ростопчинъ, приверженецъ его, по поводу этого замѣтилъ, что Безбородко такой просьбы не подастъ «ибо одно управленіе почтою составляетъ статью, не дозволяющую оставленія службы, когда нельзя дать отчета въ милліонахъ».

По пріѣздѣ изъ Москвы, Безбородкѣ, какъ тогда говорили, «были подстрижены крылья», и для него снова настало «моральное несчастье», а Ростопчинъ писалъ: «князь Безбородко дѣйствительно боленъ тѣломъ, но еще болѣе воображеніемъ, считая себя въ опасности».

Между тѣмъ Безбородко занимался дѣлами по обрученію великой княжны Александры Павловны съ эрцгерцогомъ австрійскимъ, палатиномъ венгерскимъ, и когда обрученіе это состоялось, то ему, въ видѣ награды, отпущено было изъ кабинета 100,000 рублей. На торжество обрученія больной Безбородко явился черезъ силу. Онъ страдалъ теперь одышкой, у него по временамъ шла горломъ кровь, а въ груди онъ чувствовалъ непрерывную боль и жаръ. Безбородко получилъ отъ государя разрѣшеніе ѣхать за границу, но усилившаяся болѣзнь не дозволила ему это сдѣлать. Его разбилъ параличъ: онъ потерялъ память и лишился употребленія правой руки и языка, такъ что только съ трудомъ могъ произносить отдѣльныя слова, но послѣ второго удара не могъ даже сдѣлать и этого.

16-го апрѣля 1799 года Безбородко скончался въ Петербургѣ, въ своемъ домѣ, въ которомъ нынѣ помѣщается почтовый департаментъ.

Извѣстіе о смерти его императоръ Павелъ получилъ въ то время, когда онъ показывалъ одному изъ иностранныхъ пословъ лѣпныя работы, производившіяся въ Михайловскомъ зáмкѣ.

— Россія лишилась Безбородки!—вздумалъ провозгласить торжественно-печально адъютантъ, посланный государемъ, чтобъ навѣдаться о состояніи канцлера.

— У меня всѣ Безбородки!—съ досадой отозвался Павелъ на такое извѣстіе.

13-го апрѣля Безбородку похоронили съ чрезвычайною пышностію на кладбищѣ Александро-Невской лавры, но впослѣдствіи могила его вошла въ переходъ между церковью Благовѣщенія и церковью Св. Духа. Императоръ при погребеніи его не присутствовалъ, но только приказалъ похоронить Безбородку «по его высокому сану», не смотря на желаніе Безбородки, чтобъ похороны его были безъ всякой пышности.

Ознакомясь съ личностію Безбородки по изслѣдованію г. Григоровича и другимъ источникамъ, и не усвоивая защитительныхъ пріемовъ послѣдняго по отношенію къ Безбородкѣ, должно сказать, что первый секретарь Екатерины и потомъ первый министръ Павла былъ несомнѣнно человѣкъ чрезвычайно способный какъ дѣлецъ, но все же не геній и даже не тотъ государственный умъ, который провидитъ вдаль и можетъ направлять событія, если и не по своимъ видамъ, то по крайней мѣрѣ поражать новизною своихъ воззрѣній, а также обширностію и высокою цѣлью государственныхъ стремленій. Несомнѣнно, что, слѣдуя повѣрью, приходится сказать, что Безбородко прежде всего родился подъ счастливою «планидой», и къ нему очень удобно примѣняются слова его земляка и его современника Паскевича, отца князя Варшавскаго. Тотъ, когда заходила рѣчь о возвышавшемся все болѣе и болѣе его сынѣ и когда нѣкоторые прославляли молодого Паскевича какъ генія, добродушно отклонялъ

всякія неумѣренныя похвалы, замѣчая по-хохлацки: «що геній—то не геній, а що везе, то везе». Такъ точно везло и Безбородкѣ, который самъ не надѣялся на свои силы и на свое умѣніе поставить себя выше неблагопріятствовавшихъ ему порою обстоятельствъ. Онъ смѣло, какъ и другіе счастливцы, могъ ввѣриться судьбѣ, которая устраивала его дѣла гораздо лучше, нежели онъ самъ. Такъ, онъ совершенно упалъ духомъ при воцареніи Павла и думалъ только объ удаленіи отъ службы «безъ посрамленія», а между тѣмъ случайность, которою онъ лишь ловко воспользовался, вознесла его на такую вершину почестей и перевела его за тѣ предѣлы богатства, о которыхъ онъ самъ вовсе не думалъ.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что Безбородко отличался, сравнительно съ царедворцами вообще, однимъ прекраснымъ качествомъ: онъ самъ не велъ интригъ и изъ всѣхъ даже самыхъ неблагопріятныхъ о немъ отзывовъ не видно. чтобы онъ когда нибудь рылъ яму другому, отъ того онъ. быть можетъ, и не попадалъ въ нее, хотя и часто находился почти на самомъ ея краю.

Другимъ хорошимъ общечеловѣческимъ качествомъ Безбородки была его незлобивость. Даже противъ самаго главнаго своего врага Моркова, публично обзывавшаго его и лгуномъ и воромъ, онъ не имѣлъ затаенной злобы и отзывался о немъ со всевозможною снисходительностью.

Чуждаясь интригъ, онъ въ то же время былъ искателенъ: стараясь угодить каждому и заискивая себѣ покровителей и покровительницъ въ «комнатахъ» императрицы и въ близкихъ къ императору Павлу Петровичу людяхъ. Онъ былъ «на услугахъ» Потемкина и принижался передъ Зубовымъ, очень хорошо понимая всю неумѣстность такой уступки при его высокомъ служебномъ положеніи, въ силу котораго слѣдовало или не уступать никогда первенства, или, сознавъ невозможность борьбы, удалиться какъ человѣку, цѣнящему свою умственную и нравственную самостоятельность. Сохранилось извѣстіе, что онъ, входя въ кабинетъ государыни, клалъ передъ Екатериною земной поклонъ—пріемъ для выраженія почтительности въ то время уже не обязательный, но придававшій чувству уваженія раболѣпный оттѣнокъ.

Одинъ изъ несомнѣнно преданныхъ Безбородкѣ людей,

который, по его собственнымъ словамъ, чувствовалъ къ Безбородкѣ «уваженіе и признательность», писалъ о немъ: «Я встрѣтилъ въ немъ ненасытную страсть къ наживѣ и пріобрѣтенію. Онъ не брезгалъ никакимъ добромъ. Онъ набралъ картинъ и бронзы отъ мошенника Вута, пріѣхавшаго раззорять нашу страну своими проектами, которыхъ достойнымъ образчикомъ служитъ послѣдній банкъ. Князь получалъ всѣ припасы для своего дома отъ раскольниковъ, которыхъ обнадеживалъ въ своемъ покровительствѣ. Онъ выписывалъ множество запрещенныхъ товаровъ, не платя никакихъ пошлинъ и раздѣляя пополамъ барыши съ Соймоновымъ, достойнымъ висѣлицы. Онъ промѣнялъ бы всю Россію за какой нибудь брилліантъ. Наконецъ, всѣ эти налоги, которые возбудили такой сильный ропотъ въ народѣ и нисколько не уменьшили государственныхъ долговъ, придуманы имъ, а у него одинъ эполетъ стоитъ 50,000 рублей. Судите и произнесите приговоръ».

Самъ г. Григоровичъ не отвергаетъ нѣкоторыхъ изъ заявленій Ростопчина. Онъ признаётъ, что Безбородко дѣйствительно бывалъ въ сношеніяхъ съ людьми сомнительной честности и постоянно заботился объ увеличеніи своего состоянія. Другія сообщенія Ростопчина почтенный изслѣдователь жизни Безбородки, отвергаетъ, говоря, что ему не удалось отыскать въ архивахъ никакихъ относящихся къ тому указаній и подтвержденій. Разумѣется, что такіе доводы весьма шатки, особенно если принять въ соображеніе, что приведенныя выше нелестныя для Безбородки строки заимствованы нами изъ письма Ростопчина къ искреннему его другу графу А. Р. Воронцову, такъ что при этомъ трудно додопустить возможность голословныхъ наговоровъ, вступленіемъ къ которымъ служили слѣдующія слова: «Вы будете горевать о князѣ Безбородкѣ. Онъ васъ любилъ и былъ къ вамъ привязанъ. Вы тоже любили его, потому, что цѣнили его умъ и сердце, но вы потеряли его изъ виду».

Читатели наши могли замѣтить, что мы позволяли себѣ противорѣчить похваламъ, иногда слишкомъ натянутымъ, расточаемымъ г. Григоровичемъ въ память князя Безбородки. Противорѣчіе наше не направляется, однако, нисколько ни противъ достовѣрности фактовъ, приводимыхъ почтеннымъ біо-

графомъ ни противъ добросовѣстной ихъ постановки. Г. Григоровичъ не только не выдумываетъ ничего отъ себя въ защиту Безбородки, но даже не скрываетъ ничего такого, что̀ могло бы болѣе или менѣе накинуть неблаговидную тѣнь на знаменитаго вельможу. Г. Григоровичъ съ своей стороны старается только смягчить свои собственные приговоры о Безбородкѣ и относится къ нему въ границахъ вполнѣ позволительной снисходительности, хотя и вредящей до нѣкоторой степени исторической правдѣ.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но слѣдуетъ пожелать, чтобы изслѣдованія, подобныя изслѣдованію г. Григоровича, появлялись въ нашей литературѣ почаще, такъ какъ они даютъ существенный запасъ историческихъ матеріаловъ. Въ заключеніе можно сдѣлать такой общій вопросъ: желательно ли, чтобы наши современные государственные дѣятели являлись на складъ свѣтлѣйшаго князя Безбородки? Думаемъ, что на этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно.

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА.

Съ современнаго гравированнаго портрета Нейдля.

ПАЛАТИНА ВЕНГЕРСКАЯ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА.

I.

Среди портретовъ особъ царствующаго дома, развѣшанныхъ по стѣнамъ Романовской галлереи Зимняго дворца, вниманіе посѣтителей обращаетъ на себя портретъ, сдѣланный въ натуральную величину и изображающій молоденькую и хорошенькую дѣвушку. Нарядъ этой дѣвушки отличается чрезвычайною простотою. На ней нѣтъ ни драгоцѣнныхъ камней, ни жемчуга, и только вѣнокъ изъ алыхъ розъ лежитъ на ея пепельно-русыхъ волосахъ, завитыхъ въ большія, разсыпавшіяся по головѣ кудри. Красивое и свѣжее ея личико выражаетъ доброту, а большіе каріе глаза смотрятъ умно, кротко и привѣтливо.

При взглядѣ на портретъ этой дѣвушки, родившейся въ царской семьѣ, невольно приходитъ на мысль, что жизнь ея должна была пройти весело и беззаботно и что судьба самымъ рожденіемъ оградила ее отъ житейскихъ тревогъ и горестей. Но какъ ошибочны такія предположенія: портретъ, о которомъ мы говоримъ — портретъ великой княжны Александры Павловны, а страдальческая ея доля едвали можетъ сравниться съ горькою участью тѣхъ несчастливицъ, которыя являлись въ Божій міръ, повидимому, безъ взякихъ задатковъ для ихъ будущаго счастья. По волѣ судьбы, высокое рожденіе великой княжны, которое, какъ казалось, должно было бы быть залогомъ ея счастія, было, напротивъ,

источникомъ горестей, извѣданныхъ ею въ печальной, быстро промелькнувшей жизни...

Императоръ Павелъ Петровичъ отъ перваго брака съ великою княгинею Натальею Алексѣевною, рожденною принцессою Баденъ-Дурлахскою, не имѣлъ дѣтей, такъ какъ великая княгиня, разрѣшившись въ первый разъ отъ бремени мертвымъ ребенкомъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ того скончалась. Отъ втораго брака съ императрицею Маріею Ѳеодоровною, рожденною принцессою Виртембергскою, у императора Павла была большая семья. Отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, кромѣ четырехъ сыновей, онъ имѣлъ шесть дочерей, изъ которыхъ старшею была великая княжна Александра Павловна, родившаяся 29-го іюля 1783 года. Младшими ея сестрами были великія княжны: Елена, которая умерла въ самомъ расцвѣтѣ молодости: она родилась въ 1785 году, а скончалась въ 1803 году, будучи въ супружествѣ съ наслѣднымъ герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ; Марія, впослѣдствіи герцогиня Саксенъ-Веймарская, достигшая глубокой старости, она родилась въ 1786 году, а скончалась въ 1859 году; Екатерина, бывшая въ супружествѣ въ первомъ бракѣ съ принцемъ Виртембергскимъ, а во второмъ съ принцемъ Ольденбургскимъ; она родилась въ 1788 году, а скончалась въ 1818 году; Ольга, умершая въ младенчествѣ (родилась въ 1792 году, умерла въ 1795 году), и Анна, королева Нидерландская, родившаяся въ 1795 году и скончавшаяся въ преклонныхъ лѣтахъ, въ 1867 году.

Всѣ дочери императора Павла и императрицы Маріи отличались умомъ и добротою сердца и въ болѣе или менѣе значительной долѣ наслѣдовали замѣчательную красоту ихъ матери. Въ этомъ отношеніи среди ихъ выдавалась особенно великая княжна Елена Павловна, которую бабушка ея, императрица Екатерина, постоянно называла Еленою Прекрасною. Александра же Павловна болѣе всѣхъ своихъ сестеръ походила на старшаго своего брата Александра Павловича, лицо котораго въ ранней молодости отличалось женственною пріятностью.

Не радостно встрѣтила бабушка, императрица Екатерина, рожденіе своей первой внучки. Извѣщая объ этомъ извѣстнаго барона Гримма письмомъ изъ Царскаго Села, отъ 16-го

августа 1783 года, она писала: «Моя заздравная поминальная книжка на дняхъ умножилась барышнею, которую въ честь ея старшаго брата назвала я Александрою; но, сказать по правдѣ, я несравненно болѣе предпочитаю мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ». Въ другомъ письмѣ къ Гримму, она замѣчаетъ о той неблагопріятной порѣ, когда явилась на свѣтъ великая княжна Александра, называя этотъ годъ роковымъ для себя годомъ, такъ какъ сама она была больна и безпокоилась о близкихъ ей людяхъ: о Потемкинѣ, который лежалъ при смерти, и о Ланскомъ, который чуть не сломалъ себѣ шеи при паденіи съ лошади и былъ нездоровъ шесть недѣль. «Вотъ подъ какими неблагопріятными предзнаменованіями родилась Александра Павловна», съ горечью замѣчаетъ императрица, передавъ Гримму о своей болѣзни и объ испытываемыхъ ею безпокойствахъ за другихъ.

Не понравилась Екатеринѣ и наружность новорожденной. Отъ 27-го сентября 1783 года она писала Гримму: «Александра Павловна существо очень некрасивое, особенно въ сравненіи съ братьями». Но императрица ошибалась, и малютка могла бы замѣтить ей: «Погоди, бабушка, когда я выросту — буду прехорошенькой: ты сама скажешь это», что̀ дѣйствительно впослѣдствіи и говорила императрица.

Иной отзывъ сдѣлала Екатерина о другой, родившейся послѣ Александры внучкѣ: «Малютка эта чрезвычайной красоты, и вотъ почему я назвала ее Еленой», т. е. въ честь троянской красавицы Елены Прекрасной». Императрица весьма цѣнила красоту, и этимъ объясняется предпочтеніе, оказываемое ею постоянно младшей внучкѣ. Императрица насмѣхалась надъ старшей, замѣчая, что двухмѣсячная Елена гораздо умнѣе и живѣе, нежели двухлѣтняя Александра. Не находила императрица красивой и третью свою внучку Марію, родившуюся 3-го февраля 1786 года. Безъ удовольствія встрѣтила она появленіе на свѣтъ и четвертой внучки, родившейся 10-го мая 1788 года. Сообщая объ этомъ Гримму мелькомъ, она не безъ насмѣшки добавляла: «Великая княгиня, слава Богу, разрѣшилась отъ бремени четвертой дочерью, отъ чего она въ отчаяніи и я, чтобъ утѣшить ее, дала новорожденной мое имя».

Не порадовала Екатерину и пятая ея внучка, родившаяся

11-го мая 1792 года. «Великая княгиня—писала она—угостила насъ (nous a regalé) пятой дочерью, у которой плечи почти также широки, какъ у меня. Такъ какъ великая княгиня мучилась родами два дня и двѣ ночи и родила 11-го іюля, въ день праздника св. Ольги, которая была крещена въ Константинополѣ въ 956 году, то я сказала: «Ну, пусть будетъ у насъ однимъ праздникомъ меньше, пусть ея рожденіе и имянины придутся на одинъ день, и такимъ образомъ явилась Ольга». На поздравленіе же Храповицкаго, по случаю рожденія Ольги Павловны, императрица отвѣчала: «Много дѣвокъ, всѣхъ замужъ не выдадутъ». Родившеюся 6-го января 1795 года великою княжною Анною Павловною бабушка тоже не восхищалась и по поводу первой годовщины ея рожденія писала Гримму: «Анна до сихъ поръ столько упряма, сколько толста; вообще три послѣднія не стоятъ пяти первыхъ». Изъ этого видно, что хотя Екатерина и не была рада внучкамъ, но что все же оказывала между ними нѣкоторое предпочтеніе Александрѣ и даже стала любить ее особенно, по мѣрѣ того какъ она подростала.

Великая княжна Александра Павловна съ самаго дѣтства обѣщала быть умной и способной дѣвушкой. Намъ неизвѣстно какъ велось первоначальное ея воспитаніе. До насъ не дошли на счетъ этого тѣ любопытныя инструкціи, какія составляла императрица Екатерина II относительно воспитанія своихъ старшихъ внуковъ Александра и Константина. Очень легко можетъ быть, что такихъ инструкцій для великихъ княженъ даже вовсе не составлялось, такъ какъ въ ту пору женское воспитаніе не было еще предметомъ такихъ заботъ, какія были направлены на воспитаніе мужскаго поколѣнія.

Воспитательницею великой княжны была госпожа Виламова, и, по всей вѣроятности, воспитаніе дѣвушки велось по общепринятой у насъ въ этомъ случаѣ французской системѣ. Относительно младенческихъ лѣтъ Александры сохранились только немногія отрывочныя свѣдѣнія. Такъ, въ 1787 году императрица Екатерина, во время своего путешествія по Россіи, переписывалась съ крошечною своей внучкою и переписка эта, разумѣется, была только выраженіемъ нѣжности со стороны бабушки. Въ письмахъ своихъ государыня, называя свою внучку «Александрой Павловной», писала, что она,

бабушка, любитъ и помнитъ ее и что бабушкѣ пріятно слышать, что внучка ея умница и хорошо учится. Съ своей стороны великая княгиня, Марья Θеодоровна, 1-го апрѣля того же года, писала Екатеринѣ, что Александра Павловна продолжаетъ быть прилежной, дѣлаетъ замѣтные успѣхи и начинаетъ переводить съ нѣмецкаго.

На четвертомъ году отъ рожденія въ малюткѣ, великой княжнѣ, появилась страсть къ рисованію, и въ январѣ 1786 года великая княгиня Марія Θеодоровна сообщила императрицѣ, путешествовавшей, какъ мы сказали, въ то время по Россіи, что Александра Павловна начала учиться рисовать и что, какъ кажется, она имѣетъ къ этому искусству большія способности.

Впослѣдствіи музыка и пѣніе вошли также въ число тѣхъ предметовъ, которымъ обучалась подроставшая великая княжна, и она въ этихъ искусствахъ обнаружила замѣчательныя способности.

Вотъ въ какихъ словахъ отзывалась императрица объ Александрѣ Павловнѣ въ письмѣ своемъ къ Гримму отъ 18-го сентября 1790 года. Посылая къ нему двѣ гравюры, на которыхъ были представлены ея внуки и внучки, она писала, что первый портретъ изображаетъ великую княжну Александру, которая до шести лѣтъ не была вовсе хорошенькой, но послѣ того, въ продолженіе полутора года, чрезвычайно похорошѣла. Она, по словамъ бабушки, сдѣлалась не только миловидной, но и выросла и сложилась такъ, что кажется старше своихъ лѣтъ. «Она, продолжала императрица, говоритъ на четырехъ языкахъ, хорошо пишетъ и рисуетъ, играетъ на клавесинѣ, поетъ, танцуетъ, понимаетъ все очень легко и обнаруживаетъ въ характерѣ чрезвычайную кротость. Я сдѣлалась предметомъ ея страсти и чтобъ мнѣ нравиться и обратить на себя мое вниманіе, она, кажется, готова кинуться въ огонь».

Сравнивая Александру съ бывшими уже въ 1790 году ея сестрами, императрица отдавала въ отношеніи наружности первенство Еленѣ, замѣчая что она красавица въ полномъ смыслѣ слова, что черты лица ея необыкновенно правильны, что она стройна, проворна и легка — короче — воплощенная грація. Она была чрезвычайно жива и вѣтрена, имѣла доб-

рое сердце, и за веселость ее любили болѣе чѣмъ всѣхъ ея сестеръ.

Маріи Павловнѣ, по мнѣнію бабушки, слѣдовало бы родиться мальчикомъ: оспа обезобралила ее, черты лица сдѣлались грубы. «Она—настоящій драгунъ, замѣчаетъ Екатерина: ничего не боится, всѣ ея склонности и игры напоминаютъ мальчика, и я не знаю, что̀ изъ нея выйдетъ, самая любимая ея поза—подпереться руками въ бока и такъ прогуливаться».

О младшей въ ту пору внучкѣ, Екатеринѣ, императрица сообщаетъ, что она толстый и большой ребенокъ съ хорошенькими глазками, любитъ сидѣть въ углу; окруживъ себя игрушками, бормочетъ цѣлый день, но не скажетъ ни одного слова, которое заслуживало бы вниманія.

Подроставшая великая княжна не чуждалась даже и литературной дѣятельности и при томъ, — что̀ весьма замѣчательно—даже печатной. Такъ, въ изданномъ въ 1796 году Мартыновымъ сборникѣ подъ названіемъ «Музы» были помѣщены два ея перевода: одинъ въ іюльской книжкѣ (стр. 24—25), безъ подписи, и другой въ сентябрьской (стр. 187—188), подписанный буквой А.

Первый изъ этихъ переводовъ былъ озаглавленъ: «Бодрость и благодѣяніе одного крестьянина». Разсказу объ этомъ предшествуютъ замѣчанія, что «великодушіе не въ одномъ высокомъ рожденіи обитаетъ» и что «благородныя чувствованія находятся нерѣдко въ самомъ низкомъ состояніи». Разсказъ же заключается въ томъ, что одинъ крестьянинъ, во время пожара, оставилъ все свое имущество на жертву пламени, чтобъ вынести больного сосѣда, который не могъ встать, и спасъ его жизнь съ опасностью собственной. Къ этому разсказу прибавлено слѣдующее примѣчаніе издателя: «Какъ лестно было бы для меня объявить имя особы, трудившейся въ переводѣ сей піесы?.. Но скромность, когда ее требуютъ, должна быть священнымъ для меня закономъ».

Другой переводъ великой княжны озаглавленъ: «Долгъ человѣчества». Въ немъ разсказывается, какъ пріѣхавшему въ Лондонъ молодому художнику ремесленникъ уступилъ «половину своего дома». Когда же художникъ захворалъ, то ремесленникъ, чтобъ помочь ему, началъ вставать ранѣе и ло-

житься позже, постоянно заботясь о немъ. Художникъ выздоровѣлъ и, получивъ «нарочитую» сумму, пожелалъ заплатить долгъ ремесленнику, но послѣдній отказался, сказавъ своему постояльцу. «Долгомъ симъ вы обязаны первому честному человѣку, коего вы обрящете въ несчастіи». Къ этому разсказу сдѣлана слѣдующая, отмѣченная буквою «А», приписка: «похвально подражать сему ремесленнику».

Великія княжны Александра и Елена занимались также художествами. Когда 2-го іюля 1786 года онѣ прислали въ академію художествъ свои труды, то издатель «Музъ», спросивъ въ стихахъ, обращенныхъ къ царевнамъ, «что лестны ихъ судьбины», продолжалъ:

Но нѣтъ, не мягко вамъ на пухѣ,
Не сладки вамъ струи Невы,
Все какъ-то нѣтъ веселья въ духѣ,
Коль вы ничѣмъ не заняты.

Изъ дальнѣйшихъ строфъ этого стихотворенія видно, что великія княжны рисовали и лѣпили изъ воску. Способность къ этимъ искусствамъ онѣ наслѣдовали отъ своей матери.

Танцы великихъ княженъ были тоже предметомъ тогдашнихъ стиховъ. Такъ, Державинъ, 26-го декабря 1795 года, напечаталъ въ «Музахъ»: «На случай русской пляски ихъ императорскихъ высочествъ великихъ княженъ Александры и Елены Павловны», стихотвореніе, начинавшееся:

По слѣдамъ Анакреона я хотѣлъ воспѣть Харитъ.

Далѣе Державинъ разсказываетъ, что къ нему явился Фебъ и спросилъ его—зрѣлъ ли онъ Харитъ?

Словомъ зрѣлъ ли ты картины.
Непостижныя уму?
Видѣлъ внукъ Екатерины,
Я отвѣтствовалъ ему.
Богъ Парнаса усмѣхнулся,
Давъ мнѣ лиру, отлетѣлъ,
Я струнамъ ея коснулся
И младыхъ Харитъ воспѣлъ.

Не успѣла еще Александра Павловна перейти за предѣлы самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста, какъ уже сдѣлалась предметомъ политическихъ разсчетовъ со стороны своей бабушки.

Начавшаяся съ 1789 года французская революція принимала все болѣе и болѣе грозные размѣры. Не безъ боязни смотрѣла состарѣвшаяся Екатерина на тѣ ужасныя послѣдствія, которыми угрожала монархіямъ поднявшаяся во Франціи буря. Въ виду приближавшейся опасности, императрица старалась сблизиться съ европейскими государями, и попытку такого сближенія начала она сношеніями съ шведскимъ королемъ Густавомъ III. Не смотря на заключеніе съ Швеціею, 14-го августа 1790 года, верельскаго мира, между Екатериною II и Густавомъ III не существовало дружелюбныхъ отношеній, но вдругъ отношенія эти перемѣнились въ виду тѣхъ обстоятельствъ и тѣхъ соображеній, о которыхъ упомянуто выше. Для противодѣйствія успѣхамъ французской революціи императрица поспѣшила заключить съ королемъ, въ городѣ Дронтингольмѣ, дружественный трактатъ, по которому Густаву III со стороны петербургскаго кабинета была назначена значительная денежная помощь, съ тѣмъ, чтобы выданныя ему русскія деньги были употреблены для военныхъ дѣйствій противъ революціонной Франціи.

Король съ полною готовностью приступилъ къ этому договору, но не успѣлъ ничего сдѣлать, такъ какъ неожиданная смерть разрушила его планы.

II.

Съ извѣстіемъ о трагической кончинѣ Густава III, смертельно раненаго Анкерстремомъ въ стокгольмской оперной залѣ во время маскарада, и о вступленіи на престолъ его преемника Густава IV пріѣхалъ въ Петербургъ генералъ графъ Клингспорръ. Бесѣдуя на единѣ съ императрицей, онъ сообщилъ ей, между прочимъ, что покойный король имѣлъ намѣреніе породниться съ русскимъ императорскимъ домомъ, женивъ своего единственнаго сына на одной изъ внучекъ Екатерины.

Встрѣчаются, впрочемъ, извѣстія, по которымъ первая мысль о бракѣ великой княжны Александры Павловны съ наслѣдникомъ шведскаго престола принадлежала непосредственно самой Екатеринѣ съ добавленіемъ, что будто бы та-

кой предполагаемый бракъ былъ однимъ изъ секретныхъ условій верельскаго мира. Съ своей стороны императрица въ одномъ изъ писемъ къ Гримму замѣчала, что бракъ Густава IV съ одною изъ русскихъ великихъ княженъ долженъ былъ состояться согласно желанію самого Густава III. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но переговоры о немъ начались, и Екатерина не только весьма благосклонно отвѣчала на завленіе Клингспорра, но и твердо рѣшилась осуществить предположеніе Густава III. Помимо вопроса о союзѣ съ Швеціею противъ Франціи, Екатерина имѣла въ виду, что посредствомъ родственной связи она, при молодости Густава IV, утвердитъ свое вляніе въ Швеціи.

Съ своей стороны дядя Густава IV, Карлъ герцогъ Зюндерманландскій, назначенный регентомъ государства до совершеннолѣтія короля, узнавъ отъ Клингспорра о готовности Екатерины породниться съ королевско-шведскимъ домомъ, видѣлъ въ предполагаемомъ родственномъ союзѣ между двумя владѣтельными домами выгоды для Швеціи, почему и принялся съ жаромъ за сватовство своего племянника. Прежде однако оффиціальнаго приступа къ этому дѣлу регентъ отправилъ въ Петербургъ барона Вителя, крещенаго еврея, человѣка чрезвычайно ловкаго и расторопнаго. Вителю не было дано никакого дипломатическаго званія, а только поручено было повести частнымъ образомъ, и при томъ секретно, предположенное сватовство. Императрица, однако, отказалась вступить въ какіе либо прямые переговоры съ Вителемъ, почему и поручила князю Зубову объясниться съ нимъ, приказавъ заявить, что ея величество съ удовольствіемъ приметъ оффиціальное предложеніе о бракѣ, сдѣланное ей непосредственно самимъ регентомъ.

Пока дѣло остановилось на этомъ.

Въ октябрѣ 1793 года, по случаю бракосочетанія великаго князя Александра Павловича, прибылъ изъ Стокгольма въ Петербургъ съ поздравленіемъ отъ регента графъ Стенбокъ, и онъ оффиціально началъ переговоры о бракѣ короля съ старшею изъ великихъ княженъ.

Екатерина была чрезвычайно довольна этимъ, и Александру Павловну стали учить шведскому языку, а императрица начала подготовлять ее къ мысли, что она будетъ же-

ною Густава IV и королевой шведскою. Десятилѣтней дѣвочкѣ принялись выхвалять ея жениха, влюблять ее въ него и показывать безпрестанно портретъ Густава. Подъ вліяніемъ всего этого она заочно полюбила его. Однажды императрица раскрыла при ней портфель съ портретами тогдашнихъ жениховъ-принцевъ и, шутя, сказала внучкѣ, чтобъ она выбрала себѣ одного изъ нихъ. На щекахъ дѣвочки вспыхнулъ румянецъ, и она показала на портретъ Густава.

Императрицѣ понравился этотъ выборъ: она видѣла, что подготовка ею Александры достигла своей цѣли, и когда, во время пребыванія въ Петербургѣ Стенбока, дѣло о бракѣ великой княжны нѣсколько наладилось, то императрица, желая ускорить этотъ бракъ, отправила посломъ въ швецію графа Сергѣя Петровича Румянцева. Но намѣреніямъ императрицы на этотъ разъ не суждено было сбыться, такъ какъ между ею и регентомъ возникло неудовольствіе, и регентъ не питалъ уже къ предполагаемому браку своего племянника того сочувствія, какое онъ выражалъ прежде. Неудовольствіе же это произошло по слѣдующей причинѣ.

III.

Усерднымъ сторонникомъ Россіи въ Швеціи былъ въ ту пору генералъ Армфельдъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ на короля Густава III, а потомъ и на его сына. Румянцевъ, для осуществленія возложеннаго на него порученія, вошелъ въ самыя близкія сношенія съ Армфельдомъ. Между тѣмъ регентъ открылъ составленный въ Стокгольмѣ заговоръ, который клонился къ тому, чтобъ, уничтоживъ въ Швеціи королевскую власть, ввести республиканское правленіе по образцу Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Участникомъ въ этомъ заговорѣ оказался и Армфельдъ. Вслѣдствіе этого, онъ со многими изъ своихъ приверженцевъ принужденъ былъ бѣжать изъ Швеціи. Надъ нимъ былъ учрежденъ заочный судъ, который и приговорилъ его къ смертной казни съ тѣмъ, чтобы имѣніе его было конфисковано. Въ исполненіе такого приговора на одной изъ стокгольмскихъ площадей былъ поставленъ позорный столбъ, на которомъ вывѣсили объявленіе

о состоявшемся надъ Армфельдомъ судебномъ приговорѣ. Спустя нѣкоторое время послѣ этого, Армфельдъ появился въ Россіи. Тщетно регентъ настаивалъ на выдачѣ Армфельда; императрица не только не желала исполнить это требованіе, но даже оказывала Армфельду знаки особаго своего вниманія.

Регентъ былъ крайне раздосадованъ такимъ недружелюбнымъ образомъ дѣйствій со стороны Екатерины и въ отместку ей рѣшился разстроить столь желаемый ею бракъ.

Вообще же первоначальный ходъ дѣла о сватовствѣ всего лучше видѣнъ изъ письма завѣдывавшаго иностранными дѣлами графа Моркова, который, 17 апрѣля 1794 года, писалъ Румянцеву въ Стокгольмъ слѣдующее: «Что касается брака, то вотъ исторія этого дѣла отъ начала до настоящей минуты. О немъ идетъ рѣчь со времени посылки Клингспорра, пріѣзжавшаго сюда съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ молодаго короля. Онъ закинулъ объ этомъ нѣсколько словъ. Графъ Стакельбергъ получилъ приказаніе разработывать эту мысль, онъ постарался возбудить къ тому желаніе въ молодомъ королѣ чрезъ окружающихъ его. Графъ Стакельбергъ писалъ, что онъ вполнѣ успѣлъ въ этомъ. Регентъ въ своихъ письмахъ говорилъ объ этомъ обиняками, но со времени прибытія графа Стакельберга дѣло приняло характеръ формальныхъ переговоровъ. Регентъ писалъ въ ясныхъ выраженіяхъ. Затѣмъ отъ регента получено было новое письмо, въ которомъ онъ говорилъ о своемъ желаніи, чтобы этотъ брачный проектъ сталъ поскорѣе гласнымъ для того, чтобы заставить молчать тѣхъ, которые стараются распускать слухъ, будто бы между обоими государствами готовится совершенный разрывъ. Регентъ смягчалъ императрицу приманкою этого брака. Дѣйствительно, она не видитъ въ немъ ничего столь привлекательнаго для своей внучки, чтобы могла пожертвовать для достиженія этой цѣли иными соображеніями, каковы возбуждаемыя иностранными дѣлами, стоящими теперь на очереди».

Чтобъ положить конецъ сватовству короля къ великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, регентъ началъ устроивать его бракъ съ одной изъ принцесъ мекленбургскаго дома. Сватовство это кончилось заочнымъ обрученіемъ Густава съ прин-

цессой, о чемъ и были извѣщены всѣ европейскіе дворы, а графу Шверину регентъ приказалъ отравиться въ Петербургъ, чтобъ сообщить императрицѣ о предстоящемъ бракѣ Густава IV. Недовольная этимъ императрица приказала выборгскому губернатору не пропускать далѣе графа Шверина и предложить ему возвратиться въ Стокгольмъ. Выраженіе неудовольствія государыни, если вѣрить изданной въ 1820 году въ Парижѣ книгѣ подъ заглавіемъ: «Les Cours du Nord», не ограничилось этою оскорбительною для регента мѣрою, такъ какъ она приказала разослать дипломатическую ноту, изумившую всю Европу. Въ этой нотѣ регентъ шведскаго королевства не только обвинялся въ сношеніяхъ съ убійцами французскаго короля Людовика XVI, но и въ томъ, что принималъ участіе въ убійствѣ своего брата, Густава III.

Если дѣйствительно была разослана такая нота, то обвиненіе, выставленное въ ней противъ регента, могло основываться на той молвѣ, будто бы ему обѣщали субсидію изъ Франціи отъ комитета общественной безопасности.

По поводу затрудненій со стороны регента къ заключенію предполагаемаго брака, Екатерина отъ 10-го апрѣля 1795 года, писала Гримму, что покойный король Густавъ III хотѣлъ женить своего наслѣдника на одной изъ старшихъ ея внучекъ, и издалъ нѣсколько законовъ съ цѣлью облегчить предполагаемый бракъ, а также предрасположилъ къ этому сына, который только о томъ и думалъ. «Невѣста, продолжала Екатерина, могла бы спокойно ожидать совершеннолѣтія жениха, потому что ей было только одиннадцать лѣтъ, и утѣшиться, если бракъ съ нимъ не состоялся, потому что тотъ будетъ въ убыткѣ, кто не женится на ней. Скажу смѣло, что трудно найти равную ей по красотѣ, талантамъ и любезности, не говоря уже о приданомъ, которое одно могло-бы быть для бѣдной Швеціи предметомъ немаловажнымъ, сверхъ того и миръ утвердился бы на многіе годы. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, да и нельзя расположить къ себѣ выходками и оскорбленіями — добавляетъ императрица, намекая на поступки регента и шведскаго посланника въ Петербургѣ барона Стединга—да и еще есть условіе: чтобъ женихъ-король понравился невѣстѣ».

Окончательное же разстройство брака регентомъ чрезвы-

чайно раздражило императрицу, и письмо ея къ Гримму, отъ 4-го октября 1795 года, лучше всего выражаетъ то настроеніе духа, въ какомъ, по этому случаю находилась императрица. Она писала: «Поздравляю васъ съ тѣмъ, что 1-го ноября будетъ объявленъ бракъ молодаго шведскаго короля съ чрезвычайно-некрасивой и горбатой дочерью вашего друга — герцогини Мекленбургской. Говорятъ, впрочемъ, что, не смотря на ея некрасивость и горбъ, она мила. Если бы регентъ-якобинецъ—пишетъ далѣе разсерженная Екатерина—былъ частное лицо, то я отколотила бы его палкою за то, что онъ не сдержалъ своего слова, не снесясь со мною по настоящему дѣлу. Не только графъ Стенбокъ говорилъ отъ имени регента и короля-ребенка и не одной мнѣ, но и каждому, кто хотѣлъ слушать, что онъ былъ посланъ сюда для того, чтобъ, согласно волѣ покойнаго короля, устроить бракъ молодаго государя съ Александрою. Посланникъ Стедингъ въ продолженіе многихъ лѣтъ разсказывалъ то же самое. Различіе религій не должно было препятствовать этому дѣлу, спасительному для обоихъ государствъ.

«Пусть регентъ ненавидитъ меня, пусть онъ выискиваетъ случая и обмануть—въ добрый часъ! Но зачѣмъ онъ женитъ своего питомца на кривобокой дурняшкѣ? Чѣмъ король заслужилъ такое жестокое наказаніе, тогда какъ онъ думалъ жениться на невѣстѣ, о красотѣ которой всѣ говорятъ въ одинъ голосъ».

Продолжая это письмо, императрица поручаетъ Гримму собрать свѣдѣнія о всѣхъ младшихъ сыновьяхъ германскихъ владѣтелей, чтобъ она могла имѣть полный ихъ списокъ и выбрать изъ нихъ жениховъ, сколько ей будетъ нужно для ея невѣстъ, а затѣмъ окончательные выборы должны были произвести сами невѣсты, причемъ, по мнѣнію Екатерины, каждая изъ нихъ составитъ счастье своего мужа. Притомъ императрица, указывая прежде всего на младшихъ принцевъ готскаго и кетенскаго, внушаетъ Гримму, чтобъ онъ содержалъ въ тайнѣ данное ему порученіе, добавляя, что ей нужно не царствующихъ, а такихъ, у которыхъ были бы только плащъ да шпага.

Екатерина была чрезвычайно оскорблена тѣмъ, что ея внучкѣ, русской великой княжнѣ, была предпочтена какая-то неизвѣстная нѣмецкая принцесса. Посланному, въ іюнѣ 1796 го-

да, изъ Стокгольма въ Петербургъ съ извѣщеніемъ о помолвкѣ короля съ принцессою мекленбургскою графу Шверину, императрица, какъ мы уже сказали, готовила самую недружелюбную встрѣчу. Графъ было уже приближался къ Петербургу, когда получилъ увѣдомленіе, что императрица не желаетъ принять его, и, вслѣдствіе этого, долженъ былъ возвратиться назадъ. Съ своей стороны, Екатерина отправила въ Мекленбургъ своихъ агентовъ, которые должны были повести дѣло такъ, чтобы принцесса формально отказалась отъ вступленія въ бракъ съ Густавомъ IV. Въ то же время въ Петербургѣ стали готовиться къ войнѣ со Швеціею. Но вскорѣ обстоятельства нѣсколько измѣнились: до императрицы дошла вѣсть, что король, ссылаясь на нездоровье, проситъ регента отсрочить бракъ до его совершеннолѣтія. Такъ какъ нельзя было разсчитывать вполнѣ на успѣхъ отъ такой перемѣны, то императрица стала заботиться о томъ, чтобъ пріискать своей внучкѣ жениха и помимо Густава IV. Поручая это дѣло Гримму, она, послѣ брака великихъ князей Александра и Константина, писала ему слѣдующее: «Теперь мнѣ женить некого, но у меня остается пять дѣвицъ, изъ которыхъ младшей только годъ, а старшая уже невѣста. Она и слѣдующая за нею ея сестра прекрасны какъ день, и все соотвѣтствуетъ въ нихъ ихъ красотѣ: обѣ онѣ, по отзывамъ всѣхъ, восхитительны. Имъ нужно искать жениховъ съ фонаремъ въ рукѣ. Непригожіе и глупые будутъ исключены изъ числа жениховъ, но бѣдность не будетъ считаться порокомъ. Внутреннія ихъ качества должны соотвѣтствовать наружнымъ. Если вы найдете что-либо подходящее на рынкѣ, извѣстите меня о такой покупкѣ, но она должна получить одобреніе шотландскаго пэра, потому что отзывъ вашъ будетъ подозрителенъ, такъ какъ вы отъ рожденія заражены любовью къ нѣмецкимъ высочествамъ».

Между тѣмъ въ самой Швеціи образовалась значительная партія, преимущественно изъ придворныхъ, недовольная регентомъ и сочувствовавшая Россіи. Сторонники этой партіи распускали слухъ, что король заочно, по однимъ только письмамъ и портрету, страстно влюбился въ великую княжну Александру Павловну; что препятствіемъ къ браку этой молодой и прекрасной четы служитъ регентъ, который торо-

пится женитьбою короля на принцессѣ мекленбургской, предвидя, что Густавъ, сдѣлавшись самостоятельнымъ по достиженіи совершеннолѣтія, изберетъ себѣ въ супруги великую княжну, съ бабушкою которой регентъ былъ не въ ладахъ. Екатерина, узнавъ о дѣйствіяхъ въ пользу Россіи упомянутой партіи, отправила въ Стокгольмъ барона Будберга, только что вернувшагося изъ Германіи, откуда онъ привезъ въ Петербургъ трехъ принцессъ саксенъ-кобургскихъ, изъ которыхъ великій князь Константинъ Павловичъ долженъ былъ выбрать себѣ невѣсту. Успѣхъ Будберга по части сватовства надоумилъ императрицу—поручить ему завести переговоры о бракѣ Густава IV съ Александрой Павловной. При Будбергѣ находился очень ловкій господинъ, по фамиліи Крестинъ, родомъ французъ. Онъ съумѣлъ поддѣлаться къ регенту, увѣряя, что императрица чрезвычайно любитъ и уважаетъ герцога и что если она выказала ему свой гнѣвъ, то это произошло единственно отъ того простительнаго раздраженія, которое овладѣло ею, когда она увидѣла, до какой степени внучка ея была огорчена, узнавъ о невозможности выйдти замужъ за Густава IV. Въ заключеніе Крестинъ просилъ регента только объ одномъ—отложить бракъ короля до его совершеннолѣтія, предоставивъ ему самому полную свободу избрать подругу жизни.

Герцогъ согласился исполнить послѣднее предложеніе въ виду того, что отказъ въ настоящемъ случаѣ можетъ вызвать вооруженное столкновеніе Россіи съ Швеціею и кромѣ того побудить русскій дворъ поддерживать въ Швеціи тѣ безпокойства, которыя слишкомъ тревожили его. Въ то же время регента не покидала мысль о той опасности, какая должна грозить Швеціи, если посредствомъ брака Густава IV съ русскою великою княжною еще болѣе усилится тамъ вліяніе императрицы. Регенту казалось, что тогда королевство шведское будетъ въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ только русскою провинціею. Сообразивъ все это обстоятельно, герцогъ поднялся на хитрость и сталъ, повидимому, склоняться на предложеніе Крестина. Будбергъ поспѣшилъ послать объ этомъ депешу императрицѣ, а Крестинъ письмо госпожѣ Гюсъ, актрисѣ французскаго театра въ Петербургѣ, бывшей въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ графомъ Морковымъ, завѣды-

вавшимъ иностранными дѣлами и усердно хлопотавшимъ о бракѣ короля съ великою княжною. Между Стокгольмомъ и Петербургомъ завязалась теперь самая дѣятельная и чрезвычайно дружеская переписка, исходомъ которой было изъявленное регентомъ согласіе на то, чтобы король принялъ приглашеніе императрицы пріѣхать къ ней въ гости въ Петербургъ. Приэтомъ регентъ заявилъ, что онъ самъ будетъ сопровождать его величество при предстоящей поѣздкѣ.

Въ половинѣ августа регентъ и король, въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, отправились въ Петербургъ. Они ѣхали туда какъ будто бы инкогнито, такъ какъ регентъ явился въ Петербургъ подъ именемъ графа Ваза, а король — графа Гага, принявъ эту фамилію отъ названія одного изъ загородныхъ королевскихъ за̀мковъ.

IV.

Отправившемуся въ Петербургъ королю-жениху шелъ восемнадцатый годъ. Онъ родился 2-го ноября 1778 года. О рожденіи его ходили странные слухи, подтверждавшіеся особыми обстоятельствами супружеской жизни его отца, короля Густава III, который былъ съ 1766 года женатъ на сестрѣ датскаго короля Христіана VII. Разсказы эти перешли въ печать и заключаются въ слѣдующемъ.

Густавъ III и братъ его Карлъ XIII не имѣли возможности доставить наслѣдниковъ шведской коронѣ, и, кромѣ того, первый изъ нихъ жилъ съ своею супругою не въ ладахъ. По возвращеніи въ 1777 году изъ Петербурга, куда Густавъ III ѣздилъ въ гости къ императрицѣ Екатеринѣ, онъ примирился съ королевою. Примиреніе это сопровождалось большими празднествами, а въ слѣдующемъ году разнеслась молва о беременности королевы. Въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года, король созвалъ въ Стокгольмъ государственные чины съ тою цѣлью, чтобы когда, во время ихъ собранія, родится наслѣдникъ престола, они явились въ качествѣ воспріемника отъ купели новорожденнаго принца. Ожиданія короля сбылись, такъ какъ 2-го ноября пушечные выстрѣлы возвѣстили жителямъ Стокгольма, что королева разрѣшилась отъ бремени

сыномъ, наслѣдникомъ престола, которому при крещеніи дали имя Густава-Адольфа.

Вскорѣ, однако, разнеслась молва, что новорожденный младенецъ не сынъ короля, и появленіе его на свѣтъ стали объяснять такимъ образомъ. Говорили, что Густавъ III, не пользуясь правами супруга, уговорилъ королеву сблизиться съ самымъ искреннимъ его другомъ, красавцемъ барономъ Мункомъ. Но королева, воспитанная въ правилахъ строгой нравственности, не рѣшилась на это. Король продолжалъ убѣждать ее, настаивая на интересахъ государства и королевской фамиліи, требовавшихъ появленія на свѣтъ наслѣдника престола. Наконецъ, молодая королева согласилась съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ бракъ ея съ королемъ былъ расторгнутъ и чтобы послѣ этого она сдѣлалась законной супругой барона Мунка. Густавъ III принялъ предложеніе королевы, и сохранилось извѣстіе, что въ тотъ день, когда онъ праздновалъ свое примиреніе съ королевою, былъ совершенъ бракъ ея съ барономъ Мункомъ, послѣ чего въ обычный срокъ родился наслѣдникъ шведской короны. Въ память этого событія король заказалъ статуи двухъ извѣстныхъ въ древности друзей Кастора и Поллукса, изъ которыхъ одному ваятель долженъ былъ придать черты короля Густава III, а другому черты барона Мунка.

Разсказъ объ обстоятельствахъ рожденія короля подтверждается письмомъ Екатерины къ Гримму, отъ 5-го апрѣля 1795 года. Сообщая, что Армфельду было извѣстно о томъ, что умирающій Густавъ III поручилъ Екатеринѣ своего сына, она добавляетъ: что Армфельдъ зналъ также и о томъ, что Екатерина еще и прежде принимала сторону этого ребенка противъ всѣхъ враговъ и говорила покойному королю и всѣмъ, кто только хотѣлъ слушать, что если отецъ признаётъ ребенка за своего сына, то никто ужъ не имѣетъ права оспаривать этого, тѣмъ болѣе, что король имѣетъ болѣе власти, чѣмъ всякій другой отецъ.

Густавъ III чрезвычайно заботился о сынѣ бывшей своей супруги, и старался на каждомъ шагу окружать его королевскою пышностію. За ребенкомъ былъ самый тщательный уходъ. Рѣдко вывозили его изъ дворца на прогулку, да и то въ сопровожденіи отряда легкой кавалеріи. Особенное

вниманіе было обращено на физическое воспитаніе маленькаго принца, и для того, чтобы закалить здоровье ребенка, его каждый день опускали въ самую холодную воду и держали въ ней до тѣхъ поръ, пока тѣло его дѣлалось совершенно синимъ. Едва лишь сталъ подростать Густавъ-Адольфъ, какъ король началъ возить его съ собою по всѣмъ областямъ Швеціи, гдѣ малюткѣ воздавали королевскія почести.

Воспитателемъ Густава IV былъ сперва баронъ Спарре, пожалованный, при полученіи такого важнаго назначенія, сенаторомъ; но баронъ не отличался способностями по педагогической части, а между тѣмъ стремился къ тому, чтобы безусловно распоряжаться и воспитаніемъ и личностію ввѣреннаго его попеченіямъ ребенка. Вслѣдствіе этого между королемъ Густавомъ III и барономъ Спарре происходили безпрестанныя столкновенія, окончившіяся тѣмъ, что Спарре былъ, въ 1788 году, замѣненъ графомъ Гилленштольпе, помощникомъ котораго былъ назначенъ графъ Бонде. Затѣмъ воспитатели подроставшаго принца мѣнялись довольно часто, и послѣднимъ былъ баронъ Армфельдъ. Всѣ они чрезвычайно ошибочно вели нравственное развитіе мальчика, неустанно внушая ему, что онъ призванъ провидѣніемъ властвовать надъ народомъ, который безусловно долженъ повиноваться его волѣ. Въ то же время духовные наставники королевича вселяли въ него религіозный фанатизмъ лютеранскаго склада, указывая ему на превосходство лютеранской церкви надъ всѣми христіанскими вѣроисповѣданіями. Они погружали его въ лютеранскій мистицизмъ, занимаясь съ нимъ толкованіями пророчествъ и апокалипсиса. Особенную ненависть внушали ему наставники къ греческой церкви и, подъ вліяніемъ ихъ толковъ, Густавъ смотрѣлъ на нее не только какъ на церковь, соотвѣтствующую менѣе чѣмъ католическая основамъ христіанскаго ученія, но почти какъ на какую-то представительницу языческой религіи. Наставники принца, между прочимъ, научили его смотрѣть на французскій народъ, не покорявшійся передъ королевскою властію, какъ на звѣря-чудовище, предреченнаго сочинителемъ апокалипсиса и который впослѣдствіи, по пророчеству Даніила, долженъ быть стертъ съ лица земли никѣмъ инымъ, какъ имъ, Густавомъ. Они убѣждали его въ томъ, что Анкарстремъ рѣшился на цареубійство по

наущенію французскихъ террористовъ. На восьмомъ году отъ рожденія, Густавъ былъ отданъ въ упсальскій университетъ, и тотчасъ же тамъ заговорили о немъ, какъ о какомъ-то небываломъ еще чудѣ, а на двѣнадцатомъ году отъ рожденія онъ былъ избранъ канцлеромъ этого ученаго и учебнаго учрежденія.

Смерть Густава III застала его преемника только четырнадцати-лѣтнимъ подросткомъ. Разсказываютъ, что въ предсмертномъ горячечномъ бреду короля вырывались слова, намекавшія на таинственное происхожденіе его наслѣдника. Съ своей стороны шведскіе вельможи хотѣли отстранить Густава-Адольфа отъ короны, предложивъ ее герцогу Зюндерманландскому съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ утвердилъ конституцію 1772 года. Но раздоръ въ этой партіи и нежеланіе регента произвести такой переворотъ сохранили корону за Густавомъ IV.

При такой подготовкѣ воспитаніемъ, о которой мы сейчасъ сказали, юноша-король ѣхалъ въ Россію безъ твердо-опредѣленныхъ намѣреній. Онъ былъ предупрежденъ противъ религіи своей невѣсты, и бракъ его съ русскою великою княжною долженъ былъ главнымъ образомъ, а пожалуй и единственно, зависѣть отъ того впечатлѣнія, какое произведетъ красота невѣсты на его слишкомъ еще молодое сердце. Но регентъ твердо рѣшился противодѣйствовать предполагаемому браку и едва ли не затѣмъ только и отправился въ Петербургъ, чтобъ надѣлать императрицѣ самыхъ чувствительныхъ непріятностей.

V.

Пріѣхавъ въ Петербургъ 13-го августа 1796 года, король и регентъ остановились въ домѣ шведскаго посланника, барона Стединга.

Въ эту пору великой княжнѣ шелъ только четырнадцатый годъ. Она была высока ростомъ и чрезвычайно стройна. Черты лица ея были правильны, а роскошные локоны пепельнаго цвѣта придавали особую прелесть ея необыкновенно свѣженькому личику. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ она

много хорошаго наслышалась о Густавѣ, и онъ въ ея еще дѣтской головкѣ былъ предметомъ первой любви и первыхъ дѣвическихъ мечтаній. Густавъ не выдавался поразительною красотою, но былъ миловидный юноша: высокій ростомъ, прекрасно сложенный и отличался благородною осанкой. Что-то гордое, самоувѣренное, было во всей его фигурѣ. Вообще же онъ былъ очень привлекателенъ, соединяя въ себѣ и простоту юноши, и величіе короля.

Всѣ въ Петербургѣ знали, зачѣмъ собственно пріѣхалъ Густавъ, и какъ только разнеслась вѣсть объ его прибытіи, весь городъ пришелъ въ движеніе: всѣ желали взглянуть на него не только какъ на короля, но и какъ на жениха.

Екатерина была чрезвычайно довольна начавшимся сватовствомъ и въ знакъ своего особеннаго благоволенія пожаловала упомянутому уже нами французу Крестину, негласно занимавшемуся этимъ дѣломъ, 300 душъ крестьянъ и чинъ надворнаго совѣтника.

Государыня, жившая до пріѣзда въ Царскомъ Селѣ и заранѣе извѣщенная о прибытіи Густава королевскимъ шталмейстеромъ графомъ Швериномъ, поспѣшила пріѣхать въ Петербургъ и, проживъ нѣсколько дней въ Таврическомъ дворцѣ, переселилась въ Зимній дворецъ, чтобы принять тамъ короля и давать въ Эрмитажѣ въ честь его блестящіе праздники. При первомъ свиданіи съ Густавомъ она была отъ него въ восхищеніи, и, какъ говорила своимъ приближеннымъ, сама влюбилась въ него.

Сообщая Гримму о пріѣздѣ Густава, императрица писала, что онъ имѣетъ величественную и привлекательную наружность, что на лицѣ его выражаются умъ и пріятность. По словамъ Екатерины, онъ былъ «рѣдкій молодой человѣкъ» и безъ сомнѣнія — добавляла она — въ настоящее время ни одинъ тронъ въ Европѣ не можетъ похвалиться такими надеждами, какъ шведскій. Съ добрымъ сердцемъ король, по наблюденію императрицы, соединялъ утонченную вѣжливость, благоразуміе и сдержанность, болѣе нежели сколько можно было бы ожидать, судя по его лѣтамъ. Короче сказать, Екатерина находила Густава очаровательнымъ юношею. Нѣсколько позднѣе она такъ описывала короля: «наружность его прелестна, черты лица прекрасныя и правильныя, глаза

большіе и живые, осанка величественна, онъ довольно высокъ ростомъ, но худощавъ и проворенъ. Онъ любитъ прыгать и танцовать и вообще охотникъ до тѣлесныхъ упражненій, въ которыхъ проявляетъ ловкость». Екатерина считала его лучшимъ изъ всѣхъ современныхъ ей государей, подающимъ большія надежды, и думала, что ему не достаетъ только опытности и обстановки умными людьми.

Одновременно съ этимъ, графъ А. Р. Воронцовъ въ тагихъ словахъ описываетъ Густава IV: «король строенъ, средняго роста, волосы у него рыжіе; въ физіономіи его особенно выдаются большіе глаза подъ цвѣтъ волосъ, но они выражаютъ только хладнокровіе».

Представляясь въ первый разъ императрицѣ, король, почтительно подойдя къ ней, хотѣлъ поцѣловать у ней руку, но государыня не допустила его до этого.

— Я никогда не забуду—сказала Екатерина, что графъ Гага—король.

— Если ваше величество—возразилъ на это находчивый юноша—не желаете дозволить мнѣ такой чести какъ императрица, то дозвольте, по крайней мѣрѣ, эту честь какъ женщина, къ которой я исполненъ не только уваженія, но и удивленія.

Затѣмъ Густаву предстояло свиданіе съ Александрой, а у ней въ ту пору, какъ нарочно, было большое горе. 14-го числа пропала ея собачка, и она проплакала весь вечеръ этого дня и все слѣдующее утро. Глаза ея отъ слезъ сдѣлались красны, и воспитательница великой княжны, баронесса Ливенъ, при видѣ такой бѣды, по словамъ императрицы, чуть не умерла со страха.

Но вотъ наступила минута первой встрѣчи Густава и Александры. Сердце подсказывало жениху и невѣстѣ, что за ними есть маленькій грѣшокъ, такъ какъ они уже заочно были влюблены другъ въ друга, а теперь имъ приходилось выдать эту тайну въ ту минуту, когда глаза всей придворной толпы съ такимъ любопытствомъ были устремлены на нихъ. При встрѣчѣ невѣсты король покраснѣлъ, а на щекахъ великой княжны вспыхнулъ тотъ жгучій румянецъ юности, отъ котораго въ глазахъ выступаютъ слезы. Оба они смѣшались, застыдились и не могли промолвить другъ другу ни одного

слова, но императрица ободрила ихъ, отрекомендовавъ взаимно и жениха и невѣсту.

Король чрезвычайно полюбился всѣмъ: онъ былъ вѣжливъ, простъ и обходителенъ, каждое слово его было обдуманно; онъ обращалъ вниманіе на серьезные предметы, и разсудительные его разговоры казались даже несвойственными его юношескому возрасту; при всякомъ случаѣ онъ обнаруживалъ познанія, свидѣтельствовавшія объ его тщательномъ воспитаніи. Степенность, подобающая его высокому сану, не покидала его ни на минуту. Вся пышность императорскаго двора, которую старались выставить передъ нимъ, повидимому, нисколько не поражала его. При многочисленномъ и блестящемъ дворѣ Екатерины онъ не стѣснялся нисколько — и держалъ себя гораздо развязнѣе и находчивѣе, нежели его сверстники, великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи. Сама императрица — по свидѣтельству современника Массона, участвовавшаго въ воспитаніи великихъ князей — съ грустью высказывала въ кругу близкихъ ей лицъ, что она видитъ большую разницу между королемъ и своимъ младшимъ внукомъ Константиномъ. Графъ Гага не только понравился, но и расположилъ къ себѣ всѣхъ, что̀ — какъ замѣчаетъ Екатерина въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму — случается въ Петербургѣ очень рѣдко.

Графъ А. Р. Воронцовъ писалъ о немъ слѣдующее: «Король говоритъ мало, ничего не скажетъ не кстати, голосъ его басистый и монотонный. Онъ пристрастенъ къ военному искусству и желаетъ подражать Карлу XII. Съ тѣхъ поръ, какъ король въ Петербургѣ, онъ еще ни разу не улыбнулся».

Въ числѣ лицъ, поспѣшившихъ выразить свое сочувствіе новоприбывшему гостю, былъ и Державинъ, который въ видѣ надписи къ портрету графа Гага, сочинилъ слѣдующее изящно-льстивое четверостишіе:

Ты скрылъ величество, но видимъ и въ ночи
Свѣтила сѣверна сіяющи лучи.
Теки на высоту свой блескъ соединить
Съ прекраснѣйшей изъ звѣздъ, чтобъ смертнымъ счастье лить!...

VI.

Говоря о королѣ, нужно упомянуть и объ его спутникѣ—явившемся, какъ мы сказали, подъ именемъ графа Ваза. Графъ Воронцовъ въ письмѣ къ брату своему въ Лондонъ отзывался о регентѣ въ слѣдующихъ словахъ: «дядя короля смахиваетъ на шарлатана. Съ игривостью ума онъ соединилъ манеры полишинеля, и это придаетъ ему видъ стараго шалуна».

Совсѣмъ иначе отзывается о регентѣ Массонъ. Онъ пишетъ: «регентъ, повидимому, любовавшійся своимъ питомцемъ, когда ему расточали похвалы—человѣкъ очень малаго роста; манеры его непринужденныя, обращеніе вѣжливое, съ виду онъ наблюдателенъ и хитеръ, въ глазахъ свѣтится много ума. Все, что онъ говоритъ, обнаруживаетъ въ немъ человѣка разсудительнаго; рѣчи его заставляютъ призадумываться».

Въ то время, когда переговоры о бракѣ велись въ Петербургѣ дипломатическимъ порядкомъ, самъ Густавъ счелъ нужнымъ открыться императрицѣ въ своей любви къ ея внучкѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ своего пріѣзда, онъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ государынѣ въ Таврическій дворецъ. Послѣ стола императрица вышла въ садъ и сѣла на скамейку подъ деревьями. Король тоже пришелъ туда и присѣлъ возлѣ нея. Остальное общество пило кофе въ нѣкоторомъ отдаленіи на лужайкѣ. Увидя себя на-единѣ съ императрицею, Густавъ сказалъ, что пользуется этой удобной минутой, для того, чтобъ открыть передъ ней свое сердце, и послѣ нѣкотораго замѣшательства высказалъ, что чувствуетъ непреодолимую любовь къ Александрѣ Павловнѣ и желалъ бы жениться на ней.

Такое заявленіе какъ нельзя болѣе пришлось по душѣ Екатеринѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, помимо другихъ препятствій политическаго свойства, она сочла нужнымъ напомнить сватающемуся жениху о томъ затрудненіи, въ какое онъ ставитъ ее и великую княжну, имѣя разомъ двухъ невѣстъ.

Императрица сказала, что, по дружбѣ къ королю, она выслушала его сердечныя объясненія, но что прежняя его помолвка съ принцессой мекленбургской не позволяетъ ему сдѣлать новое предложеніе, пока имѣетъ силу прежнее. Король согласился съ справедливостію такого замѣчанія, но всетаки просилъ императрицу дать предварительное согласіе на его предложеніе и до времени хранить все дѣло въ глубокой тайнѣ.

Императрица потребовала нѣсколько дней на размышленіе, а между тѣмъ поспѣшила увѣдомить родителей невѣсты, жившихъ въ Гатчинѣ, о предложеніи, сдѣланномъ ихъ дочери.

Теперь передъ нами открывается закулисная сторона начавшагося сватовства. Въ семействѣ Екатерины, какъ и въ каждомъ семействѣ заурядныхъ смертныхъ, начались хлопоты, близко напоминающія обыкновенную ловлю жениха, не смотря на ту величавую обстановку, посреди которой являлось подобное предпріятіе въ настоящемъ случаѣ. Бабушка и мать невѣсты сильно волнуются, стараются сблизить молодую парочку, заботливо слѣдятъ за женихомъ, принимая къ сердцу и толкуя по-своему каждое его слово. Молоденькая великая княжна является обыкновенной дѣвушкой-невѣстой, ей нѣтъ ни до чего дѣла, у ней въ мысляхъ одинъ только женихъ, все прочее на время забыто, забыта и ненайденная еще, прежде такъ горько оплакиваемая, собачка.

Среди всѣхъ этихъ семейныхъ тревогъ оставался спокоенъ по-прежнему родитель невѣсты, великій князь Павелъ Петровичъ, который постоянно держался вдали отъ двора. Онъ жилъ и теперь, какъ и прежде, въ Гатчинѣ, занимаясь тамъ, какъ и всегда, воинской экзерцировкой и вахтъ-парадами. Въ продолженіе шестинедѣльнаго пребыванія короля въ Петербургѣ, онъ не болѣе трехъ разъ пріѣзжалъ въ столицу. При дворѣ на него обращали мало вниманія, а самъ онъ, какъ казалось, не слишкомъ безпокоился о предстоящемъ бракѣ его дочери, предоставивъ весь вопросъ объ этомъ на усмотрѣніе великой княгини и императрицы. Блестящая свита короля не приглянулась и не полюбилась Павлу Петровичу. Ему крѣпко не нравилось, что шведы вмѣсто того, чтобъ надѣвать мундиры, ходили въ новомодныхъ фракахъ,

замѣняя треуголки круглыми шляпами—этимъ ненавистнымъ для него революціоннымъ головнымъ уборомъ. Такой только «гнусной» одежды вполнѣ было достаточно для того, чтобъ охладить Павла Петровича къ пріѣзжимъ гостямъ, и онъ, человѣкъ прямодушный, врагъ всякаго притворства, обходился съ ними не слишкомъ любезно, и только частыя внушенія императрицы сдерживали его въ предѣлахъ вѣжливости, такъ строго требуемой придворнымъ этикетомъ. Король тоже не чувствовалъ симпатіи къ будущему своему тестю и только дважды навѣстилъ его: одинъ разъ въ Гатчинѣ, а другой—въ Павловскѣ.

Совершенно иначе держала себя въ это время великая княгиня Марія Ѳеодоровна: она безпрестанно ѣздила изъ Гатчины въ Петербургъ, заботясь какъ о судьбѣ своей дочери, такъ и о томъ, чтобъ, присутствуя на праздникахъ, хотя наружно поддержать права и обязанности матери, потому что въ сущности все дѣло о сватовствѣ было въ рукахъ самой императрицы. Поѣздки въ Петербургъ изъ Гатчины великой княгини, часто даже не имѣвшей возможности пообѣдать какъ слѣдуетъ и потому забиравшей съ собою въ дорогу легкую холодную закуску, чрезвычайно утомили ее.

— Если мнѣ также затруднительно будетъ выдавать замужъ и остальныхъ моихъ дочерей, то я, чего добраго, умру въ дорогѣ—говорила окружающимъ великая княгиня, измученная и физически, и нравственно.

Сватовство между тѣмъ шло своимъ чередомъ: имъ заправляла умная и расторопная бабушка.

19-го августа, на балѣ у графа Самойлова, король вошелъ въ круглую залу, гдѣ сидѣла императрица. Такъ какъ она обѣщала дать ему отвѣтъ о согласіи на бракъ великой княжны чрезъ три дня, а срокъ этотъ уже прошелъ, то на вопросъ короля, когда ея величество исполнитъ свое обѣщаніе,—императрица отвѣчала, что исполнитъ тотчасъ, какъ только онъ освободится отъ своихъ обязательствъ съ герцогинею мекленбургской и что тогда она будетъ готова выслушать формальное его предложеніе.

Въ отвѣтъ на это король пробормоталъ нѣсколько фразъ благодарности и увѣренія въ дружбѣ.

Послѣ этого, разговоръ между нимъ и императрицею пе-

решелъ на другіе предметы, и когда императрица встала, чтобъ идти въ Большую залу, Густавъ задержалъ ее, говоря, что, какъ честный человѣкъ, онъ обязанъ теперь же объявить ей, что основные законы Швеціи требуютъ, чтобъ королева исповѣдывала одну религію съ королемъ.

Король сказалъ это, поддавшись внушеніямъ, сдѣланнымъ ему со стороны регента.

— Мнѣ извѣстно, возразила императрица — что законы въ Швеціи были чужды вѣротерпимости въ началѣ введенія тамъ лютеранства, но что впослѣдствіи покойный король, вашъ отецъ, издалъ, при участіи самихъ лютеранскихъ епископовъ, новый законъ, который дозволяетъ всѣмъ, не исключая и короля, вступать въ бракъ съ невѣстой, исповѣдующей ту религію, которую онъ найдетъ подходящею.

Не отвергая прямо этого, король выразилъ, однако, опасеніе, чтобъ умы его подданныхъ не взволновались противъ него.

— Вашему величеству лучше знать, какъ слѣдуетъ поступать, замѣтила не безъ нѣкотораго раздраженія Екатерина, принявъ серьезный видъ.

Густавъ началъ снова бормотать что-то, со слезами на глазахъ, но Екатерина, не отвѣчая ничего, медленно вошла въ Большую залу.

Разговоръ этотъ привелъ государыню къ тому заключенію, что, какъ кажется, у молодого короля доброе и чувствительное сердце, но что при этомъ надобно принять въ соображеніе, что ему только семнадцать лѣтъ.

Вопросъ о разновѣріи будущей четы сталъ теперь безпокоить Екатерину. Что же касается отказа соперницѣ ея внучки, то, повидимому, она была насчетъ этого спокойна.

Такъ надобно заключить по письму ея къ Гримму отъ 1-го сентября. Въ этомъ письмѣ она писала:

«Говорятъ, будто курьеръ уже готовъ отправиться съ формальнымъ отказомъ къ принцессѣ мекленбургской. Прежде этого я, конечно, не могла и слышать о предложеніи. Но нужно сказать правду: онъ не можетъ скрыть своей любви. Молодой человѣкъ пріѣхалъ сюда грустный, задумчивый, смущенный, а теперь его не узнаешь: весь онъ проникнутъ радостью и счастьемъ. Завтра три недѣли какъ онъ здѣсь, и,

Богъ знаетъ, когда уѣдетъ, а между тѣмъ осень приближается».

Балы, которые давались въ Петербургѣ въ честь короля, служили мѣстомъ сближенія жениха и невѣсты. Во время танцевъ они постоянно составляли особую пару и могли говорить между собою безъ надзора за ними со стороны постороннихъ лицъ.

Балами пользовалась также и императрица для того, чтобъ заводить съ Густавомъ бесѣду о невѣстѣ.

На второмъ балѣ, бывшемъ у графа Самойлова, 26-го августа, великая княжна подсѣла къ своей матери и сказала, что она сейчасъ говорила съ отцомъ, который далъ ей свое благословеніе и просила мать сдѣлать тоже.

Во время этого разговора подошелъ регентъ, и разговоръ перешелъ на Стокгольмъ и на тамошнее общество. Въ продолженіе бала регентъ былъ молчаливъ и мраченъ, а король казался смущеннымъ и, сидя между великою княгинею и великою княжною, говорилъ отрывисто и вяло. Король мало разговаривалъ въ этотъ вечеръ и вообще былъ менѣе обыкновеннаго разговорчивъ. По поводу этого при дворѣ принялись болтать, что дѣло, какъ кажется, нейдетъ на ладъ.

На балѣ у графа Безбородко, бывшемъ 28-го августа, король держалъ себя совершенно иначе. Онъ оказывалъ постоянное и особое вниманіе Александрѣ Павловнѣ и танцовалъ почти только съ нею одною. Когда же послѣ минуэтовъ онъ увидѣлъ, что дѣти просили у Маріи Ѳеодоровны позволенія протанцовать еще одинъ контрдансъ, то подошелъ къ регенту и сказалъ ему что̀-то на ухо. Регентъ засмѣялся отъ всей души и на вопросъ великой княгини о причинѣ смѣха отвѣчалъ: «король спросилъ меня, получили-ли великія княжны позволеніе танцовать еще? и когда я отвѣчалъ утвердительно, то онъ проговорилъ: въ такомъ случаѣ и я буду танцовать».

Густавъ снова ангажировалъ великую княжну Александру Павловну. На балѣ у Безбородко они часто и по долгу сидѣли вмѣстѣ, все время разговаривая и свободно, и весело. Регентъ, какъ казалось, былъ необыкновенно доволенъ и увѣрялъ, что никогда еще не приходилось ему ви-

дѣть короля такимъ веселымъ, какимъ онъ былъ въ Петербургѣ.

VII.

Всѣ недоразумѣнія, возникавшія при предполагаемомъ бракѣ короля съ великою княжною, должны были, повидимому, легко уладиться. Мекленбургской невѣстѣ предполагалось послать отказъ, а вопросъ о вѣроисповѣданіи королевы не представлялъ, какъ теперь казалось, особыхъ недоразумѣній.

Когда объ этомъ вопросѣ зашла однажды у короля рѣчь съ регентомъ, то этотъ послѣдній, крѣпко разсчитывая на упорный лютеранскій фанатизмъ своего питомца, совершенно хладнокровно сказалъ ему, что онъ, Густавъ, лучше всего сдѣлаетъ, если по поводу этого вопроса обратится къ своей совѣсти. Регентъ, однако, обманулся въ своемъ разсчетѣ, такъ какъ на первый разъ влюбленный юноша легко помирился съ своею религіозною совѣстью, забывъ для обворожившей его дѣвушки и догматы Лютера и внушенія своихъ протестантскихъ наставниковъ объ еретичествѣ греческой церкви.

Поладивъ съ своею совѣстью, король хотѣлъ воспользоваться, для окончательнаго рѣшенія дѣла о бракѣ, своею державною властью, и когда однажды великая княгиня Марія Ѳеодоровна заговорила съ нимъ о томъ затрудненіи, какое, къ сожалѣнію, представляетъ разновѣріе жениха и невѣсты, то Густавъ рѣшительно и твердо замѣтилъ, что такъ какъ онъ король, а императрица съ своей стороны изъявила согласіе на бракъ своей внучки, то все должно устроиться.

Кромѣ того, онъ, стараясь сколь возможно болѣе уклоняться отъ рѣшительнаго разговора по поводу различія религій, высказывалъ, что, въ уваженіе къ предразсудкамъ русскаго народа, невѣста его не будетъ вынуждена отречься формально отъ своег· вѣроисповѣданія.

Съ своей стороны и императрица Екатерина намѣревалась повести дѣло въ силу своей верховной власти.

Проникнувъ коварные замыслы регента, она рѣшилась предупредить ихъ, и съ этою цѣлью, обратилась къ избраннымъ изъ среды духовенства лицамъ съ секретнымъ вопро-

сомъ: возможно ли будетъ въ виду чрезвычайныхъ интересовъ государства, чтобы великая княжна отреклась по внѣшности отъ греческой церкви и приняла лютеранскую вѣру? На этотъ вопросъ духовные отвѣчали отрицательно, добавивъ впрочемъ, что воля самой государыни выше ихъ мнѣнія. Между тѣмъ герцогъ черезъ своихъ агентовъ распускалъ въ Петербургѣ слухъ, что король никоимъ образомъ не согласится вступить въ бракъ съ великою княжною, если невѣста не присоединится къ лютеранской церкви. Молва объ этомъ дошла до императрицы и поставила ее въ чрезвычайное затрудненіе.

Встрѣчая препятствія со стороны религіозной при обрученіи короля съ великою княжною императрица могла предвидѣть, что они повторятся и при самомъ бракѣ, при чемъ независимо отъ этого можетъ прибавиться еще новый вопросъ о мѣстѣ бракосочетанія короля. Желая предрѣшить это, императрица поручила синоду разсмотрѣть вопросъ на будущія времена о бракѣ особы, состоящей въ другой религіи, съ особою изъ императорскаго дома на случай, если бы востребовалось быть обрученію и вѣнчанію заочно черезъ повѣренныхъ, а также и на такой случай, если бы обрученіе совершилось уже лично, а оставалось бы совершить черезъ повѣренныхъ одно только бракосочетаніе.

9-го сентября 1796 года синодъ разсматривалъ этотъ вопросъ и указалъ на то, что еще въ 1721 году всякаго званія и состоянія православнаго исповѣданія людямъ разрѣшено вступленіе въ бракъ съ иновѣрцами и что въ сдѣланныхъ при томъ объясненіяхъ упомянуто о дщеряхъ великихъ князей россійскихъ, вступавшихъ въ браки за высокихъ особъ другихъ религій, и въ положеніи синода объяснено, что «высочайшія и самодержавныя власти имѣютъ къ таковымъ бракамъ собственныя, иногда великія нужды и оберегательство крѣпчайшее дѣлаютъ своими контрактами». Затѣмъ синодъ сослался на «Кормчую книгу» и привелъ изъ нея слѣдующія мѣста: «обрученіе кто творитъ и самъ собою и ходатаи и посланіемъ писанія» и далѣе: «мужъ въ отшествіи отъ дому своего можетъ ходатаемъ или посланіемъ писанія, сирѣчь, граматами бракъ сотворити и жену въ свой домъ привести».

На основаніи этого, синодъ постановилъ, что «если въ

тѣхъ контрактахъ, которые самодержавными властями дѣлаются, будетъ означена и довѣренность избраннымъ отъ нихъ другимъ лицамъ, присутствовать вмѣсто ихъ, при обрядахъ обрученія и бракосочетанія заочно, то какъ обрученіе, такъ и браковѣнчаніе по чиноположенію церковному безпрепятственно совершить можно потому, что обрученіе и браковѣнчаніе по разуму благочестивой христіанской вѣры, имѣетъ все свое основаніе на взаимномъ сочетавающихся согласіи, кольми же паче, если обрученіе высокихъ особъ въ личномъ ихъ присутствіи совершается» *).

Между тѣмъ баронъ Армфельдъ, остававшійся пока въ тѣни и жившій въ Петербургѣ инкогнито, продолжалъ по прежнему хлопотать о томъ, чтобъ уладить задуманный бракъ. Онъ видался съ королемъ секретно и внушалъ ему, что регентъ строитъ козни, что онъ, регентъ, выставляетъ препятствія къ браку потому только, что желаетъ побудить императрицу овладѣть Финляндіею, которая потомъ будетъ отдана ему, герцогу, въ пожизненное владѣніе. Армфельдъ внушалъ также королю не заботиться о различіи религій и предоставить королевѣ оставаться въ той вѣрѣ, въ какой она родилась. Король сообщилъ объ этомъ регенту, который напугалъ Густава возстаніемъ въ Швеціи, если королева не будетъ лютеранкою. Вслѣдствіе этого, Густавъ нашелъ, что если бы регентъ замышлялъ похитить королевскую власть, то онъ конечно, не сталъ бы дѣлать предостереженій подобнаго рода, но, напротивъ, велъ бы дѣло такъ, чтобъ подготовить возстаніе, которое могло окончиться низложеніемъ съ престола Густава IV. Вообще король сильно колебался: его тянули — въ одну сторону суровый Лютеръ, а въ другую прекрасная Александра. Король, однако, рѣшился вступить въ бракъ съ великою княжною, и баронъ Стедингъ въ торжественной аудіенціи просилъ ея руки для Густава IV, послѣ того какъ мекленбургской принцессѣ было сообщено объ отказѣ короля жениться на ней.

Отношенія между женихомъ и невѣстой становились все

*) Такимъ образомъ каноны православной нашей церкви допускаютъ заочное совершеніе обрядовъ обрученія и бракосочетанія, но законы гражданскіе не допускаютъ этого, требуя, чтобы бракъ совершался всегда въ присутствіи жениха и невѣсты.

ближе и ближе. Молодая парочка видѣлась безпрестанно, король и великая княжна танцовали, дружески разговаривали, императрица относилась къ Густаву какъ къ жениху и поощряла нѣжныя чувства какъ его, такъ и невѣсты, и даже однажды, шутя, позволила поцаловаться имъ. Послѣ этого предстоящій бракъ не былъ уже ни для кого тайною.

Екатерина замѣчала, что женихъ нравится невѣстѣ, что она уже не смущалась, какъ это случалось съ нею въ первое время, и что ей весело было съ нимъ.

«Надобно признаться, что это хорошая парочка — писала императрица Гримму. Никто не входитъ въ ихъ дѣла, никто не мѣшаетъ имъ и повидимому все устроится или, по крайней мѣрѣ, наладится до отъѣзда короля, который однако не думаетъ уѣзжать, хотя 1-го ноября наступитъ его совершеннолѣтіе».

Густава чествовали въ Петербургѣ, но чествовали собственно его не какъ короля, а какъ лицо, готовившееся вступить въ императорское семейство. Сама императрица называла его «roitelet» — королекъ, и подсмѣивалась надъ его пышностію, замѣчая, что многіе русскіе вельможи, какъ, напримѣръ, Орловы, Безбородко и Строгановъ, несравненно богаче его. Эти богачи-вельможи, задавали королю-жениху роскошные пиры. Петербургское высшее общество веселилось, и престарѣлая Екатерина, казалось, отъ радости помолодѣла нѣсколькими годами и уже давно не была такъ весела и бодра, какъ теперь. Она ѣздила на балы къ упомянутымъ вельможамъ и такъ какъ, будучи слаба ногами, съ трудомъ поднималась на лѣстницу, то въ тѣхъ домахъ, гдѣ давались балы, устроивали, въ замѣнъ лѣстницъ, покатые богато-отдѣланные всходы. Графъ Безбородко, изумившій короля необыкновенною роскошью своего жилища и богатствомъ своей обстановки, только на устройство одного такого всхода истратилъ 5,000 тогдашнихъ серебряныхъ рублей. Такая громадная застрата на одинъ лишь этотъ предметъ даетъ понятіе о томъ великолѣпіи, какое нашелъ Густавъ въ домѣ хохла-вельможи. Кромѣ баловъ, короля угощали великолѣпными фейерверками, надъ изготовленіемъ которыхъ лично хлопоталъ заслуженный и старый артиллерійскій генералъ Мелессино, одинъ изъ искуснѣйшихъ пиротехниковъ, когда либо существовавшихъ не

только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ. Угощали такъ же Густава смотрами и парадами войска.

Петербургъ давно уже такъ не веселился, какъ веселился онъ въ эту пору, и по поводу безпрестанно происходившихъ здѣсь увеселеній великій князь Александръ Павловичъ, 13-го октября 1796 года, писалъ своему бывшему наставнику Лагарпу слѣдующее.

«По возвращеніи съ дачи, которою я вовсе не пользовался, пріѣхалъ шведскій король; новая суета, праздники, балы, увеселенія всякаго рода и все это каждый день, такъ что голова идетъ кругомъ,—и все это безъ малѣйшаго удовольствія, потому что къ нимъ примѣшалась церемонность».

Спектакли были одною изъ главныхъ увеселительныхъ статей, но при этомъ вышелъ слѣдующій забавный случай. Въ спискѣ пьесъ, назначенныхъ для театральныхъ представленій, помѣстили между прочимъ балетъ: «Обманутый опекунъ». Императрица поспѣшила исправить эту оплошность, отмѣнивъ представленіе балета, который могъ бы показаться намекомъ на королевскаго опекуна, герцога Зюдерманландскаго.

Дѣло близилось къ концу, и Державинъ принялся сочинять стихи, соотвѣтствовавшіе предстоящему торжеству. Онъ написалъ хоръ, который предполагалось исполнить при обрученіи царственной четы. Хоръ этотъ начинался слѣдующею строфою:

Орлы и львы соединились,
Героевъ храбрыхъ полкъ возросъ,
Съ громами громы породнились,
Поцѣловался съ шведомъ россъ.

Упоминаніе въ этихъ строкахъ объ орлахъ и львахъ было намекомъ на соединеніе при будущемъ бракѣ двухъ государственныхъ гербовъ Россіи и Швеціи.

Каждая строфа этого торжественнаго хора сопровождалась такимъ припѣвомъ:

Сіяньемъ Сѣверъ украшайся,
Ликуй Петровъ и Карловъ домъ,
Екатерина наслаждайся
Симъ славнымъ рукъ твоихъ плодомъ.

Не довольствуясь этимъ, Державинъ подготовилъ и другой

еще стихотворный запасъ. Онъ написалъ еще торжественный хоръ для польскаго. Въ этомъ произведеніи, онъ, обращаясь къ молодой четѣ, восклицалъ:

Ваше вѣчное согласье
Вамъ подастъ веселы дни,
Насадитъ народамъ счастье
Мира сладкаго въ тѣни!

Такими же пророческими восклицаніями отличалась и заключительнаа строфа этого хора. Въ ней пѣлось:

Да будетъ въ вѣкъ благословенна
Порфирородная чета,
Въ Россіи, въ Швецьи насаждена
Премудрость, храбрость, красота!

Поводовъ къ такимъ піитическимъ заготовкамъ было, повидимому, весьма достаточно. О благополучномъ исходѣ дѣла думалъ не одинъ Державинъ, но и всѣ лица, состоявшія при дворѣ императрицы. Такъ, напримѣръ, графъ А. Р. Воронцовъ писалъ отъ 7-го сентября своему брату въ Лондонъ:

«Всѣ затрудненія устранены, и уже три дни великая княжна считается невѣстою. Послѣ обѣда она бываетъ у матери, или у старшаго брата, гдѣ бываетъ и король. Деньги до такой степени подѣйствовали на рыцарство (ordre Equéstre), что оно прислало сюда депутатовъ просить отмѣнить бракъ съ принцессою мекленбургскою и просить въ замужество великую княжну. Впрочемъ, я думаю, что регентъ и его министръ, видя приближеніе той поры, когда король неизбѣжно ускользнетъ отъ ихъ власти, желали сами обдѣлать свои дѣла. Говорятъ, что бракъ этотъ съ подарками стоитъ уже 2,000,000 рублей. Свита короля многочисленная и отборная, но шведы смѣшны, они или надмеваются или принижаются». Въ концѣ этого письма Воронцовъ прибавлялъ: «императрица объявила, что въ свитѣ королевы не будетъ никого изъ русскихъ. Одна только Ливенъ проводитъ ее въ Стокгольмъ».

VIII.

Дѣло такимъ образомъ шло на ладъ, и нѣкоторыя подробности о сближенія жениха и невѣсты сохранились въ письмахъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны къ ея супругу («Русск. Стар.» 1874 г.).

5-го сентября, она писала Повлу Петровичу, что передала императрицѣ его замѣчаніе о томъ, что король влюбленъ въ малютку (la petite), т. е., что онъ имѣетъ на нее виды. При этомъ государыня спросила, говорилъ ли онъ самъ объ этомъ великому князю? — но на этотъ вопросъ — добавляетъ Марія Ѳеодоровна — я не съумѣла отвѣтить.

Отъ того же числа, но нѣсколькими часами позже, она писала: «Пишу къ вамъ два слова, покуда наши женихъ и невѣста сидятъ другъ возлѣ друга и тихо разговариваютъ. Генеральша Ливенъ, Елена и я готовили пасту для слѣпковъ, Анна играетъ, сидя на стулѣ; регентъ и Стедингъ около насъ разсматриваютъ камеи». Еще позднѣе, но опять въ тотъ же день, она сообщала: «свиданіе прошло чудесно и кончилось самыми нѣжными объясненіями». Отъ 7-го числа Марія Ѳеодоровно сообщала мужу: «императрица говоритъ, будто молодой женихъ такъ пламенно желаетъ видѣть малютку, что она даже не знаетъ, что ей дѣлать».

Марія Ѳеодоровна желала сама поскорѣе просватать свою дочь и подробно описывала свои старанія по этой части въ письмѣ къ императрицѣ отъ 7-го сентября:

«Повидимому, все устраивается по нашимъ желаніямъ... Разговоръ мой съ королемъ я начала съ того, что сказала ему, какъ грустить малютка, видя его печальнымъ, какъ безпокоится о немъ и просила его говорить со мною какъ съ другомъ. Король возразилъ: я уже просилъ ее успокоиться. сказавъ, что нѣтъ ничего опаснаго».

«Затѣмъ, поблагодаривъ меня за дружбу, которую я ему оказываю, прибавилъ: «когда она будетъ у меня въ Стокгольмѣ, то настанетъ конецъ всѣмъ моимъ печалямъ». Поймавъ его на словахъ, я отвѣчала: «но вы еще долго не будете видѣться. Вы любите другъ друга взаимно (этому пред-

шествовало множество увѣреній въ дружбѣ съ обѣихъ сторонъ и сожалѣніе о предстоящей разлукѣ), и я предвижу, что вы станете тосковать по ней, а она по васъ, будете взаимно тревожиться. Сочтите, на сколько мѣсяцевъ вы разстанетесь». Насчитали восемь мѣсяцевъ, и при этомъ счетѣ у молодаго человѣка выступили на глазахъ слезы. «Это очень долго», прибавила я. Онъ мнѣ сказалъ: «Да̀, это очень долго».

«Тогда у меня быстро мелькнула въ головѣ мысль, и я сказала: «вы говорили, что печали ваши окончатся, когда она будетъ въ Стокгольмѣ, почему же вамъ не ускорить этой минуты?» На это онъ возразилъ: «я очень желалъ бы этого, но для того существуютъ только два времени года: осень и весна—зимою это невозможно». «Но,—замѣтила я, смѣясь,—отчего бы вамъ не жениться теперь?» Онъ отвѣчалъ: «дворъ не составленъ и аппартаменты не готовы».—«О,—возразила я, — что касается двора, то его составить не долго, а если кто кого любитъ, тотъ не обращаетъ вниманія на апартаменты». Тогда онъ отвѣчалъ: «но море опасно».

«Тутъ подала голосъ Александра, говоря: съ вами я всегда буду считать себя въ безопасности». Это весьма тронуло короля, у котораго во все время разговора были на глазахъ слезы. Я ему сказала: «довѣрьтесь мнѣ, Густавъ. Вы говорите, что желали бы поскорѣе кончить дѣло?»... «Очень бы этого желалъ, отвѣчалъ онъ,—но это зависитъ отъ герцога».

«Тогда я сказала: «что же, хотите ли, Густавъ, чтобы я переговорила съ императрицей? Принимаю это на себя и, безъ всякаго сомнѣнія, ея величество не поставитъ васъ въ ложное положеніе». Онъ отвѣчалъ: «да̀, ваше высочество, но чтобы она сдѣлала предложеніе регенту какъ бы отъ себя, а не отъ меня».

«Это онъ сказалъ съ чувствомъ и радостію. Съ увлеченіемъ благодарилъ меня, и разговоръ окончился выраженіемъ дружбы и нѣжности къ малюткѣ. Онъ часто цѣловалъ ея руки, обнималъ ее и говорилъ ей нѣжности. Онъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, что̀ продолжалось и во время ужина, и онъ при постороннихъ говорилъ съ малюткой и ласкалъ ее. Онъ увѣрялъ меня, что никому не скажетъ, о чемъ у насъ шло дѣло».

Разумѣется, впрочемъ, что обо всемъ происходившемъ было извѣстно Екатеринѣ, и она, вполнѣ увѣренная, что дѣло уже не можетъ разстроиться, поручила Зубову и Моркову уладить брачный договоръ, соотвѣтственно ея видамъ. Такимъ образомъ въ семействѣ Екатерины дѣло устроилось окончательно. Бабушка дала свое согласіе, и невѣстѣ оставалось только испросить благословеніе у ея отца. Она изложила эту просьбу въ письмѣ къ своей матери.

«Если бы графъ Гага,— писала великая княжна,— былъ еще въ Гатчинѣ, то я просила бы маменьку сказать ему отъ меня все то, что она сама сочтетъ нужнымъ, потому что маменькѣ извѣстны сердце и чувства ея дочери. Бабушка меня сегодня благословила. Жду съ нетерпѣніемъ счастья видѣть моихъ дорогихъ родителей, я смѣю надѣяться, что и они не откажутъ мнѣ въ той же милости».

Вслѣдъ затѣмъ шведскій посланникъ Стедингъ торжественно, на особой аудіенціи, просилъ отъ имени короля руки великой княжны для его величества и затѣмъ на 11 (22) сентября вечеромъ было назначено обрученіе.

Великая княгиня была чрезвычайно обрадована такимъ исходомъ дѣла.

«Добрый и дорогой мой другъ,—писала она мужу,—благословимъ Господа, обрученіе назначено въ понедѣльникъ вечеромъ въ Бриллiантовой залѣ». При этомъ она упомянула о тѣхъ лицахъ, которыя будутъ присутствовать при обрядѣ, а также о томъ, что обручальныя кольца будутъ золотыя съ вензелями жениха и невѣсты; что послѣ обрученія будетъ балъ и, въ заключеніе письма, спрашивала Павла Петровича, «будетъ ли у него времени пріѣхать на обрученіе его дочери?» На четвертый день послѣ отправки этого письма, она въ письмѣ своемъ къ великому князю высказывала надежду, что съ Божіею милостію все устроится къ взаимному удовольствію, такъ какъ самое трудное сдѣлано».

Разумѣется, что если самое близкое къ невѣстѣ лицо считало замужество великой княжны дѣломъ рѣшеннымъ, то никто уже не могъ ожидать, чтобъ при этомъ встрѣтились какія нибудь препятствія. Случилось, однако, то, чего не ожидалъ никто.

IX.

«День, назначенный для обрученія Александры Павловны. былъ, по словамъ Массона, днемъ величайшей скорби, даже днемъ величайшаго униженія, когда либо испытаннаго счастливою и самовластною Екатериною».

Всему двору пазначено было собраться въ парадномъ платьѣ въ Тронную залу Зимняго дворца къ семи часамъ вечера. Великую княжну одѣли какъ невѣсту. На ней—какъ трунили придворные остряки—въ этотъ вечеръ было столько бриллiантовъ, что цѣнность ихъ далеко превышала стоимость всѣхъ государственныхъ имуществъ шведской короны. Въ сопровожденіи младшихъ сестеръ и великихъ князей съ ихъ супругами, она вошла въ тронную залу, гдѣ находились уже всѣ придворные кавалеры и дамы, а также и Павелъ Петровичъ съ Маріею Ѳеодоровною явился туда къ назначенному времени. Сопутствуемая блестящею свитою, вошла туда и императрица; лицо ея было оживлено удовольствіемъ. Не доставало только жениха, и всѣ терялись въ догадкахъ, что могло бы задержать его. Между тѣмъ частые входы въ Тронную залу и выходы оттуда князя Зубова и нетерпѣніе, которое начало выражаться и на лицѣ, и въ движеніяхъ государыни, еще болѣе возбуждали общее недоумѣніе. По залѣ сталъ ходить сдержанный шопотъ. Пробило восемь часовъ, пробило и девять, а женихъ не являлся. Всѣ истомились отъ напраснаго ожиданія, не зная, чѣмъ объяснить такую невѣжливость со стороны благовоспитаннаго молодаго человѣка. Императрица волновалась все сильнѣе и сильнѣе. Прежній шопотъ, прежде глухо ходившій по залѣ, обратился постепенно въ громкій ропотъ. Всѣ находили, что «мальчишка» позволилъ себѣ неслыханную дерзость...

Былъ уже десятый часъ въ исходѣ, когда совершенно растерявшійся князь Зубовъ подошелъ къ императрицѣ и что-то таинственно шепнулъ ей на ухо. Быстро встала императрица съ креселъ. Лицо ея сперва побагровѣло, а потомъ сдѣлалось вдругъ мертвенно-блѣднымъ. Заикаясь, она съ трудомъ проговорила нѣсколько безсвязныхъ словъ, и затѣмъ

безъ чувствъ опустилась въ кресло — ее поразилъ апоплексическій ударъ. Присутствующимъ объявили, что обрученія не будетъ, по случаю внезапной болѣзни короля, но всѣ догадались, что это не болѣе какъ только предлогъ и что обрученіе не состоялось по какой-либо другой причинѣ, объявить о которой найдено было неудобнымъ.

Графъ Морковъ, главный участникъ происходившихъ о бракѣ переговоровъ, при началѣ собранія самодовольно ходилъ по залѣ съ приторными ужимками французскаго маркиза, то поднося къ носу флаконъ съ духами, то понюхивая кончиками пальцевъ по маленькой щепоточкѣ табаку изъ великолѣпной бриллiантовой табакерки и раскланиваясь по всѣмъ правиламъ танцовальнаго искусства. Но теперь напыщенное его самодовольство въ одно мгновеніе исчезло. Онъ остолбенѣлъ, не зная, что̀ ему дѣлать.

Неуклюжій Безбородко съ спущенными внизъ чулками, въ великолѣпномъ, расшитомъ и украшенномъ алмазами кафтанѣ совершенно растерялся. Растопыривъ руки и ноги, онъ безсознательно смотрѣлъ на одну точку и сопѣлъ чуть не на всю залу.

Послѣ перваго ошеломленія, Морковъ забралъ изъ рукъ князя Зубова бумаги и опять побѣжалъ со всѣхъ ногъ къ королю, намѣреваясь объяснить ему, что императрица ждетъ его въ Тронной залѣ. Но приглашеніе короля было бы уже запоздалымъ. Князь Зубовъ и другія бывшія около Екатерины лица съ трудомъ приподняли ее съ креселъ и, поддерживая подъ руки, вывели изъ залы.

У невѣсты едва достало силы дойти до своихъ покоевъ; здѣсь она, не будучи въ состояніи удержаться отъ слезъ и рыданій, испытала страшное нервное потрясеніе. Поспѣшно сбрасывала она съ себя пышные уборы, не сознавая, что̀ она дѣлаетъ. Назначенный на этотъ вечеръ балъ, однако, отмѣненъ не былъ.

Императрицу изъ Тронной залы отвели въ ея спальню, куда поспѣшилъ придти Павелъ Петровичъ, а великая княгиня Марія Ѳеодоровна пошла въ комнату своей дочери, откуда она послала своему мужу слѣдующую записку: «Малютка рыдаетъ и именемъ Бога проситъ, чтобъ ей не быть на балѣ, такъ какъ она не здорова. Я уговариваю ее одѣться, а она

умоляетъ, чтобъ ее оставили въ покоѣ. Она чрезвычайно взволнована».

Вмѣстѣ съ этой запиской была отправлена и другая, къ императрицѣ. Въ ней великая княгиня писала:

«Ваши нѣжныя заботы, ваши милости разсѣятъ эти тучи и возвратятъ разсудокъ тѣмъ, которые въ настоящую минуту его потеряли. Вся моя надежда на васъ, любезнѣйшая матушка. Наша бѣдная малютка въ отчаяніи».

Теперь все обрушилось на Моркова, который слишкомъ перехитрилъ, не настаивая на предварительномъ подписаніи брачнаго договора, но разсчитывая, что гораздо вѣрнѣе можно достичь цѣли, заставъ короля въ расплохъ.

Въ порывахъ сильнаго раздраженія, Екатерина не только выговаривала Маркову въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ за его оплошность, но, сохранилось извѣстіе, что гнѣвъ ея въ этомъ случаѣ дошелъ до того, что, въ добавокъ къ словеснымъ выговорамъ, она дала Моркову порядочную пощечину, а по другому разсказу, ударила его тростью.

Непріѣздъ Густава къ обрученію объясняется слѣдующимъ ходомъ дѣла:

Въ шесть часовъ роковаго вечера 11-го сентября, графъ Морковъ привезъ королю брачный договоръ, составленный имъ, Морковымъ, вмѣстѣ съ княземъ Зубовымъ. Густавъ началъ внимательно читать представленную ему бумагу и былъ крайне удивленъ, найдя, что въ договоръ внесены такія статьи, на которыя онъ не далъ предварительнаго согласія. Обратясь къ Моркову, онъ спросилъ, внесены ли эти статьи по приказанію императрицы? и, получивъ на свой вопросъ утвердительный отвѣтъ, возразилъ, что онъ не можетъ подписать такого договора. При этомъ, однако, онъ замѣтилъ, что не намѣренъ стѣснять свободу совѣсти великой княжны, что сама она можетъ исповѣдывать свою религію, но что онъ не въ правѣ дозволить ей имѣть въ королевскомъ дворцѣ церковь и причтъ, и что, кромѣ того, въ публикѣ и во всѣхъ церемоніяхъ она должна слѣдовать вѣроисповѣданію, господствующему въ странѣ.

Морковъ былъ ошеломленъ такою оговоркою короля. Онъ взялъ обратно бумаги и поспѣшилъ къ Зубову, чтобы доложить его свѣтлости объ упорствѣ жениха. По прошествіи

нѣкотораго времени Морковъ, страшно взволнованный, опять явился къ королю и доложилъ, что весь дворъ и императрица уже ожидаютъ его величество въ Тронной залѣ, что съ нею теперь невозможно уже вступить въ переговоры и что безъ всякаго сомнѣнія его величество не пожелаетъ довести дѣло до разрыва, такъ какъ это было бы неслыханнымъ оскорбленіемъ для государыни, для великой княжны и для всей имперіи.

Такъ какъ король не поддавался убѣжденіямъ Моркова, то къ нему поочередно приходили графъ Безбородко и многіе другіе, уговаривая и умоляя его подписать брачный договоръ. Шведы, окружавшіе короля, склоняли его къ уступкамъ. Регентъ съ своей стороны только заявилъ, что все зависитъ отъ самого короля. Онъ отвелъ Густава въ сторону, прошелся съ нимъ по комнатѣ и, какъ казалось, уговаривалъ его исполнить то, о чемъ его просятъ. Король, однако, громко отвѣчалъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Не могу, не хочу! Не подпишу!» И затѣмъ, выведенный изъ терпѣнія докучливыми просьбами русскихъ министровъ, онъ, повторивъ прямой и рѣзкій отказъ подписать что либо противное законамъ Швеціи, удалился въ свою комнату и заперъ за собою на ключъ двери. Массонъ разсказываетъ, что въ виду такого упорства короля, приближенные любимцы императрицы осмѣлились внушать ей, что необходимо прибѣгнуть къ насилію противъ находившагося въ ея власти Густава.

Такъ какъ на другой день послѣ этого происшествія, т. е. на 12-е сентября, былъ также назначенъ балъ по случаю рожденія великой княгини Анны Ѳеодоровны, супруги Константина Павловича, то между Маріею Ѳеодоровною и императрицею по поводу этого возникла переписка, показывающая то состояніе, въ какомъ находилась мать покинутой невѣсты.

«Признаюсь вамъ, любезнѣйшая матушка,—писала Марія Ѳеодоровна—что у меня глаза распухли и красны; всѣ увидятъ, что я плакала, къ тому же я кашляю. Если бы вы мнѣ позволили остаться дома, то сдѣлали бы мнѣ этимъ большую милость».

На эту записку Екатерина, оправившись отъ удара, отвѣчала на лоскуткѣ бумаги слѣдующее:

«О чемъ вы плачете? Что̀ отложено, то не потеряно. Трите глаза и уши льдомъ, примите бестужевскихъ капель. Никакого разрыва нѣтъ. Я была больна третьяго дня. Вы сердитесь на промедленіе, вотъ и все тутъ. Ваша дочь отъ этого нездорова. Впрочемъ вашъ мужъ передастъ вамъ, что я ему писала».

Трудно рѣшить, вѣрила ли сама императрица, что «разрыва не было», или же оскорбленная ея гордость удерживала ее отъ того, чтобы высказаться съ полною откровенностію даже передъ самыми близкими ей лицами.

Назначенный балъ отмѣненъ не былъ. На этотъ балъ явился король, императрица показалась лишь на одну минуту и не сказала Густаву ни слова. Великая княжна Александра Павловна не присутствовала по болѣзни. На этомъ балу король танцовалъ съ другими великими княжнами и, поговоривъ не долго съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, уѣхалъ, раскланявшись со всѣми вѣжливѣе обыкновеннаго. Послѣ этого бала дни придворныхъ торжествъ и блестящихъ праздниковъ внезапно смѣнились тишиною и скукою, и едва ли какой нибудь государь проводилъ при иностранномъ дворѣ, въ качествѣ гостя, болѣе непріятные и скучные дни, чѣмъ тѣ, какіе выпали теперь на долю шведскаго короля въ Петербургѣ. Послѣ несостоявшагося обрученія, императрица удалилась въ Таврическій дворецъ на цѣлый день, почти въ совершенное уединеніе, подъ предлогомъ освященія тамошней церкви; на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы скрыть отъ всѣхъ поразившую ее скорбь и совѣщаться тамъ съ духовенствомъ и приближенными лицами о томъ, какъ бы выдти изъ того затруднительнаго положенія, въ какое она была теперь поставлена.

По случаю разстройства брака Державинъ 6-го октября 1796 года писалъ въ Москву И. И. Дмитріеву: «Здѣшніе шумные праздники исчезли какъ дымъ. По сію пору не знаемъ, что̀ будетъ впередъ, а потому всѣ громы поэтовъ погребены подъ спудомъ, потому и я мою бездѣлицу не выпускаю, аще же вознесетъ благодать, пріидетъ желанный бракъ, то я тотчасъ же вамъ сіе сообщу».

X.

Благополучному исходу дѣла повредилъ въ особенности духовникъ короля, Флеммингъ, съ которымъ онъ посовѣтовался на-единѣ послѣ прочтенія договора. Этотъ фанатикъ-пасторъ прямо заявилъ своему духовному сыну, что допущеніе устройства въ королевскомъ дворцѣ иновѣрческой церкви поведетъ къ ниспроверженію въ Швеціи лютеранской вѣры и что вообще нельзя допустить подобнаго нечестія.

Императрица надѣялась, однако, уладить разстроившееся дѣло иными способами. На бывшемъ 12-го сентября въ Таврическомъ дворцѣ балѣ она приказала графу Моркову отправиться на слѣдующее утро къ шведскимъ уполномоченнымъ для передачи имъ проекта договора и для обсужденія отдѣльныхъ статей, а въ числѣ ихъ и статьи о вѣроисповѣданіи, въ которой они просили вычеркнуть слова: «православная, апостольская, греческая» и поставить въ замѣнъ того: «исповѣданіе, въ которомъ она родилась». Между тѣмъ на томъ же самомъ балу великая княгиня Марія Ѳеодоровна свидѣлась съ Густавомъ. Онъ былъ молчаливъ и не сказалъ ни слова на счетъ спорнаго вопроса, но Стедингъ говорилъ объ этомъ со слеазми на глазахъ и просилъ великую княгиню еще разъ переговорить съ королемъ, полагая, что дѣло уладится.

На другой день послѣ этого бала, князь Платонъ Зубовъ писалъ черезчуръ безтолково къ великому князю Павлу Петровичу слѣдующее: «Ни король, ни регентъ на врученныя имъ бумаги отъ ея императорскаго величества условія и на принятіе коихъ регентъ всемѣрно преклонить короля желалъ, въ чемъ усердно стараться обѣщалъ, до сихъ поръ никакой вновь отповѣди не сдѣлали, но полномочные всѣ единогласно говорили, что они и сами не настаиваютъ, такъ какъ король ихъ согласенъ «dans le principe et ne voulant point en avouer les consequences», самъ опровергаетъ все это, что̀ самъ же обѣщалъ; и что, бывъ убѣжденъ въ крайней нуждѣ и въ справедливости кончить все къ взаимному удовольствію, употребятъ они всѣ возможности согласить короля самого съ собою и довести его до исполненія общаго желанія; въ чемъ пред-

успѣть еще вовсе не отчаяваются. Объ отъѣздѣ же никто и ничего не говоритъ».

Но если Зубовъ думалъ такимъ письмомъ утѣшить хоть нѣсколько раздраженнаго великаго князя, то записка, посланная въ то же время императрицею къ великой княгинѣ, представляла дѣло въ иномъ видѣ, такъ какъ въ ней Екатерина не говорила уже ни о какихъ переговорахъ съ королемъ, а только сообщала своей невѣсткѣ, что «кузенъ Густавъ, какъ она, Екатерина, надѣется, станетъ укладывать свои пожитки».

Къ сыну же своему Екатерина писала: «Выдался такой день, въ который весь шведскій дворъ, всѣ, начиная съ короля и регента до послѣдняго слуги, съ утра до вечера, перессорились во всѣхъ этажахъ дома, послѣ чего каждый слегъ въ постель, сказавшись больнымъ. Два дня сряду посылала я освѣдомляться о ихъ здоровьѣ. Третьяго дня вечеромъ ко мнѣ приходилъ регентъ съ просьбою возобновить переговоры, потому что онъ выдалъ и подписалъ уполномочія. Я отвѣчала, что подумаю. Дѣйствительно, вчера состоялась конференція, на которой было рѣшено, что ратификація короля послѣдуетъ черезъ два мѣсяца послѣ его совершеннолѣтія. Тогда объяснится, фанатизмъ ли былъ съ его стороны или были происки регента».

14-е и 15-е сентября прошли въ переговорахъ, не подвинувшихъ, впрочемъ, дѣла впередъ. Король видѣлся съ императрицею, а у министровъ обѣихъ сторонъ было нѣсколько конференцій. Самъ же Густавъ выпутывался изъ затруднительнаго положенія, ссылаясь на то, что хотя по силѣ шведскихъ законовъ онъ не можетъ уступить желаніямъ императрицы, но посовѣтуется объ этомъ съ государственными чинами, которые соберутся въ день его совершеннолѣтія, и если они изъявятъ согласіе, чтобъ у нихъ была королева, исповѣдующая греческій законъ, тогда онъ отправитъ пословъ за великою княжною.

Императрица замѣтила, что король можетъ обручиться и теперь. Къ этому прибавляютъ, будто она предлагала, на случай, если-бы бракъ короля вызвалъ среди его подданныхъ волненія, предоставить ему для усмиренія ихъ свое войско.

Жестокое оскорбленіе, нанесенное королемъ ни въ чемъ

неповинной невѣстѣ, шведы оправдывали тѣмъ, что для устройства ея брака съ королемъ прежняя его невѣста потерпѣла, по требованію императрицы, подобное и даже еще большее оскорбленіе. Кромѣ этого, они ссылались на то, что сама Екатерина слишкомъ безцеремонно обращалась съ другими невѣстами-принцессами, вызвавъ въ Петербургъ двухъ дармштатскихъ, трехъ виртембергскихъ, двухъ баденскихъ и трехъ кобургскихъ, всего одиннадцать германскихъ принцессъ, для того, чтобъ ея сынъ и два ея внука могли выбрать себѣ по невѣстѣ, а прочихъ молодыхъ представительницъ владѣтельныхъ домовъ отпустить съ обиднымъ для нихъ отказомъ.

Марія Ѳеодоровна находила, что король велъ себя при вопросѣ о религіи своей невѣсты какъ суевѣрный ребенокъ, пропитанный ханжествомъ, внушеннымъ ему, быть можетъ, воспитаніемъ и, повидимому, поддерживаемымъ въ немъ окружавшими его. Великая княгиня надѣялась, впрочемъ, что время и размышленіе покажутъ ему, какъ онъ самъ разрушилъ готовившееся ему счастіе. Къ такому отзыву невѣстки императрица добавляла, что король чрезвычайно упрямъ и что онъ думаетъ такимъ свойствомъ походить на Карла XII, что̀ впрочемъ говоритъ не пользу зрѣлости его разсудка.

Сватовство Густава не обошлось безъ сплетенъ, отозвавшихся на ни въ чемъ неповинной великой княжнѣ. Король увѣрялъ императрицу, будто бы его невѣста обѣщала ему перемѣнить религію и перейти въ лютеранство, въ удостовѣреніе чего и подала ему свою руку. Императрица, зная, что великая княжна видѣлась съ женихомъ только въ присутствіи своей матери, гувернантки, сестеръ, регента и посланника и только однажды въ присутствіи своего старшаго брата и его жены, спросила внучку наединѣ, что говорилъ ей Густавъ о религіи? Александра Павловна съ свойственною ей невинностію и искренностію отвѣчала, что онъ ей говорилъ, будто бы въ день коронаціи она должна будетъ пріобщиться вмѣстѣ съ нимъ, на что̀ она ему отвѣчала: «охотно, если это можно и бабушка согласится». Послѣ этого онъ опять заговорилъ о причащеніи съ невѣстою, которая постоянно предлагала ему, для разрѣшенія вопроса, обратиться къ бабушкѣ.

Затѣмъ императрица спросила у внучки, давала ли она королю свою руку въ знакъ согласія?

— Никогда въ жизни! отвѣчала она съ естественнымъ испугомъ.

Объясненія эти дали поводъ императрицѣ написать Маріи Ѳеодоровнѣ, что она, императрица, «нашла въ своей внучкѣ всѣ чувства, какія ей только можно пожелать. Прекрасная какъ день, спокойная, простодушная — она очаровательна» — заключила Екатерина.

XI.

Кромѣ вопроса о бракѣ, явился теперь еще и другой крайне-щекотливый вопросъ объ отъѣздѣ короля. Никто, даже сама императрица, не знала, когда ему вздумается выбраться изъ Петербурга. Въ виду предстоящаго отъѣзда Густава, графъ Н. А. Салтыковъ, по повелѣнію государыни, сообщилъ Павлу Петровичу, что «по теперешнему положенію съ королемъ, весьма согласна и ея величество, чтобы вамъ для прощанья сюда не пріѣзжать, а по точномъ назначеніи его отсюда отъѣзда черезъ письмо съ нимъ распрощаться». Далѣе Салтыковъ писалъ: «о положеніи дѣлъ съ королемъ государыня приказала сказать вамъ, что теперь оныя все въ той же нерѣшимости, какъ вы ихъ оставили. Всѣ вообще согласны на все требуемое, кромѣ короля, а онъ не умѣетъ рѣшиться и все упрямствуетъ». Въ заключеніе письма Салтыковъ добавлялъ: «сегодня, думаю, будетъ опять съ иностранцами конференція, но сіе, считаю, государыня дозволитъ единственно изъ снисхожденія, а ничего рѣшительнаго быть не можетъ и поѣдутъ ни съ чѣмъ».

Почти слѣдомъ за этимъ письмомъ, Салтыковъ отправилъ другое, которымъ отмѣнялось прежнее распоряженіе императрицы, такъ какъ она находила, что «нерѣшимость дѣлъ требуетъ при разставаніи распроститься съ пристойною вѣжливостью, то и разсуждаетъ ея величество нужнымъ, писалъ Салтыковъ, чтобы ваше высочество завтра сюда пріѣхали и завтра же здѣсь съ королемъ простились, потому что завтра назначено королю съ государынею прощаться». Далѣе, однако,

Салтыковъ писалъ, что «если великій князь не находитъ себя расположеннымъ прощаться съ королемъ съ ласковою вѣжливостію, въ такомъ случаѣ оставляетъ ея величество на волю вамъ и чрезъ письмо съ нимъ распрощаться, сказавъ ему, что здоровье ваше не дозволяетъ вамъ самимъ пріѣхать».

Если еще и прежде наслѣдникъ престола неблагосклонно относился къ королю, то не трудно было предвидѣть, что онъ воспользуется позволеніемъ матери — избѣжать новой встрѣчи съ Густавомъ. Прощальная переписка между ними не извѣстна. Надобно, однако, полагать, что императрица измѣнила свое прежнее намѣреніе насчетъ заочнаго прощанія Павла съ королемъ по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ.

Императрица уже послѣ извѣщенія, сдѣланнаго Салтыковымъ, писала сыну: «такъ какъ каждый человѣкъ учтивъ самъ для себя же, то и вы обойдитесь съ нимъ учтиво. Если они заговорятъ о дѣлахъ, отвѣчайте имъ сообразно съ обстоятельствами. Разрыва нѣтъ. На счетъ вѣроисповѣданія отвѣчайте, что это непреложно si ne qua no (sic). Ихъ убѣдить надобно и надъ этимъ-то слѣдуетъ поработать. Тамъ нѣтъ вѣротерпимости, гдѣ не терпятъ обрядовъ иныхъ исповѣданій. Слѣдуетъ быть твердымъ безъ колкости».

Письмо это писала императрица поутру въ пятницу, когда долженъ былъ обѣдать король у великаго князя. Послѣ обѣда она послала Павлу другое письмо, въ которомъ писала ему, чтобы онъ увѣдомилъ ее о томъ, что у него происходило.

«Со мною молодой Келедъ — продолжала Екатерина, называя этимъ именемъ короля — былъ упрямъ до послѣдней степени. Дядя сказалъ мнѣ въ его присутствіи, что ни онъ— дядя—никто другой въ Швеціи не можетъ ничего сказать противъ свободнаго отправленія королевою обрядовъ своего вѣроисповѣданія въ особой часовнѣ. Но король показался мнѣ сухъ и упрямъ какъ чурбанъ. Онъ говорилъ что то, что онъ написалъ, то написалъ, и что никогда не измѣняетъ того, что написалъ» и въ заключеніе Екатерина прибавляетъ, что дядя и племянникъ нѣсколько разъ ссорились въ ея присутствіи.

На другой день послѣ этой переписки 18-го сентября

императрица писала Павлу Петровичу, что вчера она съ регентомъ подписала предварительный договоръ, что обмѣнъ ратификацій произойдетъ черезъ два мѣсяца или, если можно, то и ранѣе, послѣ совершеннолѣтія короля. «Увидимъ, что изъ этого будетъ», добавляла Екатерина—и затѣмъ, увѣдомляя о предстоящемъ отъѣздѣ короля, добавляла: «они простяся съ вашими сыновьями, но ваши четыре дочери должны быть всѣ нездоровы».

20-го сентября, вечеромъ, Женигсъ, секретарь шведскаго посольства, выразилъ Павлу и великой княгинѣ прощальный привѣтъ отъ имени короля и регента, а затѣмъ Маріею Ѳеодоровною получено было прощальное письмо регента. Называя ее «madame ma chère cousine», регентъ баагодарилъ ее за ту дружбу, которая была ему оказана во время пребыванія его въ Россіи, и сожалѣлъ, что не можетъ лично выразить своихъ чувствъ. «Но если — продолжалъ герцогъ — непредвидѣнныя обстоятельства лишили меня этого счастія, то примите въ эту минуту изъявленіе моей искренней привязанности. Какъ ни печальна для меня эта минута, но я не теряю, однако, надежды, что осуществятся мои молитвы о счастливомъ союзѣ, который упрочилъ бы счастіе обѣихъ націй. Это будетъ предметомъ моихъ заботъ и цѣлью моихъ желаній».

Къ великому князю регентъ писалъ: «каковы бы ни были обстоятельства, я всегда пребуду вамъ преданъ и еще не отчаяваюсь имѣть счастіе обнять васъ, какъ родственника, вдвойнѣ дорогаго и уважаемаго».

Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ регенту великая княгиня помѣстила общія фразы безъ всякаго намека на тѣ обстоятельства, которыя поставили всѣхъ въ такое ложное положеніе.

Шведы выѣхали изъ Петербурга 20-го сентября, въ день рожденія Павла Петровича. При такой развязкѣ предстоявшаго брака стихотворные труды Державина пропали даромъ; но онъ въ виду продолжавшихся переговоровъ о бракѣ не терялъ надежды, что они, быть можетъ, еще пригодятся. Когда же окончательно убѣдился, что произведенія его не дойдутъ по заказу, то пустился на хитрость. Онъ передѣлалъ нѣсколько хоръ, сочиненный имъ на обрученіе великой княжны, и въ 1808 году, какъ бы ни въ чемъ не бывало, напечаталъ

его подъ заглавіемъ «Хоръ на шведскій миръ 8-го сентября 1790 года».

По отъѣздѣ короля переговоры о бракѣ продолжались.

Какъ ни сильно было неудовольствіе императрицы противъ Густава, но она винила не столько его самого, сколько его воспитателей и лицъ его окружавшихъ, которыя развили въ немъ и религіозный фанатизмъ, и ненависть къ Россіи, въ чемъ немалое вліяніе приписывала она и регенту. Собственно со стороны церковной власти въ Швеціи къ сохраненію великою княжною ея религіи не встрѣчалось препятствія, такъ какъ вопросъ объ этомъ отданъ былъ на обсужденіе примаса королевства, епископа упсальскаго Троила. Епископъ совѣщался съ консисторіею, гдѣ и состоялось рѣшеніе, согласное съ видами Екатерины. Но когда консисторія совѣщалась, король поссорился съ регентомъ и на зло ему отложилъ заключеніе брачнаго союза съ Александрою Павловною на неопредѣленное время.

По поводу несостоявшагося брака графъ Ростопчинъ писалъ впослѣдствіи, въ 1799 году въ Лондонъ графу Воронцову:

«Жаль, что женскія сплетни при дворѣ и тупоуміе государственныхъ людей того времени разстроили бракъ короля съ великою княжною Александрой Павловной». Къ этому Ростопчинъ добавляетъ слѣдующія строки:

«Великая княгиня мать, — хотя нѣжность къ дочери и служитъ ей оправданіемъ — должна во многомъ упрекнуть себя; полагая, что этотъ бракъ дѣло рѣшенное, она дозволила этому невозмутимому графу Гагѣ свободу обращенія, допускаемую по обычаю у насъ на Руси только женихамъ. Великая княжна была неоднократно лобызаема, по цѣлымъ часамъ сиживала у окна, разговаривая съ этимъ коварнымъ Энеемъ и дѣлала все, чѣмъ только, по ея мнѣнію, могла доказать свое расположеніе къ будущему супругу».

XII.

Возвратившись въ свою столицу, король 1-го ноября отпраздновалъ свое совершеннолѣтіе, а генералъ Будбергъ, увѣдомляя объ этомъ Екатерину, сообщилъ дошедшій до него

Будберга, слухъ, что Густавъ намѣренъ отправить въ Петербургъ генерала Клингспорра съ письмомъ къ императрицѣ, въ которомъ, увѣдомляя государыню о достиженіи имъ совершеннолѣтія, выразить искреннее желаніе поправить свои ошибки. Но еще до дня кончины Екатерины насчетъ этого не было извѣстно въ Петербургѣ ничего положительнаго, и Ростопчинъ, сообщая Воронцову о такомъ положеніи дѣла, добавлялъ, что «въ Петербургѣ боятся предаться надеждѣ, что все уладится». «Никогда, по словамъ Ростопчина, не было видано столько интригъ, сколько ихъ появилось по этому случаю». Онъ объяснялъ это тѣмъ, что «лица, близкія къ королю, хотѣли отдалить заключеніе брака, чтобы потомъ воспользоваться отъ русскаго двора наградами, которыя во время регентства достались бы не имъ, а креатурамъ герцога. Бывшій же регентъ съ своей стороны хитрилъ, вредилъ королю при русскомъ дворѣ и даже затрогивалъ вопросъ о незаконности его происхожденія». Между тѣмъ Клингспорръ дѣйствительно выѣхалъ изъ Стокгольма въ Петербургъ, 5-го (16) ноября, но на дорогѣ узналъ о кончинѣ Екатерины, и письмо, отправленное съ нимъ къ императрицѣ, было вручено императору Павлу, который встрѣтилъ Клингспорра очень ласково. Завязались снова переговоры о бракѣ, а между тѣмъ императоръ отправилъ въ Стокгольмъ съ извѣщеніемъ о вступленіи своемъ на престолъ графа Юрія Александровича Головкина. Ему же, вслѣдъ затѣмъ, поручено было и повести оффиціально дѣло о бракѣ великой княжны. Король принялъ Головкина чрезвычайно любезно и выразилъ готовность вступить въ бракъ съ прежней невѣстой. Такимъ образомъ дѣло, какъ казалось, пошло успѣшно.

На бѣду, государственный канцлеръ Спарре и другіе вельможи вздумали также склонять Густава къ браку. Этого было достаточно, чтобъ возбудить противорѣчіе и упрямство въ королѣ, и онъ вдругъ заявилъ Головкину, что «не согласенъ жениться на княжнѣ греческаго исповѣданія», прибавя къ этому, что починъ разрыва съ шведскимъ дворомъ предоставляетъ русскому императору, дабы отклонить отъ себя упреки за нерадѣніе къ пользамъ Швеціи, такъ какъ бракъ этотъ представляется выгоднымъ съ государственной точки зрѣнія. Начались переговоры, слишкомъ затруднительные для рус-

скаго дипломата, и дѣло кончилось тѣмъ, что король предложилъ императору вопросъ о бракѣ отложить до весны, когда, какъ онъ полагалъ, произойдетъ между ними личное свиданіе. Разсерженный всѣмъ этимъ Павелъ прислалъ Головкину повелѣніе выѣхать изъ Стокгольма, а Клингспорру предложено было выѣхать изъ Петербурга; Будбергъ, оказавшійся на этотъ разъ неудачнымъ сватомъ, былъ также вызванъ изъ Стокгольма, и этимъ окончились долголѣтніе переговоры о бракѣ Густава съ великою княжною Александрою Павловною.

Не смотря на все это, у Густава хватило духу пріѣхать въ Петербургъ еще разъ, въ царствованіе императора Павла, который, забывъ всѣ неудовольствія, принялъ его сперва съ почестями, подобающими королевскому сану.

Этотъ пріѣздъ Густава ознаменовался также неудачею. Однажды въ эрмитажномъ театрѣ давали модный въ то время балетъ «Красная Шапочка». Король сидѣлъ возлѣ императора и велъ съ нимъ веселый разговоръ. Смотря на Красную Шапочку онъ шутливо сказалъ Павлу: «А! вотъ и якобинская шапочка!» — «У меня нѣтъ якобинцевъ!» возразилъ, вспыливъ, императоръ. Съ этими словами онъ всталъ и повернулся къ королю спиною, а послѣ спектакля приказалъ передать своему августѣйшему гостю, чтобы онъ въ 24 часа выѣхалъ изъ Петеобурга. Въ назначенный срокъ королю доложили, что экипажъ его величества готовъ. Между тѣмъ императоръ послалъ гофъ-фурьера Крылова отобрать на первой станціи закуску, приготовленную для Густава. Гофъфурьеръ посовѣстился, однако, исполнить во всей точности приказаніе государя и, отославъ со станціи прислугу и посуду, оставилъ тамъ съѣстное.

— Ты хорошо сдѣлалъ, сказалъ Павелъ Петровичъ Крылову, когда узналъ, какъ этотъ послѣдній распорядился на станціи. Вѣдь не морить же его голодомъ! — снисходительно добавилъ онъ. Послѣ этого не было уже никакихъ переговоровъ о бракѣ Густава съ Александрой Павловной.

Хотя несостоявшійся бракъ Александры Павловны съ королемъ шведскимъ и былъ жестокимъ ударомъ для полюбившей его дѣвушки и хотя разрывъ этотъ сопровождался небывалымъ еще въ исторіи оскорбленіемъ, но, какъ казалось, судьба хотѣла оберечь великую княжну отъ того, чтобъ она

соединила свой жребій съ королемъ-сумасбродомъ, который по своему характеру не заслуживалъ счастія быть ея супругомъ. Послѣ несостоявшагося двукратнаго сватовства король отыскалъ себѣ третью невѣсту, Фридерику-Доротею, внучку маркграфа баденскаго. Бракъ этотъ роднилъ нѣсколько Густава IV съ русскимъ императорскимъ домомъ, такъ какъ на младшей сестрѣ принцессы Фридерики-Доротеи былъ женатъ великій князь Александръ Павловичъ. Бракъ короля съ семнадцатилѣтнею принцессою былъ совершенъ съ необыкновенною пышностію въ Стокгольмѣ, въ залѣ собранія государственныхъ чиновъ, находившейся въ королевскомъ дворцѣ. Судьба молодой королевы не была, однако, завидна: запальчивый, своенравный и причудливый Густавъ IV безпрестанно оскорблялъ и унижалъ свою супругу. Онъ былъ недоволенъ, когда она была весела или выказывала живость свойственную ея возрасту. Король доказывалъ, что она, какъ государыня, не имѣетъ въ Швеціи ни одной равной себѣ женщины, а потому и не должна имѣть ни подругъ, ни знакомыхъ и обязана наблюдать, чтобы придворныя дамы въ сношеніяхъ съ нею и въ ея присутствіи строго исполняли всѣ правила придворнаго этикета. Дѣло доходило до того, что король грозилъ королевѣ отправить ее обратно въ Баденъ, если она не будетъ повиноваться безусловно всѣмъ его приказаніямъ.

Воспитанный въ непримиримой ненависти къ Франціи Густавъ IV отправился въ 1803 году путешествовать по Германіи, чтобы тамъ, при содѣйствіи Англіи, составить коалицію противъ французской республики. Королева сопровождала его въ этой поѣздкѣ и должна была, въ угоду супругу, отказываться не только отъ баловъ и празднествъ, но и отъ небольшаго даже общества.

Вскорѣ по возвращеніи короля въ Стокгольмъ, пришло извѣстіе о томъ, что герцогъ Энгіенскій былъ схваченъ и разстрѣлянъ по приказанію перваго консула Бонапарте. Густавъ былъ, по поводу этого, внѣ себя и предписалъ шведскому посланнику немедленно выѣхать изъ Парижа и прекратилъ всѣ сношенія между Швеціею и Франціею. Когда же появилась въ «Монитерѣ» оскорбительная на счетъ его статья, то онъ въ припадкѣ безумнаго гнѣва, приказалъ накупить портретовъ и бюстовъ Бонапарте и потѣшался надъ ними,

увѣча, искажая, пачкая и коверкая ихъ. Когда же король прусскій послалъ первому консулу знаки ордена Чернаго Орла, то Густавъ, не желая имѣть ничего общаго съ этимъ «злодѣемъ и извергомъ», возвратилъ королю бывшіе у него знаки этого ордена. Вслѣдствіе такой выходки прусскій посланникъ былъ отозванъ изъ Стокгольма.

Густавъ не преминулъ оскорбить и своего шурина, императора Александра Павловича. Когда, послѣ смерти Павла, вновь воцарившійся государь, слѣдуя принятому обычаю, возвратилъ королю тѣ знаки ордена Серафимовъ, которые имѣлъ покойный императоръ, то Густавъ не принялъ русскаго посланника, находя, что онъ, посланникъ, недостаточно знатенъ, чтобы могъ исполнить подобное порученіе при стокгольмскомъ дворѣ. Считая себя могущественнымъ государемъ, Густавъ IV пріискивалъ всѣ поводы, чтобы ссориться со всѣми правительствами. Такъ, онъ приказалъ построенный у города Аберфорса деревянный мостъ, принадлежавшій русскимъ, объявить собственностію Швеціи и окрасить его государственными цвѣтами королевства, тогда какъ мостъ этотъ служилъ границею между русскою и шведскою Финляндіею. Императоръ Александръ Павловичъ снисходительно смотрѣлъ на такіе взбалмошные поступки своего сосѣда и довелъ своею снисходительность даже до того, что 15-го января 1805 года заключилъ съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ, причемъ Густаву IV посулилъ главное начальство надъ русскою арміею, къ которой присоединились 25,000 шведовъ и англійскія войска и которая должна была дѣйствовать противъ французовъ въ Голландіи, обращенной въ Батавскую республику. При этомъ сумасбродство короля достигло до крайнихъ предѣловъ: онъ, начальствуя надъ союзною арміею, заявилъ, вопреки цѣлямъ и видамъ петербургскаго и лондонскаго кабинетовъ, что употребитъ эту военную силу для возстановленія во Франціи дома Бурбоновъ. Густавъ IV не только поссорился съ союзниками, но и съ Пруссіею, начавъ блокировать ея берега своимъ флотомъ и грозя приморскимъ городамъ Пруссіи безпощаднымъ бомбардированіемъ. Но когда пруссаки потерпѣли пораженіе подъ Іеною и Фридландомъ, то Густавъ вдругъ выступилъ защитникомъ Пруссіи. Однако маршалъ Мортье вытѣснилъ шведовъ изъ Поме-

раніи и, 18-го апрѣля 1807 года, заставилъ ихъ просить перемирія, а Тильзитскій миръ долженъ былъ положить конецъ воинственнымъ замысламъ Густава IV. Императоръ Александръ и король прусскій предложили ему свое посредничество для примиренія его съ императоромъ Наполеономъ, но Густавъ отвергъ это предложеніе съ свойственною ему запальчивостью и заключилъ съ Англіею союзъ противъ ненавистнаго ему Бонапарта, котораго считалъ апокалипсическимъ звѣремъ, имѣющимъ на лбу число 666, и говорилъ, что если вступитъ въ переговоры съ Бонапартомъ, то погубитъ себя не только въ здѣшней, но и въ будущей жизни. Разстроенная безпрерывными войнами Швеція начала роптать противъ своего упрямаго и безтолковаго государя. Французы между тѣмъ грозили высадкою въ Шонію, русскіе осадили Свеаборгъ, а датскія войска появились въ Норвегіи.

Среди опасностей, угрожавшихъ Швеціи, тамъ составилась сильная партія, рѣшившаяся низложить Густава IV съ престола. Исполнить такой замыселъ было не трудно при томъ ожесточеніи, какое господствовало противъ него во всѣхъ классахъ населенія. Кромѣ того, слухи о незаконности его рожденія распространялись все громче и громче, и въ то же время шведы убѣждались, что онъ ведетъ войну съ Франціею только изъ мнимой, ничѣмъ неоправдываемой ненависти къ Наполеону. Тщетно королева Фридерика, упавъ на колѣна передъ мужемъ и заливаясь слезами, умоляла его прекратить войну, которая должна будетъ навлечь страшныя бѣдствія на страну и привести самого Густава къ погибели. Онъ не только не слушалъ королеву, но, въ припадкѣ неудержимаго гнѣва, такъ сильно оттолкнулъ ее отъ себя, что бѣдная женщина безъ чувствъ упала на полъ.

Въ ночь съ 5-го на 6-е мая 1809 года, пришло въ Стокгольмъ извѣстіе, что русскіе готовятся къ высадкѣ на шведскіе берега и что, по всей вѣроятности, дня черезъ два казаки покажутся въ окрестностяхъ королевской резиденціи. Услышавъ эти недобрыя вѣсти, Густавъ поблѣднѣлъ и приказалъ королевѣ приготовиться къ отъѣзду. На этотъ разъ король послушался ея совѣта: онъ назначилъ регентомъ королевства дядю своего герцога Зюдерманландскаго, поручивъ

ему вступить въ переговоры съ русскими, а самъ рѣшился уѣхать изъ Стокгольма въ Готтенбургъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда, въ случаѣ крайности, перебраться въ Англію. Густавъ, однако, измѣнилъ это намѣреніе, когда оказалось, что слухи о нашествіи русскихъ на Швецію были ложные. Въ день кавалерскаго праздника ордена Серафимовъ, въ Стокгольмъ пришло извѣстіе о взятіи русскими Свеаборга.

Въ виду бѣдствій, постигшихъ Швецію, низложеніе Густава IV было рѣшено окончательно, но при этомъ заговорщики дали клятву не только не покушаться на жизнь короля, но и оказывать ему всевозможное уваженіе, даже и по низверженіи его съ престола.

12-го марта 1810 года, король пріѣхалъ вечеромъ въ Стокгольмъ изъ своего загороднаго дома Гага. Онъ велѣлъ запереть всѣ ворота дворца и усилить около него караулы, и затѣмъ былъ отданъ приказъ, чтобы всѣ войска, находившіяся въ Стокгольмѣ, выступили немедленно въ походъ. Ясно было, что король не только не думалъ прекратить войну, но, напротивъ, намѣренъ былъ продолжать ее до послѣдней крайности. Разнесся также слухъ, что король хотѣлъ забрать деньги изъ государственнаго банка и уѣхать изъ Стокгольма, но директоры банка отказались исполнить его требованіе. Негодованіе и злоба противъ него усилились еще болѣе. Во главѣ заговора сталъ подполковникъ баронъ Адлеркранцъ, пріобрѣвшій себѣ почетную извѣстность во время финляндской войны, и вышло такъ, что онъ получилъ приказаніе явиться къ королю утромъ 13-го числа. Онъ явился туда въ 8 часовъ утра, а слѣдомъ за нимъ пробрались 50 офицеровъ, его соучастниковъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ вошелъ баронъ Адлеркранцъ въ кабинетъ короля и почтительно сказалъ ему слѣдующія слова: «Государь! первые чины королевства и арміи, наиболѣе зажиточные и уважаемые граждане вашей столицы поручили мнѣ заявить вашему величеству, что они противятся вашему выѣзду изъ Стокгольма, и доложить вамъ, что настоящее прискорбное положеніе дѣлъ чрезвычайно волнуетъ все населеніе».

— Измѣнники!—закричалъ король въ припадкѣ страшнаго бѣшенства.

— Мы, ваше величество, не измѣнники--отвѣчалъ хлад-

нокровно баронъ,—но честные шведы, которые хотятъ спасти и отечество и васъ, государь!

Король обнажилъ шпагу, но Адлеркранцъ схватилъ его поперекъ тѣла, а полковникъ Сильверспарре вырвалъ шпагу изъ рукъ Густава.

Густавъ съ громкими криками и угрозами требовалъ, чтобъ ему возвратили его шпагу. На поднятый имъ шумъ прибѣжалъ дворцовый караулъ, но Адлеркранцъ не потерялся и повелительнымъ голосомъ приказалъ караулу возвратиться на свой постъ. Въ этой суматохѣ король успѣлъ было ускользнуть изъ кабинета, заперевъ за собою двери на ключъ. Адлеркранцъ съ его товарищами наперли на дверь и она уступила ихъ дружнымъ усиліямъ. Тогда они бросились въ погоню за королемъ и нагнали его на верхней площадкѣ лѣстницы. Король бросилъ въ лицо Адлеркранцу связку ключей и успѣлъ выбѣжать во дворъ. Адлеркранцъ и нѣсколько офицеровъ продолжали его преслѣдовать и, наконецъ, успѣли схватить запыхавшагося короля, послѣ чего они отвели его снова во дворецъ и поручили надежнымъ лицамъ сторожить его.

Заарестованіе короля не произвело въ Стокгольмѣ никакого волненія, на улицахъ было тихо и спокойно, а вечеромъ театръ, какъ обыкновенно, наполнился зрителями.

Овладѣвъ королемъ, Адлеркранцъ и Сильверспарре отправились къ герцогу Зюдерманландскому просить, чтобъ онъ принялъ правленіе государствомъ, и только послѣ продолжительныхъ убѣжденій они успѣли склонить его къ этому. Въ тотъ же день, въ два часа пополудни, бывшаго короля отвезли въ Дроттингольмъ въ сопровожденіи полковника Сильверспарре, подъ прикрытіемъ сильнаго отряда кирасиръ, а черезъ нѣсколько дней его перевели въ Грипсгольмскій дворецъ. Королева и принцы оставались нѣсколько дней въ Гагѣ.

Сохранилось извѣстіе, что наканунѣ отреченія короля посѣтила его мать Густава III, Луиза Ульриха, и открыла ему тайну его рожденія съ тѣмъ, чтобъ убѣдить его отказаться отъ короны и тѣмъ самымъ предотвратить тотъ позоръ, какой, въ случаѣ его упорства, покроетъ и его самого и его мать Софію-Магдалину.

29-го марта Густавъ IV добровольно отрекся отъ короны, 10-го мая актъ его отреченія былъ торжественно прочитанъ

въ собраніи государственныхъ чиновъ. Съ своей стороны Густавъ изъявилъ согласіе переселиться въ Германію. Государственные чины не тотчасъ согласились исполнить это желаніе, находя нужнымъ оберегать существованіе верховной власти въ королевствѣ. Такъ какъ потомство Густава IV было вовсе отстранено отъ престола, а герцогъ Зюдерманландскій былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и не имѣлъ дѣтей, то и положили избрать ему преемника заблаговременно. Выборъ палъ на принца Аугустенбургскаго, а между тѣмъ герцогъ Зюдерманландскій былъ провозглашенъ королемъ подъ именемъ Карла XIII. Онъ выхлопоталъ у государственныхъ чиновъ разрѣшеніе на удаленіе Густава съ его семействомъ изъ Швеціи и исходатайствовалъ у Наполеона дозволеніе поселиться бывшему королю въ Швейцаріи. Густаву и его семейству было назначено изъ государственнаго казначейства 6,000 фунтовъ стерлинговъ ежегодной пенсіи. 6-го декабря 1809 года онъ изъ Карлскроны отплылъ на военномъ фрегатѣ отъ береговъ изгнавшей его Швеціи.

По удаленіи изъ Швеціи, королева потребовала развода, который и данъ былъ ей супругомъ въ 1810 году. Послѣ того королева жила въ Германіи весьма скромно, а король подъ именемъ графа Готторпскаго побывалъ въ Россіи, Англіи, Германіи и Греціи. Любимою его мечтою было отправиться на поклоненіе Гробу Господню въ сопровожденіи «черныхъ рыцарей». Но мечта эта не осуществилась, и онъ окончательно поселился въ Швейцаріи подъ именемъ полковника Густавсона. Скромно, почти бѣдно одѣтый онъ разъѣзжалъ по Швейцаріи на имперіалѣ дилижансовъ. Въ 1823 году онъ издалъ свои записки. Поселившись потомъ въ Сенъ Галѣ, онъ умеръ тамъ въ мартѣ 1837 года.

Разумѣется, что съ такимъ взбалмошнымъ супругомъ великая княжна Александра Павловна не могла бы быть счастлива. Но спасенная однажды отъ такого неудачнаго супружества, она не нашла спокойствія и счастья въ другомъ предстоявшемъ ей бракѣ. Казалось, что какой-то роковой жребій тяготѣлъ надъ этой дѣвушкой, вызывавшей къ себѣ общую любовь и общее сочувствіе.

XIII.

Прошло три года со дня несостоявшагося обрученія великой княжны Александры Павловны съ королемъ Густавомъ IV, и 23-го сентября 1799 года графъ Ростопчинъ писалъ въ Лондонъ графу Воронцову.

«Эрцгерцогъ Стефанъ пріѣзжаетъ сюда недѣли черезъ двѣ. Съ нимъ ѣдутъ принцъ Фердинандъ виртембергскій и графъ Дитрихштейнъ. Эрцгерцогъ отличный малый. Онъ очень влюбленъ и очень робокъ. Его отправили жениться и дали ему свиту — а не трактовать о дѣлахъ».

«Повѣрьте—продолжаетъ Ростопчинъ — что не къ добру затѣяли укрѣпить союзъ съ австрійскимъ дворомъ узами крови. Это только лишнее обязательство и стѣсненіе, и такія связи пригодны лишь въ частномъ быту. Но сдѣланной ошибки не поправить. Въ добавокъ изъ всѣхъ своихъ сестеръ она будетъ выдана наименѣе удачно. Ей нечего будетъ ждать, а ея дѣтямъ и подавно».

Въ письмѣ этомъ идетъ рѣчь о бракѣ великой княжны Александры Павловны, которой вновь привелось сдѣлаться жертвою политическихъ разсчетовъ.

Намъ встрѣтилось извѣстіе, что въ библіотекѣ Павловскаго дворца хранится переписка о бракѣ Александры Павловны съ эрцгерцогомъ Стефаномъ-Іосифомъ, но пока касающіяся этого дѣла свѣдѣнія не напечатаны, и потому намъ, говоря объ обстоятельствахъ этого брака, приходится ограничиться другими источниками.

Намъ неизвѣстно, гдѣ возникла первая мысль о родственномъ союзѣ между двумя императорскими домами — въ Петербургѣ ли или въ Вѣнѣ, извѣстно только, что въ проѣздъ великаго князя Константина Павловича черезъ Вѣну, дѣло было уже окончательно рѣшено, такъ какъ въ ту пору былъ подписанъ эрцгерцогомъ Стефаномъ брачный контрактъ, полученный въ концѣ апрѣля 1799 года въ Петербургѣ. По всей вѣроятности, австрійскій домъ, въ виду опасности, угрожавшей Австріи со стороны французской республики, сталъ первый искать прочнаго политическаго союза съ Россіею при

посредствѣ родственной связи между двумя царствующими фамиліями.

Въ это время Суворовъ дѣйствовалъ побѣдоносно въ Италіи, но негодованіе императора Павла на вѣнскій дворъ усиливалось все болѣе и болѣе и, какъ надобно полагать, въ виду этого полновластный тогда въ Австріи министръ баронъ Тугутъ, графъ Кобенцель, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, и графъ Дитрихштейнъ, имѣвшій огромное значеніе при вѣнскомъ дворѣ, задумали держать императора Павла въ своихъ рукахъ и избрали для этого своимъ орудіемъ предположенный бракъ великой княжны съ эрцгерцогомъ. Они—какъ писалъ Ростопчинъ Воронцову—разсчитывали на это «въ томъ упованіи, что государь изъ желанія устроить судьбу своей дочери, на многое посмотритъ сквозь пальцы и склонится къ какому ни на есть сближенію, а между тѣмъ выигрывается время, что̀ всего болѣе нужно вѣнскому двору. И посудите—добавлялъ Ростопчинъ—какова была бы участь шестнадцатилѣтней великой княжны, если бы и второй бракъ ея разстроился».

Передъ заключеніемъ брачнаго договора съ эрцгерцогомъ, новый женихъ великой княжны побывалъ въ февралѣ мѣсяцѣ въ Петербургѣ, но здѣсь онъ былъ принятъ далеко не съ тѣмъ почетомъ и тѣмъ радушіемъ, какіе встрѣтилъ первый искатель руки Александры Павловны, на что̀, конечно, имѣло вліяніе и разность ихъ положенія, такъ какъ Густавъ былъ король, а Стефанъ только членъ владѣтельнаго дома.

Эрцгерцогу Стефану минуло въ это время лишь двадцать три года. Онъ родился 26 февраля 1776 года и былъ сынъ императора Леопольда II и императрицы Маріи-Луизы. Въ 1796 году онъ былъ сдѣланъ венгерскимъ палатиномъ, т. е. верховнымъ правителемъ Венгріи.

О немъ Ростопчинъ писалъ Воронцову, отъ 16 февраля 1799 года, слѣдующее:

«Эрцгерцогъ всѣмъ отмѣнно полюбился какъ своимъ умомъ, такъ и знаніями. Онъ застѣнчивъ и неловокъ, но фигуру имѣетъ пріятную; выговоръ его болѣе италіанскій, нежели нѣмецкій. Онъ влюбленъ въ великую княжну и въ воскресенье имѣетъ быть комнатный сговоръ, послѣ чего эрцгерцогъ

черезъ десять дней отправляется въ Вѣну, а оттуда въ Италію къ арміи, которою онъ будетъ командовать».

Обрученіе великой княжны съ эрцгерцогомъ происходило 20-го февраля въ Бриллiантовой комнатѣ Зимняго дворца. На этотъ разъ далеко не было той торжественности, какою отличалось предполагавшееся ея обрученіе съ шведскимъ королемъ. Въ настоящемъ случаѣ, при совершеніи этого обряда, присутствовали въ залѣ немногія постороннія лица. Кромѣ членовъ императорской фамиліи тамъ были: наслѣдный принцъ мекленбургъ-шверинскій Фридрихъ-Людовикъ, братъ его принцъ Карлъ, канцлеръ князь Безбородко, министръ удѣльнаго департамента графъ Румянцевъ, вице-канцлеръ графъ Кочубей, третій присутствовавшій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ графъ Ростопчинъ, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, дежурный генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ, статсъ-дама графиня Ливенъ, камеръ-фрейлина Протасова и дежурная фрейлина Лопухина, римско-императорскій посолъ графъ Кобенцель и генералъ-лейтенантъ князь Дитрихштейнъ, прибывшій съ эрцгерцогомъ.

Обрядъ обрученія совершалъ архіепископъ казанскій Амвросій съ двумя ассистентами: духовникомъ государя и сакеларіемъ придворнаго собора.

Изъ Бриллiантовой залы обрученные, принеся благодареніе ихъ величествамъ, перешли въ другую залу, гдѣ начался камерный балъ.

9-го марта эрцгерцогъ выѣхалъ изъ Петербурга. Императрица и невѣста провожали его до первой станціи.

Въ октябрѣ, эрцгерцогъ пріѣхалъ опять въ Петербургъ. Въ это время въ семействѣ императора Павла готовилась и другая еще свадьба, такъ какъ одновременно съ великою княжною Александрою Павловною была просватана за наслѣднаго принца мекленбургъ-шверинскаго и старшая послѣ нея изъ великихъ княженъ Елена Павловна.

Вопросъ о мѣстѣ ихъ вѣнчанія породилъ противорѣчіе между с.-петербургскимъ митрополитомъ Гавріиломъ и императоромъ Павломъ, который желалъ, чтобы бракъ великой княжны съ эрцгерцогомъ былъ совершенъ въ Гатчинѣ, тогда какъ митрополитъ настаивалъ, чтобы вѣнчаніе происходило въ столицѣ, дабы, какъ говорилъ онъ, весь народъ могъ быть

свидѣтелемъ этого торжества, между тѣмъ какъ въ Гатчину никто не поѣдетъ. При этомъ случаѣ архіепископъ казанскій Амвросій принялъ сторону государя и привелъ изъ службы Николаю Чудотворцу слѣдующія слова: «Гдѣ же пришествіе царево, тамъ и чинъ его пребываетъ», подкрѣпляя этими словами то мнѣніе, что по пребыванію государя въ Гатчинѣ, тамъ же должна происходить и свадьба его дочери.

Въ такомъ смыслѣ и рѣшенъ былъ этотъ вопросъ.

12-го октября былъ бракъ великой княжны Елены, а 19-го числа того же мѣсяца Александры. По случаю этого послѣдняго брака былъ изданъ манифестъ, въ которомъ говорилось, что «вторично ознаменовались щедроты Всевышняго надъ домомъ нашимъ черезъ бракосочетаніе любезнѣйшей дочери нашей ея императорскаго высочества великой княжны Александры Павловны съ его королевскимъ высочествомъ эрцгерцогомъ Іосифомъ, палатиномъ венгерскимъ».

Затѣмъ, 25-го сентября, былъ обнародованъ высочайшій указъ о титулѣ Александры Павловны; ей присвоивался въ Россіи слѣдующій титулъ: «ея императорское высочество великая княгиня эрцгерцогиня австрійская». Въ приложенномъ же при указѣ французскомъ текстѣ къ этому титулу была сдѣлана прибавка, такъ какъ великая княгиня была названа еще и «Palatine d'Hongrie».

По случаю этихъ браковъ Державинъ, не боясь уже, что стихотворный трудъ его останется втунѣ, какъ это случилось три года тому назадъ, написалъ длинную оду. «На брачныя торжества 1799 года».

Говоря въ этой одѣ о бракѣ Александры Павловны, Державинъ разсказывалъ, что Эротъ, т. е. богъ любви, прилетѣлъ на сѣверъ, увидѣлъ тамъ желѣзные мечи и шлемы и, струсивъ этихъ принадлежностей войны, хотѣлъ было летѣть, обратно, но увидѣлъ, что здѣсь, кромѣ военныхъ доспѣховъ, имѣется въ наличности еще и красота. Поэтому онъ остался, и тогда орлы, т. е. гербы двухъ царствъ, соединились, и въ Гатчинѣ, по словамъ поэта, открылся рай.

Къ Державину по стихотворной части примкнулъ какой-то французъ, сочинившій по случаю упомянутыхъ браковъ торжественную эпиталаму. Она начинается слѣдующею строфою:

Descends Hymen, descends des cieux,
Viens remplir les voeux de deux mondes,
D' Augustes Rejetons des Dieux.
Unissent leurs branches fecondes!

Сіе въ переводѣ будетъ значить: сойди Гименей, т. е. богъ брака, сойди съ небесъ; приди, чтобъ исполнить мольбы двухъ народовъ: августѣйшіе отрасли боговъ соединяютъ свои плодоносныя вѣтви.

Далѣе упоминается объ Амурѣ, лебедѣ, Кипридѣ, Гебѣ, Флорѣ, а въ концѣ излагается:

L' Hymen en comblant tous nos voeux,
Promet au monde des grands hommes
Et des Heros à nos neveux...

т. е. Гименей, исполнивъ наши мольбы, обѣщаетъ міру великихъ людей и героевъ нашимъ потомкамъ.

Затѣмъ Гименею предлагается отправиться снова туда, откуда онъ пришелъ, такъ какъ онъ исполнилъ желаніе народовъ.

2-го ноября эрцгерцогъ съ молодою супругою выѣхалъ изъ Петербурга.

XIV.

Супружество великой княжны съ эрцгерцогомъ ввело семнадцатилѣтнюю эрцгерцогиню въ семейную среду, неблагопріятную для ея домашней жизни, и въ политическую сферу, непріязненную ея отечеству — Россіи. Хотя предъ совершеніемъ брака Александры Павловны дѣло объ ея вѣроисповѣданіи и было, повидимому, вполнѣ улажено, но тѣмъ не менѣе принадлежность великой княгини къ православной церкви поставила ее при вѣнскомъ дворѣ, отличавшемся крайнею приверженностію къ католической церкви, въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Главою габсбургско-лотарингскаго дома былъ въ ту пору римско-нѣмецкій, впослѣдствіи австрійскій, императоръ Францъ II. Онъ былъ человѣкъ добрый и кроткій и, вслѣдствіе слабости своего характера, былъ постоянно въ полной власти своей супруги, императрицы Терезы, дочери неаполитанской королевы Каролины, извѣстной своими

злодѣйствами. Въ свою же очередь императрица Тереза была подъ сильнымъ вліяніемъ знаменитаго министра барона Тугута. непримиримаго врага Россіи. Такимъ образомъ найденная Александрою Павловною въ Вѣнѣ обстановка не предвѣщала молодой эрцгерцогинѣ спокойной жизни въ Австріи. Еще во время ея брака отношенія императора Павла къ вѣнскому кабинету становились недружелюбными и вскорѣ обратились въ явный разрывъ. Въ Венгріи, гдѣ мужъ Александры Павловны былъ съ 1795 года главнымъ правителемъ и гдѣ недавно еще былъ подавленъ заговоръ длиннымъ рядомъ смертныхъ казней, высказывалось сильное неудовольствіе противъ австрійскаго правительства. Вѣнскій дворъ подозрѣвалъ, что венгерцы, или, вѣрнѣе сказать, собственно славянское и православное населеніе Венгріи, будутъ искать чрезъ новую палатину защиты у ея отца—императора Павла. Кромѣ того и въ отношеніи религіозномъ эрцгерцогинѣ грозила большая опасность. Примасъ Венгріи, кардиналъ князь Баттіани, надѣялся обратить палатину въ католическую вѣру и разными хитрыми способами началъ заискивать расположеніе и довѣріе молодой иновѣрки-принцессы.

Главною виновницею тѣхъ невзгодъ, которыя привелось Александрѣ Павловнѣ испытать на чужой сторонѣ, должно, однако, считать императрицу Терезу. Вотъ что объ этомъ разсказываетъ духовникъ эрцгерцогини протоіерей Андрей Аѳанасьевичъ Симборскій:

«Сія дочь славнаго сѣвера (Александра Павловна), обративъ на себя вниманіе и уваженіе народа и, помрачивъ славу ревнивой неаполитанки, т. е., императрицы Терезы, потрясла все ея существованіе, тѣмъ болѣе, что при первомъ въ Вѣну прибытіи, когда великая княгиня представлялась ихъ цесарскимъ величествамъ, императоръ, узрѣвъ, сверхъ чаянія, въ лицѣ своей племянницы живое изображеніе своей первой супруги Елизаветы *), содрогнулся. Воспоминаніе счастливаго съ нею сожитія привело его въ чрезвычайное смущеніе духа, которое равномѣрно чрезвычайно огорчило

*) Она была родная сестра императрицы Маріи Ѳеодоровны, слѣдовательно родная тетка великой княгини, чѣмъ и объясняется сходство Александры Павловны съ покойною императрицею.

сердце императрицы, нынѣшней второй его супруги! Послѣ сего возгорѣлось противъ невинной жертвы непримиримое мщеніе; послѣ чего не нужно вычислять всѣхъ непріятностей, которыми нарушалось душевное спокойствіе ея высочества».

Какъ палатинъ венгерскій, эрцгерцогъ Іосифъ жилъ постоянно въ Пештѣ, но приготовленія венгерскаго войска для отраженія предстоявшаго нашествія французовъ на Австрію заставили палатина ѣхать въ Вѣну, и эрцгерцогиня сопутствовала туда своему мужу. Въ Вѣнѣ встрѣтили ихъ не съ особымъ почетомъ: имъ отведено было для жительства тѣсное помѣщеніе въ отдаленномъ углу шенбрунскаго дворца, Эрцгерцогиня была въ это время беременна и подвергалась мучительнымъ припадкамъ. Докторъ, опредѣленный къ ней отъ двора, не внушалъ ей ни довѣрія, ни расположенія и, по словамъ Симборскаго, «прописывалъ ей самыя непріятныя лекарства, неизвѣстно съ намѣреніемъ или по невѣдѣнію, ибо—замѣчаетъ отецъ Андрей,—онъ болѣе искусенъ былъ въ интригахъ, нежели въ медицинѣ, а при томъ и во обхожденіи былъ грубъ».

Каково было содержаніе великой княгини въ шенбрунскомъ дворцѣ, о томъ легко можно заключить изъ слѣдующаго разсказа ея духовника:

«Въ беременности — пишетъ Симборскій — обыкновенно бываетъ позывъ на разныя кушанья. Палатинъ приказалъ оберъ-гофмейстеру подносить все самое лучшее и по вкусу. Оберъ-гофмейстеръ приказалъ коммиссару, коммиссаръ, наблюдая пользу своего кошелька, подносилъ рыбу и другое кушанье, которыхъ великая княгиня употреблять не могла... Въ такомъ состояніи ея высочество находилась около трехъ мѣсяцевъ. Напослѣдокъ письменно приказала мнѣ пріѣхать изъ Венгріи вмѣстѣ съ штабъ-лекаремъ Эбелингомъ, который былъ отъ лица ея удаленъ. Пріѣздъ нашъ—продолжаетъ Симборскій—весьма обрадовалъ великую княгиню; она изъявила желаніе покушать рыбу... то я тотчасъ же пошелъ въ Вѣну и, перемѣняя часто въ переноскѣ свѣжую воду, представилъ предъ ея глаза животрепещущую рыбу: она была весьма довольна. Дочь моя состряпала по ея вкусу, и великая княгиня покушала въ сытость. Такимъ образомъ и послѣ сего я имѣлъ

счастіе исправлять должность вѣрнаго коммисара, а дочь моя преусердной поварихи».

Движеніе французской арміи принудило эрцгерцога оставить Вѣну и поспѣшить въ Венгрію, чтобы тамъ принять начальство надъ войскомъ. Александра Павловна хотѣла отправиться водой, такъ какъ при ея положеніи этотъ способъ передвиженія былъ бы самый спокойный, но ея отговорили отъ этого, представляя ей множество вымышленныхъ неудобствъ. Тогда она поѣхала изъ Вѣны сухимъ путемъ, и это путешествіе крайне неблагопріятно повліяло на ее здоровье. Между тѣмъ палатинъ повелъ свое войско къ австрійскимъ границамъ и расположился на бивуакахъ около города Эдинбурга. Одна изъ приближенныхъ къ эрцгерцогинѣ дамъ начала представлять ей о той тоскѣ, какую долженъ испытывать эрцгерцогъ въ своемъ одиночествѣ, и Александра Павловна, слѣдуя этимъ внушеніямъ и желая утѣшить мужа, рѣшилась отправиться къ нему. Эрцгерцогинѣ внушили также, что, въ виду ея беременности, пребываніе ея въ Эдинбургѣ будетъ удобно въ томъ отношеніи, что городъ этотъ отстоитъ близко отъ Вѣны, въ которой находятся искусные акушеры. Великая княгиня, по первымъ полученнымъ ею впечатлѣніямъ, ненавидѣла Вѣну и опасалась, чтобъ ее не перевели туда на житье. Опасенія ея не замедлили сбыться: послѣ смотра венгерскихъ войскъ, императоръ Францъ, бывшій въ Эдинбургѣ вмѣстѣ съ императрицею, приказалъ, чтобы палатинъ и его супруга непремѣнно пріѣхали въ Вѣну. Распоряженіе это произвело сильное впечатлѣніе на молодую женщину: ей представилась кончина въ этомъ городѣ ея тетки императрицы Елизаветы и воображеніе рисовало ей самую мрачную картину. Она начала готовиться къ смерти и, подъ вліяніемъ этого тревожнаго чувства, составила завѣщаніе въ пользу страстно любимаго ею мужа.

Французы между тѣмъ двигались на Вѣну. Въ столицѣ римско-нѣмецкихъ цесарей произошелъ страшный переполохъ; императорскій дворъ готовился бѣжать изъ города, которому угрожала близкая опасность, и тогда эрцгерцогинѣ разрѣшено было возвратиться въ Венгрію, а эрцгерцогу приказано было поспѣшить съ венгерскими войсками на защиту Вѣны. Разлука съ мужемъ сильно подѣйствовала на нее. Совершенно

разстроенная, она подъѣзжала къ Пешту и, при въѣздѣ въ городъ, встрѣтила покойника, котораго везли на кладбище.

— Этотъ бѣдный мертвецъ показываетъ мнѣ путь, которымъ можно уйти отъ земныхъ страданій въ вѣчность— сказала грустно эрцгерцогиня сопутствовавшимъ ей лицамъ по поводу встрѣчи съ покойникомъ.

Приближалось время разрѣшиться Александрѣ Павловнѣ отъ бремени, и она пожелала пріобщиться святыхъ таинъ. Доктора̀ не соглашались на это, ссылаясь на то, во-первыхъ, что, проходя въ церковь чрезъ длинный рядъ комнатъ, она легко можетъ простудиться, и, во-вторыхъ, что исполненіе этой требы сильно взволнуетъ ее. Къ этому времени пріѣхалъ въ Пештъ палатинъ, который настоялъ, чтобы желаніе великой княгини было исполнено, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобъ она причастилась не въ церкви, а въ ближайшей къ ея спальнѣ Тронной залѣ.

Роды эрцгерцогини были продолжительные и чрезвычайно трудные. Когда акушеръ увидѣлъ, что силы великой княгини истощились, онъ, съ согласія палатина, употребилъ инструменты и добытый ими младенецъ жилъ только нѣсколько часовъ. Александра Павловна родила дочь, извѣщеніе о смерти которой она выслушала спокойно, сказавъ твердымъ голосомъ: «Я благодарю Бога за то, что дочь моя переселилась къ ангеламъ не испытавъ тѣхъ горестей, какія намъ приходится переносить на землѣ».

Не смотря на мучительные роды, доктора̀ полагали, что эрцгерцогиня вскорѣ поправится. У ней самой явилась надежда на выздоровленіе, и она безпрестанно бесѣдовала съ своимъ духовникомъ—и въ то же время знатокомъ и любителемъ садоводства—о томъ, какъ она, вставъ съ постели, займется устройствомъ сада, который подарилъ ей палатинъ. На девятый день послѣ родовъ, доктора̀, бывшіе при эрцгерцогинѣ объявили, что она находится внѣ всякой опасности. По этому случаю во дворцѣ палатина былъ назначенъ куртагъ, па которомъ всѣ съ радостію говорили о выздоровленіи любимой принцессы.

Общая радость, однако, была непродожительна. Къ вечеру въ тотъ же день эрцгерцогиня почувствовала сильный жаръ исъ нею начался горячечный бредъ. Въ болѣзненномъ за-

бытьи она безпрестанно повторяла, что ей тѣсно и душно жить здѣсь и просила своихъ родителей построить ей въ России хоть маленькій домикъ.

Очевидецъ кончины Александры Павловны, ея духовникъ, описываетъ послѣднія минуты ея въ слѣдующихъ строкахъ:

«Въ вечеру жаръ и слабость умножились, по полуночи въ 3 часу она пришла въ крайнее изнеможеніе и только что могла приказать пригласить къ себѣ своего супруга, облобызавъ котораго, сказала: «Не забудь меня, мой любезный Іосифъ! Сказавъ это, осталась она безгласна и начала стонать. Я призванъ былъ на моленіе; облекшись въ священническія ризы, предсталъ я къ одру ея высочества и, осѣнивъ ее святымъ крестомъ, поднесъ его къ устамъ ея. Вѣрная дочь православной церкви, обративъ быстро свои горячими слезами наполненныя очи на изображеніе распятаго Спасителя, облобызала его со всею христіанскою горячностью, потомъ крѣпко прижала къ своимъ персямъ. Когда я близь одра читалъ съ колѣнопреклоненіемъ молитвы, то казалось, что ея высочество со всевозможнымъ вниманіемъ и сердечнымъ чувствомъ содѣйствовала онымъ молитвамъ. Такъ пріуготовлялась сія благочестивая и непорочная душа въ небесныя селенія»...

Тихая ея кончина послѣдовала 4-го марта н. с., въ половинѣ 6-го часа, поутру.

Увидѣвъ, что палатины не стало, эрцгерцогъ упалъ безъ чувствъ, и его вынесли какъ мертваго изъ той комнаты, гдѣ скончалась Александра Павловна. Убитый горемъ эрцгерцогъ въ тотъ же день выѣхалъ изъ Пешта въ Вѣну, а оттуда, для облегченія своей жестокой скорби, отправился на богомолье къ тѣмъ церквамъ и монастырямъ, которые въ особенности привлекаютъ къ себѣ набожныхъ католиковъ.

XV.

По отъѣздѣ эрцгерцога, начались приготовленія къ погребенію покойницы. Погребеніе было назначено на 9-е марта. Отецъ Симборскій подробно описываетъ ту борьбу, какую пришлось ему выдержать для того, чтобы похоронить

дочь русскаго императора по обряду ея церкви и съ подобавшимъ ея сану благолѣпіемъ.

Началось съ того, что оберъ-гофмейстеръ назначилъ могилу великой княгини въ склепѣ капуцинской церкви. Склепъ этотъ былъ небольшой погребъ, имѣвшій входъ съ площади, на которой городскія торговки продавали лукъ, чеснокъ и всякаго рода зелень. Кромѣ того и въ самомъ погребѣ, который отдавался въ наемъ, хранились разные съѣстные припасы. Симборскій, въ виду этого, возразилъ прежде всего, что такъ какъ усопшая принадлежала къ греко-россійской церкви, то прежде погребенія гробъ ея долженъ быть выставленъ въ православномъ храмѣ. Хотя оберъ-гофмейстеръ только въ точности исполнялъ данныя ему изъ Вѣны приказанія, но, боясь навлечь гнѣвъ императора Павла, онъ долженъ былъ согласиться на это требованіе, и въ Петербургъ послано было извѣщеніе, что гробъ великой княгини останется въ русской церкви до высочайшаго повелѣнія отъ русскаго двора.

Въ ожиданіи этого, гробъ великой княгини былъ поставленъ въ небольшомъ чистомъ домикѣ, который находился въ саду и который былъ обращенъ теперь въ подвижную церковь, такъ какъ оберъ-гофмейстеръ настоятельно потребовалъ, чтобы тѣло покойной не оставалось во дворцѣ при погребальной обстановкѣ по греко-россійскому обряду. Католическое духовенство, распустившее слухъ о томъ, что эрцгерцогиня обратилась въ римскую вѣру, требовало, чтобъ оно, съ музыкою во главѣ, допущено было участвовать въ перенесеніи тѣла палатины изъ дворца въ церковь, но Симборскій отклонилъ это домогательство, ссылаясь на то, что восточная церковь, по своему чиноположенію, не допускаетъ смѣшенія съ западною.

По причинамъ, необъясняемымъ Симборскимъ, отсутствіе вдоваго палатина продолжалось почти восемь недѣль, и въ это время духовникъ покойной эрцгерцогини получилъ изъ Вѣны отъ министерства ноту, въ которой сообщалось слѣдующее: «народъ ропщетъ, что доселѣ августѣйшая персона не погребена, чтобы сію печальную церемонію кончить въ неивеличайшемъ инкогнито, разумѣется, ночью и безъ всякихъ почестей».

Симборскій отвѣчалъ на это, что онъ съ своей стороны готовъ во всякое время совершить послѣдній погребальный обрядъ, но что «наивеличайшее инкогнито не принадлежитъ сему августѣйшему лицу, ибо цѣлому свѣту извѣстно, что ея высочество—дочь всероссійскаго императора и сестра всероссійскаго же императора, нынѣ царствующаго». Вслѣдствіе такого представленія «инкогнито» было отмѣнено, и разрѣшено было, чтобъ послѣ литургіи и отпѣванія гробъ былъ днемъ препровожденъ на капуцинское кладбище съ подобающее честью. Процессію, для участія въ которой явилось также и католическое духовенство, сопровождали толпы народа. Ко времени переноса тѣла пріѣхалъ русскій каммергеръ Васильчиковъ, а потомъ и бывшій въ Вѣнѣ русскій министръ Муравьевъ-Апостолъ.

Нельзя не замѣтить въ сообщеніяхъ Симборскаго нѣкоторыхъ противорѣчій. Онъ, горько сѣтуя на то, что великую княгиню намѣревались похоронить въ склепѣ капуцинской церкви и заявляя, что это отклонено было только по его настоянію, далѣе разсказываетъ, что оберъ-гофмейстеръ, для отвращенія непріятностей, могущихъ послѣдовать отъ императора Павла, послалъ къ палатину на другой день послѣ смерти великой княгини проектъ, дабы въ недавно купленной деревнѣ, разстояніемъ отъ Офена въ 2-хъ нѣмецкихъ миляхъ, построить по греко-россійскому обряду церковь, въ которую бы изъ города перенести гробъ усопшей. Въ то же время оберъ-гофмейстеръ поручилъ Симборскому осмотрѣть мѣстоположеніе и сообщить объ этомъ свое мнѣніе. Отецъ Андрей нашелъ, что это мѣсто не соотвѣтствуетъ своей цѣли, такъ какъ оно лежало между винными погребами и что приличнѣе было бы построить церковь надъ гробомъ великой княгини въ собственномъ ея саду. Муравьевъ-Апостолъ поддержалъ требованіе Симборскаго.

Объ участіи во всѣхъ этихъ дѣлахъ «нѣжнаго» супруга Симборскій что-то не упоминаетъ. Онъ говоритъ только, что передъ отъѣздомъ въ Россію, палатинъ просилъ Симборскаго не освящать церкви до своего возвращенія. Возвратившись же изъ Петербурга, эрцгерцогъ началъ уклоняться отъ присутствованія при освященіи храма, такъ какъ ему старались внушить, что бытность его при такой церемоніи въ схизма-

тической церкви нарушитъ духовные и гражданскіе законы австрійской монархіи, какъ страны католической. Потомъ, однако, эрцгерцогъ согласился, и церковь была освящена 30-го августа 1801 года. Погребеніе же великой княгини происходило безъ особенной пышности.

По случаю преждевременной кончины Александры Павловны Державинъ написалъ стихотвореніе, подъ заглавіемъ: «Эродій надъ гробомъ праведницы». Въ стихотвореніи этомъ кромѣ сожалѣнія о смерти великой княгини, встрѣчаются еще намеки политическаго свойства. Такъ Державинъ писалъ:

Прочь, фурья зависти, отъ гроба
Блаженной и не смѣй взглянуть
Ты на него, когда внутрь злоба
Твою терзаетъ тайно грудь!

Безъ всякаго сомнѣнія въ строкахъ этихъ дѣлался намекъ на императрицу Терезу, и далѣе:

Теките жь къ праведницы гробу,
О, влахъ и сербъ, близнецъ славянъ,
И, презря сокровенну злобу,
Ея лобзайте истуканъ,
Клянясь предъ всемогущимъ Богомъ
Симъ намъ и вамъ святымъ залогомъ,
Что нѣкогда предъ нимъ вашъ мечъ
Въ защиту вѣры обнажится...

Въ объясненіяхъ же Державина къ этому сочиненію, между прочимъ, сказано: «Говорили тогда, что церковь нарочно была построена небольшая, чтобъ венгерцы (православные) не стекались въ нее въ значительномъ числѣ и не утверждались въ своей вѣрѣ». Замѣчаніе это совершенно согласно съ тѣмъ, что сообщаетъ Симборской о постройкѣ православной церкви надъ прахомъ великой княгини. Въ другомъ мѣстѣ Державинъ разсказываетъ: «Носилась молва, что общая привязанность венгерцевъ къ эрцгерцогинѣ возбудила опасеніе, чтобъ, по участію Россіи къ супругѣ палатина, Венгрія не отдѣлилась и не сдѣлалась особымъ королевствомъ, и что огорченія, претерпѣваемыя эрцгерцогинею въ семъ отношеніи, разстроили ея здоровье и наконецъ прекратили и жизнь ея».

Для подозрѣнія венгерцевъ австрійское правительство имѣло нѣкоторое основаніе, такъ какъ въ 1795 году въ

Венгріи былъ открытъ заговоръ съ цѣлью отторженія этой страны отъ монархіи Габсбурговъ. Вожди заговора епископъ Іосифъ-Игнатій Мартиновичъ, Сиграй, Гантноци, Лацковичъ и Семпаріарій, какъ главные виновники, погибли на эшафотѣ. Они замышляли отдѣлиться отъ Австріи и образовать изъ Венгріи особое королевство, призвавъ на древній престолъ Арпадовъ эрцгерцога Александра-Леопольда. Когда заговоръ былъ открытъ, эрцгерцогъ-палатинъ, предшественникъ Стефана, уѣхалъ изъ Пешта въ Вѣну и, 12-го іюля 1795 года, погибъ въ Люксельбургѣ отъ неосторожности при спускѣ фейерверка, устройствомъ котораго онъ, при своей страсти къ пиротехникѣ, такъ дѣятельно занимался. На его мѣсто палатиномъ венгерскимъ былъ назначенъ младшій братъ его эрцгерцогъ Стефанъ-Іосифъ, будущій супругъ Александры Павловны, и ничего нѣтъ мудренаго, что вѣнскій дворъ вообще и въ особенности послѣ брака палатина съ русскою великою княжною, не перешедшей въ католичество, могъ подозрѣвать, что какъ венгерцы, такъ въ особенности обитатели Венгріи — сербы — послѣдователи восточной церкви, могутъ повторить неудавшійся однажды замыселъ, клонившійся къ тому, чтобъ образовать изъ Венгріи самостоятельное государство.

Въ 1810 году довольно извѣстный въ ту пору писатель Броневскій путешествовалъ по Австріи, а въ 1828 году онъ издалъ свое «Путешествіе отъ Тріеста до Петербурга». Въ книгѣ этой Броневскій, между прочимъ, разсказывалъ, что онъ нашелъ дворецъ въ Офенѣ (Будѣ) совершенно пустымъ, такъ какъ послѣ смерти Александры Павловны палатинъ никогда въ немъ даже и не останавливался. Во дворцѣ мебель и всѣ вещи сохранялись въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были при покойной эрцгерцогинѣ. Такъ, между прочимъ, на открытомъ фортепіано лежала тетрадь русскихъ арій; въ тетради этой палатинъ замѣтилъ своею рукою пѣсню: «Ахъ, скучно мнѣ на чужой сторонѣ», которую супруга его пѣла въ послѣдній разъ въ своей жизни.

Весьма понятно, что молодость и красота покойной палатины располагали къ ней всѣхъ. Съ этими качествами соединялись въ ней доступность, кротость и привѣтливость. «Политическіе мечтатели — говоритъ Броневскій — не замедлили

распространить пустые слухи, основанные на чрезмѣрной любви и преданности къ ней народа, особенно славянъ греческаго исповѣданія, которымъ чрезъ покровительство ея доставлены многія преимущества, касающіяся до свободнаго послѣдованія обрядамъ своей церкви. Сіи пустые слухи огорчали великую княгиню; она однакожъ своимъ откровеннымъ поведеніемъ умѣла разсѣять несправедливыя подозрѣнія осторожнаго двора, но не могла охладить очарованной ею націи. Любовь народа, при послѣднихъ дняхъ ея жизни дошла до фанатизма».

Касательно же причинъ ея смерти онъ говоритъ только: «Разные люди разныя причины полагали смерти ея высочества, но я не дерзаю утверждать дѣла мнѣ неизвѣстнаго».

Злокозненность внутренней политики австрійскаго правительства, его подозрительность и дѣятельность состоявшей въ распоряженіи его тайной полиціи, вызвали молву, что кончина великой княгини была неестественна. Симборскій не возводитъ такого обвиненія на вѣнскій дворъ, но изъ записки его не трудно заключить, что подозрительность вѣнскаго двора и нерасположеніе императрицы Терезы къ молоденькой ея невѣсткѣ не остались безъ гибельныхъ вліяній на нѣжную натуру этой послѣдней. Симборскій упоминаетъ о томъ, что при вскрытіи тѣла покойной ея легкое найдено было попортившимся, о чемъ однако врачи не упомянули въ своемъ донесеніи, а между тѣмъ это было признакомъ начинавшейся чахотки.

По разсказу Броневскаго, недостаточное движеніе великой княгини до разрѣшенія отъ бремени, тяжелые роды и твердая пища, какъ полагали офенскіе медики, были главнѣйшею причиною ея кончины. Но другіе — говоритъ Броневскій — увѣряютъ, что она умерла въ девятый день отъ родовъ по обыкновеннымъ причинамъ и сіе гораздо вѣроятнѣе. Къ несчастью имѣли неосторожность объявлять любопытному народу каждый день по два раза, что «королева находится внѣ всякой опасности», какъ вдругъ ея не стало и когда въ Пештѣ раздался погребальный звонъ церковныхъ колоколовъ, то никто не хотѣлъ вѣрить, что онъ раздается по случаю кончины Александры Павловны. Обстоятельство это вызвало подозрѣніе, и по словамъ Броневскаго, въ ту пору, когда

нъ былъ въ Пештѣ, не истребилось ложное мнѣніе о причинѣ ея смерти. Когда вѣсть объ этомъ распространилась, то тѣ изъ народа, которые были допущены къ ея гробу, не хотѣли вѣрить, что она скончалась, но думали, что она покоится крѣпкимъ сномъ. «Опустимъ завѣсу на сіе печальное происшествіе—говоритъ въ заключеніе Броневскій—не будемъ вѣрить несправедливымъ толкамъ легковѣрныхъ людей и не будемъ обвинять народъ добрый, но всегда легкомысленный».

Послѣ кончины Александры Павловны эрцгерцогъ вступилъ въ бракъ еще два раза: въ первый съ принцессою ангальтской, а во второй съ принцессою виртембергской. Впослѣдствіи онъ былъ австрійскимъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ и умеръ 1-го января 1847 года. Въ Романовской галлереѣ находится его портретъ: онъ изображенъ на конѣ, на одной картинѣ съ великими князьями Александромъ и Константиномъ Павловичами.

АРХИМАНДРИТЪ ФОТІЙ,

НАСТОЯТЕЛЬ НОВГОРОДСКАГО ЮРЬЕВА МОНАСТЫРЯ.

1792—1838.

Въ исходѣ царствованія императора Александра Павловича стало замѣтно проявляться религіозно-мистическое направленіе въ средѣ образованныхъ классовъ русскаго общества. Подробное изслѣдованіе причинъ этого явленія не составляетъ предмета нашей статьи, но тѣмъ не менѣе приходится сказать, что едва ли не главною причиною такого явленія была наклонность самого государя къ религіозному мистицизму. Замѣчательно, что въ то время, когда нашъ русскій расколъ подвергался со стороны тогдашнихъ правительственныхъ властей строгимъ преслѣдованіямъ, иноземныя религіозныя ученія,—въ сущности нисколько не менѣе сумазбродныя, какъ иные раскольничьи толки—распространялись у насъ совершенно свободно и приверженцами ихъ дѣлались личности, занимавшія высокія мѣста въ составѣ государственнаго управленія. Въ свою очередь, императоръ Александръ Павловичъ не только не преслѣдовалъ эти, заходившія къ намъ извнѣ, ученія, но, напротивъ, дорожа мнѣніемъ Европы, оказывалъ имъ свое вниманіе. Мало по малу, религіозныя разномыслія пришли между собою въ рѣшительное столкновеніе и однимъ изъ самыхъ фанатическихъ борцовъ въ защиту православія противъ новыхъ ученій выступилъ передъ лицомъ самого государя архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій.

Объ этой весьма замѣчательной въ своемъ родѣ личности явилось въ послѣднее время въ нашихъ специальныхъ историческихъ изданіяхъ довольно много любопытныхъ свѣдѣній. Но разрозненность этихъ свѣдѣній и прибавленныя къ нимъ отрывочныя примѣчанія о личности Фотія не даютъ еще полнаго понятія ни объ его характерѣ, ни объ его дѣятельности, хотя эти свѣдѣнія и эти примѣчанія сами по себѣ и могутъ служить полезными матеріалами для характеристики не только юрьевскаго архимандрита, но и той среды, въ которой приходилось ему дѣйствовать. Пользуясь какъ этими матеріалами, такъ и нѣкоторыми рукописными, не появлявшимся еще въ печати источниками, мы постараемся представить сколь возможно болѣе вѣрный и отчетливый очеркъ личности архихандрита Фотія и людей къ нему близкихъ *).

I.

Фотій, въ мірѣ Петръ Никитичъ, прозывался по фамиліи Спасскій. Фамилію эту онъ позаимствовалъ отъ Спасскаго погоста, находящагося въ новгородскомъ уѣздѣ, въ которомъ онъ родился 7-го іюня 1792 года и гдѣ отецъ его, Никита

*) Въ кипѣ бумагъ, принадлежавшихъ Фотію, кромѣ большой тетради писемъ къ Орловой, находятся: копія съ письма, отъ 6-го іюля 1694 г., графа Шалона къ маркизѣ Ментенонъ о книгѣ г-жи Гюйонъ; указъ Екатерины II о запрещенной императрицею Елизаветою книги Арнта: «О истинномъ христіанствѣ»; копія съ письма Дегурова къ какому-то русскому князю (вѣроятно къ Платону Александровичу Шириинскому-Шихматову) съ предложеніемъ опровергнуть отзывъ о министрѣ народнаго просвѣщенія Шишковѣ, напечатанный въ «Revue Encyclopedique» (Avril, 1826); записки о скопческой ереси въ Россіи съ приложеніемъ двухъ скопческихъ пѣсней: «Нравственный катехизисъ для истинныхъ скопцовъ, 1790 г.»: «Объясненіе краткихъ догматовъ вѣроисповѣданія духовныхъ христіанъ»; «Посланіе къ Фотію инока Феофана»; письмо Фотія къ Аракчееву о раскольничествѣ и письменныя его распоряженія по управленію монастыремъ, а также счеты и вѣдомости по монастырскому хозяйству и проч. Всѣ эти бумаги находятся въ распоряженіи редакціи журнала «Русская Старина».

По этимъ документамъ, а также на основаніи матеріаловъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», «Русскомъ Архивѣ» и въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи» и составленъ настоящій очеркъ.

Θедоровъ, былъ дьячкомъ при приходской церкви. Въ 1803 году Спасскій началъ учиться въ новгородской семинаріи, и, по всей вѣроятности, принадлежалъ къ числу лучшихъ ея учениковъ, такъ какъ онъ, 12-го августа 1814 года, былъ переведенъ въ с.-петербургскую духовную семинарію. При переводномъ экзаменѣ изъ этой семинаріи въ академію, Петръ Спасскій—какъ пишетъ онъ самъ—«отличился предъ лицомъ Филарета—ректора, ибо когда никто не могъ отвѣчать на вопросы Филарета, вставая, онъ поднималъ руку, какъ знакъ, что можетъ отвѣчать на его премудрые вопросы». Вопросы же были дѣйствительно премудные, такъ какъ Спасскому, между прочимъ, приходилось дѣлать «разборъ и поясненіе шестидневнаго творенія».

Болѣзненное состояніе Спасскаго заставило его просить объ увольненіи изъ академіи. Съ этою просьбою онъ явился къ Филарету, говоря ему: «отъ юности имѣю наклонность къ монашеству, то исключи меня изъ святилища академическаго, я какъ получу облегченіе, пойду въ монастырь въ число послушниковъ куда-нибудь въ невѣдомыя мѣста, я болѣе никуда теперь не гожусь, потерявъ здоровье». Филаретъ вручилъ Спасскому 100 руб. и онъ, послѣ побывки на родинѣ, вернулся въ лавру. Но развившаяся болѣзнь въ груди воспрепятствовала ему окончить полный академическій курсъ. Покровительствуемый Филаретомъ. Спасскій, 20-го сентября 1815 года, поступилъ учителемъ латинскаго и греческаго языковъ, славянской грамматики и церковнаго устава въ низшее отдѣленіе александро-невскаго училища и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ этомъ, такъ и въ высшемъ отдѣленіи училища, сталъ преподавать законъ Божій. Болѣзнь Спасскаго усиливалась, но Филаретъ не хотѣлъ отпустить отъ себя молодаго учителя, говоря: «не хочу, Петръ Спасскій, изъ виду тебя упустить, будешь ты въ моихъ очахъ, я въ тебѣ предвижу надежду добрую».

Обыкновенно въ прежнюю пору епархіальныя власти склоняли или, лучше сказать, приневоливали такихъ подначальныхъ имъ людей, въ которыхъ онѣ предвидѣли «добрую надежду», ко вступленію въ монашество, но въ отношеніи къ Фотію не нужно было даже и приневоливанія, такъ какъ онъ самъ хотѣлъ поступить въ монахи и, 16-го февраля

1817 года, архимандритъ Филаретъ постригъ Петра Спасскаго въ монахи.

При постриженіи у Спасскаго было только 5 руб. денегъ, такъ что онъ не имѣлъ никакихъ средствъ даже для того, чтобы обзавестись монашескою одеждою. Филаретъ и митрополитъ Амвросій вывели его изъ стѣсненнаго положенія. Первый изъ нихъ далъ ему клобукъ, «рясу добрую» и камилавку, а послѣдній—рясу, подрясникъ бархатный, молитвенникъ, четки и деньгами 100 рублей. На другой же день послѣ постриженія Фотій былъ рукоположенъ въ іеродіаконы, а на третій—въ іеромонахи. Въ томъ же 1817 году, 21-го февраля, Фотій былъ опредѣленъ законоучителемъ, настоятелемъ и благочиннымъ надъ 2-мъ кадетскимъ корпусомъ *), Дворянскимъ полкомъ и кавалерійскимъ эскадрономъ, при аттестатѣ, данномъ отъ духовнаго училища, съ превосходными успѣхами и примѣрнымъ поведеніемъ; онъ былъ сдѣланъ также и цензоромъ поученій, сказываемыхъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1818 году, 4-го октября, въ званіи законоучителя, «за образъ жизни, соотвѣтственный правиламъ монашескимъ, и за прохожденіе должностей по церкви настоятеля, а по корпусу законоучителя съ неутомимою ревностью и отличною похвалою», по представленію преосвященнаго митрополита Михаила, былъ сдѣланъ соборнымъ іеромонахомъ Невской лавры. Въ 1820 году, іюля 20-го дня, посвященъ тѣмъ же преосвященнымъ митрополитомъ Михаиломъ во игумены новгородскаго третьеклассяаго Деревяницкаго монастыря, и по окончаніи публичнаго испытанія въ корпусѣ, 14-го сентября, уволенъ отъ должности законоучителя и переведенъ настоятелемъ въ Деревяницкій монастырь **).

---

*) Елагинъ въ «Жизни графини Орловой-Чесменской» ошибочно пишетъ, что Фотій былъ назначенъ законоучителемъ въ 1-й кадетскій корпусъ. Въ другихъ свѣдѣніяхъ также ошибочно упоминается, что Фотій былъ законоучителемъ въ морскомъ корпусѣ.

**) Въ 1874 году скончался въ Петербургѣ почтенный старецъ Л. М. Спасскій, который нѣкогда служилъ одновременно съ Фотіемъ, учителемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. По его словамъ—Фотій уже тогда отличался крайне болѣзненною, истощенною фигурою, смотрѣлъ изъ подлобья; къ воспитанникамъ былъ строгъ, въ образѣ жизни—чрезвычайно воздерженъ. Въ корпусѣ увѣряли, что Фотій питается однимъ чаемъ. Л. М. бывалъ въ крайне скромной квартиркѣ Фотія въ одномъ изъ самыхъ глухихъ

Такъ описывается въ оффиціальныхъ актахъ служба Фотія въ монашескомъ званіи или, — употребляя его выраженіе о себѣ самомъ,—«въ ангельскомъ чинѣ». Но акты эти умалчиваютъ совершенно о тѣхъ событіяхъ, которыя съ этого времени стали придавать Фотію особое значеніе. Въ виду этого мы считаемъ нужнымъ остановиться на переводѣ Фотія изъ Петербурга въ Деревяницкій монастырь, тѣмъ болѣе, что съ этого времени становится извѣстнымъ сближеніе его съ графинею Анною Алексѣевною Орловою-Чесменской,—сближеніе, которое, безъ всякаго сомнѣнія, придавало ему болѣе силы и болѣе вѣсу, нежели всѣ личныя его качества.

Изъ находящихся у насъ подъ рукою и не напечатанныхъ еще доселѣ писемъ Фотія къ графини Орловой видно, что переводъ его въ Деревяницкій монастырь состоялся не по его собственному желанію, но что переводъ этотъ былъ въ сущности изгнаніемъ его изъ столицы, гдѣ онъ сталъ навлекать на себя негодованіе людей, могущественныхъ въ чиновномъ кругу.

Въ первомъ по времени извѣстномъ намъ письмѣ, открывающемъ двухлѣтнюю послѣдовательную переписку Фотія съ графиней Орловой, — письмѣ, озаглавленномъ «Удаленіе Фотія изъ Петербурга по вліянію тайныхъ обществъ», онъ пишетъ слѣдующее: «Слава Богу! Я нынѣ въ Великомъ Новѣ-градѣ, въ обители Святаго Воскресенія Господня. Удаленъ я по вліянію тайныхъ обществъ и явныхъ враговъ вѣры и церкви отъ града шумнаго, но не безъ воли Господа. Какъ птица отъ сѣтей ловящихъ, я улетѣлъ отъ сѣтей вражьихъ». Объясняя такимъ образомъ удаленіе свое изъ Петербурга, Фотій продолжаетъ: «въ градѣ св. Петра многіе люди въ мѣстѣ служенія моего были яко други и братья моя по плоти и во всѣхъ ихъ я видѣлъ благо для меня; но въ святой обители человѣки Божіи живутъ, служатъ единому Богу и всѣ они, младенцы, просты и чисты сердцемъ».

Но такой утѣшительный взглядъ Фотія на безмятежное житіе святыхъ отшельниковъ тотчасъ измѣняется въ примѣ-

переулковъ Петербургской стороны. Проповѣди его по воскреснымъ днямъ, полныя суроваго аскетизма, уже тогда обратили на себя вниманіе нѣкоторыхъ лицъ изъ большаго свѣта. Изъ «Рус. Стар.»

неніи къ самому себѣ. Воздавая благодареніе Господу за то, что Онъ сподобилъ его поселиться во святой обители, Фотій, обращаясь къ Орловой, не отлагаетъ всякія житейскія попеченія, но, напротивъ, заводитъ о нихъ съ нею заботливую рѣчь. «Сестра о Господѣ!—пишетъ Фотій, — ты первая и паче всѣхъ людей, Бога ради, посѣтила своею милостію. Ты первая меня посѣтила въ мѣстѣ скорбнаго житія моего. Продолжи милость твою, Бога ради, къ мѣсту нашему. Бѣдный Фотій! Ты, послѣ четырехлѣтняго подвижническаго и славнаго теченія въ званіи законоучителя, только игуменъ! Ты, послѣ жалованья 1,200 рублей и всего готоваго прочаго, на 200 рублей посажденъ жить и о всѣхъ безпокоиться; внемли и терпи вся: можетъ быть ты свыше званъ, а не отъ человѣкъ, на скорби многія. Ты убогъ, ты окаяненъ, ты не потребенъ ни къ чему, ты питаешься нынѣ и самъ подаяніемъ милости, присланной въ первые дни какъ ты прибылъ въ мѣсто твоего пастбища». Сѣтованія Фотія на перемѣну его положенія оканчиваются слѣдующими словами: «Бѣдный Фотій! ты игуменъ въ Деревяницкомъ монастырѣ, но благодари владыку и Господа, что ты нынѣ игуменъ, а не инъ кто и хвали Его, что ты въ Деревяницахъ, ради имени Его святаго, а не гдѣ индѣ».

Удаленіе свое изъ Петербурга Фотій приписываетъ, какъ мы видимъ, кознямъ тайныхъ, богопротивныхъ обществъ и враговъ церкви Христовой. Елагивъ, издавшій свою книгу въ 1853 году, вѣроятно вслѣдствіе тогдашнихъ цензурныхъ условій, не только ничего не говоритъ прямо объ этомъ, но даже не дѣлаетъ относительно этого никакого намека. Онъ замѣчаетъ только, что Фотій, удаляясь въ Деревяницкій монастырь, «покорился распоряженію начальства». Замѣчаніе это едва-ли не справедливѣе тѣхъ причинъ, которымъ приписываетъ самъ Фотій свое удаленіе. Во время его законоучительства во 2-мъ корпусѣ, тамъ былъ директоромъ Андрей Ивановичъ Маркевичъ, крутой, но прямодушный хохолъ, и притомъ служака-генералъ, не вдававшійся ни въ какія богословскія тонкости, и онъ-то, по собственнымъ словамъ «Записокъ Фотія», усиливался отрѣшить его, «яко неспособнаго къ должности и малоумнаго». Слѣдовательно, здѣсь весь вопросъ сводился къ служебной дѣятельности Фотія, разсматри-

ваемой съ точки зрѣнія начальника-генерала, помимо всякаго вліянія со стороны тайныхъ обществъ.

Пребываніе Фотія «въ мѣстѣ скорбнаго его житія», т. е. въ Деревяницкомъ монастырѣ, продолжалось до 29-го января 1822 года, когда онъ былъ нареченъ архимандритомъ новгородскаго третьеклассного Сковородскаго монастыря. «Хотя,—какъ пишетъ самъ Фотій,—онъ былъ удаленъ изъ Петербурга по старанію своихъ недруговъ», но несомнѣнно, что онъ имѣлъ тамъ и своихъ доброжелателей. Это доказывается тѣмъ, что, 25-го іюня того же 1822 года, за службу во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, вмѣсто назначеннаго золотаго наперснаго креста, «за примѣрно-хорошее поведеніе и прохожденіе должности настоятеля», государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ всемилостивѣйше пожалованъ Фотій золотымъ наперснымъ крестомъ, алмазами украшеннымъ.

Оффиціальныя эти сѣдѣнія дополнимъ заимствуемымъ изъ письма Фотія къ графинѣ Орловой отзывомъ относительно награды и повышенія: «еще тебѣ помыслъ открою — писалъ онъ ей — не знаю почему-то крайне не хочется быть архимандритомъ, хотя и указъ посланъ, я мню, едва-ли спасуся, ежели меня будутъ честить крестами и титлами. Какая мнѣ польза на земли? Царствіе Божіе внутри насъ». Нельзя однако, не согласиться, что такое отношеніе къ почестямъ и повышеніямъ составляетъ нѣкоторую противоположность недавнему еще сѣтованію Фотія на то, что онъ «только игуменъ» и, конечно, такая противоположность можетъ наводить на мысль о неискренности его равнодушнаго отзыва къ дѣлаемымъ ему отличіямъ.

Изъ Сковородскаго монастыря, въ томъ же 1822 году, 26-го августа, Фотій, по представленію митрополита Серафима «за примѣрное поведеніе и за исправленіе двухъ монастырей Деревяницкаго и Сковородскаго», переведенъ настоятелемъ первокласснаго Юрьева монастыря и опредѣленъ присутствующимъ въ новгородскую духовную консисторію. Съ этого времени начинается его замѣтная политическо-религіозная дѣятельность.

II.

Юрьевъ монастырь, куда переселился Фотій, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ русскихъ обителей. Этотъ монастырь, расположенный на лѣвомъ берегу рѣки Волхова, при устьѣ ручья Княжева, впадающаго въ эту рѣку, былъ основанъ въ 1030 году великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, носившимъ во св. крещеніи имя Георгія или Юрія. Юрьевская обитель находится на прямой линіи, въ 3-хъ верстахъ отъ Новгорода, и высокая мѣстность, на которой онъ стоитъ, обращается въ островъ во время весенняго разлива окружающихъ его водъ *). Не касаясь исторіи этого монастыря, мы замѣтимъ, что въ ту пору, когда архимандритъ Фотій былъ назначенъ его настоятелемъ, Юрьевъ монастырь, отъ частыхъ пожаровъ и по скудости доходовъ, приходилъ въ совершенную ветхость: въ немъ разрушались не только деревянныя строенія, но и каменныя зданія, и по бѣдности монастыря невозможно было произвести въ немъ никакихъ исправленій, число же братіи чрезвычайно уменьшилось.

Совсѣмъ въ иномъ видѣ явился этотъ убогій монастырь со времени Фотія, по ходатайству котораго императоръ Александръ повелѣлъ «на вѣчныя времена каждогодно отпускать отъ казны для поддержанія и возобновленія монастыря по 4,000 рублей, взамѣнъ принадлежавшей ему мельницы». Но монастырь обогатился собственно не этимъ царскимъ вкладомъ, а тѣми громадными пожертвованіями, которыя сдѣланы были въ пользу его, ради Фотія, графинею Анною Алексѣевною Орловою-Чесменской. У насъ есть подъ рукою нѣсколько счетовъ, представленныхъ ей подрядчиками, производившими въ монастырѣ разныя работы и отливавшими для него громадные колокола; и по отдѣльнымъ даже статьямъ счеты эти представляютъ крупныя суммы, но въ общей совокупности суммы, израсходованныя Орловой на монастырь,

*) Подробныя свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ можно найти въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря», напечатанной въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей» за 1868 годъ, кн. 2, стр. 29.

АРХИМАНДРИТЪ ФОТІЙ.

Съ гравированнаго портрета Сѣрякова.

достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Довольно сказать, что еще за 16 лѣтъ до ея смерти, на однѣ монастырскія постройки было израсходовано болѣе 700,000 рублей: одна только серебрянная рака для мощей св. Ѳеоктиста стоила свыше 500,000 руб. асс., а сколько досталось монастырю впослѣдствіи, а еще болѣе по завѣщанію его благотворительницы! Пожертвованія ея доходили до того, что, напримѣръ, въ монастырь было внесено 250,000 руб. асс. только на поминъ лицъ, близкихъ Фотію и всѣхъ благотворителей Юрьева монастыря! Въ настоящее время этотъ, прежде убогій, монастырь принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ по находящимся въ немъ сокровищамъ. Серебро, золото, бриліанты, яхонты, рубины, сапфиръ, изумруды, смарагды, жемчугъ и разныя драгоцѣнныя вещи напоминаютъ какъ о несмѣтныхъ богатствахъ Орловой, такъ и о безграничности ея пожертвованій.

Посмотримъ теперь, какъ распоряжался и хозяйничалъ архимандритъ Фотій въ обители, гдѣ, по словамъ его, жили «младенцы», «человѣки Божіи».

Общежитіе въ Юрьевскомъ монастырѣ, какъ полагаетъ авторъ статьи «Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря», вѣроятно было и прежде, но въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго оно утратилось. Первымъ распоряженіемъ Фотія было введеніе общежитія, хотя на это и не послѣдовало еще разрѣшенія со стороны синода. Въ примѣръ этому онъ взялъ Коневецкій монастырь, въ которомъ онъ провелъ нѣсколько времени, огорченный смертію епископа Иннокентія. Но монастырскій уставъ, основанный на правилахъ общежитія, какъ видно, не слишкомъ нравился святымъ отцамъ, Такъ, поддерживая въ своемъ монастырѣ общежитіе, Фотій дѣлалъ монашествующимъ письменное внушеніе «о постыдномъ дѣлежѣ пищи особь каждому на трапезѣ». Внушеніе это начиналось такими словами: «Богъ есть любы, отъ его любви общежитіе, отъ общежитія во всемъ единая любовь связывать однихъ съ другими людей должна, а особенно живущихъ въ ангельскомъ жительствѣ. Но замѣчено отцомъ (такъ называетъ самъ себя Фотій) въ дѣтяхъ не по уставу вовсе чинимое дѣло при ѣденіи общемъ». Это, не по уставу чинимое дѣло заключалось

въ томъ, что монахи, прежде чѣмъ служки успѣвали доносить кушанье до стола, расхватывали все по частямъ, одни изъ нихъ, свою часть жаловали другимъ, кого кто любитъ, а не тому который хотѣлъ ѣсть, и передавали эти дѣлежи по столу какъ милостивые знаки. Затѣмъ Фотій говоритъ, что «другія, несытства исполненныя утробы готовы все пожрать, дабы мамонъ свой набить, а потомъ спать отъ лѣности; они хватаютъ и съѣдаютъ не только то, что должно, но и дѣлежи за двухъ, за трехъ». Фотій запрещалъ такое нарушеніе устава при общей трапезѣ и приказывалъ каждому: «ѣсть въ своемъ сосудѣ и что предложено, благочинно, по совѣсти, и брать все изъ одного сколько для насыщенія надобно, а не для пресыщенія». «Должно—внушалъ Фотій—человѣку всякому, а особенно монаху, ѣсть не слишкомъ сыто, не наѣдаться, дабы не сотворить чревобѣсіе, которое есть въ числѣ седьми смертныхъ грѣховъ. Дивлюсь — заключалъ свое поученіе Фотій — ежели еще образъ ангельскій носящіе не могутъ научиться ѣсть мѣрою и вѣсомъ». Для удержанія же аппетита монаховъ въ должныхъ границахъ Фотій запрещалъ приносить имъ въ кельи пищу «безъ разсмотрѣнія благихъ причинъ».

Вообще предписанія о пищѣ со стороны Фотія,—который, по своей болѣзненности не отличался хорошимъ аппетитомъ,—составляютъ замѣтную часть его начальническихъ распоряженій. Кромѣ весьма частыхъ напоминаній о соблюденіи строгаго воздержанія въ пищѣ по уставамъ православной церкви, Фотій писалъ для подначальной ему монастырской братіи, догматическо-гигіеническіе трактаты, обсуждая съѣстные припасы въ значеніи скоромной и постной снѣди и указывая на вліяніе, какое имѣетъ то или другое явство на физическія и духовныя силы человѣка вообще, преимущественно же монаха. При этомъ онъ дѣлаетъ сравненіе естественныхъ произведеній, свойственныхъ сѣверному климату, съ произведеніями южныхъ странъ, такъ какъ эти послѣднія имѣлись собственно въ виду при первоначальномъ установленіи постовъ православною церковью. По поводу этого Фотій разсуждаетъ подробно о сочивѣ, овощахъ, о «зельяхъ снѣдныхъ».

Независимо отъ внушеній о воздержаніи въ пищѣ, дѣлаемыхъ въ пастырскомъ духѣ, Фотій обращалъ такое воздер-

жаніе въ карательную и исправительную мѣру. Такъ, въ одномъ изъ своихъ предписаній отцу-келарю, онъ приказываетъ «не топить кухни, не подлагать огня и не варить ничего, потому что почти всѣ крылосные не были въ церкви у утрени», для бывшихъ же въ церкви онъ приказываетъ сварить на своей кухнѣ щи и кашу, а не бывшимъ у утрени не давать даже и хлѣба. Дѣлая это распоряженіе, Фотій прибавляетъ: «да будутъ помнить, что идетъ послѣдній день суда Господня въ лѣтѣ и да помнятъ страхъ Божій. Пока я здѣсь съ вами, я долженъ быть праведный всѣмъ судія и каждому воздавать за дѣла по достоянію».

Лишенію пищи подвергались и тѣ, которыхъ Фотій сажалъ въ устроенную имъ при монастырѣ «смиренную». Посаженнымъ туда давались только хлѣбъ, квасъ, вода и соль, и то лишь въ одной порціи. «Иначе—замѣчалъ Фотій—будетъ смиренная инымъ покой, отдыхъ лѣнивымъ, на службу и на послушаніе негоднымъ. Да кто волею не воздержанъ: пусть неволею научится воздержанію даже отъ хлѣба». Въ смиренной Фотій держалъ иногда монаховъ по цѣлымъ мѣсяцамъ и только по временамъ приказывалъ выпускать оттуда провинившихся на праздество, чтобъ «посмотрѣть, каковъ на волѣ будетъ». Однажды, выпуская изъ смиренной подъ этимъ условіемъ какого-то брата Данилу, Фотій писалъ: «дать ему чувствовать, что милостивый отецъ его (т. е. самъ Фотій) и терпѣвшій за грѣхи его велѣлъ столько въ терпѣніи и молитвѣ дней проводить въ смиренной, яко въ затворѣ и пещерѣ, для спасенія его души по собственному его, Данила, согласію и прошенію». Вообще онъ пріучалъ монаховъ къ смиренію, внушая, что «прошеніе прощенія считается не только за знакъ вѣрный въ виновномъ смиренія, но и право, что онъ долженъ получить его, а правый обязанъ простить согрѣшившаго, когда виновный, сверхъ всего, пришедъ, сотворитъ въ землю поклонъ. Низшіе—писалъ Фотій—съ раскаяніемъ любовнымъ должны, будучи виновны, поклонъ высшимъ, пришедъ, сдѣлать, а высшіе благоволятъ поступить сами на то добрѣ и всеконечно простить все совершенно».

Когда Юрьевъ монастырь при Фотіи сталъ слыть въ народной молвѣ богатымъ, благодаря пожертвованіямъ гра-

фини Орловой, то странники и странницы начали усердно посѣщать его, находя тамъ сытую пищу. Поѣсть тамъ можно было вдоволь, такъ какъ, по словамъ Елагина, съѣстные припасы, по распоряженію Орловой, подвозились въ монастырь цѣлыми обозами. Въ особенности много заходило погостить въ монастырь «отставныхъ служилыхъ людей», пьянствовавшихъ и просившихъ милостыню. Изъ распоряженій Фотія видно, что они крѣпко надоѣдали ему, почему онъ и запрещалъ пускать ихъ въ обитель, да и вообще онъ запретилъ кормить въ монастырѣ мѣщанъ и солдатъ, которые приходили туда не только, чтобы въ волю поѣсть, но и вынести оттуда хлѣба «кучами и котомками». За допущеніе этого Фотій приказалъ ставить келаря и хлѣбодара на поклоны, прописывая имъ по сту поклоновъ сразу посреди церкви и разсуждая при этомъ такъ: «развѣ у насъ хлѣбъ мякина, а его столько даютъ, что имъ не дорожатъ и кому не на что жить, хлѣба столько даютъ, что въ кабакѣ вина можно купить и пьяну быть». Къ этимъ распоряженіямъ Фотій добавлялъ, что «постороннихъ ѣдоковъ не слѣдуетъ упитывать яко свиней, не знающилъ толку». Онъ затѣмъ приказывалъ не допускать вообще постороннихъ въ монастырскую трапезу; Фотій дозволялъ: «причастниковъ св. таинъ также питать на той на трапезѣ и людей чиновныхъ, и духовныхъ или купцовъ и кто особенно умѣетъ цѣнить пищу монастырскую и воспользоваться оттого».

Кромѣ мужской «странницы», въ которой находили себѣ пріемъ заходившіе въ Юрьевъ монастырь болѣе или менѣе далекіе богомольцы, Фотій устроилъ при монастырѣ и женскую странницу, въ которой, однако, какъ видно изъ распоряженій архимандрита, допускались большіе безпорядки. Заправлявшая этой странницей старица изъ трехъ комнатъ, предназначенныхъ для женщинъ, одну заняла сама, а въ другую помѣстила мужчинъ, которые живали въ странницѣ недѣли по три. Фотій приказывалъ, чтобы вообще въ странницахъ держали мужчинъ и женщинъ не болѣе 7-ми дней и, пріобщивъ ихъ въ субботу за ранней обѣдней св. таинъ, съ Богомъ отпускали домой въ свое мѣсто. Приходящихъ же издалека онъ разрѣшалъ держать и долѣе, только не женщинъ, такъ какъ, по словамъ Фотія, «опасно имъ долго быть

при мужскомъ монастырѣ и Богу неугодно таковое ихъ проживаніе и моленіе имъ не на пользу». Вообще же въ монастырѣ отъ богомольцевъ бывало «великое безпокойство, особенно отъ больныхъ бѣсныхъ».

Больные этого рода не только имѣютъ значеніе въ распоряженіяхъ Фотія по монастырю, но и указываютъ на особенность его вѣрованій. Фотій устроилъ въ деревянныхъ старыхъ кельяхъ больницу для женскаго пола, «такъ какъ—писалъ онъ — людей больныхъ отъ духовъ нечистыхъ сего пола бываетъ болѣе приходящихъ. А просто больницы для мужскаго пола не имѣть и больныхъ простыми болѣзнями не принимать и николи не держать, ибо у насъ нѣтъ для таковыхъ мѣста и лекаря. А кто придетъ и сдѣлается боленъ, давать таковымъ на бѣдность лучше 10 (въ рукописи не сказано рублей или копѣекъ) и съ Богомъ отпущать: пусть идетъ и въ мірскомъ домѣ лежитъ боленъ, ибо нѣтъ способа за всѣми смотрѣть и мѣста помѣщать. И таковое занятіе о больныхъ простыхъ можетъ многихъ монаховъ отъ дѣла своего и молитвы отдалять и утомить и умучить, а монашеское дѣло стараться прежде о своей душѣ, потомъ уже и о спасеніи другихъ».

Въ устроенную Фотіемъ больницу для бѣсныхъ явилась однажды молодая дѣвушка, бывшая фигуранткой на петербургскомъ театрѣ. Она объявила, что одержима нечистымъ духомъ. Фотій принялся отчитывать ее, поручивъ ближайшій за нею надзоръ молодому своему келейнику, который доносилъ ему, что Фотина Павловна (такъ звали дѣвушку) проводитъ все время въ молитвѣ, а самъ между тѣмъ, сошелся съ нею и такимъ образомъ обманывалъ Фотія. Орлова была сильно раздражена пребываніемъ Фотины въ Юрьевомъ монастырѣ и, какъ разсказываютъ, хотѣла дать ей половину своего состоянія, съ тѣмъ только, чтобы она ушла изъ монастыря и не дѣлала безчестія Фотію. Между тѣмъ Фотина стала собирать около себя окрестныхъ дѣвушекъ, которыя во множествѣ сходились на молитву въ монастырь, одѣтыя въ хитоны. Молва объ этомъ дошла до губернатора, который при содѣйствіи архіерея положилъ конецъ такимъ собраніямъ, причемъ Фотина, щедро надѣленная отъ Фотія деньгами, была отправлена въ Переяславъ въ тамошній женскій Ѳеодоровскій монастырь.

Фотій настолько вѣрилъ, будто онъ отчиталъ Фотину, что написалъ «Повѣсть чудну о нѣкоей дѣвицѣ, избавившейся отъ нечистаго духа». Орлова, послѣ смерти автора, уничтожила эту повѣсть, оставивъ только предисловіе, представляющее общее разсужденіи о бѣсовскомъ навожденіи.

Изъ прочихъ распоряженій Фотія видно, что онъ былъ заботливый хозяинъ, такъ какъ, несмотря на то, что монастырь имѣлъ уже громадныя средства, Фотій старался о томъ, чтобы нужды монастыря удовлетворялись собственными его средствами. Онъ старался о разведеніи при монастырѣ огородовъ, приказывалъ садить шалфей, мяту, какъ лечебныя травы, а также малину и барбарисъ «для утѣшенія братіи». Хозяйственныя его распорядки касались и содержанія лошадей, и изъ одного его письменнаго приказа видно, что при монастырѣ имѣлось шесть лучшихъ лошадей для настоятеля, столько же для разъѣзда на случай нужды, отъ 2-хъ до 4-хъ для черныхъ работъ и прочихъ простыхъ надобностей. При этомъ онъ требовалъ, чтобы лошади были исправныя и хорошія, и чтобы одна или двѣ изъ нихъ были пріучены орать и пахать землю.

Радѣя о строгомъ соблюденіи въ монастырѣ общежительнаго устава, Фотій заботился о поддержаніи прежнихъ и о присвоеніи новыхъ преимуществъ своей обители, а также о введеніи въ нее нѣкоторыхъ особыхъ порядковъ богослуженія. Онъ не забывалъ, что управляемый имъ монастырь имѣлъ нѣкогда за собою 15 приписныхъ монастырей и что, по сравненію съ окрестными монастырями, онъ, по грамадности своихъ зданій, назывался даже лаврою. Съ самыхъ первыхъ временъ существованія этого монастыря, настоятели его именовались «игуменами монастыря св. Георгія и архимандритами новгородскими», т. е. считались первыми или главными въ ряду управителей 50-ти новгородскихъ монастырей и какъ бы благочинными надъ всѣми ими. Что же касается священнослуженія въ Юрьевскомъ монастырѣ, то игумены или архимандриты его издревле отправляли священнослуженіе съ нѣкоторыми отличіями, присвоенными исключительно архіерейскому сану. Такъ, они служили и служатъ на коврѣ съ осѣняльными свѣщами и рипидами. При великомъ выходѣ выносится митра архимандрита, а самъ архимандритъ изъ

алтаря не выходитъ, но принимаетъ св. дары въ царскихъ вратахъ, послѣ чего произносится на ектеніи имя «всечестнаго отца священно-архимандрита».

До какой степени дорожилъ Фотій этими знаками внѣшняго іерархическаго почета—неизвѣстно, но, въ добавокъ къ нимъ, ему и его преемникамъ по управленію монастыремъ было присвоено носить посохъ съ сулкомъ, т. е. съ такимъ украшеніемъ изъ матеріи, какой бываетъ обыкновенно на архіерейскомъ посохѣ.

Отъ себя Фотій вводилъ въ монастырь нѣкоторыя особыя правила и по поводу ихъ сдѣлалъ однажды особое представленіе митрополиту Серафиму, которое имѣло слѣдующее вступленіе: «Божіею милостію азъ рабъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, ревнитель православія, святыя Христовы церкви и вѣры, двадцать уже лѣтъ какъ постриженъ въ монашество». Затѣмъ онъ заявлялъ, что не желаетъ дѣлать никакихъ отступленій отъ вѣры православной. «Несмотря на всѣ нововведенія—говоритъ Фотій—устроена мною обитель Юрьевъ монастырь и по древнему преданію общежитіе введено въономъ, уставъ общежитія составленъ и напечатанъ при св. синодѣ». При этомъ Фотій выражаетъ, однако, чтобы не считали нововведеніемъ со стороны его, что онъ «сначала поступленія въ монашество, будучи одѣтъ въ хитонъ нищеты и радованія, обязалъ къ этому неизмѣнному одѣянію и братію Юрьева монастыря». Справедливость своего требованія онъ подкрѣплялъ подлинникомъ греческаго молитвослова и переводами церковныхъ требниковъ, большаго новаго и древняго Петра Могилы, старинными рукописнымъ чиномъ постриженія, хранящимся въ Юрьевѣ монастырѣ, и выписками изъ книги «Новая Скрижаль». Мы приводимъ здѣсь эти подробности потому, что разсужденіе о хитонѣ составляетъ едва-ли не самый замѣчательный ученодогматическій трудъ юрьевскаго архимандрита, обнаруживающій вмѣстѣ съ тѣмъ и знаніе его по герминевтикѣ, т. е. умѣніе обставлять свои мнѣнія текстами изъ священнаго писанія и ссылками на творенія святыхъ отцовъ.

Такъ хозяйничалъ и распоряжался Фотій въ управляемомъ имъ монастырѣ. Всю дѣятельность и всю власть свою онъ направлялъ какъ на внѣшнее улучшеніе монастыря, такъ и

на водвореніе въ монашествующей братіи порядка, смиренія и воздержанія. Что же касается его самого, то онъ, бѣдный дьячковскій сынъ, недоучившійся бурсакъ и «человѣкъ Божій ангельскаго житія», обставлялъ себя самого не совсѣмъ на монашескій ладъ, хотя и твердилъ о суетѣ мірской. Памятуя тотъ часъ, когда, по словамъ Фотія, его «быть можетъ въ худое рубище завернутъ люди, бросятъ, какъ пса, въ могилу, снесши на старыхъ, почти изломанныхъ носилкахъ», онъ тѣмъ не менѣе пользовался въ монастырѣ всѣми удобствами жизни и въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Орловой писалъ: «я теперь зѣло богатъ, въ богатыя ризы облекаюсь, живу въ великолѣпномъ дому и гуляю на добрыхъ коняхъ». Всѣмъ этимъ онъ былъ обязанъ своей благотворительницѣ. Отношенія его къ ней представляются съ перваго раза страшнымъ соблазномъ уже потому, что молодой монахъ сблизился съ далеко не старою еще въ ту пору женщиною и жилъ на ея счетъ богато и роскошно, нарушая всѣмъ этимъ монашескіе обѣты цѣломудрія, нелюбостяжанія, смиренія и воздержанія.

III.

Съ 28-го іюня 1762 года самыми замѣтными людьми около воцарившейся императрицы Екатерины II были братья Орловы. Ихъ было пять братьевъ и третій изъ нихъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ (род. 24-го сентября 1735 г.), получившій, 10-го іюля 1775 года, въ день празднованія кучукъ-кайнарджійскаго мира наименованіе «Чесменскаго», женился, 6-го мая 1782 года, на Евдокіи Николаевнѣ Лопухиной, которой въ ту пору шелъ двадцатый годъ. 2-го мая 1785 года она родила въ Москвѣ дочь Анну. Описывая жизнь графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, Елагинъ восхваляетъ христіанскія добродѣтели ея матери, говоря, что она не пропускала ни одного церковнаго служенія не только въ праздники, но и въ обыкновенные дни, не любила нарядовъ и никогда не надѣвала брилліантовъ. Личное вліяніе матери не могло, однако, отозваться на ея дочери, такъ какъ графиня

Евдокія Николаевна, родивъ, 20-го августа 1786 года, сына Ивана, на другой день послѣ этого умерла, оставивъ дочь на рукахъ отца только по второму году.

На восьмомъ году отъ рожденія графиня Анна Орлова была пожалована фрейлиною и, проживая въ домѣ отца, «обучалась языкамъ французскому, англійскому, нѣмецкому и итальянскому». Чему она училась, кромѣ этихъ языковъ, о томъ въ книгѣ Елагина не упоминается.

24-го декабря 1807 года скончался графъ Орловъ-Чесменскій, а такъ какъ единственный сынъ его графъ Иванъ Алексѣевичъ умеръ еще въ 1787 году, то наслѣдницею всѣхъ его богатствъ осталась одна двадцати-двухлѣтняя дочь его графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская. Богатства же покойнаго были громадны. Ежегодный доходъ его наслѣдницы простирался до 1.000,000 рублей ассигнаціями, а стоимость ея недвижимаго имѣнія, исключая драгоцѣнностей, цѣнившихся на 20.000,000, доходила до 45.000,000 рублей. Само собою разумѣется, что у такой богатой, знатной и притомъ довольно красивой собою дѣвушки было множество жениховъ, и, въ числѣ искателей ея руки, явился, въ 1809 году, сынъ фельдмаршала графа Каменскаго, графъ Николай Михайловичъ. По поводу предположенія объ этомъ бракѣ отецъ Каменскаго писалъ сыну: «соперниковъ у тебя, конечно, много, да и, говорятъ, здѣсь готовятъ графа Воронцова, Семена Романовича сына, и такъ, не отнестись-ли мнѣ къ ней?» Однако, какъ это, такъ и всѣ другія сватовства къ графинѣ Орловой были безуспѣшны, но по какимъ именно причинамъ— это осталось неизвѣстно.

Біографъ графини Анны Алексѣевны, Елагинъ, описывавшій ея жизнь по просьбѣ или, вѣрнѣе сказать, по заказу архимандрита и иноковъ Юрьевскаго монастыря, конечно не поскупился на восхваленія благотворительницы этой святой обители. По словамъ его, «доблестная» Орлова «представляетъ разительный примѣръ благочестія и добродѣтели,—примѣръ, напоминающій первые вѣка христіанства». «Она—говоритъ Елагинъ—посвятила себя жизни уединенной, близкой къ отшельничеству». Упоминая въ одномъ мѣстѣ своей книги о благотвореніяхъ Орловой церквамъ и монастырямъ, находящимся даже въ Александріи и Дамаскѣ, Елагинъ по поводу

этого восклицаетъ: «сколько тутъ славы не только для нея, но и вообще для русскаго имени!»

Понятно, что на сочиненіе, въ которомъ высказываются такіе взгляды, приходится смотрѣть не какъ на правдивое жизнеописаніе, но какъ на похвальное только слово. Поэтому изъ книги Елагина мы позаимствуемъ нѣкоторые лишь факты, не опираясь на собственныя разсужденія автора и не вдаваясь даже въ критическую ихъ оцѣнку.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти своего отца, Орлова поѣхала на богомолье сперва въ Кіевъ, а потомъ въ Ростовъ. Здѣсь, при гробѣ св. Димитрія, она познакомилась со старцемъ Яковлевскаго монастыря Амфилохіемъ, котораго избрала своимъ духовникомъ и который, по словамъ ея біографа, имѣлъ на нее рѣшительное вліяніе. Но старецъ Амфилохій отошелъ наконецъ въ иной міръ, и Орлова хотѣла найти для себя другаго руководителя и исповѣдника. Она жила въ Москвѣ, когда туда прибылъ проѣздомъ Иннокентій, епископъ пензенскій и саранскій. Орлова обратилась за совѣтами къ нему и Иннокентій, знавшій хорошо Фотія по Александро-Невской лаврѣ, гдѣ онъ былъ ректоромъ семинаріи, указалъ ей на него.

Единственно для знакомства съ Фотіемъ, Орлова покинула родную Москву и переселилась въ Петербургъ. Здѣсь она искала случая сблизиться съ молодымъ монахомъ, но, какъ говоритъ Елагинъ, Фотій долго чуждался ее, какъ бы опасаясь вліянія ея знатности и богатства на свое убожество и не прежде какъ черезъ два года она достигла своей желанной цѣли—быть его духовной дочерью. Съ своей стороны и митрополитъ Серафимъ, благоволившій къ Фотію, указывалъ ей на него. Сблизившись съ Фотіемъ, Орлова, по переводѣ его въ Юрьевъ монастырь, поселилась около этой обители, заведя для себя небольшую усадьбу на землѣ, купленной ею у помѣщика В. И. Семевскаго за 74,000 р., и построивъ для себя домъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ древній монастырь св. Пантелеймона. Она сдѣлала это, надѣясь, какъ говоритъ Елагинъ, «подъ руководствомъ такаго духовнаго отца, какимъ былъ Фотій, вѣрнѣе исполнять христіанскіе подвиги добра и молитвы въ нѣкоторомъ удаленіи отъ свѣта».

Въ одной изъ статей, касающихся Фотія, сообщается, между прочимъ, что уже послѣ смерти его, Орлова говорила: «онъ возбудилъ во мнѣ вниманіе тою смѣлостію, тою неустрашимостію, съ какими онъ, будучи законоучителемъ кадетскаго корпуса, молодымъ монахомъ, сталъ обличать господствовавшія заблужденія въ вѣрѣ. Все было противъ него, начиная съ двора. Онъ не побоялся этого. Я пожелала узнать его и вступила съ нимъ въ переписку. Письма его казались мнѣ какими-то апостольскими посланіями. Узнавъ его болѣе, я убѣдилась, что онъ лично для себя ничего не искалъ».

Уединеніе, которое избрала себѣ Орлова вблизи Фотія, не отрѣшило ее однако совершенно отъ того мірскаго круга, къ которому она принадлежала по рожденію. Пріѣзжая на время въ Петербургъ или въ Москву, она являлась въ большомъ свѣтѣ, принимая въ своихъ гостиныхъ избранное общество обѣихъ столицъ. Она не отставала окончательно и отъ двора и, въ званіи камеръ-фрейлины, ѣздила съ императрицею Александрой Θеодоровной, въ 1826 году, на коронацію въ Москву; съ нею же, въ 1828 году, она отправилась въ Кіевъ, а потомъ въ Варшаву и въ Берлинъ. Вообще она оставалась свѣтской женщиной и, по замѣчанію Елагина, «видѣвшіе ее только въ гостиныхъ и не подозрѣвали, что она проводитъ бо̀льшую часть времени въ молитвѣ и благочестивыхъ трудахъ».

Въ продолженіи слишкомъ двадцати пяти лѣтъ главнымъ мѣстопребываніемъ Орловой почти постоянно была выстроенная ею усадьба близь Юрьевскаго монастыря. Здѣсь она вела какъ-будто отшельническую жизнь; кромѣ постоянной ходьбы по церквамъ, она строжайше соблюдала воздержаніе; такъ, въ первую недѣлю великаго поста она ѣла только просфору, запивая ее въ церкви теплотою, а въ продолженіе всей страстной недѣли принимала пищу только однажды въ великій четвергъ. Сообщая о такой жизни Орловой, Елагинъ замѣчаетъ, что «подъ руководствомъ Фотія развилось ея духовное совершенство».

Посмотримъ теперь, чѣмъ и какъ вліялъ на нее Фотій. Для разрѣшенія этого важнаго вопроса у насъ имѣлся рукописный матеріалъ — одинъ изъ томовъ переписки Фотія съ

Орловой *). Къ сожалѣнію, собственныхъ ея писемъ мы не знаемъ, но изъ нѣкоторыхъ отвѣтовъ Фотія можно составить довольно ясное понятіе, о чемъ и въ какомъ духѣ велась между ними бесѣда.

IV.

Число имѣющихся у насъ писемъ Фотія къ Орловой не велико, всего только 26; относятся всѣ они къ 1820, 1821 и 1822 годамъ. Письма Фотія написаны тяжелымъ языкомъ, съ грамматическими ошибками и поражаютъ читателя неправильною, можно даже сказать, безалаберною постройкою русской рѣчи. Одна изъ господствующихъ въ нихъ формъ—уподобленіе и притча. Въ нихъ не просвѣчиваетъ ни тонкости ума, ни наблюдательности, въ нихъ нѣтъ и силы убѣжденія. Они замѣтнѣе всего отличаются какою-то топорною вычурностію и преобладающая въ нихъ мысль сводится къ обычнымъ пастырскимъ поученіямъ и увѣщаніямъ о соблюденіи душевной чистоты и объ угожденіи Богу. Не мало занимаютъ въ этихъ письмахъ разсказы писавшаго ихъ о самомъ себѣ и даже не рѣдко встрѣчаются прямыя восхваленія самому себѣ. Вообще трудно понять, почему именно этими письмами,—а въ духѣ ихъ, конечно, велись и словесныя поученія Фотія — могъ онъ такъ сильно подѣйствовать на Орлову, считавшую ихъ «апостольскими посланіями». Письма Фотія отличаются также поддѣлкою, далеко, впрочемъ, неудачною, подъ церковно-славянскій языкъ, но рядомъ съ величавыми выраженіями и оборотами этого языка попадаются фразы самой плохой выдѣлки. Само собой разумѣется, что діаволъ, сатана, нечистый, супостатъ, окаянный и бѣсы пестрятъ безпрестанно посланія Фотія, въ которыхъ, при упоминаніяхъ о нечистыхъ силахъ, не забыты и «аггелы Вольтера».

*) Этихъ писемъ осталось около десятка томовъ. Они свято сбережены графиней Орловой и переплетенныя въ книги, въ 4-ю долю, сохраняются и до сихъ поръ. Мы имѣли случай ихъ просматривать и находимъ, что для полной характеристики Фотія и его отношеній къ послушнѣйшей изъ его овецъ—графинѣ Орловой—слѣдовало бы напечатать эти документы.

Два первыя письма Фотія относятся почти исключительно къ его собственной личности и объ одномъ изъ нихъ, первомъ, касающемся его **изгнанія** изъ Петербурга, мы уже говорили, а на другомъ, второмъ, косающемся его болѣзни, мы будемъ имѣть случай остановиться впослѣдствіи.

Изъ третьяго же его письма видно, что Орлова просила Фотія научить ее «умной» молитвѣ. Но по этому запросу Фотій оказался несостоятельнымъ. Онъ говоритъ, что даже не знаетъ, какъ приступить къ этому. «Я самъ — пишетъ онъ—не достигъ этого, то како могу научить и другихъ достигать». Затѣмъ онъ заговариваетъ объ этомъ предметѣ издалека, замѣчая, что въ началѣ міра, въ раю, не было никакихъ книгъ и заповѣдей и ученій о молитвѣ, ни письменъ, ни учителей». Но такъ какъ теперь есть книги, то Фотій и совѣтуетъ ей читать «писанія, житія святыхъ, соблюдать заповѣди Господни, и будетъ молитва твоя — заключаетъ Фотій,—яко кадило благовонное передъ Богомъ».

Четвертое письмо заключаетъ въ себѣ «посланіе о страсти блудной и похоти плотской». И здѣсь Фотій является слишкомъ зауряднымъ проповѣдникомъ, упоминая, что Господь благодатію своею блюдетъ его отъ чрева матери по плоти въ дѣвствѣ. «Не знаю — пишетъ онъ — жены, люблю дѣвство» и въ заключеніе совѣтуетъ Орловой пребывать въ дѣвствѣ.

Въ пятомъ письмѣ идетъ разсужденіе «о духѣ печали и унынія». Вотъ что пишетъ объ этомъ Фотій: «нѣкогда былъ часъ, яко же сей часъ: предсталъ духъ лукавый самому мнѣ въ иночествѣ вопросилъ демона я: отчего такъ скоро, нечаянно многіе сами себя убиваютъ? и сказалъ демонъ: многія вины тому отъ меня бываютъ, я посылаю духа унынія и печали. Увы, увы!—восклицаетъ далѣе Фотій—какъ помыслю, что̀ сатана для мнимаго прогнанія скуки, печали и унынія многихъ творить научилъ, то ужасъ беретъ меня! Для того изобрѣтены и обожаются: театры, маскарады, пѣсни, гульбища, бесѣды, карты, трагедіи, комедіи, романы, блудничные дома, сера̀ли, балы, пьянства, безчинныя пѣсни и прочія сатанинскія дѣла, о коихъ неприлично даже глаголить».

Какъ блѣдны, пусты и даже жалки эти страницы писемъ Фотія въ сравненіи хоть съ тѣмъ, что было написано

на эту же тему другими проповѣдниками, какъ напримѣръ, св. Іеронимомъ, однимъ изъ древнѣйшихъ отцовъ церкви, который, не приписывая соблазновъ міра сатанѣ, бѣжалъ отъ обольщенія роскошнаго Рима въ пустыню, спаленную солнцемъ, и гдѣ ему продолжали такъ живо грезиться всѣ соблазны міра, гдѣ ему видѣлись пляски римскихъ красавицъ и слышались ихъ чарующія пѣсни, и гдѣ онъ силою своего духа велъ борьбу съ своими пылкими страстями, не примѣшивая къ нимъ вовсе діавола...

Въ шестомъ письмѣ Фотія заключается «посланіе о пріобщеніи св. таинъ».

Особенное вниманіе обращаетъ на себя седьмое письмо Фотія. Въ этомъ письмѣ упорный ненавистникъ религіознаго мистицизма является самъ его распространителемъ и переноситъ путаницу своихъ сновидѣній въ область тогдашнихъ политическихъ вопросовъ. Письмо это, написанное 5-го декабря 1821 года, было вручено императору Александру Павловичу и смѣлость такого врученія, какъ мы полагаемъ, всего лучше характеризуетъ тогдашнее настроеніе умовъ.

«Напалъ — пишетъ Фотій — сонъ сладокъ и глубокъ зѣло». И вотъ во время этого сна начались видѣнія Фотія, напоминающія апокалипсическія видѣнія патмосскаго прорицателя.

Видѣлъ Фотій, что «была ночь и тьма велія, предъ лицомъ же его ясно и прозрачно отъ земли до небеси». «Было смятеніе и колебаніе тверди небесной». «Явилась на востокѣ луна, едва свѣтящая, но что-то, аки мгла, затмевало ее и луна поколебалась». Когда же Фотій хотѣлъ узнать, что значитъ это видѣніе, то услышалъ только гласъ: «знаменіе!» и луна скрылась.

Другое явленія заключалось въ томъ, что «по правой сторонѣ того мѣста, гдѣ была луна, явился кругъ прозрачный, въ нѣсколько кратъ болѣе луны и «внутри того круга бысть аки бы часть созданія земнаго подобіемъ языка, по ней бысть другая часть и третья и вкупѣ сіи три языки, въ небесномъ томъ кругу, то вращались, то двигались; и страхъ и ужасъ отъ движенія ихъ былъ на вся; пребывали же движася три части, не сдвигаясь съ мѣстъ своихъ, и когда—продолжаетъ разсказывать Фотій—я недоумѣвалъ, къ

чему знаменія суть сія, гласъ бысть свыше вопіющъ: «къ брани!»

Подобнаго рода, сказать по правдѣ, безтолковыхъ видѣній, было Фотію семь. Онъ, по словамъ его, видѣлъ «начертаніе славы трисвятаго Бога», видѣлъ «явленіе на облакахъ свѣтлыхъ, небесныхъ сына человѣческаго, подобіемъ аки человѣкъ»; видѣлъ «птицу черную яко орла», «другаго звѣря, аки левъ» и «третье животное, яко рысь, бѣжавшихъ отъ орла». Видѣлъ я «Бога Вседержителя, облеченнаго въ солнце и сидящаго на престолѣ славы своея». Затѣмъ, по словамъ Фотія, были свѣтъ и благоуханіе.

Не удовольствовавшись простымъ описаніемъ всѣхъ этихъ явленій, Фотій объясняетъ ихъ, говоря, что «луна есть знаменіе царства турецкаго, нечестія магометанскаго; языки—знаменіе трехъ великихъ державъ, на мѣстѣ луны дѣйствовать имущихъ, образъ же орла есть образъ царства на полуночи сущаго. А прочая вся имѣяй умъ, да чтетъ и разумѣетъ и внимаетъ, дондеже вся сія сбудутся во время свое вскорѣ, яко же азъ видѣхъ и слышавъ и написавъ словеса въ книгѣ сей».

Такъ какъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности провѣрять чужія сновидѣнія, то нельзя, конечно, отрицать, чтобы все это не снилось Фотію; но легко также могло быть и то, что всѣ эти явленія были произведеніемъ бдящаго воображенія Фотія, особенно если обратить вниманіе на то, что въ эту самую пору императоръ Александръ Павловичъ, подъ вліяніемъ графа Каподистрія, сочувствовалъ начавшемуся движенію филеленовъ, которое могло, какъ казалось, повести главныя европейскія державы къ рѣшительному столкновенію съ Турціею,—столкновенію, исходъ коего, по чувству русскаго патріотизма, конечно долженъ былъ окончиться въ смыслѣ явленія, представившагося Фотію.

Мы уже говорили о душевномъ настроеніи графини Орловой на основаніи ея жизнеописанія, составленнаго Елагинымъ, но вотъ въ восьмомъ письмѣ Фотія къ ней открывается часть исповѣди ея передъ духовнымъ ея отцомъ. «Христолюбивая дѣвица» писала къ Фотію такъ: «повѣришь ли ты, отецъ мой, какъ званіе, въ которомъ находится многобѣдная Анна, ей тяжко и день ото-дня все становится тя-

желѣе, и какъ жажду и алчу уединенія, то одному только Господу извѣстно: во-истину иногда слезы радостныя катятся, когда останусь одна и когда меня никто не требуетъ». Затѣмъ она выражаетъ желаніе «укрыться далѣе и далѣе отъ шума мірскаго и попеченій житейскихъ».

Если графиня Орлова наслѣдовала по природѣ отъ матери своей стремленіе къ богоугодной жизни и равнодушіе къ мірскимъ благамъ, то едва ли нѣкоторыя обстоятельства не могли повліять еще сильнѣе на желаніе ея отдаляться отъ двора и общества. Она могла знать, какимъ путемъ досталось ея, прежде безвѣстной, семьѣ богатства, почести и знатность, а слава чесменскаго боя, озарявшая ея отца, не могла закрыть своимъ блескомъ тѣ темныя дѣянія, которыя тяготѣли надъ нимъ. Подъ вліяніемъ всего этого, робкая совѣсть молодой дѣвушки давала ей чувствовать ложность и тягость того положенія, въ которомъ она находилась, и понятно, что усердныя молитвы къ Богу и надежда на Его благость должны были служить ей нравственною поддержкою въ минуты раздумья обо всемъ, что̀ окружало ее и напоминало ей о недавно прошедшемъ... Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что событія, послужившія къ возвышенію семейства Орловыхъ, тяжело отзывались на одной изъ его представительницъ, у которой сильно было развито свойственное религіознымъ женщинамъ чувство, заставляющее ихъ боязненно вспоминать о грѣхахъ близкихъ имъ людей, и, статься можетъ, что искупленіе этихъ грѣховъ подвигами христіанскаго смиренія и добрыми дѣлами было задачею всей жизни для дочери Алексѣя Орлова.

Въ отвѣтномъ своемъ письмѣ Фотій отговариваетъ ее отъ ухода въ монастырь, выставляя примѣры непостоянства по принятіи иноческихъ обѣтовъ. «Сначала многія — внушаетъ Фотій своей духовной дщери—съ ревностію грядутъ на уединеніе въ пустыни и монастыри, горы и вертепы, а послѣ толико худо живутъ и съ отчаяніемъ ненавидятъ уединеніе, боренье съ врагомъ и страстьми».

Странно слышать такое внушеніе отъ Фотія, который самъ такъ восторженно восхвалялъ «ангельское житіе человѣковъ Божіихъ во свя̀той обители». И приходится подумать, что Фотій отгонялъ отъ Орловой мысль о постриженіи изъ соб-

ственныхъ видовъ. Съ удаленіемъ ея въ монастырь, непосредственныя и близкія его сношенія съ нею должны были, если не прекратиться совершенно, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлаться рѣже и, кромѣ того, богатая инокиня могла направить всѣ свои щедрые вклады уже не въ Юрьевъ монастырь, а въ избранную ею женскую обитель. А что Фотій не только охотно пользовался, но и разсчитывалъ на постоянныя и усердныя приношенія своей духовной овечки—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ своемъ первомъ къ ней письмѣ, онъ, какъ мы видѣли, прямо говоритъ объ этомъ. Въ послѣдствіи онъ пользовался щедростью Орловой, которая «на нужды его» предоставила всѣ свои богатства. Добавимъ къ этому, что Елагинъ въ похвалу Фотія ставитъ то, что онъ «въ знатныхъ видѣлъ для себя только орудіе къ проповѣдыванію истины», а знатная графиня Орлова-Чесменская была несомнѣнно для него однимъ изъ такихъ драгоцѣнныхъ орудій и потому, потерять ее, съ уходомъ ея въ монастырь, было бы для Фотія большимъ лишеніемъ со стороны его религіозныхъ понятій, помимо даже вопроса о матеріальной поддержкѣ того монастыря, на устроеніе и на обезпеченіе котораго Фотій смотрѣлъ, какъ на главную обязанность своего иноческаго подвижничества.

Слѣды другой исповѣди Орловой передъ Фотіемъ мы находимъ въ девятомъ его письмѣ, изъ котораго видно, что «богобоязненная Анна» жаловалась ему, что «положеніе ея хуже и опаснѣе, нежели бурное: я—писала она—точно какъ бы была въ туманѣ». За тѣмъ она винитъ себя передъ Фотіемъ «въ разсѣянности въ мысляхъ, въ страшномъ нерадѣніи о спасеніи, въ лѣности ужасной въ молитвѣ». «Оно, т. е. положеніе не бурное, но претяжелое, точно я утопаю мало по малу», пишетъ въ заключеніе Орлова.

Отвѣтъ на это письмо послѣдовалъ въ нравственно-догматическомъ духѣ и въ такомъ же духѣ написаны Фотіемъ четыре слѣдующія письма или посланія, а именно: десятое—«о молитвѣ непрестанной»; одиннадцатое—«объ иноческомъ обхожденіи съ другими»; двѣнадцатое—«о томъ, что значитъ и преобразуетъ св. недѣля» и тринадцатое—«кто есть человѣкъ чадо Отца Небеснаго».

Четырнадцатое посланіе, озаглавленное «о радости въ

дусѣ святѣ, коя есть знаменіе и составъ царствія Божія внутрь», вызвано письмомъ Орловой, изъ котораго въ письмѣ Фотія приводится слѣдующая выдержка: «во истину сегодня была необъяснима моя радость, отче мой, получая твое посланіе премилостивое. Господа ради продолжай питать твое немощное и неопытное чадо, твои святыя молитвы дѣлаютъ со мною во истину чудо. Благодареніе Господу Христу, чувствую такое равнодушіе ко всему, меня окружающему, что только и прошу Господа Бога нашего, чтобы сіе мое состояніе продолжалось. О! какъ мнѣ всѣ слова твои о мирѣ и царствіи Божіемъ памятны и дороги». Въ отвѣтѣ своемъ на это письмо Фотій сомнѣвается, что «ея слова отъ ея сердца, хотя и праваго», но объясняетъ ихъ тѣмъ, что «на тотъ часъ утѣшитель Духъ Святой пришелъ, и вселившись въ лоно сердца, вдохнулъ чувство и радость излить оныя на сей хартіи».

Въ слѣдующемъ, пятнадцатомъ, письмѣ встрѣчается снова выраженіе чувствъ Орловой къ Фотію, которому она пишетъ: «вспоминаю, сколь возможно чаще, гласъ твой, желающій мира немощной твоей дщери». Далѣе она проситъ его беречь здравіе. Эта просьба даетъ Фотію поводъ распространиться о своемъ самоотверженіи. Затѣмъ приводится еще выписка изъ письма Орловой, гдѣ она говоритъ, что «письма Фотія необходимы, какъ воздухъ для дыханія», и горюетъ, что «разстается хотя на нѣсколько съ нимъ и не слышитъ пресладкаго его гласа».

Шестнадцатое письмо обращаетъ на себя особенное вниманіе, потому что въ немъ приводится исповѣдь Орловой въ изложеніи самого Фотія. Онъ говоритъ за нее въ слѣдующихъ словахъ: «ахъ, отче мой, кая я дѣвица, когда въ сердцѣ невольно, хотя и рѣдко со мною то бываетъ, но восходятъ соблазны и помыслы нечистые, хотя и рѣдко, но я должна бываю украшаться, наряжаться и все сіе для плоти для видѣнія, для суеты творить; хотя и рѣдко, но я должна и лицо благовонными водами измывать и украшать и помазывать благовонными мастьми, хотя и рѣдко, но я должна по образу міра грѣшнаго иногда быть». Фотій утѣшаетъ ее въ этой скорби, увѣряя, что, несмотря на это, душа ея дѣвственная, чистая, а плоть цѣломудренная.

Въ письмѣ семнадцатомъ Фотій, жалуясь на «лютыя вре-

мена», писалъ Орловой такъ: «о дѣвице! тебѣ Господь далъ премудрость и крѣпость; сама себя спасай и иныхъ, то словомъ, то дѣломъ, то духомъ; сама не восхищай другихъ учить: жена, по апостолу, да не учитъ, но по готовымъ книгамъ и ученіямъ святыхъ отецъ учить можешь другихъ своихъ, а сама учительства и проповѣдничества и писать писанія, подобно бѣсомъ водимой г-жи Гіонъ, презирай, убѣгай подобныхъ и восхищающія все то, подобно сей безумной. прокляты и запрещены» *).

Послѣдующія письма озаглавлены такъ: восемнадцатое—«о питіи духовномъ», девятнадцатое о томъ, что «о спасеніи пещися должно заблаговременно въ житіи, а не до старости и смерти отлагать его, и объ обители небесной» и двадцатое «о благоугожденіи Богу». Послѣднее изъ этихъ писемъ написано по поводу жалобы Орловой на лѣнь и на то, что она «привязана ко сну, который ей дѣлаетъ великую помѣху въ спасеніи души, тогда какъ ей хотѣлось бы хотя по одному разику въ нощь вставать на молитву». «Блаженна ты уже по тому,—отвѣчаетъ на это ей Фотій,—что душа твоя желаетъ угодить Господу».

Въ письмѣ двадцать первомъ идетъ поучительная бесѣда «о Софіи, сирѣчь премудрости Божіей, вѣрѣ, надеждѣ и любви». Двадцатое письмо «о богоугожденіи и дѣвствѣ» вызвано письмомъ Орловой, въ которомъ она сообщаетъ Фотію, что «видѣла суету о Господѣ, и посмотрѣвши на нее и видѣвши все ея терзаніе, изъ глубины сердца благодаритъ Бога, что онъ удержалъ ее отъ супружества. О! истинно блаженное состояніе дѣвическое—восклицаетъ Орлова—никакихъ хлопотъ житейскихъ за собою не имѣетъ, только попеченіе едино остается имѣть дѣвицѣ, какъ спасти душу». Соглашаясь со всѣмъ этимъ, Фотій прибавляетъ, что Господь просвѣщаетъ ея разумъ.

Двадцать второе письмо посвящено разсужденію «о многоразличныхъ путяхъ спасенія». Оно написано въ схоластическомъ духѣ.

---

*) Жанна Бувье-де-ла-Моттъ (род. 1648 † 1717 г.), по мужу Гюйонъ, пріобрѣла себѣ извѣстность мистическо-христіанскими проповѣдями. Послѣ нея осталось 39 томовъ сочиненій религіознаго содержанія.

Въ письмѣ двадцать третьемъ Фотій на сообщеніе графини Орловой изъ Петербурга о томъ, что «все здѣшнее ей, а особенно мірское, въ тягость, и что она счастливѣе себя находитъ, когда остается одна и бесѣдуетъ съ Богомъ», отвѣчалъ: «какъ мнѣ не утѣшаться, что Господь тебя отъ брака отвелъ, могущую имѣть жениха благороднаго, перваго во градѣ, зѣло честнаго и преславнаго. Какъ мнѣ Господа не благодарить, когда по благости его ты презрѣла всѣ мірскія благи, дабы воспріять небесныя вполнѣ, когда ты ни злата, ни сребра не щадила, все щедрою рукою сыпала, дабы Христа пріобрѣсть и умолить его». Затѣмъ, Фотій внушаетъ ей «спасаться отъ сребролюбія, грѣховныхъ игръ, отъ картъ, отъ маскарадовъ, плясокъ, танцевъ, театровъ, развратныхъ еретическихъ книгъ, злыхъ бесѣдъ, гордости, тщеславія, хулы, роскоши и предписываетъ ей «спасеніе въ дѣвствѣ и постѣ».

Въ трехъ остальныхъ письмахъ идетъ бесѣда «о чистотѣ святой», «о пути царскомъ, среднемъ и легкомъ ко спасенію». Въ этомъ письмѣ Фотій убѣждаетъ «Анну, обрѣтающуюся въ царскихъ чертогахъ, чтобъ она не спѣшила въ монастырь, не яко инокиня, не яко раба Христова». Послѣднее изъ имѣющихся въ распоряженіи ред. «Русской Старины» писемъ Фотія, отъ 23-го декабря 1822 года, озаглавлено «помни послѣдняя твоя» и заключаетъ въ себѣ самыя обычныя поученія о суетѣ мірской.

Фотій велъ обширную переписку съ Орловой и въ послѣдствіи, до самаго дня своей кончины; но мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ списка съ его послѣдующихъ посланій; впрочемъ, и та часть его писемъ, съ которою мы имѣли случай ознакомиться, достаточно очерчиваетъ способы вліянія Фотія на духовную его дочь. Независимо отъ этого, приводимыя нами письма имѣютъ то особое значеніе, что они относятся къ той именно порѣ, когда Фотій утверждалъ свое господство надъ Орловой. Современемъ же она сдѣлалась совершенно покорною передъ нимъ и онъ уже обращался съ нею самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Письма Фотія исполнены грубаго аскетизма и они устраняютъ, какъ мы думаемъ, всякое предположеніе о грѣшныхъ его отношеніяхъ къ Орловой, которая на первыхъ порахъ своего знакомства съ Фотіемъ была женщиною далеко еще

не старою: ей было только около 36-ти лѣтъ, а Фотію было лишь подъ тридцать лѣтъ. Трудно, даже невозможно, допустить, чтобъ между ними была любовная связь подъ покровомъ лжи и лицемѣрія. Невозможно, чтобъ они могли дойти до такого кощунства, чтобъ соединяли свои имена и на иконахъ и на церковной утвари съ молитвой къ Богу о помилованіи ихъ. Наконецъ, едва-ли какой-нибудь мужчина, физически сближающійся съ женщиною, станетъ описывать свою болѣзнь съ такими отвратительными подробностями, какъ это сдѣлалъ Фотій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Орловой. Крайнее и во многихъ случаяхъ ошибочное религіозное настроеніе Орловой, переходившее въ ханжество и въ слѣпую личную привязанность къ Фотію и выражавшееся всего болѣе неумѣстными щедротами, не можетъ, конечно, вызвать къ ней того сочувствія, какое стараются внушить къ ней ея восхвалители. Во всякомъ, однако, случаѣ историку тогдашняго русскаго общества приходится отнестись къ Орловой снисходительнѣе, нежели къ современнымъ ей великосвѣтскимъ русскимъ барынямъ, впадавшимъ въ модное отступничество подъ вліяніемъ разныхъ религіозныхъ проходимцевъ—католическихъ патеровъ и протестантскихъ пасторовъ.

По смерти Фотія Орлова продолжала жить по прежнему близь Юрьева монастыря, въ построенной ею усадьбѣ *). Молитвы объ упокоеніи души ея духовнаго отца и попеченія объ устройствѣ монастыря сдѣлались исключительными ея занятіями. Замѣчательны благотворенія ея Юрьеву монастырю, оказанныя ею послѣ смерти Фотія. Такъ, въ 1838 году она внесла 26,300 рублей серебромъ съ тѣмъ, чтобы ежедневно была отправляема литургія объ упокоеніи души Фотія. Въ 1843 году она внесла въ монастырскую казну 85,720 руб. сер. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала было заготовляемо масло для лампадъ и лампадокъ, а также продовольствіе монастыря хлѣбомъ, мукою и крупою. Въ томъ же году она пожертвовала еще 7,150 руб. сер. на заготовленіе ладона и восковыхъ свѣчей при панихидахъ о Фотіи. Затѣмъ,

*) Еще въ 1872 году вполнѣ сохранялся двухъ-этажный каменный домъ въ усадьбѣ графини Орловой. Этотъ домъ ни чѣмъ не напоминалъ келью затворницы: полы были паркетные, двери изъ дорогаго дерева. Домъ расположенъ среди тѣнистаго сада.

на разныя нужды и безъ того уже вполнѣ обезпеченнаго монастыря, Орлова дала 66,600 руб. сер., назначивъ изъ нихъ 2,000 рублей на приращеніе и поддержаніе монастырской библіотеки. Наконецъ, по ея завѣщанію, былъ въ 1848 году внесенъ въ государственный заемный банкъ билетъ въ 300,000 рублей серебромъ. Проценты съ этихъ денегъ, по указу синода, положено раздѣлить на двѣ равныя части, изъ коихъ одну обращать въ пользу монастыря, а другую въ пользу монашествующей братіи.

Графиня Анна Алексѣевна пережила Фотія слишкомъ на десять лѣтъ. Она умерла 5-го октября 1848 года скоропостижно, на 64-мъ году отъ рожденія, въ кельи настоятеля Юрьева монастыря, собравшись выѣхать оттуда въ Петербургъ.

V.

Прервавъ на время послѣдовательную нить нашего разсказа, для того, чтобы разъяснить отношенія Фотія къ Орловой, имѣвшей такое сильное вліяніе на его судьбу, мы обратимся опять къ личности Фотія.

Относительно дальнѣйшаго прохожденія Фотіемъ монашескаго пути имѣются слѣдующія офиціальныя свѣдѣнія.

Въ 1824 году, 16-го іюня, Юрьевъ монастырь былъ исключенъ изъ общаго благочинія и оставленъ въ непосредственномъ вѣдѣніи самого настоятеля, архимандрита Фотія, «какъ благонадежнаго и препровождающаго духовную жизнь, и при томъ стараніемъ своимъ приведшаго въ короткое время древнюю обитель въ совершеннѣйшее по всѣмъ частямъ благоустройство». Въ 1825 году, января 31-го, по засвидѣтельствованію митрополита Серафима о томъ, что архимадритъ Фотій привелъ Юрьевъ монастырь въ цвѣтущее состояніе, имѣетъ пламенное усердіе къ церкви Божіей и благочестивое рвеніе къ пользѣ отечества, императоръ Александръ I пожаловалъ ему панагію, украшенную бриллiантами и другими драгоцѣнными камнями. При этомъ ему дозволенно было носить при священно-служеніи эту панагію и пожалованный ему прежде крестъ, а внѣ служенія одну панагію. Въ 1827 году императоръ Николай Павловичъ разрѣшилъ, чтобы архиман-

дритъ Фотій оставался по смерть настоятелемъ Юрьева монастыря, согласно собственному его желанію. Объясненіе такому желанію мы находимъ въ одномъ изъ писемъ Фотія къ его брату, въ которомъ онъ, разсказывая о своей болѣзни, замѣчаетъ: «вотъ почему я, негоденъ будучи въ архіерейство, волею отъ него отказался». Ходатайство объ оставленіи Фотія до конца жизни въ Юрьевомъ монастырѣ приняла непосредственно на себя графиня Орлова, представивъ объ этомъ отъ себя государю докладную записку чрезъ статсъ-секретаря Муравьева.

Оставаясь юрьевскимъ архимандритомъ, Фотій былъ сдѣланъ благочиннымъ монастырей, кромѣ своего Юрьева, еще Старорусскаго Спасскаго, Сковородскаго, Клопскаго, Кирилловскаго, Отенскаго, Перекомскаго и Савво-Вышерскаго. Въ 1833 году, 25-го декабря, отъ св. синода дозволено было Фотію, и по немъ всѣмъ настоятелямъ Юрьева монастыря, имѣть жезлъ съ сулкомъ. Это была послѣдняя ему награда *).

Мы оставили бы важный пробѣлъ въ характеристикѣ Фотія, если бы, независимо отъ отношеній его съ разными лицами внѣ монастырскихъ стѣнъ, не обратили вниманія на семейныя его отношенія. Правда, что для опредѣленія этихъ отношеній матеріалы весьма скудны, но и они до нѣкоторой

---

*) Надо было однако имѣть столь сильную покровительницу, какую имѣлъ Фотій въ лицѣ графини Орловой, чтобы пользоваться милостями и наградами высшей духовной власти, въ то время, когда самъ императоръ Николай Павловичъ не только не былъ расположенъ къ фанатику, но еще нашелся вынужденнымъ сдѣлать ему однажды строгое внушеніе о приличіи. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Новгородъ государь очень рано утромъ, одинъ, безъ свиты, прибылъ въ Юрьевъ монастырь. Долго обходилъ онъ его, прежде нежели Фотій наконецъ вышелъ; настоятель явился въ богатой рясѣ и, благословляя августѣйшаго посѣтителя, дерзко протянулъ ему руку для поцѣлуя. Императоръ Николай Павловичъ въ тотъ же день собственноручно написалъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода повелѣніе: немедленно вытребовать въ Петербургъ архимандрита Фотія и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль пообучить Фотія приличію. Записка эта писана карандашемъ и до сихъ поръ хранится у одного любителя исторіи. Повторяемъ, надо было имѣть столь сильную покровительницу, какову имѣлъ Фотій въ послушнѣйшей своей овцѣ — графинѣ Орловой, чтобы не пасть тогда же подъ грозою, столь внезапно надъ нимъ разразившейся. Вся бѣда, однако, кончилась для Фотія двухнедѣльнымъ пребываніемъ въ Петербургѣ, гдѣ его пріобучили въ синодѣ смиренію и какъ вести себя съ высокими посѣтителями ввѣренной ему обители (Изъ «Русск. Стар.»).

степени обрисовываютъ личность Фотія, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на преобладавшіе въ немъ взгляды и понятія.

У Фотія былъ братъ Евфимій Спасскій, годами тремя моложе его. Онъ находился священникомъ въ селѣ Шегринѣ. Изъ переписки съ нимъ Фотія *), отъ 15-го октября 1826 года, видно, что отецъ Евфимій былъ крѣпко недоволенъ своимъ братомъ за то, что тотъ «не ласково принялъ его съ женою и мало его наградилъ». По поводу этого Фотій писалъ къ брату: «я съ тобою поступилъ какъ монахъ. Когда я и мать свою по лѣту не принялъ, то жену твою принимать и впредь не буду. И игуменій, и княгинь, и графинь, и генеральшъ я не принимаю, то какъ могу жену твою принять? Она токмо въ прихожей кельи была и то тяжко было мнѣ. О! какъ ты мало духовенъ и худо знаешь монашество! Знаешь-ли, что единый взглядъ можетъ монаху вредить».

Что же касается подарковъ, то Фотій напомнилъ брату, что онъ послалъ ему около пяти подарковъ въ 500 рублей. «Но Богу не угодно было—писалъ Фотій—и діаволъ похитилъ изъ рукъ твоего отца. Отъ того я позналъ, что Господь гнѣвается на меня, что я чуждые подарки вамъ посылаю. Я хотѣлъ токмо переслать что мнѣ было поручено, но Богъ погубилъ». Далѣе въ письмѣ этомъ замѣчателенъ слѣдующій укоръ Фотія брату: «твоя жена была безплодна, я далъ ей благословеніе, какое ты самъ слышалъ, и Богъ дастъ тебѣ чадо, довольно тебѣ сего подарка. Я по силѣ подарилъ».

Затѣмъ прерывающаяся почти на четыре съ половиною года переписка Фотія съ его братомъ возобновляется 4-го апрѣля 1826 года и принимаетъ другой оттѣнокъ. Фотій уже ласково относится къ своему брату, скорбитъ объ его болѣзни, посылаетъ къ нему своего доктора и, между прочимъ, пишетъ: «бѣденъ-ли ты? Что прикажешь, все будетъ тебѣ: я послѣднюю ряску продамъ и тебѣ помогу, есть-ли бы мнѣ нужно было помочь тебѣ. Фотій—монахъ грубъ, но не глупъ и не скупъ». Доброе расположеніе Фотія къ брату выражается и въ другихъ его письмахъ. Такъ онъ пишетъ: «Мое—все твое и твоимъ дѣтямъ принадлежитъ. Если бы нужда была, я бы сейчасъ для дѣтей твоихъ прислалъ 5,000». И далѣе:

---

*) Русск. Арх. 1871 г., стр. 239—255.

«у тебя есть братъ Фотій. Онъ послѣднюю копѣйку тебѣ отдастъ и рубашку, равно какъ и дѣтямъ твоимъ съ ихъ матерью». Вообще позднѣйшія письма Фотія къ брату проникнуты заботливостію о семьѣ послѣдняго; они нерѣдко сопровождаются посылкою денегъ и въ нихъ упоминается, что «благодѣтельница» желаетъ купить отцу Евфимію домъ деревянный или каменный. Въ письмахъ Фотія высказываются также попеченія о спасеніи души и тѣлесномъ здравіи брата. Попеченіе перваго рода доходитъ до того, что Фотій приготовилъ для него на случай его смерти священническое облаченіе и заранѣе хотѣлъ купить ему могилу, дабы онъ могъ быть погребенъ съ тѣми, съ кѣмъ желаетъ. «Я же не могу съ тобою вмѣстѣ и даже близь быть погребенну: довольно будетъ тебѣ, когда ты въ моей обители будешь погребенъ и то будетъ для тебя добро и велико».

Несмотря, однако, на все это, надобно полагать, что Фотій не слишкомъ былъ доволенъ своимъ братомъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ называетъ его «роднымъ, сладчайшимъ и многолюбезнымъ братомъ» и, заявляя, что онъ «любитъ его болѣе всѣхъ», даетъ ему однако и слѣдующееe не слишкомъ родственное наставленіе: «пора тебѣ быть іереемъ, а не свиньею».

Объ отношеніяхъ Фотія къ своему отцу намъ ничего не извѣстно. Изъ родныхъ же особенною его любовью пользовались тетка Татьяна, которая «много послужила ему въ дѣтствѣ Бога ради, при его бѣдномъ сирочествѣ» и которую онъ называетъ «сохранительницею своей жизни».

Высказывая въ письмахъ заботы о семьѣ своего брата и имѣя возможность устроить судьбу ея самымъ прочнымъ образомъ, онъ, по свидѣтельству самой Орловой, не позволялъ ей обезпечить его родныхъ; но это своего рода самолюбіе едва-ли можетъ быть отнесено въ похвалу Фотія, побуждавшаго Орлову тратить громадные капиталы хотя на предметы, служившіе внѣшнимъ выраженіемъ ея благочестія, но въ то же время свидѣтельствовавшіе и о прихотяхъ Фотія, какъ монастырскаго настоятеля.

VI.

Изъ лицъ, съ которыми пришлось Фотію имѣть отношенія въ теченіе своей жизни, самое видное мѣсто, послѣ графини А. А. Орловой-Чесменской, занимаетъ министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князь А. Н. Голицынъ; но отношенія къ нему Фотія были враждебны и возникшая изъ нихъ борьба между монахомъ и высокимъ сановникомъ, представляетъ интересный эпизодъ въ исторіи нашего государственнаго управленія.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (род. 8-го декабря 1773 года, † 22-го ноября 1844 года) принадлежалъ къ небогатой отрасли знаменитаго княжескаго рода Голицыныхъ. Въ дѣтствѣ онъ былъ представленъ Екатеринѣ II извѣстною ея камеръ-фрау Перекусихиною, которая дружески была расположена къ его матери, Александрѣ Александровнѣ, рожденной Хитровой, вышедшей, по смерти перваго мужа, князя Николая Сергѣевича Голицына, за капитана гвардіи Михайла Алексѣевича Кологривова († 1787 года). Императрицѣ полюбился маленькій Голицынъ и онъ сдѣлался однимъ изъ сотоварищей дѣтскихъ игръ великаго князя Александра Павловича, питавшаго къ нему особенную пріязнь. Неизвѣстно, по какимъ именно причинамъ императоръ Павелъ удалилъ князя Голицына отъ своего сына. Императоръ Александръ Павловичъ, вступивъ на престолъ, снова приблизилъ къ себѣ Голицына и сталъ оказывать товарищу своего дѣтства постоянную благосклонность. При немъ Голицынъ былъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ св. синода, главноуправляющимъ почтовымъ департаментомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ онъ состоялъ канцлеромъ всѣхъ россійскихъ орденовъ и пользовался чрезвычайнымъ уваженіемъ со стороны государя.

Личное знакомство Голицына съ Фотіемъ подготовляла графиня Орлова и оно началось весною 1822 года присылкою отъ юрьевскаго архимандрита цвѣтовъ князю. По поводу этого знакомства князь Голицынъ, искренно, или только изъ

свѣтской любезности, изъявлялъ графинѣ сожалѣніе, что онъ не позчакомился съ Фотіемъ раньше, во время пребыванія его въ Петербургѣ. Съ перваго же раза похвалы Голицына Фотію передъ графиней Орловой дошли до того, что, по словамъ князя, «назидательный разговоръ Фотія имѣлъ такую силу, которую одинъ Господь дать можетъ». Мало того, Голицынъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графинѣ Орловой называетъ Фотія «человѣкомъ необыкновеннымъ» и говоритъ, что бесѣды его производятъ «глубокое впечатлѣніе». Въ этомъ же письмѣ князь выражаетъ опасеніе на счетъ того, можно ли доложить государю о болѣзни Фотія, не спрося предварительно объ этомъ его самого. Опасеніе въ этомъ случаѣ со стороны Голицына не основывается на какихъ-либо простыхъ человѣческихъ соображеніяхъ, но Голицынъ полагаетъ, что «надобно такъ поступать, чтобъ не сдѣлать чего противнаго волѣ Божіей!» Письмо это, отъ 28-го іюня 1822 года, Голицынъ заключаетъ тѣмъ, что предлагаетъ Орловой помолиться за Фотія, прибавляя, что и онъ намѣренъ сдѣлать тоже, а 25-го іюля онъ проситъ устроить для него свиданіе съ Фотіемъ.

Лестные или сказать проще—льстивые отзывы Голицына передъ Орловой на счетъ Фотія продолжаются и въ послѣдующихъ письмахъ князя. Такъ, въ одномъ изъ писемъ онъ изъявляетъ сожалѣніе, что не можетъ насладиться бесѣдою «нашего Златоуста» и что онъ «хочетъ утолить жажду чистою водою, черпаемою чистою рукою и нескудно другимъ сообщающею». Въ другомъ письмѣ онъ поздравляетъ Орлову «съ пріобщеніемъ изъ рукъ любезнѣйшаго намъ и возлюбленнаго отъ Господа преподобнаго отца Фотія». Кромѣ того, онъ въ письмахъ своихъ часто изъявляетъ желаніе видѣться съ Фотіемъ и заботливо навѣдывается о его здоровьѣ.

Фотій служилъ поводомъ къ личному сближенію Голицына съ Орловой. Такъ, въ первыхъ своихъ къ ней письмахъ князь, слѣдуя общепринятой формулѣ, титулуетъ графиню милостивой государыней и сіятельствомъ, а письмо свое отъ 10-го января 1823 года онъ начинаетъ такимъ обращеніемъ: «Сестро о Господѣ!» Неудивитесь, — пишетъ вслѣдъ затѣмъ Голицынъ, — сему началу: оно съ благословенія отца Фотія. Господу было угодно устроить сношенія наши не на мірскихъ

основаніяхъ». Бесѣдуя въ этихъ письмѣ о Фотіѣ съ Орловой, бывшей въ то время въ Москвѣ, Голицынъ прибавляетъ: «думаю, что вы мучитесь безъ отца Фотія, но за то, вѣроятно, переписка самая дѣятельная».

Подобныя письма Голицына, человѣка, безъ всякаго сомнѣнія, чрезвычайно умнаго и воспитаннаго въ духѣ, чуждомъ ханжества, вводитъ насъ въ область происковъ самаго темнаго свойства. Чего могъ искать Голицынъ въ сближеніи своемъ съ Фотіемъ? Невозможно предположить, чтобъ Голицынъ дѣйствительно желалъ утолить ту жажду, о которой онъ писалъ Орловой, такъ какъ предлагаемая для этого Фотіемъ вода не могла быть Голицыну по вкусу. Если религіозное настроеніе Голицына не было искренно, то бесѣды Фотія были дня него излишни; при искренности же такого настроенія, поученія Фотія были совершенно противоположны тому духу, какимъ отличалось религіозное направленіе Голицына. Приходится думать, что Голицынъ, предвидѣвшій ту силу, которую пачинаетъ получать Фотій въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ, и въ особенности у Аракчеева, хотѣлъ склонить на свою сторону этого своеобразнаго монаха. Можно, пожалуй, выставить и другую догадку. Въ первое время сближенія Голицына съ Фотіемъ, Голицынъ собиралъ дѣятельно деньги для выкупа грековъ, находившихся въ плѣну у турокъ, при чемъ щедрая богачка Орлова-Чесменская, дочь русскаго вождя, разгромившаго нѣкогда враговъ креста, представлялась вполнѣ подходящимъ источникомъ для подобной благотворительной цѣли, которой горячо сочувствовалъ и самъ государь. Слѣдовательно, при сближеніи Голицына съ Орловой могли имѣться въ виду со стороны его, какъ искательнаго царедворца, особыя соображенія.

Въ письмахъ своихъ къ Фотію, Голицынъ также расточалъ ему лесть. Такъ, въ одномъ изъ нихъ увѣдомляя, что прочелъ писаніе Фотія о мирѣ Божіемъ, замѣчаетъ, «что писаніе сіе есть чрезвычайное, исполненное духа и помазанія Господня. Счастливъ я,—продолжаетъ Голицынъ,—что прочелъ о мирѣ Господнемъ, но какъ счастливъ тотъ, кто его вкусилъ. Надѣюсь, что молитвами вашими и мнѣ грѣшному Богъ пошлетъ оной».

Справедливость нашего замѣчанія о неискренности отзы-

вовъ князя Голицына на счетъ Фотія подтверждается послѣдующими между ними раздорами и, наконецъ, тѣмъ столкновенiемъ изъ-за религiозныхъ убѣжденiй, котораго не выдержалъ Голицынъ. Фотій былъ ревнителемъ православія и строго охранялъ всѣ его обрядности, тогда какъ Голицынъ былъ приверженцемъ того религіознаго мистицизма, примѣръ котораго подавался свыше и на сторонѣ котораго были въ Петербургѣ почти всѣ сильные міра сего *). Даже многіе изъ высокостоявшихъ духовныхъ лицъ православной церкви радовались тому, что прежнее безбожіе въ образованныхъ классахъ русскаго общества стало замѣняться хоть какимъ нибудь религіознымъ чувствомъ, разсчитывая на то, что въ послѣдствіи чувство это можно будетъ направить на ученіе православной церкви.

Главнымъ представителемъ новаго религіознаго направленія, независимо отъ разныхъ сектаторскихъ кружковъ, явилось библейское общество. О значеніи, дѣятельности и судьбѣ этого общества у насъ въ послѣднее время явилось въ печати столько свѣдѣній, что обо всемъ этомъ излишне было бы повторять. Поэтому относительно его мы ограничимся только такими фактами, которые должны объяснить участіе Фотія въ борьбѣ съ нимъ, причемъ главнымъ образомъ мы будемъ руководствоваться тою рукописною запискою, которая найдена въ бумагахъ Фотія и нынѣ принадлежитъ редакціи «Русской Старины».

Библейское общество, основанное въ 1804 году въ Англіи, методистами и массонами, нашло нужнымъ допустить каждаго читать библію безъ всякихъ при ней примѣчаній, толкованій и разсужденій. Въ 1806 году общество это завело сношенія въ Россіи съ сарептскимъ братствомъ и съ шотландскими колонистами на Кавказѣ и предложило митрополиту Платону издать библію на русскомъ языкѣ, но никакого отвѣта на предложеніе это не послѣдовало. Между тѣмъ шотландскій миссіонеръ Пакертонъ, жившій на Кавказѣ, переселился, въ 1805 году, въ Москву и, заведя тамъ свою пропаганду, успѣлъ,

*) Весьма наглядныя тому доказательства можно найти въ интересномъ разсказѣ квакера Грелле-де-Мобилье о пребываніи его въ Петербургѣ въ 1818 году. Разсказъ этотъ сообщенъ И. Т. Осининымъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 года, томъ IX. стр. 1—36.

зимою 1811 года, склонить «нѣкоторыхъ особъ изъ знатнѣйшаго дворянства» къ принятію участія въ учрежденіи библейскаго общества въ Москвѣ. Война съ Наполеономъ помѣшала этому, но тѣмъ не менѣе, 6-го декабря 1812 года, Пакертону разрѣшено было образовать общество для изданія книгъ ветхаго и новаго завѣтовъ, но только для иновѣрцевъ и притомъ лишь на иностранныхъ языкахъ. При первомъ заявленіи мысли объ изданіи библіи на русскомъ языкѣ, православное наше духовенство непріязненно отнеслось къ ней, находя, что чтеніе только священнаго писанія недостаточно безъ ознакомленія съ постановленіями соборовъ и преданіями отцовъ церкви. Между тѣмъ, вопреки этого взгляда, при дѣятельномъ участіи министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, стали появляться на русскомъ языкѣ такія книги, какъ «Таинство креста» и «Побѣдная пѣснь вѣры христіанской», колебавшія ученія соборовъ и отцовъ церкви.

Приверженцы православныхъ догматовъ заволновались въ виду появленія подобныхъ книгъ, но особенную между ними бурю подняло слѣдующее обстоятельство:

17-го мая 1817 года происходило въ Лондонѣ тринадцатое засѣданіе тамошняго библейскаго общества. На этомъ засѣданіи глава секты методистовъ Ричардъ Ватсонъ заявилъ, что въ Россіи религія возстановляется во всей ея чистотѣ и что въ греческой церкви открываются вѣковыя ея заблужденія. Съ точки зрѣнія англійскаго библейскаго общества это могло казаться вѣрнымъ, такъ какъ въ ту пору не было уже въ Россіи ни одной губерніи, гдѣ бы не было заведено библейскаго общества. Кромѣ того, особаго рода религіозное настроеніе стало охватывать и другія страны Европы. Такъ, прибывшіе около того времени изъ Германіи колонисты желали поселиться въ Греціи для того только, чтобы, будучи ближе къ Іерусалиму, ожидать появленія Мессіи. Секта эта занималась только туманными толкованіями апокалипсиса и не отличалась доброю нравственностію.

Особенно вредило библейскому обществу то, что членами его были преимущественно члены масонскихъ ложъ, распространявшіе свои доктрины подъ прикрытіемъ библейскихъ обществъ. Эти члены издавали въ свѣтъ сочиненія, считав-

шіяся прямо враждебными ученію православной церкви. Такъ вскорѣ по запрещеніи и отобраніи въ 1819 году надѣлавшей много шума книги Станевича, подъ заглавіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца», было издано Ястребцовымъ сочиненіе, озаглавленное: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи къ внутреннему влеченію духа Христова». Сочиненіе это было признано проповѣдью «возмутительныхъ началъ противъ христіанской религіи и гражданскаго благоустройства». Настроеніе тогдашняго русскаго общества къ чтенію книгъ, написанныхъ въ такомъ духѣ, доказывается лучше всего тѣмъ, что сочиненія Ястребцова разошлось два полныхъ изданія въ продолженіе менѣе двухъ мѣсяцевъ, и что автору ихъ были испрошены у государя двѣ весьма важныя награды. Между тѣмъ библейскія общества въ свою очередь все шире и шире распространяли свою дѣятельность; въ 1819 году денежный сборъ библейскихъ обществъ простирался до 1.500,000 руб., а въ концѣ 1823 года въ Россіи считалось уже 300 такихъ обществъ и сотовариществъ, которыя, по словамъ руководящей насъ записки, «прикрывали свои зловредныя дѣйствія благовидною личиною любви къ ближнимъ и усердія къ распространенію слова Божія». Общества эти съ особеннымъ успѣхомъ дѣйствовали на Дону, въ Саратовѣ и въ Тамбовѣ. Въ Харьковѣ между студентами устроилось библейское сотоварищество. «Мистики, духовидцы, пророки и проповѣдники, появляясь во множествѣ, разглашали свои толки въ союзѣ съ библейскими обществами, первый ударъ которымъ со стороны правительственной власти былъ нанесенъ въ 1824 году, вслѣдствіе появленія «богохульнаго толкованія Евангелія», изданнаго Госнеромъ, директоромъ русскаго библейскаго общества. Сочиненію этому прямо было приписана «цѣль возмущенія противъ церкви и престоловъ».

По всей вѣроятности, еще не близко то время, когда литература наша въ состояніи будетъ съ полнымъ прямодушіемъ, необходимымъ для истиннаго достоинства каждаго историческаго труда, вникнуть въ глубь этихъ событій, являющихся пока въ крайне щекотливой обстановкѣ. Съ внѣшней же стороны все дѣло представляется довольно просто: являются книги, признаваемыя направленными противъ религіи и гражданскаго порядка, но книги эти издаются подъ

вѣдѣніемъ цензуръ, состоящихъ при министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, такъ какъ глава этого министерства и его ближайшіе помощники содѣйствуютъ и покровительствуютъ изданію такихъ книгъ. Такимъ образомъ, поводовъ къ борьбѣ съ представителями этой, противной православію, партіи весьма было достаточно, и борьбу можно было начать и во имя религіи и во имя государственнаго порядка, нужно было только дать сильный толчекъ и завести схватку, которая не замедлила бы перейти въ рѣшительный бой.

VII.

Обыкновенно біографы тѣхъ лицъ, которымъ они посвящаютъ свой трудъ, стараются выдвинуть этихъ лицъ на первый планъ, сдѣлать ихъ первенствующими дѣятелями описываемыхъ событій, сосредоточивъ около нихъ всѣ другія личности только въ качествѣ второстепенныхъ дѣятелей. Мы пишемъ теперь о Фотіи, но намъ кажется, что было бы ошибочно придавать ему первенствующее значеніе въ той политическо-религіозной борьбѣ, или, говоря правильнѣе, въ придворной интригѣ, о которой намъ предстоитъ рѣчь, и даже приписывать почнинъ ея Фотію. Тѣмъ не менѣе въ этомъ случаѣ личность Фотія все-таки чрезвычайно замѣчательна, въ особенности потому, что онъ, при своемъ скромномъ іерархическомъ положеніи, долженъ былъ бы быть далекъ отъ вопроса, получившаго государственную важность.

Мы видѣли, что Фотій, состоя еще на должности корпуснаго законоучителя, вооружался противъ отступниковъ отъ православія—разныхъ свѣтскихъ сектаторовъ, послѣдователей внутренней церкви. Но, безъ всякаго сомнѣнія, тогда дѣло шло не о рѣшительной борьбѣ съ ними, но только о проповѣдническихъ обличеніяхъ со стороны Фотія. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но чрезъ то самое Фотій попалъ въ число «намѣченныхъ» людей, т. е. такихъ, которыхъ одна партія, при своемъ пересилѣ, стремится подавить и уничтожить, а противная ей — старается выдвигать такія прежде гонимыя личности. Здѣсь бываетъ своего рода бурное теченіе, которое

заставляетъ однихъ тонуть, а другихъ выплывать, даже безъ особыхъ со стороны ихъ усилій.

Едва ли мы впрочемъ ошибемся, если скажемъ, что безъ сближенія Фотія съ графиней Орловой онъ заглохъ бы въ своей древней, убогой обители. Фотій былъ силенъ прежде всего потому, что всегда, то за нимъ, то передъ нимъ, стояла графиня А. А. Орлова-Чесменская, съ своимъ несмѣтнымъ богатствомъ и съ своими общественными связями въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Орлова ввела Фотія въ кругъ людей, которые стали смотрѣть на этого монаха какъ на полезную для нихъ силу, и которыхъ онъ, въ свою очередь, самъ сталъ считать пригодными орудіями для осуществленія своихъ стремленій. Изъ замѣтныхъ въ ту пору личностей въ Петербургѣ, едва ли не первымъ союзникомъ Фотія сталъ Магницкій, котораго юрьевскій архимандритъ отвратилъ отъ библейскаго общества. Дѣло это не обошлось безъ участія графини Орловой, которая, по словамъ А. С. Стурдзы, находилась въ числѣ почетныхъ дамъ, присутствовавшихъ при первой встрѣчѣ Фотія съ Магницкимъ. Фотій, держа въ рукахъ двѣ восковыя свѣчи, съ нѣмою торжественностію встрѣтилъ Магницкаго и провожалъ его до приготовленныхъ особо креселъ. Фотій сѣлъ возлѣ Магницкаго и молчалъ нѣсколько минутъ, потомъ схватилъ стоявшій на столѣ колокольчикъ и принялся звонить изо всей силы, не говоря, впрочемъ, ни одного слова. Оба они, т. е. Фотій и Магницкій, только помѣнялись взглядами въ знакъ взаимнаго согласія и негласный союзъ былъ между ними заключенъ. Послѣ этой встрѣчи Магницкій — какъ замѣчаетъ Стурдза *), — началъ дѣйствовать уже открыто противъ распоряженій того министерства, въ которомъ онъ занималъ довольно почетное мѣсто, поступая такимъ образомъ въ угоду Аракчееву.

Нельзя сказать съ точностію, въ какое именно время произошло сближеніе Фотія съ Магницкимъ, но, вступая въ лагерь, непріязненный князю Голицыну, Фотій сталъ обнаруживать свою непріязнь и къ лицамъ самымъ близкимъ къ князю. Въ одномъ изъ писемъ къ Дарьѣ Алексѣевнѣ Державиной, относящемся, какъ надобно полагать, къ 1823 году

*) Воспоминаніе о Магницкомъ. «Русск. Арх.» 1868 г.

Фотій сильно возстаетъ противъ Александра Ивановича Тургенева, управлявшаго тогда канцеляріею министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Письмо это замѣчательно въ томъ отношеніи, что оно рисуетъ взглядъ Фотія на его религіозныхъ противниковъ. «Пишешь ты,—такъ начинаетъ свое письмо Фотій,—что съ сестрой видѣли извѣстнаго тебѣ человѣка и разговоры вы съ нимъ имѣли, что онъ крайне не любитъ духовенство и не уважаетъ потому, что они не Фенелоны и что онъ крайне гордъ и на свой умъ надѣется. Спасися отъ него, чадо! Вотъ видишь-ли съ какими вѣры явными врагами отецъ твой брань ведетъ за церковь и за спасеніе многихъ. А что онъ ненавидитъ насъ, духовныхъ, т. е. освященныхъ божественною благодатію свыше,—насъ, преемниковъ апостольскихъ,—то потому, что онъ явный врагъ всего духовнаго, божьяго, слушалъ лжеапостоловъ, слугъ демонскихъ, невѣрныхъ, потому, что истый масонъ». Спрашивая затѣмъ Державину, знаетъ ли она, кто былъ Фенелонъ? Фотій отвѣчаетъ, что Фенелонъ былъ масонъ, какъ видно изъ его сочиненій «мистическихъ и женоподобныхъ». Послѣ того Фотій задается вопросомъ: «гдѣ гордый Лабзинъ, отецъ и іерархъ сектаторамъ? Яко трава, яко прахъ погибе»,—говоритъ Фотій, добавляя, что то же будетъ и дѣткамъ его нечестивымъ и буйнымъ. Далѣе Фотій сравниваетъ Тургенева съ комаромъ, «котораго можетъ убить песъ трясеніемъ ушей, а человѣкъ—изловивъ. Много мнѣ—заключаетъ Фотій—надменный комаръ, Бога ради, пакости надѣлалъ». По всей вѣроятности, здѣсь подразумѣвается удаленіе Фотія изъ Петербурга въ Деревяницкій монастырь при содѣйствіи Тургенева.

Что касается отношеній Фотія къ главному и самому сильному представителю тѣхъ, противъ которыхъ онъ велъ брань, то мы уже видѣли, что князь Голицынъ съ своей стороны заискивалъ расположенія Фотія при посредствѣ Орловой и, вѣроятно, дѣлалъ это въ силу тѣхъ соображеній, о которыхъ мы упоминали выше. Между тѣмъ въ качествѣ министра духовныхъ дѣлъ Голицынъ вооружалъ противъ себя православное духовенство. Говорили, что онъ унижалъ митрополита Михаила своими съ нимъ столкновеніями въ синодѣ. Съ своей стороны, Михаилъ доносилъ государю, бывшему на конгрессѣ въ Лайбахѣ, объ опасностяхъ, которымъ под-

вергается православная церковь отъ «слѣпотствующаго министра».

По смерти Михаила на с.-петербургскую митрополію назначенъ былъ Серафимъ, и онъ-то собственно повелъ рѣшительную борьбу съ княземъ Голицинымъ, получая совѣты подкрѣпленія и одобренія отъ Аракчеева, Орловой и Фотія.

Въ «Запискахъ Фотія», писанныхъ подъ диктовку его отъ третьяго лица, священникомъ Василіемъ Орнатскимъ такъ описывается личность Голицына и образъ его дѣйствій: «овца онъ непотребная, или, лучше сказать, козлище. Хотѣлъ князь въ мірскихъ своихъ рубищахъ, не имѣя сана свыше и дара божественной благодати, дѣлать дѣла, принадлежащія единому архіерею великому, образъ Христа носящаго». Фотій не думалъ, однако, наступать рѣшительно на Голицына и, по собственнымъ словамъ его, «хотѣлъ воздвигнуть миръ между іерархомъ и министромъ, опасаясь, чтобы, злѣйшій звѣрь,—не возсталъ на мѣсто стараго, а ждалъ, не будетъ ли хоть какого нибудь плода отъ безплодныя смоковницы»

Главнымъ поводомъ къ столкновенію между юрьевскимъ архимандритомъ и министромъ народнаго просвѣщенія были тѣ книги, о которыхъ упоминалось выше. Фотій приписывалъ имъ религіозное шатаніе въ тогдашней православной паствѣ, и указывая на ихъ появленія, онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ (отъ 22-го сентября 1822 г.) замѣчалъ: «хотятъ, чтобъ вода въ котлахъ не кипѣла, но котлы на огнѣ держатъ и болѣе дровъ кладутъ подъ оные и разжигаютъ огонь». Позднѣе, въ укорительномъ письмѣ своемъ къ князю Голицыну (отъ 22-го апрѣля 1824 г.) Фотій писалъ: «тьма злодѣйскихъ книгъ можетъ-ли и святую душу не смущать»? Если появлявшіяся въ то время религіозно-мистическія книги, дѣйствительно представлявшія множество бредней, были пагубны, то все же ни Фотію, ни его единомышленникамъ не приходило на умъ отразить вредное вліяніе такихъ книгъ тѣмъ же оружіемъ, т. е. составленіемъ и изданіемъ опроверженій противъ ихъ. Партія, на сторонѣ которой былъ Фотій, думала подавить религіозное броженіе умовъ цензурными строгостями, но забывала, что книги въ родѣ книгъ, изданныхъ Станевичемъ, Ястребцовымъ и Госнеромъ, являлись и распродавались быстро потому именно, что въ нихъ была

потребность и что секты и религіозныя общества, уклонявшіяся отъ православнаго ученія, предшествовали изданію этихъ «зловредныхъ» книгъ, возникая и развиваясь помимо ихъ вліянія. Иноземно-религіозныя пропаганды шли весьма успѣшно и безъ книгъ. Въ ту пору два католическихъ священника изъ южной Германіи, Госнеръ и Линдль, не отрекшись отъ католичества, проповѣдывали въ Петербургѣ что-то въ родѣ мистическаго протестантизма. Изъ нихъ Линдль ораторствовалъ въ мальтійской церкви (въ пажескомъ корпусѣ), а Госнеръ въ екатерининской (на Невскомъ проспектѣ). Православные толпою ходили ихъ слушать, въ особенности изъ служащихъ, дѣлая это, какъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ» покойный Гречъ—въ угоду князю Голицыну. Понятно поэтому, что князь Голицынъ долженъ былъ сдѣлаться главною цѣлью для нападенія со стороны партіи, желавшей, отчасти по внутреннему убѣжденію, а отчасти изъ-за личныхъ видовъ и разсчетовъ, отстаивать неприкосновенность ученія православной церкви. «Не одни Фотіи—какъ справедливо замѣтилъ издатель записокъ этого монаха («Русск. Арх.» 1868 г., стр. 1403), — но и вообще люди трезваго благочестія имѣли право относиться съ улыбкою недовѣрія, а иногда и съ чувствомъ негодованія къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ такъ называемыхъ библистовъ, напримѣръ, къ рѣчамъ князя Голицына. Съ своей стороны, Фотій (Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія за 1868 г.) такими словами описываетъ эту пору: «противъ православія явно была брань словомъ, дѣломъ, писаніемъ и всякими образами и готовили враги новую, какую-то библейскую религію ввести. смѣсь вѣры сдѣлать, а православную вѣру Христову искоренить».

VIII.

По смерти с.-петербургскаго митрополита Михаила, мѣсто его занялъ Серафимъ, который вмѣстѣ съ митрополіей преемствовалъ и вражду своего предшественника къ Голицыну. Новый митрополитъ повелъ рѣшительную борьбу съ министромъ и къ участію въ ней былъ призванъ Фотій.

«Въ теченіе великаго поста (1822 г.) — пишетъ Фотій — слышно было, что Господь явно началъ сокрушать чрезъ своихъ вѣрныхъ силы сильныхъ ересеначальниковъ и ересеначальницъ; столпы вражіи шатаются, суевѣріе трепещетъ. Приходитъ св. Пасха и вызывается, сверхъ чаянія, старый ратоборецъ Фотій на подвигъ; присылается ему колесница въ даръ и на день Пасхи присылается крестъ самый драгій на персяхъ носить; также присылается ему сумма значительная, дабы явился немедленно въ Петербургъ, отъ коего прежде былъ изгнанъ безславно».

Разсказывая о своемъ приглашеніи въ Петербургъ, Фотій придаетъ этому событію чрезвычайную важность. По словамъ его, когда митрополитъ Серафимъ совѣтовался о вызовѣ Фотія въ столицу, викарій митрополита сказалъ, что Фотію можно дать благословеніе на пріѣздъ въ столицу; «но что тогда сбудется сіе: и потрясется весь градъ св. Петра отъ него».

28-го апрѣля 1822 года пріѣхалъ Фотій въ Петербургъ.

«Ежедневно — разсказываетъ самъ о себѣ составитель «Записокъ» — авва Фотій былъ званъ то къ тѣмъ, то къ другимъ лицамъ на бесѣду о Господѣ, о церкви, о вѣрѣ, о спасеніи души. На бесѣду же сбирались знатные и ученые бояре и боярыни. Бесѣда же таковая была болѣе всего въ домѣ дѣвицы Анны, дочери аввы Фотія, боярыни Дарьи Державиной, иногда въ Таврическомъ дворцѣ». Ознакомившись съ поучительными писаніями Фотія, легко представить себѣ общій смыслъ и даже форму изложенія его словесныхъ бесѣдъ и трудно предполагать, чтобы онѣ могли подѣйствовать на людей, относящихся здраво къ чужимъ рѣчамъ. Но Фотій ораторствовалъ въ кругу слушателей и слушательницъ, подготовленныхъ уже къ безграничному уваженію богословскихъ и нравственныхъ поученій его, или лицемѣрно ему поддакивавшихъ. Преданіе разсказываетъ, что послѣ продолжительныхъ своихъ бесѣдъ, сопровождавшихся обѣдами, Фотій ложился на диванъ, а присутствовавшія боярыни подходили цѣловать у него руки.

Во время этой поѣздки Фотія въ Петербургъ, онъ хотѣлъ прежде всего воспользоваться знакомствомъ своимъ съ княземъ Голицынымъ для того, чтобъ «водворить миръ между

іерархомъ и министромъ». Голицынъ, съ своей стороны, первый пригласилъ къ себѣ Фотія; Фотій посѣтилъ его, послѣ чего они стали часто видѣться у графини Орловой и бесѣды ихъ длились часовъ по девяти сряду. «Дѣвица и князь — пишетъ Фотій—возгарались любовью къ Фотію. Князь былъ радъ сдѣлать все, что Фотій внушаетъ, а Фотій старался помирить его съ митрополитомъ».

Около этого времени императоръ Александръ Павловичъ возвратился въ Петербургъ изъ своего заграничнаго путешествія. Голицынъ вызвался представить Фотія государю, но Фотій долго отказывался отъ этой чести. Наконецъ, вопросъ этотъ былъ рѣшенъ положительно и 5-го іюля 1822 года было назначено представленіе Фотія императору. «Митрополитъ старался его наставить, какъ и что говорить съ государемъ, тоже дѣлалъ и Голицынъ, но Фотій отказывался отъ ихъ наставленій».

Обстоятельство это показываетъ, что и іерархъ, и министръ, каждый въ свою очередь, выбирали Фотія орудіемъ своихъ замысловъ и что каждый изъ нихъ разсчитывалъ на то впечатлѣніе, какое должны будутъ произвести на государя, при его религіозно-мистическомъ настроеніи, туманно-смѣлыя рѣчи явившагося передъ нимъ монаха, о которомъ, конечно, была уже пущена предварительная въ пользу его молва. Очень, однако, естественно, что наставленія, дѣлаемыя Фотію съ одной стороны митрополитомъ Серафимомъ, а съ другой Голицынымъ, по своему разногласію, должны были чрезвычайно путать Фотія, почему онъ весьма благоразумно отказывался слѣдовать и тѣмъ и другимъ.

Фотій поѣхалъ во дворецъ «на коняхъ дѣвицы Анны», и войдя туда, «осѣнялъ крестнымъ знаменіемъ себя и во всѣ стороны и проходы, помышляя, что толпы здѣсь живутъ и дѣйствуютъ силъ вражіихъ, но что онѣ сейчасъ избѣгнутъ, видя крестное знаменіе».

Подробности свиданія Фотія съ императоромъ Александромъ описаны и напечатаны въ извлеченіи изъ его «Записокъ» («Русск. Арх.»).

Во время этого свиданія Фотій «видѣлъ, что царь весь прилѣпился къ услышанію слова изъ устъ его». Сперва началась рѣчь о Серафимѣ и Фотій внушалъ, что «пастырь

сей есть единственный по своей любви къ святой церкви, царству и ко благу». Когда же, въ концѣ бесѣды, государь спросилъ Фотія, не имѣетъ-ли онъ что особеннаго сказать, намекая на нужды монастыря, то Фотій отвѣчалъ отрицательно и началъ «о паче нужномъ самому царю». «Враги церкви святой и царства весьма усиливаются — говорилъ Фотій,—зловѣріе, соблазны явно и съ дерзостію себя открываютъ, хотятъ сотворить тайныя злыя общества; вредъ великъ святой церкви Христовой и царству всему, но они не успѣютъ, бояться ихъ нечего, надобно дерзость враговъ тайныхъ и явныхъ внутрь самой столицы въ успѣхахъ немедленно остановить». Бесѣда, какъ передаетъ Фотій, длилась около полутора часа, при чемъ Фотій внушалъ государю, что, «противу тайныхъ враговъ дѣйствуя, вдругъ надобно запретить и поступать».

Императоръ «многократно цѣловалъ благословляющую его руку», и когда Фотій уходилъ, «царь палъ на колѣни передъ Богомъ и, обратясь лицомъ къ Фотію сказалъ:

— «Возложи руки твои, отче, на главу мою и сотвори молитву Господню о мнѣ, и прости и разрѣши меня».

«Царь поклонился ему въ ноги и, стоя на колѣняхъ, цѣловалъ десницу его» *). Обо всемъ своемъ разговорѣ съ государемъ Фотій сообщилъ графинѣ Орловой и Серафиму, но скрылъ многое отъ Голицына, такъ какъ, конечно, если не прямо, то намеками Фотій взводилъ на него обвиненія передъ государемъ.

«Устроивъ ходъ дѣлъ нѣкіихъ и расположивъ къ себѣ сердце князя, какъ важную особу по всѣмъ дѣламъ», Фотій сбирался отъѣхать въ Новгородъ, какъ вдругъ пожелала его видѣть императрица Марія Ѳеодоровна. Для представленія ей онъ поѣхалъ въ Царское Село и остановился у боярыни Портеръ (рожденная княжна Щербатова). Онъ видѣлся также и съ графинею Ливенъ, и говорилъ съ государынею о Поповѣ,

*) Этому разсказу легко повѣрить, если сличить съ нимъ подобный разсказъ англійскаго квакера Греллэ-де-Мобилье («Рус. Стар.» изд. 1874 г., т. IX, стр. 14 и 20). Нельзя не принять въ соображеніе, что два эти лица писали свои Записки безъ всякаго между собою соглашенія, но приводимые ими факты до того сходны, что разсказъ квакера и разсказъ Фотія взаимно подтверждаютъ справедливость одинъ другаго.

Тургеневѣ, Руничѣ, Кошелевѣ. «Царица—по словамъ Фотія—имѣла въ сіе время великую ненависть къ врагамъ за ихъ противозаконныя дѣйствія по всѣмъ частямъ учебныхъ заведеній, но Фотій, какъ бы поручась за князя, со всею силою и любовью стоялъ, говорилъ смѣло, что онъ будетъ полезенъ, что онъ не совсѣмъ виноватъ, а его окружающіе всѣ пакости дѣлаютъ. Сіе представленіе—заключаетъ Фотій—много дѣйствовало въ пользу митрополита и во вредъ противныхъ партій».

Несмотря на вражду Голицына съ митрополитомъ Серафимомъ, Фотій сохранялъ, по наружности, пріязненныя отношенія къ князю и хотѣлъ воспользоваться ими сперва для примиренія іерарха и министра, а потомъ для подчиненія этого послѣдняго своему вліянію.

До какой степени Фотій считалъ себя вправѣ подчинить себѣ Голицына, это видно изъ письма его къ князю («Русск. Арх.» 1870 г., столб. 1159), въ которомъ онъ писалъ: «Знай, что я, по власти, мнѣ данной, твой наставникъ и отецъ, а ты мнѣ сынъ; я—Божій слуга, подыми же ты руки на меня и узришь, что или земля пожретъ васъ вскорѣ, или гнѣвъ Божій вѣчно постигнетъ васъ!...»

Въ теченіе двухъ лѣтъ Фотій увѣщевалъ по своему Голицына отстать отъ его заблужденій. 23-го апрѣля 1824 года, на другой день послѣ полученія княземъ Голицынымъ письма, изъ котораго мы привели теперь выписку, князь посѣтилъ Фотія, который началъ говорить ему: «умоляю тебя, Господа ради, останови ты книги, кои въ теченіе твоего министерства изданы противъ церкви, власти царской и всякой святыни, въ коихъ ясно возвѣщается революція, или доложи ты помазаннику Божію!»

Голицынъ отвѣчалъ: «что мнѣ теперь дѣлать, всѣ университеты и учебныя заведенія сформированы уже для революціи».

Фотій замѣтилъ, что Голицынъ можетъ поправить это, какъ оберъ-прокуроръ и министръ народнаго просвѣщенія.

Голицынъ отвѣчалъ: «не я, а государь виноватъ; онъ, будучи такого же духа, желалъ сего».

Послѣ этого Фотій рѣшился не видѣться съ княземъ Голицынымъ, который, однако, самъ напросился на свиданіе съ нимъ.

Свиданіе это произошло 25-го апрѣля 1824 года; Голицынъ попросилъ благословенія у Фотія, а Фотій, прежде чѣмъ благословить его, сказалъ князю: «въ книгѣ «Таинство Креста», подъ надзоромъ твоимъ, напечатано: духовенство есть звѣрь, т. е. антихристовъ помощникъ, а я, Фотій, изъ числа духовенства, іерей Божій, то благословить тебя не хочу, да и тебѣ не нужно то».

— Неужели же за сіе одно? спросилъ Голицынъ.

— «И за покровительство сектъ, лжепророковъ, и за участіе въ возмущеніи противъ церкви съ Госнеромъ, и вотъ на нихъ съ тобою сбудутся слова Іереміи, сказалъ Фотій, указывая на 23-ю главу его пророчествъ. Прочти и покайся», добавилъ Фотій.

— «Не хочу читать, не хочу слышать твоей правды!» закричалъ Голицынъ, и съ этими словами побѣжалъ отъ Фотія, который вслѣдъ пугнулъ его адскими муками.

Насколько достовѣренъ весь этотъ разсказъ, передаваемый самимъ Фотіемъ, рѣшить трудно, но существенная его часть, т. е. убѣжденія Фотія и отказъ Голицына—сдѣлать государю докладъ въ смыслѣ, предлагавшемся Фотіемъ, едва-ли подлежатъ сомнѣнію. Нельзя не принять въ соображеніе, что Голицынъ, какъ ловкій царедворецъ, близкій къ императору во дни его молодости, поддерживалъ настроеніе государя, скорбѣвшаго въ европейскихъ салонахъ о невозможности ввести въ Россіи конституціонныя учрежденія и дававшаго полную волю самовластію Аракчеева, а также заботившагося о томъ, чтобъ подавлять въ Европѣ всѣ признаки либеральнаго движенія, смотря съ участіемъ на мистически-религіозное движеніе въ своемъ собственномъ государствѣ. Голицыну, близкому къ государю во дни ихъ общей юности, теперь было уже поздно начать вторить Фотію, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ, князь Голицынъ, впадалъ бы въ рѣзкое противорѣчіе со всѣмъ, что высказывалось государю прежде...

Послѣднее, описанное здѣсь свиданіе Фотія съ Голицынымъ происходило 25-го апрѣля 1824 года, а между тѣмъ еще ранѣе, 12-го апрѣля того же года, Фотій вручилъ государю записку, въ которой писалъ: «въ наше время во многихъ книгахъ сказуется и многими обществами и частными людьми возвѣщается о какой-то новой религіи, аки бы пре-

доставляемой для послѣднихъ временъ. Сія религія проповѣдуется въ разныхъ видахъ, то подъ видомъ Новагѳ Сіона, то новаго ученія, то пришествія Христова въ духѣ какого-то обновленія, и аки бы тысячелѣтняго Христова царствованія и новой истины. Все это, только въ разныхъ видахъ, отступленіе отъ вѣры Божіей, Христовой и апостольской».

Другая записка, поданная Фотіемъ государю 29-го апрѣля того же года, слѣдовательно, послѣ окончательнаго его разрыва съ Голицынымъ, прямо уже направлена противъ непокорствовавшаго передъ Фотіемъ министра. Записка эта служитъ какъ бы дополненіемъ предшествовавшей ей бесѣды Фотія съ министромъ. «На вопросъ твой, какъ бы остановить революцію—писалъ Фотій—молимся Господу Богу и вотъ что открыто, только дѣлать немедленно. Способъ весь планъ уничтожить тихо и счастливо есть таковъ: 1) министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять у извѣстной особы; 2) библейское общество уничтожить подъ тѣмъ предлогомъ, что уже много напечатано библій и онѣ теперь не нужны; 3) синоду быть по прежнему и надзирать при случаяхъ за просвѣщеніемъ, не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ; 4) Кошелева отдалить, Госнера выгнать, Феслера выгнать и методистовъ выгнать, хотя главныхъ. Провидѣніе Божіе теперь ничего дѣлать болѣе не открыло»,—добавлялъ Фотій,—но за то исполненіемъ приведенныхъ выше 4 пунктовъ Фотій обѣщалъ «побѣду надъ Наполеономъ духовнымъ въ три минуты, одною чертою пера».

Еще болѣе характеромъ ожесточеннаго доноса отличается дальнѣйшая часть той же самой записки Фотія. Здѣсь онъ, между прочимъ, пишетъ: «общество иллюминатовъ всячески старается къ 1836 году сдѣлать приготовленіе, аки бы къ учрежденію единаго царства Христова, ибо въ 1836 году, по ихъ замыслу, всѣ царства, религіи, гражданскіе законы и всякое устройство должны быть уничтожены и должна начаться новая религія, новое одно царство, столица котораго Іерусалимъ. Общество преобразователей, именующее себя церковью филадельфійскою, т. е. братолюбивою, имѣетъ своимъ агентомъ въ Россіи Кошелева; онъ глава всѣхъ злыхъ направленій въ церкви и государствѣ. Онъ увлекъ Голицына, прельстилъ его подъ видомъ набожности все дѣлать къ

ниспроверженію самодержавія и вѣры, и чтобъ духовенство не мѣшало—введенію министерства духовныхъ дѣлъ. Все противное церкви вводилось и духовенство не смѣло ничего сказать. Для смѣшенія всѣхъ религій, министру подчинены всѣ религіи, даже жидовская и магометанская. Чтобъ смѣшать религіи съ ложнымъ просвѣщеніемъ и просвѣщеніе съ ложною религіею и чрезъ то исказить и религію и просвѣщеніе, и чего нельзя достигнуть чрезъ религію, того достигнуть чрезъ просвѣщеніе — министерство духовныхъ дѣлъ соединяется съ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ одномъ лицѣ. Издаются книги, проникнутыя духомъ методистовъ. Голицынъ, какъ министръ духовныхъ дѣлъ, разсылаетъ ихъ ко всѣмъ важнымъ духовнымъ лицамъ и во всѣ духовныя учебныя заведенія, а какъ министръ народнаго просвѣщенія, къ попечителямъ и во всѣ свѣтскія учебныя заведенія. А дабы почтовое управленіе не выдало какой-либо тайны сношеній или не воспрепятствовало бы распространенію книгъ, тотъ же министръ беретъ на себя и управленіе почтовою частью. Попечителями назначены единомышленники: Руничъ, Оболенскій, Карнѣевъ (въ Харьковѣ)». Далѣе, какъ на сообщниковъ князя Голицына, Фотій указываетъ на Тургенева, Попова и Фока, и относитъ къ злоумышленнымъ дѣйствіямъ князя: вызовъ Феслера, покровительство Лабзину, Татариновой, Криденеръ, Линдлю и Петерсону, упоминая, что какой-то попъ-еретикъ живетъ у Л. Т. І. и составляетъ ложное пророчество, которое поправляетъ Кошелевъ. Въ заключеніе, Фотій обращаетъ вниманіе государя на то, что «дѣйствія зла посѣваются на Дону, въ Сарептѣ, Саратовѣ, Воронежѣ, Тамбовѣ, Астрахани и другихъ мѣстахъ, что этому способствуютъ типографія и цензура, въ чемъ лично виновными оказываются Гречъ (типографщикъ) и Тимковскій (цензоръ) и что «Слово Божіе продается въ «аптекахъ».

Подкопы Фотія подъ Голицына, впрочемъ не единоличные, но въ союзѣ съ митрополитомъ Серафимомъ, не остались безъ послѣдствій, такъ какъ 15-го мая 1824 года министерство духовныхъ дѣлъ было упразднено.

Съ этимъ вожделѣннымъ событіемъ Фотій еще 13-го мая 1824 года поздравилъ преемника князя Голицына—адмирала

Шишкова: «Радуйся, братъ возлюбленный во Христѣ, новый россійскій Лактанцій!»

«Я-же радуюся, и спасенія и утѣшеній отъ св. Духа тебѣ прошу, и цѣлую тебя за премудрую, острую, и священную апологію противу врага церкви, отечества, и хитраго звѣря рыси.

«Радуйся! Господь съ тобою. Твой о Господѣ рабъ убогій Фотій» *).

По этому же случаю Фотій, 20-го августа 1824 года, писалъ симоновскому архимандриту Герасиму: «порадуйся, старче преподобный! Нечестіе пресѣклось, армія богохульная діавола паде, ересей и расколовъ языкъ онѣмѣлъ, общества всѣ богопротивныя, яко же адъ, сокрушились; министръ нашъ (намекъ на уничтоженіе министерства духовныхъ дѣлъ) одинъ Господь Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца». Приписка къ этому письму сдѣлана слѣдующая: «молися объ А. А. Аракчеевѣ, онъ явился, рабъ Божій, за св. вѣру и церковь, яко Георгій Побѣдоносецъ. Спаси его Господи!»

Съ уничтоженіемъ министерства духовныхъ дѣлъ, казавшагося главнымъ горниломъ зловредныхъ религіозныхъ и политическихъ идей, противникамъ Голицына оставалось еще справиться съ обществами, устроенными на религіозныхъ основаніяхъ; съ этою цѣлью митрополитъ Серафимъ, 28-го декабря 1824 года, писалъ императору Александру: «воспрети указомъ собираться такъ называемымъ духовнымъ обществамъ по домамъ, дабы священные обряды богослуженія не совершались святотатственно мірянами внѣ церкви». Просьба митрополита и личныя его представленія государю—при чемъ Фотій оказывалъ митрополиту нравственную поддержку своими совѣтами и внушеніями — подѣйствовали на императора Александра Павловича и противъ религіозныхъ обществъ стали принимать репрессивныя мѣры.

Митрополитъ Серафимъ признавалъ заслуги Фотія передъ православною церковью въ дѣлѣ низложенія ереси князя Голицына, а также въ дѣлѣ закрытія духовныхъ обществъ.

---

*) См. «Русскую Старину» 1870 г., томъ I, изд. третье. Это самое письмо Фотія цѣликомъ воспроизведено въ «Сборникѣ снимковъ съ автографовъ».

17-го января 1825 года онъ просилъ Аракчеева ходстайствовать передъ государемъ о награжденіи Фотія панагіею и ходатайство это было удовлетворено. Поводомъ къ такой наградѣ выставлялось то, что Фотій въ краткое время настоятельства своего привелъ монастырь въ отличное по всѣмъ отношеніямъ состояніе. «Но что сказать — писалъ Серафимъ къ Аракчееву—о пламенномъ усердіи къ соблюденію вѣры отцовъ нашихъ неприкосновенною?» Далѣе митрополитъ упоминалъ «объ обстоятельствахъ достославнаго въ лѣтописяхъ нашей церкви 1824 года».

Обращаясь къ участію Фотія въ дѣйствіяхъ той партіи, на сторонѣ которой онъ стоялъ, нельзя не отдать справедливости его энергіи, переходившей въ дерзкое вмѣшательство въ дѣла, для него, какъ монаха, совершенно чуждыя. Впрочемъ, и хорошую поддержку находилъ для себя Фотій, такъ какъ, кромѣ безграничнаго за него поборничества со стороны графини Орловой и многихъ другихъ боярынь, Фотій былъ подкрѣпляемъ митрополитомъ Серафимомъ и всесильнымъ въ ту пору Аракчеевымъ; императрица Марія Ѳеодоровна и, наконецъ, самъ государь оказывали ему особенное вниманіе. При такой благопріятной обстановкѣ, князь Голицынъ, льстившій нѣкогда Фотію до самоуниженія, долженъ быть казаться ему такою личностію, борьба съ которой становилась дѣломъ не слишкомъ труднымъ и опаснымъ. Если въ Фотіи при этой борьбѣ и нельзя отрицать мужества, то нельзя также не сказать, что оно опиралось на слишкомъ надежныя силы, почему и ошибочно было бы выставлять Фотія такимъ безстрашнымъ борцомъ, какимъ желали его представить ревностные его сторонники.

Благодаря покровительству Аракчеева, который, какъ гласила молва,—желалъ отдалить Голицына отъ государя, видя въ немъ вреднаго для себя соперника, устроивались свиданія архимандрита съ императоромъ. Фотій, какъ пишетъ онъ самъ, бесѣдовалъ съ императоромъ въ Зимнемъ дворцѣ пять разъ «о дѣлахъ вѣры и отечества». Бесѣды эти происходили: 5-го іюля 1822 года, 20-го апрѣля, 14-го іюля и 6-го августа 1824 года, 12-го февраля 1825 года и въ томъ же году 5-го іюля онъ видѣлся съ Александромъ Павловичемъ въ Юрьевомъ монастырѣ.

Аракчеевъ устроивалъ свиданія Фотія съ государемъ въ Петербургѣ. Такъ надобно заключить изъ письма его отъ 9-го августа 1824 года, въ которомъ онъ писалъ Фотію, что, по пріѣздѣ въ Царское Село, онъ, Аракчеевъ, докладывалъ государю о своихъ свиданіяхъ съ Фотіемъ, и что государю весьма пріятно было слышать его усердіе къ церкви Божіей и отечеству. «Его величество—продолжаетъ Аракчеевъ—единожды навсегда позволяетъ вамъ, отецъ архимандритъ, пріѣзжать въ Петербургъ, когда вамъ нужно будетъ, а въ доказательство благоволенія его величества къ вамъ, государю угодно видѣть васъ лично у себя въ Петербургѣ прежде его отъѣзда въ вояжъ, а потому и изволилъ назначить вамъ пріѣздъ въ Петербургъ, расположивъ такъ, чтобы вы могли быть между 3 и 10 чиселъ сего мѣсяца». Затѣмъ, 5-го августа Аракчеевъ писалъ къ Фотію, что государь приметъ его послѣ обѣда, въ началѣ 8-го часа, въ Зимнемъ дворцѣ.

Изъ всего этого видно, что участіе Аракчеева въ низверженіи князя Голицына не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но степень этого участія и починъ его не разъяснены еще окончательно.

Въ одной изъ замѣтокъ, касающихся Фотія («Рус. Арх.» 1870 г., стр. 893) высказывается, что скорѣе Аракчеевъ и Шишковъ были увлечены Фотіемъ, и что послѣдній началъ свою борьбу съ Голицынымъ, прежде чѣмъ познакомился съ Аракчеевымъ. Въ подтвержденіе всего этого не приводится, однако, никакихъ положительныхъ фактовъ и самое сближеніе Аракчеева съ Фотіемъ объясняется тѣмъ, что ихъ взаимно соединяли другъ съ другомъ привязанность къ консервативнымъ началамъ и къ православію церковному.

Легко можетъ статься, что еще въ бытность свою въ Петербургѣ, т. е., въ ту пору, когда нѣтъ никакого основанія предполагать о завязавшемся знакомствѣ Фотія съ Аракчеевымъ, Фотій въ своихъ проповѣдяхъ и въ бесѣдахъ съ окружавшими его лицами, прямо или намеками, нападалъ на Голицына, но такія нападки были еще слишкомъ далеки отъ той съ нимъ борьбы, которая доставила извѣстность и торжество Фотію. Началомъ же рѣшительной борьбы должно считать первое свиданіе Фотія съ государемъ, а свиданіе это

подготовилъ Аракчеевъ, черезъ котораго, какъ разсказываетъ Елагинъ, государь узналъ о Фотіи.

Государь считалъ Фотія лицомъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на Аракчеева, и этого было достаточно, чтобы и самъ Фотій представлялся императору Александру Павловичу человѣкомъ, выходившимъ изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ. Такъ надобно заключить изъ собственноручнаго письма Александра Павловича къ Фотію отъ 30-го октября 1825 года, написаннаго по поводу убійства въ Грузинѣ любовницы Аракчеева. «По всѣмъ извѣстіямъ, до меня доходящимъ—писалъ въ этомъ письмѣ императоръ — графъ Алексѣй Андреевичъ послѣ несчастія, его поразившаго, находится въ крайнемъ упадкѣ духа, близкомъ даже отчаянія. Зная искреннее уваженіе его къ духовнымъ вашимъ добродѣтелямъ, я увѣренъ, что вы съ помощью Всевышняго много можете подѣйствовать на его душевныя силы; подкрѣпляя ихъ, вы окажете важную услугу государству и мнѣ: ибо служеніе графа Аракчеева драгоцѣнно для отечества» *).

Аракчеевъ, этотъ—по выраженію Фотія—«мужъ преизъящнѣйшій»,—какъ видно изъ одной имѣющейся у насъ рукописи Фотія—совѣтовался съ нимъ объ уничтоженіи раскола. По этому поводу Фотій «секретно» писалъ ему слѣдующее:

«Не удивляйся, великодушный мужъ и вѣрный слуга царевъ, что я твоему благочестію на слова о раскольникахъ не далъ тебѣ слова удовлетворительнаго сряду. Во всякомъ благомъ дѣлѣ прежде подобаетъ прибѣгать съ молитвою къ Богу, прося отъ него помощи, съ разумомъ начать и добрыми дѣлами кончить начатое дѣло. Не все, даже и возможное, я твоему благоразумію изрекъ при нѣсколькихъ лицахъ въ мирной кельи моей: сему я научился отъ воиновъ навыку, когда воевода какой хощетъ плѣнить непріятеля, даетъ пароль своимъ при однихъ своихъ и то не всѣхъ, дабы непріятель не увидалъ сего, яко единственнаго ключа къ уразумѣнію предпріятія. Подобно сему и въ дѣлахъ Божіихъ, въ дѣлахъ вѣры

*) Фотій исполнилъ высочайшее повелѣніе: въ теченіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ Аракчеевымъ въ Юрьевомъ монастырѣ вскорѣ послѣ убійства Настасьи—настоятель этой обители усердно его утѣшалъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ надпись, вырѣзанная на перилахъ передъ алтаремъ одной изъ церквей Юрьевскаго монастыря.

и благочестія, бываетъ и быть должно благо слово и дѣло елико возможно неявно прежде исполненія».

Продолжая уподоблять веденіе дѣлъ религіозныхъ веденію военныхъ дѣйствій, Фотій пишетъ, что «враждебное внутри своего отечества полчище раскольническое, составившееся изъ самыхъ грубыхъ невѣждъ, выдающихъ и славящихъ себя за осіянныхъ свѣтомъ древнія вѣры святыя и благодати и истины Іисусъ Христовы и церкви православныя, вовсе же отступившихся отъ той истинныя православныя вѣры, неравносильно и неравномѣрственно есть въ нѣдрахъ отечества сонму православія, но и немалочисленно».

Въ виду этого Фотій дѣлаетъ Аракчееву такое внушеніе: «Неблагоразумное дѣло было бы на сихъ простецовъ, но враждебныхъ духу церкви и противящихся волѣ помазанника Божія, явно наводить угнетеніе или же явно плѣнять ихъ со враждою. Противоборцы, простецы, раскольники также виновны въ толкѣ своемъ враждебномъ, какъ и воины въ отечественной своей войнѣ за вѣру и царя, коихъ послѣ брани, когда и бываютъ побѣждены, свободно и мирно селятъ, или въ свои домы отпущаютъ, ибо всякъ изъ нихъ за свое мнимо-старое и благое враждебенъ былъ. А потому, плѣнивъ ихъ, дай имъ якое старое ихъ, единое и тоже служеніе, въ точности церковное пѣніе и чтеніе и ученіе святое, православное, отеческое и нынѣ въ церкви святой нашей сущее возстанови, или, отогнавъ мракъ съ очей ихъ, введи въ святую обитель, въ благоустроенный монастырь по уставу церковному, введи ихъ въ сіе святилище небесное на землѣ, пусть услышатъ земныхъ во плоти ангеловъ и духомъ, и сердцемъ, и устами въ предстояніи служащихъ, и поющихъ, и чтущихъ, и проповѣдующихъ путь истинный, вѣру правую, любовь истинную и житіе святое, и они, ревнители древней вѣры, возопіютъ: это все наше старое, впрочемъ чего они не вѣдятъ сами и не творятъ никогда; въ таковой обители нужно имѣть и духовныхъ воиновъ—воевать противъ нихъ. Раскольники все творятъ въ чаяніи томъ, что-де утомимъ мы утомленіемъ нашимъ окружающихъ насъ, они говорятъ въ себѣ: да успѣемъ. Сія мѣра имъ удавалась».

Затѣмъ Фотій, основываясь на словахъ писанія, въ коихъ сказано: «поражу пастыря и разсѣятся овцы стада» —

совѣтуетъ «налегать на вождей смѣшенія и толки». Въ обращеніи раскольниковъ, по наставленію Фотія, кромѣ архіереевъ, должны участвовать и «прочіе царскіе люди», а священники должны выступать противъ раскола съ поученіями. Въ заключеніе Фотій замѣчаетъ, что «единожды начавъ дѣло обращенія касательно держащихся нѣкоего согласія раскольническагѡ, продолжать дѣлать и все, что нужно творить».

Во всемъ этомъ наставленіи Фотія нѣтъ ничего такого, чтобы обнаруживало въ юрьевскомъ архимандритѣ духъ прозорливости, да и все оно заключается только въ предложеніи такихъ мѣръ, при которыхъ вопросъ о способѣ ихъ практическаго осуществленія все-таки остается на первомъ планѣ. Одно только можно сказать въ похвалу Фотія по поводу этого наставленія, что здѣсь не слышится заносчивый фанатизмъ, а скорѣе проглядываетъ вѣротерпимость.

Самому Фотію не удавалось, однако, обращеніе изъ раскола на путь истинный. Такъ, однажды, Аракчеевъ прислалъ къ нему въ Юрьевъ монастырь, для духовной выправки, впавшаго въ ересь и совращавшаго въ нее другихъ донскаго есаула Котельникова. Но еретикъ-есаулъ былъ себѣ на умѣ: онъ началъ, повидимому, поддаваться увѣщаніямъ Фотія и смиренно попросилъ у него 5,000 рублей. Фотію сумма эта показалась слишкомъ велика, а раскаявшійся въ своихъ заблужденіяхъ Котельниковъ удовольствовался 1,000 рублями. Получивъ эти деньги, онъ немедленно уѣхалъ къ себѣ на родину и, позабывъ тамъ увѣщанія Фотія, началъ снова проповѣдывать ересь. Привезли есаула опять въ Юрьевъ монастырь и снова хотѣли поручить исправленіе его Фотію, но Фотій, понявъ въ чемъ дѣло, отказался отъ этого предложенія. Тогда за обращеніе есаула взялся одинъ монахъ, но дѣло кончилось тѣмъ, что его самаго Котельниковъ обратилъ въ свою ересь.

IV.

Наступило царствованіе императора Николая Павловича, предвѣщавшее порядки отличные отъ тѣхъ, которые были при его предшественникѣ. Аракчеевъ потерялъ всю свою силу, а въ лицѣ его Фотій лишился главнаго своего покровителя. Тѣмъ не менѣе, однако, на первыхъ порахъ и новый

государь оказалъ Фотію свое расположеніе, чѣмъ, конечно, Фотій былъ болѣе всего, а быть можетъ даже и исключительно, обязанъ графу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, пользовавшемуся особенною милостію государя. Черезъ него императоръ Николай Павловичъ объявилъ, 6-го февраля 1826 года, благодарность Фотію за поданныя имъ бумаги и разрѣшилъ ему писать прямо въ собственныя руки государя о всемъ, что̀ нужно и угодно. Затѣмъ, 18-го мая того же года, опять чрезъ графа Орлова, императоръ подтвердилъ данное Фотію разрѣшеніе пріѣзжать въ Петербургъ во всякое время. Можно было, однако, предвидѣть, что прежнее значеніе, пріобрѣтенное Фотіемъ у императора Александра Павловича, не возстановится. Воцарившійся теперь государь не былъ податливъ на увѣщанія какихъ бы-то ни было проповѣдниковъ и былъ совершенно чуждъ того религіознаго мистицизма, которому такъ сочувствовалъ императоръ Александръ Павловичъ, не мало содѣйствовавшій своимъ примѣромъ тому настроенію, въ какомъ находилось при немъ и высшее и среднее русское общество. Императоръ Николай Павловичъ пошелъ прямо своимъ собственнымъ путемъ и, не стѣсненный никакими отношеніями ни къ католическимъ, ни къ протестантскимъ обществамъ, могъ совершенно свободно наложить на нихъ свою руку, безъ постороннихъ въ этомъ случаѣ побужденій и безъ всякой поддержки со стороны архіереевъ, архимандритовъ и всего освященнаго собора. При извѣстномъ прямодушіи императора Николая Павловича, такія загадочныя личности, какъ Фотій, не могли уже имѣть никакого вліянія. Дѣйствительно, Фотій былъ скоро забытъ и въ продолженіе первыхъ тринадцати лѣтъ новаго царствованія не былъ удостоенъ со стороны государя никакимъ знакомъ вниманія. Только однажды императоръ Николай Павловичъ, прибывшій неожиданно, 24-го мая 1835 года, въ Юрьевъ монастырь и осмотрѣвъ его, по прибытіи своемъ въ Петербургъ, объявилъ чрезъ митрополита Серафима, что онъ нашелъ въ монастырѣ «отмѣнное устройство и чистоту». Но это было заявленіе такого рода, которое дѣлалось государемъ и относительно всякаго начальника какой-либо команды или учрежденія, о какихъ же либо особыхъ подвижническихъ заслугахъ Фотія не было и помину.

Фотій, оставленный, какъ мы сказали, до конца жизни на мѣстѣ архимандрита въ Юрьевомъ монастырѣ, при щедрыхъ даяніяхъ графини Орловой, продолжалъ устроивать и украшать эту обитель, но недуги его развивались все сильнѣе и сильнѣе. Болѣзненный съ молодыхъ лѣтъ, Фотій, въ добавокъ къ этому, сильно изнурилъ себя богоугодными, по его мнѣнію, подвигами. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Орловой, относящемся къ 1821 году, онъ писалъ: «со дня облеченія моего въ образъ ангельскій, я хитонъ носилъ власяный и удручалъ себя тяжестію, изъ крестовъ многихъ составленною. Сатана позавидовалъ кресту моему, подъ нимъ же я путь мой имѣю, скорбь велію мнѣ сотворилъ. Устроилъ супостатъ ковы мнѣ отъ ношенія на мнѣ всегдашней тяжести, удручающей тѣло мое, изгноилъ плоть мою до костей моихъ на всей груди; на сихъ дняхъ пзрѣзана ради изувѣченія грудь моя по средѣ и всѣ кости почти на ней обнажены: вся грудь моя на себѣ имѣетъ яко одну рану, внѣ и внутрь вся грудь моя есть едина рана. Правый сосецъ внутрь отъ огня изгнилъ. Стою еще на ногахъ иногда, но слабъ какъ тѣнь».

Послѣ такой страшной болѣзни, и при томъ нагнанной сатаною, Фотій не могъ уже никогда поправиться и оставался всегда хилъ и слабъ, а продолжительныя молитвенныя бдѣнія и строгій постъ, доходившій до воздержанія отъ всякой пищи въ теченіе цѣлыхъ недѣль, окончательно изнурили его. Онъ до такой степени боялся вліянія внѣшняго воздуха, что даже жаркою лѣтнюю порою ходилъ, какъ разсказываетъ Елагинъ, въ пяти теплыхъ одеждахъ. Болѣзненное состояніе Фотія, какъ мы видѣли, было, по отзыву его, причиною его отказа отъ архіерейской каѳедры, хотя, впрочемъ, сомнительно, чтобы онъ рѣшился, будучи даже совершенно здоровъ, покинуть добровольно Юрьевъ монастырь, на благоустройство котораго было, по желанію его, затрачено столько капиталовъ.

Такъ описывалъ свою болѣзнь самъ Фотій, но, между тѣмъ, встрѣчается о ней другое противорѣчащее этому извѣстіе. Такъ, г. Ф. Горбуновъ («Рус. Арх.» 1870 г., стр. 901) передаетъ, что вся болѣзнь Фотія состояла только въ нарывѣ на груди, что Фотій не позволилъ доктору Соколовскому разрѣзать этотъ нарывъ, который вскорѣ прорвался самъ собою и что послѣ этого Фотій выздоровѣлъ.

Особенно неблагопріятно подѣйствовалъ на Фотія сдѣланный на него синоду доносъ о томъ, что онъ будто бы самовольно учредилъ крестный ходъ для перенесенія старыхъ иконъ изъ Юрьева монастыря въ другой, подвѣдомственный его благочинію, Клопскій монастырь. Старыя иконы, по распоряженію Фотія, несли туда торжественно на рукахъ, народъ валилъ толпами на встрѣчу этой процессіи, а по селамъ священники выходили изъ церквей съ хоругвями и крестами, полагая, что идетъ настоящій крестный ходъ. За это Фотію было сдѣлано отъ синода внушеніе и это сильно потрясло его, отвыкшаго отъ всякихъ замѣчаній.

7-го января 1838 года Фотій слегъ въ постель и не вставалъ болѣе, такъ какъ 26-го февраля, во 2-мъ часу утра, онъ умеръ на рукахъ графини Орловой.

Фотій былъ погребенъ съ печальною торжественностью въ Юрьевомъ монастырѣ. въ пещерѣ или усыпальницѣ, подлѣ самой церкви Похвалы Богородицы. Здѣсь, у подножія креста, находятся два мраморныхъ гроба съ мраморными запаянными крышами. На одномъ, бѣломъ гробѣ сдѣлана по сребро-кованному покрову надпись: «Здѣсь покоится прахъ въ Бозѣ почившаго 1838 года февраля 26-го дня, въ часъ по полунощи и погребеннаго въ девятый день, 6-го марта, настоятеля, благодѣтеля и возобновителя святыя обители сея, преподобнаго отца священно-архимандрита Фотія». На другомъ, темноватомъ гробѣ, находящемся подлѣ перваго съ южной стороны, сдѣлана слѣдующая надпись на бронзовой досчечкѣ: «Здѣсь покоится прахъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, камеръ-фрейлины двора ея императорскаго величества и кавалерственной дамы ордена св. Екатерины меньшаго креста. Родилась 2-го мая 1785 года, скончалась 5-го октября 1848 года».

X.

Первый, если только мы не ошибаемся, упомянулъ въ печати о Фотіи покойный А. Н. Муравьевъ въ «Путешествіи ко святымъ мѣстамъ русскимъ». Авторъ этой книги, восхищаясь благолѣпіемъ Юрьева монастыря, вспоминая заслуги Фотія, какъ монаха и какъ настоятеля этой обители, упоми-

наетъ о томъ, что Фотій усовершенствовалъ пѣніе столповое или знаменное. «Величайшею же изъ заслугъ Фотія—пишетъ Муравьевъ — было возстановленіе древняго чина иноческой жизни въ своей обители и возбужденіе чрезъ то духа молитвы, ибо сердце его стремилось къ пустынному житію скитскихъ отцовъ и, посреди окружавшаго его великолѣпія святыни, самъ онъ велъ жизнь затворника, умножая строгость ея по мѣрѣ умноженія дней своихъ».

Елагинъ въ «Описаніи жизни графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской», приводя этотъ отзывъ Муравьева о Фотіи, уснащаетъ его съ своей стороны еще разными похвалами въ честь иноческихъ добродѣтелей Фотія. Оба они—и Муравьевъ, и Елагинъ—не касаются, впрочемъ, тѣхъ обстоятельствъ, бывшихъ внѣ монастырскихъ стѣнъ, которыя доставили Фотію особую извѣстность, и, по всей вѣроятности, оба они умалчиваютъ объ этомъ только вслѣдствіе прежнихъ цензурныхъ условій, такъ какъ ничто не мѣшало бы имъ, при неизвѣстности еще въ ту пору матеріаловъ, представляющихъ Фотія въ настоящемъ невыгодномъ свѣтѣ, умилительно воспѣть его религіозно-гражданскіе подвиги въ защиту вѣры и отечества.

Въ 1868 году появилось въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей» извлеченіе изъ Записокъ Новгородско-Юрьевскаго монастыря архимандрита Фотія». Издатель этихъ «Записокъ» предварилъ, что слѣдуетъ осторожно принимать показанія и отзывы «такого страстнаго человѣка», какъ Фотій, что должно «сличать ихъ съ показаніями и отзывами другихъ, болѣе хладнокровныхъ и безпристрастныхъ современниковъ, тоже не хуже знакомыхъ съ тѣмъ, что разсказываетъ Фотій». Упомянутое извлеченіе, касавшееся съ невыгодной стороны покойнаго митрополита московскаго Филарета, бывшаго нѣкогда, какъ мы видѣли, однимъ изъ покровителей Фотія, вызвало сильный протестъ со стороны покойнаго Н. В. Сушкова. Опровергая справедливость этихъ «Записокъ», Сушковъ называетъ Фотія «въ сущности жалкимъ, страннымъ, смѣшнымъ изувѣромъ и самохваломъ». Одновременно съ этимъ явилось извлеченіе изъ тѣхъ же «Записокъ» въ «Чтеніи общества любителей духовнаго просвѣщенія», безъ всякой, однако, оцѣнки личности самого Фотія.

Съ тѣхъ поръ стали появляться все чаще и чаще разныя статьи и замѣтки объ юрьевскомъ архимандритѣ. На тѣ и на другія мы дѣлали ссылки въ нашей статьѣ, а теперь позаимствуемъ изъ нихъ только то, что прямо относится къ характеристикѣ Фотія.

Такъ, въ одной изъ упомянутыхъ статей мы читаемъ: «Фотій, какъ при жизни былъ для многихъ камнемъ преткновенія и соблазна, таковымъ остался и по смерти. Одни видятъ въ немъ фанатика, другіе хитраго лицемѣра, третьи орудіе Аракчеева». И далѣе: «личныхъ выгодъ онъ не искалъ никакихъ; будучи молодымъ монахомъ, возсталъ противъ приверженцевъ внутренней церкви, когда все сильное въ столицѣ было на сторонѣ ихъ. Онъ выступилъ обличителемъ сектъ, которымъ покровительствовалъ Голицынъ, и боролся до тѣхъ поръ, пока не выслали его изъ Петербурга. Нельзя, однако, не сказать, что Фотій видѣлъ худое и въ добромъ, какъ напримѣръ, въ распространеніи библіи, но здѣсь были злоупотребленія». Очевидно, что такой отзывъ сдѣланъ не въ порицаніе, а въ похвалу Фотію, какъ ревнителю ученія православной церкви.

Въ другой статьѣ высказано было о личности Фотія слѣдующее мнѣніе: «Строгій поборникъ православія и въ то же время распорядитель громадныхъ богатствъ графини Орловой, Фотій умѣлъ придать себѣ вѣсъ въ высшихъ кружкахъ тогдашняго во многихъ отношеніяхъ распущеннаго общества, имѣлъ доступъ во дворецъ, обличалъ сильныхъ міра сего и вообще нѣсколько поднялъ значеніе русскаго духовенства, до того тогда униженнаго, что издавались даже распоряженія, чтобъ помѣщики подносили священникамъ и причту, приходящимъ со святынею, лишь опредѣленное количество рюмокъ водки».

Еще болѣе похвалы воздается Фотію въ предисловіи къ рукописному «Начертанію его житія», бывшему у покойнаго от. М. Я. Морошкина. Здѣсь прямо говорится, что описаніе житія Фотія «сдѣлано съ тою единственною цѣлью, чтобы снять хотя нѣсколько завѣсу съ тайной подвижнической жизни почившаго, явить міру въ наши скудныя вѣрою и благочестіемъ времена ту истину, что не оскуде преподобный, и оправдать человѣка, котораго молва людская огласила и не-

рѣдко оглашаетъ доселѣ тяжелыми для благоговѣйнаго сердца слухами» *).

Наконецъ, въ разныхъ статьяхъ встрѣчаются отрывочныя замѣтки о Фотіи, направленныя не въ похвалу ему.

Изъ всего, что намъ пришлось прочитать написаннаго или самимъ Фотіемъ или о немъ, можно сдѣлать слѣдующій общій выводъ:

Юрьевскій архимандритъ Фотій, какъ монахъ, по своимъ отношеніямъ къ Орловой и по пользованію ея богатствами, не представляетъ вовсе идеала строгаго отшельника. Его самохвальство и заносчивость вовсе не подходятъ подъ уровень иноческаго смиренія и только продолжительныя молитвы и воздержаніе отъ пищи составляютъ отличительныя черты его монашескихъ добродѣтелей. Какъ настоятель Юрьева монастыря, онъ довелъ его не только до образцоваго порядка, но и до изумительнаго благолѣпія, что̀, конечно, не трудно было сдѣлать на счетъ громадныхъ пожертвованій богачки Орловой. Затѣмъ, Фотій представляетъ довольно замѣтную личность по тому только, что на немъ ярко отражается то религіозное, политическое, нравственное и умственное состояніе русскаго общества, въ какомъ оно находилось въ исходѣ первой четверти текущаго столѣтія. Важенъ тотъ фактъ, что аскетъ-монахъ, человѣкъ безъ всякаго образованія, безъ такой силы ума, которая могла бы тяготѣть надъ другими, безъ всякаго знанія общественной жизни, получаетъ вліяніе среди мірской знати и даже подаетъ совѣты по важнѣйшимъ дѣламъ государственнымъ. Не доказываетъ ли, однако, это близорукость тогдашняго правительства и отсутствіе твердо усвоенной имъ системы дѣйствій? Дѣйствительно, несмотря на всѣ восхваленія личныхъ добродѣтелей императора Александра Павловича, послѣдніе годы его царствованія представляли сильное разстройство и непослѣдовательность во всѣхъ правительственныхъ мѣрахъ, такъ какъ на-ряду съ чрезвычайною распущенностью, прикрываемою гуманностью и либерализмомъ, принимались иной разъ крутыя мѣры и

*) Нѣкоторые подвижники Новгородскаго Юрьева монастыря передаютъ о Фотіи разныя легенды—плоды досужей фантазіи и, какъ намъ довелось лично слышать, сѣтуютъ, что этотъ «мученикъ» (!) до сихъ поръ не причтенъ къ лику святыхъ (Изъ «Русс. Стар.»).

противъ того, что прежде допускало и даже поощряло само правительство. При такой шаткости государственныхъ порядковъ, при неувѣренности правительства въ самомъ себѣ, при томъ религіозномъ направленіи, въ какомъ и мистицизмъ, и лицемѣрное благочестіе были главною основою, не представляетъ ничего особеннаго вмѣшательство Фотія въ государственныя дѣла подъ предлогомъ огражденія спокойствія въ государствѣ религіею, которой въ свою очередь грозила опасность, со стороны ея явныхъ и тайныхъ враговъ. Безъ всякаго, однако, сомнѣнія, Фотій, какъ простой монахъ, никогда не отважился бы на рѣшительный шагъ передъ государемъ, или же попытка его явиться совѣтникомъ царя была бы безуспѣшна, если бы у него не было въ высшемъ обществѣ сильной поддержки въ лицѣ графини Орловой и такого могущественнаго союзника, какимъ былъ Аракчеевъ. Безъ ихъ содѣйствія и участія, всѣ обличенія Фотія не только оставались бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, но и не доходили бы даже по своему назначенію. Но вся обстановка Фотія сложилась такъ, что онъ и свои собственные взгляды и замыслы выдвинувшей его партіи могъ высказать тому, кто «одною чертою пера въ три минуты» могъ уничтожить все то, на что̀ указывали ему, какъ на зло, гибельное для государства и церкви. Фотій воспользовался этимъ и при томъ подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ, какъ инокъ православной церкви, явившись ея поборникомъ передъ тѣмъ, кто своею мірскою властію могъ охранить ея неприкосновенность и ея первенствующее значеніе въ государствѣ. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ въ заключеніе, что всѣ дворскіе происки и подкопы, въ которыхъ участвовалъ Фотій, были главнымъ образомъ разсчитаны на религіозную впечатлительность императора Александра Павловича. На него должны были подѣйствовать туманно-смѣлыя рѣчи Фотія, о христіанскихъ добродѣтеляхъ котораго была предварительно распущена около государя самая благопріятная молва.

КНЯЗЬ А. Н. ГОЛИЦЫНЪ

Съ гравированнаго портрета Раита

КНЯЗЬ А. Н. ГОЛИЦЫНЪ.

(1773—1844.)

I.

Особое значеніе Голицына въ русскомъ обществѣ.—Предсказанія Чегодаева его матери.—Покровительство Перекусихиной.—Зачисленіе въ пажи.—Вниманіе Екатерины II къ маленькому Голицыну.—Сближеніе его съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ.—Опредѣленіе Голицына ко двору великаго князя.—Смерть Екатерины.—Благосклонность Павла къ Голицыну.—Опала.—Высылка изъ Петербурга.—Пребываніе въ Москвѣ.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ русскихъ сановниковъ въ концѣ первой и въ началѣ второй четверти текущаго столѣтія и какъ одинъ изъ приближеннѣйшихъ лицъ къ императору Александру I. Кромѣ того, онъ въ исторіи духовной нашей жизни и въ современномъ ему русскомъ обществѣ является въ такомъ особомъ, своеобразномъ обликѣ, въ какомъ не явился ни одинъ изъ нашихъ сановниковъ. Въ свѣтскомъ обществѣ на него смотрѣли какъ на человѣка благочестиваго, почти какъ на святаго. Пишущему эти строки приходилось въ дѣтствѣ встрѣчать старика князя Голицына. Онъ благословлялъ дѣтей и возлагалъ имъ на голову руки и затѣмъ продолжалъ прерванный разговоръ, который онъ велъ на французскомъ языкѣ. По сохранившимся дѣтскимъ впечатлѣніямъ, надобно предполагать, что Голицына,—въ тѣхъ знакомыхъ ему домахъ, гдѣ онъ бывалъ,—принимали не столько съ почетомъ, какъ знатнаго вельможу, сколько съ тѣмъ

уваженіемъ, какое оказывается высшимъ представителямъ церкви. Его дѣятельность въ религіозной сферѣ заставляетъ обратить на него особенное вниманіе нашихъ историковъ. До сихъ поръ объ его личности имѣется весьма тало подробныхъ свѣдѣній; они встрѣчаются преимущественно, такъ сказать, въ-разбросъ, а потому въ нихъ нѣтъ той цѣльности, какая бываетъ необходима, чтобъ объяснить умственный и нравственный складъ замѣчательнаго чѣмъ-либо человѣка.

Въ настоящее время такой недостатокъ значительно пополнился изданною въ Лейпцигѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, книгою подъ заглавіемъ: «Fürst Alexander Nicolaewitsch Golitzin». Авторъ этой книги, Петръ фонъ-Гётце, умеръ въ 1880 году, въ Петербургѣ, въ чинѣ тайнаго совѣтника русской службы, 87-ти лѣтъ отъ роду. Окончивъ курсъ въ дерптскомъ университетѣ со степенью кандидата философіи, Гётце, въ 1817 году, по пріѣздѣ въ Петербургъ, поступилъ подъ начальство князя Голицына, и потому книга его не столько біографическое сочиненіе, сколько его личныя воспоминанія. Мы воспользуемся его книгою, чтобъ, въ связи съ другими извѣстіями о князѣ Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ, представить, по возможности, болѣе точный очеркъ этой выдававшейся нѣкогда личности.

Князь Александръ Николаевичъ принадлежалъ къ одной изъ тѣхъ отраслей знаменитой въ нашей исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ многочисленной фамиліи Голицыныхъ, которая не отличалась богатствомъ. Онъ былъ прямой потомокъ князя Бориса Алексѣевича Голицына, воспитателя Петра Великаго, и сынъ отставнаго гвардіи капитана князя Николая Сергѣевича отъ третьяго его брака съ Александрой Александровной Хитрово. Княгиня Голицына, оставшись вдовою въ годъ рожденія ея единственнаго сына, вступила во второй бракъ съ Михаиломъ Алексѣевичемъ Кологривовымъ.

Гётце разсказываетъ, что ей еще до перваго брака предсказалъ какой-то жившій въ Москвѣ, считавшійся чудакомъ, князь Чегодаевъ, бывшій въ домѣ ея отца, что она скоро выйдетъ замужъ, овдовѣетъ на 26-мъ году и потомъ снова выйдетъ замужъ за вдовца и переживетъ его и что у нея отъ перваго супружества родится сынъ, который будетъ знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ. Всѣ эти пред-

сказанія сбылись, какъ сбылись предсказанія Чегодаева и насчетъ собственной его судьбы: онъ предсказывалъ, что будетъ сосланъ въ Сибирь, но что потомъ невиновность его обнаружится и онъ будетъ возвращенъ изъ отдаленной ссылки.

Мать Голицына была умная женщина, заботившаяся о воспитаніи своего сына. Онъ еще въ дѣтствѣ былъ записанъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ, а когда нѣсколько подросъ, то мать отправила его учиться въ Петербургъ, поручивъ его попеченію одной своей хорошей знакомой, извѣстной каммеръ-фрау императрицы Екатерины II, Марьи Савишны Перекусихиной, которая не замедлила представить императрицѣ этого живаго и бойкаго мальчика. Онъ понравился государынѣ и она приказала опредѣлить его въ число пажей.

Екатериненскіе пажи состояли подъ вѣдѣніемъ гофмейстера и имъ давали свѣтское, поверхностное образованіе, приготовляя ихъ или въ гвардейскіе офицеры, или въ придворные кавалеры. Съ особенною тщательностью обучали ихъ французскому языку.

Скоро Голицынъ выдался среди своихъ товарищей-пажей быстрыми способностями. Покровительница маленькаго князя, Перекусихина, заботилась о немъ. Въ воскресные и другіе праздничные дни она возила его во дворецъ, гдѣ онъ игралъ съ великими князьями Александромъ и Константиномъ Павловичами. Съ этого времени и завязалась у него дружба со старшимъ внукомъ Екатерины.

Государыня часто ласкала Голицына. По словамъ Гётце, онъ сохранялъ о ней всю жизнь самыя благодарныя воспоминанія и любилъ разсказывать такіе случаи изъ ея жизни, которые свидѣтельствовали о привѣтливости и снисходительности Екатерины, но мы, конечно, не будемъ повторять эти разсказы, вошедшіе въ книгу Гётце.

Въ 1794 году, Голицынъ, родившійся 8-го декабря 1773 года, былъ произведенъ въ поручики Преображенскаго полка. Онъ не имѣлъ, однако, никакой наклонности къ военной службѣ и потому просилъ объ опредѣленіи его на какую нибудь гражданскую должность. Такъ какъ въ это время Екатерина женила своего старшаго внука на принцессѣ баденской, получившей при мνропомазаніи титулъ великой княгини

и имя Елизаветы Алексѣевны, то Екатерина полагала, что она доставитъ большое удовольствіе Александру Павловичу, назначивъ товарища его дѣтскихъ игръ, князя Александра Николаевича Голицына, въ его придворный штатъ съ званіемъ каммеръ-юнкера. Такъ какъ должность эта требовала значительныхъ издержекъ, а Голицынъ не имѣлъ достаточнаго состоянія, то Екатерина приказала выдавать ему ежегодное пособіе. На 23-мъ году своей жизни Голицынъ получилъ отъ императрицы каммергерскій ключъ. Въ это время умерла его мать; Екатерина приняла участіе въ его горѣ и разрѣшила ему поѣхать въ Москву. Въ этомъ мѣстѣ разсказъ Гётце несовсѣмъ точенъ, такъ какъ мать Голицына умерла еще въ 1787 году.

Когда Голицынъ вернулся изъ Москвы въ Петербургъ, то все при дворѣ перемѣнилось: Екатерина скончалась; воцарился Павелъ, котораго окружили лица, вовсе незнакомыя Голицыну.

Павелъ Петровичъ выразилъ, однако, свое благоволеніе молодому Голицыну тѣмъ, что пожаловалъ его командоромъ только-что учрежденнаго въ Россіи мальтійскаго ордена. Тогда это считалось чрезвычайною милостію. Вскорѣ, однако, неизвѣстно вслѣдствіе чего, Голицынъ навлекъ на себя опалу императора. Онъ былъ уволенъ отъ службы при дворѣ великаго князя и получилъ повелѣніе выѣхать изъ Петербурга. Вслѣдствіе этого, въ довершеніе его горя, разстроился его бракъ съ полюбившеюся ему невѣстой.

Царствованіе Павла Петровича было тяжелою порою для Россіи, и Гётце, жившій въ то время въ Лифляндіи, вспоминаетъ о томъ ужасѣ, какой нагоняла появлявшаяся на большой дорогѣ фельдъегерская кибитка. Всѣ, и старые и малые. кидались къ окну, думая, что проѣзжающій фельдъегерь отвозитъ кого нибудь въ Сибирь. Гётце живо помнилъ и тотъ восторгъ, когда въ Лифляндію пришла вѣсть о воцареніи Александра I: всѣ обнимались и поздравляли другъ друга точно съ какимъ нибудь торжественнымъ праздникомъ.

Голицынъ жилъ въ это время въ Москвѣ, откуда онъ былъ немедленно вызванъ. Время, проведенное имъ въ Москвѣ, не прошло для него безполезно. Живя тамъ, онъ, по расположенію къ нему графа Бутурлина, пользовался его

громадною библіотекою, сгорѣвшею, какъ извѣстно, въ 1812 году, во время занятія Москвы французами. Библіотека графа Бутурлина состояла изъ 40,000 томовъ. Голицынъ, пристрастившійся къ чтенію историчекихъ книгъ и литературныхъ произведній, перечиталъ ихъ множество. Кромѣ того, онъ сошелся въ Москвѣ съ митрополитомъ Платономъ, который, по всей вѣроятности, имѣлъ вліяніе на религіозное настроеніе молодаго Голицына.

II.

Возвращеніе Голицына ко двору.—Назначеніе его оберъ-прокуроромъ.—Его вольтеріанство.—Назначеніе Голицына оберъ-прокуроромъ синода и статсъ-секретаремъ.—Поѣздка въ Эрфуртъ.—Назначеніе главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій.—Назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія.—Упраздненіе министерства духовныхъ дѣлъ.—Отзывъ Гётце о Голицынѣ какъ о министрѣ и государственномъ человѣкѣ.—Его наружность и одежда.—Его способности и образъ жизни.—Вѣротерпимость Голицына.

Возвратившагося въ Петербуръ Голицына Александръ Павловичъ встрѣтилъ, какъ лучшаго друга. Во время изгнанія князя, онъ былъ съ нимъ въ постоянной перепискѣ и теперь государь спросилъ Голицына, какую онъ желаетъ занять должность? Голицынъ отвѣчалъ, что единственное его желаніе быть безотлучно при императорѣ и проводить съ нимъ каждый день вмѣстѣ по нѣскольку часовъ. Государь назначилъ его оберъ-прокуроромъ въ сенатъ. По словамъ Гётце, князь Голицынъ съ такимъ усердіемъ исполнялъ свою должность, что тогдашній генералъ-прокуроръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и министръ юстиціи, Державинъ, счелъ долгомъ обратить высочайшее вниманіе на отличную службу молодаго князя. Не отвергая нисколько служебной ревности Голицына, должно, однако, замѣтить, что такое вниманіе Державина къ чиновнику-царедворцу весьма понятно, такъ какъ Державину не могли не быть извѣстны тѣ дружескія отношенія, въ какихъ находились взаимно его подчиненный и его повелитель. По представленію министра, Голицынъ былъ награжденъ владимірскимъ крестомъ 3-й степени.

Въ это время, по словамъ Гётце, Голицынъ былъ крайній

вольтеріанецъ и велъ жизнь эпикурейца. Никто не могъ тогда подумать, что черезъ нѣсколько лѣтъ въ этомъ придворномъ вѣтрогонѣ произойдетъ чрезвычайно рѣзкая перемѣна.

Въ 1805 году, вскорѣ послѣ того, когда оберъ-прокурорь синода Яковлевъ сдѣлался жертвою интригъ высшаго духовенства, Голицынъ, только вдвоемъ, обѣдалъ съ государемъ. Во время обѣда императоръ сказалъ ему: «Я, Александръ Николаевичъ, имѣю на тебя виды».—Готовъ исполнитъ повелѣнія вашего величества, отозвался Голицынъ.—«Я назначаю тебя оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода».

Голицынъ возразилъ, что онъ вовсе не приготовленъ къ этой должности и что государю извѣстны и образъ его мыслей и образъ его жизни. «Ты можешь отговариваться какъ тебѣ угодно, но все же ты будешь синодскимъ оберъ-прокуроромъ», отвѣчалъ государь.

Голицынъ рѣшился принять такое назначеніе, но обусловилъ свою службу на новомъ мѣстѣ тѣмъ, чтобы имѣть у государя личный докладъ по синодскимъ дѣламъ. Съ своей стороны государь, чтобы не такъ рѣзко измѣнить существовавшій тогда въ этомъ отношеніи порядокъ, назначилъ Голицына своимъ статсъ-секретаремъ.

Вступивъ въ предоставленную ему должность, Голицынъ прежде всего постарался ознакомиться основательно съ церковными дѣлами и вопросами. Онъ первый разъ въ своей жизни сталъ читать «Новый Завѣтъ» и, подъ предлогомъ должностныхъ занятій, началъ уклоняться отъ тѣхъ удовольствій и развлеченій, которымъ онъ сперва такъ страстно предавался.

Новый оберъ-прокуроръ прежде всего обратилъ свое вниманіе на образованіе православнаго духовенства, и вслѣдствіе его стараній были учреждены три новыя духовныя академіи.

Въ 1808 году, Голицынъ сопровождалъ, вмѣстѣ съ Сперанскимъ, государя въ Эрфуртъ для свиданія съ императоромъ Наполеономъ I. Когда Александръ Павловичъ представлялъ Голицына Наполеону, то этотъ послѣдній спросилъ: «celui du synode?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, заговорилъ объ отмѣнѣ Петромъ Великимъ патріаршества въ Россіи и объ учрежденіи, взамѣнъ его, синода и восхвалялъ разумность такой мѣры.

Въ Эрфуртѣ, среди нескончаемыхъ торжествъ, празднествъ, военныхъ смотровъ и баловъ оберъ-прокуроръ восхищался игрою знаменитаго Тальма, внимательно слѣдилъ за этикетомъ и обстановкою новаго императорскаго двора и пріятельски сошелся съ маршаломъ Ланномъ, герцогомъ де-Монтебелло.

Въ 1810 году, Голицынъ, оставаясь въ должности оберъ-прокурора синода, былъ назначенъ главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій, т. е. римско-католическаго, уніатскаго, армянскаго, евангелическо-лютеранскаго и реформатскаго. Ему были подвѣдомственны также дѣла исповѣданій еврейскаго и магометанскаго. Въ 1816 году, Голицынъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ 1818 году, 1-го января, открыло свои дѣйствія вновь учрежденное министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Голицыну было предоставлено управленіе этимъ министерствомъ, а на должность оберъ-прокурора святѣйшаго синода былъ назначенъ князь Мещерскій, въ прямомъ подчиненіи Голицыну, какъ министру. Новое министерство состояло изъ двухъ департаментовъ: департамента духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Директоромъ послѣдняго былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Васильевичъ Поповъ, а директоромъ перваго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

Теперь порядокъ по разрѣшенію синодскихъ дѣлъ установился прежній. Новый оберъ-прокуроръ не имѣлъ уже личнаго доклада у государя, и теперь, — какъ до назначенія Голицына на должность оберъ-прокурора, когда синодскія дѣла доходили до высочайшаго усмотрѣнія черезъ министра юстиціи, — они стали доходить черезъ министра духовныхъ дѣлъ, такъ что, въ сущности, Голицынъ оставался, по прежнему, оберъ-прокуроромъ, а князь Мещерскій былъ только его помощникомъ.

Голицынъ, по словамъ Гётце, былъ такой прекрасный начальникъ, что лучшаго нельзя было и желать. Это, говоритъ Гётце, могли подтвердить всѣ, кто только зналъ князя. Трудно найти министра, который бы такъ мало обращалъ вниманіе на пустыя мелочи и ни къ чему не ведущія формальности и который, не теряя изъ виду главной сути дѣла,

высказывалъ бы ясное и точное мнѣніе. Онъ не гонялся за пустяками и не обнаруживалъ никогда дурнаго расположенія духа. Кромѣ того, онъ — что̀ допускаетъ рѣдкій министръ — дозволялъ дѣлать ему возраженія.

Князь Александръ Николаевичъ, не получивъ основательнаго образованія, тѣмъ не менѣе, при врожденныхъ его способностяхъ, пріобрѣлъ большой навыкъ къ служебнымъ занятіямъ и, по замѣчанію Гётце, могъ бы быть настоящимъ государственнымъ человѣкомъ, если бы только по временамъ интриганы не сбивали его съ прямаго пути. Онъ умѣлъ совершенно вѣрно оцѣнивать труды своихъ подчиненныхъ, чѣмъ, какъ извѣстно, отличаются весьма немногіе министры. Онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова и не пользовался никогда своею силою, чтобы выдвинуть въ люди своихъ родственниковъ. Гётце, близко знавшій Голицына, восхваляетъ ту благотворительность, какую онъ оказывалъ, какъ частный человѣкъ, нуждавшимся и бѣднымъ людямъ.

Голицынъ былъ не высокаго роста; выраженіе лица его было привѣтливое и умное. До конца своей жизни онъ не оставлялъ старинной, однажды усвоенной имъ, моды—носилъ сѣрый фракъ, даже и тогда когда фраки такого цвѣта совершенно вышли изъ употребленія. Онъ не гонялся за внѣшними отличіями и суетными почестями.

День прежняго вѣтренника, въ средніе годы его жизни, былъ строго распредѣленъ. Лѣто обыкновенно проводилъ онъ на Каменномъ островѣ, занимая одинъ изъ дворцовыхъ павильоновъ. Къ 8-ми часамъ утра онъ былъ уже одѣтъ по-придворному, въ шелковыхъ чулкахъ, башмакахъ и короткихъ панталонахъ, такъ что ему стоило только сбросить шелковый шлафрокъ, надѣть фракъ и отправиться во дворецъ. Заниматься съ нимъ дѣлами, по словамъ Гётце, было чрезвычайно пріятно, не только вслѣдствіе его быстрой сообразительности, но и вслѣдствіе его постоянно ровнаго и привѣтливаго обхожденія. Отъ него никогда нельзя было услышать никакого непріятнаго слова, или замѣтить на его лицѣ кислую мину. Такъ какъ онъ оставался холостымъ, то у него въ домѣ не было пріемовъ; но по воскресеньямъ и праздникамъ въ домашней его церкви собиралось много публики. По окончаніи церковной службы, всѣ присутствовавшіе

на ней сходились въ залу, украшенную по стѣнамъ портретами замѣчательныхъ людей XVIII столѣтія. Другая зала, которая вела въ рабочій кабинетъ князя, была занята обширною библіотекою, состоявшею преимущественно изъ французскихъ и итальянскихъ книгъ. Если онъ не былъ приглашенъ къ обѣду во дворецъ, то каждый день обѣдалъ у министра финансовъ, графа Гурьева. Выборъ—замѣтимъ кстати — былъ весьма удачный, такъ какъ Гурьевъ славился въ свое время въ Петербургѣ какъ первый гастрономъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что Голицынъ не хотѣлъ пользоваться даровымъ роскошнымъ угощеніемъ Гурьева и заставилъ его получать, какъ съ нахлѣбника, по 4,000 рублей въ годъ. Въ иные дни онъ обѣдалъ у слѣпаго оберъ-гофмейстера Кошелева, бывшаго близкимъ другомъ извѣстнаго Новикова.

Описывая личность Голицына, Гётце съ похвалою отзывается и объ его вѣротерпимости. «Князь—говоритъ онъ—былъ вѣрнымъ сыномъ своей церкви и соблюдалъ всѣ ея уставы, не вдаваясь, однако, въ ея обрядовыя заблужденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ министръ иностранныхъ исповѣданій, онъ совершенно справедливо и благосклонно относился ко всякой религіи и не одной изъ нихъ не оказывалъ ни предпочтенія, ни пренебреженія. Во время Александра I правительство строго придерживалось принципа религіозной равноправности. Тогда при смѣшанныхъ бракахъ, при которыхъ одинъ изъ супруговъ принадлежалъ къ господствующей церкви, не требовалось просить позволенія, чтобы «не воспитывать дѣтей отъ такого брака въ греческой вѣрѣ». Какъ уроженецъ Остзейскаго края, покойный Гётце не упускаетъ случая замѣтить, что Голицынъ съ существующими въ этомъ краѣ духовными лютеранскими консисторіями, а также и съ сословными учрежденіями, сносился по-нѣмецки и что, такъ какъ онъ зналъ плохо нѣмецкій языкъ, то къ бумагамъ, писаннымъ на этомъ языкѣ, прилагались переводы по-русски, сдѣланные Гётце.

III.

Перемѣна въ образѣ мыслей императора Александра Павловича.—Его піетическо-религіозное настроеніе. — Квакеръ Юнгъ-Штиллингъ и баронесса Крюденеръ.—Проповѣдь баронессы.—Распросы и отзывы о ней Голицына.—Вліяніе ея на Александра Павловича и Голицына. — Разсказъ о ней Гётце.—Наклонность ея къ католичеству. — Отзывъ Шишкова о Крюденеръ.—Ея радѣнія.—Ея благотворительность.

Когда, послѣ войны 1812 года, императору Александру привелось два раза низвергнуть съ престола Наполеона и когда онъ достигъ высоты славы, то почувствовалъ все ничтожество земнаго величія. Меланхолическое его настроеніе стало клониться къ чему-то мистическому. Юнгъ-Штиллингъ, англійскій квакеръ, съ которымъ онъ познакомился въ 1814 году въ Лондонѣ, а въ заключеніе баронесса фонъ-Крюденеръ, окончательно придали его религіознымъ вѣрованіемъ піетическо-мистическое направленіе. За императоромъ по этому пути послѣдовалъ и князь Голицынъ. Вскорѣ изъ высшихъ правительственныхъ сферъ піетизмъ сталъ распространяться въ средніе слои петербургскаго населенія, чему въ значительной степени содѣйствовало, между прочимъ, и «Русское Библейское Общество».

Императоръ оказывалъ Юнгъ-Штиллингу свое благоволеніе, а сынъ его былъ принятъ въ русскую службу съ чиномъ коллежскаго ассесора. Зять баронессы фонъ-Крюденеръ. баронъ Беркгеймъ, братъ баденскаго министра, отказался отъ баденской службы, и при переходѣ, съ чиномъ статскаго совѣтника, въ русскую, былъ причисленъ къ министерству. управляемому княземъ Голицынымъ. Тяжкая болѣзнь Беркгейма принудила его тещу пріѣхать въ 1821 году въ Петербургъ.

«Вы были у баронессы Крюденеръ?»—спросилъ однажды Гётце Голицынъ. «Я ее не видалъ, когда третьяго дня посѣтилъ ея дочь, баронессу Беркгеймъ.—«Кажется—замѣтилъ Гётце—она умерла для здѣшняго свѣта. Она обладаетъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Ея воззрѣнія бываютъ иногда очень странны. Объ обыкновенныхъ житейскихъ предметахъ она не говоритъ никогда. Разговоръ ея всегда вращается около религіи».

«Спустя нѣсколько времени, — разсказываетъ Гётце,—я вторично посѣтилъ баронессу. Она сидѣла передъ софою на маленькой деревянной скамейкѣ, а большіе голубые ея глаза были устремлены горѣ.

«Когда окончился общій разговоръ, баронесса тотчасъ же завела рѣчь о своемъ призваніи. «Среди грѣховъ и страданій, черезъ соблазны свѣта, и по опредѣленію судьбы, духъ мой направился туда, куда слѣдуетъ»—заговорила она. «Наступила великая пора, въ которую мы живемъ. Скалы вопіютъ и земля колеблется. Земные владыки падаютъ со своихъ престоловъ и появляются въ исторіи новые народы. Старое все почти всюду вымерло, а великіе геніи не появляются въ литературѣ. Молодой человѣкъ—продолжала она, обращаясь къ Гётце—вы, въ которомъ пресуществуетъ и благородное и святое, обратитесь всецѣло къ Іисусу Христу. На васъ снизойдетъ отрадный миръ, при всѣхъ вашихъ занятіяхъ и въ продолженіе всей вашей жизни. Благо тому, кто подавляетъ въ себѣ весь разумъ и становится младенцемъ; тотъ, который вознамѣрится стремиться къ Нему, принадлежать Ему вполнѣ. Я не могу сказать о себѣ самой, что я люблю и познаю Его такъ, какъ бы слѣдовало, но я стараюсь сдѣлать это. Часто приводилось мнѣ убѣждать тѣхъ, которые имѣли несчастіе родиться близъ трона, чтобы они обратились ко Христу. О! благодать Божія неистощима, а человѣкъ такъ грѣховенъ!... Реформація надѣлала много зла, воспретивъ молитвы за умершихъ. Ни о чемъ человѣкъ не долженъ такъ стараться, какъ о томъ, чтобы другой молился за него. Развѣ Лейбницъ и Гуго Гроцій мыслили объ этомъ въ христіанскомъ духѣ? О, оставайтесь повергнутые передъ Господомъ до тѣхъ поръ, пока окаменѣютъ ваши колѣни, до тѣхъ поръ, пока преисполнится благодатію сердце ваше. Если мы приближаемся къ могущественному земному владыкѣ съ видомъ смиренія, то зачѣмъ же не поступать такъ въ отношеніи къ Богу? Положите, сказала она, взявши мою руку,—слова мои на ваше сердце, или же смѣйтесь надъ ними, но я говорила по внутреннему убѣжденію, говорила то, что внушилъ мнѣ Господь».

Когда, спустя нѣсколько дней послѣ этой бесѣды, Гётце явился къ Голицыну, то онъ спросилъ, что̀ Гётце думаетъ о

баронессѣ Крюденеръ? Гётце отвѣчалъ, что онъ видѣлъ ее только одинъ разъ и что поэтому не можетъ составить насчетъ ея никакого опредѣленнаго мнѣнія. Онъ спрашивалъ и Крюденеръ, понравился ли ей Гётце, на что она отвѣчала утвердительно. На вопросъ Гётце князю, справедливо ли говорятъ въ публикѣ, что ей дозволено было пріѣхать въ Петербургъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она не принимала никого и ни съ кѣмъ не вела бы бесѣдъ?—Голицынъ отвѣчалъ отрицательно. Насчетъ пріѣзда въ Петербургъ она ни у кого позволенія не спрашивала, и государь былъ недоволенъ тѣмъ суровымъ пріемомъ, какой оказалъ ей въ Ригѣ маркизъ Паулуччи. Въ Петербургѣ къ ней не будутъ сходиться тысячами, какъ это было за-границей, потому что она не знаетъ по-русски.

Гётце еще нѣсколько разъ бывалъ у госпожи Крюденеръ и разсказываетъ, что хотя онъ ни разу не присутствовалъ на ея бесѣдахъ и даже возражалъ ей во время разговоровъ съ нею, но что она не только не сердилась за это, но оказывала ему особое расположеніе и ласково выговаривала ему за то, что онъ рѣдко посѣщаетъ ее. При разставаніи съ нимъ она цѣловала его въ лобъ, говоря, что точно такъ же она цѣлуетъ и Голицына.

Къ этому Гётце добавляетъ, что въ одно изъ его посѣщеній баронессы Крюденеръ, когда она начала говорить съ воодушевленіемъ о своей миссіи и упала на колѣни, онъ остался неподвиженъ на стулѣ; баронесса крикнула ему: «prosternez-vous, jeune homme!» но когда и при этомъ возгласѣ Гётце не тронулся съ мѣста, то она вдругъ перемѣнила разговоръ, а потомъ, какъ и прежде, ласково обращалась съ нимъ.

Извѣстно, что баронесса фонъ-Крюденеръ имѣла огромное вліяніе на религіозное настроеніе, а въ связи съ нимъ и на политическія стремленія, императора Александра Павловича. Въ свою очередь не избѣгнулъ этого вліянія и князь Голицынъ. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, произошло ли ея вліяніе на этого послѣдняго непосредственно, или же Голицынъ болѣе приноровлялся къ образу мыслей своего государя и друга, чѣмъ подчинялся непосредственно ученію знаменитой піетистки. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но

мистическо-миссіонерская дѣятельность баронессы Крюденеръ не прошла въ Россіи безслѣдно и потому не излишнимъ будетъ очертить ея личность настолько, насколько уясняется она въ книгѣ покойнаго Гётце.

Баронесса фонъ-Крюденеръ, урожденная фонъ-Фитингофъ, какъ по отцу, такъ и по мужу, принадлежала къ древнѣйшимъ фамиліямъ Остзейскаго края. Родилась она въ Ригѣ 21-го ноября 1764 года. Когда познакомился съ нею Гётце, ей было уже 57 лѣтъ, слѣдовательно она не имѣла уже тѣхъ внѣшнихъ прелестей, которыя могли бы дѣйствовать болѣе и менѣе обаятельно на сторонниковъ ея проповѣдничества. Она была внучка знаменитаго русскаго фельдмаршала графа Миниха и въ литературномъ тогдашнемъ мірѣ пріобрѣла извѣстность изданнымъ ею на французскомъ языкѣ романомъ подъ заглавіемъ «Valérie».

«Послѣ того, — разсказываетъ Гётце — когда и при дворахъ государей, и въ высшихъ кругахъ общества, ее чествовали и удивлялись ей, она вдругъ распростерлась у подножія креста и, презрѣвъ всѣ суеты міра, начала жить только для подвиговъ милосердія».

Въ качествѣ опоры и совѣтника по вопросамъ религіознымъ, она почти всегда имѣла при себѣ какого нибудь мужчину, котораго считала проникнутымъ духомъ христіанства и который руководилъ ея помышленіями. Первоначально такимъ лицомъ былъ при ней ученый богословъ, родомъ женевецъ, Емпатайцъ, въ Петербургѣ—швейцарецъ Кельнеръ. Этотъ послѣдній былъ приверженецъ Якова Бёма—піетиста-мистика, и не могъ удержать ее отъ визіонерства, такъ какъ онъ самъ этому предавался.

Въ Петербургѣ религіозныя поученія баронессы приняли, до нѣкоторой степени, католическій оттѣнокъ, чего прежде не было. Въ подтвержденіе этого Гётце приводитъ слѣдующій случай:

Однажды въ департаментъ пришелъ къ нему управляющій имѣніями княгини Анны Сергѣевны Голицыной, у которой жила Крюденеръ, нѣкто Гутманъ, еврейскаго исповѣданія. Онъ изъявилъ желаніе обратиться къ евангелической вѣрѣ и пасторъ Рейнботъ хотѣлъ окрестить его въ церкви св. Анны. Онъ принесъ Гётце письмо отъ Голицына, въ ко-

торомъ князь поручалъ ему написать отъ имени Гутмана прошеніе о дозволеніи перейти въ христіанство. Спустя нѣсколько времени, Гутманъ пришелъ опять къ Гётце и подалъ ему переписанную просьбу, въ которой оказалась существенная перемѣна, такъ-какъ онъ просилъ уже о дозволеніи принять не лютеранское, но римско-католическое исповѣданіе. При этомъ онъ разсказалъ, что госпожа его, княгиня Голицына, и баронесса Крюденеръ долго совѣтовали ему окреститься по католическому обряду, пока, наконецъ, убѣдили его къ этому «а мнѣ—добавилъ онъ съ усмѣшкою—такъ все равно».

Въ виду этого, Гётце небезосновательно полагаетъ, что какъ Крюденеръ, такъ и госпожа Свѣчина, и княгиня Волконская, и княгиня Гагарина, а также и другія знатныя русскія дамы, попались въ сѣти, разставленныя іезуитами, и обратились, вслѣдствіе этого, къ католической вѣрѣ. Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Хотя въ Лофштетенѣ, въ Швейцаріи, баронесса Крюденеръ высказала извѣстному пастору Муральту свое отвращеніе къ католицизму, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявила ему, что она и не протестантка, такъ какъ собственно отъ себя протестуетъ противъ всякихъ церковныхъ установленій. Когда пасторъ Муральтъ замѣтилъ ей, что въ такомъ случаѣ ей будетъ всего правильнѣе называть себя евангеличкой, то баронесса отвѣтила, что, дѣйствительно, она признаётъ истинною одну лишь первоначальную евангельскую церковь. Вообще же всѣ ея религіозныя воззрѣнія стали крайне неопредѣленны послѣ того, какъ она была увлечена Емпатайцемъ. Конечно, можно быть весьма твердымъ въ вѣрѣ, но весьма слабымъ въ богословіи, чѣмъ собственно и отличалась, при своемъ туманномъ проповѣдничествѣ, баронесса Крюденеръ.

Она долгое время была въ обществѣ гернгутеровъ, гдѣ и сблизилась съ Юнгъ-Штиллингомъ, у котораго и жила нѣкоторое время, а затѣмъ извѣстный пасторъ Оберленъ изъ Банъ-де-ла-Ромъ повліялъ на нее окончательно.

По ученію Юнгъ-Штиллинга, истинное христіанство въ своемъ живомъ источникѣ сохранилось только у вальдерзейцевъ, альбигойцевъ и гусситовъ, или моравскихъ братьевъ.

Въ ту пору, когда въ 1814 году баронесса Крюденеръ

гостила у Юнгъ-Штиллинга въ Карлсруэ, тамъ временно проживалъ адмиралъ Шишковъ, тогдашній статсъ-секретарь императора Александра Павловича, сопровождавшій его во время походовъ 1812—1814 годовъ, и когда союзная армія перешла за Рейнъ, то адмиралъ, вслѣдствіе постигшей его болѣзни, вынужденъ былъ остаться въ Карлсруэ. Шишковъ, бывшій отъявленнымъ врагомъ мистицизма и «Библейскаго Общества», на распущеніи котораго онъ настоялъ въ 1826 году, разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ», что онъ изъ любопытства посѣтилъ баронессу Крюденеръ, нашелъ въ ней умную женщину, но ему въ ней не понравились ея сумасбродные взгляды и ея вздорныя стремленія, которыя выдавала она за наитіе свыше.

Такой строгій блюститель православія, какимъ былъ Шишковъ, онъ желалъ, однако, познакомиться съ личностью баронессы Крюденеръ и съ ея религіозною дѣятельностью. По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ перваго свиданія, онъ посѣтилъ ее снова и имѣлъ съ нею продолжительный разговоръ. Во время этой бесѣды вошла баронесса Беркгеймъ и захотѣла сказать своей матери что-то на ухо. Баронесса Крюденеръ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ извинилась передъ адмираломъ, сказавъ ему, что ее зовутъ на богомоленіе. «Почему же я не могу молиться съ ними?—замѣтилъ Шишковъ,—вѣдь и я христіанинъ». Съ своей стороны баронесса пригласила его отправиться на молитву. Они спустились съ лѣстницы и вошли въ просторную комнату, наполненную мужчинами и женщинами всякаго званія. Въ глубинѣ этой комнаты сидѣлъ какой-то господинъ передъ столомъ, на которомъ лежала бумага. Онъ началъ богомоленіе чтеніемъ одного изъ псалмовъ Давида. Прочитавъ стихъ, онъ начиналъ пѣть, а присутствующіе вторили ему тихимъ пѣніемъ. Послѣ этого онъ сказалъ длинную и весьма поучительную проповѣдь, которую, среди тишины, собраніе выслушало съ большимъ вниманіемъ. Тогда снова, въ прежнемъ порядкѣ, былъ пропѣтъ другой псаломъ, а послѣ того всѣ присутствующіе разошлись. «Когда — говоритъ Шишковъ — я прощался съ баронессою Крюденеръ, то поблагодарилъ ее за данное мнѣ ею дозволеніе, а самъ про себя подумалъ, что хотя она, изъ тщеславія, и выдаетъ себя за ниспосланную свыше проповѣдницу, но

если у нея не происходитъ ничего болѣе, какъ только то, что я видѣлъ,—то въ собраніяхъ, бывающихъ у нея, нѣтъ ничего предосудительнаго».

Баронесса Крюденеръ, отрѣшившись отъ прелестей міра, чтобы слѣдовать за Спасителемъ, и считая себя призванной къ проповѣдничеству, начала поучать, какъ будто она находилась подъ божественнымъ наитіемъ. Такъ какъ нѣкоторыя изъ ея прорицаній сбылись чудеснымъ образомъ и такъ какъ ей удалось, во время голодныхъ 1816 и 1817 годовъ, доставить множеству людей продовольствіе и одѣть множество нагихъ, хотя она и сама часто нуждалась, то она, мечтая въ припадкахъ религіознаго экстаза о чудесахъ, думала, что подкрѣпляетъ ими свои проповѣди.

Самою замѣчательною эпохою въ ея жизни была, безъ всякаго сомнѣнія, та пора, когда она вступила въ сношенія съ императоромъ Александромъ Павловичемъ.

IV.

Сближеніе Александра Павловича съ мистиками.—Первое его свиданіе съ баронесою Крюденеръ.—Ея укоры.—Пребываніе императора въ Гейдельбергѣ и Парижѣ.—Участіе баронесы Крюденеръ въ политическихъ дѣлахъ и въ составленіи Священнаго союза.—Переписка Крюденеръ съ императоромъ.—Приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ.—Отказъ ея отъ этого приглашенія.—Высылка ея изъ Германіи.—Пріѣздъ въ Россію, а за тѣмъ въ Петербургъ. — Заботы объ освобожденіи грековъ. — Охлажденіе къ ней императора.

Въ то время, когда государь, послѣ низложенія Наполеона, поддался религіозному настроенію и думалъ о поддержаніи политики на началахъ христіанскаго ученія, тогда въ бытность его въ Англіи, явились къ нему Юнгъ-Штиллингъ и квакерскіе проповѣдники Стефенъ Греллетъ, Джемсъ Вилькинсонъ и Вилльямъ Иллекъ. Всѣ они произвели болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе на императора.

Но всѣ эти впечатлѣнія, повидимому, должны были ослабѣть среди того земнаго величія, какимъ былъ окруженъ въ это время Александръ I. Благодарственныя привѣтствія и благословенія неслись къ нему на встрѣчу со всѣхъ сторонъ.

Европейскіе государи собрались на конгрессъ въ Вѣну, гдѣ время проходило среди празднествъ и увеселеній.

Въ концѣ октября 1814 года, баронесса Крюденеръ отправила къ фрейлинѣ Стурдза, бывшей впослѣдствіи за графомъ Эдлингомъ, письмо, въ которомъ она предсказывала, что Наполеонъ возвратится съ острова Эльбы во Францію, что лиліи снова исчезнутъ изъ Франціи и что опять наступятъ грозныя времена. Подсмѣиваясь надъ прозорливостью дипломатовъ, она, между прочимъ, писала: «Развѣ можно танцовать и наряжаться, когда милліоны людей вздыхаютъ и когда воплощается извергъ рода человѣческаго?»... «Я давно уже знаю, что Господь посѣтитъ радостью императора. Нѣтъ болѣе сладостной отрады, какъ любить и почитать тѣхъ, которые сами почитаютъ и любятъ Бога. Да будетъ руководить и да благословитъ Предвѣчный того, кого онъ призвалъ къ высокому предназначенію».

Въ императорѣ Александрѣ она видѣла избранника Божія, которому было предназначено возвратить цѣлому міру тишину и спокойствіе.

На одномъ изъ баловъ, бывшемъ у князя Меттерниха, разнесся слухъ, что Наполеонъ высадился въ Каннѣ, сказавъ при этомъ: «Le congrés est dissous»—конгрессъ распущенъ. Войска союзниковъ пришли въ движеніе и императоръ Александръ поспѣшилъ уѣхать изъ Вѣны въ свою главную квартиру, расположенную въ Гейдельбергѣ.

Во время остановки своей въ Гейльброннѣ, однажды въ сумерки, онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, погруженный въ раздумье, когда кто-то постучался въ дверь и вслѣдъ затѣмъ вошелъ къ государю съ опечаленномъ видомъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, чтобы доложить, что къ его величеству пришла какая-то госпожа Крюденеръ, которую онъ не рѣшается допустить. Императоръ приказалъ пригласить ее.

— Она обратилась ко мнѣ съ сильными и утѣшительными словами, разсказывалъ потомъ Александръ Павловичъ.

Баронесса Крюденеръ прямодушно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и кротко, укоряла императора за его прежнія заблужденія. Его мнимое обращеніе къ Богу она называла пустою мечтою. «Нѣтъ, государь—говорила она,—до сихъ поръ вы не обращались еще къ Богочеловѣку, какъ обратился къ нему рас-

пятый съ нимъ разбойникъ. Еще ни разу вы не обрѣли Его благодати, тогда какъ Онъ только одинъ имѣетъ власть отпустить грѣхи. Нѣтъ, вы еще никогда не помыслили какъ слѣдуетъ объ Іисусѣ Христѣ, какъ тотъ мытарь, не воззвали къ нему: «Господи, буди милостивъ мнѣ грѣшному!» Потому, въ васъ нѣтъ никакого успокоенія. Послушайте голосъ женщины, которая была великою грѣшницею, но которая нашла убѣжище отъ грѣховъ у подножія креста Господня».

Александръ прослезился и закрылъ лицо руками. Проповѣдница вдругъ растерялась, вспомнивъ, что тотъ, кто слушалъ ея рѣчь, былъ ея государемъ; она хотѣла извиниться въ своемъ легкомысліи, но Александръ успокоилъ ее и просилъ продолжать ея поученіе.

Три часа продолжалась эта бесѣда и, разставаясь съ г-жею Крюденеръ, императоръ сказалъ ей: «Вы мнѣ открыли то, о чемъ я никогда не думалъ. Благодарю за это Бога. Я нуждаюсь почаще въ такихъ бесѣдахъ и прошу васъ, не покидайте меня».

Лишь только Александръ Павловичъ пріѣхалъ въ Гейдельбергъ и для своего пребыванія выбралъ загородный домъ, тотчасъ же написалъ баронессѣ Крюденеръ, приглашая ее пріѣхать въ Гейдельбергъ. Она пріѣхала туда 2-го іюня 1815 года въ сопровожденіи женевскаго проповѣдника Емпатайца, своей дочери и ея мужа барона Беркгейма, и наняла на берегу Некара крестьянскій домикъ. Въ этомъ бѣдномъ убѣжищѣ русскій царь проводилъ вечера въ поучительныхъ бесѣдахъ и въ чтеніи библіи. Бесѣды эти продолжались иногда до 2-хъ часовъ ночи. Александръ самъ назначалъ какую нибудь главу изъ священнаго писанія и желалъ слышать ея объясненіе Емпатайцемъ. Государь говорилъ, что онъ ежедневно прочитываетъ по три главы изъ библіи, одну изъ евангелія, одну изъ апостольскихъ «Посланій» и одну изъ «Пророковъ» и добавлялъ, что такого обычая онъ не нарушалъ и во время походовъ. Когда же Емпатайцъ спросилъ его, чувствуетъ ли онъ душевный миръ и освободился ли онъ отъ тягости грѣховъ, то Александръ долго молчалъ, погрузился въ размышленія, и потомъ, поднявъ вверхъ глаза, сказалъ, что онъ признаётъ себя грѣшникомъ и уповаетъ только на милосердіе Божіе. Въ другой разъ этотъ право-

славный государь пригласилъ Емпатайца молиться вмѣстѣ съ нимъ Богу, чтобы Господь послалъ ему силы пожертвовать всѣмъ и открылъ бы ему то, что̀ сокрыто отъ людей. Емпатайцъ упалъ на колѣни и началъ громко молиться. При этомъ Александръ выразилъ желаніе, чтобы возлюбленный его братъ Константинъ тоже обратился къ Богу и скорбѣлъ о томъ, что онъ, Константинъ, до сихъ еще поръ обрѣтается во тьмѣ грѣховной.

Баронессу Крюденеръ, во время пребыванія ея въ окрестностяхъ Гейдельберга, посѣщали нѣсколько разъ графъ Каподистріа и баронъ фонъ-Штейнъ.

22-го января 1815 года, императоръ Александръ Павловичъ уѣхалъ изъ Гейдельберга, а г-жа Крюденеръ должна была дать обѣщаніе, что пріѣдетъ къ нему въ Парижъ.

Въ Парижѣ остановилась она въ гостинницѣ Моншеню, находившейся по близости отъ отеля Элизе-Бурбонъ, въ которомъ помѣстился русскій императоръ. Александръ Павловичъ носилъ въ это время при себѣ ключъ отъ садовой калитки, выходившей въ Елисейскія Поля, черезъ которыя онъ, никѣмъ незамѣченный, могъ, по нѣскольку разъ въ день, ходить къ баронессѣ Крюденеръ.

Во время своего вторичнаго пребыванія въ столицѣ Франціи, императоръ Александръ избѣгалъ всякихъ шумныхъ удовольствій. По его желанію, баронесса Крюденеръ, съ лицомъ закрытымъ густою вуалью, присутствовала нѣсколько разъ при воскресномъ богослуженіи въ русской церкви, устроенной въ Элизе-Бурбонъ. Императоръ пригласилъ ее въ Вертю на происходившій тамъ большой смотръ русскихъ войскъ.

Посѣщаемыя многочисленною публикою богомоленія происходили каждый вечеръ у Крюденеръ, около 7-ми часовъ; отправлялись они по обряду реформатской церкви. Емпатайцъ въ одеждѣ, усвоенной проповѣдниками этой церкви, читалъ молитву, а колѣнопреклонные богомольцы вторили ему, когда онъ произносилъ какой нибудь текстъ изъ св. писанія. Баронесса занимала мѣсто среди молящихся, и если кто нибудь обращался къ ней съ какимъ либо богословскимъ вопросомъ, то она предлагала отправиться за объясненіемъ къ Емпатайцу,

Императоръ Александръ, который, вслѣдствіе своего до-

браго расположенія къ Людовику XVIII, хотѣлъ удержать за Франціею прежнія ея границы, вынужденъ былъ выдержать сильную борьбу со своими союзниками, которые, въ силу политической необходимости, хотѣли отяготить вѣчно безпокойный Парижъ и отнять у Франціи, покрайней мѣрѣ, Эльзасъ. Онъ до такой степени разошелся со своими союзниками, что русскія войска не участвовали уже въ Ватерлооской битвѣ. По поводу всего этого, баронесса Крюденеръ говорила ему: «Вы правы, государь; чѣмъ болѣе вы будете великодушны къ другимъ, тѣмъ милосерднѣе будетъ къ вамъ Господь». Императоръ Александръ послѣдовалъ внушенію вліятельной проповѣдницы и настоялъ на томъ, чтобы союзники пощадили Францію.

Нѣтъ никакого сомнѣнія—замѣчаетъ Гётце,—что баронесса Крюденеръ принимала участіе въ составленіи «Священнаго союза», но какое именно?—вотъ вопросъ. Сообщила ли она первоначально императору мысль о такомъ союзѣ, или она, въ данномъ случаѣ, только встрѣтилась съ собственнымъ почином Александра? Извѣстно только—отвѣчаетъ на эти вопросы Гётце — что императоръ сообщилъ ей написанныя имъ собственноручно, карандашемъ, главныя основанія упомянутаго союза, и когда она нѣкоторыя изъ нихъ нашла неподходящими, то передала на его усмотрѣніе свои замѣчанія. Извѣстно также, что баронесса Крюденеръ сдѣлала въ первоначальномъ наброскѣ нѣкоторыя поправки и въ такомъ видѣ, на другой день, вручила императору его первоначальную рукопись.

Изъ письма Крюденеръ, которое она потомъ отправила императору изъ Парижа, слѣдуетъ заключить, что она не надѣялась, какъ надѣялся онъ, что, по заключеніи Священнаго союза, Европою будетъ руководить евангельское ученіе: «Vos vues sont grandes et belles, mais Vous ne pouvez les effectuer encore; il faut que Vous ne songiez, qu'á Vous régénérer, afin que tout régénére autour de Vous; il faut que tout passe par une grande crise. L'Allemagne, qui porte en elle le germe de la destruction, sera boulversée. Les Turcs vont paraître, les Anglais ne sont pas sûrs... т. е. «Ваши планы велики и прекрасны, но вы еще не можете осуществить ихъ. Вамъ нужно заботиться только о томъ, чтобы пере-

родиться, затѣмъ, дабы переродилось все окружающее васъ; нужно, чтобы во всемъ произошелъ огромный переворотъ. Германія, которая носитъ въ себѣ зародышъ разрушенія, будетъ ниспровергнута. Появятся турки, англичане ненадежны...»

При отъѣздѣ Александра изъ чужихъ краевъ, онъ приглашалъ ее отправиться вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ. Онъ не принялъ въ соображеніе, что при тогдашнихъ разстроенныхъ ея финансахъ ей не возможно было, обративъ взоры къ небу, забыть объ ея земныхъ интересахъ, и что она окружена лицемѣрами и негодными людьми, среди которыхъ особенно выдавался тогдашній извѣстный проповѣдникъ Фонтэнь и которые будутъ вызывать ее на разныя ходатайства; что главную часть ея доходовъ составляетъ аренда, пожалованная ея покойному мужу, что въ скоромъ времени срокъ этой аренды прекратится и что она вынуждена будетъ просить о продолженіи этой награды, но такъ какъ она не рѣшится на это, то одинъ изъ источниковъ ея доходовъ изсякнетъ.

Впродолженіе бѣдственныхъ 1816—1817 годовъ, она проводила время частью въ виртембергскихъ и баденскихъ владѣніяхъ, а частью въ Швейцаріи, гдѣ, желая исполнить свое призваніе, питала голодающихъ и, чтобъ имѣть для этого средства, продала свои брилліанты. Такъ какъ около нея собирались толпы народа, то правительства стали тревожиться этимъ. Ей поставили въ вину, что она пріучаетъ бѣдныхъ къ попрошайству и нищенству, и ее съ жандармами стали препровождать изъ одного мѣста въ другое и, такимъ образомъ, доставили ее къ русской границѣ.

Въ Юнгфернгофѣ, около Риги, она свидѣлась съ своимъ братомъ, тайнымъ совѣтникомъ Фитингофомъ, и оттуда писала, что она считаетъ себя дщерью первоначальной церкви и возвѣстила въ пророческомъ духѣ: L'orient s'ouvre, les calamités s'approchent sur l'Europe et sur ces contrées aussi», т. е. «Востокъ разверзается, бѣдствія надвигаются на Европу и на эти страны». Изъ Юрнгфернгофа она возвратилась въ свое помѣстье Коссе близъ Верро.

Болѣзнь зятя Беркгейма принудила баронессу Крюденеръ пріѣхать въ 1821 году въ Петербургъ.

Быть можетъ, она надѣялась, что здѣсь ей удастся возобновить прежнія отношенія съ императоромъ Александромъ

Павловичемъ—отношенія, которыя прекратились въ 1815 году, и что ей удастся побудить его къ освобожденію Россіею грековъ отъ турецкаго ига. «Призваніе мое—говорила она—тѣсно связано съ освобожденіемъ Греціи, чрезъ посредство которой христіанство будетъ процвѣтать на Востокѣ». Она, однако, горько обманулась въ своемъ чаяніи. Императоръ не выразилъ ей никакого вниманія. «А какъ въ былое время—говорила она Гётце—онъ проливалъ успокоительныя слезы въ моихъ объятіяхъ».

V.

Грустное настроеніе Александра.—Смерть Софіи Нарышкиной.—Предубѣжденіе императора противъ Крюденеръ.—Участіе Голицына въ сношеніяхъ съ нею Государя.—Выѣздъ изъ Петербурга.—Болѣзнь.—Поѣздка въ Крымъ.—Смерть баронессы Крюденеръ.

Хотя религіозное настроеніе Александра въ это время не только не ослабло, но еще болѣе усилилось, тѣмъ не менѣе его политическія воззрѣнія приняли иное направленіе, усвоивъ, вмѣсто ученія Лагарпа, ученіе Меттерниха. Революціи въ Испаніи и въ Неаполѣ, заговоры въ Германіи и совершонное тамъ убійство извѣстнаго писателя Коцебу убѣдили его въ необходимости слѣдовать внушеніямъ Меттерниха. Смерть молодой Софіи Нарышкиной подавила его въ свою очередь тяжелымъ горемъ. Онъ сдѣлался угрюмъ, несообщителенъ, недовѣрчивъ и потерялъ прежнюю энергію. Сверхъ того, около него уже не было тѣхъ смѣлыхъ и мечтательныхъ слугъ и друзей, которые, будучи молоды, увлекались, какъ онъ, мечтами. Въ эту пору государственными дѣлами завѣдывалъ ненавидимый всѣми графъ Аракчеевъ. Александра нигдѣ уже не встрѣчали съ прежними восторгами, а, напротивъ, въ Россіи слышался ропотъ и замѣчалось чувство нерасположенія къ правительству.

Среди такой неблагопріятной обстановки, баронесса Крюденеръ вздумала связать свое религіозное ученіе съ политическими цѣлями.

Вывшій тогда въ Россіи французскій посланникъ графъ де-ла-Ферроне, сдѣлавшійся лицомъ близкимъ къ государю, сообщалъ о немъ своему правительству слѣдующее:

«Съ каждымъ днемъ для меня становится все труднѣе и труднѣе разгадать и узнать характеръ государя. Кажется, нельзя лучше говорить, какъ говоритъ онъ—съ откровенностію и достоинствомъ. Бесѣда съ нимъ оставляетъ всегда самое пріятное насчетъ него впечатлѣніе. Вы разстаетесь съ нимъ въ увѣренности, что этотъ государь съ прекрасными качествами рыцаря соединяетъ качества великаго монарха. Онъ разсуждаетъ превосходно: подавляетъ доказательствами, говоритъ краснорѣчиво, съ горячностію убѣжденнаго человѣка. Кажется—все прекрасно, но, въ концѣ концовъ, его жизнь и все то, что̀ мнѣ приходится видѣть ежедневно, убѣждаютъ, что нельзя довѣрять ему. Безпрестанныя проявленія слабости доказываютъ, что энергія, которую онъ высказываетъ на словахъ, не въ его характерѣ, но, съ другой стороны, этотъ слабый характеръ проявляетъ такія вспышки энергіи, которыя вызываютъ въ немъ самую упорную рѣшимость, могущую повлечь за собою неисчислимыя послѣдствія. Наконецъ, императоръ крайне недовѣрчивъ, что̀ доказываетъ его слабость, а слабость, въ свою очередь, несчастье, и тѣмъ еще болѣе, что императоръ, въ полномъ значеніи слова (по крайней мѣрѣ мнѣ такъ думается), самый честный человѣкъ, какого я когда либо зналъ. Быть можетъ, онъ часто дѣлаетъ зло, но тѣмъ не менѣе онъ всегда желаетъ сдѣлать добро».

Чувства Александра Павловича въ отношеніи къ баронессѣ Крюденеръ втеченіи шести лѣтъ значительно измѣнились. Ему сдѣлалось извѣстно то неблагопріятное впечатлѣніе, какое произвели его сношенія съ этой женщиной по разнымъ политическимъ вопросамъ. Ея религіозная и филантропическая дѣятельность въ Баденѣ, Виртембергѣ и въ Швейцаріи была выставлена передъ нимъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Когда однажды какая-то пріятельница баронессы спросила его: имѣетъ-ли онъ о г-жѣ Крюденеръ какія нибудь извѣстія?—то онъ сухо отвѣчалъ: «я—боюсь за нее, она стала на ложную дорогу».

По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Крюденеръ думала, что императоръ, наставляемый Богомъ, долженъ сдѣлаться заступникомъ грековъ. Между тѣмъ «Священный Союзъ» связывалъ его по рукамъ, и на веронскомъ кон-

грессѣ онъ высказалъ Шатобріану, что смотритъ на возстаніе грековъ какъ на бунтъ противъ власти, установленной Богомъ. Онъ опасался, что баронесса Крюденеръ своими религіозными поученіями станетъ побуждать его къ заступничеству за грековъ и потому считалъ нужнымъ избѣгать всякихъ съ нею разговоровъ. Вспоминая, однако, прежнія свои къ ней отношенія и, можетъ быть, питая еще къ ней нѣкоторое расположеніе, онъ счелъ нужнымъ бережно отнестись къ ней и въ настоящее время.

Александръ написалъ къ ней длинное письмо—на цѣлыхъ восьми страницахъ. Въ письмѣ этомъ онъ изложилъ ей, какъ трудно ему, увлекаясь стремленіями вѣка, придти на помощь грекамъ; что онъ хотѣлъ-бы повиноваться волѣ Божіей, но что эта воля недостаточно ему выяснилась; что онъ долженъ крайне остерегаться, чтобъ не попасть на ложную дорогу, такъ какъ благія его намѣренія потребовали уже столько жертвъ, а между тѣмъ онъ осчастливилъ очень не многихъ. Кромѣ того, онъ поставлялъ ей на видъ свое обязательство не предпринимать ничего безъ согласія своихъ союзниковъ. Къ этому онъ добавилъ, что та свобода, съ которою онъ предоставилъ ей порицать его правительство, доказываетъ, что онъ ея другъ, но далъ понять, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ такой другъ, который можетъ заговорить съ нею иначе, если она будетъ дѣлать какія либо затрудненія его министрамъ или возбуждать въ публикѣ какое либо неудовольствіе противъ правительства, такъ какъ она тѣмъ самымъ нарушитъ свой долгъ какъ подданная и какъ христіанка. Въ заключеніе онъ сообщалъ баронессѣ Крюденеръ,—жившей тогда на дачѣ, по такъ называемому нынѣ Ланскому шоссе,—что онъ разрѣшаетъ ей бывать въ городѣ только подъ тѣмъ условіемъ, что она будетъ сохранять благоразумное молчаніе относительно положенія дѣлъ, измѣнять которыя онъ не желаетъ вслѣдствіе ея досужихъ мечтаній.

Государь приказалъ директору департамента духовныхъ дѣлъ, Тургеневу, только прочитать это письмо баронессѣ и затѣмъ возвратить его ему черезъ князя Голицына.

Она почтительно выслушала это письмо, въ которомъ ласковыя слова прикрывали очень суровое внушеніе, и попросила Тургенева выразить Государю живѣйшую призна-

тельность за его вниманіе и снисходительность. Замѣтно было, однако, что письмо это было принято съ горестнымъ чувствомъ, и она въ ту же осень уѣхала въ свое помѣстье Коссе, гдѣ и скрылась въ совершенномъ уединеніи.

Въ чрезвычайно холодную зиму 1822—1823 года она сильно страдала отъ стужи, такъ какъ жила въ нетопленныхъ комнатахъ и безъ двойныхъ рамъ. Жила же она такъ, чтобъ показать собою бѣднымъ примѣръ терпѣнія, которое она проповѣдывала. Спутникъ ея, пасторъ Кельнеръ, захотѣлъ-было подражать ей, но вскорѣ захворалъ отъ сильной простуды. Что же касается баронессы, то и она, въ свою очередь, совершенно разстроила свое здоровье и почувствовала приближеніе смерти. Будущая жизнь представлялась ей въ видѣ ужаснаго возмездія за ея прегрѣшенія и она впала въ страшное отчаяніе. Но вскорѣ такое настроеніе измѣнилось, такъ какъ, по ея словамъ, однажды ночью до нея дошелъ голосъ, который говорилъ ей: «Почему ты боишься умирать? Къ тебѣ придетъ ангелъ и перенесетъ твою душу туда, гдѣ тебя любятъ». Послѣ этого она совершенно успокоилась и болѣзнь ея облегчилась.

По приглашенію княгини Анны Сергѣевны Голицыной, она для поправленія своего здоровья рѣшилась переѣхать въ болѣе теплый край и потому вмѣстѣ съ дочерью и зятемъ отправилась въ Крымъ, въ имѣніе княгини—Карассу-Базаръ, гдѣ Голицына завела нѣмецкую колонію. Это было весною 1824 года. Въ Карассу-Базарѣ она снова начала страдать ракомъ.

Передъ смертью она написала своему сыну, бывшему русскимъ посланникомъ въ Швейцаріи, слѣдующее: «То, что̀ я сдѣлала добраго, то и останется послѣ моей смерти; то же, что̀ я сдѣлала дурнаго (такъ какъ я часто не исполняла воли Божіей, и дурное было слѣдствіемъ моего упорства и моей гордости), будетъ мнѣ отпущено по благости Господней. Я должна только просить отпущенія моихъ заблужденій передъ Богомъ и людьми, кровь же Христова омываетъ всѣ грѣхи».

Она умерла въ 1824 году, въ день Рождества Христова, въ полномъ сознаніи и надеждѣ на милосердіе Божіе.

VI.

Сходство Александра I и Голицына въ области религіозныхъ убѣжденій.—Министерство народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.—Жалобы Голицына на господство монашества.—Замѣчаніе по поводу этого.—Объясненія Голицына.—Митрополитъ Михаилъ.—Вѣротерпимость.—Мѣры Голицына въ отношеніи Остзейскаго края.—Мнѣніе Голицына о расколѣ.—Непріязнь высшаго духовенства къ Голицыну.—Неудачное его управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Цензура.—Ея строгость.—Отношенія Голицына къ Магницкому, Руничу и Уварову.—Ланкастерская метода.—Благотворительная и общественная дѣятельность Голицына.

Мы остановились нѣсколько подробно на свѣдѣніяхъ, встрѣченныхъ о баронессѣ Крюденеръ въ книгѣ Гётце, не только потому, что личность эта имѣетъ значеніе какъ сама по себѣ, такъ отчасти и въ исторіи первой четверти текущаго столѣтія, но еще и по другимъ причинамъ. Сношенія императора Александра I съ Крюденеръ представляютъ нѣкоторыя существенныя черты его религіознаго и политическаго настроенія, которое неизбѣжно должно было отражаться на окружившихъ его лицахъ, и въ особенности на князѣ Голицынѣ. Голицынъ былъ съ дѣтства связанъ съ императоромъ тѣсною дружбою. Оба они выросли при дворѣ Екатерины II, въ такую пору, когда религіозныя чувства были въ разладѣ съ разсудкомъ. Оба они усвоили себѣ одинаковый образъ мыслей и потомъ оба свернули на иную дорогу, гдѣ натолкнулись на христіанско-мистическое ученіе. Обстоятельство это, по отношенію къ Голицыну, какъ къ министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, имѣло, разумѣется, гораздо болѣе значенія, нежели въ отношеніи другихъ современныхъ ему русскихъ сановниковъ.

Министерство народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, которому подвѣдомственны были и дѣла господствующей церкви, принадлежало къ числу замѣтно выдавшихся учрежденій, основанныхъ въ царствованіе Александра I, но, спустя семь лѣтъ, министерство это было упразднено вслѣдствіе происковъ Аракчеева, направленныхъ противъ Голицына.

Во время своего управленія означеннымъ министерствомъ, Голицынъ особенно жаловался на преобладаніе въ православ-

ной церкви чернаго духовенства, вслѣдствіе чего епископскій санъ сдѣлался доступнымъ только монашествующимъ, такъ что монашество стало господствовать надъ бѣлымъ духовенствомъ. При такомъ условіи, это послѣднее было поставлено въ приниженное положеніе, и представители перваго, въ особѣ епархіальныхъ владыкъ, вышедшихъ изъ монастырей, обращались съ лицами бѣлаго духовенства почти какъ съ рабами. Обычай ставить митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ только изъ монашествующихъ до такой степени утвердился у насъ, что теперь представляется чѣмъ то страннымъ увидѣть въ этомъ санѣ лицо изъ бѣлаго духовенства. Разумѣется, что при установившемся среди православнато люда обычаѣ особенно будетъ чудно́ видѣть «архіерейшу», но по каноническимъ правиламъ она можетъ существовать и нисколько не препятствовать своему супругу получить архіерейскій посохъ. Каноны нашей церкви отдаютъ даже преимущество при поставленіи на архіерейскую каѳедру лицамъ бѣлаго духовенства, такъ какъ по внѣшнему виду къ нему, а не къ монашеству приближается епископъ, хотя бы и рукоположенный изъ монашества. Такъ, наши епископы носятъ, какъ и лица бѣлаго духовенства, цвѣтныя, а не черныя рясы, и бѣлый клобукъ митрополита считается почетнѣе, нежели черный, исключительно присвоенный монашеству.

Не вдаваясь, впрочемъ, въ собственныя размышленія по этому вопросу, мы упомянемъ здѣсь лишь о томъ, ка̀къ смотрѣлъ Голицынъ на преимущественное положеніе въ церковной іерархіи чернаго духовенства сравнительно съ положеніемъ бѣлаго. Онъ весьма основательно находилъ, что заключенный въ стѣнахъ монастыря монахъ не могъ пріобрѣсти широкаго взгляда и вѣрнаго понятія о житейскихъ потребностяхъ и, находясь въ сторонѣ отъ всего мірскаго, долженъ былъ потерять изъ виду многія существенныя условія гражданскаго, общественнаго и домашняго быта.

Что касается вопроса о причинахъ упомянутаго преобладанія, то Голицынъ, когда однажды зашла объ этомъ рѣчь при докладѣ, при которомъ присутствовали только Тургеневъ и Гётце, по словамъ послѣдняго изъ нихъ, отозвался: «какой-нибудь пьяный патріархъ установилъ это».

Съ своей стороны, Гётце объясняетъ такое преобладаніе умственнымъ перевѣсомъ чернаго духовенства надъ бѣлымъ такъ какъ въ монахи вступали самые способные молодые люди изъ приготовлявшихся въ духовное званіе, а также болѣе образованные вдовцы изъ бѣлаго духовенства.

Въ свою очередь мы добавимъ, что, независимо отъ этого, сплоченность монашествующихъ давала имъ перевѣсъ надъ разсѣяннымъ повсюду бѣлымъ духовенствомъ. Кромѣ того, монастыри всегда пользовались бо̀льшимъ почетомъ со стороны мірянъ, нежели приходскія церкви. Въ монастыри стекались и доселѣ стекается множество богомольцевъ, а старшій представитель монашествующей братіи — архимандритъ, игуменъ, настоятель, — по своей обстановкѣ и зажиточности обители, являлся въ глазахъ мірянъ лицомъ, несравненно выше стоящимъ, нежели священникъ какого-нибудь бѣднаго прихода, живущій поборами со своихъ прихожанъ.

Въ числѣ замѣчательныхъ современниковъ князя Александра Николаевича, Гётце считаетъ, въ средѣ чернаго духовенства, петербургскаго митрополита Михаила. Онъ былъ первенствующимъ членомъ синода и, по словамъ Гётце, во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ достойный пастырь, отличавшійся нежеланіемъ приходить въ столкновенія съ духовенствомъ иновѣрныхъ исповѣданій.

Въ своей книгѣ Гётце приводитъ нѣсколько примѣровъ тогдашней вѣротерпимости со стороны святѣйшаго синода, какъ высшаго въ государствѣ православно-церковнаго управленія.

Такъ, онъ разсказываетъ, что духовная консисторія эстляндская и лифляндская обратилась къ Голицыну съ ходатайствомъ о дозволеніи крестить въ Остзейскомъ краѣ подкидываемыхъ младенцевъ по евангелическому обряду. Министръ нашелъ такое ходатайство уважительнымъ и въ такомъ смыслѣ отнесся къ митрополиту Михаилу, который, съ своей стороны, отвѣчалъ, что къ удовлетворенію такого ходатайства не встрѣчаетъ препятствій, и такой его отзывъ, пройдя чрезъ государственный совѣтъ, получилъ высочайшее утвержденіе.

Въ подтвержденіе тогдашней вѣротерпимости, Гётце приводитъ и другой еще случай. Во время нашихъ войнъ съ

Наполеономъ въ Германіи, какой-то полковникъ Бекбубетовъ женился на дѣвицѣ Фрезе, реформатскаго исповѣданія. Впослѣдствіи открылось, что онъ былъ магометанинъ. Отъ этого брака родился сынъ и, по взаимному соглашенію родителей, его предположили окрестить по вѣрѣ его матери. Между тѣмъ, новорожденный младенецъ было настолько слабъ, что, казалось, не проживетъ и одного дня. Въ виду этого повивальная бабка, принимавшая его, окрестила его сама. Но такъ какъ ребенокъ остался живъ, то пасторъ отказался записать его въ метрическую книгу на томъ основаніи, что повивальная бабка, какъ православная, окрестила его по своей вѣрѣ. Между тѣмъ, родители мальчика продолжали настаивать, что онъ принадлежитъ къ реформатской церкви. Вопросъ объ этомъ былъ представленъ на разрѣшеніе князя Голицына, который, въ свою очередь, снесся по этому дѣлу съ митрополитомъ Михаиломъ, и митрополитъ отозвался, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ исполнить желаніе родителей.

Гётце приводитъ еще и другіе случаи, которые свидѣтельствуютъ о взглядѣ князя Голицына на отношенія православной церкви къ иновѣрческимъ. Такъ, между прочимъ, имъ былъ проведенъ законъ, запрещавшій присоединять въ Остзейскомъ краѣ къ православной церкви тѣхъ лютеранъ, которые изъявляютъ на то желаніе потому только, что уклоняются отъ конфирмаціи, требующей нѣкотораго подготовленія по Закону Божію, а также не допускать къ присоединенію и малолѣтнихъ мужскаго пола, не достигшихъ 15-ти и женскаго—12-ти лѣтъ, безъ согласія на то со стороны ихъ родителей.

Относительно русскихъ раскольниковъ, Голицынъ, какъ министръ духовныхъ дѣлъ, высказывалъ такое мнѣніе:

«Самое лучшее—не обращать на нихъ вниманія. Если правительство станетъ поступать иначе, то это повлечетъ за собою двоякое послѣдствіе: или нужно будетъ ихъ преслѣдовать—и тогда будетъ худо, такъ какъ они явятся мучениками и ученіе ихъ привлечетъ къ себѣ еще болѣе сторонниковъ; или же нужно будетъ выдѣлить ихъ вовсе изъ вѣдѣнія господствующей церкви. Но въ такомъ случаѣ они будутъ имѣть поводъ считать, что правительство какъ бы

узаконило ихъ заблужденія. Въ дѣлахъ раскола нужно—говоритъ Голицынъ—предоставить все волѣ Божіей, времени и просвѣтительному старанію православнаго духовенства». Передавая это мнѣніе, Гётце добавляетъ, что въ Сибири считалось тогда до ста тысячъ сектантовъ, которые обратились къ Голицыну съ просьбою, чтобы онъ принялъ ихъ подъ свое начальство. «Я отклонилъ эту честь—разсказывалъ Голицынъ — и тогда они просили меня быть посредникомъ между ними и святѣйшимъ синодомъ. Я объявилъ имъ, что если они не желаютъ имѣть особаго епископа, то во всякомъ случаѣ должны подчиниться синоду, который, впрочемъ, по отдаленности ихъ мѣстопребыванія, не будетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Они не согласились на это, отзываясь тѣмъ, что въ обоихъ случаяхъ они, при ихъ богослуженіяхъ, должны будутъ поминать или епископа, или синодъ. Тогда имъ было указано, что подобныя молитвы находятся въ старинныхъ богослужебныхъ книгахъ, которыя никогда не были переиначены, но что въ нихъ при патріархѣ Никонѣ были только исправлены ошибки переводчиковъ. Однако же убѣжденія не привели ни къ чему».

То направленіе, котораго такъ твердо держался Голицынъ по дѣламъ духовнымъ, не нравилось высшему духовенству. Оно было вооружено противъ него до такой степени, что, по словамъ Гётце, даже такой просвѣщенный представитель духовенства, какимъ былъ митрополитъ Михаилъ, не задолго до своей смерти, въ поданной имъ Государю запискѣ, обвинялъ Голицына въ пренебреженіи дѣлами господствующей церкви. Въ своей нетерпимости высшее духовенство дошло тогда до того, что признавало нужнымъ обращать невѣрующихъ на путь истинный строгими принудительными мѣрами.

Вообще, Гётце отзывается о Голицынѣ, какъ о министрѣ духовныхъ дѣлъ, съ большою похвалою; что же касается его дѣятельности какъ министра народнаго просвѣщенія, то въ книгѣ Гётце попадаются отзывы инаго рода. Голицынъ искренно желалъ распространить и развить просвѣщеніе среди народа, но не былъ счастливъ въ выборѣ предназначенныхъ для того лицъ и самъ попалъ подъ вліяніе обскурантовъ и интригановъ. Самъ онъ не былъ на столько образованъ, чтобы непосредственно предпринять тотъ или другой починъ

въ этомъ дѣлѣ, и потому все должно было зависѣть отъ директора департамента, но такого способнаго и толковаго человѣка при Голицынѣ не было. «Если бы—замѣчаетъ Гётце—директоромъ департамента народнаго просвѣщенія былъ такой человѣкъ, какимъ былъ Тургеневъ, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ, то время управленія Голицына министерствомъ народнаго просвѣщенія представлялось бы совершенно въ другомъ свѣтѣ. При Голицынѣ директоромъ департамента народнаго просвѣщенія былъ Василій Ивановичъ Поповъ. По отзыву Гётце, онъ понималъ языки нѣмецкій и англійскій и владѣлъ хорошимъ канцелярскимъ слогомъ, но онъ былъ человѣкъ безхарактерный, безъ всякой нравственной выдержки, безъ широкаго взгляда на государственныя дѣла, и вполнѣ подчинялся піетистическимъ вліяніямъ.

Кромѣ дѣлъ духовныхъ и народнаго просвѣщенія, подъ главнымъ вѣдѣніемъ Голицына находилась еще и цензура. Изъ боязни происходившихъ тогда въ Европѣ смутъ, строгость ея была усилена до крайней степени, особенно по театральной части, и въ этомъ отношеніи требованія ея доходили до смѣшнаго. Такъ, драматическій цензоръ не допускалъ въ піесахъ словъ «богъ любви», но заставлялъ замѣнять эти слова словами Амуръ или Купидонъ. Иностранная цензура была придирчива до того, что однажды не пропустила одного нумера ««Augsburger Allgemeines Zeitung» потому только, что тамъ встрѣтилось объявленіе о продажѣ въ Германіи портрета испанскаго агитатора Ріего.

О какихъ либо нововведеніяхъ по учебной части при Голицынѣ не было и помину. Изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ его время были открыты: въ 1817 году петербургскій университетъ, а въ Одессѣ—Ришильевскій лицей. Гётце говоритъ, что, судя по находившимся въ ту пору при этомъ университетѣ профессорамъ, ему предстояла блестящая будущность, если бы развитіе этого разсадника просвѣщенія не было задержано злобнымъ вліяніемъ Магницкаго и Рунича.

Магницкій и Руничъ, разсказываетъ Гётце, были превосходные говоруны и своею болтовнею они ослѣпили Голицына такъ, что онъ изъ-за нихъ не могъ ничего видѣть. Изъ нихъ Магницкій былъ попечителемъ казанскаго, а Ру-

ничъ петербургскаго университетовъ. Они, съ своей стороны, начали выставлять подвѣдомственные имъ университеты какъ разсадники невѣрія и революціоннаго духа, предрекая отъ этого разныя бѣдствія и напасти. Уваровъ, бывшій впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія, а въ ту пору президентомъ академіи и попечителемъ петербургскаго университета, старался защитить этотъ послѣдній. Такъ какъ онъ былъ скорѣе человѣкъ ученый, нежели администраторъ. то въ его управленіи можно было найти нѣсколько промаховъ. Онъ раза два пріѣзжалъ на воскресныя собранія, бывавшія у Голицына, но звѣзда его, какъ попечителя, была уже на закатѣ. На этихъ собраніяхъ его какъ будто никто не замѣчалъ «и онъ—говоритъ Гётце—былъ очень доволенъ, когда я, въ ту пору еще молодой и незначительный чиновникъ, заговаривалъ съ нимъ, и старался подольше протянуть эту бесѣду».

Въ похвалу Голицыну должно, однако, сказать, что онъ обратилъ вниманіе на распространеніе чтенія и письма въ народѣ, такъ какъ эти первоначальныя знанія были тогда очень мало распространены. Голицынъ, по возможности, старался открывать народныя училища и заботился о введеніи въ Россіи бывшей тогда въ ходу такъ называемой «ланкастерской» методы. Для введенія и распространенія ея былъ учрежденъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ ректора александро-невской духовной академіи, архимандрита Филарета, впослѣдствіи митрополита московскаго. Въ составъ этого комитета вошли также Магницкій и Руничъ, скоро вкравшіеся въ довѣренность министра, въ то же время четверо студентовъ педагогическаго института были отправлены за-границу для изученія ланкастерской методы. На основаніи же этой методы, независимо отъ министерства народнаго просвѣщенія, были устроены въ Петербургѣ солдатскія школы.

Съ 1817 года Голицынъ былъ предсѣдателемъ «Человѣколюбиваго Общества» и содѣйствовалъ устройству при этомъ обществѣ медико-филантропическаго отдѣленія. При его участіи и содѣйствіи образовано было, донынѣ дѣйствующее съ пользою «Пепечительное о тюрьмахъ Общество» какъ въ обѣихъ столицахъ, такъ и въ разныхъ, губерніяхъ.

а также попечительство о бѣдныхъ и пріютъ для неизлечимо-больныхъ. Особенно заботился Голицынъ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, о призрѣніи грековъ, убѣжавшихъ въ южную Россію отъ турецкихъ звѣрствъ, а также о выкупѣ гречанокъ и дѣтей, купленныхъ турками въ рабство, и собиралъ съ этою цѣлью большія пожертвованія.

Когда, въ 1823 году, открылся въ Бѣлоруссіи голодъ, Голицынъ воззвалъ къ общественной благотворительности въ помощь голодающимъ. Въ 1816 году, подъ покровительствомъ Голицына, возникло «Общество любителей русской словесности», составившееся преимущественно изъ молодыхъ писателей и начавшее издавать журналъ, прибыль съ котораго предназначалась для пособія нуждающимся литераторамъ и учащимся. Вообще, Голицынъ очень охотно поддерживалъ всякое филантропическое и общеполезное предпріятіе.

Въ бытность свою министромъ народнаго просвѣщенія, Голицынъ, въ 1819 году, управлялъ однажды временно министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и одинъ разъ, въ отсутствіи князя Волконскаго,—министерствомъ двора.

«Вслѣдствіе губительнаго вліянія Магницкаго и его сподручника—Рунича», говоритъ Гётце, «министерство народнаго просвѣщенія пришло въ разстройство и дѣятельность его, отражавшаяся въ ложномъ свѣтѣ, сильно повредила Голицыну въ общественномъ мнѣніи».

VII.

Вліяніе Магницкаго на Голицына.—Отзывы Гётце о Магницкомъ.—Ихъ особое значеніе.—Его пріемы для пріобрѣтенія благосклонности Голицына.—Доносы на казанскій университетъ.—Разговоръ императора съ Голицынымъ о Магницкомъ.—Назначеніе Магницкаго попечителемъ казанскаго университета.—Разгромъ этого заведенія.—Руничъ.—Интриги Магницкаго чрезъ архимандрита Фотія и митрополита Серафима.—Участіе Аракчеева.—Надежды Магницкаго занять мѣсто Голицына.

О губительномъ вліяніи Михаила Леонтьевича Магницкаго появилось уже много извѣстій въ нашей печати. Нелестные о немъ отзывы встрѣчаются и въ книгѣ Гётце, и они, по нашему мнѣнію, должны имѣть особое значеніе, такъ какъ они представляются однимъ изъ его современниковъ,

близко знавшимъ его, и притомъ написаны Гётце уже въ преклонныхъ годахъ, когда обыкновенно,—особенно въ русскомъ тайномъ совѣтникѣ, да еще изъ нѣмцевъ,—стихаетъ всякое свободомысліе, и онъ безъ всякихъ душевныхъ порывовъ и съ большою сдержанностію высказываетъ свои мнѣнія.

Магницкій былъ другомъ Сперанскаго и вмѣстѣ съ нимъ впалъ въ немилость, но затѣмъ получилъ сперва мѣсто вице-губернатора въ Тамбовѣ, а потомъ губернатора въ Симбирскѣ. Хотя онъ, какъ администраторъ, былъ вовсе неспособный, но, тѣмъ не менѣе, былъ человѣкъ умный. Честолюбіе мучило его, и онъ, для удовлетворенія этой страсти, не пренебрегалъ никакими средствами и потому былъ опаснымъ интриганомъ. Нѣкогда онъ былъ кутила и остроумный насмѣшникъ, но, вступивъ въ правительственныя сферы, онъ сталъ отличаться набожностію и выдавать себя за человѣка религіознаго.

Чтобъ обратить на себя вниманіе Голицына, онъ, какъ симбирскій губернаторъ, учредилъ отдѣлъ «Библейскаго Общества» и при открытіи этого отдѣла произнесъ такую рѣчь, въ силу которой явился самымъ усерднымъ ревнителемъ подобнаго учрежденія. Онъ достигъ своей цѣли. Послѣ того какъ онъ былъ уволенъ отъ должности губернатора, противъ него не только не было начато комитетомъ министровъ слѣдствія по поданнымъ на него жалобамъ, но онъ получилъ мѣсто члена въ главномъ правленіи училищъ съ 6.000 руб. ежегоднаго содержанія

Стараясь понравиться Голицыну еще болѣе, онъ каждое воскресенье и каждый праздникъ являлся къ обѣдни въ домовую церковь князя и тамъ земными поклонами силился привлечь на себя вгляды министра. Съ лукавымъ разсчетомъ онъ прикрывалъ свою лицемѣрную набожность горячею преданностію церкви, чѣмъ и вызвалъ къ себѣ сочувствіе клерикальной партіи.

Наружность его можно назвать внушительною. Онъ былъ видный мужчина, съ правильными, но нѣсколько грубыми чертами лица. По словамъ Гётце, Магницкій производилъ на него отталкивающее впечатлѣніе и Гётце избѣгалъ всякаго съ нимъ сближенія при встрѣчахъ у министра.

Такъ какъ Магницкій, будучи симбирскимъ губернаторомъ, жилъ по сосѣдству съ Казанью, то онъ воспользовался этимъ, чтобъ сообщать Голицыну свѣдѣнія о состояніи тамошняго университета, дабы выставить это зеведеніе въ самомъ дурномъ видѣ. Въ февралѣ 1819 года, онъ сообщилъ министру, что въ университетѣ нужно произвести ревизію. Онъ отправился въ Казань, пробылъ тамъ съ недѣлю и донесъ министру, что университетъ находится въ крайнемъ разстройствѣ и безпорядкѣ, что изъ 25-ти профессоровъ, за исключеніемъ какихъ нибудь 5-ти молодыхъ,—всѣ неучи, атеисты, или деисты, а студенты не знаютъ даже числа заповѣдей Божіихъ, почему университетъ, по всей справедливости, долженъ быть закрытъ. Непроницательный Голицынъ, прельщенный набожностію Магницкаго, его свѣтскими пріемами и краснорѣчіемъ, не затруднился представить его доносъ на усмотрѣніе государя.

Въ это время въ германскихъ университетахъ происходило демократическое движеніе. Доносъ Магницкаго подоспѣлъ весьма кстати и судьба казанскаго университета висѣла на волоскѣ. «Если—говоритъ Гётце—его постигла бы участь, предназначавшаяся ему Магницкимъ, то несомнѣнно вслѣдъ за тѣмъ были бы предприняты и другія угнетательныя мѣры противъ народнаго образованія».

Къ чести Александра I, должно, однако, сказать, что онъ не поддался кипившимъ около вего проискамъ. На представленіе о закрытіи университета онъ возразилъ: «Зачѣмъ уничтожать то, что можно исправить? Можно удалить неспособныхъ профессоровъ и замѣнить ихъ другими, приглашенными изъ за-границы».

Съ своей стороны, Голицынъ полагалъ, что никто не въ состояніи исправить казанскій университетъ лучше, чѣмъ это сдѣлаетъ Магницкій. Когда же, въ іюлѣ 1819 года, Голицынъ поднесъ государю указъ о назначеніи Магницкаго попечителемъ казанскаго университета, то — по передачѣ Гётце—между имераторомъ и его министромъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

Императоръ. Ты хорошо знаешь Магницкаго?

Голицынъ. Дà, ваше величество, я знаю его уже давно. Мнѣ извѣстны его прежнія заблужденія, но те-

перь онъ перемѣнился къ лучшему и углубился въ самого себя.

Императоръ. Итакъ, ты ходатайствуешь, чтобы я назначилъ его попечителемъ?

Голицынъ. Если вашему величеству угодно будетъ оказать эту милость, то я увѣренъ, что онъ будетъ хорошо исполнять свою обязанность.

Императоръ. Пусть будетъ такъ! Я принялъ за правило предоставлять министрамъ право выбирать себѣ подчиненныхъ, но я напередъ тебѣ говорю, что Магницкій будетъ первымъ на тебя доносчикомъ.

Такими словами, по замѣчанію Гётце, государь чрезвычайно вѣрно опредѣлилъ характеръ Магницкаго, но къ сожалѣнію, Голицынъ пренебрегъ этимъ предостереженіемъ.

Первымъ дѣломъ Магницкаго, какъ попечителя, было преслѣдованіе способныхъ профессоровъ, въ особенности такихъ, которые носили нѣмецкія фамиліи или не принадлежали къ православной церкви. Онъ замѣнялъ ихъ темными личностями, хотя государь имѣлъ совершенно иное намѣреніе. Ни одинъ профессоръ не былъ вызванъ изъ-заграницы. Затѣмъ онъ началъ вводить свои административныя мѣры и, въ продолженіе шестилѣтняго своего управленія округомъ, произвелъ въ дѣлахъ его страшный хаосъ. О дѣйствіяхъ Магницкаго сообщалось много свѣдѣній, но вотъ тѣ добавочныя, которыя встрѣчаются въ книгѣ Гётце.

Такъ, онъ приказалъ взять изъ университетской библіотеки и сжегъ всѣ книги, казавшіяся ему зловредными, также и изданныя на иностранныхъ языкахъ. Прочія же книги велѣлъ опечатать и не давать ихъ никому, даже профессорамъ, хотя бы нѣкоторыя изъ этихъ книгъ и были одобрены цензурою. Во все время его завѣдыванія университетомъ, для тамошней библіотеки не было пріобрѣтено ни одной книги. Онъ хвалился водворенною имъ дисциплиною. Всѣмъ своимъ подчиненныхъ профессорамъ, учителямъ и студентамъ онъ запретилъ пить вино, объявивъ, что это страшный грѣхъ. Если же кто-либо изъ казенныхъ студентовъ былъ замѣченъ въ нарушеніи этой попечительской заповѣди, то его сажали въ темный карцеръ, надѣвали на него крестьянскую сермягу и лапти. Послѣ того къ заключенному приходилъ священ-

никъ и поучалъ его. Когда же виновный исповѣдовался и удостоивался св. причастія, то онъ считался очистившимся отъ грѣховъ. Казенныхъ же студентовъ, если они попадались въ чемъ-либо болѣе важномъ, нежели выпивка вина, вопреки закона, безъ всякаго суда, сдавалъ въ солдаты. Каждый наставникъ и каждый ученикъ обязаны были имѣть по экземпляру св. писанія. Болѣзнь попечитель считалъ только послѣдствіемъ грѣховъ. Была введена и поощряема система тайныхъ доносовъ, подобно тому, какъ это было въ іезуитскихъ школахъ, и вся учащаяся молодежь дошла до послѣдней степени нравственнаго паденія.

Гётце сообщаетъ также кое-что и о Руничѣ, замѣстившемъ Уварова по управленію петербургскимъ университетомъ, или, говоря иначе, петербургскимъ учебнымъ округомъ. Руничъ пытался подражать примѣру, поданному Магницкимъ, и безпощадно преслѣдовалъ такихъ выдававшихся при упомянутомъ университетѣ профессоровъ, какими были Эрнстъ Раупахъ, Куницынъ, Германъ и Арсеньевъ. Къ этому Гётце прибавляетъ, что преслѣдованіе профессоровъ имѣло еще другую, болѣе существенную цѣль. Выставляя ихъ предъ государемъ людьми неблагонадежными, обскуранты хотѣли убѣдить его, что отъ университетовъ исходятъ опасныя для государства идеи, и, подавивъ такимъ способомъ общее образованіе, замѣнить его церковно-фанатическимъ ученіемъ.

Ошибочно было бы полагать, что и Голицынъ, съ своей стороны, стремился къ этому, лишь потому, что онъ позволялъ Магницкому и Руничу производить татарскіе погромы по части народнаго образованія. Напротивъ, онъ, по увѣренію Гётце, желалъ поставить университеты на подобающую имъ высоту, доказательствомъ чему могъ служить дерптскій университетъ, о которомъ заботился тогдашній его попечитель, графъ Ливенъ. Бѣда заключалась въ томъ, что Голицынъ, довѣряя прямодушію Магницкаго, впалъ въ сильное заблужденіе, а ограниченный по уму Поповъ, въ свою очередь, не выяснилъ министру настоящаго прискорбнаго положенія дѣлъ. Слишкомъ поздно узналъ Голицынъ, что Магницкій былъ агентомъ его враговъ, что онъ злоупотреблялъ довѣріемъ князя, который тогда только и догадался, какую змѣю согрѣлъ онъ у себя на груди, а до того времени вліяніе Магницкаго возрастало

все болѣе и болѣе. Онъ ловко подлаживался къ министру, посѣщая съ нимъ больницы и тюрьмы, или завозя его къ бѣсноватому, который всякій разъ, когда Магницкій заклиналъ его именемъ Христа, оралъ во все горло и валялся на полу въ корчахъ.

Магницкій уже съ давнихъ поръ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ архимандриту Фотію и къ митрополиту Серафиму и раздражилъ ихъ ненависть противъ Голицына. Черезъ посредство ихъ онъ сошелся съ Аракчеевымъ, который, при помощи духовенства, разсчитывалъ столкнуть съ мѣста Голицына и отдалить его отъ государя. Аракчеевъ нашелъ въ Магницкомъ хорошее орудіе для исполненія своего замысла. Въ свою же очередь, Магницкій надѣялся, что онъ, посредствомъ предательства и интригъ, войдетъ въ силу. Онъ не довольствовался уже должностью попечителя и, уповая на могущество Аракчеева, мечталъ, по сверженіи Голицына, занять его мѣсто, т. е. сдѣлаться министромъ народнаго просвѣщенія. Нѣкоторые утверждали, что Магницкій составилъ уже письменный планъ насчетъ того, какъ переустроить все государство по образцу казанскаго университета.

Въ министерство Шишкова Руничъ лишился мѣста попечителя и подпалъ подъ слѣдствіе за растрату строительныхъ суммъ.

VIII.

Учрежденіе «Библейскаго общества» въ Петербургѣ.—Участіе Голицына.—Дѣятельность этого общества.—Его личный составъ.—Кружокъ Попова.—Борьба съ «княземъ тьмы».—Изданіе переводовъ и сочиненій съ мистическимъ направленіемъ.—Обвиненія противъ Голицына.

Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1868 годъ были помѣщены тщательно разработанныя статьи о «Русскомъ Библейскомъ обществѣ», написанныя А. Н. Пыпинымъ. Съ своей стороны, Гётце, какъ очевидецъ зарожденія этого общества, его дѣятельности и его конца, сообщаетъ о немъ нѣкоторыя особыя, заслуживающія вниманія, свѣдѣнія.

Однажды, въ 1812 году, императоръ, удрученный заботами по случаю войны съ Наполеономъ I, отправился утромъ на обычную свою прогулку вдоль набережной Фонтанки и

зашелъ къ Голицыну, жившему въ томъ домѣ, который нынѣ, напротивъ Михайловскаго за̀мка, занимаетъ бывшій министръ императорскаго двора, графъ В. Ѳ. Адлербергъ. Въ рабочемъ кабинетѣ князя Александръ Павловичъ нашелъ на столѣ славянскую библію и разговорился съ хозяиномъ о своемъ угнетенномъ настроеніи духа. Открывъ въ это время случайно библію, онъ прочелъ псаломъ о возложеніи упованія на Бога.

По прошествіи нѣкотораго времени, государь попросилъ императрицу, свою супругу, одолжить ему библію и, читая эту книгу, убѣдился, сколько утѣшенія и бодрости можетъ почерпнуть изъ нея человѣческое сердце.

6-го декабря 1812 года, онъ сообщилъ агенту великобританскаго и заграничнаго «Библейскаго общества», пастору Паттерсону, планъ объ учрежденіи въ Петербургѣ «Библейскаго общества». Первоначально общество это, подъ предсѣдательствомъ Голицына, составилось изъ свѣтскихъ лицъ и изъ лицъ, принадлежавшихъ къ протестантскому духовенству, и, благодаря тѣмъ денежнымъ средствамъ, которыя избыточно стекались въ общество, дѣятельность его расширялась все болѣе и болѣе. Въ 1814 году, оно преобразовалось въ «Русское Библейское общество», и президентомъ его былъ снова избранъ Голицынъ. Теперь въ общество стали вступать не только представители высшаго свѣтскаго круга, но и представители высшаго православнаго духовенства, наряду съ духовными лицами инославныхъ исповѣданій.

По первоначальному плану, общество должно было издавать на иностранныхъ только языкахъ «Ветхій» и «Новый Завѣтъ», право же изданія библіи на славянскомъ языкѣ, для употребленія среди православныхъ, было, по-прежнему, удержано исключительно за святѣйшимъ синодомъ. Поэтому, на первыхъ порахъ изъ синодскихъ книжныхъ складовъ было пріобрѣтено обществомъ извѣстное количество экземпляровъ библіи, которые потомъ были пущены въ продажу по пониженной цѣнѣ, или раздавались безплатно. Общество распространяло также священное писаніе на иностранныхъ языкахъ и, между прочимъ, на тѣхъ, на которыхъ говорятъ магометане, живущіе въ Россіи.

Въ 1814 году, въ общество, съ званіемъ вице-президентовъ, начали вступать митрополиты, архіепископы и епископы;

въ числѣ этихъ лицъ былъ и Серафимъ, тогда архіепископъ тверской, впослѣдствіи с.-петербургскій митрополитъ, а также епископъ армянскій Іоаннесъ и римско-католическій митрополитъ Сестренцевичъ, несмотря на явно выраженное по этому поводу неудовольствіе со стороны римской куріи. По возвращеніи въ Россію изъ похода за Рейнъ, императоръ приказалъ издать «Новый Завѣтъ» въ переводѣ на русскій языкъ, поручивъ наблюденіе за этимъ переводомъ лицамъ духовнаго званія, съ приложеніемъ постраничнаго подлинника на славянскомъ языкѣ. Съ своей стороны, синодъ поручилъ этотъ трудъ александро-невской духовной академіи, подъ надзоромъ ея ректора Филарета, бывшаго потомъ столь извѣстнымъ митрополитомъ московскимъ.

Кромѣ того, «Русское Библейское общество» начало издавать на русскомъ языкѣ религіозно-наставительныя сочиненія, въ числѣ которыхъ обращали на себя особенное вниманіе сочиненія Гавріила, архіепископа кишиневскаго и хотинскаго.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что у насъ «Библейское общество» устроилось не такъ, какъ въ Англіи—въ видѣ частнаго, но, напротивъ, какъ-бы въ родѣ государственнаго учрежденія, такъ какъ всѣ должностныя лица обязаны были ему содѣйствовать, тогда какъ англійское или, точнѣе, великобританское «Библейское общество» совершенно уединило свою дѣятельность отъ всякой связи съ правительствомъ, и потому тамъ при его посредствѣ никогда никто не могъ, да и не можетъ дѣлать себѣ служебную карьеру. У насъ же устроилось оно при совершенно иной обстановкѣ.

Такимъ образомъ, въ общество забрались люди, вовсе даже не сочувствовавшіе его цѣли и, кромѣ того, въ него проникли обскуранты, ханжи, фанатики, піетисты, лицемѣры и интриганы, волновавшіе все общество своими интригами и происками. Всѣ подобныя личности сосредоточивались около Попова, какъ бы главнаго представителя князя Голицына, и тѣ, которые не принадлежали къ этой піетистической и фанатической кучкѣ, могли прослыть безбожниками и людьми опасными. Кружокъ Попова не довольствовался тѣмъ, что могъ заниматься опредѣленнымъ дѣломъ, но подъ вліяніемъ самолюбія и религіознаго мистицизма, его сторонники хотѣли

бороться съ «княземъ тьмы», съ сатаною, который мерещился имъ всюду.

Нѣкоторые изъ членовъ «Русскаго Библейскаго Общества» стали издавать переводныя книжки и свои сочиненія и разсужденія, основанныя на общихъ христіанскихъ воззрѣніяхъ, а не исключительно на богословско-догматическихъ толкованіяхъ. Это вызвало грозу со стороны фанатической партіи, и одинъ изъ главныхъ ея представителей, извѣстный архимандритъ Фотій, началъ прямо называть эти изданія «бѣсовскими книгами».

Въ силу всего этого, существованію «Русскаго Библейскаго Общества» стала грозить близкая опасность, а на Голицына посыпались разныя обвиненія.

IX.

Личности, описываемыя въ книгѣ Гётце. — Аракчеевъ. — Фанатическая партія.—Протестантскіе іезуиты. — Происки гернгутеровъ. — Учрежденіе званія евангелическаго епископа въ Россіи. — Вопросъ о привилегіяхъ Остзейскаго края.—Наговоры государю на Голицына и Тургенева.—Непріятное положеніе Голицына.—Вліяніе на государя графа Ливена.

Разсказывая о князѣ Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ и его времени, Гётце вводитъ читателей по временамъ какъ бы въ портретную галлерею современниковъ князя, которыхъ, если онъ и не зналъ близко, то все же встрѣчалъ и въ обществѣ, и по дѣламъ службы. Такое добавленіе придаетъ оживленность и картинность тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя попали въ книгу Гётце отчасти только по слухамъ, или были— впрочемъ, въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ—позаимствованы имъ изъ рукописныхъ и еще менѣе изъ печатныхъ источниковъ, или изъ ходившей молвы. Такъ, между прочимъ, на страницахъ его книги встрѣчаются очерки извѣстнаго римско-католическаго митрополита Сестренцевича и графа Аракчеева, но такъ какъ и умственныя и нравственныя свойства, а также и дѣйствія этого послѣдняго, достаточно уже извѣстны, то мы не будемъ говорить о немъ, а упомянемъ лишь о тѣхъ лицахъ, которыя не въ такой степени извѣстны, какъ этотъ мрачный и жестокій любимецъ Александра I.

Аракчеевъ, въ свою очередь, интриговалъ противъ Голи-

цына, какъ бы ревнуя его къ императору, съ которымъ, какъ мы уже говорили, князь былъ друженъ съ самаго дѣтства. Съ цѣлью повредить Голицыну, онъ соединился съ фанатическою партіею, хотя самъ вовсе не раздѣлялъ ея крайнихъ убѣжденій и смотрѣлъ на нее только какъ на пригодное для него орудіе противъ Голицына. Въ составѣ упомянутой партіи было немало протестантскихъ іезуитовъ, которые, какъ разсказываетъ Гётце, хотѣли выжить изъ министерства его, Гётце, и его ближайшаго начальника, директора департамента духовныхъ дѣлъ, Тургенева. Эти іезуиты находили, что Гётце и Тургеневъ препятствовали преслѣдовать такихъ духовныхъ лицъ, которыя не сочувствовали піетизму, что они заслоняли имъ путь къ министру и тѣмъ самымъ не допускали ихъ подчинить Голицына вліянію фанатиковъ.

Упомянувъ о протестантскихъ іезуитахъ, Гётце въ такихъ словахъ опредѣляетъ ихъ свойства и образъ ихъ дѣйствій: «Протестантскими іезуитами—говоритъ онъ—я называю такихъ понаторѣлыхъ фанатиковъ, которые обращаютъ свою набожность въ ремесло и ищутъ съ помощью ея своихъ выгодъ, слѣдуя іезуитскому правилу, гласящему, что цѣль оправдываетъ средства». Какъ среди православной церкви велись въ ту пору разныя интриги, такъ точно то же дѣлалось и въ протестантской. И тамъ появились фанатики, прибѣгавшіе къ клеветамъ и доносамъ, и тамъ существовала піетистическая партія, желавшая воспользоваться религіозно-мистическимъ настроеніемъ Александра Павловича. Въ подтвержденіе этого Гётце приводитъ высочайшій манифестъ, подписанный государемъ въ 1818 году, въ бытность его въ Москвѣ. Воспользовавшись тѣмъ, что государь пріѣхалъ въ Москву съ княземъ Голицынымъ, при которомъ не было Тургенева, гернгутерская партія, чрезъ замѣнявшаго на этотъ разъ Тургенева директора департамента народнаго просвѣщенія Попова, успѣла убѣдить Голицына представить къ высочайшей подписи манифестъ объ освобожденіи гернгутеровъ, или моравскихъ братьевъ, проживающихъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, отъ рекрутской повинности. Такая льгота повела бы къ крайнимъ неудобствамъ. Такъ какъ для вступленія въ братство не требуется отреченія отъ такъ называемаго «аугсбургскаго исповѣданія», общаго для всѣхъ

отраслей протестантской церкви, то многіе послѣдователи этой церкви очень охотно вступили бы въ братство съ цѣлью избѣгнуть рекрутской повинности, въ то время чрезвычайно тягостной. Такимъ образомъ, остзейскія губерніи въ отношеніи этой повинности могли бы стать въ совершенно исключительное положеніе, или же отправленіе этой повинности разложилось бы слишкомъ неравномѣрно на тамошнее населеніе. Гётце разсказываетъ, что ему удалось предотвратить такія послѣдствія тѣмъ, что къ манифесту было присоединено особое толкованіе въ томъ смыслѣ, что предоставленною въ манифестѣ льготою имѣютъ право воспользоваться только наличные уже гернгутеры, число которыхъ въ это время простиралось въ остзейскихъ губерніяхъ лишь до 15 человѣкъ, и что упомянутое право не распространяется на тѣхъ гернгутеровъ, которые прибудутъ туда уже послѣ изданія манифеста.

Въ управленіе Голицына министерствомъ духовныхъ дѣлъ, учреждено было званіе евангелическаго епископа, причемъ власть епископа хотѣли распространить на всѣ церкви евангелическаго исповѣданія, находящіяся въ Россіи, но такая власть оказалась несообразною съ ученіемъ евангелической церкви, которая не признаётъ вселенскаго значенія епископовъ, но ограничиваетъ ее только извѣстною мѣстностію, тою или другою отдѣльною діоцезіею, что̀, впрочемъ, принято и въ православной церкви послѣ отмѣны сана патріарха всея Россіи.

При Голицынѣ же разсматривался вопросъ объ учрежденіи въ Россіи генеральной евангелической духовной консисторіи.

При разсмотрѣніи этого дѣла въ особомъ комитетѣ, учрежденномъ при министерствѣ духовныхъ дѣлъ, произошло слѣдующее. Графъ Ливенъ, піетистъ и попечитель дерптскаго университета, внесъ въ комитетъ проектъ объ учрежденіи въ Остзейскомъ краѣ мѣстнаго евангелическо-духовнаго управленія на новыхъ основаніяхъ. Голицынъ же и департаментъ духовныхъ дѣлъ были противъ этого проекта. Такимъ образомъ, вышло, что русскій князь и русскій министръ въ отпоръ Ливену началъ отстаивать ненарушимость привилегій «герцогства» Лифляндскаго въ силу извѣстной рижской капитуляціи, утвержденной Петромъ Великимъ въ 1710 году. Между тѣмъ, коренной лифляндскій баронъ, Ливенъ, заявлялъ, что эта капитуляція

ничего не значитъ, что въ Остзейскомъ краѣ могутъ быть вводимы новые порядки, такъ какъ упомянутая рижская капитуляція была заключена условно съ тою оговоркою, что прежніе порядки въ герцогствѣ будутъ продолжаться лишь настолько, насколько они будутъ согласны съ общими выгодами русскаго государства, или же пока Петръ или его преемники не признàютъ за нужное отмѣнить ихъ.

Хотя князь Голицынъ и имѣлъ вліяніе на государя, но и Ливенъ имѣлъ при дворѣ сильную руку въ лицѣ своей матери, бывшей воспитательницы великихъ княженъ, сестеръ Александра Павловича, а также и въ лицѣ старшаго своего брата, находившагося въ эту пору русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ. По поводу пререканій съ Голицынымъ, Ливенъ навелъ предъ государемъ тѣнь на Голицына. На одной изъ аудіенцій, Александръ Павловичъ высказалъ своему министру не слишкомъ пріятныя вещи. Онъ говорилъ ему, что директоръ департамента духовныхъ дѣлъ, Тургеневъ, ведетъ эти дѣла лѣниво, что̀ называется, спустя рукава, что Тургеневъ передалъ завѣдываніе департаментомъ молодому человѣку, т. е. Гётце, своему пріятелю, только-что вышедшему изъ университета, и что Гётце, изъ желанія показать себя лицомъ властнымъ, надѣлалъ разныя непріятности графу Ливену при разсмотрѣніи вопроса объ учрежденіи генеральной консисторіи. Обстоятельство это, конечно, доказываетъ воспріимчивость Александра Павловича къ доходившимъ до него слухамъ, такъ какъ онъ придавалъ такое важное значеніе мелкому чиновнику министра, и тѣмъ самымъ слишкомъ чувствительно оскорблялъ послѣдняго, указывая на то, что Голицынъ не имѣетъ должной силы надъ своими подчиненными. Наговоры Ливена отозвались на Гётце тѣмъ, что императоръ, по представленію Голицына, чрезъ комитетъ министровъ, объ утвержденіи Гётце начальникомъ отдѣленія, не согласился на это, и указъ о Гётце былъ возвращенъ въ комитетъ неподписаннымъ, безъ всякаго объясненія съ Голицынымъ. Когда же, спустя нѣкоторое время, Голицынъ лично просилъ государя объ утвержденіи Гётце, то и на эту просьбу послѣдовалъ отказъ. Для Голицына теперь стало ясно, что онъ не имѣетъ уже прежней силы. Онъ упалъ духомъ и, въ разговорѣ съ Гётце, сказалъ: «je ne sais pas ce que je deviendrai moi-même.

Une confiance perdue est difficile à reparer», т. е. «я не знаю самъ, что со мною будетъ. Однажды утраченное довѣріе возстановить трудно». И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ былъ доведенъ до того, что ему самому приходилось просить объ отставкѣ. Но онъ, среди разныхъ непріятностей, продержался на должности министра до 1824 года. Между тѣмъ, скромность положенія Голицына дошла до того, что онъ считалъ нужнымъ ходатайствовать у государя о покровительствуемомъ имъ чиновникѣ своего министерства, Гётцѣ, чрезъ посредство евангелическаго епископа Сигнеуса, который дѣйствительно завелъ съ императоромъ рѣчь объ этомъ молодомъ человѣкѣ и отзывался о немъ съ похвалою. Невниманіе государя къ Голицыну усиливалось все болѣе и перешло даже въ полное пренебреженіе къ нему, какъ къ министру, такъ какъ выборъ лица на мѣсто Гётце былъ предоставленъ не Голицыну, а графу Ливену.

X.

Отношенія Голицына къ государю.—Выходка Фотія.—Книга патера Госснера. — Паденіе Голицына. — Переустройство департамента духовныхъ дѣлъ.—Аракчеевъ—докладчикъ по синодскимъ дѣламъ.—Положеніе опальнаго министра.—Отзывъ Гётце о Тургеневѣ.—Квакеръ Шлитто.

Минуя въ книгѣ Гётце главу объ архимандритѣ Фотіи и его другинѣ, графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой, какъ о личностяхъ хорошо уже извѣстныхъ, мы перейдемъ къ той главѣ, въ которой Гётце разсказываетъ о паденіи Голицына.

Несмотря на то непріятное положеніе, въ какое Голицынъ, какъ уже видно, былъ поставленъ какъ министръ, онъ, какъ частное лицо, пользовался, повидимому, прежнимъ расположеніемъ и даже дружбою Александра Павловича. Князь въ лѣтнюю пору жилъ при императорѣ или на Каменномъ островѣ, или въ Царскомъ Селѣ, и даже, въ 1822 году, какъ казалось, пріобрѣлъ опять полную его довѣренность, такъ какъ онъ участвовалъ въ это время въ составленіи акта объ отреченіи цесаревича Константина Павловича отъ престола. Въ сущности, однако, положеніе его было шатко и затѣянныя противъ него козни не прекращались.

Главнымъ двигателемъ этихъ козней былъ Фотій. Графиня Орлова устроила въ своемъ домѣ свиданіе между нимъ и Голицынымъ, и когда послѣдній явился къ графинѣ, Фотій, уже бывшій у нея, накинулся на Голицына съ обличеніями, насказалъ ему много ругательствъ и дерзостей, и когда Голицынъ, не вытерпѣвшій этого нахальства, сталъ выходить изъ гостиной, то Фотій крикнулъ ему вслѣдъ. «Анаѳема! Будь ты проклятъ! Анаѳема!»

Слухъ объ этомъ дошелъ до императора и онъ, потребовавъ къ себѣ Фотія для объясненія, принялъ его грозно, но Фотій зналъ, какъ подѣйствовать на мистически-религіознаго государя. Объясненія Фотія приняли благопріятный для него оборотъ и онъ милостиво былъ отпущенъ императоромъ. Разумѣется, что Александра Павловича не могла не поразить, повидимому, чистосердечная смѣлость монаха противъ высокаго сановника и, вдобавокъ къ тому, лица, пользовавшагося дружбою императора. Фотій выставилъ государю Голицына какъ безбожника, содѣйствующаго распространенію пагубныхъ революціонныхъ стремленій, а покровительствуемое княземъ Библейское Общество — какъ гнѣздилище невѣрія, грозившаго ниспровергнуть православную церковь.

На нѣкоторое время изступленный и необразованный изувѣръ, Фотій, сдѣлался ближайшимъ совѣтникомъ воспитанника Лагарпа, и на вопросъ Александра Павловича, какъ предотвратить угрожающую Россіи революцію? — отвѣчалъ: «Смѣнить прежде всего министра, князя Голицына».

Видимымъ предлогомъ къ предрѣшенной уже участи Голицына послужилъ изданный на русскомъ языкѣ переводъ сочиненія католическаго патера Госснера. Магницкій, Фотій и митрополитъ Серафимъ сплотились между собою для противодѣйствія князю. Эти союзники хитрымъ образомъ успѣли достать корректурные листы перевода и съ этими листами, какъ съ явною уликою, отправился митрополитъ къ государю. Разсказывали, что Серафимъ бросился къ ногамъ Александра Павловича и умолялъ его защитить Россію. — «Отъ кого?» спросилъ государь.—Отъ министра, князя Голицына—отвѣчалъ митрополитъ. Въ подтвержденіе же такой необходимости, онъ вручилъ императору переводъ книги Госснера, какъ доказательство тому, какое зловредное, противоправославное

направленіе приняла цензура, состоя подъ главнымъ завѣдываніемъ Голицына. Добавляли къ этому, что жалоба Серафима на министра не обошлась безъ театральнаго эффекта, такъ какъ митрополитъ, положивъ у ногъ императора свой бѣлый клобукъ, въ знакъ отказа отъ своего святительскаго сана, умолялъ императора, чтобы онъ возвратилъ святѣйшему синоду его прежнюю самостоятельность. Александръ Павловичъ благосклонно выслушалъ доносъ и жалобы митрополита и обѣщалъ удовлетворить его просьбу.

Адмиралъ Шишковъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, разсматривавшіе переводъ сочиненія Госснера, отозвались о немъ въ смыслѣ, желательномъ митрополиту и его союзникамъ.

Затѣмъ, 15-го мая 1824 года, послѣдовалъ высочайшій указъ, которымъ князь Голицынъ, въ милостивыхъ выраженіяхъ, увольнялся отъ должности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ удержаніемъ имъ званія главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ, не смотря на настоянія Фотія, чтобы князь былъ удаленъ и отъ этой должности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, директоры, бывшіе при Голицынѣ,—Тургеневъ и Поповъ,—были также уволены отъ занимаемыхъ ими мѣстъ. Изъ департамента духовныхъ дѣлъ были изъяты дѣла православнаго исповѣданія, и онъ получилъ опять прежнее его названіе — департамента иностранныхъ исповѣданій. Голицынъ оставилъ президентство въ Библейскомъ Обществѣ и на его мѣсто государь назначилъ митрополита Серафима. По дѣламъ синодальнымъ доклады оберъ-прокурора должны были восходить до государя чрезъ Аракчеева.

Вотъ въ какихъ словахъ передаетъ Гётце о положеніи опальнаго министра: «Въ ближайшее воскресенье — пишетъ Гётце—я отправился на обыкновенный пріемъ къ князю. Я нашелъ тамъ множество посѣтителей, преимущественно изъ подчиненныхъ князя. Лица ихъ были печальны, такъ какъ они любили своего начальника за его доброту и привѣтливость. Князь съ ласковымъ видомъ подошелъ ко мнѣ и подалъ мнѣ руку. На лицѣ его не было ни малѣйшихъ слѣдовъ унынія».

О Тургеневѣ Гётце говоритъ слѣдующее: «Въ Тургеневѣ,

противъ котораго была тоже направлена интрига, государь лишился очень способнаго и прямодушнаго слуги, отличавшагося высокимъ европейскимъ образованіемъ. Хотя Карамзинъ пользовался чрезвычайною благосклонностію государя, но всѣ его усилія оправдать Тургенева въ мнѣніи Александра Павловича были безуспѣшны. Какая была причина такого нерасположенія—никто дознаться не могъ. Я думаю—добавляетъ Гётце,—что государь считалъ его крайнимъ либераломъ. При выходѣ въ отставку, Тургеневъ написалъ письмо государю, послѣдствіемъ котораго, скорѣе чѣмъ по ходатайству Голицына, было увольненіе его отъ службы съ пенсіею. Что касается директора департамента народнаго просвѣщенія, Попова, то Голицынъ постарался, чтобы онъ получилъ мѣсто члена совѣта при почтовомъ департаментѣ.

Въ годъ увольненія Голицына отъ званія министра, въ Петербургъ пріѣзжалъ квакеръ Шлитто, и хотя въ то же время православно-фанатическая партія торжествовала, но тѣмъ не менѣе государь два раза принималъ квакера, котораго онъ зналъ еще въ Лондонѣ. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ о предметахъ религіозныхъ и оба они молились вмѣстѣ. Посѣтилъ квакера и князь Голицынъ и также молился о просвѣтленіи его, князя, святымъ духомъ.

XI.

Адмиралъ Шишковъ. — Его сѣтованіе. — Безучастіе его въ интригахъ.— Докладъ его по дѣлу Госснера. — Исходъ этого дѣла. — Непріязнь Шишкова къ Библейскому Обществу.—Мѣры по цензурѣ и по учебной части.

Послѣ паденія Голицына, замѣтнымъ лицомъ въ исторіи нашего просвѣщенія явился адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, такъ какъ онъ былъ назначенъ на мѣсто Голицына министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Въ это время онъ состоялъ членомъ государственнаго совѣта и президентомъ Россійской академіи. Онъ никогда не помышлялъ быть министромъ и громко сѣтовалъ на то, что его, безъ его согласія, не смотря на его старость и недуги, обрекли на такія тяжелыя занятія. Литературная и ученая дѣятельность

почтеннаго адмирала хорошо извѣстны, и потому мы не будемъ останавливаться на тѣхъ страницахъ книги Гётце, на которыхъ идетъ объ этомъ рѣчь. Шишковъ былъ всегда отъявленнымъ врагомъ Библейскаго Общества въ особенности за то, что оно издало переводъ «Новаго Завѣта» на русскомъ языкѣ. Не смотря на это, онъ, какъ честный человѣкъ, не принималъ никакого участія въ интригахъ, направленныхъ противъ Голицына.

Мало того, Шишковъ даже какъ будто оправдывалъ Голицына отъ обвиненія, взведеннаго на него по поводу перевода книги Госснера. Въ своемъ обстоятельномъ докладѣ, представленномъ въ комитетъ министровъ, онъ излагалъ это дѣло въ томъ видѣ, что каждый непредубѣжденный человѣкъ изъ книги Госснера ясно увидитъ его неумѣлость и его оплошность; но Госснеръ не проповѣдывалъ ни безбожія, ни революціи, и ему вовсе не приходило на умъ нападать на православную церковь, какъ его въ томъ обвиняли. Шишковъ не отвергалъ, что нѣкоторые тексты изъ евангелія Госснеръ истолковывалъ въ противность вѣрѣ, но такія толкованія смѣшаны у него съ правильными воззрѣніями, и надобно предполагать, что допущеніе въ книгу первыхъ было своего рода уловкою. Госснеръ хотѣлъ этимъ завлечь своихъ читателей и слушателей съ тѣмъ, чтобы потомъ еще рѣзче внушить имъ исполненіе ихъ обязанностей въ отношеніи къ Богу и государю.

Когда же Шишковъ заговорилъ въ комитетѣ вообще о нападеніяхъ на православную вѣру, то министры протестантскаго исповѣданія, — графъ Нессельроде, Канкринъ, фонъ-Моллеръ и государственный контролеръ, баронъ Кампенгаузенъ, отдѣлались молчкомъ. Разсказывали, впрочемъ, что, когда, по окончаніи засѣданія, Канкринъ встрѣтилъ въ прихожей Шишкова, то онъ съ обычной своей грубоватостью сказалъ ему: «Побойтесь Бога, Александръ Семеновичъ!» Мнѣніе Шишкова было поддержано прочими министрами. Послѣ того, Госснеръ былъ высланъ за границу, а книга его сожжена. Цензоры, фонъ-Поль и Берюковъ, первый за то, что пропустилъ подлинникъ, а второй—переводъ, содержатели типографій Гречъ и Крусъ, и Поповъ, окончившій начатый Брискорномъ переводъ книги Госснера, были отданы подъ судъ.

Шишковъ оставался постоянно въ хорошихъ отношеніяхъ къ Аракчееву и нерѣдко толковалъ съ нимъ о тѣхъ мѣрахъ, какія желалъ онъ представить на усмотрѣніе государя, какъ напримѣръ, насчетъ противодѣйствія тому злу, которое истекаетъ отъ Библейскаго Общества, распространяющаго втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ книги мистическаго содержанія. Онъ поставлялъ на видъ, что наказаніе виновныхъ за пропускъ книги Госснера и ея перевода само по себѣ будетъ недостаточно, но что нужно учредить особое цензурное управленіе изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ и строго наблюдать за университетскимъ преподаваніемъ. Профессоры и учители должны быть обязаны преподавать по предписаннымъ руководствамъ, а не по рукописнымъ тетрадямъ, въ которыхъ высказывались не столько общіе, сколько личные взгляды преподавателей.

Государь согласился со всѣмъ этимъ, но онъ не могъ не принять въ соображеніе, что вредъ, наносимый мистико-піетистическими агитаторами, замѣнился теперь съ большею еще невыгодою тѣмъ вредомъ, которымъ угрожала противная партія.

XII.

Оправданіе Попова.—Послѣдствія этого оправданія.—Дальнѣйшая участь Попова.—Секта Татариновой.—Пріобщеніе къ ней дочерей Попова.—Упорство одной изъ сестеръ.—Жестокость отца надъ нею.—Ссылка Попова въ монастырь.—Судьба Татариновой.—Генералъ-губернаторъ Головинъ.—Обнаруженіе его принадлежности къ татариновской сектѣ.—Его испугъ.—Замѣщеніе Перовскаго Бибиковымъ.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ Гётце видно, что та перемѣна, которая, по внутреннему убѣжденію Фотія, должна была все переиначить—не повела ни къ чему. Шишковъ жаловался на слабость государя, который въ свою очередь обратился опять къ прежнему мистическо-религіозному настроенію. Дѣло Попова, по разногласію въ сенатѣ, перешло въ государственный совѣтъ. Тамъ большинство голосовъ составилось въ пользу Попова; къ числу такихъ голосовъ принадлежали голоса графа Милорадовича, Васильчикова (впослѣдствіи князя и предсѣдателя государственнаго совѣта) и

адмирала Мордвинова. Поповъ былъ оправданъ и, разумѣется, что его оправданіе должно было благопріятно отразиться на Голицынѣ и на всей его партіи, отозвавшись весьма прискорбно на партіи его противниковъ.

О дальнѣйшей судьбѣ Попова Гётце расказываетъ слѣдующее. Поповъ присталъ къ извѣстной сектѣ Татариновой, рожденной Буксгевденъ, обратившейся изъ евангелической вѣры въ православную. Къ этой сектѣ пріобщилъ Поповъ трехъ своихъ дочерей, изъ которыхъ старшей было 18 лѣтъ, средняя же, 16-ти лѣтняя дѣвушка, не хотѣла оставаться въ татариновской сектѣ, и тогда пророчица Татаринова убѣдила отца этой дѣвушки, чтобъ онъ принудилъ свою дочь къ тому силою. Для подготовки дѣвушки къ сектѣ, онъ сѣкъ ее розгами до крови по три раза въ недѣлю, читая самъ въ это время молитвы. Онъ не позволялъ ей быть вмѣстѣ съ ея сестрами, а когда розги не помогли, то онъ сталъ морить ее голодомъ и держать по ночамъ въ нетопленномъ чуланѣ, гдѣ ее и нашли лица, производившія слѣдствіе. По словамъ ихъ, страдалица эта возбуждала къ себѣ чрезвычайную жалость. Сестры ея говорили, что она пользовалась прежде прекраснымъ здоровьемъ, а теперь отъ нея оставались только кости, да кожа, покрытая темными пятнами.

Поповъ былъ сосланъ въ Казань въ тамошній монастырь, гдѣ онъ и умеръ въ 1842 году. Татаринова была заключена въ одинъ изъ женскихъ монастырей тверской епархіи. Никакія ходатайства объ освобожденіи ея не могли имѣть успѣха, такъ какъ она ни за что не хотѣла отречься отъ своихъ религіозныхъ заблужденій. Наконецъ, она согласилась дать подписку въ томъ, что пребудетъ вѣрною дщерью православной церкви, и тогда ей дозволено было жить въ Москвѣ. Она, однако, нарушила свое обязательство и составила опять тайную общину изъ своихъ прежнихъ послѣдователей, присоединивъ къ нимъ еще и новыхъ. Къ этой сектѣ принадлежалъ генералъ-губернаторъ Остзейскаго края, Головинъ, что однако не помѣшало ему, по внушенію синодскаго оберъ-прокурора, графа Протасова, обратить въ тамошнемъ краѣ въ православіе болѣе 100.000 душъ латышей и эстовъ.

Нѣкоторыя, не лишенныя интереса, подробности о сектантѣ генералъ-губернаторѣ разсказываетъ Гётце.

Онъ пишетъ, что тайная полиція, тщательно слѣдившая за татариновскою сектою, напала на слѣдъ принадлежности генералъ-адъютанта Головина къ этой сектѣ. Бывшій же въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, учредилъ особую коммисію для преслѣдованія сектъ. Комиссія эта убѣдилась, что Головинъ, въ бытность свою генералъ-губернаторомъ въ Ригѣ, находился въ сношеніяхъ съ Татариновой, что онъ принялъ ея ученіе и переписывался съ нею. Получая ея письма, онъ набожно крестился, а съ письмомъ обращался какъ съ нѣкоею святынею. Головинъ цаловалъ письмо, а также и всѣхъ тѣхъ, которые находились около него во время полученія имъ письма. Онъ имѣлъ у себя молельню, на подобіе той, какая была устроена у Татариновой. Узнали также, что онъ въ Петербургѣ участвовалъ въ присходившихъ у Татариновой радѣніяхъ. Было даже перехвачено письмо Головина, полное піетистическихъ бредней, адресованное возлюбленной его во христѣ сестрѣ, и письмо это въ подлинникѣ было представлено министру внутреннихъ дѣлъ.

XIII.

Положеніе Русскаго Библейскаго Общества.—Непослѣдовательность принятыхъ противъ него мѣръ.—Бесѣда Аракчеева и Шишкова съ митрополитомъ Серафимомъ.—Затруднительное положеніе послѣдняго.—Записка Шишкова.—Доносъ Магницкаго.—Указъ императора Николая о закрытіи Русскаго Библейскаго Общества.—Гнусные поступки Магницкаго.—Поѣздка его въ Казань.

Библейское Общество подвергалось въ концѣ царствованія Александра Павловича большимъ подозрѣніямъ. Обстоятельства его закрытія очень хорошо извѣстны изъ всего, что относительно этого появилось въ нашей печати за послѣдніе годы, но замѣчательна та умственная и нравственная сумятица, а также та непослѣдовательность, которыя должны были и тогда броситься въ глаза по поводу мѣръ, направленныхъ противъ этого Общества и о которыхъ упоминаетъ Гётце.

Шишковъ, какъ славянскій корнесловъ, негодовалъ на Общество за переводъ св. писанія съ славянскаго языка. Первый совѣтникъ государя, Аракчеевъ, относился къ дѣятельности Общества вполнѣ равнодушно, какъ къ учрежденію, имѣвшему въ виду религіозныя цѣли, но его пугали тѣмъ, что члены этого общества собственно—волки въ овечьей шкурѣ, такъ какъ, несмотря на благочестивую покрышку, они въ сущности, какъ говорили, были революціонеры, иллюминаты и даже карбонаріи. Въ такомъ-же непривлекательномъ видѣ представляли ихъ и государю.

2-го ноября 1824 года, Аракчеевъ и Шишковъ получили приказаніе государя отправиться въ Александро-Невскую лавру къ митрополиту Серафиму, чтобы переговорить съ нимъ о дѣлахъ Русскаго Библейскаго Общества. Гётце приводитъ подробности объ этой бесѣдѣ, которая должна была поставить въ тупикъ митрополита. Шишковъ внушалъ его высокопреосвященству, какое губительное вліяніе имѣло Общество и на церковь, и на государство. Аракчеевъ поддакивалъ Шишкову тамъ, гдѣ рѣчь переходила въ область политики. Между тѣмъ, митрополитъ, какъ надобно полагать, выслушивая нападки обоихъ сановниковъ на Общество, долженъ былъ находиться въ недоумѣніи, спрашивая самаго себя: какимъ-же образомъ все это могло случиться? Неужели же онъ, первенствующій святитель православной церкви въ Россіи, могъ втеченіе десяти лѣтъ быть вице-президентомъ въ вертепѣ безбожниковъ и заговорщиковъ? Вопросъ о переводѣ св. писанія на русскій языкъ долженъ былъ также поставить Серафима въ затруднительное положеніе, такъ какъ упомянутый переводъ былъ предпринятъ по благословенію святѣйшаго синода. То же примѣнялось и къ Катихизису Филарета, одобренному синодомъ. Такимъ образомъ, выходило, что митрополиту слѣдовало обвинять и самого себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ учрежденія, въ которыхъ онъ былъ въ настоящее время главнымъ представителемъ, какъ первенствующій членъ синода и какъ президентъ Русскаго Библейскаго Общества; наконецъ, нужно было обвинять и государя, какъ верховнаго покровителя Библейскаго Общества.

Въ виду всего этого, Серафиму не оставалось ничего болѣе, какъ отдѣлываться отъ своихъ собесѣдниковъ общими

выраженіями и склонять ихъ къ терпимости въ отношеніи того положенія дѣлъ, въ какомъ Общество очутилось, въ противность цѣлямъ, предположеннымъ самыми замѣтными и благонамѣренными его дѣятелями.

Несмотря на это, Шишковъ былъ неутомимъ въ преслѣдованіи Библейскаго Общества и въ 1824 году представилъ государю не мало записокъ, изложенныхъ въ такомъ направленіи. Въ нихъ всѣ нападки преимущественно сводились къ неумѣстному и губительному для Россіи переводу св. писанія на русскій языкъ. Не желая раздражать болѣе почтеннаго старца, Александръ Павловичъ надѣялся сдержать ретиваго славянолюбца заявленіемъ, что переводъ этотъ былъ сдѣланъ по собственному его, государя, повелѣнію. Но старикъ не унимался и вскорѣ нашелъ удобный случай повторить свои наставленія.

Опираясь на свой разговоръ съ митрополитомъ Серафимомъ, Шишковъ докладываетъ императору, что Библейское Общество—франкмасонство, что нужно опечатать его бумаги и передать ихъ на разсмотрѣніе синода; воспретить дальнѣйшее распространеніе св. писанія на русскомъ языкѣ; такъ какъ бо́льшая часть членовъ синода принадлежала къ лицамъ, отличавшимся вѣротерпимостію, то двоихъ надо удалить, замѣнивъ ихъ вновь назначенными. Императоръ отклонилъ эти предложенія замѣчаніемъ, что онъ долженъ быть послѣдователенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ видѣ возраженія на это замѣчаніе, Шишковъ представилъ Александру Павловичу обширную записку. Въ ней онъ доказывалъ, что твердость правительства не заключается въ поддержаніи его погрѣшностей, и что, напротивъ, оно обязано исправлять ихъ; что государю не слѣдуетъ жертвовать общимъ благомъ для своего личнаго самолюбія, и ссылался на примѣры Петра Великаго и Генриха IV. Онъ указывалъ на то, что Россія позаимствовала учрежденіе Библейскаго Общества отъ англійскихъ методистовъ, что совмѣстное засѣданіе православныхъ святителей съ разными иновѣрцами представляетъ крайнюю несообразность. На эту записку никакого отвѣта отъ государя не послѣдовало.

На сторонѣ Шишкова стоялъ упоминаемый уже нами нѣсколько разъ Магницкій, пользовавшійся благосклонностью

Аракчеева. Изъ прежняго яраго приверженца Библейскаго Общества онъ, съ перемѣною вѣтра, обратился въ непримиримаго его гонителя. Чрезъ митрополита Серафима онъ представилъ государю записку о вредѣ, причиняемомъ Обществомъ церкви и государству, но послѣдствія вышли вовсе не тѣ, какихъ ожидалъ этотъ двоедушный доносчикъ. Императоръ Александръ Павловичъ приказалъ Серафиму призвать къ себѣ Магницкаго и сдѣлать ему строгій выговоръ за тѣ порицанія, какія онъ позволилъ себѣ противъ членовъ этого Общества, и объявить ему, что если онъ не хочетъ принимать участія въ ихъ дѣятельности, то долженъ былъ заявить объ этомъ просто, въ приличныхъ выраженіяхъ.

12-го апрѣля 1826 года, состоялся, по настоянію Шишкова и Серафима, высочайшій указъ отъ имени вновь воцарившагося государя о закрытіи Русскаго Библейскаго Общества, которое втеченіе своего существованія напечатало 876,106 экземпляровъ библіи, частію вполнѣ, частію въ извлеченіи. Бывшій же у Общества капиталъ 2.000,000 рублей ассигнаціями былъ переданъ въ распоряженіе синода. Спустя, однако, нѣсколько времени, по стараніямъ князя Карла Ливена, дозволено было учредить новое исключительно «Евангелическое Библейское Общество», только изъ членовъ протестантскаго исповѣданія.

Какъ въ прежнюю пору Магницкій былъ ревностный поборникъ ланкастерскихъ школъ и желалъ распространить ихъ до самой Камчатки, такъ теперь, напротивъ, онъ явился непримиримымъ ихъ гонителемъ, объявляя, что онѣ, какъ зловредныя учрежденія, должны быть закрыты. Онъ думалъ угодить Шишкову даже тѣмъ, что приказалъ изъ конференцъ-залы казанскаго университета вынести повѣшенный имъ тамъ прежде портретъ Голицына. Но когда позднѣе Шишковъ узналъ объ этомъ, то выразилъ свое крайнее неудовольствіе по поводу такой гнусной продѣлки. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пустился во всевозможные доносы, вмѣшиваясь не въ свои дѣла. Такъ, онъ подалъ на Шишкова доносъ, въ которомъ сообщалъ о разстройствѣ и безпорядкахъ въ дерптскомъ университетѣ, разсчитывая на то, что ему будетъ поручена ревизія этого университета, какъ нѣкогда была поручена ревизія казанскаго. Но онъ обманулся. По докладу

объ этомъ государю Александру Павловичу, онъ нашелъ, что такъ какъ Дерптъ находится въ близкомъ разстояніи отъ Петербурга, то лучше было съѣздить туда самому министру и лично удостовѣриться въ состояніи тамошняго университета. Шишковъ исполнилъ волю государя и, по возвращеніи изъ Дерпта, представилъ ему, что тамошній университетъ находится въ положеніи гораздо лучшемъ, нежели всѣ прочіе университеты.

Магницкій продолжалъ, однако, дѣйствовать какъ доносчикъ. Узнавъ, что удаленные изъ петербургскаго университета Руничемъ профессоры: статистики—Германъ, и географіи — Арсеньевъ, опредѣлены были: первый — императрицею Маріею Θеодоровною—инспекторомъ классовъ въ Смольный монастырь, а второй — великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ—въ инженерное училище, Магницкій представилъ Шишкову, чтобы онъ довелъ до свѣдѣнія ея величества и его высочества о томъ, какъ опасны эти преподаватели. Шишковъ оставилъ доносъ Магницкаго и безъ послѣдствія, и безъ отвѣта. Магницкій разсвирѣпѣлъ и написалъ своему начальнику, что если онъ, министръ, не дастъ дальнѣйшаго хода присланному ему вѣрноподданническому заявленію, то онъ, Магницкій, напишетъ прямо государю. Такое нахальство вывело, наконецъ, добродушнаго Шишкова изъ терпѣнія и онъ написалъ Магницкому, что онъ, Шишковъ, будучи министромъ народнаго просвѣщенія, не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ распоряженія высочайшихъ особъ, и обязанъ заниматься дѣлами только подчиненнаго ему учебнаго вѣдомства. Къ этому онъ добавилъ, что если Магницкій позволитъ себѣ въ третій разъ обратиться къ нему, Шишкову, съ подобной бумагой, то объ этомъ будетъ доведено до свѣдѣнія Государя.

Желая удалить Магницкаго изъ Петербурга, гдѣ онъ занимался интригами и доносами, Шишковъ издалъ циркуляръ, чтобы попечители учебныхъ округовъ жили въ мѣстностяхъ подвѣдомственныхъ имъ округовъ. Циркуляръ этотъ былъ прямо направленъ противъ Магницкаго, который, втеченіе шести лѣтъ со времени своего назначенія попечителемъ округа, не былъ тамъ ни разу. Получивъ такое непріятное для себя предписаніе, онъ поспѣшилъ въ Грузино, къ своему покро-

вителю Аракчееву, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, что̀ теперь дѣлать? Аракчеевъ, строгій блюститель дисциплины, внушилъ Магницкому, чтобы онъ повиновался распоряженію своего начальника, и добавилъ, что онъ, Аракчеевъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, поговоритъ объ этомъ съ министромъ. Гостя̀ у Аракчеева въ Грузинѣ дней пять, Магницкій разсыпа́лся передъ нимъ въ лести и угодничествѣ, на что̀ — надобно сказать къ чести Аракчеева — послѣдній былъ вовсе не податливъ.

Магницкій поневолѣ отправился въ Казань и тамъ навелъ ужасъ. Онъ не только грубо обошелся со всѣми тамошними чинами, но и далъ имъ понять о своихъ близкихъ отношеніяхъ ко всемогущему Аракчееву. Онъ принималъ профессоровъ не иначе, какъ въ торжественныхъ аудіенціяхъ, выходя къ нимъ въ мундирѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, съ анненскою лентою черезъ плечо. Экзамены онъ заключилъ торжественнымъ собраніемъ. Здѣсь произнесъ онъ рѣчь, гдѣ въ каждомъ словѣ высказывалось его самолюбіе въ видѣ похвалъ той организаціи, какую онъ придалъ казанскому университету. Въ честь его данъ былъ балъ. На этомъ балу студенты, которыхъ Магницкій держалъ прежде какъ отшельниковъ, танцовали до утра. О запрещеніи пить вино теперь не было уже помину, такъ какъ онъ зналъ, что его начальникъ, Шишковъ, не былъ противникомъ крѣпкихъ напитковъ.

Чтобы соблюсти необходимую формальность, онъ послалъ министру коротенькое донесеніе о состояніи университета, но вмѣстѣ съ тѣмъ препроводилъ и свою рѣчь въ редакціи главнѣйшихъ газетъ той поры. Когда Пезаровіусъ, редакторъ «Русскаго Инвалида», обратился относительно этого за разрѣшеніемъ къ Шишкову, то министръ нашелъ неудобнымъ напечатать рѣчь Магницкаго; тѣмъ не менѣе, она появилась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Вѣстникѣ Достопримѣчательностей».

Вскорѣ Шишковъ узналъ, что Магницкій оскорбительно и дерзко отзывается о немъ, и угрожаетъ, что онъ уничтожитъ всѣхъ непріязненныхъ ему чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія.

XIV.

Возвращеніе Магницкаго въ Петербургъ.—Высылка его оттуда въ Казань черезъ полицію.—Причина такой строгости.—Затрудненія Шишкова въ дѣйствіяхъ противъ Магницкаго.—Назначеніе ревизіи надъ Магницкимъ.—Высылка его изъ Казани въ Ревель.—Изданіе журнала «Радуга».—Переселеніе Магницкаго въ Одессу.—Доносъ его на графа Воронцова.—Переселеніе Магницкаго въ Херсонъ и затѣмъ снова въ Одессу.—Просьбы его къ Голицыну.—Его смерть.

Ведя разсказъ отчасти послѣдовательно, отчасти со вставками, относящимися къ прежней и поздней порѣ по отношенію къ современности разсказываемаго, Гётце доходитъ до убійства въ Грузинѣ Настасьи Минкиной, или Шумской. Въ этомъ разсказѣ не встрѣчается ничего такого, что не появлялось бы уже въ печати, и потому мы не видимъ надобности останавливаться на немъ. Смерть Настасьи привела Аракчеева въ отчаяніе и онъ писалъ къ Магницкому, возвратившемуся изъ Казани въ Петербургъ, чтобы тотъ поспѣшилъ пріѣхать въ Грузино и раздѣлить съ нимъ его ужасную скорбь. Такое приглашеніе было не по вкусу Магницкому, но, опасаясь навлечь неудовольствіе Аракчеева, онъ поспѣшилъ въ Грузино. Во время бытности тамъ Магницкаго, Аракчеева постигъ новый ударъ — получено было извѣстіе о кончинѣ въ Таганрогѣ императора Александра Павловича. Магницкій, сознавая, что теперь опора его — Аракчеевъ — рухнетъ, поскакалъ въ Петербургъ. Прежде онъ, передъ отъѣздомъ въ Казань, не считалъ нужнымъ откланяться министру, а теперь, надѣвъ мундиръ, явился къ Шишкову въ качествѣ смиреннаго подчиненнаго и просилъ у него позволенія съѣздить къ Аракчееву, что̀ и было ему дозволено. Онъ, впрочемъ, и тутъ по обыкновенію, двоедушничалъ. Не воспользовавшись даннымъ ему отпускомъ, онъ оставался въ Петербургѣ, выжидая что̀ будетъ дѣлаться при новомъ государѣ. Но 1-го декабря 1825 года, петербургскій генералъ-губернаторъ, графъ Милорадовичъ, сообщилъ Магницкому высочайшее повелѣніе о выѣздѣ въ Казань. Просьбы его, поданныя Милорадовичу и Шишкову объ отсрочкѣ исполненія по упомянутому высочайшему повелѣнію, остались безъ послѣдствій и, какъ разсказываетъ Гетце, Милорадовичъ на другой же день отпра-

вилъ его въ Казань на курьерской тройкѣ, въ сопровожденіи полицейскаго офицера. На послѣдней станціи передъ Казанью, въѣзжавшій прежде туда съ такою грозою Магницкій, теперь, по словамъ Гётце, просилъ своего полицейскаго спутника отпустить его въ Казань одного и устроилъ свой въѣздъ туда ночью, дабы никто не могъ замѣтить, какимъ неприглядным способомъ онъ былъ доставленъ на мѣсто своего почетнаго служенія.

Такую строгую и небывалую съ чиновнымъ лицомъ полицейско-принудительную мѣру Гётце объясняетъ слѣдующими обстоятельствами. Магницкій, какъ мы уже говорили, два раза обращался къ Шишкову съ доносами на счетъ членовъ императорской фамиліи, оказавшихъ покровительство изгнаннымъ Руничемъ изъ университета профессорамъ—Герману и Арсеньеву. Магницкій, по всей вѣроятности, исполнилъ, при посредствѣ Аракчеева, ту угрозу, которую онъ высказывалъ въ своихъ донесеніяхъ Шишкову, т. е. написалъ прямо государю. Затѣмъ, когда великій князь Николай Павловичъ приказалъ князю Александру Николаевичу Голицыну пересмотрѣть бумаги, оставшіяся въ кабинетѣ покойнаго императора, то доносъ Магницкаго оказался налицо и это побудило Николая Павловича распорядиться такъ круто съ зловреднымъ доносчикомъ.

Въ департаментѣ народнаго просвѣщенія давно уже было заготовлено предписаніе объ отъѣздѣ Магницкаго въ Казань, но Шишковъ, изъ опасенія раздражить Аракчеева, не подписывалъ его. Когда же Николай Павловичъ вступилъ на престолъ, то Шишковъ представилъ ему о необходимости произвести по казанскому учебному округу ревизію за время управленія имъ Магницкимъ. Императоръ, хотя это и было странно, повелѣлъ поручить такую ревизію командиру лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, генералъ-маіору Желтухину. Вслѣдствіе этой ревизіи, Магницкій былъ исключенъ изъ службы съ высочайшимъ повелѣніемъ проживать ему безвыѣздно въ Казани и съ отдачею его подъ надзоръ тайной полиціи.

По прошествіи нѣкотораго времени, стали присылаться въ Петербургъ безъимянные доносы на разныхъ лицъ, проживавшихъ въ Казани. Доносы эти были писаны женскимъ

почеркомъ. Всѣ ихъ велѣно было препроводить къ казанскому губернатору, барону Розену, съ порученіемъ дознаться, кто ихъ пишетъ. Тогда сдѣлалось извѣстно, что они частью составлялись подъ руководствомъ Магницкаго, а частью онъ сочинялъ ихъ самъ. Вдобавокъ къ этому, Розенъ сообщилъ, что Магницкій находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ казанскимъ архіепископомъ, у котораго онъ часто засиживается до 2-хъ часовъ ночи, и что такое обхожденіе его высокопреосвященства съ лицомъ, состоящимъ подъ надзоромъ полиціи, не дѣлаетъ ему чести. Вслѣдствіе этого, императоръ Николай Павловичъ приказалъ отправить Магницкаго съ фельдъегеремъ изъ Казани въ Ревель, а архіепископъ былъ переведенъ на епархію низшаго класса.

На Магницкаго была направлена теперь всеобщая ненависть, и Сперанскій, по поводу его ссылки въ Ревель, куда и въ ту пору петербуржцы ѣздили на лѣто для морскихъ купаній, сказалъ: «зачѣмъ сослали Магницкаго въ Ревель, куда ѣздятъ для поправленія здоровья,—вѣдь онъ заразитъ тамошній воздухъ».

Живя въ Ревелѣ, Магницкій подбилъ тамошняго уроженца Бюргера, учителя русскаго языка, но лютеранина, издавать въ 1832 году на русскомъ языкѣ журналъ, подъ названіемъ «Радуга». Разумѣется, что въ журналѣ полнымъ распорядителемъ былъ Магницкій, и «Радуга» предназначалась быть проповѣдницею самаго крайняго обскурантизма; но по недостатку подписчиковъ журналъ этотъ въ слѣдующемъ году прекратился. Главною задачею этого журнала была борьба противъ европейскаго просвѣщенія и проведеніе въ публику мысли о необходимости отторженія Россіи отъ общенія съ Западомъ. Время татарскаго ига признавалось для Россіи благодѣтельною порою, такъ какъ, благодаря ему, наше отечество, впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій, не соприкасалось съ Западомъ и вслѣдствіе этого сохранило православіе во всей его чистотѣ.

Еще въ бытность свою въ Петербургѣ, Магницкій, при своихъ дружескихъ отношеніяхъ къ Аракчееву, старался на всякій случай сойтись снова съ Голицынымъ, но послѣдній уклонялся отъ этого, зная уже теперь, чѣмъ кончится приближеніе къ нему Магницкаго. Когда же Магницкій былъ

исключенъ изъ службы и находился въ нуждѣ, то онъ обратился къ Голицыну съ просьбою исходатайствовать ему то содержаніе, какое онъ получалъ по должности попечителя, для чего долженъ былъ быть испрошенъ особый высочайшій указъ. Голицынъ отклонилъ отъ себя это дѣло, но, тѣмъ не менѣе, какъ слышалъ Гётце, выхлопоталъ ему пенсію по особому уставу, на что Магницкій, по закону, какъ исключенный изъ службы, не имѣлъ никакого права.

Пробывъ шесть лѣтъ въ Ревелѣ, Магницкій рѣшился снова написать Голицыну покаянное письмо. Сознаваясь въ своихъ винахъ передъ княземъ, онъ просилъ прощенія и напоминалъ, что истинный христіанинъ долженъ воздавать за зло добромъ. Смиренное свое покаяніе онъ сопровождалъ просьбою о содѣйствіи со стороны князя къ переводу его, Магницкаго, въ климатъ болѣе умѣренный, чѣмъ въ Ревелѣ. Хотя Голицынъ и не отвѣчалъ на это письмо, но все же постарался исполнить просьбу Магницкаго, которому и разрѣшено было проживать гдѣ онъ захочетъ, за исключеніемъ Петербурга. Въ маѣ 1833 года, онъ поселился около Петербурга, въ одной изъ нѣмецкихъ колоній. Между тѣмъ, послѣдовалъ указъ, чтобы тѣ лица, которымъ не дозволенъ въѣздъ въ Петербургъ, не имѣли бы права проживать вообще въ предѣлахъ петербургской губерніи. Тогда Магницкій поѣхалъ въ Москву и, проживъ тамъ нѣсколько времени, окончательно поселился въ Одессѣ.

Бывшій въ то время одесскимъ генералъ-губернаторомъ графъ (впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь) М. С. Воронцовъ принялъ Магницкаго благосклонно. Казалось бы, что въ благодарность за это и притомъ въ отношеніи такого честнаго вельможи, каковъ былъ Воронцовъ, Магницкій долженъ былъ бы отстать отъ своей прежней неблагородной привычки доносчика, но оказалось, что и Воронцовъ не избавился отъ его кляузъ.

Совершенно неожиданно, въ одинъ прекрасный день, Воронцовъ получилъ препровожденный къ нему изъ Петербурга доносъ на него же самого. Доносъ этотъ былъ написанъ Магницкимъ за его подписью. Когда Магницкій явился, по обыкновенію, къ Воронцову, то графъ, не обнаруживая ничего, дружелюбно разговорился съ нимъ, а между тѣмъ,

слуга, получившій приказаніе заранѣе, вошелъ въ кабинетъ и доложилъ графу, что графиня проситъ его сіятельство пожаловать къ ней. Уходя изъ кабинета и извинившись передъ Магницкимъ, Воронцовъ умышленно положилъ доносъ Магницкаго на письменный столъ такъ, чтобы гнусный гость непремѣнно замѣтилъ эту бумагу. Когда же Воронцовъ возвратился въ кабинетъ, то онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ сталъ продолжать прерванную бесѣду, но Магницкій не выдержалъ позора и поспѣшилъ уйти отъ Воронцова какъ можно скорѣе.

Вскорѣ, однако, послѣдовало распоряженіе объ отправкѣ Магницкаго изъ Одессы въ мѣсто прежняго его жительства— въ Ревель. Въ Одессѣ онъ былъ уже человѣкомъ нетерпимымъ: онъ доносилъ, кляузничалъ, ссорилъ между собою всѣхъ служащихъ и т. д. Но такъ какъ противъ пребыванія въ Ревелѣ Магницкій выставилъ свое болѣзненное состояніе, то ему разрѣшено было жить въ Херсонѣ, съ усиленіемъ надъ нимъ полицейскаго надзора. Въ мартѣ 1841 года, ему, по ходатайству великаго князя Михаила Павловича, разрѣшено было возвратиться въ Одессу съ строжайшимъ внушеніемъ, чтобы онъ не заводилъ тамъ никакихъ интригъ.

Пользуясь пребываніемъ Голицына въ его крымскомъ имѣніи—Гаспра-Александрія, Магницкій обратился къ князю съ просьбою объ исходатайствованіи ему усиленной пенсіи. Голицынъ, забывъ все зло, какое ему надѣлалъ Магницкій, выпросилъ ему, въ августѣ 1844 года, ежегодную пенсію въ 1,500 рублей, но Магницкій не долго пользовался этою милостію, такъ какъ онъ умеръ 21-го ноября того же года, за день до смерти Голицына.

Если когда-то Плутархъ выставлялъ въ примѣръ нравственнаго подражанія для юношей знаменитыхъ мужей древняго міра, то Магницкій можетъ быть выставленъ русскимъ историкомъ въ противоположномъ смыслѣ, какъ образецъ, которому подражать вовсе не слѣдуетъ...

XV.

Знакомство Гётце съ Шишковымъ. — Хорошія черты въ характеристикѣ послѣдняго.—Его поздняя женитьба.—Насмѣшки надъ нимъ.—Его гостепріимство.—Его консерватизмъ.—Его вѣротерпимость и филологическій фанатизмъ.—Неосновательное обвиненіе его въ обскурантизмѣ.—Замѣтки о цензурѣ.—Мнѣнія Шишкова о крѣпостномъ правѣ и объ университетскомъ обученіи.—Образъ дѣйствій Шишкова въ отношеніи графа Орлова-Чесменскаго.—Докладъ государю въ лагерѣ подъ Дриссою.—Увольненіе отъ должности министра.—Наружность Шишкова. — Любовь его къ дѣтямъ.—Отношеніе къ литературѣ.—Смерть Шишкова.—Д. Н. Блудовъ.—Устройство евангелической церкви въ Остзейскомъ краѣ.—Законъ о смѣшанныхъ бракахъ.—Отмѣна «Литовскаго Статута».

Особую главу посвящаетъ Гётце Шишкову, котораго онъ зналъ лично. Знакомство Гётце съ Шишковымъ началось лишь въ царствованіе Николая Павловича. До этого времени онъ слышалъ только о немъ, какъ о противникѣ Библейскаго Общества. Шишковъ не былъ вовсе интриганомъ; напротивъ, онъ былъ чрезвычайно честный и прямодушный человѣкъ, старый консерваторъ изъ школы Екатерины II, слѣдовательно—онъ былъ чуждъ племенной ненависти и церковнаго фанатизма. Религіозныя преслѣдованія начались еще за много лѣтъ до вступленія его въ министерство и они вовсе ему не нравились. Онъ являлся фанатикомъ только тогда, когда рѣчь заходила о церковномъ языкѣ и когда не хотѣли признавать тождества этого языка съ современнымъ русскимъ языкомъ.

«Во время назначенія Шишкова министромъ,—разсказываетъ Гётце—я ему лично не былъ извѣстенъ. Какъ чиновникъ особыхъ порученій департамента иностранныхъ исповѣданій, я счелъ нужнымъ явиться къ нему. Онъ жилъ тогда на Фурштадтской, въ собственномъ домѣ, прямо противъ Анненской церкви. Онъ принялъ меня и вѣжливо, и ласково. Прошло немало времени, пока я увидѣлъ его снова. Онъ переѣхалъ на казенную квартиру (въ Почтамтскую улицу, въ домъ занимаемый нынѣ директоромъ почтоваго департамента) и послѣ смерти первой своей жены, нѣмки-лютеранки, которую я не зналъ, женился на семьдесятъ первомъ году жизни на католичкѣ и полькѣ, Юліи Осиповнѣ, вдовѣ Ло-

бичевской, рожденной Нарбутъ; надъ этимъ супружествомъ въ ту пору очень смѣялись».

Шишковъ принималъ доклады Гётце и это приблизило Гётце къ министру. Онъ пригласилъ докладчика бывать у него въ качествѣ гостя и представилъ его своей женѣ. Она была очень образованная и добрая дама и умѣла любезно принимать гостей. Домъ Шишковыхъ принадлежалъ къ числу самыхъ пріятныхъ домовъ въ Петербургѣ. Каждое воскресенье былъ у нихъ обѣдъ для званыхъ и незваныхъ, а по вечерамъ очень часто танцовали. У Шишковыхъ сходились не только высшіе сановники, представители аристократіи и лица дипломатическаго корпуса, но и чиновники министерства, и литераторы, и т. д.

«Чѣмъ болѣе я узнавалъ Шишкова, — разсказываетъ Гётце—тѣмъ болѣе я убѣждался въ его добродушіи и прямотѣ его характера. До такой степени бросалась въ глаза разница его личности, въ сравненіи съ образомъ его дѣйствій по дѣлу Госснера и борьбой съ Библейскимъ Обществомъ! Онъ былъ, такъ сказать, консерваторъ стараго закала, со всѣми предразсудками стараго времени, — консерваторъ, для котораго царствованіе Екатерины II представлялось высшимъ идеаломъ. Приливъ новыхъ, неизбѣжно-измѣняющихся среди людей понятій и воззрѣній онъ приписывалъ исключительно революціонному духу, а недовольство аракчеевскимъ управленіемъ—карбонаризму, который можно истребить сохраненіемъ церковныхъ обрядовъ и строгою цензурою. Отсюда проистекала слабость въ характерѣ этого старика, болѣе или менѣе поддававшагося вліянію Аракчеева, Фотія, Серафима, Магницкаго, братьевъ Ширинскихъ-Шихматовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ.

«Затѣмъ, вся прошедшая его жизнь была ничѣмъ не запятнана, и самые ярые его противники должны признать, что изъ занимаемыхъ имъ служебныхъ должностей онъ не извлекалъ для себя никакихъ выгодъ».

Въ ту пору, когда Гётце сошелся съ Шишковымъ, звѣзда Аракчеева была готова померкнуть; а Магницкаго Шишковъ, къ счастью своему, отстранилъ отъ себя. Что же касается Фотія, то онъ никогда не показывался въ домѣ Шишкова. Прежнія простодушныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отсталыя

мнѣнія, которыя высказывалъ Шишковъ, не имѣли уже на дѣлѣ примѣненія.

Обвиненіе Шишкова въ обскурантизмѣ и въ религіозномъ фанатизмѣ Гётце, съ своей стороны, признаётъ неосновательнымъ, въ подтвержденіе чего и ссылается на слѣдующія обстоятельства:

Оба его брака, первый—съ лютеранкой, а второй—съ католичкой, доказываютъ, что Шишковъ былъ чуждъ религіозной ненависти. При немъ должность министра народнаго просвѣщенія была соединена съ званіемъ главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій и не было ни одного случая, въ которомъ бы выразилось его притѣсненіе какого либо иновѣрческаго исповѣданія. Голицынъ, вѣротерпимость котораго была всѣмъ очень хорошо извѣстна, гораздо строже сохранялъ внѣшніе обряды своей церкви, нежели Шишковъ. Такъ, Голицынъ строго соблюдалъ всѣ установленные церковью посты, тогда какъ Шишковъ былъ въ этомъ отношеніи вольнодумцемъ.

Точно такъ же онъ самъ по себѣ снисходительно относился и къ піетизму, и къ мистицизму, доказательствомъ чему можетъ служить его отзывъ о радѣніяхъ баронесы Крюденеръ, о которыхъ мы уже упоминали прежде.

Собственно, Шишковъ былъ ярымъ фанатикомъ только тогда, когда затрогивали излюбленныя имъ воззрѣнія по филологіи. Такъ, онъ никогда не хотѣлъ признать, что церковнославянскій языкъ для большинства славянъ сдѣлался непонятенъ. Онъ утверждалъ, что русскій языкъ совершенно тождественъ съ славянскимъ, который, въ свою очередь, составляетъ только торжественный слогъ перваго. Отсюда и проистекала его ненависть къ переводу св. писанія на русскій языкъ, какъ къ предпріятію совершенно излишнему и безполезному.

«Можно ли, наконецъ, винить Шишкова въ обскурантизмѣ?» — спрашиваетъ Гётце, — и на этотъ вопросъ даетъ слѣдующій отвѣтъ. Установленная имъ цензура была во многихъ отношеніяхъ болѣе снисходительна и менѣе придирчива, нежели существовавшая до него. Самъ Шишковъ, не обнаруживалъ ни малѣйшаго самохвальства, разсказывалъ Гётце, какъ онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, испросилъ у государя

разрѣшеніе на напечатаніе «Записокъ» князя Шаховскаго, бывшаго синодскимъ оберъ-прокуроромъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, такъ какъ цензура не дозволяла печатать его «Записки» въ виду того, что «Записки» эти представляли печальное положеніе Россіи въ царствованіе Елизаветы и, кромѣ того, обнаруживали интриги высшаго православнаго клира.

Должно, однако, сказать, что Шишковъ, какъ и всѣ люди его званія и той поры, былъ противникъ уничтоженія крѣпостнаго права, хотя, по словамъ Гётце, лично онъ былъ добрый помѣщикъ.

Въ одномъ изъ своихъ докладовъ императору Александру онъ высказалъ мнѣніе, что главнымъ образомъ порча студентовъ происходитъ отъ того, что они готовятся по запискамъ профессоровъ. Когда же, однако, по доносу Магницкаго, онъ долженъ былъ обревизовать дерптскій университетъ, то, несмотря на то, что тамошніе профессоры читали лекціи также по своимъ запискамъ, онъ отдалъ полную справедливость тому благоустройству, въ какомъ онъ лично нашелъ этотъ университетъ. Кромѣ того, онъ никогда не старался распускать свои паруса по попутному вѣтру, но всегда—худо ли, хорошо ли—дѣйствовалъ по своему убѣжденію.

Онъ, судя по отзывамъ Гётце, оставался всегда вѣренъ доброму, примирительному началу. Извѣстно, что Павелъ Петровичъ приказалъ графу Алексѣю Орлову-Чесменскому выѣхать изъ Россіи за-границу. Когда, въ 1798 году, Шишковъ, уже въ званіи генералъ-адъютанта Павла, находился въ Карлсбадѣ, то Павелъ приказалъ ему наблюдать тайно за проживавшими тамъ Орловымъ и Зубовымъ. Тайная полиція была, однако, не въ духѣ Шишкова, и онъ, будучи знакомъ прежде съ Орловымъ, продолжалъ посѣщать его, больнаго, ежедневно, хотя и могъ подвергнуться за это грозной опалѣ. Когда же Орловъ, въ день имянинъ императора Павла, устроилъ въ Карлсбадѣ великолѣпное празднество, то Шишковъ написалъ объ этомъ Павлу, а также и о томъ тостѣ, какой Орловъ провозгласилъ, когда пили у него за здоровье государя. Это примирило Павла съ Орловымъ и онъ дозволилъ Чесменскому вернуться въ Россію въ его помѣстье.

Извѣстно, что Шишковъ, въ качествѣ статсъ-секретаря,

сопровождалъ императора Александра Павловича въ походахъ 1812—1814 гг. По поводу этого, Гётце разсказываетъ нѣсколько молоизвѣстныхъ и даже, быть можетъ, еще вовсе неизвѣстныхъ подробностей. Императоръ отдалъ приказаніе, чтобы въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ Аракчеевъ, Шишковъ и генералъ Балашевъ собирались на совѣщанія, и о постановленіяхъ, принятыхъ на такихъ совѣщаніяхъ, доводили письменно до свѣдѣнія его величества. Между прочимъ, въ то время оказалось, что присутствіе государя въ арміи, шедшей противъ Наполеона, крайне стѣсняло главнокомандующаго ею, тогдашняго военнаго министра Барклая-де-Толли, но никто не рѣшался сказать объ этомъ государю. Шишковъ, съ своей стороны, отважился отъ имени упомянутаго совѣщанія представить на счетъ этого откровенный докладъ. Балашевъ безъ особаго отпора присталъ къ мнѣнію Шишкова, но чрезвычайно трудно было склонить Аракчеева къ подписи этой бумаги.

Когда Балашевъ говорилъ Аракчееву, что дѣло идетъ о спасеніи отечества, то Аракчеевъ возражалъ: «что вы говорите мнѣ объ отечествѣ, скажите лучше, развѣ государю опасно оставаться при арміи?»—«Конечно, отвѣчалъ Балашевъ, если, напримѣръ, Наполеонъ нападетъ на насъ и разобьетъ, то въ какомъ положеніи будетъ тогда государь? Если же Наполеонъ разобьетъ только нашу армію, состоящую подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, то большой бѣды отъ этого не будетъ».

Эти соображенія убѣдили Аракчеева и онъ обѣщалъ, подписавъ докладъ, представить его государю.

Гётце приводитъ самый переводъ этого доклада, въ которомъ указывалось на необходимость, чтобы государь уѣхалъ изъ арміи въ глубину Россіи и тамъ занялся бы приготовленіями къ отпору врагу. Приводились по поводу такого предположенія слѣдующія соображенія: во-первыхъ, что государь хотя и назначилъ главнокомандующимъ Барклая-де-Толли, но что, между тѣмъ, онъ, въ присутствіи государя, стѣсненъ въ своихъ распоряженіяхъ и не можетъ нести никакой отвѣтственности за свой образъ дѣйствій. Во-вторыхъ, что хотя присутствіе государя и воодушевляетъ войска, но что они и безъ этого побуждаются къ храбрости для защиты свободы,

вѣры, чести, императора, своихъ семействъ и родины. Въ-третьихъ, что если Петръ Великій и Фридрихъ Великій командовали войсками, то дѣлали это потому, что ихъ государства были обращены въ одинъ общій военный лагерь. Если же то же самое дѣлалъ теперь Наполеонъ, то это потому, что онъ взошелъ на престолъ не по праву рожденія, но только въ силу обстоятельствъ и вслѣдствіе счастья, и что поэтому императоръ Александръ не долженъ слѣдовать его примѣру. Въ-четвертыхъ, хотя, несомнѣнно, личная храбрость и заслуживаетъ похвалы, но она не должна переходитъ за предѣлы благоразумія. Если она является добродѣтелью въ простомъ воинѣ, то въ полководцѣ, который напрасно подвергаетъ себя опасности, заслуживаетъ порицанія, такъ какъ, желая достигнуть личной славы, онъ вызываетъ неувѣренность въ войскѣ. Еще хуже бываетъ это въ отношеніи къ государю, который обязанъ защищать все свое государство. Если онъ будетъ разбитъ или взятъ въ плѣнъ, то все государство должно будетъ поплатиться за его храбрость. Возьмемъ, говорилось въ докладѣ, для примѣра двухъ государей. Одинъ изъ нихъ остается внутри государства и изыскиваетъ способы для защиты его границъ, другой слѣдуетъ повсюду со своимъ войскомъ. Первый изъ нихъ, въ случаѣ неудачи и потери нѣкоторыхъ областей, все-таки изъ остальныхъ своихъ земель составляетъ государство и царствуетъ надъ своимъ народомъ. Побѣдитель, который вступитъ съ нимъ въ переговоры, все-таки долженъ будетъ относиться къ нему какъ къ владѣтельной особѣ. Совсѣмъ въ иное положеніе будетъ поставленъ государь, побѣжденный на полѣ битвы. Когда онъ возвратится въ свои владѣнія, то найдетъ ихъ въ ужасѣ и въ переполохѣ и довѣріе къ нему будетъ утрачено. Если же онъ и останется при своемъ пораженномъ войскѣ и потребуетъ помощи отъ своего народа, то развѣ скоро и легко онъ получитъ ее? Если же онъ попадетъ въ плѣнъ, то осиротѣвшая безъ него страна должна будетъ принять отъ гордаго побѣдителя самыя тяжкія условія.

Въ подтвержденіе возможности того или другаго печальнаго исхода была приведена ссылка на Карла XII.

Если, говорилось далѣе, государь признаетъ за благо, не ожидая рѣшительнаго сраженія, оставить армію въ распоря-

женіи главнокомандующаго, а самъ отправится въ главнѣйшіе города государства, чтобы призвать дворянство и народъ къ продолженію упорной борьбы, то онъ встрѣтитъ тамъ самый восторженный пріемъ и воодушевитъ народъ до невѣроятной степени. Если въ это время непріятелю удастся даже преслѣдовать нашу армію, то и тогда государство не будетъ находиться въ опасности, а обезсиленный и разстроенный непріятель встрѣтитъ всюду сопротивляющіяся ему новыя силы, и онъ, такимъ образомъ, не въ состояніи будетъ разсчитывать на скорое окончаніе войны.

Докладъ этотъ оканчивался слѣдующимъ, краснорѣчивымъ, по тому времени, обращеніемъ къ императору: «Всемилостивѣйшій государь! Такое наше мнѣніе основано на вѣрности и любви къ твоей священной особѣ. Умилосердись, надежда Россіи! Мы умоляемъ тебя со слезами! Услыши нашъ голосъ и наши просьбы съ высоты твоего престола. Это голосъ всего отечества и мы готовы скрѣпить его нашею кровью».

Докладъ этотъ былъ написанъ въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Дриссою, 30-го іюля 1812 года.

Аракчеевъ взялъ его съ собою для представленія государю. Такъ какъ въ этотъ день у Александра Павловича былъ цесаревичъ Константинъ и оставался у него цѣлый день, и онъ самъ былъ въ печальномъ настроеніи духа, то Аракчеевъ не хотѣлъ еще болѣе разстроить его представленіемъ доклада и положилъ его въ спальнѣ государя на письменный столъ. Когда, на другой день утромъ, Аракчеевъ явился къ государю, то этотъ послѣдній сказалъ ему: «я прочелъ вашу бумагу»—и болѣе не прибавилъ ни слова. Точно такъ же, когда пришелъ съ бумагами Балашевъ, то и онъ не узналъ, какъ былъ принятъ государемъ представленный ему докладъ. Шишковъ, хотя и былъ еще нездоровъ, но собрался съ силами, и съ портфелемъ отправился къ государю въ надеждѣ узнать что нибудь о послѣдстіяхъ вчерашняго доклада. Шишковъ былъ очень милостиво принятъ государемъ, выразившимъ участіе на счетъ состоянія его здоровья и совѣтовавшимъ ему беречь себя, но и здѣсь о докладѣ не было и помину. Изъ пріема, сдѣланнаго ему государемъ, онъ могъ заключить, что Александръ Павловичъ не гнѣвался на него; и его тѣмъ болѣе еще мучила неизвѣстность на счетъ

того, послѣдуетъ ли императоръ внушенію преданныхъ ему лицъ.

Въ надеждѣ поразвѣдать хотя кое-что, Шишковъ и на слѣдующій день отправился къ государю, но не засталъ его дома, и Шишкову сказали, что императоръ поѣхалъ въ главную квартиру къ Барклаю-де-Толли. Въ это время оберъ-гофмаршалъ, графъ Толстой, отозвалъ въ сторону Шишкова и сказалъ ему на ухо, что государь приказалъ приготовить дорожные экипажи, и что онъ, вѣроятно, отправится въ Москву.

Такимъ образомъ, опасенія Шишкова разсѣялись. Ночью онъ получилъ приказаніе заготовить воззваніе къ жителямъ Москвы и манифестъ о вторженіи непріятеля въ предѣлы Россіи. Тогда-то и былъ написанъ Шишковымъ тотъ извѣстный манифестъ, въ которомъ говорилось, что врагъ встрѣтитъ: въ каждомъ дворянинѣ — Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ лицѣ—Палицына, и въ каждомъ гражданинѣ—Минина.

Но этимъ дѣло о докладѣ, въ сущности крайне непріятномъ для Александра Павловича, не кончилось.

Разумѣется, что три лица—Аракчеевъ, Шишковъ и Балашевъ сохранили относительно этого доклада полную тайну, Неизвѣстно, при какомъ именно случаѣ проговорился о немъ императоръ своей любимой сестрѣ, великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Когда же, въ 1813 году, Шишковъ встрѣтился съ нею въ Карлсбадѣ, то она, подъ обѣщаніемъ ненарушимаго молчанія, стала его просить, чтобы онъ сообщилъ ей этотъ докладъ. Тщетны были всѣ отговорки Шишкова. Онъ не могъ противиться настояніямъ великой княгини, которая, выслушавъ докладъ, залилась слезами. Послѣ того, она снова приступила къ Шишкову съ просьбою дозволить ей собственноручно списать этотъ докладъ, разумѣется, сохранивъ его въ безусловной тайнѣ. Неизвѣстно, сдержала ли она вполнѣ свое обѣщаніе, но, по крайней мѣрѣ, при жизни ея о докладѣ не было никакого слуха. Когда же, въ 1819 году, она скончалась въ Штутгартѣ и оставшіяся послѣ нея бумаги были пересланы въ Петербургъ, то между ними нашелся списокъ съ упомянутаго доклада. Императоръ былъ чрезвычайно недоволенъ нескромностью своего статсъ-секретаря. Самъ же Шишковъ, когда онъ разсказывалъ Гётце объ этомъ случаѣ, былъ

сильно растроганъ и сознавалъ всю неумѣстность своей уступчивости на просьбу обворожившей его прелестной женщины. Обстоятельство это вызвало въ императорѣ охлажденіе къ Шишкову, и онъ не встрѣчалъ уже адмирала съ прежнею привѣтливостью до самаго назначенія Шишкова министромъ народнаго просвѣщенія.

Въ 1828 году, Шишковъ оставилъ министерство народнаго просвѣщенія и преемникомъ ему былъ назначенъ князь Карлъ Ливенъ, занимавшій до этого времени должность попечителя дерптскаго учебнаго округа.

По поводу увольненія Шишкова отъ должности министра, Гётце разсказываетъ, что — это, впрочемъ, всегда такъ ведется—пока Шишковъ занималъ самостоятельную должность, множество разныхъ лицъ заискивали его благосклонность и вниманіе; когда же мѣсто его заступилъ князь Ливенъ, то изъ гостепріимнаго салона почтеннаго адмирала исчезло немало первостепенныхъ чиновниковъ его прежняго министерства. Жена Шишкова, смѣясь, разсказывала объ этомъ Гётце и добавляла, что, встрѣтясь съ однимъ изъ этихъ лицъ въ чужомъ домѣ, она ради шутки сказала этому господину, какъ новость, что мужъ ея будетъ опять назначенъ министромъ. Тогда онъ разсыпался въ любезностяхъ, а она, съ своей стороны, любезно замѣтила ему: «Я надѣюсь, что тогда мы будемъ имѣть удовольствіе снова видѣть ваше превосходительство въ нашемъ домѣ».

Шишковъ былъ средняго роста. Лицо его было чрезвычайно бѣло. Его темные глаза и серебристо-сѣрые волосы придавали его физіономіи особое выраженіе. Всѣ его портреты отличаются большимъ сходствомъ. Когда онъ достигъ глубокой старости, то часто страдалъ отъ нервныхъ головныхъ болѣзней, который принуждали его ложиться на диванъ. Чтобы облегчить его страданія, была нанята особая женщина для чесанія ему головы голою рукою. Замѣчательно, однако, что, несмотря на головныя боли, петербургскій климатъ и почти девяностолѣтній возрастъ, Шишковъ сохранилъ свои чрезвычайно густые волосы.

У Шишкова своихъ дѣтей не было, но вообще онъ ихъ очень любилъ и въ молодые свои годы онъ много переводилъ для нихъ на русскій языкъ изъ «Дѣтской Библіотеки» Кампе.

Еще не за долго до своей смерти онъ для своей любимой двоюродной внучки сочинилъ поучительно-наставительный разговоръ между дѣдушкою и внучкою.

Въ похвалу Шишкова должно сказать, что онъ не преслѣдовалъ своихъ литературныхъ враговъ, и хотя его огорчали ихъ насмѣшки, но онъ встрѣчалъ всѣ направляемыя противъ него выходки безъ всякой злобы.

Шишковъ занимался своими научными и литературными трудами до того времени, пока онъ ослѣпъ окончательно. Впрочемъ, у него въ отношеніи оцѣнки литературныхъ произведеній былъ странный, своеобразный вкусъ. Такъ, по поводу перевода однимъ молодымъ русскимъ писателемъ «Вильгельма Телля» Шиллера, онъ отозвался: «что можетъ быть интереснаго въ томъ, что швейцарскіе мужики возстали противъ своихъ помѣщиковъ? Меня даже удивляетъ,—добавилъ онъ—что Шиллеръ могъ выбрать такой предметъ для своего драматическаго произведенія».

Когда же генералъ Скобелевъ поднесъ ему «Солдатскія письма», не имѣвшія, конечно, никакихъ литературныхъ достоинствъ, но за то вѣрно изображавшія русскаго солдата, то Шишковъ былъ чрезвычайно доволенъ этимъ сочиненіемъ и, смѣясь отъ души, повторялъ особенно понравившіяся ему выраженія.

Шишковъ умеръ 9-го апрѣля 1841 года. Похороны его почтилъ своимъ присутствіемъ императоръ Николай Павловичъ.

Вскорѣ послѣ смерти Шишкова, а именно 25-го апрѣля 1828 года, главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій былъ назначенъ статсъ-секретарь Дмитрій Николаевичъ Блудовъ. Онъ, по словамъ Гётце, былъ скорѣе поклонникомъ всего изящнаго, нежели государственнымъ человѣкомъ. Блудовъ отличался превосходнымъ слогомъ и въ этомъ отношеніи, какъ дѣловой человѣкъ, могъ быть поставленъ на ряду съ Сперанскимъ. Онъ былъ очень остроуменъ, краснорѣчивъ, общителенъ и доброжелателенъ, но для государственнаго дѣятеля былъ не совсѣмъ пригоденъ по своему ханжеству. Эта черта его характера выразилась, между прочимъ, при составленіи «Уложенія о наказаніяхъ», установившаго слишкомъ строгія кары за нарушенія противъ православной вѣры.

Время управленія Блудова дѣлами иностранныхъ исповѣ-

даній замѣчательно изданіемъ въ 1832 году законоположеній объ устройствѣ евангелической церкви въ Остзейскомъ краѣ. Первоначально предполагалось устроить тамъ церковь епископальную, на основаніи закона, изданнаго въ 1686 году королемъ шведскимъ Карломъ XI. Блудовъ, однако, воспротивился этому и нашелъ болѣе удобнымъ, сдѣлавъ изъ епископскаго сана только почетный титулъ, поручить управленіе евангелической церковью въ упомянутой мѣстности коллегіальному учрежденію—генеральному синоду.

Подъ руководительствомъ Блудова, но, по всей вѣроятности, въ силу непосредственнаго желанія самого императора Николая Павловича, состоялся законъ о смѣшанныхъ бракахъ. Со временъ Петра Великаго до 1832 года у насъ было такъ, что если одинъ изъ супруговъ былъ православный, то рожденныхъ отъ такихъ браковъ дѣтей родители, по ихъ взаимному между собою соглашенію, могли и не крестить по обряду православной восточной церкви. Изданный при Блудовѣ законъ отмѣнилъ такой порядокъ въ Остзейскомъ краѣ. Законъ этотъ былъ распространенъ и на принадлежавшія прежде Польшѣ губерніи, гдѣ дворянство, при заключеніи смѣшанныхъ браковъ, обыкновенно условливалось: рождающихся отъ такого брака дѣтей крестить — сыновей по вѣрѣ отца, а дочерей—по вѣрѣ матери.

Кромѣ того, по мысли Блудова, во время кратковременнаго его управленія министерствомъ юстиціи, за отсутствіемъ министра Дашкова, въ губерніяхъ бѣлорусскихъ было отмѣнено дѣйствіе «Литовскаго Статута» и были распространены на эти губерніи общія узаконенія.

XVI.

Участь людей, близкихъ къ императору Александру. — Его подозрительность.—Разсказъ Гётце, какъ очевидца о событіяхъ 14-го декабря. — Гороховая улица. — Адмиралтейскій бульваръ. — Карамзинъ. — Выстрѣлы.— Сборище черни. — Угрозы грабежемъ и пожаромъ.—Якубовичъ.—Митрополитъ Серафимъ.—Видъ сенатской площади на другой день.

Переходя къ разсказу о послѣднихъ годахъ жизни Голицына, Гётце дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе относительно людей, близкихъ къ императору Александру Павловичу: «Го-

лицынъ», говоритъ онъ, «не подвергся той участи, какую испытали другіе любимцы государя: Кочубей, Строгановъ, Новосильцевъ, Сперанскій, Парротъ. Александръ Павловичъ былъ такой человѣкъ, что если кто нибудь ему наскучилъ или возбудилъ въ его подозрительной душѣ недовѣріе—основательно или нѣтъ,—то онъ, во всякомъ случаѣ, при измѣнившихся потомъ обстоятельствахъ, уже не возвращалъ никогда такому лицу ни своей прежней милости, ни своей довѣренности. Одинъ только Голицынъ стоялъ въ этомъ отношеніи въ исключительномъ положеніи. Хотя Голицынъ и утратилъ со временемъ свое прежнее вліяніе, тѣмъ не менѣе довѣренность со стороны привыкнувшаго къ нему государя ослабѣла лишь на короткое время и онъ оставался впослѣдствіи въ самыхъ близкихъ къ нему отношеніяхъ».

Доказательствомъ этому, по мнѣнію Гётце, можетъ служить то, что Александръ Павловичъ посвятилъ его въ тайну отреченія великаго князя Константина отъ престола.

Гётце подробно передаетъ ходъ этого дѣла, но такъ какъ обстоятельства его теперь уже очень хорошо извѣстны изъ другихъ русскихъ печатныхъ источниковъ, то мы не видимъ необходимости повторять ихъ здѣсь. То же должно сказать о событіяхъ 14-го декабря. Изъ разсказа объ этихъ послѣднихъ мы приведемъ только тѣ, весьма, впрочемъ, не многія частности, которыя передаетъ Гётце, какъ очевидецъ.

«Я жилъ тогда», пишетъ Гётце, «на Екатерининскомъ каналѣ, недалеко отъ Каменнаго моста, и одѣвался, чтобы выдти со двора, ничего еще не зная о предстоящемъ воцареніи Николая Павловича, какъ вдругъ я былъ испуганъ страшнымъ крикомъ и суматохою. Я отперъ форточку и увидѣлъ, что часть Московскаго полка, сопровождаемая ревѣвшею толпою, переходила черезъ Каменный мостъ. Озадаченный тѣмъ, что могло бы это значить, я поспѣшилъ выбѣжать на улицу и послѣдовалъ за толпою на Исаакіевскую площадь, гдѣ находилось зданіе сената. Приближаясь къ площади, я замѣтилъ подвыпившихъ солдатъ. «Что, братцы, вы здѣсь дѣлаете?» спросилъ я одного изъ нихъ. «Мы» — отвѣчалъ онъ—«присягали Константину, а Николай, который держитъ его въ неволѣ, хочетъ, вмѣсто него, сѣсть на царство». Такая нелѣпость была внушена этимъ несчастнымъ

людямъ, чтобы ввести ихъ въ заблужденіе. Они безъ умолку кричали: «ура, Константинъ!»

Упомянувъ о слишкомъ избитомъ анекдотѣ относительно крика: «ура, конституція», Гётце продолжаетъ: «когда я прошелъ нѣсколько далѣе, то замѣтилъ, что какіе-то люди, одѣтые въ военное и штатское платье, угрожали солдатамъ бѣдою, если они нарушатъ присягу, данную ими Константину. Я слышалъ, какъ одинъ солдатъ, обращаясь къ народу, говорилъ: «у насъ одна душа и мы не можемъ, какъ жиды, присягать на одной недѣлѣ то тому, то другому». Въ числѣ бунтовщиковъ—добавляетъ Гётце—я не видѣлъ ни одного офицера, но мой знакомый разсказывалъ мнѣ, что онъ среди ихъ узналъ Александра Бестужева».

Гётце съ трудомъ пробирался черезъ толпу, наполнявшую уже Адмиралтейскій бульваръ. Здѣсь онъ встрѣтилъ Карамзина, который, идучи въ шубѣ и въ теплыхъ сапогахъ, былъ одѣтъ въ придворное платье. Тамъ же, на бульварѣ, находилось много иностранныхъ дипломатовъ, посланники англійскій и французскій, а также нидерландскій повѣренный въ дѣлахъ и другіе. Раздался выстрѣлъ, но никто не зналъ, кто произвелъ его. «Впослѣдствіи я узналъ, говоритъ Гётце, что это былъ выстрѣлъ Каховскаго, направленный въ генералъ-губернатора Милорадовича, который и былъ смертельно раненъ».

Послѣ этого пистолетнаго выстрѣла, послышалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Кто стрѣлялъ—въ ту пору было неизвѣстно, точно также это не было дознано и потомъ, при производствѣ слѣдствія.

Толпы норода увеличивались все болѣе и болѣе какъ на бульварѣ, такъ равно и на площади около памятника Петра Великаго. Деревья на бульварѣ были облѣплены людьми, которые стояли также на крышахъ домовъ, прилегавшихъ къ площади, а также на деревянномъ заборѣ, окружавшемъ строившійся въ то время Исаакіевскій соборъ.

«Я — разсказываетъ Гётце — пробрался сквозь толпу къ Зимнему дворцу; здѣсь я увидѣлъ народъ въ возбужденномъ состояніи. Уже около часу находился близъ дворца императоръ; не смотря на холодъ, онъ былъ безъ шинели съ андреевскою лентою черезъ плечо». Послѣ этого Гётце заим-

ствуетъ изъ извѣстной книги барона Корфа нѣкоторые разсказы о дѣйствіяхъ Николая Павловича на Дворцовой площади и затѣмъ продолжаетъ: «Я перешелъ снова на бульваръ по направленію къ строившемуся тогда Исаакіевскому собору. Вдоль бульвара, противъ сената до самой Невы, площадь была загромождена столбами и плитами, привезенными для постройки собора, такъ что въ этомъ мѣстѣ она была неудобна для движенія войскъ. По этой причинѣ, а также и потому, что въ это время была гололедица, кавалерія не могла дѣйствовать.

«Когда я проходилъ по бульвару, по немъ двигалась густая толпа народа, все болѣе и болѣе возраставшая, и притомъ мнѣ попадалось на глаза столько нагольныхъ тулуповъ и столько оборванцевъ, сколько я никогда еще не видывалъ въ Петербургѣ. Мнѣ казалось, что вся эта сволочь, которая выглядывала разбойниками и грабителями, примется вдругъ за булыжники, вынутые изъ мостовой. Какъ впослѣдствіи было дознано, одинъ изъ заговорщиковъ, въ послѣднемъ ихъ совѣщаніи, предложилъ отдать кабаки на разграбленіе черни и, забравъ изъ церквей хоругви, возмутить народъ подъ ихъ сѣнью. Но часть молодыхъ людей изъ аристократическихъ семействъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, не согласилась допустить эти крайности. Такое предложеніе, въ концѣ концовъ, было отвергнуто съ негодованіемъ. Былъ также распущенъ слухъ, будто бы предполагалось допустить народъ, въ вознагражденіе за участіе его въ мятежѣ, разграбить на Англійской набережной домà, въ которыхъ жили самые богатые банкиры».

Далѣе Гётце видѣлъ, какъ къ государю подошелъ Якубовичъ, переведенный изъ гвардіи въ армію за участіе въ качествѣ секунданта при дуэли, окончившейся смертью, и снова возвращенный съ Кавказа въ Петербургъ. Здѣсь, прибавляетъ Гётце, знали Якубовича по его звѣрской наружности, и онъ тѣмъ болѣе былъ знакомъ всѣмъ въ лицо, что постоянно бывалъ и въ театрахъ, и во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ. Гётце былъ также очевидцемъ, какъ митрополитъ Серафимъ, въ полномъ облаченіи, съ поднятымъ надъ головою крестомъ, въ сопровожденіи кіевскаго митрополита Евгенія и двухъ иподіаконовъ, отправился, по приказанію

императора, уговаривать бунтовщиковъ. Когда, разсказываетъ Гётце, митрополитъ началъ говорить солдатамъ о повиновеніи законному государю, а они стали креститься и прикладываться къ кресту, то предводители мятежа начали кричать имъ, что законный ихъ государь закованъ въ цѣпи, что имъ нѣтъ надобности въ попахъ, и что если бы митрополитъ сталъ божиться, хотя бы по два раза на одной недѣлѣ, то имъ, солдатамъ, нѣтъ до этого никакого дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ барабанный бой заглушилъ голосъ митрополита. Послышались угрозы, что въ него будутъ стрѣлять, и такимъ образомъ онъ и сопровождавшія его лица принуждены были удалиться.

Скопище бунтовщиковъ, бывшее на площади, по глазомѣру Гётце, могло состоять изъ 1,500—2,000 человѣкъ. Они стояли у зданія сената, не предпринимая ничего рѣшительнаго.

Вечеромъ Гётце пошелъ къ своему пріятелю, полковнику Ребиндеру, жившему въ главномъ штабѣ, и увидѣлъ, что весь дворецъ былъ окруженъ войсками, стоявшими на бивуакахъ около небольшихъ зажженныхъ костровъ.

На слѣдующій день утромъ, Гётце отправился снова на мѣсто вчерашнихъ событій. Хотя полиція уже прибрала трупы убитыхъ, но онъ между колоннами сенатскаго зданія увидѣлъ трупъ молодого человѣка изъ простонародья. Убитый, по всей вѣроятности, пришелъ на площадь изъ любопытства, желая посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Снѣгъ на пространствѣ площади между сенатомъ и памятникомъ Петра Великаго былъ во многихъ мѣстахъ покрытъ кровяными пятнами. Такія же пятна попадались и далѣе. Всѣ стекла въ нижнихъ этажахъ сенатскаго зданія, а также и сосѣдняго съ нимъ дома, стоявшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится синодъ, были забрызганы кровью и залѣплены мозгами, а на стѣнахъ виднѣлись слѣды ударявшейся въ нихъ картечи.

Число людей, погибшихъ въ день 14-го декабря, никогда не было приведено въ извѣстность.

XVII

Воспоминаніе объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. — Сравненіе его съ Александромъ I. — Измѣнчивость Александра и постоянство Николая. — Разсказъ Канкрина о докладахъ. — Выборъ государственныхъ людей. — Послѣдніе годы жизни Голицына. — Полученныя имъ отличія. — Слѣпота Голицына. — Его смерть.

Въ слѣдующей главѣ Гётце разсказываетъ о привезеніи въ Петербургъ и о постановкѣ въ Казанскомъ соборѣ тѣла императора Александра Павловича. Въ этой печальной процессіи участвовалъ и онъ самъ, одѣтый по тогдашнему церемоніалу, въ черный суконный плащъ поверхъ мундира и съ черной широкополой шляпой на головѣ.

Затѣмъ, Гётце сооообщаетъ о судѣ и приговорѣ надъ декабристами, но все это не представляетъ ничего такого, на чемъ бы можно было остановиться, какъ на какихъ нибудь еще неизвѣстныхъ въ нашей печати подробностяхъ. То же самое слѣдуетъ замѣтить и относительно разсказа Гётце о дальнѣйшей судьбѣ Аракчеева.

Послѣдняя глава въ книгѣ Гётце посвящена воспоминанію объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Воспоминанія эти могутъ имѣть нѣкоторое историческое значеніе, какъ лица, вращавшагося въ ту пору въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Онъ,—какъ, впрочемъ, это дѣлаютъ и всѣ знавшіе болѣе или менѣе императора Николая Павловича,—отдаетъ справедливость его прямодушію и твердости характера, но признаётъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что царствованіе его было для Россіи тяжелою порою.

Сравнивая личныя свойства императора Александра Павловича съ такими же свойствами его брата и преемника, Гётце, между прочимъ, говоритъ:

«Александръ I былъ довольно непостояненъ въ своихъ личныхъ отношеніяхъ. На благосклонность его нельзя было твердо полагаться. Люди, которымъ онъ оказывалъ свое особенное расположеніе, или которые удостоились его горячей дружбы и которые, казалось, были достойны оказываемаго имъ высокаго отличія, неожиданно лишались его прежняго вниманія и утрачивали его дружбу. Только безсердечный Аракчеевъ, а отчасти и другъ дѣтства государя, князь Го-

лицынъ, составляли исключенie. Вполнѣ повредить Голицыну не могъ даже Аракчеевъ, не смотря на всѣ свои интриги. Совершенно инымъ былъ императоръ Николай Павловичъ, у него не было ни одного любимца, который имѣлъ бы такое влiянie, какое имѣлъ Аракчеевъ. Кромѣ того, если кто либо заслужилъ однажды его милостивое вниманie, тотъ могъ разсчитывать на его благоволенie до тѣхъ поръ, пока не лишался его по своей собственной винѣ».

Относительно разницы въ порядкѣ, соблюдавшемся при докладахъ какъ тому, такъ и другому государю, Канкринъ, министръ финансовъ, разсказывалъ Гётце, что къ императору Александру Павловичу онъ, Канкринъ, долженъ былъ не только являться въ полномъ мундирѣ, но и не снимать во время доклада перчатокъ. Александръ Павловичъ приказывалъ, чтобы докладчикъ читалъ ему бумаги вслухъ. Онъ былъ глуховатъ и скрывалъ этотъ недостатокъ, и поэтому ему нравился громкiй голосъ Канкрина и его рѣзкiй нѣмецкiй выговоръ, такъ какъ при этихъ условiяхъ императоръ могъ разслышать каждое слово. Что же касается императора Николая, то онъ обыкновенно бралъ отъ докладчика бумагу и самъ громко читалъ ее.

Императоръ Николай Павловичъ не обращалъ особеннаго вниманiя на способности и знанiя главныхъ государственныхъ дѣятелей, но старался выбирать ихъ изъ людей справедливыхъ.

Къ хорошимъ качествамъ императора Николая Гётце относитъ и сознанie имъ своихъ ошибокъ. Были случаи, когда онъ, убѣдившись въ безполезности или неудобствѣ своихъ повелѣнiй, говорилъ: «я самъ виноватъ».

Остается теперь сказать нѣсколько словъ о князѣ Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ, котораго Гётце избралъ главнымъ предметомъ своихъ воспоминанiй, но который слишкомъ заслоненъ въ его книгѣ другими лицами и разными событiями, не относящимися прямо или даже вовсе не относящимися къ Голицыну. Разумѣется, что отъ такой полноты и разнообразiя воспоминанiя Гётце не только ничего не теряютъ, но прiобрѣтаютъ еще болѣе, какъ общiй разсказъ о томъ времени, въ которое жилъ авторъ.

Съ воцаренiемъ Николая Павловича, Голицынъ нисколько не утратилъ своего прежняго положенiя ни въ правитель-

ственной средѣ, ни при дворѣ. Новый государь относился къ нему съ величайшимъ довѣріемъ и, въ короткое время, возвелъ его на высшую степень государственной службы, отличивъ его большими наградами. Въ іюнѣ 1826 года, Голицынъ получилъ владимірскую, а спустя два мѣсяца андреевскую ленты. Въ 1828 году, ему пожалованы были брилліантовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, потомъ портретъ государя, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса и званіе канцлера россійскихъ орденовъ. Съ 1839 по 1841 годъ Голицынъ предсѣдательствовалъ въ общихъ собраніяхъ государственнаго совѣта. Король прусскій пожаловалъ ему высшій знакъ отличія—орденъ Чернаго орла.

Когда государь и государыня уѣзжали изъ Петербурга, то попеченіе о своемъ семействѣ они передавали Голицыну. Еще маленькіе въ ту пору великіе князья и великія княжны были очень послушны передъ Голицынымъ и называли его «дяденькой.

Несомнѣнно, что Голицынъ имѣлъ извѣстную долю вліянія на государственныя дѣла, но въ то же время онъ не искалъ для себя обширной административной дѣятельности и довольствовался относительно скромною должностью главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ, дававшею ему право присутствовать въ комитетѣ министровъ. Кромѣ того, въ душѣ онъ былъ недоволенъ многими тогдашними порядками, но, какъ ловкій и понаторѣлый царедворецъ, не обнаруживалъ своихъ мнѣній.

Доживъ до семидесяти лѣтъ, онъ началъ поговаривать о необходимости оставить службу и провести остатокъ жизни на свободѣ и на отдыхѣ. Многіе, знавшіе нравъ и привычки Голицына, сомнѣвались, однако, въ искренности такого намѣренія. Но Голицынъ испросилъ себѣ отставку и, 13-го іюня 1843 года, уѣхалъ въ купленное имъ на южномъ берегу Крыма имѣніе Гаспра-Александрія. При отъѣздѣ онъ былъ полуслѣпой и въ Москвѣ ослѣпъ окончательно, но осенью того же года извѣстный въ ту пору профессоръ кіевскаго университета Караваевъ, посредствомъ искусной операціи, возвратилъ ему потерянное зрѣніе.

Голицынъ умеръ 22-го ноября 1844 года въ Гаспрѣ.

Евгенний Петровнч Карновнч (1823—1885) — пнсатель, нсторнк, нздатель. Пронсходнл нз малороссннйскнх дворян (прадед его даже получнл графскнй тнтул от нмператора Петра III, но ннкто нз Карновнчей этнм тнтулом ннкогда не пользовался). Перу Е. П. Карновнча прннадлежат кннгн: «Замечательные богатства частных лнц в Росснн» (1874), «Любовь н корона» (нсторнческнй роман нз времен Анны Иоанновны, 1879), «Мальтнйскне рыцарн в Росснн» (1880), «Родовые прозванья н тнтулы» (1886) н др. Кннгн Е. П. Карновнча встречалн горячнй ннтерес не только его современннков. Некоторые нз пронзведеннй отечественных пнсателей-нсторнков более позднего временн обнаружнвают явное знакомство нх авторов с нсторнческнмн сюжетамн, разработанными Е. П. Карновнчем в его кннгах...

Зак. 502. Тир. 100 000 экз. Цена 12 руб.

Отпечатано в типографии им. Володарского Лениздата, 191023, Ле-
нинград, Фонтанка, 57, с готовых диапозитивов.

Е. П. Карнович

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ И ЗАГАДОЧНЫЕ ЛИЧНОСТИ

XVIII и XIX столетий

ББК 84.Р1
К 21

К $\frac{4702010201-056}{090-90}$ без объявл.

СП «СМАРТ»,
190000, Ленинград,
Адмиралтейский пр., д. 8/1

12 руб.